

Причерноморье в средние века.

Выпуск 1. К XVIII международному конгрессу
византинистов. (полный).

Выпуск 3 (отдельные статьи)

Содержание:

(номера страниц указаны по файлу)

Причерноморье в средние века. Выпуск 1. К XVIII международному конгрессу византинистов. М., издательство МГУ, 1991 г. (полный).

С. П. Карпов. Предисловие. [4]

Н. М. Богданова. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города. [6]

О. Р. Бородин. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод {16-го и 17-го писем), комментарий). [171]

С. П. Карпов. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. [189]

Р. М. Шукуров. Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. [215]
Список сокращений.

Причерноморье в средние века. Выпуск 3. СПб., 1998 г. (отдельные статьи)

С. В. Близинок. Кошелек и жизнь генуэзцев в Константинополе и Адрианополе в середине XV в. [254]

А. А. Талызина. Типология и эволюция формуляра документов по истории навигации «галей линии» в Венеции. [273]

Р. М. Шукуров, Д. А. Коробейников. Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223—1230 гг. (загадка текста Иоанна Лазаропула). [287]

А. Л. Пономарев. Денежный рынок Трапезундской империи XIII—XV вв. [310]

А. А. Талызина. Рецензия на книгу: Stöckly D. Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe — milieu XVe siècle), Leiden, New York, Köln, 1995. P. 435. [349]

ББК 63.3(0)4(4)
П77

*Рецензенты: доктор исторических наук Ю. М. Сапрыкин,
доктор исторических наук Г. А. Федоров-Давыдов*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

П77 Причерноморье в средние века/Под ред. С. П. Карпова.—
М.: Изд-во МГУ, 1991. — 256 с.
ISBN 5—211—01357—3

Коллективная монография — комплексное, междисциплинарное исследование проблем истории Причерноморья как одного из важных экономических, политических и культурных регионов периода развитого средневековья.

Центральное место занимает изучение истории Херсона в X—XV вв.: рассмотрены вопросы эволюции ремесла, занятости горожан, определены направления, характер и структура международной торговли; выделены этапы в развитии городского управления и городских движений; охарактеризованы социальная структура, этнический состав населения Херсона.

Для византинистов, востоковедов, медиевистов, археологов, искусствоведов и читателей, интересующихся историей Византии и Причерноморья.

П 0503020200—038 32—91
077(02)—91

ББК 63.3(0)4(4)

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Зав. редакцией **Н. М. Сидорова**
Редактор **В. В. Михеева**
Художественный редактор **А. Л. Прокошев**
Художник **П. Н. Филиппов**
Технический редактор **О. В. Андреева**
Корректоры **Л. А. Костылева, Т. С. Милякова**

ИБ № 3965

Сдано в набор 26.11.90	Подписано в печать 12.05.91		
Формат 60×90/16	Бумага тип. № 2	Гарнитура литературная.	
Высокая печать.	Усл. печ. л. 16,0	Уч.-изд. л. 20,57	
Тираж 2350 экз.	Заказ 387.	Изд. № 1404	Цена 4 р. 30 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета,
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

ISBN 5—211—01357—3

© Коллектив авторов, 1991 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (С. П. Карпов)	6
Н. М. Богданова	
Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города	8
Введение	8
Очерк историографии	10
Обзор источников	20
Часть I. Экономическое развитие Херсона	23
Глава 1. Ремесленное производство	23
Глава 2. Сельскохозяйственные занятия и промыслы	46
Глава 3. Торговля	54
Часть II. Городское управление, состав населения Херсона	87
Глава 1. Городское управление	87
Глава 2. Социальная структура	103
Глава 3. Этнический состав населения	110
Глава 4. Городские движения	116
Заключение	121
Примечания	125
Таблицы	157
Библиографический указатель	164
О. Р. Бородин	
Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий)	173
С. П. Карпов	
Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в.	191
Р. М. Шукуров	
Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в.	217
Список сокращений	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времен античности и в течение всего средневековья Причерноморский регион был перекрестком мировых цивилизаций, где одни народы смеяли другие, где велась оживленная международная торговля, где волнами прокатывались полчища грозных завоевателей. Войны и разрушения, политическая и экономическая нестабильность часто нарушали веками складывавшуюся систему обмена товарами, производственным опытом, культурными ценностями. И все же с разной степенью интенсивности, но постоянно в развитии Причерноморского региона прослеживаются 3 экономико-географические константы: его связь со средиземноморским миром; тесные взаимоотношения между Севером и Югом; постоянный контакт развитых городских центров побережья с кочевой и полукочевой периферией. Все это побуждает рассматривать Причерноморье как единый регион, хотя его области входили в состав различных государственных образований и играли разную роль в их истории.

Византия вплоть до XII в. стремилась превратить Черное море в свое внутреннее море, контролируя проливы, владея южным и частью юго-западного побережья, системой опорных пунктов в Крыму и на Западном Кавказе. После падения Константинополя под ударами крестоносцев в 1204 г. в регионе усиливается политическая раздробленность; вся ситуация существенно меняется с образованием могущественной монголо-татарской державы, изменением в XIII в. торговых путей. Два крупных порта Черноморья — Трапезунд и Каффа (Феодосия) — становятся узловыми пунктами торговли между Западом и Востоком. В системе товарообмена между крупнейшими итальянскими торговыми республиками — Генуей и Венецией, Золотой Ордой, русскими землями все большую роль играет фактория Тана (Азов) в устье Дона. Внедрение итальянских купцов на рынки закрытого для них прежде Черного моря привело к созданию целой системы генуэзских и венецианских колоний и поселений на всем побережье Понтийского моря, называемого теперь итальянцами *Mare Maius*, *Mar Maggiore* (Великое море). Османские завоевания существенно ограничили, но не уничтожили вовсе интенсивно развивавшуюся в XIII—XV вв. международную и внутрорегиональную торговлю.

Интерес к истории Причерноморья значительно возрос в последние годы во многих странах. Ряд крупных международных конференций на эту тему был проведен в Болгарии, Англии, Румынии, Италии¹. Не случайно, что одна из основных тем XVIII Международного конгресса византинистов в Москве — «Византия и страны Причерноморья в XIII—XV вв.».

Однако изучение средневековой истории Причерноморья сопряжено с большими трудностями. Оно требует анализа весьма многочисленных археологических и письменных источников (последних — на многих языках) и, возможно только на междисциплинарной основе. Значительные резервы имеются

¹ Например, Международный симпозиум «*Bulgaria Pontica Medii Aevi*» в Несебре, четыре сессии которого были проведены с 1979 по 1988 г. Труды I и II симпозиума опубликованы: *Byzantino-bulgarica*. Sofia, 1981. Т. 7: *Bulgaria Pontica Medii Aevi*, I (Nessèbre, 23—26 mai 1979); *Bulgaria Pontica Medii Aevi*, II (Nessèbre, 26—30 mai 1982). Sofia, 1988. В 1975 г. в Бухаресте был проведен международный colloquio «Генуэзцы на Черном море в XIII и XIV вв.». Издание трудов: *Colloquio Romeno-Italiano «I Genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII e XIV»*. București, 1977. В Бирмингеме состоялся международный симпозиум «Византийское Черное море». Публикация трудов: АП. 1979. Т. 35.

в привлечении архивных материалов. Огромный и мало исследованный до сих пор комплекс документов по истории Причерноморья XIII—XV вв. хранится в собраниях государственных архивов Генуи и Венеции; отдельные находки были сделаны и в советских собраниях. Для проведения систематического исследования и публикации этих материалов, создания базы данных источников, координации научных изысканий в указанной области при кафедре истории средних веков МГУ организована научно-исследовательская лаборатория по изучению Причерноморья и Византии в средние века. Данное издание является первым итогом работы лаборатории и первым выпуском серии трудов «Причерноморье в средние века». В выпусках указанной серии планируется прежде всего вводить в научный оборот новые источники, значительно расширяющие наши представления об историческом развитии Причерноморского региона, публиковать исследовательские монографии и проблемные статьи.

В исследовании Н. М. Богдановой о средневековом Херсоне как центре ремесленного производства и торговли использован широкий круг письменных источников, отчеты об археологических раскопках, проводившихся в Херсоне на протяжении многих десятилетий, уделено особое внимание структуре населения этого крупнейшего, вплоть до XIII в., города Крыма, его управлению, городским движениям. Судьбы Херсона показаны в сопоставлении с другими византийскими провинциальными городами. Для такого сопоставления выдвигаются четкие экономические и социальные критерии. Тем самым делается дальнейший шаг к уяснению типологических особенностей развития византийских приморских центров X—XV вв.

О. Р. Бородин издает комментированный перевод двух писем римского папы Мартина I, сосланного как противника господствующего в Византии учения монофелитов в 655 г. в Херсон, где он скончался от болезни и голода спустя несколько месяцев. Ни разу не издававшиеся полностью в русском переводе письма папы Мартина I не только освещают драматический эпизод в отношениях римской церкви с Константинополем, но и содержат ценную информацию о положении Крыма в VII в., в частности о нехватке там продовольствия, о ввозе из Фракии и, возможно, Южного Причерноморья (притом в недостаточном количестве) в Херсон зерна, оливкового масла, вина и об экспорте из Крыма в Византию соли. Пройдет несколько веков, и ситуация изменится: в XIII—XV вв. Крым станет крупным экспортером зерна в Южное Причерноморье и даже в Италию. Но главная роль в вывозе зерна будет принадлежать уже генуэзской колонии Каффе.

Далее публикуется ряд архивных латинских источников, относящихся к истории венецианской фактории Тана в XIV в., проливающих свет на историю работоторговли, экономическое положение города и особенности коммерческой деятельности в нем итальянского купечества.

Трапезундская империя была одним из государств, возникших в 1204 г. в процессе децентрализации Византии. Это государство в XIII—XV вв. играло значительную роль в международной жизни региона. Истории взаимоотношений империи с различными тюркскими эмиратами Малой Азии посвящена статья Р. М. Шукурова. В основу работы положен большой комплекс восточных и греческих источников, впервые привлекаемых с такой полнотой.

Таким образом, в книге прослеживается история Северного и Южного Причерноморья в их тесной взаимосвязи на основе новых источников и комплексного исследования материала.

ХЕРСОН В X—XV вв. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА

Введение

Становление средневекового города в результате отделения «промышленного и торгового труда от труда земледельческого»¹ знаменовало наступление качественно нового этапа в разделении труда и, следовательно, в прогрессивном развитии производительных сил феодального общества. Феодализм не реализовывал полностью своих возможностей там, где города не получили значительного развития, поэтому без глубокого осмысления места и роли городов в средневековье невозможно и плодотворное изучение феодальной общественно-экономической формации в целом. Уяснение роли городов в системе социально-экономических отношений феодального общества является ключевым моментом для разработки типологии феодализма. Особенности развития средневековых городов в значительной мере предопределяли специфику исторической эволюции того или иного региона. Интересен в этом отношении вывод К. Маркса о том, что один и тот же экономический базис «может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»². Поэтому задачей теоретико-методологического и практического значения является конкретное и системное исследование истории городов различных районов мира. Регионально-стадиальный подход к изучению средневековых городов позволяет выделить общее и особенное в их развитии, а анализ конкретного материала создает возможность для проведения типологических наблюдений. Для истории Византии — крупнейшего государства средневековья — проблема городов приобретает особое значение: преемственность городской жизни со времен античности, многообразие типов и многочисленность городов, особенности их социальной структуры и производственных отношений — все это в немалой степени определило саму модель византийского феодализма³. Необходимо, однако, учитывать, что в разных областях Византии развитие городов отличалось своеобразием. Их изучение в региональном аспекте еще только начинается⁴.

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена истории Херсона — одного из крупнейших городов Северного Причерноморья — за период с X в., который считается «апогеем» развития средневекового Херсона⁵, до середины XV в., когда встречаются последние упоминания о нем как о центре городской жизни. В мо-

нографии предпринята попытка исследовать проблемы социально-экономического и политического развития города и выделить то общее, что сближает Херсон с другими провинциальными центрами Византии, и то особенное, что может быть использовано для типологизации городов Крыма.

Выбор Херсона как предмета такого исследования не случаен. Во-первых, как и во многих других византийских центрах, здесь прослеживается эволюция городской жизни на протяжении длительного периода — почти двух тысяч лет (с конца V в. до н. э. до середины XV в.). В течении всей истории Херсон был тесно связан и экономически и политически с основными центрами греческой культуры. В византийскую эпоху он входил в состав империи, являлся крупным административным пунктом Византийского государства, что, в частности, в IX—XI вв. — в период существования фемного строя — проявилось в превращении его в центр одноименной фемы. Известно, что с захватом Константинополя крестоносцами в 1204 г. Византия как единое государство распалась. Несмотря на отвоевание столицы в 1261 г., крушение Латинской империи, территория восстановленной Византийской державы резко сократилась, и многие области, к числу которых относятся и причерноморские районы, не вошли в ее состав. В связи с этим возникает вопрос: можем ли мы рассматривать Херсон XIII — середины XV в. как византийский город? Изучение истории Херсона этого времени позволяет дать утвердительный ответ, прежде всего потому, что, невзирая на все потрясения политического и экономического характера, происшедшие в Причерноморье в XIII—XV вв., в Херсоне были сохранены многие традиции византийской культуры, эволюционировали основные тенденции социально-экономического и политического развития, сложившиеся здесь в предшествующий период. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что в XIII в. Херсон вошел в состав Трапезундской империи, явившейся преемницей многих институтов империи Византийской. Кроме того, как и значительное число других византийских городов, Херсон во второй половине XIII — середине XV в. оказался в сфере влияния итальянских предпринимателей, когда, по определению К. Маркса, генуэзцы «почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря»⁶. Поэтому представляет большой интерес изучение особенностей воздействия торгово-предпринимательской деятельности итальянцев в Северном Причерноморье на развитие Херсона.

Таким образом, обращение к истории Херсона позволяет рассматривать проблемы развития городов причерноморского региона византийского мира в их единстве и разнообразии, что является частью общей проблемы типологии развития феодализма в Византии.

Во-вторых, при общей фрагментарности сведений письменных источников о провинциальных городах важное значение имеет археологическое изучение византийских центров. В этом отношении Херсон занимает исключительное место, так как его городи-

ше, сравнительно мало застроенное в прошлом столетии, доступно для археологического изучения целого комплекса городских кварталов, а не отдельных участков, как в других византийских городах. Это позволяет не только реконструировать топографию, но и обратиться к исследованию многих сторон жизни горожан, прежде всего хозяйственной, о которой часто совсем умалчивают письменные источники. На основании исследования археологических материалов можно существенно дополнить наши сведения о византийском провинциальном городе, а порою и проверить представления, составленные по нарративным источникам.

В-третьих, обращение к истории Херсона имеет особый интерес потому, что он является крупнейшим византийским городом, расположенным на территории нашей страны. Кроме того, в X—XV вв. Херсон поддерживал тесные экономические, политические и культурные связи с Русью и народами, населявшими различные районы Северного Причерноморья, и поэтому изучение его истории способно пролить свет на прошлое нашей Родины.

В соответствии с поставленной целью задачами настоящей работы являются: изучение экономического развития Херсона — различных отраслей ремесленного производства, сельскохозяйственных и промысловых занятий населения, внутригородского товарообмена, торговых отношений города и его округа; определение основных направлений, структуры и характера международной торговли Херсона; характеристика городского управления, социальной структуры и этнического состава населения, основных этапов городских движений⁷.

Автор выражает искреннюю признательность С. П. Карпову, Г. Л. Курбатову, Г. Г. Литаврину, О. Р. Бородину, С. А. Беляеву, П. И. Жаворонкову, А. И. Романчук, всем сотрудникам кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ, которые ознакомились с рукописью монографии и сделали ценные замечания.

Очерк историографии

Историография XVI—XVII вв.

Первые опыты освоения источников по истории Херсона X—XV вв. относятся к XVI в., когда в западноевропейской историографии становится особым сюжетом исследований история тюркских народов, в том числе и татар¹. В XVI—XVII вв. сведения о Татарии, куда включали и Крымский полуостров, в большинстве случаев содержались в сочинениях, посвященных истории Польско-Литовского государства, его борьбы с татарами (как, например, у Мартина Кромера, Блеза де Виженера, Александра Гваньина, Матвея Стрыйковского, Гийома Боплана в «Анналах Польши», «Всеобщей космографии» Себастьяна Мюнстера, у Адама Олеария)²; или в специальных исследованиях по истории татар, при-

надлежащих перу Михаила Литвина, Мартина Броневского, Эмидио Дортелли д'Асколи³.

Для выявления источников, которые использовали названные писатели, важно проследить, как они именуют сам город: средневековое название — Херсон — встречается, например, у Гийома Боппана (Cherbonne), а Александр Гваньини и Дортелли д'Асколи используют «латинизированную» форму этого имени (т. е. встречающуюся в латинских источниках XIII—XV вв.) — Cersona (Chersona)⁴. Примечательно, что два последних писателя, в частности, сообщают о ссылках в Херсон папы Климента и папы Мартина I, о чем сохранились многочисленные упоминания именно в латинских источниках XIII—XV вв., причем описание Дортелли д'Асколи весьма сходно со сведениями из сочинения Гийома Рубрука⁵. Михаил Литвин и Мартин Броневский называют город Корсунем, т. е. именем, встречающимся в русских летописях (Броневский прямо на них ссылается), при этом оба автора пересказывают повествование о взятии города князем Владимиром, его крещении и женитьбе на царевне Анне. Очевидно, что летопись была источником и Мартина Кромера для описания осады города князем Владимиром. Сведения Кромера использует Адам Олеарий, но тем не менее он называет Херсон древним именем Херсонес⁶. Обращаясь к истории Крыма, писатели XVI—XVII вв. использовали и сочинения древних авторов (так, Мартин Броневский одним из своих источников называет Страбона), и, возможно, именно поэтому в историографии закрепляется название Херсона античного периода — Херсонес Таврический, которое часто обозначало не сам город, но Крымский полуостров⁷. Большое значение при описании прошлого Херсона имели также и личные наблюдения, составленные во время путешествий в Крым: одни из самых знаменитых описаний впечатляющих развалин города содержатся в сочинениях Эвлии Челеби и Мартина Броневского⁸.

Весьма распространенной в историографии XVI—XVII вв. была и легенда о захвате Херсона и даже его разрушении во второй половине XIV в. польско-литовскими войсками, которая, однако, не подтверждается источниками, современными этим событиям⁹.

Таким образом, в XVI—XVII вв. начинается освоение письменных источников по истории Херсона с древнейших времен. Для периода X—XV вв. использовались сведения русских летописей; очевидны также заимствования из других источников, однако пока не удается установить, из каких именно. Сочинения авторов XVI—XVII вв. привлекались для исследований и в более позднее время, в частности, по вопросу о разграблении города литовцами.

Историография XVIII в.

В XVIII в. Российской Академией наук была поставлена задача создания «Истории Российской», которая должна была быть историей политического, этнического и хозяйственного развития

всех входивших в состав России областей, в том числе и районов Северного Причерноморья. Со второй половины XVIII в. начинается исследование античных, византийских и скандинавских источников по истории Руси, для чего Академией наук был приглашен немецкий историк и филолог Г. З. Байер¹⁰. Работая над «Географией Российской из Константина Порфирородного», он впервые привлек сочинения «О фемах» и «Об управлении империей» для описания Таврики. Г. З. Байер пересказывает сообщения Константина Багрянородного, понимая под Херсоном (Херсонесом) не имя города, но название Крымского полуострова: «владели же хазары, — пишет он, — токмо внутренним Херсонесом (т. е. Крымом)». А «херсонцами» (т. е. жителями города Херсона у Константина Багрянородного) Г. З. Байер обобщенно называет все население Таврики: «соляные варницы пристан Херсонцов (Крымцов) были» — и далее везде употребляет только слово «крымцы»¹¹.

В 70-е годы XVIII в. И. Штриттером был издан пятитомный свод эксцерптов византийских источников с IV по середину XV в.¹² Сведения о Херсоне И. Штриттер выписал из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» (о союзе печенегов с Херсоном и об опосредованной через кочевников торговле «корсунцев с Россией»), а из хроники Иоанна Зонары — о посольстве «некоего Калокира, сына Корсунского князя», к Святославу. Упоминает И. Штриттер и сообщение Георгия Кедрина о походе «Сфенга в Хазарскую землю» и пленении «князя Георгия Цулы», которое, конечно, автор не мог связывать с историей Херсона¹³. И. Штриттер, в отличие от Г. З. Байера, понимает под Херсоном именно город в Таврике, причем совершенно справедливо отождествляет его с Корсунем русских летописей¹⁴. В «Истории Российского государства» И. Штриттер использовал и летописные свидетельства: о том, что император Роман «был уведомлен корсунцами и болгарам об Игоревом страшном вооружении»; приводит рассказ об осаде Корсуня в 988 г. князем Владимиром и о восстании жителей Херсона против катепана в 60-е годы XI в.¹⁵

Кроме Г. З. Байера и И. Штриттера историографы России при описании событий, связанных с Херсоном, не привлекая свидетельства греческих источников, опирались на два летописных сообщения: о договоре князя Игоря с Византией и о походе князя Владимира на Корсунь в 988 г. Эти сведения приводят А. И. Маниев, Г. Ф. Миллер, М. М. Щербатов¹⁶. В. Н. Татищев также сообщает о волнениях в Херсоне в 1066 г. и, кроме того, о послании императора Михаила Дуки к князю Святославу с просьбой о помощи «на болгар и корсунян». Однако источник этих сведений В. Н. Татищева до сих пор остается неизвестным¹⁷.

Зарубежная историография XVIII в. продолжает традицию XVI—XVII вв.: появляются обзорные сочинения по истории Таврического полуострова, как, например, «История Крыма» Франческо Беккати¹⁸ и др., но наиболее подробные и обстоятельные исследования по-прежнему принадлежат перу польских авторов —

Адаму Нарушевичу и Станиславу Сестренцевичу-Богушу¹⁹. А. Нарушевич привлекает трактат Константина Багрянородного «О народах» для рассказа о строительстве крепости Саркел и назначении первого стратига Петроны в Херсон, ссылается на Георгия Кедрина при описании похода Сфенга в 1016 г. Автор использует также летописные сообщения о договоре с Византией князя Игоря и походе князя Владимира на Корсунь. Опираясь на Михаила Литвина и Матвея Стрыйковского, А. Нарушевич повествует о разграблении Херсона литовцами при Ольгерде²⁰.

К сведениям о Херсоне, приведенным А. Нарушевичем, С. Сестренцевич-Богуш добавляет сообщение Анны Комнины о пребывании в городе Лже-Диогеновича и со ссылкой на Тунмана пересказывает послание папы Иоанна XXII от 1333 г. относительно основания в Херсоне католического собора²¹.

Важное значение для изучения церковной истории Херсона имело исследование Мишеля Лекэна, в котором он приводит перечень херсонских православных епископов и митрополитов, в частности, основываясь на греческих документальных источниках, опубликованных Львом Алляцием. Для истории католического епископства в Херсоне М. Лекэн привлекает послание папы Иоанна XXII по изданию Ч. Барония — О. Райнальда²².

Итак, в XVIII в. опубликованные греческие и латинские нарративные и документальные источники привлекаются (в большей степени в зарубежной историографии) для изучения истории районов Северного Причерноморья, и в том числе Херсона.

Историография XIX — начала XX в.

XIX век ознаменовал собой начало нового этапа в изучении истории Крыма русскими исследователями, что, в частности, было обусловлено возросшим вниманием к присоединенным после русско-турецких войн областям России, имевшим давнюю историческую и культурную традицию. С 20-х годов проводятся археологические работы на юге России. В 1839 г. было основано Одесское Общество Истории и Древностей, с 1844 по 1919 г. регулярно выпускавшее свои «Записки»²³, которое сыграло важную роль в изучении районов Причерноморья. Первые раскопки в Херсоне были проведены в 1827 г. офицером Черноморского флота Н. Крузе, затем они возобновлялись отдельными лицами, а с 1876 г. к исследованию Херсона приступило Одесское Общество Истории и Древностей. С 1887 по 1917 г. археологические работы осуществлялись Археологической комиссией. В течение 18 лет (1890—1907) ими руководил К. К. Косцюшко-Валюжинич, по праву считающийся создателем Херсонесского историко-археологического музея, в 1908 г. раскопки возглавил Р. Х. Лепер²⁴. Начинается публикация отчетов о произведенных археологических изысканиях²⁵. Характеризуя дореволюционный период раскопок Херсона, А. И. Романчук писала, что это было время «интенсивного накоп-

ления материала», «но поздневизантийский Херсонес, как и город более раннего времени, рассматривался прежде всего как оборонительный центр и центр идеологии, раскапывались в основном культовые памятники и крепостные сооружения. В отчетах имеются свидетельства относительно расположения ремесленных мастерских, торговых помещений, но они очень незначительны, дома жителей города описаны суммарно. Следует отметить, что общий уровень методики раскопок был чрезвычайно низким, как правило, отсутствовали фиксации находок, увязка их с раскапываемыми комплексами. В большей степени это проявилось в отношении жилых усадеб, в меньшей — в отношении культовых комплексов»²⁶.

В отличие от предшествующего периода изучения истории Херсона, в сочинениях XIX — начала XX в. начинается освоение нового типа источников — полученных в ходе раскопок археологических материалов, особенно в работах П. И. Кеппена, А. Л. Бертье-Делагарда и др.²⁷ Появляются и исследования, посвященные изучению херсоно-византийских монет и печатей Херсона (Б. В. Кене, И. И. Толстого, А. В. Орешникова, В. Н. Юргевича)²⁸.

В то же время продолжается издание общих работ по истории Крыма с древнейших времен (П. И. Кеппена, В. Х. Кондараки, Д. М. Струкова, Ф. К. Бруна, Ю. А. Кулаковского)²⁹ и сочинений, посвященных специально Херсонесу (В. Аркаса, С. П. Шестакова, Е. Э. Иванова)³⁰. Большинство этих исследований было построено по принципу, который встречается еще у А. Нарушевича и С. Сестренцевича-Богуша: авторы в хронологическом порядке приводят свидетельства письменных источников, как правило, без их критического анализа, т. е. выяснения достоверности сообщаемых ими сведений, сравнения свидетельств различных источников и т. д. Такое («критическое») отношение к источникам из вышеназванных авторов можно видеть в некоторых работах Ф. К. Бруна (например, в одной из них по вопросу о походах литовских князей в Крым)³¹.

Другая группа исследований объединяет труды, в которых не предпринималась попытка собрать все известные сведения источников по истории Херсона, но изучался лишь один или несколько из них. Большинство этих работ было посвящено проблемам русско-византийских и русско-болгарских отношений, отдельным вопросам истории Крыма и т. д., но не специально истории Херсона (сочинения основоположников русской школы византистов В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, а также работы А. А. Куника, В. Р. Розена, Ю. А. Кулаковского, Н. Д. Знойко, А. Л. Бертье-Делагарда и др.)³². Эти исследования основаны на внимательном изучении текстов источников, сопоставлении их с другими современными им свидетельствами и т. п. Так, например, В. Г. Васильевский, рассматривая сообщение Льва Диакона о захвате Херсона князем Владимиром, привлекает сведения летописей и восточных писателей³³, а Н. Д. Знойко разбирает изве-

ствия о посольстве сына херсонского протевона Калокира в Киев, сопоставляя сообщения Георгия Кедрина, Иоанна Зонары, Льва Диакона и летописных сказаний³⁴. И хотя не со всеми выводами этих авторов можно согласиться³⁵, тем не менее именно в их работах мы встречаемся с научным критическим отношением к исследованию сообщений источников. В то же время они привлекают сравнительно мало изученные в то время сведения по истории Херсона, как, например, известия Иоанна Лазаропула, послание епископа Феодора, «Видение Василия Нового», акты Константинопольского патриархата³⁶.

Значительное внимание к источникам по истории Херсона конца X в. было привлечено в связи с 900-летием крещения князя Владимира, принятым им, по летописным данным, в Корсуни в 988 г. Появляется большое количество работ (от отдельных упоминаний и статей до многотомных сочинений по истории христианства в Крыму), лишенных, однако, тех научных принципов критики источников, которые отличали, например, работы В. Г. Васильевского³⁷.

Сведения о Херсоне приводятся также в общих трудах по истории России Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, они основываются преимущественно на свидетельствах русских летописей³⁸.

Важное значение имели публикации византийских письменных источников. В 1819 г. К. Газе опубликовал «Историю» Льва Диакона, в приложение к которой была издана так называемая «Записка готского топарха», и уже на следующий год появляется русский перевод, выполненный Д. Поповым³⁹. Большую роль также сыграло издание Боннского корпуса византийских писателей, «Патрологии» Ж. Минем, актов Константинопольского патриархата Ф. Миклошичем и И. Мюллером⁴⁰ и т. п., многие из которых были переведены⁴¹ и привлекались русскими исследователями для изучения истории Таврики. В рассматриваемый период начинается публикация «Полного собрания русских летописей», издается и изучается славянская житийная и историческая литература, в которой сохранилось немало сведений о Херсоне⁴². Осваивается также фонд восточных источников по истории Крыма: следует особо отметить исследования в этой области А. Я. Гаркави, Н. А. Караулова, В. Р. Розена, В. Г. Тизенгаузена, А. Ю. Якубовского и др.⁴³

В зарубежной историографии XIX — начала XX в. нет специальных исследований, посвященных Херсону X—XV вв. Отметим лишь общие работы по истории черноморской торговли и Крыма Э. де Ла Примоде, В. Гейда, М. Канале, В. Томашека⁴⁴, а также некоторые упоминания о Херсоне в связи с изучением истории Болгарии, Трапезунда, византийской сигиллографии и нумизматики и других вопросов (например, работы Я. Фалльмерайера, К. Иречека, Ф. де Сольси, Ж. Сабатье, Г. Шлюмберже)⁴⁵.

Таким образом, к началу XX в. было собрано большое количество сведений письменных источников по истории Херсона; на

основе публикаций и изучения материалов источников разрабатывались научные принципы их исторического исследования и методика сравнительно-критического анализа данных. В XIX — начале XX в. активно велось археологическое изучение городища Херсона, отдельные находки привлекались для исследования политической и церковной истории Херсона, его взаимоотношений с соседними народами и т. д.

Историография 1917—1988 гг.

В 20-е годы XX столетия изучение рассматриваемой темы продолжалось в традиционном русле русского византиноведения. В работе А. А. Васильева «Готы в Крыму» в хронологическом порядке были рассмотрены сведения нарративных и документальных источников, освещающих историю Херсона X—XV вв. в связи с историей Юго-Западного Крыма в целом⁴⁶. В 1929 г. вышла в свет книга Ф. И. Успенского «Очерки истории Трапезундской империи», в которой было исследовано известие Иоанна Лазаропула как источник по истории херсоно-трапезундских отношений в начале XIII в.⁴⁷ По инициативе Ф. И. Успенского была создана Комиссия по изучению сочинений Константина Багрянородного с целью извлечения данных по истории русско-византийских связей, сведений о Руси, Причерноморье, Кавказе, Балканах⁴⁸. В 1934 г. был издан перевод трактата «Об управлении государством», выполненный Н. М. Малицким и В. В. Латышевым⁴⁹.

Современный период характеризуется утверждением марксистских принципов методики и методологии исторических исследований в советской науке и науке ряда других стран в области истории феодальной России и византиноведения⁵⁰.

В советское время начался и новый этап археологического изучения Херсонесского городища: систематического и планомерного исследования памятников организованного на его территории музея-заповедника. Отличительной особенностью раскопок является последовательное изучение построек городских кварталов как культурного характера, так и усадеб, при этом значительное внимание уделяется фиксации массовых находок, составлению стратиграфических планов, систематизации керамики и пр. За эти годы были раскопаны средневековые слои на многих участках города в северной, северо-восточной частях (под руководством Г. Д. Белова), у южных крепостных стен (экспедиция Государственного Исторического музея), а также в портовом районе, где работы велись с 1963 г. силами Объединенной экспедиции (Херсонесский музей, УрГУ, ХГУ и др.) и пр.⁵¹ Основными задачами, которые стоят сегодня перед экспедициями, работающими в Херсоне, являются «установление детальной стратиграфии городища, отражающей всю многовековую жизнь города; уточнение времени основания и гибели города, а также выявление основных построек и строительных периодов; увязка стратиграфии городища с обо-

ронительными сооружениями, выяснение вопросов роста территории города; уточнение времени бытования массового археологического материала»⁵². Исключительно важное значение имеет анализ находок костей животных, рыб, птиц, культурных растений, антропологическое изучение костных остатков погребений, который, к сожалению, проводился до сих пор не систематически; результаты этих исследований опубликованы частично⁵³. А ведь этот материал мог бы предоставить ценнейшую информацию о промыслах, сельскохозяйственных занятиях населения, демографических процессах, происходивших в Херсоне X—XV вв. Если сравнительно много сделано для изучения керамического материала из раскопок Херсона⁵⁴, то еще предстоит провести значительные исследования по классификации обнаруженных в ходе многих десятилетий раскопок находок средневековых орудий труда, изделий из камня, предметов культа, украшений и т. д. Начало такой систематизации представляет работа А. И. Романчук «Изделия из кости в средневековом Херсоне», которая выполнена на материалах преимущественно из раскопок портового квартала⁵⁵. Затрудняет пока использование археологического материала также и то, что большое количество отчетов еще не опубликовано.

Очень важно, что в советской историографии результаты археологических раскопок привлекались для изучения различных вопросов истории Херсона в X—XV вв. Среди них назовем работы Г. Д. Белова «К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса», А. Л. Якобсона «Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры», «Средневековый Херсонес XII—XIV вв.», А. И. Романчук «Материалы к истории Херсона XIV—XV вв.»⁵⁶, в которых рассмотрены некоторые проблемы социально-экономического развития города, имущественных отличий горожан, их быта, особенностей культовых и хозяйственных сооружений, городской застройки и др. Определенный вклад в изучение социальной структуры, городского управления и других вопросов внесли работы специалистов по нумизматике и сфрагистике, среди которых особо отметим книгу В. А. Анохина «Монетное дело Херсона», статьи и публикации монетных находок Л. Н. Беловой-Кудь и А. М. Гилевич и, конечно же, монографию И. В. Соколовой «Монеты и печати византийского Херсона», где приведены основные результаты ее многолетних исследований (И. В. Соколовой, в частности, был обоснован очень важный вывод о том, что монетный двор Херсона закончил свои выпуски не в конце X в., но более двух столетий спустя⁵⁷).

Отдельные находки из раскопок Херсона X—XV вв. были внимательно проанализированы в трудах А. В. Банк, В. Н. Залеской, В. П. Даркевича, Л. Г. Колесниковой, Г. Д. Белова, Н. В. Пятшевой и других, исследования которых имеют большое значение для изучения искусства средневекового Херсона, системы торговых и культурных связей города с другими народами и районами империи и пр.⁵⁸.

Новый этап в использовании археологического материала для

изучения истории Херсона открывает опубликованная в 1986 г. книга А. И. Романчук «Херсонес XII—XIV вв. Историческая топография»⁵⁹. Источниковедческой особенностью ее является то, что здесь впервые использован комплекс данных отчетов о раскопках практически всех вскрытых на территории городища кварталов, в то время как уже существующее исследование топографии Херсона (монография А. Л. Якобсона «Средневековый Херсонес XII—XIV вв.») было основано на изучении материалов из раскопок всего нескольких кварталов в северной и северо-восточной частях города⁶⁰. А. И. Романчук не только представила планы и дала описания отдельных районов, но, обращаясь к изучению городской топографии, она ставила своей задачей «рассмотрение некоторых аспектов социального развития, имущественных отношений среди горожан, формирования внутригородской застройки и реконструкции усадеб поздневизантийского времени»⁶¹. Автор пришла к выводу, что в Херсоне «сохранили свое значение и некоторые из правил, регулировавших застройку в раннесредневековых городах, что было характерно и для других территорий Византии. Значительно удаленный от центральных районов, город развивался по тем же законам, которые были действительны для балканских центров»⁶². Представляют также интерес наблюдения А. И. Романчук о численности населения Херсона в поздневизантийское время. Они продолжают исследования в этой области, проведенные А. Л. Якобсоном, который считал, что в Херсоне XII—XIII вв. проживало около 5—6 тысяч человек⁶³. Однако А. И. Романчук присоединяется к мнению Г. Г. Литаврина о том, что подсчеты А. Л. Якобсона были основаны на несколько завышенном определении численности семьи⁶⁴, и, проведя новое исследование имеющегося материала, заключает, что «число жителей города должно было составлять 3600—5000 человек». Эти данные позволяют отнести средневековый Херсон к числу городов, которые средневековые авторы характеризуют как «большой», «имевший много жителей»⁶⁵. Таким образом, новая книга о Херсоне расширяет ареал исследований по топографии византийских городов, которые получили развитие в зарубежной историографии особенно в последнее время (работы Х. Бураса, К. Фосса, Э. Криесиса и др.)⁶⁶.

Необходимо отметить, что одним из критериев типологии городов иногда называют их градостроительный облик⁶⁷, топография же, безусловно, является важной его частью. Подробное исследование топографии раскопанной части городища Херсона в книге А. И. Романчук, а также сравнительно большое внимание, уделяемое в отчетах и работах археологов вопросам строительной техники, внешнего и внутреннего облика городских сооружений, и, наконец, ограниченный объем настоящей работы дают нам основание не останавливаться специально на рассмотрении истории строительного дела в Херсоне, которое представляет собой тему специального исследования.

К истории Херсона рассматриваемого периода обращались многие советские исследователи, затрагивающие в своих работах вопросы взаимоотношений Древней Руси и Византии (М. В. Левченко, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, В. Т. Пашуто, Д. Л. Талис, О. М. Рапов и др.), которые использовали в основном сообщения русских летописей и некоторые свидетельства греческих источников (Константина Багрянородного, Льва Диакона и др.)⁶⁸. Некоторые сведения о хозяйственной и политической жизни Херсона привлекались в общих трудах, посвященных разным проблемам истории Византии (работы П. И. Жаворонкова, А. П. Каждана, Г. Л. Курбатова, Г. Г. Литаврина, Р. А. Наследовой и др.)⁶⁹.

В зарубежной историографии 1917—1988 гг. нет специальных исследований по истории Херсона X—XV вв.⁷⁰, хотя отдельные упоминания о городе можно найти в комментариях к изданию регест патриарших актов⁷¹, в Просопографическом словаре времени Палеологов⁷², в исследованиях по истории черноморской торговли⁷³, генуэзской и венецианской Романии⁷⁴, русско-византийских отношений⁷⁵, византийской нумизматики и сфрагистики⁷⁶, а также в работах, посвященных деятельности католических миссионеров на Востоке⁷⁷.

Остановимся также на вопросе об изданиях интересующих нас источников в рассматриваемый период. В до- и послевоенное время осуществляются публикации сочинений византийских авторов, в том числе Константина Багрянородного, Иоанна Скилицы, Анны Комнины, Лаоника Халкокондила, Сильвестра Сиропула и др.⁷⁸ В последние годы вышли новые переводы «Алексиады» и трактата «Об управлении империей»⁷⁹. Разрабатывается новый вид источниковедческих сводок: Ф. Дэльгер начинает с 1924 г. издание регест императорских постановлений, писем, посольств⁸⁰; В. Грюмель, В. Лоран и Ж. Даррузес составляют регесты актов Константинопольского патриархата⁸¹. Вышло в свет полное издание другого вида церковных документов — так называемых *Notitiae episcopatum*⁸², а также писем патриарха Николая Мистика⁸³. Важное значение для изучения деятельности католических миссионеров на Востоке, в том числе и в Крыму, имели публикации А. Тауту⁸⁴ и др. Продолжается издание и исследование памятников древнерусской литературы — летописей, агиографических и исторических сочинений⁸⁵. Значительный интерес для истории Крыма представляют также публикации и комментированные переводы восточных авторов: Ибн-Биби, Идриси, а также еврейско-хазарской переписки X в. и собранных еще В. Г. Тизенгаузеном эксерптов из сочинений персидских писателей и др.⁸⁶

Таким образом, краткий очерк историографии свидетельствует о том, что история Херсона X—XV вв. привлекает внимание исследователей уже много десятилетий. Но, как правило, они обращались к изучению отдельных проблем или типов источников, и до сих пор специально не рассматривался весь комплекс опубликованных письменных и археологических источников для изуче-

ния истории города в целом, его места в типологии византийских провинциальных центров. И хотя такое монографическое исследование отсутствует, настоящая работа была бы невозможна без специального изучения различных аспектов истории Херсона, а также особенностей эволюции византийских городов.

Обзор источников

В настоящее время, когда на первый план выдвигается задача систематического изучения древнейших источников по истории нашей страны¹, когда постоянно появляются новые публикации письменных источников и накоплен богатый археологический материал, первоочередной проблемой является системное источниковедческое и историческое освоение всего фонда источников по истории средневекового Херсона².

Поскольку в работе использовано значительное число различных источников и мы не располагаем каким-либо определенным, единым их комплексом (материал фрагментарен и рассеян в большом количестве публикаций), приведем лишь суммарную классификацию и характеристику основных типов источников.

Прежде всего это многочисленные свидетельства нарративных источников. К ним относятся сочинения *византийских хронистов* X—XII вв.: Симеона Логофета, Продолжателя Феофана, Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары, Льва Грамматика³; *византийские исторические произведения*: «История в X книгах» Льва Диякона, освещающая события второй половины X в. (приблизительно 959—991 гг.)⁴, «Алексиада» Анны Комнины, посвященная истории 1069—1118 гг.⁵, «Ромейская история» Никифора Григоры, которая охватывает период с 1204 по 1359 г.⁶, «История» Лаоника Халкокондила, повествующая о событиях 1298—1453 гг.⁷ Среди источников этой группы особо важное значение для изучения торговых связей Херсона, городской топографии, внешнеполитических отношений и пр. имеют сведения древнейшего *русского летописного свода* — «Повести временных лет», как полагают, составленной около 1113 г. (точные указания на года начинаются в ней с 852 г.). Это произведение дошло до нас в составе позднейших летописных сводов, старшими из которых являются летописи: Лаврентьевская (1377 г.), Ипатьевская (20-е годы XV в.), Новгородская первая летопись старшего извода (списка XIII—XIV вв.)⁸. Были использованы также и сообщения других летописных сводов⁹.

В монографии рассматриваются сведения памятников *древнерусской эпической литературы* — «Слова о полку Игореве», возникновение которого относится к концу XII в., «Задонщины» (начало XV в.) и др.¹⁰

В работе использована *агиографическая литература*: греческая — «Видение Василия Нового» (X в.)¹¹, «Житие и описание чудес св. Евгения», составленное Иоанном Лазаропулом в период

1340—1364 гг.¹²; и славянская — жития Владимира (конец XI в.)¹³, Антония Римлянина (начало XII в.), сказания о первых черноризцах печерских в составе Киево-Печерского патерика (относящиеся приблизительно к середине XIII в.) и о перенесении Николина образа из Корсуня в рязанские земли (XIII в.) и др.¹⁴

К исследованию была привлечена *эпистолярная литература*: греческая — письма патриарха Николая Мистика (901—907, 912—925); митрополита навпактского (Лепанто) Иоанна Апокавка, относящиеся ко времени 1218—1228 гг., так называемое «Аланское послание» никейского епископа Феодора, написанное около 1225 г.¹⁵; латинская — письма папы Иоанна XXII (1317—1334)¹⁶; еврейская — переписка хазарского кагана Иосифа и придворного кордовского халифа Абдаррахмана III еврея Хасдая Ибн-Шафрута (середина X в.)¹⁷.

Очень важная информация по различным вопросам социально-экономической и политической истории Херсона X в. содержится в *трактате* византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей»¹⁸. В монографии рассматривались представляющие значительный интерес *записки западноевропейских путешественников* (например, Гийома Рубрука, совершившего поездку ко двору великого хана монголов в 1253—1255 г.; Иоганна Шильтбергера, описавшего свои путешествия по Европе, Азии и Африке в 1394—1427 гг.; Иосафата Барбаро, посетившего Тану в 1436—1452 гг.)¹⁹.

Из восточных источников были использованы *географические произведения* ал-Истахри и Ибн ал-Факиха (вторая половина IX—первая половина X в.), Идриси (1154 г.), Абульфеды (1321 г.)²⁰, *историческое сочинение* Ибн-Биби (конец XIII в.) и др.²¹

В группу рассмотренных *документальных источников* относятся книги финансовой отчетности (массарии) генуэзской колонии в Крыму — города Каффы за 1374 и 1380/81 гг.; инструкции Правления генуэзского Банка Св. Георгия магистратам Каффы (70-е годы XV в.), постановления венецианского Сената (конец XIV — начало XV в.)²².

В работе были рассмотрены и некоторые другие письменные источники, а также данные *средневековых карт и портуланов*²³.

Арабские, персидские, еврейские источники использовались в наиболее авторитетных переводах, все остальные — в оригиналах.

Значительный интерес для исследования вопросов экономического развития Херсона представляли археологические источники. В монографии были использованы публикации *археологических памятников* из раскопок Херсона, производившихся в период с 1930 по 1986 г. Привлекались сведения отчетов и публикации отдельных находок из раскопок дореволюционного времени в том случае, если их датировка в пределах X—XV вв. точно установ-

лена и не может быть подвергнута сомнению. Важное значение имели публикации нумизматического и эпиграфического материала, а также результатов антропологических исследований кра-ниологических серий из Херсона²⁴.

Многочисленные источники, использованные в монографии, неравномерно освещают разные аспекты ее темы, но рассмотрение их в комплексе позволяет обратиться к решению поставленных выше задач.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ХЕРСОНА

Глава 1. РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Изучение ремесленного производства в византийском провинциальном городе X—XV вв. имеет важное значение для оценки своеобразия византийского феодализма. Однако, пожалуй, это один из наименее исследованных вопросов, что связано с отсутствием таких традиционных для средневековой Западной Европы источников по истории ремесла, как, например, уставы цехов. Что же касается Херсона, то сведений о ремесле в рассматриваемый период в письменных источниках не сохранилось совсем, и поэтому только на основе археологических материалов можно исследовать эту существенную сторону экономической жизни города. Несмотря на обширный материал из раскопок Херсона, он никогда не был источником для системного изучения ремесленного производства как одного из критериев типологии византийских городов. Этот материал привлекался археологами для рассмотрения вопроса о производстве керамической тары, посуды, черепицы, следствием чего явилось составление нескольких вариантов их классификации. Кроме того, А. Л. Якобсон в одной из своих работ затронул проблему металлургического производства в Херсоне IX—X вв., что свелось к перечислению находок, свидетельствующих о связи ремесла с домашним хозяйством. Существует также ряд исследований, в которых детально рассматриваются отдельные находки из раскопок Херсона, что позволяет иногда судить и о развитии технологии, заимствованиях у ремесленников других стран и пр.

Привлекая к исследованию археологический материал, следует сделать несколько предварительных замечаний, относящихся и к другим разделам работы. Во-первых, известно, что Херсон существовал как город непрерывно в течение многих столетий, при этом в различные строительные периоды новые постройки возводились на месте прежних сооружений, часто вторично использовались строительные материалы, порою перекапывались слои, нивелировались поверхности, что, естественно, приводило к значительному обеднению не только собственно строительных остатков нижнего слоя, но и его инвентаря. Кроме того, поскольку Херсон как городской центр прекратил свое существование в огне пожара, вызванного неизвестным нам событием, а затем в течение нескольких веков стоял незастроенным (будучи сравнительно мало потревожен в прошлом столетии), то остались практически неприкосновенными целые комплексы жилых усадеб с их инвентарем, относящиеся к последнему строительному пе-

риоду, начало которого датируется приблизительно XII/XIII в. Поэтому имеющийся материал преимущественно и датируется одним хронологическим отрезком — приблизительно XII/XIII—XIV/XV вв. Он составляет основу наших археологических источников. Однако в ходе раскопок слоев X—XI/XII вв. были обнаружены строительные остатки и разнообразный инвентарь, хотя и в сравнительно меньшем количестве, чем для последующего периода. Тем не менее они представляли собой естественную выборку материала, и она с той или иной степенью полноты характеризует различные области хозяйственной жизни города. В связи с этим мы имеем возможность проследить основные тенденции эволюции производства на протяжении X—XV вв.

Во-вторых, при датировке рассматриваемого периода мы придерживаемся обозначения — X—XV вв. По поводу верхней границы указанного хронологического отрезка в используемых отчетах и литературе, основанной на данных археологических источников, существуют разногласия, на которых мы остановимся в соответствующих разделах работы¹. Здесь же отметим, что на конец XIV в. как на время прекращения городской жизни в Херсоне, условно принятого некоторыми исследователями, не указывают ни письменные источники, ни отдельные археологические материалы, которые датируют это событие приблизительно 50—60-ми годами XV в. Не мог же Херсон стоять в руинах более полстолетия при достаточно развитой административной, церковной системах, торговой деятельности?² Однако поскольку вопрос о конце городской жизни в Херсоне пока однозначно не решен, а фрагментарные сообщения источников не позволяют решительно и определенно отстаивать ту или иную точку зрения, мы, присоединяясь к мнению ряда исследователей о гибели Херсона как городского центра в середине XV в., не опровергаем другую датировку, но предлагаем при рассмотрении этого вопроса учитывать комплекс приводимых в нашей работе данных.

Производство и обработка металлов

В Херсоне X—XV вв. железо и цветные металлы широко использовались для производства орудий труда, предметов быта и культа, строительных деталей, оружия, скобяных и многих других изделий³. Вероятно, как и в античности, основным источником получения железа являлись болотные руды⁴, а цветные металлы (медь и свинец) экспортировались из Малой Азии⁵. Известно, например, что в XIV—XV вв. медь в слитках и брусках поступала в Крым из Синопа⁶.

В ходе археологических раскопок последних десятилетий в Херсоне открыты мастерские по обработке металлов⁷. Восстановление железа из руды происходило в специальных печах, количество которых варьировалось в разных мастерских. В качестве топлива при выплавке металла из руды использовался древесный

уголь, а в результате процесса образовывались шлак и крицы. Как и в древности, основными приемами металлообработки быликовка и литье, которое широко использовалось для изготовления предметов из цветных металлов. Найдены тигли различных размеров для плавки металлов⁸ и формы для отливки изделий (глиняные и каменные)⁹. При работе с железом и цветными металлами херсонские ремесленники часто применяли следующие методы: кузнечной сварки (в частности, для придания изделиям особой прочности)¹⁰, пайки (например, в случае соединения железа с цветными металлами)¹¹, насечки¹², клепки, штамповки, волочения проволоки, чеканки и др. Из числа орудий труда кузнецов в рассматриваемых отчетах названы кричные клещи, зубило, молот, токарный резец¹³. Найдены также заготовки из железа и свинца, куски листовой меди, из которой что-то вырезалось¹⁴. Херсонские кузнецы занимались выплавкой металла, его обработкой, изготовлением и починкой¹⁵ различных предметов, подковывали животных¹⁶.

Железоделательное производство нередко сочеталось с обработкой цветных металлов. Свидетельством этого являются часто встречаемые изделия из железа и цветных металлов — замки в бронзовой оправе, посуда из меди (бронзы) с железными ручками, бронзовая пряжка с железным язычком, весы, состоящие из бронзовых чашечек и железного стержня, и т. п.¹⁷ Весьма показательны также находки в мастерской северо-западного района, указывающие на производство в ней выплавки металла, обработки железа, меди и к тому же своего рода ювелирной работы — орнаментации оправы¹⁸.

Большое количество железных предметов, орудий металлообработки в жилых комплексах наряду с находками плавильных печей, криц, шлака, матриц свидетельствует о том, что производство и обработка металла не были жестко дифференцированы. Но, возможно, что не весь выплавлявшийся металл потреблялся в рамках одного производственного комплекса, а обрабатывался и в других мастерских: это, например, подтверждают находки заготовок для железных изделий в усадьбах, где нет свидетельств о выплавке металла¹⁹.

Приведенный выше материал со всей очевидностью доказывает *незавершенность внутриотраслевой дифференциации*. В то же время он указывает и на то, что в большинстве случаев *не было также разделения труда и в самом производственном процессе*: от начала до конца все выполнялось в одной мастерской.

Связь металлообработки с *домашним хозяйством* на материале Херсона была достаточно подробно освещена в работе А. Л. Якобсона²⁰. Здесь же отметим следующее: в домашних условиях осуществлялась обработка меди и свинца, плавка которых происходит в обычных печах и при более низких температурах, чем выплавка железа. В рассматриваемых нами усадьбах матрицы и тигли использовались для изготовления предметов рыболовного промысла (колец-грузил) и др., т. е. обработка металла служила

как бы вспомогательным, подсобным занятием. Показательно в этом отношении, что в одной из усадеб 22-го квартала, расположенной рядом с жилым комплексом, в состав которого входила кузница, была найдена матрица для отливки свинцовых грузил²¹. Значит, хозяин усадьбы не обращался в мастерскую, хотя примечательно, что там также отливались кольцевидные грузила, о чем свидетельствует находка матрицы²².

В конце 50-х годов А. Л. Якобсон отмечал, что найденные при раскопках Херсона изделия из металла «не увязываются с самими производственными ячейками — мастерскими»; это автор во многом объяснял тем, что в то время практически не было известно кузнечных мастерских²³. Четверть века раскапывали Херсон после этих наблюдений: накопился материал, а главное, были открыты производственные комплексы. Но, несмотря на это, характеристика археолога остается справедливой: металлические изделия «не увязываются» с определенными мастерскими, так как в производственных комплексах ни разу не найдена однотипная группа изделий из металла, которая бы со всей очевидностью доказывала их производство в данной мастерской. Напротив, ассортимент железных предметов (исключая находки криц и кусков металла) в помещениях усадеб, в состав которых входят кузницы, весьма разнообразен и, как правило, соответствует инвентарю жилого дома эпохи средневековья. Но есть ли здесь какое-либо несоответствие? Конечно, нет: анализ материалов из раскопок Херсона определенно свидетельствует о том, что местные кузнецы работали *на заказ*. Этим объясняется отсутствие «типовых» изделий в рамках одной мастерской и большое количество вариантов тех или иных металлических изделий, которые встречаются в ходе археологических раскопок²⁴.

Находки в упомянутой выше мастерской северо-западного района указывают на то, что в ней производились изделия на заказ: об этом определенно свидетельствует находка уникального предмета — то ли медальона, то ли оптического прибора из стекла и меди; и здесь же — плавильная печь, куски железа. Конечно, не следует абсолютизировать эти выводы и полагать, что любой херсонский кузнец мог изготовить все — от сошника до замка с хитрым устройством или ювелирного изделия. Разнообразный ассортимент и подчас сложность изделий из металла указывают на специализацию кузнецов по различным видам металлообработки, требующую от них сравнительно высокого профессионального умения, и при этом выполнявшим менее сложные работы²⁵. В то же время вполне вероятно, что херсонские кузнецы или во всяком случае часть из них обслуживали *рынок*. На это, очевидно, указывает массовое изготовление изделий, пользующихся повседневным и значительным спросом, как, например, гвоздей, скоб и пр., которые, кстати, и встречаются повсеместно.

Выплавка и обработка металлов производились в мастерских с неодинаковым количеством и размерами печей. Так, по времени синхронны комплекс с тремя горнами и мастерская в северо-за-

падном районе с остатками одной печи; в более позднее время встречаются кузницы как с одной, так и с двумя печами. Была разной и площадь самих производственных помещений²⁶. Следовательно, различалось и число людей, занятых в производственном процессе, т. е. в рамках одной мастерской работало неодинаковое число ремесленников, установить которое крайне трудно. Можно лишь с определенной долей вероятности предположить, что в прямой зависимости от размеров производства находилось имущественное положение ремесленников. Однако материалы публикаций отчетов по отдельным районам города не дают нам пока оснований для предположений о поквартальной имущественной дифференциации ремесленников.

Кузнечные мастерские Херсона входили в состав усадеб, хотя, как правило, располагались обособленно от других помещений. Значит, во-первых, мастерская совмещалась с жилыми и подвально-кладовыми помещениями. Во-вторых, производство металла было расположено и в северных и в южных кварталах города (примечательно, что крупные кузнечные мастерские находились и в портовом квартале — центре торгово-ремесленной жизни Херсона). Причем это наблюдается на протяжении всего рассматриваемого периода. «Везде, где найдены остатки бронзолитейных мастерских и кузниц, они были размещены... среди жилых кварталов, что объясняется, вероятно, большим значением этой отрасли ремесла, а также желанием приблизить мастерские к потребителям, поскольку обычно мастерская была одновременно и лавкой, где ремесленник сбывал свою продукцию»²⁷. Вполне подходящие слова к характеристике кузнечных мастерских X—XV вв., но написаны они по поводу металлообрабатывающего ремесла античных городов Северного Причерноморья (в том числе Херсонеса)! Все это не подтверждает тезис М. Я. Сюзюмова о том, что огнеопасное производство, в частности металлургическое, было расположено в пригородах византийских городов и корректирует мнение А. П. Каждана в отношении Херсона, где якобы традиции античной планировки обусловили размещение огнеопасного производства (что прослеживается на примере гончарного дела) в пригороде²⁸. Гончарные мастерские находились также в самом Херсоне (на этом мы специально остановимся в соответствующем разделе), но очевидно, что вопрос о взаимоотношении пригородного и городского ремесла нельзя рассматривать как их поотраслевое разделение (ряд ремесел в городе, ряд — в пригороде).

Материалы о производстве и обработке металла в Херсоне не дают оснований сделать какие-либо наблюдения об изменениях в технических приемах, организации и степени дифференциации производства в XIII—XIV/XV вв. по сравнению с X—XII вв.

Об обработке драгоценных металлов и камней в Херсоне X—XV вв. известно сравнительно немного. При раскопках были найдены украшения, предметы одежды и культа из золота, серебра и их сплава — электра: серьги, подвески, бляшки, медальоны, перстни, кресты²⁹. Однако открытым остается вопрос о том, являлись ли привозными сами эти изделия или лишь драгоценные металлы, которые обрабатывались на месте. Изучение только двух золотых украшений с перегородчатыми эмалями³⁰ дало возможность А. В. Банк предположить, что золотой медальон является продукцией константинопольских мастерских, а фрагмент серьги X в. «мог быть сделан и вне столицы империи»³¹, но в Херсоне ли?

Точно неизвестно, откуда ввозили драгоценные металлы в Херсон, хотя, как следует из сообщения Константина Багрянородного, в X в. в город регулярно поступало золото из имперской казны³². Что же касается серебра, то оно, вероятно, привозилось сюда из Малой Азии, торговые связи с которой были довольно тесными³³.

Из драгоценных камней херсонские ювелиры использовали сердолик для изготовления бус, подвесок, вставок, месторождения которого встречаются в Крыму, например, в районе Сердоликовой бухты на Кара-Даге³⁴. Единственная лазуритовая подвеска, скорее всего, не местного производства: подобные украшения связывают с амулетами, бытовавшими у кочевников X—XIV вв.³⁵

В Херсоне были найдены золотая серьга с двумя стеклянными шариками, имитирующими жемчужины, костяные изделия, инкрустированные серебром, сердоликовая подвеска в бронзовой оправе³⁶. Следовательно, обработка драгоценных металлов и камней в ряде случаев сочеталась с работами по кости, бронзе, стеклу.

Местные мастера владели техникой золочения. Нанесение позолоты на бронзовые и каменные иконы, стеклянные браслеты³⁷ требовало приготовления раствора из золота и ртути. В ходе раскопок 28-го квартала был обнаружен шаровидный глиняный сосуд с массивными стенками для хранения ртути, которую, очевидно, вывозили из Тавриза³⁸. В том же доме находились две иконы из бронзы и шифера XI—XII вв. очень хорошей тонкой работы, покрытые позолотой³⁹. Случайное ли это совпадение или в этой усадьбе жил мастер — «золотильщик»⁴⁰ — нам неизвестно. Херсонские ремесленники освоили и довольно сложную технику нанесения скани: при раскопках найден бронзовый крест местного производства с накладным орнаментом, выполненным сканью⁴¹.

Очевидно, дороговизна и небольшое количество драгоценных металлов, поступавших в Херсон, явились одной из причин того, что местные ювелиры использовали и особую, неизвестную в других византийских центрах технику: «на железной или бронзовой основе

укрепляется бронзовый, серебряный или золотой листок, на котором вычеканены те или иные изображения»⁴².

Широкое распространение в Херсоне художественных изделий из бронзы и меди, часто имитирующих сиро-египетские стеклянные лампы, византийские серебряные изделия и т. д., позволило А. В. Банк сделать вывод о том, что этот вид прикладного искусства развивался в самом Херсоне на основе местного ремесленного производства⁴³.

Гончарное ремесло

Керамическое производство было одним из самых развитых во все периоды истории Херсона⁴⁴. Из глины изготавливали тару (пифосы, амфоры), столовую и кухонную посуду, цедилки, фляжки, светильники, курильницы и прочие сосуды и бытовые предметы (крышки, жаровни); орудия труда (тигли, матрицы, гончарные круги, формочки, штампы, пряслица, грузила); предметы строительного дела (черепицу, кирпич, водопроводные трубы, архитектурные детали); игрушки и т. д. Мелкодробленая керамика составляла часть цемьянки, подсыпки, пр.⁴⁵ В окрестностях города известны залежи красных, желтых, белых и оливковых глин⁴⁶. Херсонские ремесленники чаще всего использовали глину красного цвета, самую распространенную в Крыму. Ранее считалось, что все белоглиняные изделия привозные, так как «белая глина в окрестностях Херсона неизвестна»⁴⁷. Однако это неверно: в районе рек Альмы и Черной и в других местах находятся залежи белой глины⁴⁸. Кроме того, приведенный вывод никак не согласуется с тем очевидным фактом, что большая группа изделий из местной красной глины от столовой посуды до тары и даже черепицы покрыта «ангобом, т. е. раствором белой глины»⁴⁹. Неоспоримым доказательством местного производства являются находки мастерских, брака, полуфабрикатов. И свидетельство такого рода есть в верхних слоях Херсона на участке портового квартала, где в помещении 38 усадьбы 7 обнаружено «очень много (свыше 30%)... белоглиняных сосудов, покрытых прозрачной поливой, интенсивно окрашенной в зеленый цвет. Это по большей части маленькие одноручные кувшинчики с узким горлом. Один из них сохранился почти полностью, отсутствует только ручка. Часть сосудов такого типа поливой не покрыта. Вероятно, это брак или полуфабрикаты»⁵⁰. Тезис о возможности местного изготовления белоглиняной глазурованной посуды и для периода IX—X вв. был выдвинут В. Н. Даниленко, который подтверждал его «массовостью находок, индивидуальностью сюжетов орнаментации по сравнению с другими центрами» и т. п.⁵¹ В свете приведенных наблюдений следует, вероятно, предположить, что в Херсоне белоглиняная посуда не была исключительно привозной, но частично изготавливалась на месте.

На территории города открыты гончарные мастерские. Количество, размеры и назначение печей в них различно⁵². Херсонские мастера пользовались ручными и ножными гончарными кругами (причем в рамках одной мастерской могли использоваться ручные круги и легкого и тяжелого типа)⁵³. Для нанесения орнамента употреблялись различные инструменты с тупым или острым рабочим краем, гребенчатые штампы в виде многорядной волны, а для раскраски использовались кисти⁵⁴. На некоторых предметах столовой посуды видны следы треножника, который при обжиге отделял поставленные друг на друга изделия для предохранения от порчи их лицевой поверхности⁵⁵.

Гончары Херсона в X—XV вв. владели всеми основными способами производства различных керамических сосудов и их художественного оформления. Они изготавливали большие и малые пифосы⁵⁶, несколько (порядка шести) типов амфор⁵⁷, разнообразные виды столовой и кухонной посуды: горшки, миски, чаши, кувшины, тарелки, блюда и пр., значительная часть которых покрывалась ангобом, поливой, орнаментировалась (врезной линией, рисунком в выемчатой технике, росписью красками, ангобом, марганцем и т. д.)⁵⁸. По справедливому заключению исследователей, изучение поливной керамики X—XV вв. свидетельствует о том, что херсонские ремесленники, испытывая влияние художественной культуры византийских центров и стран мусульманского и христианского Востока, сумели создать своеобразное искусство, в основе которого была глубоко коренящаяся местная традиция⁵⁹. Чрезвычайное многообразие гончарных изделий — от черепицы и кухонных сосудов до огромных пифосов, а также изготовление столовой посуды и блюдец, представляющих собой нередко высокохудожественные произведения искусства, безусловно, свидетельствуют о существовании *внутриотраслевой специализации в гончарном ремесле*. Однако следует отметить ее *определенную незавершенность*. Наличие в мастерских нескольких печей, различных по своим размерам, указывает на изготовление и разных типов продукции: как, например, черепицы и сосудов в комплексе с тремя печами. А в усадьбе 5 портового квартала, вероятно, изготавливали амфоры, кухонную и поливную столовую посуду. В одной мастерской, возможно, были произведены плоскодонные амфоры и столовая посуда, которые археологи обнаружили при раскопках портового квартала, на что указывает единство структуры их теста⁶⁰. На основании изучения неполивной керамики XII—XIII вв. (мисок, кувшинов, горшков, чашечек и кубков) портового квартала Л. П. Ивашута сделала вывод, что «почти все они имеют одинаковую структуру теста, общую с тестом плоскодонных ангобированных амфор. Это обстоятельство свидетельствует о смешанном характере гончарных мастерских, в которых изготавливались керамические изделия различных форм и размеров»⁶¹. Да это, видимо, и вполне закономерное явление: гончар мог изготовить любое изделие, не требующее специальных устройств (как, например, производство пифосов, черепицы) или

художественных навыков (для орнаментации особо украшенных блюд). Поэтому и внутриотраслевая специализация обуславливалась именно этими причинами, что мы уже отмечали и для металлургического производства.

Нет сведений о каком-либо разделении труда в самом производственном процессе, хотя стадильность его в рамках одной мастерской проследить можно, в частности, на примере разделения помещений в ряде комплексов на помещения, в которых осуществляли обжиг сосудов (т. е. там, где расположена печь), и помещения для обработки сырья (там, где находилось сооружение для замера глины).

Связь керамического производства с *домашним хозяйством* подтверждает и сравнительно немногочисленная лепная керамика, встречающаяся в слоях IX—X вв.⁶² А. Л. Якобсон весьма категорично писал: «Подчеркиваю: домашнего изготовления лепной посуды в верхнем, т. е. позднесредневековом, слое Херсона — не встречается совершенно. Вся посуда, которой пользовались херсонцы, покупалась ими у гончаров-ремесленников на *рынке*»⁶³. Однако это не совсем верно: лепную посуду находят и в поздних слоях, например, в помещении 5 квартала 25 обнаружен «край миски грубой лепной работы»⁶⁴. Другое дело, что такие находки скорее исключение, чем правило, и совершенно очевидно, что основная часть посуды покупалась на рынке. Но ведь гончарное производство не ограничивается изготовлением посуды: многие из других глиняных предметов могли быть сделаны в домашних условиях, в частности грузила или матрицы, в которых отливались свинцовые кольца в самих усадьбах, и т. п. Кроме того, в усадьбах же, очевидно, производился и ремонт керамических изделий⁶⁵. Так, нередко встречается глиняная посуда, как правило, поливные орнаментированные блюда и миски, скрепленные свинцовыми скобочками (или имеющие отверстия для подобного скрепления), которые вставлялись в специально просверленные для этого дырочки⁶⁶. Такие следы ремонта указывают на то, что эта посуда была дорогой, владельцы ценили ее, передавали из поколения в поколение, что подтверждают находки подобных изделий, стилистически относящихся к более раннему времени, в верхних слоях⁶⁷. Вместе с тем это еще один пример для доказательства того, что обработка цветных металлов (в данном случае изготовление скобочек) нередко имела подсобный характер. Подобный способ ремонта был распространен и в античное время⁶⁸. В домашних условиях ремонтировались также пифосы и в средневековье, трудоемкое производство которых было, вероятно, достаточно дорогим: в одной из поздних усадеб найден пифос, стоящий горлом вниз, оно «было замазано глиной, по-видимому, нижняя часть пифоса была разбита еще в древности»⁶⁹.

Открытие мастерских, находки многочисленных и разнообразных керамических изделий в Херсоне подтверждают выводы исследователей о том, что часть продукции изготавливалась на рынок, а часть — на заказ⁷⁰.

Важным показателем товарности продукции херсонских гончаров является *стандартизация* форм, техники производства определенных видов изделий: амфор⁷¹, столовой и кухонной посуды (поливной и неполивной)⁷², которые встречаются в различных частях города и за его пределами в массовом количестве, черепицы⁷³. Большое внимание в литературе уделялось товарному производству херсонской черепицы. Ее особенностью является наличие рельефных меток в виде букв, условных знаков, изображений человека и животных, которые были «обязательным атрибутом почти всех средневековых черепиц» Херсона⁷⁴. Метки соответствовали одной определенной матрице, в которой формовалась черепица. При этом следует учитывать, что каждая матрица использовалась многократно⁷⁵. На основе изучения херсонских меток исследователи полагают, что только в поздний период мастерских по изготовлению кровельной черепицы могло быть около 20⁷⁶, хотя эти подсчеты весьма условны, поскольку (как уже отмечалось) метка — это знак матрицы, который может обозначать и «время формовки той или иной партии черепицы»⁷⁷, а таких матриц у одного ремесленника могло быть несколько. Таким образом, наблюдения специалистов позволяют констатировать, что в Херсоне X—XV вв. производство кровельной черепицы (а также тары и посуды) носило товарный характер и что существовало одновременно несколько мастерских, продукцией которых пользовались жители разных кварталов города (это доказывает, например, разнообразие меток с кровли одного дома) и его окрестностей⁷⁸.

Некоторые основания для предположения об объединении самостоятельных ремесленников дают черепицы со сложными метками, т. е. состоящие «из основной метки в виде более или менее полного написания имени мастера и четырех дополнительных буквенных или условных меток»⁷⁹. Считается, что это свидетельствует о наличии в Херсоне «гончарных артелей по производству черепиц, подобно артелям, несомненно существовавшим в строительном деле»⁸⁰. Конечно, признавая возможным существование «артелей» по производству черепицы, не следует делать вывод о наличии элементов цеховой (корпоративной) организации этого ремесла (ведь известно, что кооперация ремесленников могла носить различный характер)⁸¹, есть основания говорить только о возможном производственном объединении мастеров.

Довольно часто на херсонских сосудах и блюдах встречаются метки⁸² в виде граффити, нанесенные после обжига. Анализ знаков на амфорах XII—XV вв. из портового квартала привел А. И. Романчук к заключению, что в большинстве случаев граффити — это хозяйственные пометы, обозначающие содержимое амфоры, его количество⁸³. Граффити встречаются не только на таре и «дорогой посуде», но и на обычных столовых и кухонных сосудах⁸⁴. По всей видимости, часто они являлись и знаками собственности, так как в одном и том же жилом комплексе встречается разнообразная посуда с одинаковой пометой⁸⁵.

Часть продукции херсонские мастера изготавливали *на заказ*. На это указывают метки (буквенные, именные, составляющие какую-то надпись), сделанные по сырой глине, т. е. до обжига. Эти пометы так же, как и граффити, делались не только на дорогих изделиях (тифосах, части поливной посуды)⁸⁶: известны надписи на обычных красноглиняных сосудах, чернолощенных кувшинах⁸⁷.

По данным публикаций отчетов нет возможности установить размеры гончарных мастерских и сравнить их. Однако (как и в кузнечном ремесле) количество печей и помещений в рамках одной мастерской различно — от одной до двух-трех, что позволяет предположить и существование имущественной дифференциации гончаров.

Мы уже останавливались на вопросе о расположении огнеопасного производства в Херсоне: как и мастерские по обработке металла, гончарные мастерские, во-первых, входили в состав жилых комплексов и, во-вторых, были расположены в самом городе, причем значительное число их находилось в портовом квартале⁸⁸. Поэтому вывод исследователей о том, что открытие гончарного комплекса в квартале 17 на северном берегу доказывает заброшенность этой части города в XI—XII вв., недостаточно обоснован⁸⁹. Конечно, вполне вероятно, что крупные гончарные мастерские могли располагаться на окраине, в пригороде, но это еще не означает, что их не было в самом городе. Приведенные сведения о местоположении гончарных мастерских свидетельствуют о том, что, как и в античности⁹⁰, определенная их часть находилась среди городских кварталов, причем не только особых и окраинных, но и в центре торгово-ремесленной жизни Херсона — портовом районе.

Заключая раздел о керамическом производстве, важно отметить следующее. В гончарном ремесле Херсона происходили изменения, связанные, например, с изготовлением различных типов амфор или стилистическими особенностями орнаментации керамики в IX—X, XI—XII, XIII—XV вв., но ни о каком упадке на этих этапах (в том числе и на последнем) не может быть и речи: на протяжении **всего** периода X—XV вв. керамическое производство Херсона отличало высокое качество, художественное мастерство и значительное разнообразие изготавливаемых изделий — от кирпича и орудий труда до подлинных произведений искусства.

Обработка кости

Жители Херсона широко использовали костяные изделия: орудия труда (иглы, прясла, наперстки, проколки и пр.); предметы быта (гребни, резные накладные пластины и др.), одежды (пуговицы, застешки, булавки) и вооружения (наконечники стрел, рукояти мечей и кинжалов и пр.). Из кости изготавливались украшения (бусы, перстни, подвески, шпильки и др.), письменные и игральные принадлежности (стили, кубики, шашки), музыкаль-

ные инструменты (флейты и свистки), предметы культа и многое другое⁹¹. В качестве материала для косторезного производства широко использовались кости крупных домашних животных, рог козы и оленя, а также раковины устриц⁹².

В слоях X—XV вв. археологи не обнаружили следов косторезных мастерских, если не считать остатки одной из них XIII—XIV вв., расположенной в районе античного театра⁹³. По данным каталога изделий из кости известно, что в ходе раскопок в дореволюционное и советское время в портовом квартале были найдены многочисленные заготовки (рукоятей, пуговиц, шпилек, кубиков, пластин, флейт, свистков и т. п.), датированных IX—XIV/XV вв.⁹⁴ Однако эти находки разрознены и имеющиеся сведения не позволяют увязать их с каким-либо комплексом: можно лишь предположить, что косторезные мастерские существовали в районе портового квартала. Поэтому основным источником для изучения уровня развития косторезного ремесла являются сами изделия из кости.

Находки поделок из «хорошо отбеленной кости»⁹⁵ свидетельствуют о том, что подготовка костей животных к обработке включала процесс длительного вываривания в щелоке. К орудиям труда херсонских косторезов относятся пилы, ножи, напильники, сверла-дрели, токарные станки, резцы и пр.⁹⁶, т. е. их инструментарий на протяжении всего периода X—XV вв. состоял из довольно полного набора приспособлений, необходимых для выполнения многих операций⁹⁷.

Ремесленники изготавливали из кости предметы самых разнообразных форм⁹⁸ и размеров⁹⁹, а также украшали многие костяные изделия, применяя различную технику резьбы. С помощью *гравировки* резцами, ножами, циркулями и подобными инструментами наносились изображения не только на накладные пластины, но и на украшения, стили, орудия труда и другие предметы. Одним из самых распространенных узоров был циркульный орнамент: гравированными кружочками украшены бусы, перстень, игральные кубики, пряслице, пластинки, рукояти, фишки, столбик шкатулки и т. д.¹⁰⁰ Не менее популярным был геометрический орнамент (линии, точки, крестики и т. п.): беглый тонкий штрих нанесен на костяную иглу, на одной из рукояток изображены крестики, рисунок пластин и других изделий часто включает элементы растительно-геометрического орнамента, точки, двойную или тройную извивающуюся ленту, а на фишках часто вырезались две пересекающиеся прямые, составлявшие основу рисунка, отрезки прямых, точки и пр.¹⁰¹ Известно и выполнение в технике гравировки схематичного изображения животного влево в сочетании с кружочками и растительными мотивами¹⁰².

Очень широко представлена *плоскорельефная резьба*, которую косторезы применяли в основном для украшения пластин. На них изображены хищные и фантастические животные и птицы: львы, пантеры, лани, грифоны, орлы, кентавры и др.¹⁰³ Иногда встречаются элементы растительного¹⁰⁴ и геометрического орнамента:

прекрасный образец последнего представляют пластины погребального покрова — рисунок их состоит из кружков, треугольников, квадратов и ромбов¹⁰⁵. Примечательно, что не встречаются изделия с изображениями святых, предметов культа, людей (если не считать упомянутую уже *привозную* пластинку из слоновой кости с изображением Св. Димитрия).

В резьбе по кости нашли отражение два направления византийского искусства: высших кругов византийской знати и народное. Первое представлено преимущественно изделиями из слоновой кости, на которых воспроизведены сцены религиозного содержания и античные прототипы. Второе — предметами из кости домашних животных, с несколько условными изображениями птиц и зверей: в них выражено больше непосредственности, влияния жизненных наблюдений¹⁰⁶. Этот вывод вполне применим к искусству херсонских косторезов X—XV вв.: действительно, рельефы из кости домашних животных иногда выполнены схематично, а влияние жизненных наблюдений выражается не только в передаче движений фантастических зверей, но и в изображении таких животных, которых видел сам резчик, как, например, рельеф петуха, явно навеянный бытовыми мотивами¹⁰⁷. Причем «количество изображений реальных животных сравнительно велико и, наоборот, относительно редко изображение фантастических»¹⁰⁸. Эти образцы народного по происхождению и светского по содержанию искусства, конечно, не всегда были достоянием малоимущих горожан. Многие рельефы представляют собой прекрасные образцы художественного ремесла — произведения искусства, сделанные рукой резчика-профессионала (пластины погребального покрова или ларца с изображением кентавров, грифонов, пантер, каких-то фантастических животных и др.)¹⁰⁹, которые, очевидно, отвечали вкусам херсонской знати и бытовали именно в этой среде наряду с изделиями из слоновой кости.

Предметы, выполненные в технике *объемной* (скульптурной) резьбы, единичны, причем их художественный уровень сравнительно низок. Один из подобных образцов представляет собой конец пластинки, который обработан «в виде грубо вырезанной головы животного, выступающей из плоскости», очевидно, змеи¹¹⁰. Этот же тип резьбы использовался и при изготовлении фигурных головок стилей¹¹¹. По данным публикаций неизвестны изделия, свидетельствующие о распространении в Херсоне X—XV вв. ажурной резьбы и в технике «напроем», которые в это время широко применялись на Руси¹¹². Часто херсонские мастера сочетали гравировку с плоскорельефной и объемной резьбой. Например, на упомянутой пластинке, один конец которой представляет собой голову змеи, выгравированы 12 кружочков и тройная извивающаяся лента, по-видимому, изображающая тело животного.

Считается, что византийское косторезное ремесло, называвшееся «таврской» или «русской» резьбой, испытало в XII в. воздействие русских мастеров¹¹³. Это влияние в большей степени должно было бы сказаться на работе косторезов Херсона: не только

из-за сравнительной территориальной близости, постоянных контактов города с Русью, но и в связи с существованием самих русских поселенцев в Херсоне¹¹⁴. И действительно, при раскопках неоднократно встречались костяные изделия, своеобразная техника орнаментации которых аналогична древнерусской¹¹⁵. Конечно, мы не можем исключить возможность привоза в Херсон всех или некоторых из поделок, имеющих аналоги с древнерусскими, однако вполне вероятно, что даже и в этом случае высококвалифицированные херсонские мастера видели эти предметы и наверняка могли многое позаимствовать. Поэтому предполагать влияние «таврской резьбы» на обработку кости в Херсоне позволяют не только и не столько находки изделий с подобными русским способами орнаментации, но и в целом техника резьбы и обработки кости, о которой говорилось выше, столь близкая приемам работы древнерусских мастеров¹¹⁶. Но безусловно, далеко не все заимствовали херсонские ремесленники: не использовали они, очевидно, технику ажурной резьбы, не обрабатывали в византийских городах и моржовую кость (ведь могли же ее привозить, как привозили слоновую кость из других стран), лишь изделиями из которой как диковинными восхищается византийский поэт Иоанн Цец¹¹⁷.

Однако в Херсоне встречаются предметы (пуговицы, игральные фишки) явно местного производства (в силу относительной многочисленности находок и обыденности их назначения), которые абсолютно аналогичны коринфским, причем на протяжении длительного периода X—XIV/XV вв.¹¹⁸ По мнению исследователей, «это обстоятельство свидетельствует о единых эстетических принципах, о распространенности «модных» вещей во всем византийском мире»¹¹⁹. К этому наблюдению следует добавить также и то, что, несмотря на политические изменения, происходившие в Византии и Черноморье в X—XV вв., Херсон продолжал поддерживать тесные связи с византийскими центрами, а местные мастера сохраняли и применяли в своей работе общие для греческого мира приемы обработки изделий из кости. При этом херсонские ремесленники создавали и самобытные изделия и орнаменты, в частности, в технике плоскорельефной резьбы.

Весьма широкий ассортимент поделок из кости и, главное, качественно разный уровень их исполнения в X—XV вв. свидетельствуют об одновременной работе нескольких мастерских. Однако у нас нет никаких данных для рассмотрения вопроса о специализации внутри косторезного ремесла и разделения труда между мастерскими в ходе самого производственного процесса, хотя в отношении последнего следует заметить, что существовавшая технология обработки кости предполагала выполнение **всех** операций в одной мастерской. Очевидно, обработка кости как процесс длительный и трудоемкий, включающий большое количество операций и саму резьбу, являлась *специализированной отраслью ремесла* и не была связана с домашним хозяйством.

Ответить на вопрос, работали ли херсонские косторезы на заказ или рынок, довольно сложно. Как свидетельствуют данные о находках в Херсоне изделий из кости¹²⁰, больше всего изготавливались резных пластин, нарядных пуговиц и рукоятей, которые, по всей видимости, должны были удовлетворять вкусы заказчика. И действительно, обработка кости — это в значительной степени художественная работа, даже если ремесленник изготавливает орудия труда, например иглу, на которую он наносит беглый штрих, хотя, конечно, разный уровень мастерства косторезов обуславливал и неодинаковое имущественное положение заказчиков. Возможно, что некоторые изделия, пользовавшиеся массовым спросом, — стили, фишки и др. — изготавливались и на рынок. Однако более конкретными данными о работе ремесленников-косторезов на заказ или рынок, об организации труда в этой отрасли ремесла мы не располагаем.

Обработка камня

Из определенных исследователями пород камня в Херсоне использовался известняк (мшанковый, ракушечник, мраморовидный); песчаник, шифер, кремь, гранит, стеатит, гипс, пемза. Перечень изделий из камня, найденных в Херсоне, включает орудия труда (жернова, терки, ступы, оселки, грузила, топоры, молоты, литейные матрицы, скребки и др.), предметы быта (корыта, крышки и пр.) и культа (иконы, кресты, церковную утварь, надгробия и пр.), оружие, якоря и многое другое¹²¹.

О процессах обработки камня и применяемых инструментах можно судить по находкам как изделий, так и самих орудий. Часто встречаются железные зубатки¹²² для обработки каменных поверхностей; тесла и долота¹²³ использовались для долбления разнообразных пазов, выемов, внутренних объемов в плитах, жерновах, ступах и иных предметах. Находки оселков и других изделий с углублениями и отверстиями¹²⁴, поделок с рельефными изображениями¹²⁵ свидетельствуют о применении буравчиков, сверл, резцов и подобных им инструментов. Использовались также молоты, топоры, пилы, кирки и т. д.¹²⁶ Каменным изделиям придавали разные формы: прямоугольные, цилиндрические, круглые, овальные и ромбические¹²⁷ и др. Размеры поделок из камня также неодинаковы¹²⁸.

Херсонские мастера не только обрабатывали камень, изготавливали различные предметы, но занимались художественной резьбой и производством механизмов. К последним относятся, в частности, ручные мельницы (описание находок жерновов позволяет представить их конструкцию). Мельница состояла из двух жерновов, в центре которых имелись отверстия. Для того чтобы при вращении жернова не смещались, в отверстие нижнего жернова вставляли ось, а верхнего — упорный подшипник, так называемую порхлицу, расположенную в нижней части отверстия вдоль

его диаметра, которая опиралась на ось нижнего жернова. При раскопках встречено осевое устройство из железа¹²⁹. В большинстве же случаев, вероятно, использовалось дерево, которое не сохранилось. Для приведения верхнего жернова в движение имелось специальное приспособление, находящееся в боковой части камня, о чем свидетельствуют расположенные здесь углубления¹³⁰. Это устройство ни в одном случае не сохранилось и, вероятно, было деревянным. Так как уже приведенные данные о конструкции херсонских ручных мельниц полностью соответствуют древнерусским, то можно предположить, что и другие детали их имели одинаковое устройство: верхний жернов плотно обхватывал тонкий деревянный обруч, к которому крепилась деревянная скоба. В нее входил длинный маховой стержень, верхний конец которого находился в отверстии, расположенном точно над центром жернова. Это отверстие делалось в брусce потолка помещения или специальной рамы, установленной над деревянным столом, на котором крепился нижний жернов¹³¹. Зерно засыпали в центральное отверстие верхнего жернова, имевшего диаметр около 9 см¹³²; для этого иногда делали специальные приспособления: воронкообразный верх¹³³, рельефный ободок¹³⁴, несколько радиальных бороздок¹³⁵.

Простейшими механизмами были и некоторые ступы. Рядом с ними находят столбы, плиты, являющиеся опорами для рычагов с пестом¹³⁶. Очень интересно описание одной ступы, найденной в 1933 г.: она представляет собой большую плиту 65×55×40 см с углублением в середине диаметром 21 см и глубиной 33 см. Из центрального углубления идет небольшое сквозное отверстие, расположенное горизонтально и выходящее наружу. «Плита служила, вероятно, ступой для размола зерна», — писал автор отчета¹³⁷. Однако устройство ступы скорее напоминает давяльный пресс для винограда: по сквозному отверстию должна была стекать жидкость, возможно, виноградный сок.

Особым видом обработки камня была художественная резьба. Изображения выполнялись в разной технике. *Врезным* орнаментом украшены плиты, на одной стороне которых «прочерчены кресты», мраморная плитка с крестом, выполненным врезными линиями¹³⁸ и т. п. *Рельефными* же изображениями украшались, например, каменные иконки¹³⁹ и др. Очевидно, в Херсоне существовало одновременно несколько мастерских, которые производили изделия из камня. На это указывают как многообразие самих поделок, так и разный уровень их исполнения: при описании находок исследователи часто отмечают, что некоторые из них имеют грубо обработанную поверхность, плохую резьбу, а другие, например, представляют собой предметы аккуратной работы с тонкой художественной резьбой¹⁴⁰.

Видимо, существовала и определенная специализация среди мастеров по обработке камня: в особую группу следует выделить строителей; тех, кто занимался художественной резьбой по камню; и, очевидно, ремесленников, изготовлявших жернова, корыта,

ступы и другие предметы. Мастерская, где занимались производством жерновов, а быть может, и ручных мельниц, открыта в одном из северных кварталов Херсона. В его помещениях было найдено несколько пар жерновов и 9 плит, по фактуре аналогичных жерновам, красноватого цвета с кварцевыми вкраплениями. «Плиты являлись несомненно запасным материалом для изготовления жерновов». В этом же доме найдены инструменты для обработки камня — железные зубатки и топор¹⁴¹. Б. А. Рыбаков называл древнерусских «жерносеков совершенно особой группой ремесленников»: «Их познания в механике, позволившие им преодолеть колоссальное сопротивление двух трущихся поверхностей и остроумно подвесить тяжелый «верховод» в центре тяжести на острие веретена, ставят жерносеков XII—XIII вв. в ряды квалифицированных и опытных мастеров»¹⁴².

Очень широкое применение камня в хозяйственной деятельности херсонитов позволяет предположить, что его обработкой иногда занимались и непрофессионалы, выполняя некоторые простые операции.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне развития обработки камня в Херсоне X—XV вв.: из различных его пород изготавливались многочисленные предметы, механизмы, художественные резные изделия.

Стеклоделие

Стеклоделие — одна из развитых отраслей производства Херсона в X—XV вв. Городские мастера изготавливали оконное стекло; часто — орнаментированные или выполненные из цветного стекла сосуды различных форм (флаконы, рюмки, бокалы, кубки, стаканы, лампы и пр.) и т. д. Очень распространены стеклянные украшения (бусы, подвески, вставки для перстней и др.), среди которых самыми многочисленными были стеклянные браслеты разнообразных форм и цветов (овальные, треугольные, многогранные, витые, черные, с золотыми полосами, др.)¹⁴³. Не приходится сомневаться в развитии именно местного производства стекла: на это указывает не только широкий ассортимент изделий, но и стеклянный брак, который, по свидетельству археологов, «не является редкой находкой в средневековых слоях»¹⁴⁴. Следы стекольного производства прослеживаются и в последний период жизни города: стеклянные шлаки, сплавы обнаружены в кварталах конца XIII — начала XV в. у южных крепостных стен Херсона¹⁴⁵. Однако мы не располагаем ни сведениями о раскопках на стекольных мастерских, ни подробными описаниями или публикациями изделий, ни данными химического анализа херсонского стекла. То, что известно о местном стекле, к сожалению, ограничивается попутными замечаниями: например, что стекло херсонских сосудов характеризуется светлым желтовато-зеленым цветом и большим количеством «мошки»¹⁴⁶. Это не позволяет

оценить уровень развития стеклоделия в городе: технологию и локальные особенности производства, состав стекла и т. п., а также выяснить, насколько значителен был импорт стеклянных изделий из метрополии: считается, что качество браслетов провинциальных мастерских уступало столичным (первые — покрыты толстой пленкой иризации, вторые — до сих пор сохранили блеск, цвет и прозрачность)¹⁴⁷.

Херсонские мастера копируют формы и способы украшения заморских стекольщиков. Из местного желтовато-зеленого стекла с большим количеством «свилей и мошки» сделаны флаконы с утолщением на горле (для отделения осадка при сцеживании) и стаканы с налестами в виде запятых и нитей. Ремесленник чересчур старательно копировал декор сирийских стаканов: его запятыя очень аккуратны, а нить слишком ровна¹⁴⁸. Сам факт имитации свидетельствует, во-первых, о заимствовании форм и приемов орнаментации херсонскими стеклодувами, а следовательно, о поиске этих новых форм и увеличении видов стеклянных сосудов местного производства. Во-вторых, изготовление копий указывает на существование спроса на такие, очевидно, дорогие изделия, полностью не удовлетворяемого за счет привоза: состоятельные горожане *заказывали* производство аналогичных предметов местным мастерам. Однако значительная часть продукции изготавливалась, по всей видимости, и *на рынок*. Об этом свидетельствуют и огромная популярность стеклянных браслетов, которые носили и взрослые и дети, причем по несколько штук одновременно¹⁴⁹, и широкое использование оконного стекла, и, что весьма показательное, отмечаемая исследователями **стандартизация** форм стеклянных сосудов, многие из которых, как правило, лишены декоративной обработки¹⁵⁰. Вероятно, такая посуда пользовалась спросом у представителей разных слоев горожан и была сравнительно дешевой, в то время как привозные изделия и их копии являлись достоянием богатых херсонитов.

Прядение и ткачество

Сведений о прядении и ткачестве почти нет, так как в археологических комплексах очень редко сохраняются ткани и дерево, из которого, очевидно, как и в древнерусских поселениях, изготавливался почти весь инструментарий прядильного и ткацкого дела¹⁵¹. Поэтому их развитие в Херсоне приходится изучать лишь на основании тех немногочисленных орудий труда, которые были сделаны из других материалов.

К ним прежде всего относятся железные гребни для чесания шерсти с длинными (более 7 см) частыми зубьями, вставленными в деревянную дощечку, которая в свою очередь заключена в железную оправу¹⁵². Примечательно, что похожие по форме древнерусские гребни изготавливались только из дерева¹⁵³. О развитии прядения свидетельствуют многочисленные пряслица из камня

(кремня, шифера), кости, глины (порой использовались и просверленные обломки керамики). Пряслица надевались на конец веретена и служили для усиления вращательного момента при скручивании нити. Они имели разнообразную форму (коническую, биконическую, сферическую, плоскую), иногда украшались вдавленным или циркульным орнаментом, рядами наколов¹⁵⁴. Различные размеры пряслиц и материал, из которого они изготовлены, не случайны, а обусловлены прядением тонких или тяжелых шерстяных нитей — так, для последних на Руси применяли «веретена более массивные, утяжеленные, вместо каменных или глиняных пряслиц на нижний конец стержня насаживали костяной цилиндр»¹⁵⁵. Интересна также находка бронзовых спиц¹⁵⁶ — возможно, именно тех, которые служили деталью крепления кудели пряжи к прялке.

Что же являлось сырьем для прядения в Херсоне? Как уже отмечалось, находки железных гребней свидетельствуют об обработке шерсти: жители Херсона разводили овец, кости которых в большом количестве встречаются при раскопках¹⁵⁷. Кроме того, по сообщению Константина Багрянородного, одним из основных предметов обмена Херсона с печенегами были «шкуры» (τῶν βυρσάρια)¹⁵⁸. Учитывая, что кочевники разводили овец¹⁵⁹, можно предположить, что в город поступала шерсть в ходе торгового обмена с печенегами. Помимо шерсти для прядения, вероятно, использовалась конопля. Это подтверждает находка пеньки¹⁶⁰ — прядильного волокна из конопли. Возможно, что пенька применялась не только в корабельном деле, но и для изготовления тканей, как в Древней Руси¹⁶¹. При раскопках одного из жилых домов портового района были обнаружены остатки обгоревшей льняной скатерти¹⁶². Быть может, в Херсоне обрабатывали лен, хотя других свидетельств в пользу этого суждения у нас пока нет. Если есть основания предполагать местное производство шерстяных и, вероятно, льняных тканей, пеньки, то в отношении шелковых, фрагменты которых найдены в погребениях, у нас нет никакой возможности определить их местное (на привозном сырье) или импортное происхождение¹⁶³.

Широкое распространение пряслиц, которые часто встречаются в жилых комплексах, свидетельствует о *домашнем характере прядения*.

Ничего не известно о развитии собственно ткачества, о том, представляло ли оно собой особый вид ремесленной деятельности или носило подсобный домашний характер. А. И. Романчук в одной из работ писала: «Вероятно, можно предполагать наличие ткацких мастерских на основании многочисленных находок пряслиц и грузов для ткацких вертикальных станков»¹⁶⁴. Однако в рассматриваемых нами отчетах ни разу не упоминаются грузы для ткацких станков. Примечательно, что среди материалов из раскопок древнерусских поселений исследователи не называют грузы для вертикальных ткацких станков, а найденные конструктивные элементы свидетельствуют о распространении на Руси с

конца XII — начала XIII в. горизонтальных ткацких станков (и в Западной Европе они появляются в конце XIII в.)¹⁶⁵. Чем же можно объяснить факт полного отсутствия при раскопках Херсона находок грузов вертикальных ткацких станков? Во-первых, тем, что это досадные пропуски публикаций отчетов. Однако такое предположение представляется маловероятным, ибо нами привлечены отчеты за более чем 50-летний период, среди которых многие очень подробные. Во-вторых, тем, что ткачество в отличие от прядения представляло собой специализированную отрасль производства и ткацкие мастерские до сих пор не открыты. Но так как раскопки охватывали значительные по площади районы Херсона и проводились в разных частях города, то этот вывод, на наш взгляд, вряд ли правомерен. И наконец, в-третьих, наиболее вероятно предположение, что в Херсоне, как и в Древней Руси и в Западной Европе, был распространен горизонтальный ткацкий станок, детали которого, выполненные из дерева, не сохранились.

К орудиям труда, связанным с портновским делом, относятся частые находки игл для шитья и наперстков, которые изготавливались из железа, бронзы (меди), кости. Костяные наперстки представляют собой полые цилиндрики, сделанные из трубчатой кости или рога; иногда они украшались врезным орнаментом, состоящим из сочетания прямых линий, кружков и точек; «встречаются и только засверленные, но не отшлифованные цилиндрики, возможно, заготовки для подобных поделок»¹⁶⁶.

Обработка дерева

Вряд ли какой-либо другой материал находил столь же широкое применение в Херсоне, как дерево, но сохранность изделий из него сравнительно плохая. Причинами этого являются многочисленные пожары, в том числе последний, приблизительно в конце XIV в. охвативший весь город и оставивший целые слои кусков обуглившегося дерева, угля, и, конечно, плохая сохранность органических остатков. Уцелело немного, что, безусловно, не представляет собой и приблизительный перечень изделий, изготавливавшихся из дерева, а лишь показывает, что оно применялось почти во всех сферах деятельности херсонитов.

Это прежде всего строительное дело: балки и брусья, столбы и сваи, доски и плахи составляли существенную часть сооружений самого разного назначения¹⁶⁷. Не приходится сомневаться и в развитии кораблестроения в таком крупном портовом центре, каким был Херсон на протяжении всей своей истории: о собственном торговом флоте Херсона известно из сообщений Константина Багрянородного¹⁶⁸, значительное развитие рыбного промысла¹⁶⁹ также свидетельствует о существовании лодок и, быть может, судов, необходимых для его ведения. Дерево применялось при изготовлении орудий труда: как оправа железных гребней для чесания шерсти, из него делали рукоятки различных инструментов, иглы

для вязания сетей, матрицы для формовки черепицы и, вероятно, другие инструменты и их части¹⁷⁰.

Некоторое представление об использовании дерева в быту дают находки резного плафона для мебели, стола, вертела¹⁷¹. Об остальном мы можем лишь догадываться: это и разные виды мебели, шкатулки, повозки, посуда, бочки, корзинки, игрушки и многое другое. Из предметов культа сохранилась доска иконы, от погребального инвентаря — остатки гробов¹⁷². Интересной находкой являются лигнитовые бусы¹⁷³.

Авторы публикаций упоминают лишь две породы деревьев — дуб и ясень, хотя наверняка их использовалось намного больше; определен также лигнит (ископаемое дерево)¹⁷⁴.

Известны и некоторые орудия труда из инструментария столяров и плотников: это топоры, скобели, пилы (в том числе поперечные) и долота, сделанные из железа¹⁷⁵. Сами же деревянные изделия свидетельствуют об использовании тесел, рубанков для обработки деревянных поверхностей, буравов, стамесок, молотков, а также ножей, резцов, токарного станка для изготовления резных и фигурных изделий и их отдельных частей. Соединялись деревянные детали с помощью бронзовых и железных гвоздей и без них, например способом «в паз»¹⁷⁶.

Исключительное разнообразие предметов из дерева, изготовление многих из которых требовало большого мастерства (например, резных изделий, повозок и пр.), очевидно, свидетельствует о существовании ремесленников, специализировавшихся на обработке дерева. Однако в ряде случаев дерево обрабатывали и непрофессионалы, часто это было связано с домашним хозяйством, бытовыми потребностями, как, например, при изготовлении вертела.

* * *

Изучение отдельных видов ремесленного производства позволяет высказать некоторые суждения о его развитии в Херсоне в X—XV вв.

Херсонское ремесло использовало преимущественно местное сырье: железо, глина, песок, различные породы камня и дерева, кость, частично кожа и шерсть являлись продуктами промыслов и приусадебного скотоводства¹⁷⁷. Цветные и драгоценные металлы, ртуть, большая часть кожи и шерсти, лен, воск привозились из Малой Азии, Хазарии и, возможно, из других областей, а также обменивались у кочевников. Данных об изменении номенклатурного состава сырья в X—XV вв. у нас нет.

Инструментарий ремесленников существенно не отличался от орудий труда, используемых в других странах. Среди них встречаются *орудия специализированного производства*, такие, как гребни для чесания шерсти, ткацкий станок, гончарный круг, кричные клещи, черепицеобжигательные печи, железоплавильные горны и др. Известны также инструменты, применявшиеся в *нескольких*

ремеслах, как, например, долота, буравчики, токарные станки, резцы и т. п., которые использовали мастера по обработке дерева, камня, кости. Кроме того, существовали орудия труда *универсального* назначения: они были необходимы ремесленникам многих специальностей и в домашнем хозяйстве — это ножи, топоры, пилы, иглы, наперстки и пр. Все производство основывалось *исключительно на ручном труде*: даже работа простейшей техники (горна, гончарного круга, токарного и ткацкого станков и т. д.) требовала использования только силы человека. Эволюция производства орудий труда в целом незначительна: за несколько веков не произошло каких-либо существенных изменений и усовершенствований в инструментарии херсонских ремесленников, хотя их индивидуальное мастерство было высоким.

Размеры мастерских даже в рамках одного вида ремесла отличались друг от друга, что позволяет предположить разные масштабы производства и число занятых в нем людей, а следовательно, и *неодинаковое имущественное положение ремесленников*¹⁷⁸. Но в большинстве случаев размеры мастерских незначительны, в них, вероятно, могли работать 1—2 человека¹⁷⁹.

Таким образом, изучение истории ремесла в Херсоне X—XV вв. на конкретном материале подтверждает характеристику, данную Ф. Энгельсом средневековому ремесленному производству: он определял его как «мелкое производство», при котором «мастерские, ремесленные инструменты были средствами труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единоличное употребление, и следовательно, по необходимости оставались мелкими, карликовыми, ограниченными»¹⁸⁰.

В византийских городах существовали десятки ремесленных специальностей, известных по данным письменных источников¹⁸¹. Однако для изучения ремесленного производства в Херсоне используются археологические материалы, на основе которых можно выделить не конкретные профессии (как, например, для металлургического производства: кузнецы, литейщики, металлисты, бронзовщики, оружейники и др.), но лишь *отрасли* ремесла, хотя внутри их безусловно существовала определенная специализация. К ним относятся: выплавка и обработка железа, изготовление изделий из цветных и драгоценных металлов; гончарное производство; стеклоделие; обработка кости, кожи¹⁸², дерева, камня; прядение и ткачество; строительное дело (в том числе судостроение).

Рассмотренный материал указывает на незавершенность внутриотраслевой дифференциации производства. Более сложен вопрос о незавершенности разделения труда между некоторыми видами ремесла. Вполне очевидно, что часто ремесленники выполняли определенные операции, сопутствующие основному производству, как, например, изготовление деревянной оправы железных гребней, бронзовых штифтиков для костяных изделий, серебряной инкрустации костяных пуговиц и пр.¹⁸³ Однако как оценить изготовление сложных железных деталей каменных жерновов; костяных

и деревянных накладных пластин для шкатулок, ларцов, мебели; деревянных матриц для формовки черепицы; костяных рукоятей железных орудий труда (зубаток, ножей)?¹⁸⁴ Свидетельствуют ли эти примеры, список которых можно значительно увеличить, о разделении труда между ремесленниками различных специальностей, т. е. о том, что те или иные детали указанных выше изделий производились в разных мастерских. Или же следует объяснять все это исключительным умением средневековых мастеров и ставить вопрос об определенной незавершенности межотраслевой дифференциации ремесленного производства. Рассмотренный археологический материал не позволяет пока однозначно решить эту проблему. Однако отметим, что одна из закономерностей развития средневекового ремесла, по определению основоположников марксизма, проявлялась в том, что «внутри отдельных ремесел все не существовало разделения труда, а между отдельными ремеслами оно было лишь очень незначительным»¹⁸⁵.

В Херсоне не прослеживается так называемая «деформация» ремесла, имевшая место в далматинских городах, т. е. гипертрофированное развитие отдельных его видов и отсутствие некоторых традиционных производств (гончарного, ткацкого и пр.)¹⁸⁶.

Специфика археологических источников заключается еще и в том, что не позволяет выделить наиболее и наименее развитые виды ремесленного производства: ведь органические материалы (исключая кость) почти не встречаются в культурном слое. Поэтому значительное количество находок из металла, глины, камня, кости еще не свидетельствует о том, что их обработка осуществлялась в больших масштабах, чем производство тканей, изделий из кожи, дерева. Эти же причины не позволяют дать сравнительную количественную оценку производства орудий труда и предметов быта, одежды, обуви, оружия и т. д. Можно лишь в целом отметить, что вторая группа изделий значительно превосходила первую по объему производства, разнообразию сырья, художественным качествам, широте ассортимента и сбыта.

Все виды производства были рассчитаны прежде всего на удовлетворение конкретного потребительского спроса, т. е. херсонские ремесленники работали *на заказ*. Однако в ряде отраслей они выступали и как *мелкие товаропроизводители*: черепицей, керамической тарой, столовой посудой, стеклянными браслетами и другими изделиями мастера Херсона обеспечивали не только городскую, но и крымский рынок¹⁸⁷.

Работа на заказ и «мелкий местный рынок»¹⁸⁸ была характерна для ремесленного производства в феодальную эпоху. В связи с этим В. И. Ленин отмечал, что первая фаза при переходе от домашней промышленности к производству мелких товаропроизводителей в условиях господства натурального хозяйства — это работа на заказ: «В этой форме промышленности нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материа-

лы и орудия производства. Продукт труда ремесленника не появлялся на рынке...» Следующей формой было производство непосредственно на рынок, когда ремесленник превращался в мелкого товаропроизводителя¹⁸⁹.

Мы не раз отмечали *связь ремесла с домашним хозяйством*. С одной стороны, это означает, что ряд простых операций, не требующих специальных орудий и умений (например, отливка грузил, грубая обработка камня, дерева, прядение, изготовление лепных сосудов и пр.), выполнялись теми жителями усадеб, для которых ремесленное производство или данный его вид не являлись областью профессиональных занятий. С другой стороны, в Херсоне повсеместно наблюдается совмещение мастерских с жилыми и подвально-кладовыми помещениями: ремесло сочеталось здесь с промыслом, сельским и подсобным домашним хозяйством.

Ремесленная жизнь Херсона в X—XV вв., включая и огнеопасное производство, концентрировалась в *самом городе*¹⁹⁰. Мастерские располагались как в северных, так и в южных районах, в том числе в портовом квартале — одном из центров его торгово-ремесленной жизни. В Херсоне не прослеживается сосредоточение отдельных отраслей ремесла в определенных районах: в едином городском квартале, например портовом, находились кузнечное, гончарное, стекольное, косторезное и другие виды производства. Эти мастерские изготавливали различные ремесленные изделия и не участвовали в едином производственном процессе.

Открытым остается вопрос о существовании объединений ремесленников (поквартальных, производственных, с целью охраны рыночной монополии и др.), за исключением предположения о наличии артелей изготовителей черепицы и строителей.

Рассмотренный археологический материал свидетельствует о том, что развитие ремесленного производства в Херсоне X—XV вв. не претерпело периодов упадка или бурного подъема. Отмеченная нами определенная статичность в производстве орудий труда не означает застойность в развитии самого ремесленного производства. В X—XV вв. наблюдается эволюция ремесла: она шла по пути изменения форм, орнаментации изделий, часто под влиянием продукции ремесленников других стран. Однако, несмотря на то что ассортимент изделий весьма разнообразен, многие из них отличались высоким качеством, сложностью и мастерством исполнения, ни на одном из этапов не наблюдается появления новых отраслей производства или видов изготавливаемой продукции, качественных изменений в развитии производительных сил, а следовательно, не было основ и для возникновения новых форм организационной хозяйственной деятельности.

Глава 2. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И ПРОМЫСЛЫ

Сельскохозяйственные занятия

Для изучения природы феодального города представляет значительный интерес рассмотрение вопроса о сельскохозяйственных

занятиях его населения. При этом следует различать собственно земледелие (т. е. выращивание зерновых, садово-огородных, технических культур, винограда) и примыкающие к сельскому хозяйству перерабатывающие производства (размол зерна и хлебопечение, виноделие и пр.)¹. Анализ их соотношения приобретает особое значение, так как позволяет выяснить степень аграризации Херсона, завершенность процесса второго общественного разделения труда, зависимость горожан от рынка.

О развитии в Херсоне земледельческих занятий свидетельствуют находки упряжных и ручных орудий труда: железных наконецников плуга (сошников), мотыг, серпов, косы-горбуши, лопат². Однако в отличие от инструментов мельничного дела — жерновов, ступ, зернотерок, которые встречаются почти в каждой усадьбе и исчисляются многими десятками находок³, земледельческие орудия труда представлены небольшим количеством экземпляров. Это указывает на то, что основным занятием херсонитов была переработка, а не производство зерна. Но являлись ли аграрные занятия отдельных горожан специализацией их хозяйства? Для этого обратимся к рассмотрению инвентаря, найденного в усадьбах, жители которых были заняты земледелием:

— в доме, расположенном к юго-востоку от так называемого «храма с ковчегом», обнаружены: 3 сошника, 3 ручных жернова, глиняный гончарный круг, железный топор, железная заготовка для изготовления орудий, бронзовые разновесы и пр.⁴;

— инвентарь усадьбы 4 портового квартала включал: железный лемех плуга, свинцовую болванку — заготовку для производства изделий, медную миску со следами ремонта, грузила, более 200 гвоздей, ступу, терочные камни, железные ножи и пр.⁵;

— в одном из жилых комплексов квартала 22 на северном берегу археологами были найдены: сошники, ступы, жернова, более 100 рыболовных крючков и 50 грузил, железное долото, глиняная матрица, прясло, оселки, цепочка от весов, большое количество обломков железных предметов и т. д.⁶;

— в доме 2 квартала 22 обнаружены: коса-горбуша, железные зубатки, много гвоздей, пенька, смола, жернова, рыбные крючки, пряслица и пр.⁷.

Таким образом, очевидно, что свои земледельческие занятия херсониты сочетали с ремесленным производством (гончарным и строительным делом, обработкой металлов, камня), а также с промыслами, т. е. в Херсоне прослеживается незавершенность отделения ремесла от земледелия. Примечательно и то, что, как и ремесленники, херсониты, занимающиеся земледелием, жили в различных частях города и не концентрировались в определенных его кварталах.

В херсонских усадьбах X—XV вв. встречаются зерновые культуры: чаще всего пшеница⁸, а также ячмень⁹ и просо¹⁰. Специальному исследованию, данные которого опубликованы, были подвергнуты культурные растения из раскопок портового района (слон IX—X вв.). Среди обугленных остатков в большинстве слу-

чаев преобладает рожь, в массовом количестве встречается голозерная пшеница. Найдены также бутылковидный ячмень и так называемое итальянское просо¹¹. В археологических материалах на территории Крыма овес практически отсутствует; он зафиксирован дважды — в средневековых слоях Херсона и на поселении Бакла, но и в том и в другом случае «обнаружены лишь единичные обугленные зерновки, составляющие крайне незначительную примесь среди пшеницы и ржи»¹². Хранили зерно в керамической таре, причем запасы обычно невелики: в доме находят не более одного большого пифоса с пшеницей и малого, например, с ячменем. Это, конечно, обеспечивало потребности только самих жителей усадьбы и, вероятно, также косвенно свидетельствует о том, что зерно покупали на рынке. В археологических отчетах нет данных о бобовых и садово-огородных культурах, хотя наверняка какие-то из них употребляли и, возможно, выращивали горожане. находка пеньки, правда, в одном лишь доме, позволяет с большой натяжкой предположить культивирование конопли, но пока лишь по аналогии с античностью¹³.

Широкое развитие в Херсоне получило мельничное дело: как уже указывалось, почти в каждой усадьбе перетирали зерно на ручных мельницах, терках, в ступах. Некоторые исследователи полагают, что в городе даже существовали хозяйства, выпекавшие хлеб на продажу¹⁴. Из других перерабатывающих производств немного известно о виноделии: при раскопках были найдены тарапан и ступа, устройство которой напоминает давяльный пресс для винограда¹⁵. Если эти орудия действительно использовались для выжимания сока, то и тогда следует признать, что жители Херсона производили вино в очень небольших количествах, а в основном, видимо, покупали его на рынке¹⁶. Свертывание виноградарства и виноделия, получивших большое развитие в античное время, наблюдается не только в Херсоне, но и в других областях Крыма; нет свидетельств о развитии виноделия в Бакле, Кыз-Кермене, Чуфут-Кале, Тепе-Кермене, Сюрени; функционирование винодельческих комплексов в Херсоне и в других центрах было искусственно прекращено. Наиболее вероятной причиной этого процесса Д. Л. Талис считал сужение рынка¹⁷. Однако это противоречит тому очевидному факту, что вино в больших количествах привозилось в Херсон из Малой Азии в период X—XV вв., что свидетельствует о высоком спросе на этот продукт. Не имея достаточно данных для выяснения причин забвения виноградарства, отметим следующее. Исследования специалистов о колебаниях климата Крыма в историческое время показали, что значительное потепление, наблюдавшееся в Крыму в I в. до н. э. — IV в. н. э., сменилось резким похолоданием VII—X вв., что, конечно, не могло не сказаться на развитии виноградарства¹⁸. В то же время известно, что во второй половине XV в. виноградники возделывались в окрестностях Судака (примечательно, что работали на них жители города, в том числе ремесленники-каменщики и др.)¹⁹.

Приусадебное скотоводство и птицеводство играли важную роль в жизни херсонитов, обеспечивая жителей мясными и молочными продуктами, тягловой силой, сырьем для кожевенного и косторезного производства, ткачества.

На протяжении всего периода X—XV вв. в культурном слое встречается большое количество костей домашних животных²⁰ и птиц²¹. В ряде случаев был проведен остеологический анализ, что позволяет определить состав стада. Оно включало крупный рогатый скот²², лошадей²³, коз²⁴, овец²⁵, свиней²⁶. Однако соотношение костных остатков ни разу установлено не было, поэтому нельзя определить и место разных домашних животных в жизни горожан. Можно лишь отметить, что чаще всего упоминаются кости крупного и мелкого рогатого скота, затем лошади, реже свиньи.

О развитии приусадебного скотоводства свидетельствуют не только костные остатки, но и другие находки. К их числу относятся каменные (известняковые) корыта²⁷, служившие кормушками для животных. Они, как правило, имели прямоугольную форму с приблизительными размерами 30/50×20/40 см и глубиной 7—20 см; известна и круглая кормушка, сделанная из «куска античной каннелированной колонны»²⁸. Находка воловьей подковы указывает на то, что крупный рогатый скот использовался и как тягловая сила²⁹. Нам неизвестно, выполняла ли лошадь такую же работу в хозяйстве херсонитов, но определено, в основном она была необходима для верховой езды. О широком распространении этого средства передвижения свидетельствуют многочисленные изображения всадников на херсонской керамике³⁰, а также обнаруженные при раскопках железные шпоры³¹.

Жители города занимались и разведением домашней птицы. Исследователи определили кости кур, было найдено куриное яйцо³². Известны также изображения петухов на поливной красноглиняной посуде, черепахе и резной костяной пластинке³³.

Следует упомянуть и других животных, окружавших херсонитов: это их друзья — собаки, кошки³⁴ и враги — крысы, мыши³⁵.

Представление о том, как содержали домашних животных, дает загон, обнаруженный при раскопках одной из усадеб северного квартала. В северо-западной части двора был навес, вымощенный плитами: под ними стояли пифосы, амфора и корыто (кормушка). «От корыта до стены идет каменная кладка-загородка. Остатки стен в восточном углу двора указывают на существование здесь помещения для скота»³⁶. Возможно, что животные находились и в особых помещениях, расположенных в нижнем этаже усадеб наряду с подвалами и кладовыми. Известно, например, большое помещение, обращенное дверным проемом во двор. «Проем настолько широкий (3,0 м), что его следует называть воротами, впервые встретившимися в Херсонесе. По-видимому, помещение имело специальное назначение для хранения повозок и лошадей»³⁷.

Были ли заняты разведением домашних животных жители всех городских усадеб? Вполне очевидно, что костные остатки, встре-

чающиеся повсеместно, свидетельствуют прежде всего об использовании мяса животных в пищу; особых предметов, построек и орудий, связанных со скотоводством, сохранилось мало, так как многое, вероятно, было сделано из дерева. Поэтому утвердительный ответ на поставленный выше вопрос может, на наш взгляд, дать лишь следующее: во-первых, отсутствие в каком-либо городском комплексе ярко выраженной специализации в этой области (больших загонов, многочисленных кормушек и пр.) и, во-вторых, наличие во всех усадьбах сравнительно значительных по площади подвально-кладовых помещений, часть из которых наверняка могла использоваться для содержания пусть даже небольшого поголовья скота и птицы. Это, конечно, не удовлетворяло все потребности горожан в белковой пище, что восполнялось за счет развития промыслов: рыболовства и охоты. Кроме того, как уже отмечалось, в больших количествах херсониты покупали кожу у кочевников: быть может, эта торговля обеспечивала городской рынок и мясом.

Промыслы

Само географическое положение Херсона определило исключительную роль *рыболовства* в занятиях его жителей с древнейших времен³⁸.

Кости рыб — одна из самых распространенных находок, но значительная их часть не определена³⁹. Однако даже выборочный анализ ихтиофауны из раскопок Херсона X—XV вв. показал, что состав рыб и других обитателей моря, на которых велся промысел, был весьма разнообразным. Чаще всего встречаются камбала⁴⁰, хамса (анчоус)⁴¹, устрицы⁴² и мидии⁴³, реже — кефаль⁴⁴, барабуля⁴⁵, осетр⁴⁶, белуга⁴⁷, севрюга, скат, сом, сазан, стерлядь⁴⁸, дельфин⁴⁹, крабы⁵⁰, гребешки⁵¹. Исследователи выражали недоумение по поводу присутствия среди промысловых рыб Херсона сома, сазана, стерляди, севрюги, поскольку они обычно обитают в опресненных водах Черного моря⁵². Конечно, не исключена возможность привоза в Херсон рыбы⁵³. Но следует заметить, что все эти виды рыб находят в большом количестве и в античных слоях⁵⁴, и возможно предположить, что древний и средневековый состав ихтиофауны отличался от современного и что многие из перечисленных видов рыб обитали тогда в районе Херсона.

На это также указывает и наличие орудий, предназначенных для ведения лова крупной рыбы. Это колющие орудия, из числа которых встречена трехзубая железная острога⁵⁵, с помощью которой охота велась, как правило, в ночное время с огнем. Его разводили в специальных железных жаровнях, прикреплявшихся к носу лодки⁵⁶. Многочисленны и разнообразны крючные снасти⁵⁷. Обычно крючки изготавливали из бронзы или медной проволоки разных размеров и форм: известны, например, крючки с раструбом, «кочень массивные», а также длиной 6—7,5 и 8—9 см⁵⁸. Количество крючков, найденных в одном помещении, различно. Если

их от 1—2 до 8—10⁶⁰, то, вероятно, они предназначались для снаряжения удочек. Но в Херсоне встречаются и скопления крючков числом в 23, 25, 102 и даже 147 экземпляров⁶⁰, причем они обычно одинаковы по величине и форме, а это означает, что крючки принадлежали одной рыболовной снасти. Об использовании сетей свидетельствуют находки грузил из глины и камня (плоских, бочонковидных, пирамидальных, круглых, цилиндрических форм) и свинцовых колец. Разный материал, вес и количество грузил (до 10, 10—30, 60—65, свыше 90 и 100 экземпляров), обнаруженных в одном месте, свидетельствуют о том, что ими огружались и не одинаковые по размерам сети⁶¹. Из других орудий лова до нас дошли железные драги с четырьмя загнутыми зубьями, которые использовались для сбора раковин устриц, гребешков, мидий со дна моря⁶².

Рыбаки сами изготавливали орудия лова. Это предположение подтверждают находки инструментов для вязания сетей (спиц, игл, челноков)⁶³, матриц для отливки грузил и др. в тех же комплексах, где обнаружены и сами снасти. Так, в домах квартала 22 наряду с рыболовными крючками и глиняными грузилами найдены матрицы для отливки свинцовых колец⁶⁴, при раскопках на северном берегу (1957 г.) вместе с медными рыболовными крючками и грузилами археологи обнаружили спицы для вязания сетей⁶⁵ и т. д.

Рыболовные снасти и орудия для их изготовления встречаются в жилых комплексах наряду с ремесленными и сельскохозяйственными инструментами. Например, в усадьбах портового квартала, в состав которых входят мастерские по производству металлических, гончарных и других изделий, были найдены крючки, грузила, деревянная игла для плетения сетей⁶⁶. В северных районах большое количество рыболовных орудий встречено вместе с инструментами по обработке камня, дерева, шерсти и пр.⁶⁷ В ряде случаев рыболовные снасти обнаружены в комплексе с наконечниками плуга, косой-горбушей⁶⁸ и повсеместно с жерновами, зернотерками, ступами. Все это позволяет сделать вывод о том, что рыболовный промысел не был отделен от ремесленных и сельскохозяйственных занятий херсонитов.

Как правило, рыболовство не являлось основным видом хозяйственной деятельности жителей усадеб и имело подсобный характер. Однако раскопки некоторых комплексов свидетельствуют о том, что промысел рыбы играл значительную, а иногда и ведущую роль в занятиях жителей Херсона. К числу таких комплексов прежде всего относятся открытые на территории портового квартала рыбозасолочные цистерны, заполнение двух из которых относится к IX—X и X—XI вв. и двух — к XI—XII вв.⁶⁹ Известно о существовании большого числа цистерн в античности⁷⁰, но, как отмечала А. И. Романчук, и в средневековый период «херсонеситы не только сохранили приемы засолки рыбы, но и методы строительства цистерн»⁷¹. В XIII—XV вв. такие сооружения для обработки рыбы в Херсоне не используются. Однако вряд ли спра-

ведливо утверждение, что засыпка цистерн свидетельствует о натурализации хозяйства и утрате рыбным промыслом своего товарного характера⁷². Опровергают этот вывод, на наш взгляд, данные о раскопках усадеб XIII—XIV вв.: в одних домах найдены рыболовные снасти, исчисляемые единичными находками, в помещениях же других обнаружены скопления грузил и крючков, превышающие многие десятки экземпляров⁷³. Следовательно, если жители первой группы усадеб ловили рыбу для себя, то другие вели промысел в значительно большем масштабе, превышавшем потребности их хозяйства, а значит, часть продукции могла поступать на рынок.

Таким образом, исчезновение рыбозасолочных цистерн связано не с утратой рыбным промыслом товарного характера, а скорее всего, с изменением масштабов сбыта. Если в античности и в раннее средневековье из Херсона вывозилась рыба, то таких сведений для позднего периода истории города у нас нет⁷⁴. Специалистами установлено, что колебания в климате Крыма, о которых уже упоминалось, оказали определенное влияние и на уменьшение количества рыбы в прибрежных водах полуострова⁷⁵. Возможно, что торговля рыбой ограничивалась местным рынком. Рыбу по-прежнему солили и хранили в амфорах и пифосах; доставали ее оттуда с помощью специальных черпаков — глиняных сосудов с отверстиями на стенках и в дне: их часто находят в керамической таре с остатками рыбы, что и позволяет определить назначение цедилок⁷⁶.

Приведенные материалы о находках больших скоплений рыболовных снастей позволяют сделать некоторые наблюдения об организации промысла. Очевидно, для ведения лова с использованием значительных по размерам сетей необходимо было объединение определенного числа рыбаков наподобие артельного. Возможно, что именно такие артели херсонитов отправлялись и в устье Днепра (по данным древнерусских летописей, в X в. корсуныяне ловили там рыбу)⁷⁷. Поскольку они оставались и зимовать там, то, вероятно, в устье Днепра находилось временное поселение херсонитов-рыбаков, которое отстояло от города, по данным Константина Багрянородного, на 300 миль⁷⁸.

Помимо рыбного из других ловчих промыслов херсониты занимались охотой. Об этом свидетельствуют частые находки костей диких животных — кабанов⁷⁹ и оленей⁸⁰, а также изображение последних на керамике⁸¹.

Как и в других областях Европы, большую роль играли **лесные промыслы**⁸²: в первую очередь добыча лесоматериалов и углевыжигание⁸³, смолокурение и перегонка дегтя⁸⁴, получение дубильного экстракта, необходимого для обработки кожи⁸⁵. Собирали также жители Херсона особую траву-камку, которую использовали для подстилки черепицы и соломы на крыше или костяков в захоронениях⁸⁶. Интересное замечание о применении камки в Крыму приведено в «Толковом словаре» В. Даля: «На Таврических соляных промыслах: род моху, которым укрывают соль»⁸⁷.

Значительное развитие получили добывающие промыслы. К их числу относится добыча местных болотных руд, содержащих железо⁸⁸, красных, желтых, белых, оливковых глин⁸⁹ и особой бентонитовой глины — так называемого кила, залегающего среди верхнемеловых отложений Крыма (близ современных Симферополя и Бахчисарая), который использовался для приготовления мыла, способного сохранять свои свойства и в морской воде⁹⁰. Разрабатывали месторождения различных пород камня: прежде всего известняка — мшанкового (в районе Инкерман — р. Альма), мраморовидного (встречается от Балаклавы до Феодосии), ракушечника (залежи известны у Симферополя, Севастополя и др.)⁹¹, а также песчаника, гранита, кремня и других пород, распространенных в округе Херсона и прилегающих областях⁹². Использование в строительном деле алебастра указывает на добычу гипса, который часто встречается в глинистых породах Крыма⁹³. Из драгоценных камней местные ювелиры применяли сердолик — его месторождения находятся на Кара-Даге в районе Сердоликовой бухты⁹⁴. Распространено было изготовление красителей из минерального сырья, преимущественно красной краски — охры, которая использовалась для украшения фасадов домов, орнаментами икон, керамики и т. д.⁹⁵

В строительном деле, гончарном, стекольном и других ремеслах в большом количестве употребляли песок, гравий и гальку из окрестностей Херсона, а также известь, получаемую при обжиге известняка⁹⁶.

Важное значение приобрело получение соли: она являлась экспортным товаром и вывозилась в X—XV вв. из Крыма в Константинополь, Трапезунд, на Русь и в другие области⁹⁷. В средние века в странах Европы соль широко употреблялась к столу, для заготовки впрок пищевых продуктов, при обработке кожи, шерсти, шкур⁹⁸. Как следует из сообщений Константина Багрянородного, соль в Таврике добывали из открытых месторождений: «...от реки Днепра до Херсона — 300 миль, а в промежутке — заливы (болота) и бухты (λίμναι καὶ λιμένας), в которых херсониты добывают соль»⁹⁹.

Что вкладывает автор трактата в понятие «херсониты»: «жители ли это самого Херсона, которые отправлялись на промысел, или постоянные обитатели удаленных от города областей, называемые «херсонитами» либо по аналогии с именем — Херсонес Таврический, либо в связи с подчинением диктату Херсона? Анализ текста сочинения Константина Багрянородного свидетельствует о том, что во всех случаях речь идет именно о жителях Херсона: поднимающих восстания против императорской власти, отправляющихся торговать в другие области, устанавливающих контакты с соседними народами и т. п.¹⁰⁰ Сам же полуостров нигде не ассоциируется с именем только Херсона: здесь расположены и так называемые климаты, живут аланы, постоянно его посещают печенеги, хазары¹⁰¹ и т. д. Поэтому можно предположить, что добыча соли была делом самих обитателей города. Показа-

тельно в этом отношении также и то, что именем Херсона (Сресона) спустя несколько веков венецианцы называли крымские салины, хотя предложенная Ж. Окэ их локализация представляется весьма спорной¹⁰².

Лишь по аналогии с рыболовством и добычей соли (так как никакими иными сведениями мы пока не располагаем) можно предположить, что сами горожане занимались и другими добывающими и лесным промыслами. На это также указывают и орудия труда — кирки, лопаты, пилы, топоры¹⁰³, найденные при раскопках жилых кварталов, хотя, конечно, это инструменты универсального назначения. Вот почему нельзя определенно ответить на вопрос: были ли отделены добывающие и лесные промыслы от ремесленных и сельскохозяйственных занятий горожан (что наблюдается на примере рыболовства).

* *
*

Таким образом, сельскохозяйственные и промысловые занятия — это важная сфера деятельности херсонитов в X—XV вв. Однако рассмотренный материал со всей очевидностью свидетельствует о том, что в профессиональной занятости населения города земледелие сравнительно с ремесленным производством и промыслами играло незначительную роль. Поэтому Херсон не может считаться городским центром, где шел процесс «интенсивной аграризации»¹⁰⁴.

В отношении промыслов, прежде всего рыбного, о котором имеется больше всего сведений, следует заметить, что в отличие, например, от некоторых древнерусских городов, где с XIII в. вслед за ремеслом от земледелия (и от ремесленного производства) отделяется рыболовство¹⁰⁵, в Херсоне на протяжении всего периода X—XV вв. оно было неразрывно связано с сельскохозяйственными и ремесленными занятиями горожан¹⁰⁶, хотя в ряде случаев, возможно, являлось самостоятельной специальностью некоторых из них¹⁰⁷.

Глава 3. ТОРГОВЛЯ

Торговля занимала важное место в структуре товарно-денежных отношений средневековья. При феодализме это связано, в частности, с тем, что «мелкий характер производства оказывается в непримиримом противоречии с необходимостью крупного, оптового сбыта. При данных общественно-хозяйственных условиях, при изолированности мелких производителей и разложении их это противоречие не могло разрешиться иначе, как тем, что представители зажиточного меньшинства забрали сбыт в свои руки, койцентрировали его»¹. Эта самостоятельная роль торгового, купеческого

капитала³ наиболее ярко на имеющемся материале прослеживается при изучении международных торговых связей.

Торговля с областями Южного Причерноморья

Основанный выходцами из Гераклеи Понтийской, имевший тесные связи с Черноморским побережьем Малой Азии в античный период своей истории³, Херсон поддерживал торговые отношения с Южным Причерноморьем и в средние века.

Два берега моря в течение X—XV вв. связывали оживленные морские пути. Однако осуществление перевозок зависело от режима черноморской навигации, имевшей сезонный характер: «Туманы, сильные ветры и бури, бушевавшие в Черном море, были основной опасностью навигации в зимнее время»⁴.

Херсон вел торговлю с различными районами Южного Причерноморья. Вот что сказано об этом в трактате «Об управлении империей»: «Да будет известно, что если жители крепости Херсон когда-либо восстанут... должны быть отправлены три посланца: один — на побережье фемы Армениак, другой — на побережье фемы Пафлагония, третий — на побережье фемы Вукелларии, чтобы захватить все херсонские карабии (πάντα τὰ χερσωνίτικα καράβια), конфисковать и корабельный груз и карабии, а людей связать и запереть в работные дома и потом донести об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти посланцы препятствовали пафлагонским и вукелларийским кораблям (πλοῖα) и береговым суденышкам (πλαγίτικα) Понта переплыть (через море) в Херсон с хлебом или вином (μετὰ σίτου ἢ οἴνου) или с каким-либо иным продуктом или товаром (χρείας ἢ πραγμάτων) ... Знай, что если херсониты не доставляют зерновые (γυνήματα) из Аминса, Пафлагонии и Вукеллариев и со склонов (ἀπὸ τῶν πλαγίων) Армениака, то не могут существовать»⁵. Следовательно, херсониты торговали с прибрежными областями фем Вукеллариев, Пафлагонии, Армениака, с крупнейшими портами — Ираклией Понтийской, Амастридой, Синопом, Амисом (Аминсом). В контексте интересующего нас отрывка сочинения Константина Багрянородного топоним «Понт» («береговые суденышки Понта») означает область, протянувшуюся по юго-восточному побережью Черного моря от Синопа до р. Чорох, в отличие от другого употребления этого слова в трактате: «море Понта» — как эквивалента Черному морю⁶. Следовательно, по данным Константина Багрянородного, в X в. торговые отношения связывали Херсон практически со всем Южным побережьем Черного моря. Перевозки осуществляли в основном карабии Херсона (τὰ χερσωνίτικα καράβια); что же касается судов, приходящих с Малоазийского побережья, то о них автор трактата упоминает лишь тогда, когда херсонские карабии вместе с их грузом подлежали конфискации во всех портах, а матросы и пассажиры — аресту.

В письменных источниках не сохранилось более сведений о торговых перевозках из районов Южного Причерноморья в Херсон. Имеются лишь данные начала XIII в. о систематическом плавании кораблей по маршруту Херсон—Трапезунд, привозивших «ежегодную государственную подать Херсона и Готских климатов»⁷. Вероятно, существовал и морской путь, соединявший Херсон с черноморским побережьем Никейской империи, о чем сохранились косвенные данные в так называемом «Аланском послании» епископа Феодора, который в начале 20-х годов XIII в., отправившись из Никеи на Северный Кавказ, оказался в Херсоне⁸. Примечательна одна фраза, произнесенная епископом Феодором на архиепископском суде в Херсоне, куда он был привлечен за самовольное вторжение в дела местной церкви: отвечая на вопрос херсонского архиепископа («Но чего ради ты вообще дерзнул ходить вокруг этого моего города?»), епископ Феодор, в частности, говорит: «Если же (ты говоришь), что один — купец (ὁ ἑμίλорος), другой — пришелец, то или всех преследуй, или терпи и нас»⁹. Это замечание никейского иерея свидетельствует о том, что херсониты рассматривали как совершенно закономерное явление пребывание в городе иноземных купцов, что в свою очередь указывает и на значимость Херсона как центра международной торговли. Сведения о морском сообщении между Херсоном и Синопом находим в «Житии и описании чудес св. Евгения» Иоанна Лазаропула, где говорится, что непосредственным поводом к трапезундско-сельджукской войне 1223 г. явились враждебные действия турок-сельджуков против Херсона: захват корабля, приставшего из-за непогоды к Синопу, последовавшая затем отправка в Херсон военных кораблей и опустошение окрестностей города войсками Рейс-Гетума¹⁰. Интересно также и то, что арабский географ Абульфедда, определяя местоположение Херсона, в качестве ориентира указывает именно Синоп, отмечая, что «Сару-Керман находится против города Синопа, на противоположном берегу моря»¹¹.

При раскопках Херсона были обнаружены материальные свидетельства торговых связей с Малоазийским побережьем. Прежде всего это довольно многочисленные находки монет сельджукидов Рума с первой половины XII в. до середины XIII в., Никейской империи первой половины XIII в. и Трапезундской империи второй половины XIII — начала XIV в. Вероятно, именно через Южное Причерноморье попали в Херсон монеты Аббасидов X в., эмира из династии Буидов X в., а также персидские монеты (датируемые XIV—XV вв.)¹², хотя нельзя исключить, что эти монеты прошли путь до Херсона через Хазарию и Золотую Орду. XI—XII столетиями датируются найденные в Херсоне бронзовые иконы, производство которых, по мнению исследователей, локализуется в Малой Азии¹³.

Падение Константинополя в 1204 г., установление верховной власти Трапезундского императора над Херсоном активизировали торговые связи города с Малой Азией. Очевидно, именно поэтому XIII столетием, чаще всего его первой третью, датируются наход-

ки в Херсоне художественных изделий из бронзы, которые принадлежат к кругу малоазийско-армянских предметов (находящихся аналогично среди изделий Малой Азии, Киликии, Армении). К ним относятся: накладка от ручки ковшов с изображением львов; две массивные литые ступки (8-гранные снаружи, круглые внутри; ведущий мотив гравировки — лопастная арка с килевидным завершением) ¹⁴. По мнению В. П. Даркевича, эти ступки «использовали в фармацевтике для приготовления лекарств» ¹⁵; возможно, вместе со ступками поступали и компоненты для производства этих снадобий, благовония. Очевидно, именно в связи с оформлением каких-то торговых операций попал в Херсон из Малой Азии в XIII в. и бронзовый пенал (калемдан) с гравированным орнаментом и арабскими надписями, «инкрустированными медью или серебром» ¹⁶. Появление указанных вещей в Херсоне В. П. Даркевич объясняет «расцветом черноморской торговли через сельджукскую Малую Азию с начала XIII в. и интенсивным развитием городов Армении, связанных с Трапезундом. Активное участие в торговле принимали армяне, колонии которых в XI—XIII вв. появились в Крыму, Киеве, Булгаре» ¹⁷. Возможно, также через Малую Азию попал в Херсон «единственный в своем роде бронзовый кувшин закавказского (иранского) типа с узким горлышком, слегка каннелированным и перехваченным валиком у основания, яйцевидным туловом и большой ручкой с шариком наверху и отгибом внизу» ¹⁸.

Из малоазийских центров ввозилась в Херсон и керамика. Так, к числу трапезундских изделий XI—XII вв. относят «глубокие чаши с конусовидными стенками, покрытые с внутренней стороны орнаментом из широких зеленых полос, пространство между которыми заполнено брызгами красного ангоба; полива прозрачная светло-зеленая» ¹⁹. Однако помимо явно привозных малоазийских сосудов в Херсоне весьма многочисленны находки красноглиняных керамических изделий местного производства, свидетельствующие о заимствованиях херсонскими гончарами приемов орнаментации и форм у ремесленников Малой Азии, Закавказья. Это характерно для всего периода X—XV вв., хотя очевидно усиление процесса с XIII в. А. Л. Якобсон, А. И. Романчук и другие исследователи выделяют несколько групп такой керамики, отмечая при этом следующее. Ремесленники Херсона не изобретали вновь популярные на Востоке приемы, мотивы декора и формы сосудов (чаш, тарелок, мисок), но «достигнутые ими техническое мастерство и зрелость позволяли использовать богатый художественный опыт таких стран Закавказья, как Армения и Грузия, с которыми через Трапезунд были связаны города Таврики. Несомненно и то, что гончары-художники из Таврики (в первую очередь Херсона) не рабски следовали этим привнесенным из Закавказья и Малой Азии художественным мотивам и приемам их воспроизведения. Они лишь исходили из них, создавая новые орнаменты и орнаментальные сочетания и изобразительные композиции. Это и придавало специфически местный характер художественной керамики

ке городов Таврики»²⁰. Каким же образом осуществлялись эти заимствования? Отвечая на поставленный вопрос, нам представляется возможным обратиться к одному из выводов А. Л. Якобсона, сделанному по другому поводу (а именно в отношении стилистической близости архитектуры Херсона и других крымских поселений), но имеющему в определенном смысле общее, теоретическое значение и потому вполне применимому к интересующей нас проблеме. «Связь стилистическая, — писал исследователь, — есть историческая категория. Непосредственным объяснением этой связи может служить не только единство строительной традиции, рассадником которой для всей западной части Крыма этого времени являлся Херсонес, но возможно и единство самих носителей этих традиций — ремесленных артелей, осуществлявших постройку во всей смежной с Херсонесом области»²¹. Действительно, заимствования гончарами Херсона приемов, мотивов орнаментации и форм сосудов происходили прежде всего потому, что в город должны были попадать их «носители»: «одушевленные» — ремесленники, переселившиеся в Херсон из малоазийских центров, и «неодушевленные», т. е. сами изделия, привезенные оттуда в Херсон. Оба этих процесса проходили в изучаемый нами период, особенно интенсивно в XIII в.: в Херсон в это время переселяются армяне; устанавливается политическая зависимость от Трапезундской империи, и, очевидно, усиливается торговля с Трапезундом и другими малоазийскими центрами, из которых привозились в Херсон керамические или иные изделия, служившие образцом для местных ремесленников. Вероятно, количество импортируемой керамики было крайне незначительно в сравнении с городским производством гончарной посуды, ибо находки привозных изделий немногочисленны²².

В разделе работы, посвященном ремесленному производству, мы уже отмечали, что из Малой Азии поступали в Херсон медь, свинец, очевидно, ртуть: об их вывозе в Крым есть сообщения в италянских источниках²³.

Оценивая же в целом ассортимент товаров, привозившихся в Херсон из малоазийских портов Черноморья, следует отметить, что большую часть их составляли *сырье* для местного ремесленного производства и *продукты сельского хозяйства*: цветные металлы, ртуть, зерновые²⁴, вина (сохранились сведения о их вывозе в районы Северного Причерноморья не только в X в., но и в XIII—XV вв.)²⁵, возможно, компоненты для приготовления лекарств, благовония. Импорт керамики и художественной бронзы носил весьма ограниченный характер: очевидно, это были предметы, доступные состоятельным горожанам; они же, вероятно, служили образцами для продукции местных ремесленников (заимствований приемов, методов декора и пр.). «Алые парфянские кожи», некоторые дорогие ткани и товары, о которых, в частности, писал Константин Багрянородный²⁶, возможно, также поступали в Херсон из малоазийских центров. Очевидно, в город привозились и другие товары, о которых нам пока ничего не известно.

Некоторые из названных товаров были реэкспортными: к ним относятся, например, цветные металлы, вывозившиеся в Баклу (быть может, и в другие районы Таврики), «алые парфянские кожи», участвовавшие в товарообмене с кочевниками, и др.²⁷

Не сохранилось сведений о том, что экспортировал Херсон в районы Малой Азии. Возможно, это была соль — один из важнейших товаров, импортируемых городами Южного Причерноморья, о чем сообщают источники XIII—XV вв.²⁸ Выше мы останавливались на вопросе об импорте херсонитами меди из Синопа²⁹. В связи с этим интересны данные архивных материалов за 1410 г., приведенные в работе С. П. Карпова: «...патрон судна «сарацин» Яхья из Синопа прибыл ad salinas, ведя товарообмен меди на соль»³⁰. Отметим также, что составитель «Lo Compasso de Navigare» в середине XIII в. указывает, что салины «sSaline» расположены недалеко от Херсона³¹.

Если вина в XIII—XV вв. продолжали импортировать в Крым, то зерновые в это время вывозились из портов Таврики в Южное Причерноморье (а следовательно, уже не поступали на херсонский рынок из Малой Азии)³². Такая кардинальная переориентация связана с развитием сельского хозяйства на плодородных равнинах, расположенных в районах устьев Дуная и Днестра: Белгород и Килия являлись главными портами, через которые каффинские предприниматели вывозили зерно Молдавии, Украины, Польши, в частности, в Крым и Малую Азию³³. Экспортировалось зерно в XIII в. на Понт и из Приазовья³⁴.

Таким образом, несмотря на частичное изменение номенклатуры экспортно-импортных товаров в торговле Херсона с Южным Причерноморьем, основную часть ассортимента составляли продукты сельского хозяйства, промысловых занятий, полезные ископаемые, а также в небольшом количестве предметы роскоши.

Торговля с районами Северного Причерноморья

В X—XV вв. Херсон постоянно поддерживал торговые связи с районами Северного Причерноморья. Однако в этот период происходили значительные изменения в политической и этнической карте региона, важнейшими из которых были падение Хазарского каганата во второй половине X в. и периодическая смена кочевых народов (печенегов, населявших в конце IX—XI вв. южнорусские степи, вытеснили половцы, а затем, в 20-е годы XIII в., пришли татаро-монголы). За их наступлением последовало проникновение и укрепление итальянцев в Северном Причерноморье, вызванное, в частности, падением Константинополя в 1204 г. Все эти процессы не только меняли торговых партнеров Херсона, но и оказывали влияние на роль города в системе международных торговых связей.

Одним из основных торговых партнеров Херсона в X — середине XIII в. были кочевые племена печенегов и половцев.

По сведениям Константина Багрянородного, взаимоотношения города с печенегами прежде всего обусловлены тем, что «этот народ соседствует с областью Херсона»³⁵. Один из путей, по которому печенеги подходили к городу, шел через перешеек, соединявший Крымский полуостров с материком. Здесь «древние, прорыв канал, проходили в море... Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь две дороги, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам»³⁶. Этой же дорогой, вероятно, двигались и те кочевники, которые «на пути к Херсону» преодолевали днепровскую переправу Криария³⁷.

В трактате сообщается, что главными предметами обмена были «шкуры и воск, которые они (херсониты) покупают у пачинакитов»³⁸. Эти товары не только обеспечивали потребности горожан, местного ремесленного производства, но и вывозились херсонскими купцами в Романию (*εἰς Ῥωμαίαν*) и были столь важной статьей реэкспорта херсонитов, что без этого они «не могли существовать»³⁹. Если «шкуры» — это продукт кочевого хозяйства, то воск, очевидно, являлся предметом транзитной торговли печенегов. Возможно, они обменивали его на Руси, продавая славянам, как отмечено в трактате, живой скот⁴⁰. Это предположение основано, в частности, на том, что мед и воск — традиционные предметы вывоза из русских земель в Хазарию в X в., о чем сообщает арабский писатель ал-Истахри⁴¹.

Очень важны данные трактата «Об управлении империей» о посреднической деятельности печенегов, заключении торговых сделок, своего рода доверенности и поручительстве. Вот что сказано об этом в трактате: «Они (печенеги) и торгуют с херсонитами и исполняют поручения как их, так и василевса и в Росии, и в Хазарии, и в Зихии, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влатни, прандии, харерии, пояса, перец, алые парфянские кожи и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям»⁴². Ведь какие еще «поручения», кроме торговых, мог давать «каждый херсонит» «любому из пачинакитов», причем, скорее всего имеются в виду не только купцы, которые, как говорится в этом же сочинении, сами осуществляли поездки на Русь⁴³, но и другие горожане (возможно, ремесленники и пр.). Эти частные торговые операции печенеги производили на Руси, в Хазарии, в Зихии (т. е. в некоторых районах восточного Крыма и на Черноморском побережье Кавказа), а также в прилегающих областях. Сделка заключалась в Херсоне, но оплачивалась по выполнению печенегами взятых обязательств, на что указывают слова «исполняют поручения... получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату», которая зависела от сложности выполнения этих поручений и стоворчивости печенегов. Точно неизвестно, что именно получали печенеги в обмен на шкуры и воск,

но, вероятно, это были те же товары, которые кочевники требовали как плату за исполнение поручений, — дорогие пурпурные ткани, швейные изделия, прандии, шелковые ткани, пояса, перец, алые парфянские кожи и другие предметы (в том числе, видимо, зерно и вино, которые привозились в Херсон) ⁴⁴. Мы полагаем, что указанные товары могли быть и предметами обмена (а не только оплатой выполненного поручения), так как в трактате сказано, что они были желанны кочевникам и что ими мог расплатиться за услуги печенегов не только посланец императора, но и «каждый херсонит» в зависимости от того, как «сумеет договориться с людьми из пачинакитов». Примечательно, что названные товары (дорогие ткани, перец, алые парфянские кожи и, очевидно, другие предметы) — импортные.

Таким образом, в торговле с печенегами Херсон прежде всего предстает как крупный перераспределяющий центр: шкуры и воск, полученные у печенегов и через них из русских земель, отправляются в византийские области, а обмененные там дорогие ремесленные товары становятся предметами торговли с кочевниками. Конечно же, все товары, поступавшие в Херсон, частично оседали в городе: они попадали на местный рынок, служили сырьем для херсонского ремесла.

Когда печенеги были вытеснены половцами, Херсон и с этими кочевниками установил тесные торговые отношения. Об этом сохранились свидетельства в «Алексиаде» Анны Комнины, где сказано, что куманы (половцы) «обычно туда (т. е. в Херсон.— Н. Б.) приходили торговать и покупать нужные им товары» ⁴⁵. Очень важно указание на систематичность торговых отношений с половцами. Вероятно, и продукты обмена между куманами и херсонитами были те же, что и в товарообмене с печенегами, т. е. в первую очередь жители города покупали у половцев шкуры, другие продукты животноводства и товары, игравшие большую роль в транзитной торговле, развитии местного ремесленного производства.

Дж. Шепард полагал, что печенеги приводили в Херсон русских рабов ⁴⁶, однако, по данным источников, известно о продаже невольников в Херсоне лишь половцами. В «Слове» Киево-Печерского патерика о блаженном Евстратии Постнике сообщается, что этот черноризец в числе других христиан был пленен половцами и «проданъ бывъ нѣкоему жидовину съ инѣми многими». Вместе с Евстратием было продано 500 человек: «от монастырских работников 30 от Киева 20» ⁴⁷. Далее в «Слове» патерика сказано, что черноризец учил плененных христиан, что лучше умереть от голода и жажды, чем быть в руках неверных, от чего последовавшие его совету умерли. Разгневанный хозяин распял Евстратия, который перед смертью сказал: «... ты же и иже с тобою жидове днесь въсплачете и възрыдаете, яко приде на вы отвѣтъ от Бога...». Затем в патерике говорится о гонимии на евреев со стороны императора, о крещении хозяина умершего Евстратия, и так как он «богат сый и храборъ вельми», то получил

титул епарха. Однако «в тайнѣ бываетъ отметникъ Христа и его вѣры, и дать дерзновеніе жидом по всей области Греческого царства, да купать христіаны въ работу себѣ. Обличенъ же бывъ нечестивый сей епархъ, и убиень бысть, по словеси блаженнаго Еустратіа, и ту сущаа жиды, иже озимъствоваша в Корсуни, и имѣнія отымше того жидовина...»⁴⁸. Из приведенного текста патерика следует, что пленников половцы продавали еврейским купцам, зимовавшим в Корсуни, т. е. специально приезжавшим в город с целью покупки партии невольников и дальнейшей их перепродажи, когда весной вновь открывается черноморская навигация. В «Слове» о Евстратии дело представлено так, что еврейские купцы как бы монополизировали работорговлю, хотя, возможно это объясняется вполне закономерной тенденциозностью источника. Примечательно в связи с этим, что осуждается не работорговля как таковая, а продажа христиан инаковерующим (кстати, заметим, что все это происходило в таком довольно крупном христианском городе, как Херсон, — центре одноименного архиепископства).

В письменных источниках сохранились немногочисленные и довольно неопределенные свидетельства о торговле Херсона с Хазарским каганатом. Сопоставление сведений трактата «Об управлении империей» о хазарах, «идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону» и совершающих «поход с войском на Херсон и Климаты»⁴⁹, позволяет заключить, что в первом случае речь идет о мирных, вероятно, торговых, связях. Возможно, именно об этих же купеческих караванах писал около 960 г. еврейский сановник Хасдай Ибн-Шафрут. Вот как он передает в своем письме следующие слова византийского посла: «...между ал-Кустантинией и их страной 15 дней пути, но что сухим путем между нами и ими (хазарами. — Н. Б.) находится много народов, что имя царя, царствующего (теперь над ними), Иосиф; что корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары; что они с нами в дружбе и у нас почитаются и что между нами и ими (постоянный) обмен посольствами и дарами; что они обладают (военной) силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают (на войну) по временам...»⁵⁰. Нельзя не обратить внимание на согласованность приведенных сведений с данными трактата Константина Багрянородного и других источников. Так, под военными столкновениями в письме Хасдая Ибн-Шафрута, очевидно, подразумевались нападения на византийские области, скорее всего на Херсонскую фему. О таких военных походах хазар в Таврику, нападениях на крымские города и сам Херсон сообщается не только в трактате «Об управлении империей», но и в тексте так называемого Кембриджского документа, написанного неизвестным хазарским евреем в X в.⁵¹ Из писем Константинопольского патриарха Николая Мистика известно, что по его поручению херсонский архиепископ при содействии стратига фемы вел активную миссионерскую деятельность в Хазарии⁵².

Таким образом, приведенные данные ряда источников указывают на то, что тесные контакты между Византией и Хазарией (как мирные связи, так и вооруженные столкновения) часто осуществлялись именно через Херсон.

В свете этого следует рассмотреть и сведения Ибн-Шафрута о торговле: морским путем доставлялись в Византию рыба, кожа и другие товары. Но кому принадлежали корабли, привозившие эти товары: не являлись ли они, хотя бы в некоторых случаях, херсонскими? Это предположение основано на весьма косвенных данных. Во-первых, известно, что в Константинополь именно херсонские корабли (τὰ χερσωνίτικα καράβια) в большом количестве привозили кожу (шкуры), которые, правда, по замечанию Константина Багрянородного, херсониты обменивали у кочевников. И во-вторых, по данным трактата «Об управлении империей» известно о плавании херсонских судов этого же типа в Хазарию. Вот, например, что сказано о строительстве крепости Саркел во время правления императора Феофила (829—842): «Василевс, склоняясь к их (хазар. — Н. Б.) просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне: посадив людей на более тяжелые карабии (εἰς κατὰ τὴν χερσωνίτικα καράβια), он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость»⁵³.

Таким образом, рассмотренные сведения греческих и еврейских источников сводятся к следующему. Жители Хазарии приходили торговать в Херсон; возможно, и сами херсониты совершали морские поездки к берегам Хазарии. Очевидно, там они получали товары (кожу, рыбу), которые транзитом через Херсон в числе других грузов, полученных уже в самом городе (воск, шкуры), поступали на константинопольский рынок.

В связи с признанием самого факта развития торговых связей Херсона с Хазарией (что подтверждается и археологическим материалом, о чем речь пойдет ниже) представляет интерес и следующее сообщение ал-Истахри: «В стране хазар добывается и вывозится во все страны только клей»⁵⁴. По мнению С. А. Плетневой, арабский писатель имел в виду «необычайно ценное в то время сырье — рыбий клей»⁵⁵. Очевидно, клей поступал и в Херсон так же, как и некоторые сорта пресноводных рыб, кости которых часто встречаются при раскопках города. Примечательно, что осетровые вывозились из устья Дона транзитом через Крым не только в X в., как мы читаем у Ибн-Шафрута, но и в XIII—XV вв. Изучая сведения письменных источников об импорте рыбы на Понт, С. П. Карпов отмечал, что ввозили «главным образом осетровых, из устья Дона или Кубани, либо непосредственно, либо через Каффу и города Крыма»⁵⁶.

Археологические материалы позволяют проследить и обратную связь (Константинополь—Херсон—Хазария). Так, изучение находок на территории Северного Причерномья константинопольских

блюды и чаш IX—X вв., покрытые свинцовой прозрачной глазурью и орнаментированных рельефными изображениями, оттиснутыми особым штампом, привело исследователей к выводу, что они привозились в большом количестве в Херсон, а уже «из Херсона они попадали и в другие поселения Таврики (например, на Баклу), Таматарху и в Саркел»⁵⁷.

Обращаясь к археологическим источникам, свидетельствующим о торговле с Хазарским каганатом, прежде всего необходимо отметить, что это государственное образование было этнически неоднородным: на его территории жили «аланы, булгары, славяне, угры, хазары, остатки готского и греческого населения и др. Постоянно общаясь друг с другом, они создавали единую в основных чертах культуру», называемую салтово-маяцкой и имевшую несколько локальных вариантов⁵⁸. Поэтому и находки IX—X вв. в Херсоне, относящиеся к кругу памятников салтово-маяцкой культуры, следует рассматривать как свидетельство взаимоотношений жителей города с Хазарией, вернее с народами, населявшими территорию каганата. К числу таких памятников относятся медные литые бляшки с гравировкой в виде широколопастного листа, «попавшие в Херсон благодаря связям его с поселениями восточной Таврики и Северного Кавказа»; разнообразные керамические изделия IX—X вв.: кувшины, горшки, высокие плоскодонные и низкие шарообразные сосуды, светильники и др., происходящие из хазарского слоя Саркела, Подонья, Салтова, восточных районов Таврики, Приазовья и т. п.⁵⁹ А. Л. Якобсон, рассматривая некоторые из указанных находок, писал: «Эта небольшая группа керамики IX—X вв. из Херсона, несомненно, алаано-болгарская, происходящая из поселений Приазовья или Северного Кавказа, попавшая в Херсон вместе с выходцами из тех районов; она важна не только как отражение связей города с алаано-болгарским миром Северо-Восточного Причерноморья, но и как показатель этнической неоднородности этого византийского города...»⁶⁰. Конечно, керамические изделия не импортировались из Хазарии (в отличие от белоглиняных константинопольских блюд, транзитом через Херсон поступавших в Саркел), а попадали туда либо как тара, в которой содержался товар, либо как предмет быта. Но на то, что эти связи носили и торговый характер (если не преимущественно таковой), указывают, например, следующие факты (хотя и косвенные): найденный в Херсоне кувшин с орнаментом врезной линией, совершенно аналогичный кувшину из хазарского слоя (т. е. слоя X в.) Саркела, был обнаружен вместе с монетами Романа I, Константина Багрянородного и Василия II⁶¹.

С другой стороны, в Саркел привозилась керамика из Херсона. Помимо уже указанной столовой константинопольской посуды также транзитом через Херсон попадали амфоры очень редкого для Херсона типа (желтый черепок, широкий «раздутый» бороздчатый корпус, покатые плечи и широкое округлое днище). По наблюдениям археологов, этот вид амфор, не являющийся массо-

вым в Херсоне, а вне его известный только в Саркеле в слоях X в., был привозным⁶², очевидно, из византийских городов, так как на ручках иногда встречаются буквенные клейма (что характерно для амфор из византийских центров IX—X вв.).

Однако еще больший интерес для изучения торговых отношений Херсона с городами Хазарии представляют находки, которые характеризуют не транзитную торговлю, а вывоз ремесленной продукции самого Херсона. К ним относятся амфоры с темно-красным черепком, грушевидным туловом, скругленным дном, бороздчатой поверхностью, укороченным корпусом, массивными ручками. «Такого рода амфоры, притом абсолютно тождественные, известны и вне Херсона. Только ими, например, пользовались в Саркеле хазарского периода, т. е. в X в. Вряд ли можно сомневаться, что привозили их туда именно из Херсона, в те времена наиболее крупного центра Северного Причерноморья, с которым Саркел был тогда непосредственно связан. Производство таких амфор в других местах Таврики пока неизвестно»⁶³.

На участие жителей Хазарии в обмене товарами, поступавшими на херсонский рынок, указывают и находки в Саркеле медных херсоно-византийских монет IX—X вв., причем важно отметить не только то, что число их значительно больше находок монет в других городах Северного Причерноморья, но и то, что в Саркеле обнаружен почти полный набор херсоно-византийских монет правивших в то время императоров, что свидетельствует о систематичности торговых связей Херсона с Хазарией⁶⁴.

Тесные торгово-экономические отношения поддерживал Херсон с различными районами Таврики и Таманского полуострова на протяжении всего рассматриваемого периода. Большой интерес для изучения морских путей, связывавших города и области Северного Причерноморья с Херсоном, представляют те источники, в которых указывается точная траектория движения кораблей. Так, например, в постановлениях венецианского Сената конца XIV — начала XV в. говорится о плавании судов по маршруту Тана—Каффа—Херсон—Средиземноморье и обратно⁶⁵. Значение же карт, портуланов, пособий по навигации определяется прежде всего самой сферой их применения. Ведь известно, что портуланы, карты, пособия по навигации составлялись в первую очередь как практические руководства мореплавателям (и естественно, в соответствии с их указаниями). Следовательно, упоминание Херсона свидетельствует о том, что авторам этих источников он был известен как порт. Таким образом обозначен Херсон на многих картах XIV—XV вв. под названиями: *Cersona* в 1318 г.; *Srexona* в начале XIV в.; *Surzona* в 1375 г.; *Cressona* в 1408 г.; *Gorozonda* в XV в.; *Girisonda* и др.⁶⁶ Однако чем же объяснить в таком случае то, что Херсон указан и на картах конца XV—XVI вв. (например, под именем *Giriconda* в 1480 г.; *Gerezonda* в 1530—1550 гг.⁶⁷), т. е. тогда, когда он уже не существовал как город? Быть может, это связано с традицией, ориентацией на более ранние карты или практикой использования по-

кинутого жителями порта как бухты для временной стоянки и торжища? ⁶⁸

Кроме того, Херсон упоминается в очень подробных инструкциях по навигации. Хронологически первая из них была составлена в 1154 г. арабским географом Идриси и указывает точные расстояния между отдельными пунктами по маршруту устье Днестра — устье Днепра — Seknimil — «далее в Херсон (à Kersona), чуть менее 1 дня плавания, т. е. 80 миль. Из Херсона в Джалиту (Djalita — Ялта), (находящуюся) в стране команов, — 30 миль. Из Джалиты в Гхарзуни (Gharzouni — Гурзуф), цветущий город на берегу моря, — 12 миль...». Примечательно также и указание точного расстояния от черноморского острова Саранба (Saranba) до Херсона и Матрахи: «К востоку на расстоянии 2 дней от этого острова (Andisera. — Н. Б.) (находится) остров Саранба, расположенный напротив и на расстоянии полудня пути от Херсона и более одного дня от Матрахи la Maritime» ⁶⁹. Серединой XIII в. (1250—1265) датируется составление другого руководства по навигации так называемого «Lo Compasso de Navigare», в котором, в частности, обозначены расстояния по линии южное и восточное побережья Черного моря — Матраха—Тана—Каффа и далее Чембало—Фанарио (Fanario) — Херсон (Cursona).⁷⁰ В источниках есть сведения и о сухопутных сообщениях Херсона с городами Крыма. Так, в «Географии» Абульфеда (1273—1331) о Сару-Кермане (татарское название Херсона) сказано, что он расположен на восток от Аккермана (Ackerman) и что «между Сару-Керманом и городом Кирым (Kirim — Крым), называемом иначе Солгатом (Solgat), около 5 дней (пути)» ⁷¹.

В письменных источниках почти не сохранились сведения о торговых связях с областями Таврики и Таманского полуострова. Но сравнительно многочисленные указания на систематичность и относительную стабильность церковно-политических контактов Херсона с указанными районами ⁷² свидетельствуют об освоенности путей, соединявших город с различными областями Крыма, и их активном (т. е. столь же систематичном и стабильном) использовании в X—XV вв.

При изучении археологических источников мы встречаемся со следующими затруднениями. Во-первых, археологическая изученность средневековых поселений Крыма еще очень незначительна и, вероятно, потому нет обобщающих работ, по которым можно было бы судить об их торговле с Херсоном; в связи с этим мы обращались к некоторым отчетам, статьям об археологических раскопках в различных поселениях Крыма, и, безусловно, эти данные фрагментарны. Во-вторых, Таврика как регион представляет собой в определенной степени единую культурно-историческую общность и потому различия в производстве некоторых видов изделий (например, керамических, стеклянных) не всегда уловимы, а сами эти изделия характеризуются как относящиеся к северовичерноморскому типу, т. е. как бытовавшие

в различных городах и областях Северного Причерноморья⁷³. Поэтому проследить, например, перевозку керамической тары, вывоз каких-либо других ремесленных изделий собственно Херсона практически нельзя. Но в ряде случаев изделия ремесленников отдельных центров своеобразны и отличимы от продукции мастеров других поселений, а следовательно, подобный материал может быть привлечен к рассмотрению вопроса о торговых связях Херсона. К таким свидетельствам мы теперь и обратимся. Совершенно не вызывают сомнений в этом отношении херсоновизантийские монеты IX—XI вв., найденные в Боспоре, Партени-те, Сугдее, Эски-Кермене, а также в Тмутаракани, где, по данным В. В. Кропоткина, они составляют 42,1% монетных находок⁷⁴. Однако здесь следует заметить, что эти монеты имели хождение в самом Херсоне и в более позднее время и фиксируют *terminus post quem*.

Из ремесленной продукции, производимой и экспортируемой Херсоном в поселения Северного Причерноморья, исследователи прежде всего отмечают черепицу, имевшую характерные для мастерских Херсона метки. Ее вывозили в IX—XIII вв. в Эски-Кермен, в другие поселения юго-западного нагорья (Мангуп, Баклу), в меньшей степени — в районы южного Крыма; херсонская черепица XIII—XIV вв. обнаружена при раскопках храма в Ореанде⁷⁵. Интересную гипотезу выдвинула Е. А. Паршина на основе находок черепичных клейм, аналогичных херсонским, при раскопках гончарных печей в Ласпи: «Черепица с такими клеймами изготовлялась на месте. Речь может идти лишь о заимствовании в Херсонесе форм для изготовления черепиц или может быть даже о концентрации керамического производства в руках каких-то частных или должностных лиц Херсонеса». В слоях IX—XI вв. в Ласпи были обнаружены тарные и столовые сосуды, находящие аналогии в Херсоне. Завершая обзор средневековой керамики Ласпи и Семенза, Е. А. Паршина отмечает: «В целом керамический материал... дает возможность выявить интересные нюансы в связях Херсонеса — основного экономического центра Крыма — с периферией»⁷⁶. Малочисленность археологического материала из раскопок поселений Крыма не позволяет присоединиться к мнению исследовательницы или внести какие-либо коррективы. Но так или иначе «нюансы» в связях Херсона и его периферии, безусловно, носили и характер товарообмена ремесленной продукцией, что нас в данном случае интересует.

На крымский рынок поступала не только строительная керамика, но и посуда различного назначения. Так, «наличие огромного количества ойнохой херсонесского производства в Скалистинском могильнике (район Баклы IX—X вв. — Н. Б.) позволяет предположить специальное культовое назначение этого вида посуды»⁷⁷. Находки на Баклинском городище «фрагментов поливной керамики, а также типичных для такого крупного торгово-ремесленного центра, как Херсонес, амфор» указывают на торговые связи Херсона и Баклы⁷⁸. Значительная часть визан-

тийского керамического импорта (блюда, тарелки, чаши) Сугдеи XII — первой половины XIII в. представляли херсонские полихромные поливные сосуды⁷⁹. Вероятно, именно из Херсона попали в Каффу встреченные там при раскопках «поливные сосуды (блюда и миски с прямо отогнутым бортом на кольцевом поддоне, ангобированные, с орнаментом в технике графито под желтой или зеленоватой крошащей поливой) херсоно-византийского круга XIII—XIV вв.»⁸⁰. Примечательно также, что в XII—XIII вв. активизируются связи Херсона с Тмутараканью, о чем свидетельствует резкое увеличение числа привозных амфор⁸¹. Очень важным представляется тот факт, что поливная столовая посуда вывозилась из Херсона не только в города, но и в сельские поселения: в одном из них, расположенном в низовьях реки Бельбек, были обнаружены «обломки поздних поливных тарелок с гравированным орнаментом и росписью ангобом и татарская монета с надчеканкой (XIII в. ...)». «После возрождения жизни на поселении в XIII в. жители его по-прежнему торгуют с Херсонесом, откуда привезена поливная столовая посуда»⁸².

Чрезвычайный интерес представляют находки экспортных изделий других отраслей херсонского ремесла. К ним относятся стеклянные браслеты; так, трехгранный детский браслет синего стекла был найден при раскопках гробницы на Мангупе: исследователи отождествляют его с браслетами, «широко известными в Херсонесе после X в.»⁸³. По наблюдениям Ю. Л. Шаповой, «в IX—X вв. ведущее место в производстве браслетов Северного Причерноморья занимал Херсонес. Потребность населения Тмутаракани в браслетах удовлетворялась за счет их ввоза из метрополии и из Херсонеса... Изменение положения в Херсонесе, — замечает далее исследовательница, основываясь на гипотезе А. Л. Якобсона об упадке города в конце X в., — могло послужить причиной переезда какой-то части мастеров в Тмутаракань, иначе трудно объяснить встречавшиеся в XI в. браслеты предполагаемого херсонесско-крымского типа»⁸⁴. Археологический материал из раскопок Тмутаракани еще раз со своей стороны указывает на ошибочность представлений об упадке Херсона в конце X в., что не прослеживается ни в экономической, ни в политической, ни в церковной жизни города, ни в его строительном деле. В то же время этот материал свидетельствует о развитии торговых связей Херсона с Тмутараканью — вывозе туда местной ремесленной продукции.

Подтверждают вывод о торговле двух городов в XI в. и обнаруженные в Херсоне 3 монеты, определяемые специалистами как таманские подражания византийским монетам (тмутараканский русский выпуск, датируемый самым концом X — началом XI в.)⁸⁵.

В XII—XIII вв. — в период расцвета производства стеклянных браслетов в Тмутаракани — они в небольшом количестве привозились в Херсон (о чем свидетельствует находка в слое XII—XIII вв.)⁸⁶. Однако сам по себе этот факт никак нельзя

рассматривать как свидетельство упадка местного херсонского производства стеклянных браслетов, поскольку, во-первых, браслеты местного производства в Херсоне многочисленны, во-вторых, находка браслета тмутараканского типа единична и, наконец, в третьих, вполне логичен привоз в город особенных, отличных от местных предметов роскоши, украшений (если они не попали туда как личная вещь приезжего). Ведь совершенно очевидно, что на протяжении всего рассматриваемого периода Херсон был крупным центром гончарного производства, но это не исключало привоз в город особой посуды из Константинополя, Малой Азии, Золотой Орды и пр.

Анализ химического состава изделий XII—XIII вв. из бронзы, найденных при раскопках Баклы, показал его идентичность химическому составу херсонских изделий. При этом особо отметим вывод исследователей о том, что в Баклу поступали из Херсона не только цветные металлы, служившие основой для местного бронзолитейного производства, но и «значительная часть изделий» из этих металлов⁸⁷. Эти наблюдения важны для нас потому, что, с одной стороны, известно об импорте Херсоном меди из районов Южного Причерноморья, и таким образом, цветной металл, поступавший в Баклу, был реэкспортным товаром. Но с другой стороны, вывоз из Херсона бронзовых изделий указывает уже на экспорт продукции местного ремесла.

К подобным же реэкспортным товарам, о которых сохранились определенные свидетельства, относится и поливная белоглиняная столовая посуда с рельефными украшениями IX—X вв., попадавшая из Константинополя транзитом через Херсон в Баклу и Тмутаракань⁸⁸.

Сведений о ввозе в Херсон ремесленных изделий из других крымских городов очень мало. Кроме некоторых находок, упомянутых уже выше, отметим, что при раскопках портового квартала археологи обнаружили «фрагмент тонкостенной красноглиняной чаши, имитирующей фаянсовые изделия. Он имеет близкую аналогию среди поливной посуды Мангупа XV в.»⁸⁹. В 1895 г. в районе Карантинной бухты была найдена «часть сосуда(?) из зеленого стекла с рельефным изображением щита и обозначением римскими цифрами 1322 года, относящаяся, по-видимому, к эпохе пребывания генуэзцев в Крыму»⁹⁰. Изучение итальянского стекла, встречающегося на Северном Кавказе, привело М. Г. Крамаровского к выводу, что оно изготавливалось в Крыму (скорее всего, в Каффе) на основе местной ремесленной базы. Химический состав фрагмента, найденного в Херсоне, аналогичен другим, подвергнутым исследованию, и потому возможно предположить, что он являлся продукцией каффинских мастерских⁹¹. Эти находки, свидетельствующие о контактах Херсона с Мангупом и с Каффой, представляют собой предметы единичного ввоза, возможно, попавшие в Херсон случайно вместе с выходцами из этих городов.

В отличие от стеклянных изделий, сырье экспортировалось сравнительно систематично. Спектральный и люминесцентный анализ кусков смолистого вещества, обнаруженных в портовой части Херсона в слоях IX—X вв., показал, что они имеют нефтяное происхождение и привезены из районов Керченского и Таманского полуостровов⁹². В переработанном ли виде переправлялась эта нефть из Херсона далее в Константинополь — неизвестно.

Выше упоминалось о находках в Херсоне строительного и поделочного камня (в частности, евпаторийского ракушечника, инкерманского известняка), сердолика и других материалов, добычей которых могли заниматься как жители Херсона, так и различных районов Таврики. Указанные находки сырья для городского ремесленного производства свидетельствуют о тесных хозяйственных контактах (очевидно, в том числе и торговых) между Херсоном и другими областями Крыма.

Об активном участии Херсона в торговле Северного Причерноморья во второй половине XIII—XV вв. свидетельствуют находки монет, количество которых превосходит все иные находки нехерсонских монет — на территории Херсона по данным публикаций было обнаружено и определено около 170 монет Золотой Орды, из них 40 серебряных⁹³. Особо следует отметить 3 генуэзско-татарские монеты 30-х годов XV в., чеканенные в Каффе. То, что подавляющее большинство монет — медные (а не серебряные, которые часто использовали как товар — весовое серебро), указывает на достаточно активное включение Херсона в товарно-денежные отношения Золотой Орды и городов Крыма. Ассортимент товаров, поступавших в Херсон из Орды, нам фактически неизвестен, если не считать небольшого количества золотоордынской керамики⁹⁴. Находки перстня с так называемой «печатью Соломона», встречающейся на золотоордынских монетах; свинцового сосудика с орнаментом в виде выпуклой восьмилепестковой розетки и арабской надписью, служившего для хранения текста молитвы, и др.⁹⁵ указывают на бытование татарских вещей в позднем Херсоне. А так как татары составляли значительную часть населения города, то факт распространения таких вещей вряд ли может рассматриваться как свидетельство развития торговых связей с ремесленными центрами Орды. Некоторые из этих изделий, как предполагают исследователи, могли изготавливаться и в самом Херсоне⁹⁶.

Таким образом, в торговле Северного Причерноморья X — начала XIII в. Херсон выступает и как центр транзитного обмена, и как центр торговли продуктами ремесленной деятельности самих горожан. Таким он был для печенегов и половцев, Хазарского каганата и Тмутаракани, для городских и сельских поселений Крыма. Во второй половине XIII—XV вв. Херсон активно участвует в товарно-денежном обмене городов Крыма и Золотой Орды, но нет сведений ни о его реэкспортной роли, ни о вывозе в эти районы продуктов хозяйственной деятельности херсонитов, что

уже само по себе, очевидно, свидетельствует об изменении прежних функций города в торговле Северного Причерноморья⁹⁷.

Торговые отношения с Восточным Средиземноморьем

Прежде всего следует отметить условность определения «торговые отношения Херсона с районами Восточного Средиземноморья». Она объясняется тем, что хотя в ходе археологических раскопок были найдены предметы, указывающие на их производство в районах Восточного Средиземноморья (Греции, Ближний Восток и пр.), однако нет сведений о том, что жители Херсона посещали города Леванта или выходцы из районов Восточного Средиземноморья совершали торговые сделки в Херсоне. Мы располагаем лишь определенными данными о торговле Херсона с Константинополем, о пребывании в Херсоне итальянских предпринимателей. Возможно, товары левантийского производства поступали в Херсон через константинопольский рынок, а позднее привозились в город итальянцами⁹⁸. Не исключено, что путь некоторых из этих предметов в Херсон шел через Малую Азию и Южное Причерноморье.

Неоднократно упоминаемый выше трактат «Об управлении империей» сохранил для нас сведения о торговых связях Херсона с Константинополем в X в. «Да будет известно, — указывает Константин Багрянородный, — что если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслият совершить противное царским повелениям, должно тогда сколько ни найдется в столице херсонских карабий (ἡερσωνίτικα καράβια) вместе с их корабельным грузом (μετὰ τῷ ὑμῶν) конфисковать, а херсонитов — моряков и пассажиров (οἱ δὲ ναῦται καὶ ἐπιβίται ἡερσωνῖται) — связать и заключить в работные дома (εἰς τὰ ἐργαλεῖα) и далее: «(знай), что если херсониты не приезжают в Романию (οἱ ταξιδεύουσιν οἱ ἡερσωνῖται εἰς Ῥωμανίαν) и не продают шкуры и воск (τὰ βυσσάρια καὶ τὰ κηρία), которые они покупают у пачинакитов, они не могут существовать»⁹⁹. Таким образом, торговые перевозки осуществляла херсонская флотилия, состоявшая из того же типа судов (карабий), которые совершали плаванья к южному берегу Черного моря и в Хазарию.

Матросы и пассажиры (очевидно, купцы) также были жителями Херсона, так как их арест — это одна из мер, направленных против херсонитов в случае восстания города. Примечательно упоминание о плавании херсонских карабий не только в столицу (ἐν τῇ πόλει), но и в Романию (εἰς Ῥωμανίαν): под этим названием в трактате понимается империя в целом; определенно же известно из слов Константина Багрянородного о посещении херсонскими карабиями Константинополя и портов Южного Причерноморья, что, безусловно, включает в себя понятие «Романия»¹⁰⁰. Отсутствие более точного указания в интересующем нас случае не дает возможности установить, торговали ли херсониты

с другими областями империи. Сохранились сведения и о плавании в Херсон кораблей из столицы. Ранее упоминалось о прибытии в город хеландий спарфокандидата Петроны, отправившегося затем в Хазарию на херсонских караванях; таким же образом (на хеландиях), вероятно, добирались до Херсона и другие посланцы императора¹⁰¹. Однако, очевидно, что на хеландиях не перевозились товары, служившие предметами торговли, и основные торговые перевозки осуществлялись на караванах Херсона.

Обращаясь к рассмотрению находок византийских нехерсонских монет X—XIII вв., обнаруженных в ходе раскопок Херсона, необходимо отметить следующее. Во-первых, монеты императоров константинопольского чекана могли попасть в город не только из столицы, но и из других областей империи, в том числе из районов Южного Причерноморья. Во-вторых, основная масса монет константинопольского чекана, особенно из дореволюционных раскопок, не опубликована и не определена, однако имеющаяся в нашем распоряжении выборка в той или иной мере адекватно отражает процесс монетного обращения. Для X в. известно около 30 византийских монет, причем более половины составляют монеты Никифора II Фоки и Иоанна Цимисхия, в том числе 5 — из драгоценных металлов. Количество монет, датированных следующими двумя столетиями, превышает 10 экземпляров (из них 8 из драгоценных металлов); при этом распределение их более равномерно, чем в X в., так что имеется почти полный набор монет правивших в то время императоров, а это указывает на стабильность связей Херсона с центральными областями Византии в XI—XII вв.¹⁰²

Этими же столетиями датируются и многочисленные находки привезенных в Херсон изделий мелкой пластики, выполненных византийскими мастерами. Так, фессалоникскими ремесленниками были изготовлены шиферная икона с позолотой и изображением святых воинов Георгия и Димитрия (конец XI — начало XII в.), а также створка триптиха из слоновой кости (X—XI вв.)¹⁰³. Из константинопольских мастерских происходят найденные в Херсоне стеатитовые позолоченные иконы XI—XII вв., рельеф льва, выполненный из слоновой кости (X—XI вв.)¹⁰⁴. Изделия мелкой пластики, привозившиеся из византийских средиземноморских центров, очевидно, передавались из поколения в поколение, почему нередко предметы XI—XIII вв. находят в верхних слоях городища¹⁰⁵. Изучение часто встречающихся в Херсоне художественных изделий из металла XI—XII вв. (икон и др.) позволило А. В. Банк заключить, что «во многих случаях такого рода предметы изготавливались на месте по образцам», привозившимся из столицы и других городов. В данном случае нас интересует не только «широкое распространение этого вида прикладного искусства», развивавшегося в таком местном центре, как Херсон но и то, что эти образцы привозились в Херсон из районов Восточного Средиземноморья.

Подражания константинопольскому образцу исследователи наблюдают также на примерах костяного ларца XI—XII вв. с рельефными изображениями реальных животных, кентавров и сиринов; многочисленных резных костяных пластинках и каменных иконах¹⁰⁶. Широко известны в Херсоне находки костяных пуговиц и игральные фишек X—XII, XIII—XIV вв., которые «абсолютно идентичны известным по раскопкам византийских слоев в Коринфе»¹⁰⁷. Вероятно, это свидетельство не только «единства эстетических принципов во всем византийском мире»¹⁰⁸, но, возможно, и импорта таких «абсолютно идентичных изделий» или их образцов. Реальность предположения о контактах жителей Коринфа и Херсона подтверждается находкой херсоно-византийской монеты Василия I в Коринфе¹⁰⁹.

При раскопках Херсона встречается керамика, производство которой связано с Константинополем, различными городами Греции, западного побережья Малой Азии и др.: белоглиняные и красноглиняные поливные столовые сосуды, несколько типов амфор, а также белоглиняные расписные сосуды с крестами, применявшиеся при особом «расширенном» крещении. Примечательно, что датируются эти привозные гончарные изделия различными периодами в пределах всего рассматриваемого хронологического отрезка¹¹⁰.

Из балканских и ближневосточных центров привозились в Херсон и стеклянные изделия. Это и флаконы XI—XII вв. синего стекла, расписанные золотом и эмалью, которые изготовлялись предположительно в Коринфе и использовались для перевозки и хранения лекарственных и косметических жидкостей. В мастерских Сирии были произведены обнаруженные при раскопках Херсона кубки XII—XIV вв. из бесцветного стекла с росписью золотом и разноцветной эмалью. Также сирийского происхождения и небольшие кубки из прозрачного стекла оливкового цвета XII—XIII вв. с напаями в виде запятых и нитей, служившие образцами для продукции местных херсонских стеклодувов (наряду с привозными изделиями имеются фрагменты таких же форм и орнаментации, но изготовленные в Херсоне)¹¹¹. Близок по форме сиро-египетским стеклянным лампам сосуд из листовой меди, сделанный в Херсоне, с «которыми его роднит и украшение крупными медальонами»¹¹². К продукции мастеров сиро-палестинских центров относится и найденный в Херсоне бронзовый крест-складень X — первой половины XI в. с изображением сцен «Вознесения» и «Преображения»¹¹³. Примечательно также, что, изучая монументальные рельефы, выполненные херсонскими резчиками под влиянием художественных образцов и традиций Ближнего Востока, исследователи отмечают, что эти заимствования были вызваны «связями, возникшими в процессе торговли», которые «обусловили в какой-то мере духовное сближение торгующих сторон»¹¹⁴.

К числу находок, указывающих на взаимосвязь Херсона с Левантом, относится и такой уникальный предмет, как средиземноморская раковина, обнаруженная в слое XI—XII вв.¹¹⁵

Как видим, расцвет торговли по данным археологии приходится на весь период X—XII вв., причем в XI—XII вв. она, пожалуй, превосходит торговлю X в., что в ряду других фактов опровергает сложившееся мнение об упадке Херсона в XI—XII вв.¹¹⁶ На это также косвенно указывают и находки печатей коммеркиариев, значительная часть из которых датируется XI в.¹¹⁷

Уже из приведенных выше материалов археологических раскопок Херсона следует, что ряд предметов роскоши (например, дорогая столовая посуда) и культа поступали в город из районов Восточного Средиземноморья и после падения Константинополя в 1204 г. О том, что связи с этими районами активно развивались в XIII—XV вв., свидетельствуют и нумизматические находки в Херсоне, среди которых монеты Латинской империи, правителей Фессалоник, так называемые латинские имитативные монеты, выпущенные венецианцами, владевшими частью Константинополя, а также другие поздневизантийские монеты (Михаила VIII Палеолога и др.). Примечательны также находки серебряной монеты сербского царя Стефана Душана середины XIV в. и нескольких западноевропейских монет (обнаруженных в верхнем слое и, к сожалению, лишь так упомянутых в отчете)¹¹⁸.

Однако встает вопрос: каким образом со второй половины XIII—XV вв. попадали в Херсон изделия средиземноморского производства: не через посредство ли итальянских купцов? Подтверждают такое предположение не только свидетельства о существовании генуэзской фактории в Херсоне¹¹⁹, но и конкретные данные о торговой деятельности итальянцев в городе. Известны, например, наряду с названными монетами (кстати, заметим, что сербские серебряные монеты имели хождение в Венеции), и находки западноевропейских художественных изделий XIV в. (бронзовой чаши с латинскими надписями¹²⁰ и пр.). Посещали город и венецианские торговые суда. В одном из уже упоминавшихся постановлений венецианского Сената от 7 января 1399 г., регламентирующем движение парусных судов (кокк) из Венеции в Тану и обратно, сказано: «И когда они (кокки. — Н. Б.) отправятся из района Каффы, если не будут иметь своего груза, то могут идти в Херсон или в любое другое место в Черном море, в котором смогут получить свой груз...». В решении от 28 февраля 1402 г., в частности, указывается, что при входе каравана кокк в Черное море они должны направиться к Херсону, Каффе и Тане¹²¹. Из текста этих документов следует, что в порт Херсона на рубеже XIV—XV вв. заходили тяжелые «круглые» суда, называемые кокками. Известно, что кокки имели большое водоизмещение, обладали относительной свободой в выборе времени для плавания и осуществляли, как правило, перевозку зерна, соли, леса и т. п.¹²² Скорее всего, товаром, который, по данным постановлений Сената, практически всегда могли взять на борт венецианцы в Херсоне, была соль, с давних пор являвшаяся одним из основных экспортных товаров¹²³. Важно также отме-

тить, что корабли венецианцев заходили в херсонский порт не только на обратном пути из Азовского моря в Средиземное, но и при входе в Черное море наряду с плаванием в Каффу и Тану. Следовательно, поступавшие в Причерноморье товары попадали на херсонский рынок не только через посредство Каффы или Чембало. Очень важно, на наш взгляд, упоминание Херсона на морских картах и в пособиях по навигации, на рассмотрении которых мы останавливались выше; здесь же отметим, что уже в середине XIII в. Херсон назван в составленном в Италии «Compasso de Navigare», и затем он постоянно упоминается на картах. Очевидно, это еще одно свидетельство значимости города как порта международной торговли.

О плавании генуэзских и венецианских судов, а также и византийских кораблей с торговыми целями в Крым, в том числе, очевидно, и в Херсон, в середине XIV в. сообщается и в «Истории» Никифора Григоры. Повествуя о начале генуэзско-венецианской войны 1350—1355 гг., византийский историк пишет следующее: «Лишь только солнце обратилось к своему весеннему движению, земля зацвела свежей зеленью трав и соткала себе одежду из самых разнообразных цветов, и сказочные трубы возвестили о возвращении к жизни деревьев и зарождении всевозможных плодов, в гавани Византия прибыли 14 венецианских триер. Они, окружив (блокировав) пролив из Эвксинского Понта, захватили генуэзские триеры из эмпория Галаты, приплывшие из Меотиды, Херсона и (других) тамошних областей (ἐκ μετιτιδὸς τε καὶ χερσονόου καὶ τῶν ἐκείθεν χωρίων)¹²⁴. А вот что рассказывает Никифор Григора об условиях, предъявленных Византии после поражения в морской битве в феврале 1352 г.: «Эти генуэзцы, вышедшие с незначительным преимуществом из морского сражения с византийцами, не являвшегося памятным, нимало не сдерживали свои намерения, но хотели господствовать над всем морем. И прежде всего они захватили Эвксинский Понт, по причине идущей оттуда наживы, но не только византийцам повелели они, уже властно и преисполнившись дерзости, отказаться от плавания к Меотиде и Танаису, а также и к Херсону (χερσονόου) и к прибрежным областям скифов по ту сторону Истра с целью ведения торговли (ἐμπορεύεσθαι), если только не получат от них (генуэзцев) разрешения; но и они (генуэзцы) сдерживали торговлю там венецианцев, заботясь о том, чтобы, закрыв пролив Понта многочисленными триерами, установить в святилище Сарapis тираническую и насильственную пошлину, если бы кто-нибудь захотел войти в Эвксинский Понт или выйти из него»¹²⁵.

Итак, по сообщениям Никифора Григоры, в середине XIV в. византийские и итальянские суда совершали торговые перевозки из Средиземноморья в порты Азовского моря, Крыма и областей севернее Дуная. В научной литературе, однако, до сих пор сообщения Григоры связывают с городом Херсоном. А. И. Романчук в полемике с А. Л. Якобсоном отмечает, что сведения Григоры представляют собой свидетельства борьбы итальянцев и греков

за доходы, которые приносила торговля с Херсонесом, как и с другими северопричерноморскими центрами; «средневековый автор сожалеет, что они достаются не константинопольскому купечеству, а генуэзцам»¹²⁶. Соглашаясь с подобной интерпретацией, мы, однако, считаем, что эти сообщения историка относятся не к Херсону-городу, а к Крыму в целом. В известных нам грекоязычных источниках X—XV вв. под именем «Херсон» всегда подразумевается город, в отличие от названия полуострова «Херсонес, Херсонес Таврический»¹²⁷. Но в сочинении Никифора Григоры название «Херсонес» нигде не используется ни для обозначения Крымского полуострова, ни города на нем. Имя же «Херсон» упоминается в «Истории» лишь дважды (в приведенных выше отрывках), при этом важно обратить внимание на контекст его употребления — Меотида, Танаис, Херсон, прибрежные области скифов по ту сторону Истра, — который указывает на то, что под «Херсоном» Григора, вероятно, понимает Крым в целом, не исключено, что в том числе и город Херсон: ведь известно, например, о посещении его порта венецианскими кораблями. Кстати, заметим, что требования генуэзцев, о которых пишет Никифор Григора, были законодательно оформлены в мае 1352 г. (в договоре Генуи и Византии) и в июне 1355 г., когда был заключен мир между Генуей и Венецией¹²⁸. Одним из главных пунктов этих соглашений было запрещение плавания в Тану и в Азовское море: византийцы и венецианцы могли проходить в Азовское море только с разрешения генуэзцев. В договорах ничего не говорится не только о Херсоне-городе, но и о Крыме. Однако упоминание о попытках генуэзцев установить торговую монополию и в Таврике, о чем сообщается в «Истории» Никифора Григоры наряду с весьма подробным и соответствующим статьям договоров описанием условий плавания в Северном Причерноморье после войны 1350—1355 гг., по всей вероятности, отражает имевшую место практику.

Таким образом, торговые связи Херсона с районами Средиземноморья поддерживались с помощью организации плавания торговых флотилий. Причем если для начала рассматриваемого периода известно, что эти перевозки осуществлялись преимущественно херсонскими кораблями, то для периода XIV—XV вв. сохранились лишь данные о посредничестве в этой торговле итальянских и, вероятно, византийских — «средиземноморских» судов и торговцев. Возможно, что такая информативность источников в отношении Херсона вызвана в определенной мере объективными причинами: она отражает обстановку, сложившуюся в Черноморском регионе в конце XIII — середине XV в., когда итальянские предприниматели фактически монополизировали осуществление морских торговых связей Причерноморского региона с районами Восточного Средиземноморья, а греко-армянское, мусульманское купечество «опосредовало международную торговлю на местных рынках», вовлекалось во внутрорегиональный (причерноморский) обмен¹²⁹.

Ассортимент товаров, вывозившихся из Херсона в районы Восточного Средиземноморья, представлен в X—XII вв. прежде всего реэкспортными товарами, полученными у кочевников и, возможно, в Хазарии, а также, очевидно, на протяжении всего рассматриваемого периода продуктом промысловой деятельности херсонитов — солью. О реэкспортной роли Херсона с XIII в. нет никаких сведений. Импортировались из районов Восточного Средиземноморья дорогие стеклянные и керамические сосуды, костяные и бронзовые изделия, предметы культа, а также, вероятно, шелковые ткани, швейные изделия и другие предметы роскоши, о которых, в частности, упоминает Константин Багрянородный¹³⁰. Ввозились в Херсон и другие неизвестные нам товары, как, например, те продукты, которые наполняли тарную керамику константинопольского производства, и т. п. Безусловно, не все найденные в ходе раскопок Херсона предметы, происходящие из районов Средиземноморья, попали в город в качестве предметов товарообмена. Многие из них оказались в Херсоне вместе с прибывшими из тех мест, в ряде случаев в качестве их личных вещей. Но, как это отмечалось и в других разделах работы, сам факт присутствия в Херсоне этих людей, о чем свидетельствуют оставленные ими вещи, указывает на существование связей Херсона с левантийскими областями, что позволяет рассматривать их в ряду сведений как письменных источников, так и массовых археологических находок, характеризующих торговлю Херсона.

Торговые связи Херсона с русскими землями

Прошло уже более 30 лет, как А. Л. Якобсон специально остановился на истории русско-корсунских экономических связей XI—XIV вв., отдав торговле самое скромное место¹³¹. Тем не менее и имевшийся в то время археологический материал, который увеличился за годы последующих раскопок, и данные письменных источников указывают на развитие торговых отношений Херсона с русскими землями в течение всего периода X—XIV/XV вв.

Основной путь на Русь из Черного моря шел по Днепру (его подробное описание находится в разных источниках)¹³². Одно из них приведено в сочинении Константина Багрянородного, и хотя оно повествует о хождении русских в Константинополь в X в., тем не менее в тексте трактата имеются очень важные для нас указания. Это описание днепровской переправы Криария, «через которую переправляются херсониты, идя из Росии»¹³³. Судя по контексту, император имеет в виду не отдельные посольства на Русь, вызванные чрезвычайными обстоятельствами (как, например, миссия Калокира)¹³⁴, а довольно частые путешествия херсонитов, видимо, с целью торговли. Кроме поездок на Русь в X в.

херсониты поддерживали контакты с русскими и в устье Днепра, где мог проходить и торговый обмен¹³⁵.

Сведения о том, что выходцы из юго-западной Таврики приходили торговать на Русь, сохранились и в житии Антония Римлянина, относящемся к самому началу XII в.: «И сниди преподобнии с камени, — сказано в житии, — и поиде во градъ. и обрѣте челоуѣка греческіа земли гостбу (куплю, торговлю. — Н. Б.) дѣюща, купецкіи чинъ имуща, иже умѣяше римскимъ и греческимъ и рускимъ языкомъ... купецъ же онъ паде къ ногама святаго, прошаше благословеніа отъ него. преподобнии же ему благословеніе дарова и о Христъ цѣлование. вопросившу же его преподобному о градѣ семъ и о людехъ и о вѣрѣ и о святыхъ Божіихъ церквахъ. готфинъ же преподобному повѣдаше вся по ряду глаголя. градъ сей есть великіи новъ градъ...»¹³⁶. По единодушному мнению исследователей, купец гречанин-готфин, которого Антоний встретил в Новгороде, «являлся выходцем из Тавриды, точнее говоря, из юго-западного ее района (так называемой Готии), скорее всего, из Херсона»¹³⁷.

Путь из «варяг в греки» сохранил свое значение для Херсона и в более позднее время. В «Сказании о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязанские земли», где повествуется о событиях 20-х годов XIII в., очень подробно сообщается о том, как шел путь из Херсона на Русь, когда южнорусские степи были заняты половцами: «...доиде до устья Днѣпрскаго Понетскаго моря, сеже словеть море Руское, и сяде в корабль и поиде Понескимъ моремъ в море Варяжское и Варяжскимъ моремъ доиде до Нѣмецкіе области, и приде во градъ нарецаемый Кесь и пребысть ту мало дней, и поиде путемъ сухимъ чрезъ Нѣмецкіе области... и приде в великіи Новгородъ и пребысть ту многа дни...»¹³⁸.

О том, что по Днепру жители Херсона и русские осуществляли именно торговые связи, свидетельствуют находки херсонских изделий и монет, встречающихся преимущественно вдоль днепровского пути, а также в Новгороде, Владимире и некоторых других городах. Как свидетельствуют данные табл. 2, эти монеты относятся не только к периоду IX—X вв., но и к XI—XIII вв. (монеты типа «ро»). С другой стороны, в Херсоне были найдены 12 серебряных новгородских гривен XIV в. В литературе высказывались разные мнения об их предназначении: например, что они являлись товаром, т. е. весовым серебром, или что были изготовлены в Херсоне по типу новгородских для торговли с Русью¹³⁹. Но так или иначе эти гривны указывают на существование торговых отношений с Русью и в XIV в.

Сведения о торговле русских в Причерноморье имеются и в сочинениях арабских географов IX — начала X в. «Что касается славянских купцов, — писал Ибн ал-Факих, — то они вывозят меха лисиц и выдр из отдаленнейших краев славянских, для чего они отправляются к Румскому морю, где румский владыка берет с них десятину; оттуда они ходят морем в Самкарш Евреев, после чего они обращаются к стране славян, затем они

ходят по славянскому морю в Хазарский морской рукав, где владыка Хазарии берет с них десятину»¹⁴⁰. Текст Ибн ал-Факиха действительно может дать повод для предположения, высказанного А. Я. Гаркави, о взимании этой пошлины в Херсоне¹⁴¹ или херсонитами (например, в устье Днепра). Ведь из слов географа следует, что путь русских судов шел морем мимо Крымского полуострова, а скорее всего вокруг него, ибо вряд ли возможно предположить, что русские отправлялись в Керчь (с русскими же товарами) уже после захода в Константинополь. Однако рассказ Ибн Хордадбеха, на которого также ссылается А. Я. Гаркави, не подтверждает его гипотезу: этот арабский географ описывает совершенно иной маршрут русских караванов. «Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных (окраин страны) славян к Румийскому морю. Владетель а-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Тананису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан (Каспийскому. — Н. Б.) и высаживаются на любом берегу»¹⁴². Ибн Хордадбех указывает два различных торговых пути — один к Румийскому морю, очевидно, по Днепру, а другой — по Дону и далее в Каспийское море, в отличие от Ибн ал-Факиха, который сообщает об одном маршруте. Так как ни тот, ни другой писатель не называют Херсон, мы не можем утверждать, что пошлина с русских взималась в Херсоне. Однако оба географа сообщают об активных торговых связях с областями Причерноморья и вывозе из славянских земель пушнины и мечей, и вряд ли такой крупный торговый центр, каким был во второй половине IX—X вв. Херсон, мог находиться в стороне от этой торговли. К тому же при раскопках Херсона встречается русское оружие, в том числе и бронзовый наконечник меча X в., три наконечника ножен конца X — начала XI в., бронзовая 12-шипная булава. Кроме того, в могиле некрополя на западном берегу Карантинной бухты найдено вооружение русского воина X в., состоящее из боевого ножа, 12 стрел и колчана, двух небольших ножей¹⁴³.

В специальной литературе достаточно широко известны и другие изделия русского производства, обнаруженные при раскопках в Херсоне. К ним относятся несколько десятков овручских лиловых шиферных пряслиц; керамические изделия (около 15 горшков, аналогичных поднепровским, и корчажец «киевского типа», датируемые XI—XIII вв.); костяные поделки (рукоятки ножей, пластинки для гребня), орнаментация которых подобна той, что встречается на предметах из Старой Ладogi IX—XI вв. и Пскова XI—XIII вв.¹⁴⁴ Украшения, похожие на золотое височное кольцо из Херсона, также известны среди славянских древностей X—XIII вв.¹⁴⁵ Из находок русских изделий значительную в количественном отношении группу представляют предметы культа XI—XIV вв. — бронзовые энколпии, кресты, цепи¹⁴⁶. По мнению исследователей, энколпии происходят из поднепровских городов,

скорее всего, из самого Киева, причем некоторые имеют точные аналоги среди киевских (отлиты в одной форме и датируются 1230-м годом).

К изделиям херсонского производства на Руси относятся стеклянные браслеты X в. так называемого причерноморского типа, обнаруженные в Новгороде, Киеве, Смоленской и Владимирской областях, Белгородке и др.¹⁴⁷ На территории Древней Руси встречается как керамика безусловно херсонского происхождения (например, поливной красноглиняный кувшин XIII в. с орнаментом врезной линией и полихромной расцветкой, найденный в Киеве)¹⁴⁸, так и гончарные изделия, аналогичные бытовавшим в районах Северного Причерноморья, в том числе в большом количестве и в Херсоне¹⁴⁹. Кроме того, известны амфоры XII—XIV вв. из Белоозера, Киева, Новгорода с такими граффити, которые имеют прямые аналоги на находках из Херсона¹⁵⁰. Из числа керамической тары древнерусских городов известны и два типа сосудов — корчаги и амфоры, — сходные с херсонскими XII—XIV вв. По предположению А. Л. Якобсона, «в этом сходстве типов амфор проявилась, очевидно, определенная связь ремесленного производства Киевской Руси с Северным Причерноморьем, то ли выражавшаяся в общении самих ремесленников, то ли установившаяся путем привоза (в качестве тары) самих изделий в города Киевской Руси. Последнее могло приобрести систематический характер»¹⁵¹.

Конечно, взятые отдельно предметы культа, оружие, немногочисленные костяные поделки, керамика, обнаруженные в Херсоне, или такая уникальная находка, как печать наместника Новоторга (позднее Торжка) XI в.¹⁵², определенно свидетельствуют лишь о пребывании русских в городе, а не собственно о торговых связях. Но, рассматривая их в совокупности с находками монет и гривен, пряслиц и браслетов, керамической тары¹⁵³, а также вместе с сообщениями письменных источников о путях на Русь, следует говорить не только о развитии «культурных связей»¹⁵⁴ но и о существовании торговых отношений, причем на протяжении всего периода X—XIV/XV вв. Скучные данные источников позволяют определить ни их интенсивность, ни достаточно полный ассортимент ввозимых и вывозимых товаров, но и имеющиеся сведения определенно указывают на развитие торговых связей.

Видимо, торговали не только с областями Поднепровья. Накопилось уже немало данных о связях Северной Руси (Новгорода, Пскова и др.) с Херсоном: это и уже упомянутые костяные поделки с орнаментом, аналогичным орнаментам Пскова и Старой Ладogi, и новгородские гривны XIV в.¹⁵⁵, найденные в Херсоне; и керамические изделия с характерными для Херсона граффити, обнаруженные при раскопках в Новгороде. Об этом же свидетельствуют и письменные источники. В приведенном отрывке «Сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязанские земли» сообщается, как именно шел путь из Херсона на Север Руси. Широко известны упомянутые выше сведения жития

Антония Римлянина, комментируя которые А. А. Васильев совершенно справедливо, на наш взгляд, писал: «Херсон, который был непосредственно связан с Константинополем и Малой Азией, был торговым центром Крыма, откуда коммерческие операции распространялись и на север»¹⁵⁶. Реальность существования торговых связей с областями Северной Руси подтверждается еще и тем, что по данным летописей и других источников в конце X в. и позднее имели место новгородско-корсунские церковные отношения¹⁵⁷. Примечателен также еще один факт: на Севере бытовала былина о Глебе (Льве) Володьевиче — отважном купце, совершившем поход на Корсунь: и хотя слова ее лишены исторической достоверности, важно отметить то, что она бытовала только на Севере и ни в одном другом месте на Руси¹⁵⁸. Все сказанное свидетельствует о существовании прямых торговых связей Северной Руси с Херсоном, а не только опосредованных, например, через Киев (где находилась, как отмечают исследователи, «новгородская торговая фактория»¹⁵⁹).

Внутригородской товарообмен

Ассортимент товаров, поступавших на городской рынок, включал изделия местного ремесла и продукты других видов хозяйственной деятельности херсонитов (строительная, тарная, столовая керамика, рыба, гвозди и т. п.), что уже рассматривалось в разделах работы, посвященных истории ремесла, сельского хозяйства и промыслов. Также на херсонском рынке происходил обмен товарами международной торговли и продуктами, производимыми в округе Херсона.

Обмен на херсонском рынке носил товарно-денежный характер. В X—XIII вв. в Херсоне чеканилась своя медная монета¹⁶⁰, причем по количеству найденных монет Херсон выделяется среди других городов империи¹⁶¹ и крымских центров. «Девять десятков монет, обнаруженных на всей остальной территории Крыма, идут ни в какое сравнение с более чем 12 тысячами монет, найденными в Херсоне только за последние 70 лет. Эта цифра отражает натуральный характер хозяйства в Крыму в течение всего средневековья»¹⁶². Однако вряд ли справедливо считать доказательством неразвитости товарно-денежных отношений малочисленность находок монет в сельских поселениях Крыма: ведь, «будучи крупнейшим городом Юго-Западной Таврики, Херсонес являлся и местом, где происходило превращение натурально-хозяйственного продукта в товар, а его денежный рынок в целом отражает характер торговых связей с сельской периферией»¹⁶³. Широкий временной диапазон монет в кладах и длительность обращения монет, подтверждаемая и многочисленностью находок монет IX—X вв., и монет типа «ро» XI—XIII вв. в верхних слоях городища (это постоянно фиксируется в отчетах), указывают на то, что прекращение работы монетного двора не означает сокра-

шение денежного обращения на херсонском рынке XIII—XV вв.¹⁶⁴ Кстати, находки в Херсоне большого количества татарских монет в сравнении с монетами, чеканенными в других городах, быть может, свидетельствуют о том, что татарские монеты имели хождение и на внутригородском рынке.

К археологическим находкам, которые указывают на развитие внутригородской торговли (кроме монет), можно отнести довольно часто встречающиеся весы и разновесы (или их детали)¹⁶⁵; печати коммерциариев, имевших императорские титулы спафарокандидатов, кандидатов и спафариев, что свидетельствует о взимании торговых пошлин городскими властями¹⁶⁶. Вероятно, к этой же группе находок следует причислить и керамические сосуды с граффити, обозначающими, что эти сосуды или, скорее, их содержимое было предназначено для товарообмена. К ним относится фрагмент амфоры: на стенке ее сохранилось сочетание знаков, которое «с известной долей вероятности может быть прочитано как $\pi\rho\eta\tau(\omega)\rho\eta$ (δ $\pi\rho\alpha\tau\acute{\iota}\rho$, $\pi\rho\alpha\tau\varsigma$, $\pi\rho\eta\tau\acute{\iota}\rho\iota\omega\nu$) — на рынок, на продажу»¹⁶⁷. Кроме того, известны и две желтополивные чаши с надписями, представляющими аббревиатуры аланского письма со значением: «(этот) сосуд, подлежащий обмену»¹⁶⁸.

Данные источников позволяют выделить и несколько способов организации торговли в Херсоне. В расположенных в усадьбах на территории городских кварталов лавках, которые так же, как и в других византийских городах, сочетались с жилыми помещениями и порою с мастерскими, продавалась, очевидно, продукция местных ремесленников. По наблюдению археологов, лавки могли находиться и на втором этаже, что вполне согласуется с архитектурой многих усадеб, на верхние этажи которых вели лестницы с улиц и дворов¹⁶⁹. Вне городских стен организовывались временные торжища, где, в частности, проводился обмен с кочевниками. Косвенные свидетельства этому сохранились в «Алексиаде» Анны Комнины. Повествуя о бегстве Лже-Диогеновича из Херсона, она пишет, что «он стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами, которые обычно туда приходили торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз. Куманы вместе с ним отправились оттуда в свою страну»¹⁷⁰. Таким образом, кочевники располагались за городскими стенами, где, очевидно, и проходил торг с ними. Вне городских стен организовывались ярмарки и временные рынки и в других византийских центрах — в Фессалониках, Трапезунде, Эфесе и пр.¹⁷¹

Кроме того, торговая площадь была расположена и в центре Херсона. Сообщение об этом находим в рассказе летописей о крещении князя Владимира в 988 г. «Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи в Корсунѣ градѣ, на месте посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоит и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ»¹⁷². По всей видимости, это была центральная город-

ская площадь, которая, как справедливо заметил А. Л. Бертье-Делагард, не обязательно должна была находиться в топографическом центре Херсона¹⁷³. Раскопками не удалось пока определить ее местоположение: быть может, она находилась там, где теперь стоят руины Владимирского собора, где в античную эпоху был центр общественной жизни. Так или иначе, но кроме сообщений летописи у нас более нет достоверных сведений о торговле в центре Херсона¹⁷⁴.

Таким образом, хотя и приведенные выше сведения о внутригородской торговле немногочисленны, они тем не менее свидетельствуют о ее большом значении в жизни Херсона X—XV вв.

Сведениями о взаимоотношениях Херсона и его окружи мы фактически не располагаем: совершенно умалчивают об этом письменные источники, и лишь весьма скудные результаты незначительных археологических исследований средневековых слоев окружи Херсона дают возможность сделать следующие наблюдения. На территории Гераклеяского полуострова с античных времен до XI—XII вв. сохранились остатки поселений. Средневековые постройки одного из них, расположенного в районе мыса Фиолент, занимали значительную площадь (не менее 150×150 м, т. е. 2250 м²). При этом комплекс построек был укреплен: имелась квадратная в плане башня, сложенная из крупных блоков; на полах башни и примыкавших к ней помещений было найдено значительное количество черепицы XII в., очевидно, херсонского производства. Так же укрепленные комплексы обнаружены в Хомутовой балке в южной части Гераклеяского полуострова и в балке Бермана. Примечательна находка там монет X в., что указывает на развитие денежного обращения во взаимоотношениях Херсона и его окружи¹⁷⁵. Очевидно, Херсон обеспечивал свою округу строительными материалами и тарой, которые, кстати, производились в городе на рынок. Это и черепица, и кирпич, и амфоры, и кувшины. Перечисленные изделия херсонских ремесленников, датируемые IX—X и XII—XIII вв., были, в частности, обнаружены и при исследовании в Круглой бухте, расположенной в нескольких километрах к западу от Херсона. В. И. Кадеев полагал, что названные изделия оказались на дне бухты, так как «во время сильных штормов корабли, подвозившие эти товары, гибли на камнях мели, расположенной почти в центре бухты»¹⁷⁶. Однако А. Н. Щеглов на основе изучения карт доказывает, что в древности посредине бухты находился остров¹⁷⁷. Это все, что пока известно нам о связях Херсона с его округой. Добавить к этому можно лишь то, что в обмен на изделия херсонских ремесленников и продукты, получаемые на городском рынке, жители укрепленных поселений Гераклеяского полуострова, вероятно, предоставляли продукты своей промысловой или сельскохозяйственной деятельности.

* * *

Торговля играла важную роль в жизни Херсона. Удобное местоположение города благоприятствовало развитию мореходства: в X—XV вв. плавания в Средиземноморье, к южному берегу Черного моря, к устьям Днепра, Дона и др., сочетавшие дальние и каботажные перевозки, указывают на господство в международной торговле Херсона морских связей. Несмотря на сезонность, доминирующая роль морских перевозок была вызвана не только сравнительной дешевизной, но и фактически постоянной политической нестабильностью в Таврике (миграциями и набегами кочевых народов, запустениями, враждой феодальных группировок и пр.). Это определяло относительную изолированность Херсона, который экономически и политически тяготел к Константинополю и Южному Причерноморью. Однако хотя сухопутные дороги были менее активными, но именно они играли определяющую роль в торговле с кочевыми народами, а также с некоторыми внутренними областями Таврики.

Очевидные выгоды географического положения Херсона на различных этапах X—XV вв. реализовывались в зависимости от ряда факторов, к которым следует отнести уровень социально-экономического развития самого Херсона и торгующих с ним сторон, а также внешнеполитическую обстановку и местные обстоятельства. Изучение развития ремесленного производства, роли сельского хозяйства и промысловых занятий в жизни горожан позволяют оценить и значение экспортно-импортных товаров (а следовательно, и роль торговли) в жизни Херсона. В X—XIII вв. ассортимент экспортных товаров включал тарную и строительную керамику, стеклянные браслеты, изделия из цветных металлов, т. е. продукцию ремесленного производства самого Херсона. По имеющимся данным, эти изделия сбывались в различных районах Северного Причерноморья, а также в небольшом количестве попадали на Русь. Продукция херсонских ремесленников продолжала вывозиться в некоторые районы Крыма и в XIV в. Соль — продукт промысловых занятий — экспортировалась в течение всего периода X—XV вв. в Южное Причерноморье (а также в Константинополь и, возможно, в другие районы Средиземноморья). Импортировались в X—XV вв. прежде всего те товары, которые обеспечивали сырьем ремесленное производство и продуктами питания горожан: цветные металлы, воск, ртуть, лен, шкуры, нефть, клей, зерновые, вино, особые сорта рыбы и пр.; они поступали из районов Южного Причерноморья, Хазарии, обменивались у кочевников. Ввозились также предметы роскоши: дорогие ткани, керамические и стеклянные изделия, алые парфянские кожи, благовония, художественные изделия из бронзы и кости, украшения и т. п. из районов Восточного Средиземноморья, Южного Причерноморья, Руси, сопредельных с Таврикой областей. Однако ввоз ремесленной продукции не означал ограничения («деформацию») развития ряда отраслей местного ремесла: он, с одной стороны, восполнял отсутствующие в городе производства (вызванные во многом закономерными причинами — шелкоткачество,

изготовление благовоний и т. п.), а с другой стороны, удовлетворяя потребности имущих слоев города в предметах роскоши (особые стеклянные сосуды, константинопольская керамика и иконы и пр.), эти товары служили образцами для херсонских ремесленников, которые заимствовали формы, приемы и методы орнаментации и т. д., создавая при этом не только копии, но и в ряде случаев массовую и отличающуюся своеобразием продукцию. Именно поэтому следует говорить о большом значении торговли и ремесла в Херсоне, развитие которых было во многом взаимобусловлено. От их «взаимосвязанного» развития зависела и жизнедеятельность самих горожан. Такая роль торговли и ремесла в жизни Херсона определила и большую значимость внутриворонежского рынка, где на протяжении всего периода доминировали торгово-денежные отношения. Недаром император Константин Багрянородный советовал сыну в случае восстания в Херсоне применить такой комплекс мероприятий, который в первую очередь сводился к «блокаде» торговой деятельности Херсона: конфискация его торгового флота, арест купцов и моряков, недопущение в город судов с южного берега Черного моря¹⁷⁸.

В международной торговле в X — начале XIII в. Херсон выступал прежде всего как центр транзитной торговли и уже затем как центр обмена продуктами хозяйственной деятельности горожан. Реэкспортными были: шкуры, воск, рабы, получаемые у кочевников; определенные сорта рыбы, клей, кожа, вывозимые из Хазарии; цветные металлы, возможно, зерно и вино, поступавшие из районов Южного Причерноморья; константинопольская керамика, дорогие ткани и другие товары, привозившиеся из столицы и иных областей. Роль Херсона как центра транзитной торговли была обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, внешнеполитической обстановкой в Северном Причерноморье, при которой Херсон был одним из самых крупных городов, экономическим, административным, церковным центром в Таврике; и во-вторых, особенностью константинопольского рынка, ставившего своей целью удовлетворение потребностей столицы путем организации закупки товаров на месте и, таким образом, активизировавшего деятельность херсонского купечества по доставке этих товаров¹⁷⁹. Отмечаемый упадок некоторых отраслей ремесленного производства Константинополя в XI—XII вв.¹⁸⁰ не оказал влияния на структуру и интенсивность торговли Херсона со столицей и, возможно, на идущий через Константинополь обмен с другими областями Средиземноморья.

Только латинское завоевание Константинополя и последовавшее за этим проникновение и укрепление в Крыму итальянских предпринимателей, совпавшие с татарским нашествием, изменили обстановку в Северном Причерноморье и роль Херсона в системе международных торговых связей. В XIII—XV вв. Херсон продолжал *активно* поддерживать торговые отношения с Южным и Северным Причерноморьем, Восточным Средиземноморьем, Русью, хотя в ряде случаев (прежде всего в отношениях со Средиземно-

морьем) и через посредство иноземных (преимущественно итальянских) купцов. Именно эти торговые связи являлись необходимыми для существования Херсона как города. Но значение Херсона как центра транзитной торговли было утрачено, как и его торговая монополия в Северном Причерноморье, перешедшая к другим городам Крыма и Приазовья. Не случайно поэтому русские воинские повести («Задонщина», «О Мамаевом побоище», «О стоянии на Угре» и др.), прославляя русское оружие, обращаются к Каффе и Мангупу, а не к Корсуню и Сурожу, как раньше в XII в. «Слово о полку Игореве»¹⁸¹.

Часть II

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНА

Глава I. ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Специфика экономического развития византийских провинциальных городов различных регионов империи оказывала значительное влияние на эволюцию их общественно-политических институтов и структуру населения. Для Херсона рассматриваемого периода к числу таких особенностей относятся высокий уровень развития ремесла и торговли, постоянная зависимость города от ввоза сырья для ремесленного производства и продуктов питания для жителей, слабая связь с аграрной периферией Крыма. Все это определяло облик Херсона прежде всего как центра торгово-ремесленного (а не аграрного), заинтересованного в развитии международной торговли, и в связи с этим как города, верхушку общества в котором должны были в значительной степени составлять социальные группы, сопричастные к торговле. Кроме того, важное значение при выяснении специфики организации городского управления в Херсоне имеют внешнеполитические факторы, ведь насыщенная событиями история Северного Причерноморья в целом и Херсона в частности в X—XV вв. определила в качестве одной из главных задач — обеспечение защиты города от внешней опасности. И наконец, большое влияние на организацию управления в Херсоне оказывала и многовековая история городского самоуправления, определенные традиции и элементы которого сохранились в городе на протяжении всего рассматриваемого периода.

В правление императора Феофила (829—842) в Херсоне была организована фема во главе со стратигом. Константин Багрянородный упоминает о ней в двух трактатах «Об управлении империей» и «О фемах». В первом содержатся важные сведения о народах, окружавших Византию; он написан в форме поучения к сыну Роману. Сочинение «О фемах» по замыслу должно было представить «географию империи» в X в., но вместо этого в нем приводятся сведения эпохи Юстиниана¹. К X в. относятся названия и деления провинций, где на двенадцатом месте упоминается фема Херсон². Причиной отправки стратига в Херсон послужила, по словам Константина Багрянородного, недостаточная верность императору представителей городского самоуправления: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсон и местностями вокруг нее (принадлежащими ей — τοῦς ἐν αὐτῇ τόλους) и не упустить их из своих рук, — говорит императору Феофилу его посланник Петрона, вернувшись в столицу после постройки крепости Саркел, — избери собственного стратига и не

доверяя их протевонам и архонтам». Петрона же и стал первым стратигом в Херсоне, и с тех пор глава фемы присылался из столицы³, причем, «указывая на стремление херсонцев к независимости, Константин подчеркивал обязательность этих назначений»⁴.

Резиденцией стратига был сам Херсон: в случае восстания в городе, сказано в трактате, «стратиг уйдет из Херсона, отправится в другую крепость и обоснуется там»⁵. Эта мера, наряду с конфискацией торгового флота, была весьма ощутимой для горожан: уход стратига из Херсона означал потерю покровительства империи, что в условиях пограничного положения Херсона было чрезвычайно опасным.

Источники сохранили сведения о том, что Херсон постоянно подвергался нападениям со стороны различных народов. Так, в русско-византийском договоре 945 г. упоминается, что «приходять чернии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимь князю рускому, да ихъ не пускаеть: пакостять странѣ его»⁶. Обещает беречь мир и оберегать Херсон от набегов и князь Святослав в договоре с Иоанном Цимисхием в 971 г.: «Яко николи же не помышлю на страну вашу, ни собираю вой, ни языка иного не приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городов ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся с нимъ»⁷. По сведениям различных источников известен также и захват Херсона князем Владимиром в 988 г.⁸ Из слов Константина Багрянородного о том, что печенеги «могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять самый Херсон»⁹, следует, что они (и, видимо, неоднократно) предпринимали военные походы на область Херсона и опустошали даже сам город. И если печенегов Константин Багрянородный советует использовать в борьбе с русскими, то союз с «эксусиократором Алании» есть верная защита от набегов хазар, которые, «страшась нападения алан, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для ведения войны одновременно против тех и других, будут вынуждены хранить мир»¹⁰. О таком военном походе хазар против Херсона в первой половине X в. сообщается и в письме неизвестного хазарского еврея¹¹. Заметим, что во взаимоотношениях с варварской периферией Херсону очень важен был сам факт вхождения города в состав государства могущественного сюзерена, способного защитить его и военной силой, и своим авторитетом на международной арене; до 1204 г. им была Византийская империя.

В приведенных русско-византийских договорах, в решении вопроса о возвращении города князем Владимиром Византии, в словах Константина Багрянородного о правителе Алании, который «не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев», а поэтому-то создаются условия «длительного и глубокого мира для Херсона и Климатов»¹², — во

всех этих свидетельствах источников прослеживается одна закономерность: Херсон и Климаты рассматриваются, с одной стороны, как некая обособленная область со своей «властью», в отношении которой даже в договоры включаются особые статьи — о Корсунской стране (так же, как и в отношении болгар), но с другой стороны, город и его область выступают на международной арене как неотъемлемая часть империи, пользующаяся ее защитой и покровительством (именно поэтому, возможно, объектом разрешения разногласий Руси и Византии при Владимире Свято-славиче стал Корсунь).

Для обеспечения защиты стратиг выдавал золото крепости Херсон: 10 литр из казны (т. е. 720 номисм), которые, очевидно, составляли опсоний (сатиресий) — плату воинам фемного войска стратига, рекрутируемым из херсонитов. Кроме того, в ведении стратига находилась и выдача 2 литр пакта¹³, вероятно, за пограничную (дозорную и иную) службу, которую, по сведениям ряда источников, вел Херсон. Об этом, в частности, находим сообщения в одном из писем патриарха Николая Мистика к болгарскому царю Симеону, относящемся ко времени второй болгаро-византийской войны (912/13—919) и датированном, по мнению исследователей, концом августа — началом сентября 917 г. В нем, в числе прочего, патриарх приводит слова, сказанные ему во дворце по поводу военных приготовлений против болгар: «Тебе (т. е. патриарху. — Н. Б.) не безызвестен Вога, который назначен стратигом в Херсон. Вот этот-то стратиг Херсона не перестает все время сообщать, что болгары прилагают все усилия, чтобы печенегов и другие народы, которые обитают в тех краях, привлечь к участию в нашествии на ромеев и к войне (с ними). И не то, чтобы он то говорил, то молчал об этом; но непрерывно и ежедневно этими посланиями и речами он беспокоит наши уши и сердце»¹⁴. Из письма следует прежде всего то, что через Херсон осуществлялись контакты византийцев с печенегами, что позднее также отметит и Константин Багрянородный¹⁵. Стратиг Вога, как можно заключить из слов Николая Мистика, отправлял гонцов в Константинополь как с письменными, так и с устными уведомлениями о намерениях болгар. Слова же патриарха о ежедневных посланиях от херсонского стратига вряд ли следует понимать буквально. Вероятно, автор письма хотел таким образом подчеркнуть, что Вога передавал частые и весьма тревожные сообщения. В тексте письма указывается на Херсон как на город-страж на границах империи, зорко следивший за действиями и приготовлениями соседей.

Об этом же упоминается и в «Видении Василия Нового». Святой, как повествуется его ученик и младший современник Григорий, по откровению свыше предсказывает поход русских войск на Византию в 941 г., и это сбывается: «Не было еще тогда в городе вести об этих речах, а через несколько дней распространилась весть во дворце и между жителями города об их (русских. — Н. Б.) набеge на нас, а через несколько дней херсонский стратиг

прислал василевсу донесение, заявлявшее и о том, что они уже приблизились к этим областям. Спустя немного времени они по-
дошли к...»¹⁶.

Русская летопись, повествуя о походе 941 г., отмечает, что известие пришло только от болгар: «В лѣто 6449. Иде Игорьъ на Греки. И послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдий 10 тысящъ»¹⁷. Отправку же сообщения из Корсуни летопись связывает лишь с походом 944 г.: «В лѣто 6452. Игорьъ же совокупивъ вон многи... поиде на Греки въ лодьяхъ и на конихъ, хотя мѣстити себе. Се слышавше корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: «Се идуть Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «Идуть Русь, и наяди суть к собѣ печенѣги»¹⁸.

Свидетельство «Видения Василия Нового» определенно относится к первому походу князя Игоря, что следует из всего хода повествования жития и того, что приблизительно в 944 г. Василий умер. Возможно предположить, что летопись под 941 г. путает болгар и корсунцев, особенно если сравнить те сведения, которые они посылают в 944 г.: не болгары, а именно корсунцы сообщают о движении кораблей, что весьма логично при учете местоположения Херсона, который мог контролировать движение судов к столице (а также наличия поселения корсунцев в устье Днепра, где они могли следить за выходом русских кораблей в море). Сведения, отправленные в Константинополь в 941 г., согласно летописи, также касаются только количества судов (хотя, вероятно, весьма преувеличенного). Однако достаточно веских доказательств того, что летописец вместо корсунцев указал на болгар, нет. Определенно можно лишь отметить то, что жители Херсона вели наблюдение за морем и появление большого количества русских кораблей в 941 г., конечно, не могло остаться без их внимания. Летопись ничего об этом не сообщает, однако сведения «Видения Василия Нового» восполняют известный пробел и подтверждают то, что Херсон исправно выполнял дозорную службу.

Таким образом, стратиги Херсона организовывали оборону города, наблюдали за действиями и приговлениями соседних народов, выдавали золото из казны крепости Херсон для рекрутирования фемного войска. К этому следует добавить, что стратиги оказывали помощь херсонскому архиепископу в проведении им миссионерской деятельности в Хазарии¹⁹.

Еще одной функцией представителя центральной администрации, очевидно, связанной с защитой города, являлось попечение о состоянии крепостных сооружений и собственной резиденции. На это указывает найденная в Херсоне надпись 1059 г.: «Сооружены железные ворота претория (τοῦ προητορίου), возобновлены и прочие (ворота) крепости (τοῦ κωστροῦ) при Исааке Комнине, великом василевсе и самодержце Ромеев, и Екатерине, благочестивейшей Августе, Львом Алиатом, патриkiem и стратигом Херсонским и Сугдейским, месяца апреля, индикта 12, в год

6567»²⁰. Примечательно, что в середине XI в. Сугдея входила в состав фемы Херсон. Кроме уже перечисленных в функции стратига, очевидно, входил надзор за другими должностными лицами фемы: коммерциариями, хартуляриями и пр. О деятельности этих чиновников в Херсоне свидетельствуют находки их печатей X—XI вв.²¹ Помимо названных выше Воги и Льва Алиата известны имена многих стратигов Херсона, которые сохранились на моливдовулах: для X—последней трети XI в. их найдено более 20 экземпляров²².

Во второй половине X—XI вв. во главе фемы иногда стоял катепан. Это подтверждается находкой двух печатей²³, а также упоминанием в русской летописи: под 6574 (1066) годом говорится об отравлении Ростислава Тмутараканского катепаном: «сего же котопана побиша каменьем корсуньстии людь»²⁴. Очевидно, справедливо мнение о том, что появление в XI в. печатей катепанов свидетельствует об изменении функций стратигов, моливдовулы и упоминания которых также известны в этом столетии²⁵. Во всяком случае на материалах Херсона можно проследить характерный для Византийской империи в целом процесс перестройки управления провинциями, связанный с упадком фемного строя²⁶. Вероятно, в назначении катепанов в отдаленную пограничную область, нередко выступающую против центральной власти, какой была фема Херсон, следует видеть попытку упрочения господства империи в одном из наиболее угрожаемых ей районов. Упразднение фемы в Херсоне фиксируется лишь по исчезновению в конце XI в. упоминаний о представителях центральной администрации в городе, отсутствию находок их печатей.

Наличие элементов самоуправления всегда было характерной чертой городской жизни Херсона, не исчезнувшей, очевидно, и в период существования фемы (в том числе во время расцвета фемного строя). Монеты Херсона, чеканившиеся в X—XII/XIII вв., «намекают на существование в начале X в., когда известны печати только фемных чиновников, муниципальной организации, которая, однако, не обнаруживает себя в моливдовулах»²⁷. Со второй половины X в. вновь (после перерыва с 70-х годов IX в.) появляются сведения о представителях внутригородского управления (или как принято в литературе — самоуправления). Известна находка печати херсонского протевона Михаила, имевшего титул императорского спафария²⁸. О протевоне сохранились сообщения в хрониках Скилицы и Зонары, где в рассказе о посольстве патрикия Калокира на Русь сказано, что он был сыном херсонского протевона²⁹. О херсонском правителе (возможно, именно о протевоне, хотя не исключено, что и о стратиге) сохранились упоминания в «Житии князя Владимира» особого состава: «I по трех мсцех взял град, — говорится при описании захвата русскими войсками Корсуня, — а князя Корсуньсково и со княгиню поимал... I по трех днех повеле князя i кнгиню убити а дщер их за боарина Ижберна дал со многим именем, а в Корсуне наместником постави его»³⁰.

На возрождение элементов муниципальной организации указывает находка печати одного из местных вельмож — Цулы, датируемой второй половиной X в., с надписью: «Господи, помоги твоему рабу Цуле, императорскому спафарию Херсона», а также моливдовулов второй половины X — начала XI в.: с сохранившимся остатком надписи «*πύλεως χερσῶνος*» и принадлежащего (кастро)филаксу Цуле, т. е. местному военачальнику³¹.

Следовательно, приблизительно в течение столетия (со второй половины X до конца XI в., т. е. до ликвидации феодного строя в Византии) в Херсоне наряду с представителями константинопольской администрации (стратигами, катепанами, коммеркиариями, хартуляриями) существовали городские чиновники из числа местных жителей³². Примечательно, что они включались в общеимперскую «табель о рангах» и имели титулы византийских вельмож конца X — начала XI в. — спафариев, протоспафариев и др. О функциях местных представителей городского управления нам почти ничего не известно. Это «почти» ограничивается объяснением самого факта находок принадлежащих им печатей, которые скрепляли какие-то грамоты, а следовательно, сами эти должностные лица имели право их заверения или составления.

Завершая рассмотрение свидетельств источников об управлении в Херсоне X—XI вв., необходимо остановиться на следующем. Комментируя находки печатей представителей муниципалитета Херсона и надпись Льва Алиата, И. В. Соколова писала: «Упоминание в надписи о постройке и ремонте ворот «крепости», а не города, может быть, следует понимать буквально, т. е. что стратиг возобновил только ворота той части города, где находился он сам и его гарнизон, что лишний раз подтверждает произошедшую в Херсоне перемену административной структуры»³³. По нашему мнению, заключение исследовательницы относительно заботы стратига о защите «той части города, где находился он сам и его гарнизон», справедливо лишь в отношении первой части надписи, т. е. той, где речь идет о сооружении железных ворот «претория»³⁴. Что же касается слова «крепость» (*τὸ κάστρον*), о возобновлении ворот которой сказано в надписи далее, то этот термин в применении к Херсону X в. употребляется в трактате «Об управлении империей» для обозначения города в целом, а не какой-либо особо укрепленной его части³⁵ (к сожалению, нам неизвестны источники XI—XII вв., с которыми можно было бы еще провести сравнение). Поэтому предположение, что надпись Льва Алиата свидетельствует о попечении стратига только о защите своей резиденции, не может считаться обоснованным, так же как и связанный с этим следующий вывод.

«Взятие Владимиром Херсона (988 г. — Н. Б.) было взрывом, перевернувшим жизнь города. Огромные разрушения, обнаруженные при раскопках, прекращение чеканки монет показывают, что в возвращенном в лоно Византийской империи городе многое должно было измениться. Печати кастрофилакса (?) и спафария Цулы, которые относятся к тому же времени, что и печать прете-

вона, указывают на то, что именно горожане, а не императорские стратиги были главными организаторами восстановительных работ в городе, организаторами обороны с помощью местного населения, во главе отряда которых стоял спафарий или кастрофилакс Цула»³⁶. Принятый в литературе вывод о том, что слой разрушения в Херсоне связан со взятием города князем Владимиром, не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками. Этот слой разрушения прослеживается почти на всей площади городской застройки, т. е. Херсон был сожжен и почти полностью разрушен. Однако источники сообщают о том, что город не был взят Владимиром штурмом, жители вынуждены были сдать его сами, не выдержав многомесячной осады и прекращения поступления в город воды и продовольствия. Следовательно, Владимир овладел Херсоном, не спалив и не разрушив его: кстати, и затем гнев князя обрушился, как сообщает житие Владимира особого состава, только на «корсунского правителя» и его семью.

Далее, когда русский князь ведет переговоры с византийскими императорами, он вместе со своей дружиной находится в городе, а не на пепелище. Кроме того, все источники сообщают о прибытии в Херсон царевны Анны с многочисленной свитой, крещении Владимира, его венчании и, наконец, об отъезде русских из Херсона в Киев с церковной утварью и мощами. Все это также не могло происходить на руинах храмов и усадеб Херсона (что именно и представляет собой слой разрушения города), а имело место в многолюдном и неразрушенном городе, способном принять и с подобающим достоинством разместить императорскую сестру и сопровождавших ее знатных особ, а также надлежащим образом совершить обряды, имевшие колоссальное политическое значение для империи и Руси, а именно крещение русского князя с его дружиной и первое в истории империи венчание порфирородной принцессы с предводителем варварских народов³⁷.

После же ухода Владимира — теперь уже друга и родственника византийских императоров — Херсон был возвращен прежней власти, и поэтому связывать именно с походом Владимира какое-либо ослабление власти стратигов и изменение в административном управлении Херсона нет никаких оснований.

Не дают их также находки монет и печатей. Что касается первых, то наблюдения А. И. Романчук показали, что в слое разрушения встречаются монеты Василия II (976—1025), Константина IX (1042—1055), монеты «ро» (начало чекана которых относится к последней четверти XI в.)³⁸. Все это привело исследовательницу к вполне справедливому выводу о том, что поход Владимира не связан с разрушением Херсона, которое и не следует датировать X в.³⁹

Неправомерно также, на наш взгляд, и представление о том, что появление печатей протевона, (кастро)филакса, спафария Цулы связано с забвением императорами Херсона, спаленного до ос-

нования Владимиром и брошенного на произвол местных жителей. Ведь эти чиновники муниципалитета имели, как уже отмечалось, именно императорские титулы, т. е. не были оставлены без внимания Константинополя. Кроме того, возникновение самого института протевонов в Херсоне относится к более раннему времени и не связано с походом Владимира: по имеющимся у нас сведениям еще в 60-е годы X в. во времена правления Никифора Фоки в Херсоне был протевон, сын которого Калокир отправился с посольством на Русь к князю Святославу.

Таким образом, захват князем Владимиром Корсуня, изменения в городском управлении Херсона и разрушение города — три события, не связанных друг с другом ни хронологически, ни каким-либо иным известным образом.

Мы подробно остановились на рассмотрении этого вопроса, поскольку для изучения истории Херсона он имеет очень важное методическое значение. Действительно, письменных сведений в распоряжении исследователей сравнительно мало, а археология часто представляет «немые» свидетельства наподобие картин полного разрушения города, умалчивающие о причинах и действующих лицах этих событий: и велик соблазн находить их разгадку в известных нам данных нарративных источников! И если сегодня отчасти поколеблено представление о том, что «взятие Херсона Владимиром было взрывом, перевернувшим жизнь города», то по-прежнему незыблем вывод, сформулированный некогда так: «Не эти ли татарские погромы самого конца XIV в. явились причиной того всеобщего пожарища, в котором, как показывают раскопки, окончательно погиб город? По крайней мере, для XV в. невозможно указать ни одного подобного события, с которым это пожарище можно было бы связывать»⁴⁰. В различных разделах работы мы рассматриваем данные источников (как письменных, так и археологических), доказывающие существование Херсона как города — торгового, ремесленного, церковного и административного центра в XV в. И если сегодня нам неизвестны причины его внезапной гибели в 50—60 годы XV столетия (на чем мы остановимся ниже), то это не означает, что, игнорируя данные источников, их следует искать в событиях истории Крыма конца XIV в. Однако вернемся к вопросу о городском управлении в Херсоне в период после XI в.

Сведений об этом от XII в. очень мало. Сохраняя свою привилегию — чекан монеты, Херсон, очевидно, по-прежнему находил под верховной властью империи. На это, возможно, указывает найденная в Херсоне «печать (для) грамот Константина Ксира севаста», датируемая XII в.⁴¹ Имя этого чиновника неизвестно по другим источникам, но его титул — севаст — в конце XI—XII вв. был одним из высших в империи. К тому же показательно, что Ксиры в XI—XII вв. представлены большим числом именно гражданских администраторов⁴². Сохранилось и одно весьма косвенное свидетельство о городском патрициате Херсона. В «Слове» Киево-Печерского патерика «О блаженнѣм Евстратиѣ Пост-

ницъ» упоминаются «старейшины», под которыми, вероятно, подразумевается городская верхушка⁴³.

Сведения источников об управлении в Херсоне в начале XIII в. мы рассматривали в специальной статье⁴⁴ и потому здесь ограничимся лишь краткими выводами. По данным «Аланского послания» епископа Федора, «Жития и описания чудес Св. Евгения» Иоанна Лазаропула, а также по сведениям из сочинения Ибн-Биби, верховная власть над Херсоном после падения Константинополя в 1204 г. перешла к Трапезундской империи⁴⁵, которая брала на себя роль защитника города во внешнеполитических конфликтах и его представителя на международной арене, что, в частности, проявилось в ходе экспедиции эмира Чобана в Крым в 1222/23 г. и в начале трапезундско-сельджукской войны 1223 г.⁴⁶

Верховенство Великих Комнинов над юго-западным Крымом нашло свое отражение и в их титуле: императоры Трапезунда, в частности, именовались властителями «Заморья» (τῆς περὶ τὴν ἄσ). Ранее считалось, что подобные притязания трапезундской короны в XIV в. уже не свидетельствуют о действительном подчинении ей «заморских» территорий (т. е. Херсона и ряда областей юго-западного Крыма)⁴⁷. Однако этот вывод ставят под сомнение две печати Великих Комнинов, найденные в Херсоне в конце XIX в., к сожалению, оставшиеся не замеченными исследователями, которые датируются приблизительно 90-ми годами XIII — первой половиной XIV в. В отчетах они описаны следующим образом: «Свинцовая печать с изображением всадника, как на лицевой, так и на оборотной стороне, и с уцелевшей на одной стороне надпись КО||MN||INOC» и «Большая свинцовая печать с двумя дырочками и с изображением Св. Евгения и императора на конях, как на серебряных монетах трапезундских Комненов»⁴⁸. Находки печатей Великих Комнинов указывают на то, что в названный период Херсон продолжал входить в сферу политических интересов империи. Зависимость же Херсона и Климатов от Трапезунда заключалась в уплате ежегодных государственных податей, которые доставлялись в Трапезунд чиновником империи (архонтом димосия), специально присылаемым оттуда в Херсон⁴⁹. Сведений о вмешательстве трапезундской администрации в городское управление не сохранилось.

Как следует из сообщений источников, во главе управления городом стояли так называемые «городские власти» (τὸ πολίτευμα), представлявшие собой собрание «знатных людей» Херсона (οἱ περὶ τὴν πόλιν), причем один из них, возможно, распоряжался военными формированиями города или его стражей. Херсонской знати противостояли остальные социальные группы города, названные в «Аланском послании» епископа Федора словом «народ» (ὁ δῆμος). В ведении «городских властей» находилось решение таких вопросов, как обеспечение безопасности города и херсонитов от нападений извне (например, от набега войск эмира Чобана и др.) и от отдельных лиц (возможно, иногда и социально опасных), в число которых попал и никейский епископ

Феодор, случайно оказавшийся в Херсоне. Представители «городских властей» боялись возмущения «народа», который был «всячески стеснен» (φερήμενος πάντοθεν): вероятно, эти слова указывают на то, что в ведении муниципалитета находилось и налогообложение херсонитов⁵⁰.

Данные источников о городском управлении в 20-х годах XIII в., вероятно, можно рассматривать и в ретроспективе. В этом случае следует отметить то, что со второй половины X—XI/XII вв. укрепление элементов городской независимости происходит, как это отмечается и для других византийских городов, на «аристократической основе»⁵¹. Мы не располагаем сведениями для точного определения социального состава «знатных людей» в Херсоне, однако роль ремесла и торговли в жизни города была столь велика, что наиболее зажиточные их представители наверняка входили в состав «знатных» Херсона и его «властей».

Несмотря на восстановление Византийской империи в 1261 г., Херсон, как указывалось выше, продолжал признавать верховную власть Трапезунда. Однако константинопольские правители, заинтересованные в ведении торговли в Крыму⁵², оказывали определенное влияние на Херсон, но теперь уже не путем прямого административного контроля, а через посредство церкви. Именно во второй половине XIII в. херсонское архиепископство (а также и другие крымские епархии) возводится в ранг митрополии, константинопольский синод и патриархи в XIV в. оказывают пристальное внимание делам херсонской церкви, причем иногда в решении спорных вопросов, связанных с конфликтами херсонского и других крымских митрополитов, патриарх ищет поддержку у императора, издававшего особую прагмагу⁵³.

В середине XIV в. в управлении Херсоном происходят изменения. Известно, что со второй половины XIII в. итальянское купечество развивает активную торгово-предпринимательскую деятельность в Причерноморье⁵⁴. В сферу его экономических интересов попадает и Херсон, где в конце XIII — начале XIV в. проживало значительное число католиков, было образовано католическое епископство и действовал монастырь. К 30-м годам XIV в. число католиков в городе (и в Крыму в целом) возросло (очевидно, прежде всего, за счет итальянских предпринимателей), что, в частности, послужило поводом для строительства в Херсоне кафедрального собора и учреждения в Крыму католической митрополии (с центром в Воспоро)⁵⁵. В связи с этим мы придаем особое значение привилегиям, которые генуэзцы, пытавшиеся установить торговую монополию в Таврике и в других районах Северного Причерноморья, получили в ходе генуэзско-венетической войны середины XIV в.⁵⁶

К тому же в 60—80-е годы XIV в. наступает второй этап в процессе образования генуэзских факторий в Причерноморье: если «пик первого из них пришелся на конец XIII — начало XIV в. и был связан с ориентацией генуэзцев преимущественно на торговлю с Востоком и отчасти — на торговлю местными товарами»,

когда «генуэзцы стремились обосноваться в крупных городах-emporиях, как Трапезунд», то «позднее они закреплялись и в более мелких городах». Это происходит на втором этапе, который «связан с переориентацией генуэзской коммерции после наступившего в середине века кризиса в торговле с Востоком на местные товары и местные рынки, с более глубоким внедрением в экономическую жизнь городов региона»⁵⁷.

Все это не могло не сказаться и на укреплении военно-административной власти генуэзцев в Херсоне: не случайно поэтому, на наш взгляд, именно с 70-х годов XIV в. в источниках появляются сведения о генуэзских официалах в Херсоне. Так, в книгах массариев Каффы, в числе прочего включавших данные о выплатах жалованья официальным лицам, указывается, что в ноябре 1374 г. такие выплаты были сделаны консулам Алушты, Партениты, Херсона (a consulle de Gorzoni), Ялты⁵⁸. Сообщение о существовании генуэзского консула в Херсоне, получавшего жалованье из Каффы, свидетельствует о том, что в Херсоне была некая-то торговая станция, не имевшая статуса фактории, а именно фактория, находившаяся в административном подчинении Каффы. Массарии Каффы за 1381—1382 гг. упоминают крепости Херсон (Gorzoni), Ялту, Партениту, Форос, Сикиту, Алушту⁵⁹. Очевидно, и в 80-е годы существовала тесная связь Каффы с Херсоном, где продолжала действовать генуэзская фактория. О ней же упоминается и в «Уставе для генуэзских колоний в Черном море» 1449 г. В разделе, посвященном устройству города Каффы, в частности, говорится, что за определение к должности ряд чиновников должны были уплачивать налог и подать (*impositio et cabella staliarum posita supra officii infrascriptis annatum*). Это относилось к консульствам Херсона (*Consulatus Gorzoni*), Партениты, Ялты, Алушты, Воспоро, Копарии и др.⁶⁰

В связи с тем что известно о существовании крупной генуэзской фактории с центром в Чембало, следует заметить, что консул Херсона никогда не упоминается в одном ряду с консулами Чембало или Каффы, но только в списке официалов Алушты, Партениты, Ялты, Воспоро и т. п. Вероятно, это были центры генуэзских факторий, значительно меньших по размерам и значимости, чем фактории в Чембало и тем более в Каффе. Об этом же свидетельствует и тот факт, что консульство Херсона, как и Партениты, Воспоро, Копарии, должно было вносить налог в сумме четырех соммов, что составляло вдвое меньше уплачиваемого каффинскими чиновниками и вдвое больше консульств Ялты и Алушты. Такая разница в сумме взносов, вероятно, была обусловлена меньшими возможностями получения доходов от должности в Херсоне по сравнению с Каффой⁶¹.

Имеются также сведения о пребывании в Херсоне не только генуэзских «администраторов», но и военных формирований (возможно, временных). О них сообщает византийский историк Лаоник Халкокондил в рассказе об экспедиции генуэзцев против татар в 1434 г. Основатель независимого Крымского ханства Хад-

жи-Гирей (1420—1466) обложил данью население Готии и генуэзцев Каффы⁶². Старания последних умиловить его подарками и уступчивостью были тщетны: Хаджи-Гирей не только взимал дань, но и нападал на город⁶³. Каффа обратилась за помощью к метрополии, где снарядили экспедицию во главе с Карло Ломеллино⁶⁴. При описании этого похода Лаоник Халкокондил в числе прочего замечает, что флот генуэзцев, зайдя в Константинополь, отплыл в Понт Эвксинский и прибыл в Каффу. Но в то же время какая-то часть войск отправилась и из Херсона в глубь Таврики навстречу татарам⁶⁵.

Пока у нас недостаточно сведений для определения того, к какому типу генуэзских факторий в Причерноморье относится фактория в Херсоне⁶⁶. До второй половины XIV в. известно о зависимости Херсона от Трапезундской империи, о пребывании латинян в городе, но нет сведений о присутствии там генуэзских официалов. На основании этих данных можно предположить, что в Херсоне была торговая станция. Однако наличие значительного числа католиков, а также епископства, монастыря, кафедрального собора вряд ли указывает на то, что это было лишь «посещаемое генуэзцами» «временное поселение». Со второй половины XIV в. до середины XV в. полностью отсутствуют данные о существовании местного херсонского городского управления, о зависимости от Трапезунда или иного сюзерена, но имеются лишь приведенные выше сведения о генуэзской фактории. Археологическими раскопками не выявлены какие-либо укрепленные части города внутри его стен или кварталы, которые считались бы латинскими. Поэтому в настоящее время Херсон второй половины XIV — середины XV в. можно было бы отнести, согласно существующей типологии, как к первому, так и к третьему типу факторий. Однако из-за недостатка сведений мы считаем пока преждевременными какие-либо попытки типологизации генуэзской фактории в Херсоне, хотя отметим, что, вероятно, с началом второго этапа образования итальянских факторий в Причерноморье в организации генуэзского поселения в Херсоне произошли определенные изменения⁶⁷.

Генуэзская фактория в Херсоне, находившаяся в административном подчинении Каффы, существовала до последних дней его жизни как городского центра — до 50—60-х годов XV в. Это следует из инструкций Правления генуэзского Банка Св. Георгия магистратам Каффы. В начале 70-х годов XV в. в связи с угрозой захвата турками крымских крепостей консул и массарии Каффы поставили вопрос о необходимости разрушения стен покинутых жителями городов, что было обсуждено Протекторами и Советом Банка Св. Георгия в Генуе. 21 января 1471 г. по этому поводу было вынесено следующее решение: «Мы рассмотрели вопрос, о котором вы нам писали по поводу того, чтобы лучше разрушить (стены) Воспоро, чем Херсона (Iherezonde). В настоящее время относительно этого дела, кажется, ничего другого не следует сказать кроме того, что мы предоставляем решение его на

ваше усмотрение, указывая, однако, что при таких разрушениях вам не следует нести никаких расходов, кроме разве что малых». Спустя почти полтора года, 16 июня 1472 г., в инструкции Протекторов Банка консулу Каффы Антониотто Кабелла было вновь отмечено: «Некоторые напоминают о том, что было бы полезно разрушить башни и стены одного необитаемого места (loci populi habitati), которое называется Херсон (iherezonda); другие же настаивали на разрушении места, которое называется Воспоро, и это в целях, чтобы турки не заняли какого-либо из этих мест. Поэтому мы желаем, чтобы Вы вместе с Вашими советниками и другими лицами, умудренными в этих делах, указанные вопросы внимательно обсудили и вынесли бы решение, которое Вашей Мудрости покажется наиболее полезным»⁶⁸.

Таким образом, очевидно, что Херсон был покинут жителями в 50—60-е годы XV в., так как известно, что в 1449 г. в городе еще существовала генуэзская фактория, а в начале 70-х годов он уже назван «необитаемым местом».

В этом отношении интересно также и сообщение Иосафата Барбаро, дипломата и политического деятеля Венецианской республики. Повествуя о своем путешествии в Тану, Барбаро пишет: «На этом «острове» в устье Забакского моря находится прежде всего поселение, именуемое Керчь; у нас оно называется Боспор Киммерийский. Далее лежит Каффа, за ней Солдайя, Грузуи (Grusui — Гурзуф), Чимбало, Сарсона (Sarsona — Херсон) и Каламита. Все эти места в настоящее время подвластны турецкому султану. О них я больше ничего не скажу, так как все они достаточно известны»⁶⁹. Прежде всего отметим, что Херсон назван в числе тех городов, которые были «достаточно известны» венецианцам — и Барбаро, и тем читателям, с которыми он делится своими воспоминаниями, причем даже в конце XV в. Из этого следует, что город не только существовал в середине XV в., когда Барбаро совершил свое путешествие, но, возможно, в это время в его порт заходили венецианские суда так же, как и в начале столетия⁷⁰. Примечательно и то, что Херсон упоминается вместе с теми городами, которые в «настоящее время», т. е. в конце 80-х годов XV в., когда автор работал над своим сочинением, подчиняются турецкому султану. Барбаро говорит в это время о Херсоне как о «живом» городе, однако свидетельств об этом в других источниках у нас нет. Очевидно, путешественник, который не был в Крыму в конце XV в., имел в виду подчинение султану прибрежной области Крыма, где существовали известные ему города.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе — на политических отношениях Херсона с народами, населявшими внутренние области Таврики и степей. Как уже упоминалось выше, город подвергался постоянной опасности набегов. К сказанному выше о нападениях на Херсон в X—XII вв. следует добавить и разграбление города турками-сельджуками в начале XIII в.⁷¹, и предполагаемые по археологическим данным татарские набеги⁷². При-

мечательно, что и аланов, живших в 20-е годы XIII в. (как и во времена Константина Багрянородного) поблизости от Херсона и служивших ему «ограждением и охраной» (*περιτεχισμα καὶ περιφρουρημα*), архиепископ Херсона называет «нечестивыми и безбожными», «которые хуже Скифов»⁷³. Видимо, не столь уже надежную защиту Херсона представляли эти аланы, раз их сравнивают со скифами. Недаром и Константин Багрянородный подчеркивал необходимость союза с «эксусиократором» аланов⁷⁴: очевидно, и прежде в случаях раздора с Херсоном они уже не были ему защитой, но превращались в опасного противника.

В связи с этим представляют значительный интерес сообщения ряда источников об уплате Херсоном дани некоторым народам. Одно из них содержится в сочинении Гийома Рубрука (1215/20 — ок. 1270) в разделе, посвященном описанию пути из Константинополя в Солдайю (Судак) в 1253 г. во время его путешествия ко двору великого хана монголов. Гийом Рубрук отмечает, что на равнинной части Таврики «до прихода татар обычно жили команы и заставляли выше упомянутые города (среди которых назван Херсон. — Н. Б.) и замки платить им дань»⁷⁵. В. Д. Смирнов считал сомнительным это сообщение путешественника⁷⁶, но нам представляется более правомерной другая точка зрения: половцы действительно могли взимать с городов побережья не столько дань, сколько откуп от угрозы грабежа во время их набегов⁷⁷. Быть может, такие выплаты делались и другим народам (печенегам, татарам), а также аланам за охрану подступов к Херсону, хотя определенных сведений об этом не сохранилось.

Кроме сообщения Гийома Рубрука известны еще два упоминания об уплате «дани», которые в литературе принято относить к Херсону. Одно из них, датированное X в., сохранилось в пространной редакции письма хазарского правителя Иосифа. Перечисляя границы своих владений, города и народы, которые платят ему дань, Иосиф упоминает прибрежные города Крыма, в том числе и Херсон⁷⁸. П. К. Коковцов недоумевал по поводу включения Херсона, являвшегося центром византийской фемы, в число данников Хазарии⁷⁹. Однако если исключить возможность определенной тенденциозности источника, автор которого пытался перед своим адресатом показать могущество подвластной ему державы, а также предполагаемое позднейшее включение ряда городов (в том числе крымских) в перечень данников Иосифа, то и тогда внимательное прочтение текста письма позволяет заметить следующее. В отношении упоминаемых народов и городов Иосиф очень четко употребляет формулировку: «все платят мне дань», **обязательно** следующую за перечислением этих племен и областей. Но эта фраза отсутствует после упоминания прибрежных городов Таврики. Таким образом, крымские города причислены хазарским правителем Иосифом лишь к пограничным, но не уплачивающим ему дань, что вполне согласуется с расстановкой сил в Таврике в первой половине X в.

Следующее упоминание Херсона, теперь уже якобы данника татар или даже принадлежащего им, Н. М. Карамзин, а за ним и другие исследователи⁸⁰ связывали с именем Корсуня, названного в житии князя Смоленского и Ярославского Феодора Ростиславовича Черного (1240—1299), содержащемся в Степенной книге. Там, в частности, говорится, что князь, находясь в Орде в период с 1281 по 1292 г., стал зятем татарского хана, который, «даруя ему грады многи, яко тридесять и шесть: в нихъ же тогда именовашася: Черниговъ, Болгары, Кумане, Крсунь, Туру, Казань, Ареск, Гормиръ, Баламаты»⁸¹. Как известно, Херсон в летописях именуется Корсунем, что, очевидно, и дало повод Н. М. Карамзину отождествить с ним упомянутый в житии Феодора Черного город. Однако существовал и другой Корсунь, также известный летописцам и расположенный на реке Роси⁸². В числе же названных городов, подаренных князю Феодору Черному, нет крымских центров, однако есть города, находящиеся сравнительно недалеко от Корсуня (русского) — это Чернигов, Туров. Поэтому мы полагаем ошибочным считать, что в конце XIII в. тогда, когда известно о подчинении Херсона власти трапезундских императоров, он мог быть подарен татарским ханом своему зятю.

Завершая рассмотрение сообщений источников, необходимо отметить следующее. Данные раскопок свидетельствуют о том, что в Херсоне уделялось большое внимание благоустройству города; на это затрачивались значительные средства и силы. Предпринимались меры по поддержанию мощи укреплений города: ведь Херсон имел сплошную крепостную ограду, линия его обороны включала 30 башен, 30 куртин и много других крепостных сооружений. Большое внимание уделялось соблюдению санитарного режима в Херсоне: строительству городских бань, системы отвода и подведения воды, а также вывозу мусора и осуществлению ряда других мер в интересах общественной гигиены. Кроме того, жители Херсона заботились о состоянии городских коммуникаций — улиц и площадей. Важно отметить, что все эти мероприятия проводились централизованно и систематически (о чем, в частности, свидетельствуют следы периодических ремонтов и перестроек), т. е. в интересах всего города, а не отдельных его кварталов⁸³. Поэтому, хотя и точно не известно, кто санкционировал проведение этих работ, как именно они организовывались и откуда поступали средства, можно предположить, что забота о благоустройстве Херсона была возложена на городские власти.

* *
*

В X—XII вв. Херсон находился под верховной властью византийских императоров: эта зависимость от Константинополя была выгодна как империи, так и самому городу. Империя контролировала активную торговую деятельность херсонитов (сбор пошлин, обеспечение столичного рынка необходимыми товарами

и пр.). Кроме того, Херсон имел важное стратегическое значение: его пограничное положение, постоянные контакты с соседними народами и областями предоставляли империи возможность превратить Херсон в опорный пункт миссионерской и дипломатической деятельности, наблюдения за действиями и приготовлениями соседей, а также в некий «буфер», порою принимавший на себя удары врагов империи. Что же касается интересов Херсона, то ему были необходимы не только доступ на имперские рынки, но и защита от нападений, которую предоставляли ей и сам авторитет империи, в состав которой входил Херсон, и непосредственная военная помощь.

Элементы городской автономии и самоуправления, имевшие давнюю традицию, не исчезли в Херсоне с организацией фемы. Наиболее стабильным из них был непрекращающийся в X—XII/XIII вв. чекан собственной монеты. С середины X в. появляются упоминания о представителях городского управления: протевоне, (кастро)филаксе и др. Во главе управления Херсоном, как это известно для первой половины XIII в., но, очевидно, отражает и практику предшествующих столетий, стояли «знатные люди», входившие в состав так называемых «городских властей»; существовал в Херсоне, вероятно, и военный предводитель.

Со времени падения Константинополя в 1204 г. и, как известно, приблизительно до середины XIV в. сюзереном Херсона становится Трапезундская империя, с рынками которой купцы Херсона имели давние и самые тесные связи. Великие Комнины за уплату ежегодного налога обеспечивали городу свое покровительство в системе региональных (причерноморских) внешнеполитических отношений.

Уже в конце XIII в. Херсон оказался в сфере торгово-предпринимательских интересов итальянского купечества, а во второй половине XIV в. там была организована генуэзская фактория, находившаяся в административном подчинении Каффы, которая просуществовала до прекращения городской жизни в Херсоне в 50—60-е годы XV в.

Известно мисие о том, что в XV в. Херсон входил в состав княжества Феодоро. «Судя по обломку надписи на мраморной плите с гербами и монограммами, напоминающими монограммы владетеля Феодоро, можно думать, что в XV в. Херсонс входил в состав Феодоро»⁸⁴. Надпись и монограммы пока не изданы, а само это предположение не подтверждается известными на сегодняшний день источниками. Поэтому мы считаем возможным использовать эту информацию определенно лишь для доказательства того, что в XV в. в числе жителей Херсона были знатные семьи местного крымского происхождения.

Сведений об элементах самоуправления в Херсоне с середины XIII в. и его зависимости от Трапезундской или Византийской империй со второй половины XIV в. пока нет. Лишь активизация деятельности православной митрополии и связей с ней Константинопольского патриархата и императорской власти указывают

на путь, по которому Византия могла каким-то образом оказывать влияние на Херсон.

Глава 2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Изучая систему социальных связей средневекового общества, исследователи, как правило, отмечают относительную прочность его мельчайшей группы — семьи и далее выделяют два основных направления: «горизонтальную» систему связей, что применительно к городу подразумевает корпорацию, территориальное братство, городскую общину и пр., и «вертикальную», т. е. иерархическую, организацию¹. Чрезвычайная фрагментарность и хронологическая разбросанность сообщений источников по истории Херсона X—XV вв. не позволяют рассмотреть вопрос о социальной структуре города именно в названных аспектах. Свидетельства относительной прочности семьи, а также существования и деятельности городской общины (и поквартальных объединений) в некоторой степени прослеживаются при изучении городской планировки.

Ее основой была городская усадьба, которая объединяла семью — главный и наиболее стабильный элемент социальной структуры византийского общества². Жилой комплекс обладал определенной самостоятельностью: здесь находились производственные, жилые, подвально-кладовые и другие хозяйственные помещения. Но эта самостоятельность, которая формально выражалась в обособлении друг от друга каждой усадьбы, окруженной забором, была весьма условной. Владельцы усадеб не обладали хозяйственной независимостью, будучи связаны с рынком. Кроме того, комплексы граничили друг с другом, имели общие заборы, источники воды, бани, усыпальницы и пр., а иногда и стены помещений, в частности, при разделении усадьбы, а соответственно и семьи³.

Жители Херсона объединялись в рамках семьи, городской общины и города в целом: выражением этого являлись соответственно усадьбы, обнесенные заборами, кварталы с приходскими храмами-часовнями, ограниченные улицами, и территория всего города, окруженная крепостными стенами. В XIII—XIV вв. наблюдается тенденция не к расширению внутригородского объединения, а к усилению замкнутости в рамках усадьбы и квартала, о чем свидетельствуют падение значения светской монументальной архитектуры при одновременно возросшей роли церковного строительства, увеличение территории городских кварталов, возникающих на месте «общественных зданий», и пр.⁴

Что же касается иерархической организации, то у нас фактически нет сведений для восстановления этой системы социальных связей: ведь рассмотренный вопрос о включении Херсона как города в состав Византийской и Трапезундской империй и генуэзских колоний в Причерноморье и соответственно местных пред-

ставителей его администрации в социальную иерархию этих образований характеризует не столько социальную структуру города, сколько политико-правовую, административно-организационную. Сведения источников, которые будут рассмотрены в этой главе, предоставляют возможность лишь в целом охарактеризовать социальную структуру Херсона в изучаемый период.

Под господствующим классом общества средневековья понимают совокупность эксплуататоров, обладающих основной массой земель, присваивающих основную часть прибавочного продукта непосредственных производителей и осуществляющих административно-судебную власть над населением⁵. Применительно к Херсону X—XV вв. следует отметить, что о феодальном землевладении херсонитов нам известно очень мало. С определенной долей вероятности к числу феодальных землевладельцев можно отнести собственников крупных усадеб, расположенных в округе Херсона на Гераклеюском полуострове, и, возможно, владельцев ряда других подвластных ему территорий, о которых упоминают источники (например, область Климаты, земли в районах соляных разработок, в устье Днепра и пр.). Очевидно, что в таком многолюдном городе, как Херсон, стоимость земли внутри крепостных стен и в пригородной зоне была, вероятно, высокой, а следовательно, эти земли могли быть объектом эксплуатации богатых херсонитов, составлявших таким образом слой зажиточных городских землевладельцев. Кроме того, известно, что Херсон являлся центром крупнейшей в Крыму архиепископии (с конца XIII в. — митрополии). В самом городе, в его пригороде и на территории епархии находилось множество храмов, монастырей, поэтому и церковь Херсона должна рассматриваться как принадлежащая к числу его наиболее богатых землевладельцев. Поскольку основными сферами деятельности большинства херсонитов были торговля, ремесло и промыслы, то, очевидно, господствующий класс города формировался и за счет торгово-ремесленной верхушки, а также сопричастных к торговле представителей землевладельческо-служилой знати Херсона.

О служилой знати города имеются вполне определенные сообщения источников. Во главе управления городом в X—XI вв. стояли присылаемые из Константинополя стратиги, катепаны и другие чиновники, входившие в состав высшей титулованной феодальной знати империи. Об этом свидетельствуют не только их титулы — патрикиев, протоспафариев, спафариев, спафарокандидатов)⁶, но и сохранившиеся в некоторых случаях патронимы стратигов. Среди них: Георгий Протевон, императорский протоспафарий (вторая половина X в.); протоспафарий Хрисотриклина Димитрий Кфар... (возможно, Кафар — вторая половина X — первая половина XI в.); (начальник, протоспафарий?) Хрисотриклина Иоанн Дука (последняя треть X — первая треть XI в.); протоспафарий Никифор Иасит (вторая — третья треть XI в.); протоспафарий Феодор Катасах... (вторая половина X — первая половина XI в.); Авраамий Каматир, патрикий Лев Алиат

(1059 г.); патрикий Иоанн Вога (первая треть X в.)⁷. В иерархии учтенных 340 византийских семей XI—XII вв. льняжи Дук и Каматиров занимали соответственно 2-е и 3-е места; Алиатов и Иаситов — 50 и 58; а Кафаров и Протевонов — 234 и 320⁸. Следовательно, стратиги и катепаны Херсона имели не только высокие титулы, но и принадлежали порою к одним из самых знатных семей империи, причем некоторые из них (начальники, протоспафарии Хрисотриклина) являлись и придворными⁹.

Однако стратигов и катепанов присылали в Херсон из столицы, и хотя они входили в состав господствующего класса города, но не были собственно херсонской знатью. Последняя включала во второй половине X—XI вв. представителей городской верхушки, имевших императорские титулы и занимавших определенные должности в управлении Херсоном. Некоторые из них известны поименно: протевон Михаил, императорский спафарий; Георгий Цула, императорский протоспафарий и стратиг Херсона, которого Скилица называет архонтом (появление стратига из местных — аномалия, связанная с городским восстанием, о чем речь пойдет ниже); спафарий Цула, (кастро)филакс Цула¹⁰. Кстати, Цула (τζούλα). — единственный известный нам местный патрикий: род Цула принадлежал к крымской военной знати, причем не только в X—XI вв., но и в XVI в.¹¹ Как полагают исследователи, Цула принадлежали к хазарскому или, скорее, к болгарскому роду¹², что еще раз подтверждает принцип «открытости» византийской знати, т. е. возможности проникновения в нее иноплеменных элементов¹³.

Сведения о провинциальной византийской знати сохранились в нарративных источниках, и они могут быть разделены на две группы: «свидетельства просопографического характера, т. е. упоминания отдельных лиц, живших в провинции и представлявшихся наблюдателям знатными», и «случаи восприятия местной знати как особой категории, упоминания о провинциальных аристократах во множественном числе»¹⁴. Эти наблюдения совершенно справедливы и в отношении херсонской знати. Обобщенное название ее представителей в XII—XIII вв.: οἱ περιφανές — (знатные) — встречается в «Аланском послании» епископа Феодора; οἱ ἀρχόντες — (архонты) — в «Житии и описании чудес Св. Евгения» Иоанна Лазаропула; под «старейшинами» «Слова» Киево-Печерского патерика, вероятно, подразумевается городская верхушка Херсона¹⁵.

Вместе с тем известны и упоминания отдельных представителей знати: таков, например, Иоанн, о котором сказано, что он в начале XIII в. был «одним из знатных людей в Херсоне» (τῶν τιμῶν περιφανῶν ἐν χερσῶνι)¹⁶. В источниках, освещающих события X в., рассказывается о Калокире, сыне херсонского протевона, находившемся при дворе императора Никифора Фоки. Он был почтен достоинством патрикия — одним из высоких титулов того времени — и отправлен послом византийского императора на Русь с целью склонить князя Святослава к войне с Болгарией.

Калокир был поставлен во главе миссии к русскому князю, очевидно, не только в силу его положения при дворе, но и в виду того, что он был херсонит, а значит, мог хорошо знать нравы, обычаи и даже язык русов, что, вероятно, и помогло ему «очаровать» Святослава «лестными словами» и войти в такое доверие, что русский князь почитал его за родного брата¹⁷. Незаурядными дипломатическими способностями обладал и другой знатный херсонит, состоявший в эти же годы на службе у византийского императора: о нем сохранились сведения в «Relatio» епископа кременского Лиутпранда, посетившего в 968 г. Константинополь в качестве посла германского государя. Лиутпранд упоминает стратига Коркиры «по имени Михаил Херсонит (Michael nomine Chersonitis), т. е. (родом) из области (местности) Херсона (a loco scilicet Chersona); он был седовласый человек, приятной наружности, с приветливой речью, всегда с доброжелательной улыбкой, но, как стало очевидным потом, с душой дьявола»¹⁸. Таким образом, выходцы из семей херсонской знати иногда покидали родной город, добивались получения высоких титулов, военных и гражданских должностей при византийском дворе.

В свете рассматриваемого вопроса об отдельных представителях господствующего класса Херсона представляют значительный интерес надписи на погребальных плитах, найденных при раскопках городища. Ведь, как известно, в открытых на территории Херсона погребениях при часовнях-усыпальницах находится большое количество костяков, расположенных в беспорядке, что указывает на процедуру первоначального захоронения на кладбище с последующим перенесением костяков в коллективную могилу при часовне¹⁹. Это объясняется не только соблюдением норм санитарного режима, но и дороговизной земли в густонаселенном городе. Поэтому непо потревоженные погребения на территории самого Херсона (в храмах и усыпальницах) свидетельствуют о том, что там были захоронены наиболее богатые и знатные горожане. Очевидно, их имена и сохранились на погребальных плитах, покрывавших эти сравнительно немногочисленные захоронения. К интересующей нас эпохе из опубликованных эпиграфических памятников такого рода следует отнести две плиты с надписями: «(Здесь лежит иже во) блаженной памяти раб Божий Кануполь (?). Почил месяца июля 29-го, года 6424 (915)» и «Христос, помоги Николаю и Никандру и Никону... года 6711 (1203)»²⁰.

Находки на территории Херсона сосудов с геральдическими изображениями указывают на их принадлежность знатым семьям города. Одно из них в виде двуглавого орла украшает чашу причем это изображение «нарочито сложное и изысканное, придающее чаше парадный облик, что может найти себе объяснение в самой теме двуглавого орла, носящего здесь явно геральдический характер. Возможно, что на херсонской чаше представлен княжеский герб. Надо сказать, что герб в виде двуглавого орла был широко распространен среди родовой знати Месопотамии и у сельджуков Малой Азии, памятники которой дают наиболее

близкие аналоги изображению на херсонской чаше»²¹. Примечательно, что этот полихромный поливной сосуд с графическим орнаментом не привозной, а изготовлен в Херсоне из местной красной глины и датируется приблизительно XIII в. В это время после захвата Константинополя крестоносцами усилилась административно-политическая связь Херсона с Трапезундской империей, и потому вполне возможно, что господствующий класс города пополнился выходцами из знатных семей Малой Азии.

С конца XIII—XIV вв. в состав городской верхушки входят и генуэзские официалы (консулы и др.), имена которых нам, к сожалению, неизвестны. Однако упоминавшаяся выше находка части стеклянного сосуда с изображением генуэзского герба и датой 1322 г. (принадлежность его какому-либо роду установить нельзя из-за монохромности изображения) свидетельствует о том, что среди итальянских предпринимателей начала XIV в., возможно, были и представители знатных генуэзских семей²².

Таким образом, к знатым горожанам Херсона относятся военные и гражданские чиновники фемного управления (стратиги, коммеркарии, хартулярии), а позднее официалы генуэзской фактории и, возможно, Трапезундской империи (если они жили в Херсоне). В эту же группу господствующего класса входят и представители городского патрициата из числа местных жителей как имеющие императорские титулы в X—XI/XII вв. (претевоны, (кастро)филаксы и др.), так и не имеющие их и составляющие городскую верхушку, называемую в начале XIII в. «*τὸ πολίτευμα*» (городские власти). Эта группа знатных представляет собой в определенной мере элиту Херсона, принимающую непосредственное участие в управлении городом. Существовала, конечно, и другая группа знати, которая не имела военной или административно-судебной власти, но являлась таковой в силу своего происхождения (как, например, Калокир, Михаил Херсонит и другие подобные им, но жившие в самом Херсоне), богатства, земельных владений и пр. Сюда же, вероятно, следует причислить временно находившихся в Херсоне представителей родовитых семей других народов (например, заложников-печенегов, о которых писал Константин Багрянородный, некоторых итальянских предпринимателей) или иноземной военной знати (на что указывает, например, отдельное захоронение русского воина X в. с боевым комплектом)²³.

О торгово-ремесленном населении Херсона (исключая его верхушку) источники сообщают очень мало сведений. В состав этой части горожан входило херсонское купечество, участвовавшее в международной и местной торговле. Вероятно, некоторые из его представителей упоминаются Константином Багрянородным как торгующие в Константинополе, городах Южного Причерноморья, на Руси, как заключающие сделки с кочевниками²⁴. Известен один из херсонских купцов, который в начале XII в. вел торговлю в Новгороде. По данным источника, он был человек весьма образованный — говоривший «римскимъ и греческимъ и рускимъ язы-

комъ». Значительную часть торгующих в Херсоне составляли иноземные купцы: сохранились упоминания о хазарах, приходящих торговать в Херсон в X в.; о еврейских купцах, которые «озимъствоваша в Корсуни». Причем некоторые из них были, вероятно, довольно состоятельными: так, один еврейский купец разбогател на перепродаже русских пленников, которых он скупал десятками у половцев. Примечательны указания «Слова» Киево-Печерского патерика о том, что непредвиденная для этого купца смерть рабов была воспринята им как «погибель злата его», а когда пришла расплата за содеянные злодеяния, то в Корсуни «имѣнїа отнѣмше того жидовина»²⁵. Более поздние источники XIII—XV вв. также фиксируют пребывание в городе приезжих купцов (с южного побережья Черного моря и из различных районов Средиземноморья), к тому же и сам факт организации генуэзской фактории и католического епископства указывает на пребывание в Херсоне значительного числа итальянских предпринимателей. Неизвестны письменные свидетельства о торговле в Херсоне восточных, русских и других иноземных купцов, но здесь как немые свидетели выступают в ряде случаев археологические находки.

Если о купцах сохранились немногочисленные упоминания в письменных источниках, то они ничего не сообщают о ремесленниках, живших в Херсоне. Только археологические данные позволяют установить уровень развития, а иногда и размеры ремесленного производства. Наличие, например, мастерских, имеющих различное количество печей и горнов в рамках одного вида производства приблизительно в один хронологический период, свидетельствует о неодинаковых масштабах производства, а следовательно, и о существовании имущественной дифференциации среди ремесленного населения.

Данных для просопографии торгово-ремесленного населения Херсона пока нет. Находки изделий с арабскими надписями типа «Сделал Омар, сын...» единичны и не могут быть пока определенно отнесены к продукции местных мастеров, хотя это и не исключено²⁶.

Значительную часть населения такого крупного порта, как Херсон, безусловно, составляли моряки (о них упоминается и в трактате «Об управлении империей») ²⁷, неквалифицированные работники (грузчики, прачки, слуги и пр.), о существовании которых можно лишь догадываться. Находки ступок для приготовления лекарств²⁸, возможно, указывают на их принадлежность местным «аптекарям». Херсон, который был значительным церковным центром, местом крещения князя Владимира и поклонения святому Клименту²⁹, очевидно, принимал большое число паломников. Жили в городе и нищие, убогие, калеки³⁰.

Особую группу жителей Херсона составляло духовенство. Имена глав херсонской православной церкви — архиепископов и митрополитов — восстанавливаются по документальным и другим источникам. Известно также имя первого католического еписко-

па в Херсоне — им был с конца XIII в. «брат Ордена Проповедников» Ричард Английский³¹. Помимо высших иерархов херсонской церкви сохранились упоминания и о других ее служителях. Так, по данным археологии предполагается существование на территории города и в его округе монастырей. В некоторых документах сообщается, что в Херсоне находился католический монастырь³². Следовательно, значительным должно было быть количество монашествующих. Об отдельных священниках и других церковных служителях сохранились упоминания в письменных источниках. В одном из решений Константинопольского синода от октября 1368 г. при передаче херсонской церкви в экзархальное управление Готскому митрополиту говорится о необходимости последнему увещевать и наставлять «находящихся там священнослужителей и монашествующих и другой христоименный народ Господень» (τοὺς ἐν αὐτῇ εὐρισκόμενους ἱερομένους καὶ μονάζοντας καὶ τὸν λοιπὸν τοῦ κυρίου χριστῶνμον λαόν). А в акте 1382 г. рассказывается об одном херсонском монахе, который обосновался в приходе Элисс и управлял им (τὸν τοῦ χερσῶνος καλόγηρον ἐπιληθίσαντα τῇ ἑλίσσοφ. . .). Известны также священники Георгий (τὸν παλᾶν Γεώργιον), отправленный херсонским митрополитом в Константинополь с прошением к патриарху, и Евстафий, который «отрекся от своего имущества» и вместе с женой Феодосией и сыном Евстафием по наставлению свыше перенес чудотворную икону Николая Корсунского из Херсона на Русь³³. В «Аланском послании» епископа Феодора участниками большого церковного собрания (τὸ πολὺ συνέδριον), устроенного архиепископом Херсона в начале 20-х годов XIII в., названы: председатель (ὁ πρῶστατης), заседатели (οἱ παρεδρεύοντες), присутствующие (οἱ παρευστώτες), а также люди «для прислуживания и исполнения приказаний» (ἄσπον ὑπηρετεῖν καὶ πρὸς τὰ κελευόμενα ἑτοίμον)³⁴. В качестве председателя выступал сам херсонский архиепископ, под заседателями и присутствующими, очевидно, подразумеваются соответственно подчиненные ему клирики и представители «городских властей».

По надгробным надписям, относящимся к рассматриваемому периоду, известно два имени херсонских иереев: епископа Феодора (предположительно конец XI — начало XII в.) и «иеромонаха и клирика и благодетеля святой церкви» Петрония, умершего в ноябре 6692 (1183) г.³⁵

Представляют значительный интерес наблюдения исследователей об отражении в памятниках искусства Херсона вкусов различных социальных групп. Среди херсонитов, многим из которых были недоступны дорогие предметы из слоновой кости и серебра, распространяются изделия из кости домашних животных, стеатита, бронзы. Именно они часто представляли собой «единственные в своем роде свидетельства художественных запросов более широких слоев горожан»³⁶.

* * *

Разрозненные сообщения источников о социальном составе населения Херсона в X—XV вв. подтверждают сведения «Аланского послания» епископа Феодора о делении общества города на три группы: знать (*οἱ περιφανῆς, οἱ ἀρχόντες*), народ (*ὁ δῆμος*) и клир. Совершенно справедлива в отношении Херсона характеристика, данная Г. Л. Курбатовым социальным группам византийских городов: «В городской жизни существовал определенный элемент сословности — знать, клир, народ. Практически первые были городской верхушкой (*πρώτοι, πρωτεύοντες*) и от имени города контактировали с государственной администрацией, частично совмещаясь с ней (такими, например, были в Херсоне протевоны и другие титулованные чиновники. — Н. Б.). Имелись ли в городах постоянные органы самоуправления, сказать трудно, возможно, они возникали в критических ситуациях, в какой-то мере объединяясь вокруг церкви»³⁷. Пример такого объединения представляет «большой синедрион» при херсонском архиепископе. Однако отметим, что он собрался для решения конкретного вопроса — о вмешательстве епископа Феодора из Никеи в дела херсонской церкви. Но в том же источнике сказано, что переговоры с эмиром Чобаном, грозившим захватить город, ведут только представители «городских властей» (*τὸ πολίτευμα*), хотя, быть может, членом этого органа городского управления был и архиепископ?

Знатные, входившие в состав муниципалитета, составляли лишь верхушечный слой господствующего класса города, включавший зажиточных представителей землевладельческого и торгово-ремесленного населения, высшее духовенство и др. Под понятием «народ», вероятно, подразумевалась вся остальная часть населения города — от средних и мелких ремесленников и торговцев до матросов, людей неквалифицированного труда и др. К этой же группе населения примыкали монахи и священнослужители.

Глава 3. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

В течение всей своей истории население городов Византийской империи отличалось чрезвычайной этнической пестротой¹. Это было характерно и для причерноморских центров², в том числе и для Херсона в X — первой половине XV в., о чем сохранились сведения в источниках разных типов.

Значительную часть населения такого крупного провинциального центра Византии, каким был Херсон, составляли греки. Монеты и печати с греческими надписями, письма к херсонским стратигам, архиепископам и митрополитам на греческом языке³ указывают на то, что он являлся языком церкви и городской администрации. Однако он был и языком, на котором говорили и писали многие жители Херсона. Об этом свидетельствуют частые находки буквенных граффити (на столовой и кухонной посуде,

таре, черепице и пр.), среди которых следует особо выделить пифос с начертанием букв греческого алфавита. Встречаются также разнообразные предметы культа и быта, содержащие греческие надписи, широко распространенные в городской среде (иконы, кресты, надгробия, посвящения и т. д.)⁴.

Ранее мы уже упоминали о находках, обнаруженных при раскопках городища Херсона и свидетельствующих о проживании в городе русского населения. Это изделия из кости, шиферные пряслица и другие предметы, имеющие аналоги на Руси: бронзовые энколпии, кресты, сосуды со славянскими надписями и пр., которые позволили исследователям предположить, что в Херсоне существовал даже особый квартал, населенный русскими⁵. Попадали русские в Херсон не только как торговцы, паломники, но и как невольники⁶. Жители Херсона, очевидно, постоянно контактировали с русскими, приходившими в город, а также в устье Днепра, где, по сообщению летописи, находилось поселение корсунян-рыболовов и мог проходить торговый обмен. Кроме того, и сами херсониты совершали поездки на Русь, при этом, видимо, многие горожане говорили по-русски⁷.

Определенную часть населения Херсона составляли армяне, появление колоний которых в Крыму исследователи связывают с событиями второй половины XI в.⁸. По предположению Н. В. Пятышевой, обнаруженные при раскопках квартала у южных крепостных стен городища «такие характерные материалы, как черепица с зажимами по нижнему краю, высокие наверхья крышек, бронзовая ручка с звериной головой и копытами и т. п., т. е. материалы, находящие ближайшие аналогии в музеях Еревана и Звартноца, позволяют связывать весь этот поздний комплекс (конец XIII — начало XV в. — Н. Б.) с армянами»⁹.

Очень интересны также результаты изучения армянских надписей, найденных в одном из херсонских храмов¹⁰. Эти две надписи не читаются ясно, и потому само по себе их содержание не представляет собой какой-либо важной для нас информации. Однако заслуживает пристального внимания комментарий Н. Я. Марра относительно самого текста. «Письмо мешаное инициально-строчное, — замечает исследователь об одной из надписей. — Если бы мы имели дело с текстом нормально возникшей рукописи, то отнесли бы его к довольно древнему времени, именно VIII в. по Р. Х. Но т. к. текст эпиграфический, притом надпись нацарапана не искусною рукою, то мешаный характер письма можно объяснить неумелостью писавшего и отчасти техническими условиями и неудобствами царапания, а любопытные особенности слов — диалектом, на котором говорил автор (среди этих особенностей примечательно, в частности, то, что одно слово близко к грузинскому — звонкая аффриката стоит вместо глухой. — Н. Б.). Но и в этом случае надпись едва ли позднее XIII в.». Вторая армянская надпись интересна тем, что она как бы вписана в греческий и другой неармянский, по мнению Н. Я. Марра, текст¹¹. Итак, надписи на армянском языке из

Херсона свидетельствуют о том, что в городе проживали армяне, исповедовавшие христианство, что часть из них говорила и писала на диалекте. Кроме того, пребывание в Херсоне армян составляло их изучать и язык греков. Возможно, именно этим объясняется включение армянского текста в греческую надпись.

Сведения, которыми мы располагаем ныне о пребывании армян в Херсоне, слишком фрагментарные и не позволяют пока рассматривать вопрос об их религиозных убеждениях, т. е. были ли эти армянские поселенцы халкидонитами или монофизитами. Вероятно, дальнейшие археологические исследования предоставят материалы, на основе которых можно будет изучать указанную проблему. Обнадеживает в этом отношении случайная находка в подъемном материале фрагмента глиняного штампа с изображениями крестов и частью греческой надписи. Изучившая этот фрагмент В. Н. Залеская писала, что наличие подобной надписи «на хлебных матрицах отмечено только на литургических штампах, употреблявшихся в монофиситской церкви... Таким образом, есть основания полагать, что штамп, найденный... в Херсонесе, может свидетельствовать о связях Северного Причерноморья с монофиситским Востоком»¹².

На протяжении всего рассматриваемого периода в числе жителей Херсона были аланы. По сообщениям источников X и начала XIII в. (трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и так называемого «Аланского послания» епископа Феодора) значительное их поселение существовало рядом с Херсоном. Аланы защищали город от набегов; исповедуя христианство, они подчинялись главе херсонской православной кафедры¹³. Уже на основании этого было бы логично предположить, что часть аланов могла жить и в самом городе. Однако археологические материалы представляют конкретные доказательства. К их числу следует отнести аланские граффити, обнаруженные на керамических изделиях и свидетельствующие о том, что аланы, жившие в Херсоне, входили в состав торгово-ремесленного населения города. Так, например, граффити, выполненные средневековым аланским письмом X—XI вв., были нанесены на кувши до его обжига по сырой глине (раскопки усадьбы 2 в квартале 2б на северном берегу); а в слое XII—XIV вв., как уже указывалось, были найдены чаши с надписями: «сосуд, подлежащий обмену» и «этот сосуд, подлежащий обмену»¹⁴. Примечательна также находка в той же усадьбе портового района, где были обнаружены некоторые сосуды с аланскими граффити, и двух персоней: аналогичные им «хорошо известны по материалам салтовского могильника. Возможно, что находки их указывают на принадлежность данной усадьбы аланам»¹⁵. Анализируя керамику «салтовского типа» IX—X вв., найденную в различных районах Херсона, А. Л. Якобсон подчеркивал, что «она важна не только как отражение связей города с алано-болгарским миром северо-восточного Причерноморья, но и как показатель этнической не-

однородности этого византийского города, в котором греческий элемент, как и в предыдущую эпоху, отнюдь не доминировал»¹⁶.

По письменным источникам известно о временном пребывании в Херсоне X—XII вв. хазар, евреев, «черных болгар», печенегов, половцев и др.¹⁷. С кочевниками связаны и археологические находки: черноключуцкой (или половецкой) железной маски первой половины XIII в., позднекочевнической (половецкой или золотоордынской) бронзовой статуэтки, плоской ромбовидной лазуритовой подвески и пр.¹⁸.

С 20-х годов XIII в. в Крым проникают татары, которые становятся новым элементом в этнической структуре Херсона. В отличие от других кочевых народов, татары в значительном количестве поселяются в городе. На это прежде всего указывают антропологические исследования, о чем речь пойдет ниже. С пребыванием татар в Херсоне связаны такие находки, как бронзовый перстень с вырезанной сверху так называемой «печатью Соломона», орнаментированный свинцовый сосудик с арабской надписью, который «мог служить для хранения молитвы или заклинания в период пребывания в Херсонесе татар Золотой Орды»¹⁹, и т. д. Однако еще более примечательны находки кровельной черепицы с изображениями тамги или пентаграммы. В Крыму пентаграмма широко распространяется в период образования Крымского ханства «в связи с возросшим здесь влиянием Золотой Орды и притоком татарского населения»²⁰. Эта символика, которая встречается на золотоордынских монетах и других предметах, получивших хождение в Крыму (в том числе и в Херсоне), стала использоваться херсонскими ремесленниками при производстве такой массовой продукции, как черепица. Пентаграмма в представлении различных этнических групп Херсона являлась надежным апотропеем всяческой «нечистой силы»²¹.

Со второй половины XIII в. число жителей Херсона пополняют западноевропейцы. В городе было основано католическое епископство во главе с Ричардом Английским, образована генуэзская фактория, что указывает на существование здесь постоянного поселения генуэзцев. Возможно, временно жили в городе и венецианцы, так как определенно известно о заходе в херсонский порт венецианских торговых кораблей, об обращении в Херсоне монет, чеканенных венецианцами²². Примечателен также и найденный в Херсоне мраморный рельеф с изображением Св. Георгия-воина, датируемый второй половиной XIII в. «Греческая передача латинского слова (в надписи, расположенной рядом с изображением. — Н. Б.) так же, как и форма щита, указывает на наличие в нашем памятнике западных черт, характерных для эпохи, следующей за крестовыми походами... Мы на одном памятнике, — заключает А. В. Банк, — пытаемся поставить вопрос об отражении на нем элементов взаимодействия культуры различных народов»²³.

Исключительно интересные данные, подтверждающие приведенные выше сведения письменных и археологических источников,

предоставляет антропологический анализ некоторых материалов из Херсона. Изучению были подвергнуты краниологические серии из раскопок 1930—1932, 1935, 1955 и 1957 гг., датируемые приблизительно XI—XV вв., т. е. временем возникновения захоронений при храмах-усыпальницах. Материалы, рассмотренные Г. Ф. Дебецом (за 1930—1932 и 1935 гг.), привели его к выводу о наличии в составе населения Херсона прежде всего европеоидного типа: брахикранного, который исследователь связывает с местным крымским населением (он также встречается в сериях из Эски-Кермена и Мангупа), и мезо-долихокранного, относящегося к числу средиземноморских вариантов и локализующегося преимущественно в Херсоне. Другой тип, выявленный на материалах Херсона, — монголоидный, хотя и представлен сравнительно незначительным числом черепов. И наконец, заслуживает внимания наблюдение о том, что «арменоидная» комбинация признаков изредка встречается на отдельных черепках, но, — пишет далее автор, — у нас пока нет возможности судить о том, являются ли эти единичные случаи результатом комбинации индивидуальных отклонений или примесью индивидуумов малоазиатского происхождения²⁴. Нам представляется более справедливым второе предположение, так как известно, что выходцы из Малой Азии и Армении входили в состав жителей Херсона.

Это подтверждается и данными исследования краниологической серии из раскопок 1955 г., в которой преобладающим типом был именно арменоидный наряду с находками черепов европеоидного типа (связанного с местным и пришлым населением) и в небольшом количестве — монголоидного²⁵. Значительное число монголоидных типов было обнаружено вместе с европеоидами в материалах из раскопок 1957 г., причем интересно, что большая часть монголоидных типов выявлена среди женских черепов²⁶.

Антропологические исследования всех указанных серий выявили сочетание признаков монголоидов с европеоидами, а также арменоидные примеси, что свидетельствует о развитии метизационного процесса в Херсоне и существовании смешанных браков²⁷. Примечательно также наличие среди исследованных материалов отдельных черепов с особыми признаками, как, например, черепа арменоидного типа, но с такими особенностями, которые позволяют связать его с древними формами Передней Азии²⁸, что, вероятно, указывает на принадлежность этого индивидуума к отдельной этнической группе.

Важно отметить, что если европеоиды и монголоиды в том или ином количественном соотношении встречались во всех исследованных сериях, то арменоиды преобладали лишь в материалах из раскопок 1955 г. Не указывает ли это на то, что это была краниологическая серия с армянского кладбища, а следовательно, что армяне в Херсоне старались хоронить своих усопших на относительно обособленных кладбищах? Справедливость этого предположения может подтвердиться лишь при наличии более полного антропологического анализа материалов из разных усы-

пальниц Херсона²⁹. Однако отметим, что обряд погребения в Херсоне в целом характеризуется единообразием, и этническая пестрота населения города по имеющимся материалам в нем не прослеживается³⁰. Очевидно, это вполне закономерное явление, так как археологи и антропологи исследовали останки погребенных у стен храмов-часовен, а значит, и захороненных согласно с обрядом погребения христиан. Из всего этого также следует, что татары — носители монголоидных признаков, — поселившись в Херсоне, принимали христианство.

Таким образом, результаты антропологических исследований согласуются с данными других источников о том, что в составе населения Херсона были греки, а также выходцы из других районов Средиземноморья; представители ряда этнических групп, населявших различные, в том числе и удаленные от побережья, районы Таврики (Мангуп, Эски-Кермен), очевидно, аланы и др. Арменоидные признаки свидетельствуют о проживании в Херсоне армян и выходцев из областей Малой и Передней Азии. Наконец, монголоидный тип указывает на то, что этнический состав населения города дополняли кочевники, вероятнее всего, татары.

К сожалению, данные антропологических исследований нельзя четко хронологически атрибутировать из-за того, что анализу подвергались лишь некоторые экземпляры черепов из раскопок Херсона, причем в рассмотренных публикациях изучение краниологических серий, как правило, четко не коррелируется со стратиграфией захоронений. Так, например, черепа с монголоидными признаками Г. Ф. Дебец связывает с «хазарским гарнизоном Херсонеса»³¹. Однако исследованные им материалы (2 монголоидных черепа) происходят из погребения, которое находилось «в насыпи второго слоя, покрывавшего собою разрушенную базилику», причем «в конце X или на рубеже X—XI вв. базилика и другие здания, находящиеся под насыпью II слоя, были разрушены»³². Следовательно, могилы возникают на месте базилики, погибшей самое раннее в конце X или в начале XI в., что и является нижней хронологической границей для датировки кладбища. Еще один череп монголоидного типа (из исследованных Г. Ф. Дебцом) происходит из могилы № 1, раскопанной в 1935 г. и датируемой довольно широко — XI—XV вв.³³. Поэтому относить указанные погребения ко времени пребывания в юго-западном Крыму хазар (VIII в.), очевидно, неправомерно. Возможно, именно в связи с этим при сравнении Г. Ф. Дебцом результатов своего исследования с материалами раннесредневековых погребений Эски-Кермена и Мангупа в могилах последних поселений не были обнаружены монголоиды³⁴. Что же касается периода конца X/XI—XV вв., то появление монголоидов вполне объяснимо в связи с пребыванием в Херсоне кочевников (печенегов, половцев, однако, скорее всего, татар).

Рассмотренные источники не позволяют утверждать, что места жительства отдельных этнических групп в Херсоне были ограничены определенными кварталами³⁵. Так, несмотря на преобладание

арменоидов в числе погребенных в усыпальнице одного из приходов северо-западного района Херсона, значительное поселение армян (как уже говорилось выше) также прослеживается и в районе у южных крепостных стен города. То же отмечается и в отношении аланского населения: «Находки аланских граффити в Херсонесе позволяют говорить о длительном проживании алан в городе, начиная примерно с IX в., вероятно, не в пределах обособленных аланских колоний, а в различных городских районах. В более раннее время они еще пользовались традиционными предметами быта, о чем свидетельствует находка типично салтовского кувшина с рисунком и надписью. Позднее, превратившись в горожан Херсонеса, они, по-видимому, уже не отличались своей материальной культурой от остального населения города и пользовались предметами обихода, производимыми в мастерских»³⁶. Этот вывод В. И. Кадеева, очевидно, справедлив, не только в отношении аланов, но и других этнических групп, составлявших население города.

Приведенные сведения источников, находки греческих, славянских, аланских, армянских, арабских надписей³⁷ и граффити свидетельствуют о том, что этнически пестрый город был и многоязычен: в Херсоне говорили и писали на разных языках. Частые находки буквенных граффити на бытовой керамике, процарапанных надписей на принадлежностях для игр (фишках, кубиках, астрагалах), а также стилей указывают на распространение грамотности³⁸ среди разных слоев населения Херсона. Так, вполне очевидно, что стилями, имевшими часто отверстия для шнура, необходимого для постоянного ношения, а также уже упоминавшимся пеналом-калемданом для письменных принадлежностей пользовались люди, непосредственно связанные с осуществлением каких-либо записей (нотарии, писцы, торговцы и др.). Нанесение же буквенных знаков на необожженные глиняные изделия (посуду, черепицу, тару), надписей на предметы культа (кресты, медные и стеатитовые иконы и пр.), надгробия, плиты над входами в дома и храмы и т. д. свидетельствует о грамотности среди ремесленников-керамистов, ювелиров, каменщиков и др. С самыми широкими слоями горожан связаны буквенные граффити на обожженной посуде (что часто является знаком собственности) и принадлежностях для игр.

Многообразие этнического состава жителей византийских центров существенно влияло на формирование самобытной культуры и искусства горожан, однако примечательно, что в Херсоне X—XV вв. их развитие происходило на основе греко-византийской традиции³⁹.

Глава 4. ГОРОДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Изучение данных источников о городском управлении и социальной структуре Херсона в X—XV вв. позволяет обратиться и к вопросу о городских движениях. Как отмечают исследователи,

причины и особенности городских волнений связаны, с одной стороны, с развитием самого города — его политической организации (что определяет и характер выражения социального недовольства), специфических социальных связей, через призму которых преломляются социально-экономические отношения, и т. д., а с другой — с развитием империи в целом и внешнеполитическими условиями¹.

Первое для рассматриваемого периода упоминание о волнениях в Херсоне сохранилось в трактате «Об управлении империей»². В поучении к сыну Константин Багрянородный особо останавливается на мероприятиях, которые должно принять в случае мятежа херсонитов: это уже само по себе свидетельствует о том, что подобные выступления происходили в городе, а также, что они были явлением не случайным, но повторяющимся. Выше мы уже отмечали, что система первоочередных мероприятий, очевидно, достаточных для усмирения херсонитов, сводилась, во-первых, к «блокаде» торговой деятельности Херсона (это следовало за конфискацией его торгового флота, арестом купцов и моряков, недопущением в город судов с южного берега Черного моря); во-вторых, к ослаблению защиты Херсона (к чему, вероятно, вел уход из города военного главы — стратига и запрет выдачи Херсону золота). Таким образом, в случае восстания отменялись именно те необходимые для существования пограничного Херсона условия, которые вынуждали город искать покровительства империи и входить в ее состав.

Однако нас более интересуют причины недовольства горожан: Константин Багрянородный пишет об этом весьма неопределенно — «если жители крепости Херсон восстанут или замыслият совершить противное царским повелениям». Следовательно, возмущение херсонитов направлено против центральной власти, горожане не повинуются распоряжениям Константинополя. Поэтому, очевидно, и гнев жителей Херсона направлялся именно против представителей центральной императорской администрации: так, по сообщениям хронистов, в 891 г. был убит Иоанн (Иона) — сын херсонского стратига³, а, как отмечено в русской летописи, в 1066 (6574) г. «котопана побиша каменьем корсуньстий людь». Предшествующий рассказ летописи повествовал о том, что этот катепан был послан в Тмутаракань и отравил там князя Ростислава. По возвращении в Херсон катепан «повѣдаше, яко в сий день умереть Ростиславъ, яко же и бысть»⁴. Связаны ли были отравление князя и возмущение жителей Херсона, боявшихся, например, мести и сокращения торговли с Тмутараканью, — неизвестно. Однако, возможно, эти причины были более значимы для херсонитов, нежели потеря военного предводителя и угроза проведения ответных мероприятий Константинополем по типу указанных Константином Багрянородным. Оба восстания в Херсоне 891 и 1066 гг., очевидно, следует рассматривать как примеры проявления недовольства горожан политикой центральной администрации именно в отношении Херсона, причем, вероят-

но, одним из поводов выступления 1066 г. было осложнение отношений с Тмутараканским княжеством.

Но наиболее ярким примером неповиновения Херсона «царским повелениям» явилось восстание начала XI в. Из всех хронистов только Скилица (и соответственно Кедрин) упоминает об экспедиции византийского флота в Крым в 1016 г. «Император (Василий II Болгаробойца (976—1025). — Н. Б.) вернулся в Константинополь, в месяце январе⁵ 6524 года направил флот в Хазарию, экзархом его был Монг, сын Андроника, дуки Лидии. При содействии Сфенга, брата Владимира, (который был) зятем императора, он подчинил страну, пленив (захватив) архонта ее Георгия Цулу в первом столкновении»⁶. Это сообщение связывают с историей Херсона на основании сопоставления с данными печатей, найденных при раскопках в Крыму. На одной из них помещена надпись: «Георгию Цуле, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона»⁷. Сведения о походе Монга первоначально рассматривались как свидетельство «ликвидации остатков господства хазар в Крыму и как следствие этого — расширение византийской территории на Крымском полуострове»⁸. Другие исследователи, точка зрения которых получила обоснованные доказательства в последнее время, рассматривают экспедицию в Крым не «как войну с независимым Хазарским государством», а как подавление «восстания против Византии правителя-стратига херсонской области империи в Крыму»⁹. На основании изучения византийских печатей и надписей с именем Цула И. В. Соколова подтверждает предположение М. И. Артамонова о том, что Георгий Цула был местного происхождения¹⁰. Справедлив и ее вывод, что «появление стратига из местных — аномалия, которая могла возникнуть при чрезвычайных обстоятельствах», когда «произошла смена управления городом, власть попала в руки жителей Херсона»¹¹. Вызывает также значительный интерес рассмотрение моливдовула «Георгия Цулы, протоспафария Боспора». Анализ надписи «объясняет, почему флот под командованием Монга был послан в Хазарию, а не в Херсон: в момент высылки экспедиции Цулы уже не было в Херсоне, он оказался правителем другого города — Боспора. Испугались ли херсонцы хазарского засилья и сами избавились от своего военачальника или он был изгнан вновь прибывшим из Константинополя стратигом, можно только гадать и ожидать новых находок, которые осветят и эту страницу в истории города»¹².

Таким образом, данные сфрагистики свидетельствуют о том, что в начале XI в. жители Херсона выступили не против вхождения города в состав империи и даже не против самого «института стратигов» и фемной организации, так как в ходе восстания херсониты сменили присылаемого из Константинополя стратига (очевидно, убитого или изгнанного) также на стратига, но из числа местной титулованной знати (протоспафария Цулу). Вероятно, недовольство горожан было вызвано деятельностью бывшего

стратига, проводившего политику центральной администрации в отношении Херсона.

Следовательно, восстание начала XI в. аналогично другим названным выше выступлениям жителей Херсона в конце IX—XI вв.: по причинам и целям — недовольство усилением административного и, возможно, фискального гнета Константинополя, желание поставить во главе управления стратига из местной знати и т. д., но не отделиться от империи в независимую от нее область; по форме — действия против представителя центральной власти, присланного из столицы (стратига, катепана); по движущим силам — жители города — херсониты — в целом, т. е. союз представителей господствующего класса и народных масс, когда внутригородские противоречия, антифеодальные требования, очевидно, оказывались на втором плане. Еще раз отметим, что в конце IX—XI вв. нет ни одного свидетельства источников, указывающего на стремление херсонитов образовать независимую от Константинополя область¹³. Не случайно поэтому в конце XI в. Херсон (как и в раннее средневековье) оставался местом ссылки неугодных императорскому двору и даже открытых бунтовщиков и претендентов на престол (каким был Лже-Диогенович из рассказа Анны Комнины)¹⁴. Ведь, очевидно, в Константинополе учитывалось то обстоятельство, что в угоду призрачным обещаниям узника жители Херсона не захотят потерять благоприятные условия ведения торговли и обеспечение защиты города.

Совсем иные черты характерны для городского движения в Херсоне в 20-е годы XIII в., о котором сохранились упоминания в «Аланском послании» епископа Феодора. Автор источника рассказывает о том, что «по слухам о наших бедствиях» скифская страна дружески приняла путников, а Херсон «сделал свободными изгнанников и узников»¹⁵. Епископа Феодора по неизвестным нам причинам преследовал сульджукский эмир Чобан (греческая транскрипция Цаман), находившийся с войсками в Крыму¹⁶. Когда Цаман узнал об их освобождении, а «это ему было не по душе, и он послал злых вестников к городским властям и прибавил грозное слово. И они (городские власти. — Н. Б.), не оказывая никакого сопротивления, предоставили им (злым вестникам. — Н. Б.) поступать с нами по (своему) усмотрению. Но Господь защитил, подвигнув одного из знатных людей в Херсоне, никого иного, как преславного Иоанна. Не открыл он нам возможности бежать от бедствий, опасаясь волнения народа (τῆν ὄρμην τοῦ δήμου), чтобы кровожадный человек (Цаман. — Н. Б.) не лишил его жизни и не возмутил против него народ, который подвергается разнообразным воздействиям и был всячески стеснен (κατ' αὐτοῦ μιν ἴτο δῆμος ὡν ἐτεροβριθῆς καὶ φερόμενος παντοθεν). И он (Иоанн. — Н. Б.) держал нас в состоянии среднем между свободой и узами. Что же тот, делавший все по своему хотению?.. Близко был сокрушитель (Цаман. — Н. Б.). Город скорбел о внутренних бедствиях (τὰ οἰκῆα κακὰ). Си-

ротил его меч язычников извне, а внутри поднималась междоусобная война (ὁ ἐμφύλιος πόλεμος). А мы тут и спаслись бегством»¹⁷.

На существование социальных противоречий между «знатными» и «народом» в Херсоне указывают замечания епископа Феодора о том, что Иоанн «опасался» волнения (дословно: натиска, нападения) народа», «возмущения против него народа, который подвергается разнообразным воздействиям и был всячески стеснен», а также слова о том, что «город скорбел о внутренних бедствиях», «внутри поднималась междоусобная борьба (война)». Очевидно, речь в послании идет именно о выступлениях народных масс Херсона против патрициата города, «всячески стесненных», вероятно, налогами и поборами. Слова о «разнообразных воздействиях», которым подвергается народ, возможно, свидетельствуют о существовании каких-то лиц, оказывавших влияние на выступления горожан. В рассказе Феодора содержится указание на волнения, вызванные не появлением епископа и требованиями эмира, но лишь усугубившиеся угрозой Цамана разорить город, если власти не подчинятся его требованиям заключить Феодора под стражу. Вот почему «городские власти», «не оказывая никакого сопротивления», предоставили посланцам Цамана поступать с путниками по их усмотрению и почему, несмотря на выполнение требований эмира, епископ Феодор отмечает, что город продолжал «скорбеть о внутренних бедствиях» и «внутри его поднималась междоусобная война». В отличие от движений горожан IX—XI вв., где на первом плане конфликт херсонитов и центральной константинопольской администрации, источник начала XIII в. рассказывает о противоречии между «народом» и «знатью» внутри самого Херсона.

В известных источниках не сохранились сведения о городских движениях в Херсоне в XIV—XV вв.

* *
*

Таким образом, для городских движений Херсона характерны те же основные черты и этапы, которые исследователи отмечают и для других византийских городов. Первый этап (IX—XI вв.), когда город находился под верховной властью Византийской империи и являлся центром фемы, связан с выступлениями против гнета константинопольского правительства. Главного врага восставшие видят в чиновниках центральной администрации, основные требования сводятся к уменьшению административного и фискального гнета, к созданию (а в отношении Херсона — к упрощению прав) автономной области, города, *но в рамках империи*.

Внутригородские противоречия выходят на первый план лишь на втором этапе (с XII в.), когда города, освободившиеся от опеки Константинополя, попадают под власть местной знати (феодалов, а применительно к Херсону и верхушки торгово-ремеслен-

ного населения). Основной причиной городских движений теперь становится противоречие между местными властями и остальными жителями города и округи; а восстают они теперь против духовных и светских феодалов, херсониты же — против своих «знатных». Характерная черта этапа — обострение социально-классовой борьбы. Осложнение же внешнеполитической обстановки (как, например, ухудшение отношений с Тмутараканским княжеством во второй половине XI в. или поход эмира Чобана в Крым в начале XIII в.) лишь усиливало недовольство херсонитов политикой городского управления, было поводом для массовых выступлений и решительного проявления недовольства.

Заключение

Завершив рассмотрение проблем социально-экономической и политической истории Херсона в X—XV вв., сопоставим основные черты его развития с тенденциями, определяющими эволюцию других византийских провинциальных городов.

Изучение экономического развития Херсона привело нас к заключению о том, что ремесло и торговля были важными сферами хозяйственной деятельности горожан.

Ремесленная продукция изготавливалась преимущественно в небольших мастерских, само производство было основано на ручной технике, фактически не претерпев существенных изменений в течение нескольких веков. По источникам прослеживается связь отдельных отраслей ремесла с домашним хозяйством, незавершенность внутриотраслевой дифференциации производства. Херсонские ремесленники работали на заказ, но в то же время в ряде отраслей они выступали и как мелкие товаропроизводители. Сближают ремесло Херсона с производством в большинстве провинциальных городов империи и отсутствие корпоративной организации, и концентрация производства в различных частях самого города, а не только за его пределами, и включение мастерских в состав городских усадеб и пр. В качестве особенностей ремесленного производства Херсона, отличающих его от ремесла ряда византийских центров, можно выделить следующие. Основные виды городского ремесленного производства были развиты в Херсоне в течение всего рассматриваемого периода, причем несмотря на то, что ряд из них (как, например, обработка цветных металлов) использовали только привозное сырье; не наблюдается исчезновения каких-либо видов ремесла или появления новых его отраслей; не прослеживается так называемой «деформации» ремесла; нет свидетельств об участии деревни в ремесленном производстве, продукция которой составляла бы конкуренцию городским мастерам. Ремесло, ориентированное на удовлетворение непосредственных потребностей городского населения Херсона, не претерпело упадка в палеологовский период; не активизировалось и домашнее производство отдельных видов ремесленной продукции. Торгово-пред-

принимательская деятельность итальянского купечества в Причерноморье со второй половины XIII в. не внесла каких-либо изменений в структуру и характер ремесленного производства Херсона, которые можно было бы проследить по имеющимся источникам.

Ремесло было тесно связано с развитием торговли, которая играла исключительно важную роль в обеспечении горожан сырьем для ремесленного производства, продовольствием и другими товарами. В связи с этим большое значение имел внутригородской рынок, где на протяжении всего рассматриваемого периода доминировали развитые товарно-денежные отношения. Все это также указывает и на то, что купеческий капитал играл в Херсоне X—XV вв. большую самостоятельную роль. История торговли Херсона подтверждает выводы византинистов об активной роли провинциального купечества по доставке товаров в Константинополь в X—XI вв. В то же время Херсон постоянно поддерживал самые тесные контакты с крупными центрами Южного Причерноморья: примечательно, что именно отсюда привозились в Херсон продовольствие и основная часть импортируемых полезных ископаемых. Поэтому наметившийся в XI—XII вв. упадок Константинополя, куда поступали из Херсона преимущественно товары транзитной торговли, не означал для Херсона какой-либо переориентации торговых связей. Исторически сложившиеся еще с античности торговые отношения Южного и Северного Причерноморья, несмотря на изменение структуры товарообмена, были прочными в течение всего периода X—XV вв. Возможно, это и предопределило политическую ориентацию Херсона на Трапезундскую империю после захвата Константинополя в 1204 г. Развитие итальянской торговли в Причерноморье (вторая половина XIII—XV вв.) оказало существенное влияние на международную торговлю Херсона: он потерял роль крупнейшего центра транзитной торговли Северного Причерноморья, которая перешла прежде всего к Каффе и другим городам. Вторым следствием явилось сокращение активности херсонских купцов в международной торговле, особенно со Средиземноморским регионом, связь с которым теперь осуществлялась преимущественно через итальянских купцов. Однако Херсон по-прежнему был важным крымским портом и вел традиционную торговлю с различными областями Причерноморья и Руси, что, возможно, указывает на сферу деятельности местного купечества.

Важное значение имеет рассмотрение вопроса о роли земледелия в хозяйственной жизни Херсона для определения его места в ряду тех византийских городов, где в X—XV вв. углублялся процесс аграризации. В подавляющем большинстве случаев жители Херсона не производили, а перерабатывали сельскохозяйственную продукцию и, значит, пополняли свои продовольственные запасы за счет товарообмена. Но даже и тогда, когда горожане занимались земледелием, оно не являлось специализацией их хозяйства, так как херсониты выполняли земледельческие работы наряду с ремесленным производством (гончарным и строительным делом, обработкой металла, камня) и промыслами, т. е. в Херсоне наблю-

дается незавершенность второго общественного разделения труда. Однако так как обработкой земли занималось сравнительно незначительное число горожан, то, очевидно, можно заключить, что процесс отделения ремесла от земледелия, который интенсивно проходил в византийских городах в X—XII вв., охватил и большую часть хозяйств Херсона, но, так же как и в других областях империи, не был завершен. Соотношение развития ремесленного производства, торговли и земледельческих занятий в Херсоне X—XV вв. убедительно показывает, что здесь не шел процесс аграризации, что город был в первую очередь центром ремесла и торговли, а не «развитого товарного аграрного производства», как ряд провинциальных византийских центров. Возможно, это была специфика причерноморских портовых городов, таких как Херсон. Следовательно, появляется материал для типологических сопоставлений.

Социальный состав жителей Херсона X—XV вв., включавший, по определению источников, три основных элемента — знать, клир, народ, — очень близок структуре населения византийских городов, хотя, вероятно, торгово-ремесленные слои играли большую роль в пополнении городской знати и в городском управлении, чем во многих провинциальных центрах империи.

Очевидно, труднее всего выделять «типичное» в эволюции городского управления византийских городов, так как на него оказывали большое влияние внешнеполитические факторы, определившие особенности развития разных районов Византии в X—XV вв. И тем не менее в X—XII вв. этим, безусловно, общим для Херсона и других провинциальных центров были вхождение в состав Византийской империи, подчинение ее административной структуре (в частности, фемной организации), включение в состав городского управления императорских чиновников, уплата налогов, выполнение военно-стратегических функций (что, конечно, касалось в первую очередь пограничных городов) и получение определенных привилегий. И здесь уже следует выделить те или иные особенности. В отношении Херсона они проявлялись прежде всего в сохранении на протяжении всего периода X—XII вв. отдельных элементов городской автономии и самоуправления (непрекращающийся чекан собственной монеты и др.) и пр. Со времени упразднения фемы (во второй половине XI в.) управление возглавляет городской патрициат, состоявший из «знатных» Херсона. Таким оно было и в период вхождения Херсона в состав Трапезундской империи (XIII — середина XIV в. — ?). Следует отметить, что такая форма городского управления была, вероятно, аналогична управлению в ряде других византийских городов, где власть попала в руки местных феодалов и зажиточной торгово-ремесленной верхушки. Однако формы их правления были разнообразны. Они отличались друг от друга даже в городах Крыма: к своего рода «олигархическому» правлению «городских властей» Херсона близко управление в Сугдее во главе со «старейшинами», но власть в Боспоре (Воспоро) концентрировалась в руках «архонта», едино-

лично решавшего важнейшие вопросы городской жизни¹. Со второй половины XIII в. итальянские предприниматели поселяются в Херсоне. Но сведения о существовании в городе генуэзской фактории, находившейся в административном подчинении Каффы, появляются (по известным ныне данным источников) столетие спустя — во второй половине XIV в. — и сохраняются до середины XV в. Однако для этого периода пока нет никаких данных об эволюции местного управления.

Изучение городских движений в Херсоне позволяет рассматривать их как типичные для провинциальных византийских городов. До последней трети XI в. в Херсоне явно прослеживается этап борьбы за упрочение элементов независимости от константинопольской администрации, но при сохранении верховной власти императора. Эта борьба спланировала все социальные группы города. Следующий этап характеризуется противостоянием «знатных» Херсона и «народа», внутригородские противоречия выходят на первый план. История городских движений Херсона не сохранила свидетельств о борьбе торгово-ремесленных кругов с феодалами, проходившей в ряде византийских городов с середины XI в., в которой первые потерпели поражение. Однако фрагментарность сообщений источников не позволяет считать это особенностью городских движений в Херсоне, так как нет пока данных для изучения положения и роли местных крымских феодалов в истории Херсона.

Таким образом, комплексное изучение сведений источников разных типов по истории Херсона X—XV вв. привело нас к выводу, что это был один из типичных центров городской жизни эпохи феодализма: его социально-экономическое и политическое развитие в основных своих чертах представляет собой эволюцию провинциального византийского города с особенностями, очевидно, характерными для ряда портовых городов Причерноморского региона, а возможно, и других районов империи. Однако для каких именно — еще предстоит выяснить в ходе дальнейшего исследования отдельных византийских провинциальных центров.

Следует отметить, что выводы настоящей работы основаны на системном исследовании имеющихся сегодня в нашем распоряжении источников. Мы неоднократно отмечали фрагментарность сведений о Херсоне в письменных источниках, а также и то, что в монографии использованы опубликованные результаты археологических раскопок, произведенных пока еще не на всей территории городища. Углубление, а возможно, и корректировка наших выводов связаны с дальнейшим изучением истории Херсона X—XV вв., что во многом обусловлено расширением источниковой основы, исследования, причем не только за счет естественного пополнения археологического материала в ходе ежегодных раскопок. Вполне очевидно, что наши сведения о Херсоне периода XIII—XV вв., особенно о его экономической жизни, организации там итальянской фактории, значительно увеличатся при введении в научный оборот всего материала массарий Каффы за 1374—1472 гг., хранящихся в архиве Генуи (равно как и других еще неизданных документов

итальянских собраний), так как даже в тех крошечных отрывках, которые были опубликованы, содержится важная информация о Херсоне. Возможно, тогда и сообщения уже известных нам источников приобретут новый смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ З. С. 20, 50. Ссылки на источники и литературу приведены в сокращенном виде: в примечании указывается порядковый номер работы или название периодического издания, где она опубликована (выделены курсивом), расшифровка которых содержится в библиографическом указателе и списке сокращений.

² 2. Ч. 2. С. 354.

³ Различным вопросам истории византийского города посвящено большое количество работ, перечислить которые здесь невозможно. Поэтому мы ограничимся указаниями на некоторые исследования, как правило, освещающие состояние вопроса и содержащие сведения о его литературе: *ВО*. 1971. С. 3—25; *ВО*. 1977. С. 3—65; *ВВ*. 1974. Т. 36. С. 3—20; *ВВ*. 1976. Т. 37. С. 8—12; *ВВ*. 1979. Т. 40. С. 3—8; *ВВ*. 1969. Т. 30. С. 312—315; *ВВ*. 1956. Т. 8. С. 26—41; *СГ*. 1981. Вып. 6. С. 19—31, 74—79; 143; 144; 151. Т. 2. С. 134—154, 249—258. Т. 3. С. 109—122; 152. С. 190—249, 301—345, сл.; 167. С. 105—116, 154—162, 177—178, 189—190; 168. С. 58—61; 170. С. 110—153; 171; 183. С. 4—28; 184. С. 107—157; 195. С. 96—101, 195—215; 196; 225; 236. Р. 263—304; 243; 244; 246; 253; *ЕВ*. 1984. № 1. Р. 28—50; *BS*. 1955. Т. XVI/1. Р. 76—96; *BBL*, 1962. Т. 1. Р. 145—182; *JOB*. 1981. Bd. 31/1. Р. 149—188; и др.

⁴ *ВО*. 1977. С. 79—106; *ВВ*. 1976. Т. 37. С. 17—29; *ВВ*. 1956. Т. 8. С. 61—84; *СГ*. 1981. Вып. 6. С. 74—79; 158; 172. С. 202—203; 174; 232; 233; 244. Р. 88—92; 265; *ДОП*. 1977. Т. 31. Р. 29—87; *ДОП*. 1975. Т. 29. Р. 255—287; *JOB*. 1979. Bd. 28. Р. 297—320; *ЕВ*. 1984. N 1. Р. 42—45.

⁵ 151. Т. 2. С. 148; *ВВ*. 1961. Т. 18. С. 67, 73; *ВВ*. 1964. Т. 24. С. 228; 48. С. 8—9; *АП*, 1979. Т. 35. Р. 180—183.

⁶ 1. С. 88.

⁷ История православной и католической церквей в Херсоне X—XV вв. рассматривается в наших специальных работах: 133; 136; 136а.

Очерк историографии

¹ 131. С. 10; 166. С. 19—22.

² 213; 215; 226; 238; 259; 269; 274.

³ 221; 250; *ЗООИД*, 1902. Т. 24. С. 89—180.

⁴ 215. Р. 31; 238. Т. 2. Р. 318; *ЗООИД*. 1902. Т. 24. С. 122. Ср., например: 116. Р. 16.

⁵ 123. Р. 144—145; 101. Т. 2. Р. 72. 267; 91. Р. 457; и др.

⁶ 221. Р. 6; 250. Р. 3—4; 259. Р. 8—12; 226. Р. 435.

⁷ 256. Р. 936; 238. Т. 2. Р. 318; 274. Р. 66—67, 84; 221. Р. III, 13—14.

⁸ 257. С. 254—255; 221. Р. 6. Кстати, Мартин Броневский — единственный из упомянутых ранее писателей, который приводит все известные в его время названия города: *Chersonesum seu Cheronesus, Corsunum, vel Chersonam, Sari Germanum*, т. е. соответственно античное, русское, средневековое греко-латинское и татарское.

⁹ См. об этом: 250. Р. 3. Ср. 213. Р. 381; 226. Р. 367; 238. Т. 1. Р. 334; 269. Т. 2. Р. 7; 95. Р. 221; 120. Т. 3. Р. 216. См. об этом подробно: 135. С. 199—202.

¹⁰ 131. С. 11; 166. С. 48; и др.

¹¹ 129. С. 43—45, сл.

¹² 208.

¹³ 208. Ч. 3. С. 30—33, 59, 69, 103.

¹⁴ И. Штритгер специально останавливается на этом вопросе: «Херсон (в Российских летописях Корсунь) был славный город на Таврическом полуострове, у западного его берега. Некоторые под именем его Кафу, а другие, с большим вероятием, Козлов разумели. К северу от Балаклавы недалеко от морского залива находятся остатки древней крепости, которая, может быть, была древним Херсоном. Жители Херсона были греки, коих владение также и вне Таврического полуострова по берегам Черного моря до Днепра простиралось» (209. Т. 1. С. 35, прим. 1). В «Истории Российской» М. М. Щербатова отмечается: «Херсон — Феодосия, ныне Кафа, град» (210. Т. 1. Стб. 494). Вызывает недоумение, что в одном из современных исследований под Корсунем, который осаждал в 988 г. князь Владимир, понимается город в устье Днепра (177. С. 95). «Корсунцы» действительно имели поселение в устье Днепра, где они занимались ловлей рыбы (о чем упоминается в договоре князя Игоря с Византией), но сам город находился не здесь.

¹⁵ 209. Т. 1. С. 35, 73—75, 126.

¹⁶ 173. С. 32—33, 55—57; 255. С. 21, 108—110; 210. Стб. 359—362.

¹⁷ 192. Т. 2. С. 42—43, 54, 60—62, 83, 91—92, 103, Т. 3. С. 91—92 и др. См. также: 141. Т. 2. Вып. 1. С. 29—34; ВВ. 1953. Т. 6. С. 264—265.

¹⁸ 216; 271.

¹⁹ 176; 187.

²⁰ 176. С. 54—56, 70—72, 74, 106—112.

²¹ 187. Т. 1. С. 335—343, 345—350, Т. 2. С. 150, 280.

²² 111. Т. 1. Col. 1331—1332, Т. 3. Col. 1111.

²³ ЗООИД. Т. 1—33.

²⁴ Подробный очерк археологического изучения Херсона представлен в книге А. И. Романчук (44. С. 10—20 /1827—1886, 1886—1917/). См. также: 146.

²⁵ См. Отчеты ООИД за 1876/77—1884/85 гг., а также: ИАК. Вып. 1, 2, 4, 9, 16, 20, 21, 25, 1901—1907; ОАК за 1889, 1891, 1895—1898, 1903 гг.; и др.

²⁶ 44. С. 20.

²⁷ МАР. 1893. № 12; 130; ИОРЯС. 1910. Т. XIV. Кн. I. С. 241—307; 159.

²⁸ МАР. 1892. № 7. С. 33—46; ТМНО. 1900. Т. II. Вып. 2. С. 216—222; НС. 1911. Т. I. С. 107—112; 53; Записки ИРАО, 1887. Т. II. С. 28—43; ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 1—21; ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 41—46; 33.

²⁹ 160; 162; 191; 139; 164.

³⁰ Здесь и везде имеем в виду те исследования и публикации источников, которые включают сведения по истории Херсона интересующего нас периода X—XV вв.: 33; ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 245—271; ИТУАК. 1912. Вып. 46. С. 136—158; 207.

³¹ 139. Т. 1. С. 171—173.

³² 141. Т. 2. Вып. 1. С. 3—124, Т. 3. С. 142—288; 197; 199; УЗ Имп. Акад. наук. 1854. Вып. 5. Т. II. С. 734—746; 81; 130; ИОРЯС. 1910. Т. XIV. Кн. I. С. 241—307; ЖМНП. 1907. Вып. 4. С. 229—272; 163; ВВ. 1898. Т. 5. С. 1—18.

³³ 141. Т. 2. Вып. 1. С. 56—124.

³⁴ ЖМНП. 1907. Вып. 4. С. 229—272.

³⁵ См., например: ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—46; ВВ. 1988. Т. 49. С. 190—201.

³⁶ 141. Т. 3. С. 107—109, 173—175; УЗ Имп. Акад. наук. 1854. Вып. 5. Т. II. С. 738—743; 163. С. 58; ВВ. 1898. Т. 5. С. 9—10; ЖМНП. 1889. № 1. С. 80—92; 130. С. 5—14, 37—39, 58—65, 129—130.

³⁷ 142; 162; 191; 204; и многие другие.

³⁸ 155. Т. 1. С. 152—154, 173, 179, 212—217, Т. 5. С. 17, сл.; 190. С. 89, 182—184, 187, 200, сл.; 161. С. 124, 156—157, сл.

³⁹ 109. Вопрос о локализации событий, описанных в «Записке готского топарха», до сих пор не решен. Одни исследователи считают, что они имели место в Крыму (А. Куник, Б. Кёне, Н. Ламбин, И. Иловайский, Ф. Успенский, Ф. Вестберг, Ю. Кулаковский, С. Шестаков, А. Васильев, Г. Литаврин и др.), другие полагают, что эти события следует связывать с районами Дуная (В. Ва-

сильевский, П. Мялюков, М. Шангин, М. Левченко и др.). Однако отметим, что даже сторонники первой из названных точек зрения подчеркивали, что речь идет не о Херсоне, но о других крымских «городах» (Готских климатах). Вот, например, что писал А. Куник: «Местом деятельности автора была собственно Корсунь, а Готия... и следовательно, нельзя принимать его (т. е. топарха. — Н. Б.) за византийского воеводу (стратига) в Корсунь» (165. С. 62). Библиографию и подробный разбор всех точек зрения по этому вопросу см.: 169. С. 291—339. В последнее время высказывались мнения о том, что «Записка» представляет собой подделку, что «это не более чем свидетельство умелого подражания филологов нового времени» (245. Т. I. С. 371—372; ДОР. 1971. Т. 25. Р. 115—118).

⁴⁰ См., например: 99; 106; 113; 124; 88; PG. 1864. Т. 127. Col. 971—984; PG. 1867. Т. 141. Col. 281—290; PG. 1865. Т. 140. Col. 387—414. См. также: 98; 101; ROL. 1896. Т. 4. Р. 25—118; 119; 123; и др.

⁴¹ ЧОИДР. 1899. Т. I (188). Отд. III. Ч. 2. С. 1—262; ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 445—473; ЗООИД. 1898. Т. 21. С. 11—27. См. также переводы византийских авторов в ЗООИД: Т. I. С. 3—114, Т. 2. С. 118—130, 232—244, Т. 10. С. 75—110, 139—163. См. следующие переводы и публикации источников, относящихся к истории Херсона X—XV вв.: ВВ. 1896. Т. III. С. 233—299; ЖМНП. 1889. № 1. С. 80—92; 79. С. 78—136; ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 629—837; ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 333—367; ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 89—180; и др.

⁴² ПСРЛ; 83; ВОИДР. 1852. Кн. 15. Ч. III. С. 11—21; и др.

⁴³ 72; 81; 82; 84; ВВ. 1927. Т. 25. С. 53—76; и др.

⁴⁴ 261. Р. 51—52, 60, 79—80, сл.; 241. Т. I. Р. 297. Т. 2. Р. 157, 209—214; и др.; 224. Т. I. Р. 155—161, 266—306, Т. 2. Р. 43—49, 50—54; 272. Р. 42; и др.

⁴⁵ 230; 150. С. 241, сл.; 263; 264; 64.

⁴⁶ ИРАИК. 1921. Вып. 1. С. 265—344; ИРАИК. 1927. Вып. 5. С. 179—282; 273. Р. 15—16, 147, 160—161, сл.

⁴⁷ 198. С. 43—59.

⁴⁸ 181. С. 4; 131. С. 25.

⁴⁹ ИРАИК. 1934. Вып. 91.

⁵⁰ 195. С. 6; 166. С. 133, сл.; 131. С. 24, 32—33.

⁵¹ 44. С. 20—25; ХС. 1959. Вып. 5. С. 3—12; 16—19; 31; 52; 57. С. 82—92; АО за 1968—1986 гг.; СГЭ. Вып. 10, 12, 16, 25, 27, 30—35, 45; МИА. 1941. Т. 4; 1953. Т. 34; СХМ. 1960. Вып. 1. С. 36—42, 1963. Вып. 3. С. 55—60; СА. 1941. Т. 7. С. 231—244, 1955. Т. 24. С. 257—281, 1960. № 2. С. 257—263; ХС. 1948. Вып. 4. С. 5—17, Вып. 5. С. 26—69; АДСВ. 1965—1977. Вып. 3, 7, 9, 12, 14 и др.; ЭГИМ 1966 г. С. 4—5; ЭГИМ 1969 г. С. 141—158; и др.

⁵² 44. С. 24.

⁵³ 27; 29; ХС. 1959. Вып. 5. С. 73—74.

⁵⁴ МИА. 1950. Вып. 17; МИА. 1959. Вып. 63; 60; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 11—52; и др.

⁵⁵ АДСВ. 1981. С. 84—105.

⁵⁶ СА. 1941. Т. 7. С. 231—244; МИА. 1950. Вып. 17; МИА. 1959. Вып. 63; АДСВ. 1985. С. 102—122.

⁵⁷ 9; 48; НС. 1968. Вып. 3. С. 99—113. См. также: 18. С. 41—50; 19. С. 139—154, 317—344; 22; 52. С. 128—139; МИА. 1953. Вып. 34. С. 255—278; Тр. ГЭ. 1981. Вып. 21. С. 5—43; ХС. 1959. Вып. 5. С. 70—72; ХС. 1930. Вып. 3. С. 141—215; СА. 1941. Т. 7. С. 326—329; СА. 1972. № 4. С. 211—222; НС. 1974. Вып. 5. С. 92—94; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 76—81; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 28—38; ВВ. 1964. Т. 24. С. 150—158; СХМ. 1960. Вып. 1. С. 57—62; НЭ. 1978. Т. 12. С. 41—46; и др.

⁵⁸ 11—15; 25; 26; 56. С. 67—77; МИА. 1953. Вып. 34. С. 296—298; ВВ. 1956. Т. 9. С. 186—192; ВВ. 1964. Т. 25. С. 167—175; ВВ. 1968. Т. 29. С. 265—268; ВВ. 1973. Т. 34. С. 249—256; ВВ. 1988. Т. 49. С. 204—207; СГЭ. 1986. № 51. С. 50—52; СГЭ. 1982. № 47. С. 56—59; СГЭ. 1984. № 49. С. 60—62; СА. 1958. № 2. С. 203—207; СА. 1960. № 2. С. 257—263; СА. 1984. № 4. С. 217—223; и др.

⁵⁹ 44 (части монографии опубликованы в ранее вышедших статьях: АДСВ. 1982. С. 89—114; АДСВ. 1985. С. 102—122).

⁶⁰ МИА. 1950. Вып. 17. С. 47—100.

- ⁶¹ 44. С. 25.
⁶² Там же. С. 183.
⁶³ ВВ. 1961. Т. 19. С. 160.
⁶⁴ ВВ. 1976. Т. 37. С. 29.
⁶⁵ 44. С. 184—185.
⁶⁶ JOB. 1981. Т. 31/2. Р. 611—653; 232; 233; DOP. 1977. Т. 31. Р. 29—87; 247.
⁶⁷ СГ. 1981. Вып. 6. С. 75.
⁶⁸ 168. С. 192—196, 200, 255, 345—348, 354—356; 145. С. 458; 194. С. 301; 180. С. 63—65, 72, 74, 84; и др.; ВИ. 1984. № 6. С. 34—47. ВВ. 1953. Т. 14. С. 103—116; и др.
⁶⁹ ВО. 1982. С. 188—189; 151. Т. 2. С. 148—154, сл.; 152. С. 192, 194, 204, 206, сл.; 167. С. 156; 170. С. 125; и др.
⁷⁰ Известно о существовании машинописного варианта работы греческой исследовательницы Марии Нистазопулу «Византийский Херсонес», которая была нам недоступна. Статьи английского историка Джона Смидли (267; АП. 1979. Т. 35. Р. 172—192) базируются в основном на работах А. Л. Якобсона и представляют собой самый общий очерк истории и археологии Херсона в средние века, преимущественно в ранний период. Очень краткий обзор археологических раскопок Херсона был дан также в статье К. Муратовой (АП. 1979. Т. 35. Р. 147—155).
⁷¹ 118.
⁷² 117. Ч. 2. С. 38, 197, Ч. 4. С. 1, 15, 38, сл., Ч. 6. С. 95, 213, сл.
⁷³ 211. Р. 24, 48—49, 52—59, сл.; 220. Р. 170, 204, 212; 218. Р. 208—209, сл.; и др.
⁷⁴ 214. Т. 1. Р. 372, 457, Т. 2. Р. 793; 270. Р. 168.
⁷⁵ См., например: DOP. 1976. Т. 30. Р. 195—244; 266; DOP. 1971. Т. 25; и др.
⁷⁶ 249; 234; 65.
⁷⁷ 231. Т. 1. Р. 408, 435, 444—445, 470, Т. 2. Р. 75—76, 280; 251. Р. 31—32; 254. Р. 44; 262. Р. 230—232; 268. Р. 554.
⁷⁸ 93; 94; 121; 90; 108; 122; и др.
⁷⁹ 68; 78; и др.
⁸⁰ 96.
⁸¹ 118.
⁸² 115.
⁸³ 114.
⁸⁴ 89.
⁸⁵ 80; ПСРЛ. 1959. Т. 26; и др.
⁸⁶ 77; 84. Т. 2; 97; 102; 100; 107; 103; и др.

Обзор источников

- ¹ История СССР. 1974. № 2. С. 83.
² 7. С. 351.
³ 121; 124; 106; 99; 110. О византийских хрониках см.: 200. С. 46; ВВ. 1959. Т. 15. С. 125—143; ВВ. 1961. Т. 19. С. 76—96; ВВ. 1961. Т. 20. С. 106—128; 245. Т. 1. С. 243—256, 339—356, 389—393, сл.; 248. С. 320, 347, 359—360, 367—373.
⁴ 109. См. о ней: 245. Т. 1. С. 367—371; 248. С. 266—267; ВВ. 1961. Т. 20. С. 106—128; ВВ. 1982. Т. 43. С. 74—80; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 127—148.
⁵ 90. См. также: 245. Т. 1. С. 403—408; 248. С. 274—275; ВВ. 1964. Т. 25. С. 99—120.
⁶ 113. См. также: 245. Т. 1. С. 453—465; 248. С. 293—298.
⁷ 108. См. также: ВВ. 1957. Т. 12. С. 203—217; ВВ. 1958. Т. 13. С. 198—210; ВВ. 1962. Т. 21. С. 51—94; ВЗ. 1923/24. Т. 24. С. 29—39; ВЗ. 1927. Т. 27. С. 276—285.
⁸ 80.
⁹ ПСРЛ. 1962. Т. 1, 2, 1959. Т. 26, 1965. Т. 30, 1841—1859. Т. 3—5, 7, 8; и др.

- ¹⁰ 71.
¹¹ ЖМНП. 1889. № 1. С. 80—92.
¹² 79. С. 78—136. См. также: 79. С. II—V, XI; УЗ Имл. Акад. наук, 1854. Вып. 5. Т. II. С. 737; ВВ. 1974. Т. 36. С. 98; 217. С. 794; 230. С. 131; 117. Ч. 6. № 14320. С. 122—123.
¹³ 86. С. 46—49. См. также: 86. С. 23—36, 49—83.
¹⁴ 67; ВОИДР. 1852. Кн. 15. Ч. III. С. 11—21; 83; а также: ПСРЛ. 1908. Т. 21. пол. 1. С. 307—311; и др.
¹⁵ 114; ВВ. 1896. Т. III. С. 233—299; РГ. 1865. Т. 140. Col. 387—414. См. также: 134. С. 42—43, сл.
¹⁶ 89; 91.
¹⁷ 70; 77; 100.
¹⁸ 93. См. также: 245. Т. 1. С. 360—367; 248. С. 253, сл. О Херсоне у Константина Багрянородного см.: ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 250; 129. С. 43—45, сл.; 141. Т. 3. С. 119; ИТУАК. 1912. Вып. 46. С. 117—119; 164. С. 81; 169. С. 192, сл.; ВВ. 1953. Т. 6. С. 12—35; ЗООИД. 1904. Т. 25. С. 467; 176. С. 54—56; 208. Т. 3. С. 30—33; МИА. 1950. Вып. 17. С. 30—34; АП. 1979. Т. 35. Р. 129, 175, 183, 187—188; и др. Был использован также трактат «О фемах» (94).
¹⁹ 123; 119; 125.
²⁰ 72; 82; 102; 87; 107.
²¹ 103; 97.
²² ROL. 1896. Т. 4. Р. 25—118; ASLSP. 1871. Т. 7. Ч. 1; 66. Выражаю искреннюю благодарность профессору С. П. Карпову, предоставившему мне возможность использовать копии текстов из архивов Венеции.

²³ 85; ASLSP. 1867. Т. 5. Ч. 1. С. 5—168; 92; 116.
²⁴ Об использованных в работе публикациях археологических памятников, данных нумизматического, эпиграфического материалов, а также данных антропологических исследований см. выше: прим. 51, 25, 57, 53 (очерк историографии).

Часть I. Глава 1

- ¹ См., например: Ч. II. Гл. 1.
² См., например: Ч. I. Гл. 3; Ч. II. Гл. 1.
³ Перечень, количество и места находок в Херсоне изделий из железа, свинца, меди и бронзы по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 1—3. С. 350—363.
⁴ 10. С. 163; 30. С. 28—30; АДСВ. 1982. С. 135—143; МИА. 1969. Вып. 169. С. 233—234.
⁵ 10. С. 163; МИА. 1959. Вып. 63. С. 325.
⁶ 156. С. 14; 157. Гл. 2. С. 100. Возможно, что поступавшая медь не обеспечивала все потребности в ней. Видимо, именно из-за недостатка этого металла в отдельные периоды в Херсоне вынуждены были использовать свинец, например, для выпуска чисто свинцовых монет, полностью повторяющих типы бронзовых, или с такой примесью свинца (до 60%), которая подчас превышает количество меди (НЭ. 1978. Т. 12. С. 42—44). Нехватка меди и драгоценных металлов, вероятно, явилась одной из причин возникновения особой техники производства некоторых изделий, о которой речь пойдет ниже.
⁷ Второй половиной IX—X вв. датируется большой производственный комплекс на участке портового квартала, включавший три горна, причем один из них был заполнен железным шлаком с перегорелой землей, а другой — чередующимися слоями древесного угля и железного шлака (АО 1969 г. С. 282; АО 1968 г. С. 286). К концу XII — середине XIII в. относится комплекс, расположенный в той же портовой части города, который состоял из двух печей. Одна из них имела овальную форму, к ее основанию вел канал полукруглого сечения; над печью обнаружено большое количество шлака и криц. Помещение с печами расположено отдельно от усадьбы, но вблизи нее (АО 1980 г. С. 307). Не только в портовом квартале, но и в северо-западном районе Херсона открыта мастерская IX—XI вв., которая находилась в одном из шести помещений усадьбы, расположенном обособленно от других. В мастерской най-

дены остатки печи, куски шлака, большие железные предметы и пр. (52. С. 98). В квартале 22 на северном берегу археологи обнаружили кузнечную мастерскую XIII—XIV вв. с печью, крупными точильными камнями и т. п. Помещение, где она находилась, выходит во двор усадьбы, с которым соединяется широким проходом без двери (МИА. 1941. Т. 4. С. 260—263, 266). В других случаях были найдены только шлак и крицы, хотя остатки печей не выявлены: при раскопках слоев IX—XI вв. в квартале 28 (АО 1969 г. С. 288), а также при исследовании более поздних напластований в портовом квартале (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 40, 51, 1973. Вып. 9. С. 20 — усадьба 9); в той же усадьбе в слое XII—XIII вв. были найдены кричные клещи и зубило, что свидетельствует о проживании в ней кузнеца (44. С. 145; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 20).

⁸ МИА. 1953. Вып. 34. С. 225; ХС. 1948. Вып. 4. С. 17; МИА. 1941. Т. 4. С. 206.

⁹ МИА. 1941. Т. 4. С. 256, 260 — глиняные; МИА. 1941. Т. 4. С. 206, 1953. Т. 34. С. 216 — каменные.

¹⁰ Например, две мисочки из меди, причем «любопытен характер соединения центральной части дна миски с остальной ее частью. В центр дна вставлен круг диаметром 4 см, вырезанный из другого листа металла. По всей окружности его сделаны небольшие частые надрезы. Получившиеся полоски закреплены ковкой или холодной спайкой поочередно на внешней и внутренней сторонах сосуда. Соединение прочное и не пропускающее жидкости. Такое же соединение двух кусков металла имеется на бортике сосуда. Видимо, это результат ремонта миски» (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 22). Или другой пример: железный лемех, к нижнему концу режущей части которого, имеющей форму удлиненного треугольника, с внутренней стороны наварена дополнительная пластина длиной 9 см. (Там же).

¹¹ МИА. 1953. Т. 34. С. 97; 19. С. 297, 301; МИА. 1941. Т. 4. С. 216.

¹² АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 22.

¹³ АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 20, 22; 18. С. 33.

¹⁴ АО 1971 г. С. 392; СГЭ. 1969. Вып. 30. С. 57; 52. С. 98.

¹⁵ Например, МИА. 1953. Т. 34. С. 97; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 22.

¹⁶ МИА. 1953. Т. 34. С. 145.

¹⁷ МИА. 1953. Т. 34. С. 92, 97, 98; 19. С. 273, 297, 301; МИА. 1941. Т. 4. С. 216; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22. В усадьбе 22-го квартала наряду с инвентарем относительно крупного металлообрабатывающего производства (точильные камни, очаг, и пр.) обнаружена глиняная матрица для отливки свинцовых кольцевидных грузил (МИА. 1941. Т. 4. С. 260).

¹⁸ «Большие камни, обмазанные глиной, со следами горения, куски шлака, большие железные предметы, назначение которых пока не определено, куски листовой (тонкой) меди, из которой что-то вырезалось, найдена поделка из этой меди — нечто вроде медальона или оптического прибора: овальное толстое стекло, вогнутое с одной стороны, было оправлено двумя полосами меди. Верхняя была орнаментирована» (52. С. 98).

¹⁹ АО 1971 г. С. 392; 44. С. 112—113.

²⁰ МИА. 1959. Т. 63. С. 322—330.

²¹ МИА. 1941. Т. 4. С. 256.

²² Там же. С. 260.

²³ МИА. 1959. Т. 63. С. 330, 322.

²⁴ Так, изучая одни только замки, В. И. Маликов писал: «Многочисленные находки дверных замков, ключей и накладок к ним, различные конструктивные и типовые варианты их, а также варианты в одном конструктивном типе позволяют сделать вывод о значительном развитии этой отрасли металлообрабатывающего ремесла в позднесредневековом Херсонесе. Разнообразие вариантов замков позволяет предполагать наличие в Херсонесе нескольких мастерских, каждая из которых имела свои секреты производства... Наряду с этим увеверенствованию в конструкции замков позволяют говорить и о техническом развитии этой отрасли ремесла средневекового Херсонеса» (СХМ. 1961. Вып. 2. С. 66—67). При этом необходимо учитывать, что в каждой из таких мастерских производились не только замки, но и другие изделия.

²⁵ Ср.: 152. С. 198—204.

²⁶ По материалам опубликованных отчетов удалось установить размеры следующих мастерских:

— комплекс с тремя горнами — более 26 м² (одна из печей имеет размеры 1,8×1,95 м=3,51 м² при диаметре 0,3—0,4 м — *АО 1969 г. С. 282; АО 1968 г. С. 286*);

— в одной мастерской портового квартала две печи имели размеры 1×1 м и 1,2×1,2 м, т. е. были меньше, чем в комплексе с тремя горнами (*АО 1980 г. С. 307*);

— кузница в 22-м квартале (помещение № 10 с очагом) была около 8 м² (*МИА. 1941. Т. 4. С. 260—263, 266*).

В других случаях либо не указаны размеры помещений, либо их невозможно было определить из-за разрушений.

²⁷ *Ю. С. 164.*

²⁸ *ВВ. 1956. Т. 11. С. 58, 67, сл.; 152. С. 313—314.*

²⁹ Перечень, количество и места находок в Херсоне изделий из драгоценных металлов и камней по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: *135. Табл. 12, 13. С. 391—399.*

³⁰ *19. С. 275—276; МИА. 1941. Т. 4. С. 206—207.*

³¹ *12. С. 242, 244.*

³² *93. Гл. 53. С. 286 (526—528); 157. С. 99—100.*

³³ *См. Ч. I. Гл. 3.*

³⁴ *147. С. 61.*

³⁵ *АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22.*

³⁶ *АО 1971 г. С. 392; ХС. 1948. Вып. 4. С. 16; АДСВ. 1981. С. 91 (№ 66, 69, 71, 72).*

³⁷ *МИА. 1953. Т. 34. С. 93, 127; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 51—52, 39; АО 1982 г. С. 327; МИА. 1941. Т. 4. С. 249; 19. С. 290—291.*

³⁸ *МИА. 1941. Т. 4. С. 247; 157. С. 101 (ср.: 149. С. 6).*

³⁹ *МИА. 1941. Т. 4. С. 249.*

⁴⁰ *АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 109.*

⁴¹ *КСИМК. 1947. Вып. 14. С. 122.*

⁴² Таковы икона «Богоматерь с младенцем», выполненная на золотом листе; четырехконечные кресты, поверх железной основы которых положены серебряные или бронзовые листки. «На концах и перекрестии они украшены чеканенными медальонами, заполненными орнаментированными розетками и лицевыми изображениями, а по краю — точечным орнаментом. Все эти элементы, так же как и орнамент около перекрестия на одном из них, пояски жемчужин вокруг медальонов, заимствованы из серебряных образцов» (*14. С. 65—66*).

⁴³ *14. С. 65—66.*

⁴⁴ В научной литературе изучению техники и мастерства херсонских гончаров уделялось большое внимание: авторы работ представляли не только подробное описание, но и делали попытки составления классификации керамических изделий (см. ниже прим. 58, а также: *25. С. 253, сл.*). В связи с этим мы остановимся на тех вопросах, которые характеризуют гончарное производство в целом и помогают уяснить его место в ремесленном производстве Херсона.

⁴⁵ Перечень, количество и места находок в Херсоне изделий из глины по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: *135. Табл. 4. С. 364—366.*

⁴⁶ *147. С. 68—70.*

⁴⁷ *МИА. 1950. Т. 17. С. 221—222; ХС. 1959. Вып. 5. С. 42.*

⁴⁸ *147. С. 70.*

⁴⁹ *МИА. 1950. Т. 17. С. 116.*

⁵⁰ *АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 33.*

⁵¹ *ВВ. 1986. Т. 46. С. 279.*

⁵² К числу этих мастерских относятся прежде всего два больших комплекса XI—XII вв. Один был расположен в квартале № 17 на северном берегу и состоял из трех печей, две из которых были предназначены для производства черепицы, а малая печь, по мнению исследователей, возможно, использовалась для обжига посуды (*МИА. 1953. Т. 34. С. 129—132; МИА. 1950. Т. 17. С. 153—162; КСИМК. 1941. Вып. 10. С. 53—62*). Вторая мастерская находилась на участке портового квартала. Она входила в состав жилой усадьбы и состояла

из двух помещений, в одном из которых обнаружена печь, а в другом — сооружение для замеса глины. Находки поливного брака, фрагментов необожженного сосуда свидетельствуют о том, что здесь производилась поливная посуда (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 119—120; АИУ в 1968 г. Вып. 3. С. 256). Еще один крупный гончарный комплекс из трех печей, прекративший свое существование в XII в., открыт во дворе усадьбы квартала № 8 (АО 1985 г. С. 403—404). Усадьба 5 портового квартала включала гончарную мастерскую XIII—XIV вв. (о такой датировке см.: 44. С. 125—126), состоящую из трех производственных помещений общей площадью около 33 м² (приблизительные размеры каждого помещения — 14,5; 8,5 и 10,4 м²). В них были обнаружены печь в каменном кожухе, сооружение для замеса глины (глубиной 0,3 м с небольшим количеством промышенной глины) из пяти плоских камней с крышкой. В этом же помещении были и многочисленные ямки, в которых найдены раздавленные амфоры, здесь же найдено 40 фрагментов поливных сосудов, кухонная посуда (АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 8—10; 44. С. 150, 156 — прим. 37). Полагают, что найденные в одном из помещений этой мастерской куски шлака и спекшегося металла использовались для изготовления поливы. Кроме того, в ходе раскопок 1946 г. у юго-восточных крепостных стен были обнаружены остатки керамической мастерской конца XI—XII вв. «в виде производственного помещения, прилепившегося к самой протейхизме, и большой кучи бракованной посуды». Данные раскопок не опубликованы (упоминается в работе Н. В. Пятшыевой: 57. С. 66—67). В остальных случаях были открыты либо гончарные печи, либо брак керамического производства. К числу первых следует отнести печь XI в. в квартале 25 (17. С. 2—3); два комплекса, состоящие из большой и малой печей более позднего времени в квартале 22 (МИА. 1941. Т. 4. С. 257; ХС. 1959. Вып. 5. С. 30—31; МИА. 1950. Т. 17. С. 165); и др. Полуфабрикаты и брак производства обнаружены на участке портового квартала: в усадьбе 7, где найдено большое количество белоглиняных одноручных кувшинчиков, часть которых еще не была покрыта поливой (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 33); в засыпи XII—XIII вв. обнаружены миски, деформировавшиеся в процессе обжига (АО 1981 г. С. 312). Следует также отметить находку гончарного круга в усадьбе XIII—XIV вв., что свидетельствует о работе здесь ремесленника, так как использование круга доступно лишь специалисту (АО 1971 г. С. 392; 10. С. 167).

⁵³ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 9, 91, 95; АДСВ. 1974. Вып. 11. С. 16—19. Об особенностях использования гончарных кругов легкого, тяжелого типа и ножного см.: 45. С. 169—171.

⁵⁴ АДСВ. 1974. Вып. 11. С. 15; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 94; ХС. 1959. Вып. 5. С. 37.

⁵⁵ ХС. 1959. Вып. 5. С. 44—48; СА. 1955. Т. 24. С. 278; ХС. 1948. Вып. 4. С. 7.

⁵⁶ СА. 1966. № 2. С. 189—202; МИА. 1950. Т. 17. С. 107—108; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 8—9.

⁵⁷ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 91—95; СА. 1951. Т. 15. С. 335—343; СА. 1973. № 3. С. 285.

⁵⁸ МИА. 1950. Т. 17. С. 101—153, 167—229; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 9—11, 91—98; СА. 1966. № 2. С. 189—202; СА. 1951. Т. 15. С. 335—343; АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 7—18; ХС. 1959. Вып. 5. С. 33—49; АДСВ. 1974. Вып. 11. С. 14—21; УЗ Пермского гос. ун-та. 1966. № 143. С. 73—80; АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 215—218; и др.

⁵⁹ МИА. 1950. Т. 17. С. 229, 167—229; УЗ Пермского гос. ун-та. 1966. № 143. С. 73—80; ХС. 1959. Вып. 5. С. 33—49.

⁶⁰ АО 1979 г. С. 330.

⁶¹ АДСВ. 1974. Вып. 11. С. 17, 21.

⁶² Н. В. Пятшыева рассматривает ее как свидетельство «сохранения чисто местных, таврских, традиций в быту херсонесского средневековья» (ЭГИМ. 1969. С. 153).

⁶³ МИА. 1950. Т. 17. С. 117.

⁶⁴ МИА. 1941. Т. 4. С. 246.

^{65—66} МИА. 1941. Т. 4. С. 216, 263; ХС. 1959. Вып. 5. С. 61; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 38; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 20, 24; 60. С. 138.

⁶⁷ МИА. 1950. Т. 17. С. 167.

⁶⁸ См., например: МИА. 1953. Т. 34. С. 82—83 — пифос, скрепленный свинцовыми скобами в семи местах по вертикальной трещине.

⁶⁹ МИА. 1941. Т. 4. С. 210.

⁷⁰ МИА. 1950. Т. 17. С. 116—117.

⁷¹ СА. 1951. Т. 15. С. 335—343; МИА. 1950. Т. 17. С. 102—107; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 9, 81—98.

⁷² МИА. 1950. Т. 17. С. 108—117, 168—229; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 9—11, 1975. Вып. 12. С. 8—18, 1974. Вып. 11. С. 14—21; ХС. 1959. Вып. 5. С. 33—49; УЗ Пермского гос. ун-та. 1966. № 143. С. 73—80.

⁷³ МИА. 1950. Т. 17. С. 116—117. АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 11, 104—120, 1973. Вып. 10. С. 215—216.

⁷⁴ МИА. 1950. Т. 17. С. 119.

⁷⁵ МИА. 1950. Т. 17. С. 145; АДСВ. 1985. С. 95—96.

⁷⁶ АДСВ. 1980. С. 119; МИА. 1950. Т. 17. С. 150. А. Л. Якобсон, проделав огромную работу по классификации херсонской кровельной черепицы, попытался сгруппировать метки позднего периода и на основе этого установить приблизительное число мастерских, занятых производством черепицы (МИА. 1950. Т. 17. С. 145—153). Но рассуждения и выводы автора не могут сегодня считаться вполне обоснованными: А. Л. Якобсон одним из основных датирующих признаков считал высокий или низкий рельеф меток, относя первые к более раннему времени (до XI—XII вв.), а вторые — определенно к позднему — XIII—XIV вв. (МИА. 1950. Т. 17. С. 119—143). Однако исследователь не учитывал такой важный показатель, как комплекс меток с одной кровли, и проведенный впоследствии Т. И. Симоновой анализ такого рода сразу же внес существенные коррективы в классификацию А. Л. Якобсона: метки кровли дома XIII—XIV вв. имеют различную высоту рельефа. Т. И. Симонова объясняла это тем, что «в процессе формовки матрица расшатывалась, изменяя рельеф меток, валиков» (АДСВ. 1980. С. 112). Следует, вероятно, учитывать и то, что некоторые метки, в частности изображение пентаграммы, производились двумя способами: «...или путем оттиска черепицы в специальной форме-матрице, или путем накладки на поверхность отформованной черепицы глиняного жгутика по контурам рисунка. В первом случае контуры метки обозначались в виде тонких слоев слабореальной линии, во втором — линии получались гораздо шире, рельеф — более высоким. Судя по цвету и обжигу глины, обработке поверхности черепицы, оба способа применялись одновременно» (АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 215).

⁷⁷ АДСВ. 1980. С. 120 прим. 13.

⁷⁸ См. Ч. I. Гл. 3.

⁷⁹ МИА. 1950. Т. 17. С. 167.

⁸⁰ Эти артели, отмечал А. Л. Якобсон, «были порождены самими условиями громоздкого черепичного производства, связанного с дороговизной постройки и сложностью в эксплуатации большой обжигательной печи, а может быть даже нескольких... Подобные артели, судя по меткам, были в позднесредневековом Херсоне отнюдь не распространенным явлением: наличный материал дает возможность говорить пока лишь о двух-трех таких артелях» (МИА. 1950. Т. 17. С. 153).

⁸¹ См., например: 183. С. 29—30.

⁸² Метки, подобные черепичным, не ставились на таре и посуде. Исключение составляют амфоры IX—X вв. с клеймами ремесленников. Известно 18 различных клейм, из них 11 найдены в Херсоне. По справедливому заключению А. Л. Якобсона, «возрождение в конце IX — или в X в. античного обычая клеймения гончарами своих изделий, очевидно, отражает подъем в то время ремесленного производства в Византии и относительно высокую степень его организации, прежде всего, в византийской столице и других византийских центрах. Конечно, амфоры интересующей нас формы производились не только там, но и в Западном Причерноморье, и в Таврике, но совпадение ряда клейм на амфорах из Константинополя и из Таврики, а также редкость клейменных амфор в Северном Причерноморье склоняет к мысли, что амфоры с клеймами привозились сюда из Византии» (60. С. 74; СА. 1951. Т. 15. С. 336—337; 38).

⁸³ АДСВ. 1983. С. 72; СА. 1986. № 4. С. 180.

⁸⁴ МИА. 1950. Т. 17. С. 117; АО 1979 г. С. 330; АО 1971 г. С. 312.

⁸⁵ Например, граффити в виде креста на мисках и тарелках (МИА. 1941. Т. 4. С. 210); сочетание букв КР (KI) на двух белоглиняных тарелках, украшенных «акварельным» орнаментом, шести мисках и тарелках и венчике пифоса, найденных в усадьбе 6 квартала № 28 (МИА. 1941. Т. 4. С. 214—215); и т. д.

⁸⁶ МИА. 1950. Т. 17. С. 117.

⁸⁷ МИА. 1953. Т. 34. С. 126; СА. 1968. № 2. С. 289.

⁸⁸ См. выше прим. 52.

⁸⁹ МИА. 1953. Т. 34. С. 131—132. Кстати, недавние раскопки доказали ошибочность вывода от том, что жизнь и в западной части города замирает после X в.: здесь открыты жилые постройки с хозяйственным инвентарем XI—XIII вв. (АО 1984 г. С. 213).

⁹⁰ 10. С. 170.

⁹¹ Перечень, количество и места находок изделий из кости по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 5. С. 367—370; а также и каталог изделий из кости, составленный преимущественно по находкам из раскопок портового квартала, см.: АДСВ. 1981. С. 84—103.

⁹² 19. С. 123, 275; МИА. 1941. Т. 4. С. 275—276; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 38, 1981. С. 93 (№ 113); и др. В античный период в качестве сырья употреблялась и привозная слоновая кость (10. С. 173), в то время как в X—XV вв. по данным рассматриваемых публикаций известна лишь одна находка из слоновой кости — это створка триптиха с изображением Св. Димитрия первой половины XI в., изготовленная в Фессалониках (СГЭ. 1984. Т. 49. С. 60—61).

⁹³ АДСВ. 1981. С. 105 (прим. 42); к сожалению, материалы его раскопок не опубликованы и не могут быть использованы в настоящей работе.

⁹⁴ АДСВ. 1981. С. 87 (№ 26—28), 88 (№ 93—94), 89 (№ 55, 59), 92 (№ 79, 104), 95 (№ 139, 122), 96 (№ 164).

⁹⁵ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 51.

⁹⁶ Следы пилы видны на внутренней стороне пластинки для составного гребня (АДСВ. 1981. С. 91: № 63 — IX—XI вв.); находки опиленных рогов и трубчатых костей также указывают на применение этого инструмента (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 38; 19. С. 275; МИА. 1941. Т. 4. С. 256). С помощью пилы изготавливались игральные кубики: они отпиливались от прямоугольного стержня, причем пропилов делались со всех сторон (АДСВ. 1981. С. 95 — № 139). Для пропилов зубьев гребней (особенно частых) (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 41, 1981. С. 89—91 (№ 62 — XIII—XIV вв., 64 — XI—XIV, 63 — IX—XI вв.); СХМ. 1960. Вып. 1. С. 39—40) была необходима пила с очень тонким лезвием, так называемая лучковая — толщиной до 0,3 мм (28. С. 271). Использовалась пила и для нанесения запилов на боковую поверхность свистка, сделанного из клыка животного, чтобы можно было прикрепить к нему шуруп (АДСВ. 1981. С. 88: № 35 — XI в.). Находка козьего рога с «обструганной поверхностью» (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 38) указывает на использование ножей. Ими пользовались и для удаления губчатой ткани кости. Четко прослеживаются следы ножевых срезов и на одной из рукоятей (АДСВ. 1981. С. 89). Зачищались поверхности костяных изделий напильниками, которые применялись также для затачивания и закругления зубьев гребней (эта операция могла производиться только напильником, см.: КСИИМК. 1949. Вып. 30. С. 22). Полировка готовых изделий осуществлялась, очевидно, как и на Руси, с помощью кож (КСИИМК. 1949. Вып. 30. С. 19), которые в большом количестве поступали в Херсон (см. Ч. I. Гл. 3). Различные сверла-дрели косторезы использовали и для изготовления отверстий разных диаметров — от крошечных пуговичных (МИА. 1941. Т. 4. С. 243), небольших для крепления пластин со штифтиками (МИА. 1953. Т. 34. С. 209; 19. С. 282, 285, 294; 18. С. 35; МИА. 1941. Т. 4. С. 233—234; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 22; и др.) и для шурука у стилей (АДСВ. 1981. С. 93) до сравнительно больших отверстий и углублений (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 41; 19. С. 313, 275, 277; МИА. 1941. Т. 4. С. 236, 245, 262; 18. С. 36; и др.). Применение токарного станка подтверждается, например, находками втулки «токарной работы», «точеной палочки», объемных деталей, возможно, украшений для мебели, «выточенных на токарном станке»,

в др. (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 51; МИА. 1953. Т. 34. С. 222; АДСВ. 1981. С. 95; № 145—146 — IX—X вв. 147 — XI—XII, 144 — XII—XIII вв.). Для нанесения гравированного и рельефного орнаментов применялись резцы (дву-, трехзубцы и пр.): АДСВ. 1981. С. 95 (№ 137 — IX—X вв., 138 — XIII в.), 96 (№ 155 — XII—XIII вв., 154 — XI—XII, 175 — XIII—XIV вв.).

⁹⁷ Ср.: 28. С. 271; КСИМК. 1949. Вып. 30. С. 22—24.

⁹⁸ Плоские прямоугольные и квадратные (пластины, рамки, гребни и пр.); цилиндрические, в том числе заостренные и многогранные (иглы, проколки, шилья, застежки, шпильки, стили, палочки, наконечники стрел, наперстки, рукояти, втулки и др.); кубические (игральные кубики); конические (пряслица, пуговицы); круглые и шаровидные (пуговицы, пряслица, бусы, фишки, кружки и т. п.).

⁹⁹ АДСВ. 1981. С. 99—103.

¹⁰⁰ МИА. 1941. Т. 4. С. 237—238, 250, 1953. Т. 34. С. 225, 209; СА. 1955. Т. 24. С. 276; 19. С. 304, 294; 18. С. 35; АДСВ. 1981. С. 95 (№ 126 — IX—X, 135 — XII—XIV вв.), 89 (№ 50 — рис. 4); КСИМК. 1947. Вып. 14. С. 122.

¹⁰¹ МИА. 1953. Т. 34. С. 127, 140, 227, 1941. Т. 4. С. 236; АДСВ. 1981. С. 89 (№ 44), 92 (№ 83), 93 (№ 140, 141), 93—95 (№ 123—125 — IX—X вв.).

¹⁰² 19. С. 294.

¹⁰³ МИА. 1953. Вып. 34. С. 209; 19. С. 282, 285; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 50; МИА. 1941. Т. 4. С. 233—234, 211; УЗ Пермского гос. ун-та. 1966. № 143. С. 80.

¹⁰⁴ 19. С. 282, 285.

¹⁰⁵ МИА. 1941. Т. 4. С. 233—234.

¹⁰⁶ ВВ. 1956. Т. 9. С. 189.

¹⁰⁷ МИА. 1941. Т. 4. С. 211.

¹⁰⁸ 14. С. 87.

¹⁰⁹ МИА. 1941. Т. 4. С. 233—234; 19. С. 282, 285.

¹¹⁰ МИА. 1953. Т. 34. С. 227.

¹¹¹ АДСВ. 1981. С. 93 (№ 109 — IX—XII вв., 110 — XIII в.).

¹¹² СА. 1969. № 1. С. 76; КСИМК. 1949. Вып. 30. С. 25.

¹¹³ 152. С. 243.

¹¹⁴ См. Ч. II. Гл. 3.

¹¹⁵ Среди них две рукояти ножей: одна — с протравленным на светлоромановом фоне рисунком, представляющим собой замысловатое переплетение зигзагообразных линий (АДСВ. 1981. С. 89; № 5 — XII—XIII вв.); другая — инкрустирована тонкой медной проволокой, изображающей сочетание треугольников и розеток из мелких рельефных точек (АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22). Подобные способы орнаментации кости встречаются на рукоятках ножей из древнего Пскова, датируемых XI—XIII вв. (АСГЭ. 1962. № 4. С. 62. Рис. 48, 1, 4). Найден также гребень с выпуклой зашлифованной стороной, украшенный врезным орнаментом, который аналогичен гребням IX—XI вв. из Старой Ладого (АДСВ. 1981. С. 91 (№ 63), 94, 99), а одна из форм двустороннего гребня подобна тем, что встречаются в древнерусских поселениях в слоях XI—XV вв. (АДСВ. 1981. С. 91 — № 64).

¹¹⁶ КСИМК. 1949. Вып. 30. С. 22—25; АДСВ. 1981. С. 98.

¹¹⁷ 104. Р. 119 (6). По данным А. Г. Еманова, в XIII—XV вв. из Восточной Европы в Каффу привозился такой редкий товар, как моржовая кость (149. С. 7)

¹¹⁸ АДСВ. 1981. С. 91 (№ 80 — X—XII, 81 — XIII—XIV вв.; др.): «Это пуговицы конической формы, состоят из двух частей: украшенного резным орнаментом усеченного конуса с вертикальным сквозным отверстием и горизонтальной вставки. Подобные пуговицы встречались и в ходе дореволюционных раскопок, а также в первом и втором портовых кварталах в слоях XI—XIV вв. Размеры их неодинаковы: при диаметре 2—2,5 см высота — 1,8—2 см» (АДСВ. 1981. С. 93).

¹¹⁹ АДСВ. 1981. С. 98. А. В. Банк пришла к выводу, что херсонские резчики воспроизводили столичные образцы: 14. С. 87—88; ВВЛ. 1981. Т. 7. С. 110.

¹²⁰ См. выше прим. 91.

¹²¹ Перечень, количество и места находок в Херсоне изделий из камня по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 6. С. 371—375.

¹²² 19. С. 290; *МИА*. 1941. Т. 4. С. 212, 214; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 57, 49; *АО* 1975 г. С. 303; *СГЭ*. 1957. Вып. 12. С. 57; *АДСВ*. 1973. Вып. 9. С. 20; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 101, 145, 152, 155.

¹²³ *МИА*. 1941. Т. 4. С. 260.

¹²⁴ Например: «маленький оселок овальной формы с начатыми с обеих сторон углублениями для отверстия на конце» (*МИА*. 1941. Т. 4. С. 262); миниатюрный оселок с отверстием (19. С. 301); мраморный обломок крышки сосуда с надписью и изображением креста на выпуклой стороне (буквы на концах имеют углубления, сделанные буравчиком) (*МИА*. 1941. Т. 4. С. 243).

¹²⁵ *АО* 1968 г. С. 287; *МИА*. 1941. Т. 4. С. 243, 249; *СГЭ*. 1962. Вып. 22. С. 56; *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 39, 51—52; *СГЭ*. 1957. Вып. 12. С. 57; *АО* 1982 г. С. 327; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 92—93.

¹²⁶ 18. С. 33 — молот; *МИА*. 1941. Т. 4. С. 248; *АО* 1970 г. С. 302; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 92, 155; *СГЭ*. 1972. Вып. 35. С. 53; *АО* 1975 г. С. 303; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 49 — топоры; *СА*. 1955. Т. 24. С. 279; 19. С. 290 — пилы; 19. С. 307; *СГЭ*. 1972. Вып. 35. С. 53; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 45 — кирки.

¹²⁷ Плиты, иконы, точильные бруски и др. — прямоугольные: *МИА*. 1941. Т. 4. С. 209; *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 22; *МИА*. 1953. Вып. 34. С. 92—93, 157; *СГЭ*. 1957. Вып. 12. С. 57; и др. Ступы — цилиндрические: *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 40. Жернова, терки, иконы — круглые: 19. С. 294; *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 39, 51—52; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 60; и др. Оселки, точильные камни — овальные и ромбические: *МИА*. 1941. Т. 4. С. 262; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 31.

¹²⁸ Диаметр жерновов около 40—50 см при толщине 5—10 см, хотя встречаются меньшие (25 см) и большие (65 см) диаметры; углубления ступ достигали 32—33 см при их диаметре 13—35 см. Максимальная длина точильных камней, как следует из отчетов, около 40 см, ширина — около 30 см, а толщина — 4—9 см. Однако делали и «маленькие», и даже «миниатюрные» оселки с отверстиями (19. С. 301; *МИА*. 1941. Т. 4. С. 262), которые, очевидно, носили с собой. Варьировались и размеры каменных икон: встречаются диаметром 10—11 см (*АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 39, 51—52) или прямоугольные — 8×6,2 см; 17×13,5 см; 13,5×10,7×0,7/1 см (*МИА*. 1941. Т. 4. С. 249; *СГЭ*. 1957. Вып. 12. С. 57; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 92—93) и сравнительно больших размеров, например: 42×35×1,5 см (*АО* 1982 г. С. 327).

¹²⁹ *МИА*. 1941. Т. 4. С. 244.

¹³⁰ 19. С. 290; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 151, 1941. Т. 4. С. 229; *АО* 1971 г. С. 392.

¹³¹ 28. С. 272.

¹³² *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 60 (ср. 28. С. 272).

¹³³ *МИА*. 1941. Т. 4. С. 229.

¹³⁴ *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 60.

¹³⁵ *МИА*. 1941. Т. 4. С. 244.

¹³⁶ Там же. С. 261; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 31.

¹³⁷ *МИА*. 1941. Т. 4. С. 259.

¹³⁸ *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 21; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 125.

¹³⁹ *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 39, 51—52; *СГЭ*. 1957. Вып. 12. С. 57; *АО* 1982 г. С. 327; *МИА*. 1941. Т. 4. С. 249; 19. С. 290—291; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 92—93.

¹⁴⁰ *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 21; *МИА*. 1953. Т. 34. С. 125. Ср.: *МИА*. 1941. Т. 4. С. 249; *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 60.

¹⁴¹ *ХС*. 1959. Вып. 5. С. 31, 49.

¹⁴² 45. С. 423.

¹⁴³ Перечень, количество и места находок в Херсоне изделий из стекла по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 7. С. 376—382.

¹⁴⁴ *АДСВ*. 1981. С. 84. См. также: *ВВ*. 1973. Т. 34. С. 249, 256.

¹⁴⁵ *ЭГИМ*. 1969. С. 157.

¹⁴⁶ *ВВ*. 1973. Т. 34. С. 256.

¹⁴⁷ 58. С. 175—176; *ЭГИМ*. 1969. С. 141—158.

- ¹⁴⁸ ВВ. 1973. Т. 34. С. 256. Об импорте стеклянных изделий см.: Ч. I. Гл. 3.
- ¹⁴⁹ Например, на руке одного из детских костяков найдено сразу три стеклянных браслета (ХС. 1948. Вып. 4. С. 13).
- ¹⁵⁰ ВВ. 1973. Т. 34. С. 249.
- ¹⁵¹ 28. С. 266.
- ¹⁵² 19. С. 312—313; МИА. 1953. Т. 34. С. 150, 1941. Т. 4. С. 214, 256; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 53; АО 1975 г. С. 303; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 20; АО 1986 г. С. 332. Вряд ли справедливо предположение Г. Д. Белова о том, что такие массивные железные гребни могли использоваться для обработки льна (СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 53). В древнерусских поселениях для этого применялось деревянное челало в форме удлиненного ножа с зубчатым лезвием при высоте зуба не более 1—1,5 см (28. С. 266).
- ¹⁵³ 28. С. 266.
- ¹⁵⁴ Перечень, количество и места находок в Херсоне орудий труда, используемых в прядильном, кожевенном и портняжном деле, по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 8. С. 383—385.
- ¹⁵⁵ 28. С. 267.
- ¹⁵⁶ АО 1969 г. С. 288.
- ¹⁵⁷ См. Ч. I. Гл. 2.
- ¹⁵⁸ 93. Гл. 53. С. 286 (530—532).
- ¹⁵⁹ Там же. Гл. 2. С. 50.
- ¹⁶⁰ ХС. 1959. Вып. 5. С. 58.
- ¹⁶¹ 28. С. 265.
- ¹⁶² АДСВ. 1982. С. 98.
- ¹⁶³ В рассматриваемых отчетах упоминается о находках восьми кусочков ткани (19. С. 116, 117, 120; МИА. 1941. Т. 4. С. 233, 237; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 28; АО 1971 г. С. 393; АО 1984 г. С. 299). Авторы этих публикаций дают характеристику только в трех случаях: шелковая ткань с серебряной и золотой нитями (19. С. 116); плетеный шелковый шнурок (АО 1971 г. С. 393), и, наконец, фрагменты красной шелковой ткани, украшенной парчевыми прямоугольниками с изображением фантастических птиц, животных, сложного геометрического орнамента (парча серебряная с редкой золотой нитью) (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 28; ВВ. 1978. Т. 39. С. 164—165 — рис. 6), которую Л. Г. Колесникова называет «восточной» (7-я Всесоюз. конф. византистов. Тбилиси, 1965. С. 94). Как заметила исследовательница, аналогичная последней ткань была найдена при раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1891 г. (ОАК за 1891 г. С. 5. Рис. 2), в 1903 г. (ИАК. 1905. Вып. 16. С. 38. Рис. 1—2). См. также: Ч. I. Гл. 3.
- ¹⁶⁴ АДСВ. 1981. С. 84.
- ¹⁶⁵ 28. С. 167—169; 260. Р. 212.
- ¹⁶⁶ АДСВ. 1981. С. 87, 86 (№ 26, 27 — XII—XIII вв.).
- ¹⁶⁷ Перечень, количество и места находок в Херсоне изделий из дерева по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 9. С. 386—387.
- ¹⁶⁸ См.: Ч. I. Гл. 3, а также: 93. Гл. 53. С. 286 (514—522).
- ¹⁶⁹ См.: Ч. I. Гл. 2.
- ¹⁷⁰ См. выше прим. 152, а также: МИА. 1941. Т. 4. С. 214, 258; АО 1980 г. С. 307; МИА. 1950. Т. 17. С. 119; АДСВ. 1985. С. 95.
- ¹⁷¹ АО 1970 г. С. 302; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 36; МИА. 1941. Т. 4. С. 214, 259.
- ¹⁷² АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 51—52; 19. С. 113, 122, 116—117; ХС. 1948. Вып. 4. С. 18, 14; МИА. 1941. Т. 4. С. 237, 238.
- ¹⁷³ МИА. 1941. Т. 4. С. 237.
- ¹⁷⁴ 19. С. 311; МИА. 1941. Т. 4. С. 255, 237.
- ¹⁷⁵ МИА. 1953. Т. 34. С. 92, 155, 153; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 53; АО 1975 г. С. 303; ХС. 1959. Вып. 5. С. 49; МИА. 1941. Т. 4. С. 213, 260; СА. 1955. Т. 24. С. 279; 19. С. 290.
- ¹⁷⁶ 19. С. 120, 299; МИА. 1941. Т. 4. С. 238, 255, 261; 18. С. 33; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 17 Железные гвозди встречаются повсеместно. Отметим лишь некоторые случаи, когда гвозди были найдены в остатках дерева: МИА. 1953. Т. 34. С. 140, 143, 226; 19. С. 291; и др.

¹⁷⁷ См.: Ч. I. Гл. 2.

¹⁷⁸ О значительной имущественной дифференциации ремесленников см.: ВВ. 1958. Т. 13. С. 145; ВВЛ. 1962. Т. I. Р. 175. По наблюдениям М. М. Фрейденберга, в Трогире второй половины XIII в. не прослеживается имущественная дифференциация среди ремесленников: в ремесле не создавались сколько-нибудь значительные состояния; последние возникали с помощью побочных видов деятельности — торговли, ростовщичества, эксплуатации земельных владений (202. С. 150—151).

¹⁷⁹ По мнению А. П. Каждана, в мастерской (с одним горном) размером 11 м² не могло быть более двух работников — мастера и его помощника (152. С. 312). Однако, как писал Б. А. Рыбаков, сама технология кузнечного дела «обязательно требует участия 2—3 человек» (45. С. 703), а иногда при изготовлении «массивных и громоздких железных изделий... не менее 5—6 человек» (45. С. 701). «Наиболее типичной, — по наблюдению Б. А. Рыбакова для городов Древней Руси, — мы должны считать небольшую мастерскую, обслуживаемую 1—3 ремесленниками» (45. С. 701). П. Тивчев отметил, что наряду с богатыми было много средних и мелких ремесленников, работавших в одиночку или с помощью одного-двух мистиев (ВВЛ. 1962. Т. I. Р. 175).

¹⁸⁰ 4. С. 279. См. также: 5. С. 407—408; 6. С. 543.

¹⁸¹ АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 108—110; 158. С. 27—28; 206. С. 504—510; и др.

¹⁸² Кожевненное дело Херсона почти совсем неизвестно, хотя, очевидно, оно было одним из самых распространенных видов ремесленной деятельности горожан: ведь херсониты в большом количестве покупали у печенегов «шкуры» и продавали их в Романию — 93. Гл. 53. С. 286 (530—532). Добыча соли (см. Ч. I. Гл. 2) жителями Херсона также является косвенным свидетельством развития кожевного дела: известно, что соль в средние века употреблялась при обработке кожи, шкур, шерсти (186. С. 22). К орудиям труда кожевников прежде всего относятся ножи специальных форм. Ножи часто встречаются при раскопках Херсона, однако их классификация проделана не была и назвать хотя бы один нож из инструментария кожевника на основании рассматриваемого материала не представляется возможным. То же самое относится и к иглам, среди которых лишь одна была определена как медная сапожная игла (АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22). Находимые иногда проколки также являются орудием труда кожевников (АО 1975 г. С. 303; АДСВ. 1981. С. 86); некоторые из них, выполненные из кости, украшались копьеобразной небольшой головкой (АДСВ. 1981. С. 86).

¹⁸³ 19. С. 312—313; МИА. 1941. Т. 4. С. 214, 256; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 53; АДСВ. 1981. С. 90—91 (№ 62, 63, 66, 71, 72 и др.); и др.

¹⁸⁴ 19. С. 290; СХМ. 1960. Вып. 1. С. 39; АДСВ. 1981. С. 89 (№ 47, 56, 57); МИА. 1953. Т. 34. С. 209; 19. С. 282, 285, 294; 18. С. 35; и др. См. также: АДСВ. 1981. С. 95 (№ 144, 145, 146, 147); МИА. 1941. Т. 4. С. 244; 19. С. 122; МИА. 1950. Т. 17. С. 119; АДСВ. 1985. С. 95.

¹⁸⁵ 3. С. 23.

¹⁸⁶ Ср.: 183. С. 29—30; 201. С. 59; 203. С. 79—82; ВО. 1971. С. 196—199; 152. С. 252—253; 143. С. 24—25; ВВ. 1956. Т. 11. С. 58—80; ВВЛ. 1981. Т. I. Р. 223—227; ЮВ. 1981. Т. 31/1. Р. 171—174; и др.

¹⁸⁷ См.: Ч. I. Гл. 3.

¹⁸⁸ 6. С. 381. См. также: 3. С. 50—51.

¹⁸⁹ 6. С. 330—332.

¹⁹⁰ О расположении ремесленных мастерских в древнерусском городе Б. А. Рыбаков писал: «Как видим, в городе могло быть несколько различных видов мастерских, но все они были вкраплены в жилые кварталы, не исключая даже кузниц» (45. С. 701).

Глава 2

¹ 186. С. 16.

² АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 24; 43. С. 7; МИА. 1941. Т. 4. С. 261, 210, 207, 213, 244, 248; АО 1971 г. С. 392; 19. С. 278; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 53; МИА. 1953. Т. 34. С. 98; ХС. 1959. Вып. 5. С. 49—51, 57, 60; СГЭ. 1957. Вып. 12.

С. 57; а также см.: *МИА. 1950. Т. 17. С. 95; 36. С. 39, 205. Перечень, количество и места находок в Херсоне сельскохозяйственных орудий труда по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 10. С. 388.*

³ О местах находок в Херсоне жерновов см.: *135. Табл. 6. С. 372—373.*

⁴ *АО 1971 г. С. 392.*

⁵ *АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 21—22.*

⁶ *МИА. 1941. Т. 4. С. 261.*

⁷ *ХС. 1959. Вып. 5. С. 56—62.*

⁸ *МИА. 1953. Т. 34. С. 97, 140, 145; 19. С. 306; МИА. 1941. Т. 4. С. 210, 211, 214—215; ХС. 1959. Вып. 5. С. 32; СГЭ. 1972. Вып. 35, С. 52; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 24; и др. О находках «зерна» (без указания какой именно зерновой культуры) см.: *МИА. 1953. Т. 34. С. 221; АО 1975 г. С. 303; и др.**

⁹ *МИА. 1953. Т. 34. С. 91.*

¹⁰ *АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 37; ХС. 1959. Вып. 5. С. 57.*

¹¹ *61. С. 122, 138, 160, 90 (табл. 17).*

¹² *Там же. С. 149.*

¹³ *ХС. 1959. Вып. 5. С. 58; ср.: 10. С. 155.*

¹⁴ *МИА. 1941. Т. 4. С. 258; 44. С. 81—82, 62, 68. При раскопках усадьбы XIII в. в квартале северного района Херсона была обнаружена грушевидная цистерна, оштукатуренная цементным раствором (глубина 5 м, диаметр 3 м). По предположению С. Г. Рыжова, она могла служить для хранения зерна, а выпечку хлеба осуществляли в печи, расположенной во дворе дома (*АО 1986 г. С. 332*). Никаких данных об использовании ветряных или водяных мельниц нет.*

¹⁵ *19. С. 305; МИА. 1941. Т. 4. С. 259 (см. Ч. I. Гл. 1).*

¹⁶ *93. Гл. 53. С. 286 (525); ВО. 1977. С. 96—98 (см. также: Ч. I. Гл. 3).*

¹⁷ *АДСВ. 1981. С. 67.*

¹⁸ *137. С. 540.*

¹⁹ *186а. С. 92 (XXI), 81 (X).*

²⁰ *МИА. 1953. Т. 34. С. 157; 19. С. 274, 278; ХС. 1948. Вып. 4. С. 16; МИА. 1941. Т. 4. С. 206, 121, 250, 259, 262; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 13—15, 20, 32, 38, 41; АО 1971 г. С. 355.*

²¹ *МИА. 1953. Т. 34. С. 150, 1941. Т. 4. С. 243, 250; СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 13; 18. С. 33; АДСВ. 1982. С. 98.*

²² *19. С. 131, 274, 277, 286, 299, 301; 18. С. 33; МИА. 1941. Т. 4. С. 230, 243, 247, 251, 254—255, 257, 262; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 34; СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67; 52. С. 98.*

²³ *МИА. 1941. Т. 4. С. 246, 243—244; 19. С. 121, 301.*

²⁴ *19. С. 131, 286, 301; 18. С. 33; МИА. 1941. Т. 4. С. 230, 245—246.*

²⁵ *МИА. 1941. Т. 4. С. 247, 243, 230, 259, 262; 19. С. 131, 286; 18. С. 33.*

См. также указания на находки костей мелкого рогатого скота (без определения вида животного): *52. С. 98; МИА. 1953. Т. 34. С. 226; 19. С. 277, 299, 301; СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67.*

²⁶ *19. С. 286; СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67.*

²⁷ *МИА. 1953. Т. 34. С. 142, 148, 151—152, 155, 210; 19. С. 301; МИА. 1941. Т. 4. С. 248, 255, 264; ХС. 1959. Вып. 5. С. 31, 56, 63; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 26.*

²⁸ *МИА. 1953. Т. 34. С. 216.*

²⁹ *Там же. С. 145.*

³⁰ См., например: *МИА. 1950. Т. 17. С. 228.*

³¹ *АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 20.*

³² *МИА. 1941. Т. 4. С. 257; 18. С. 33; СГЭ. 1957. Вып. 12. С. 57.*

³³ *19. С. 304; МИА. 1941. Т. 4. С. 211; МИА. 1950. Т. 17. С. 228—229.*

³⁴ *19. С. 299, 121; МИА. 1941. Т. 4. С. 261.*

³⁵ *19. С. 122, 117; ХС. 1948. Вып. 4. С. 8.*

³⁶ *ХС. 1959. Вып. 5. С. 56.*

³⁷ *АО 1971 г. С. 355.*

³⁸ *10. С. 159—160; 30. С. 6—11, сл.*

³⁹ *МИА. 1953. Т. 34. С. 145, 150, 91, 125; 19. С. 291, 298—299, 302; МИА. 1941. Т. 4. С. 210—212, 244, 250—251, 261, 206, 233; 18. С. 34; ХС. 1959. Вып. 5. С. 31, 57, 60; ХС. 1948. Вып. 4. С. 15, 64; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 13, 20, 32, 38; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 52; АО 1969 г. С. 282; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 11;*

АО 1971 г. С. 356; АО 1975 г. С. 303; СГЭ. 1957. Вып. 12. С. 57; 52. С. 98; АО 1986 г. С. 332.

⁴⁰ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 41, 51; АИУ в 1968 г. С. 255; СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 82; 18. С. 34; 19. С. 274; МИА. 1953. Т. 34. С. 157; 19. С. 285; МИА. 1941. Т. 4. С. 255, 262.

⁴¹ МИА. 1953. Т. 34. С. 140, 152—153, 155, 221, 1941. Т. 4. С. 242; АИУ в 1968 г. С. 255.

⁴² МИА. 1941. Т. 4. С. 262, 230, 237, 243; 18. С. 34; СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 82; АО 1971 г. С. 355; СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67; 19. С. 123, 285; ХС. 1948. Вып. 4. С. 16.

⁴³ 19. С. 277—278, 285; МИА. 1941. Т. 4. С. 230; СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 82; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 32; СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67; АО 1971 г. С. 355.

⁴⁴ МИА. 1941. Т. 4. С. 260; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 41, 51.

⁴⁵ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 41, 51.

⁴⁶ 18. С. 34; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 41; АИУ в 1968 г. С. 255.

⁴⁷ МИА. 1941. Т. 4. С. 250.

⁴⁸ АИУ в 1968 г. С. 255.

⁴⁹ 18. С. 34; СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 82.

⁵⁰ МИА. 1953. Т. 34. С. 150.

⁵¹ 19. С. 285; АО 1971 г. С. 355.

⁵² АИУ в 1968 г. С. 255.

⁵³ См.: Ч. I. Гл. 3.

⁵⁴ 10. С. 159; 30. С. 6—8, сл. М. Тихий отмечал, что «по значению за тунцовыми шли осетровые Черного моря. Их очень ценили» (193. С. 2).

⁵⁵ МИА. 1941. Т. 4. С. 212.

⁵⁶ ХС. 1959. Вып. 5. С. 49—50; МИА. 1953. Т. 34. С. 148, 154.

⁵⁷ Перечень, количество и места находок в Херсоне снастей и орудий труда рыболовов по данным публикаций за 1930—1984 гг. см.: 135. Табл. 11. С. 389—390.

⁵⁸ ХС. 1948. Вып. 4. С. 16; МИА. 1941. Т. 4. С. 248, 261—262; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 23; и др.

⁵⁹ МИА. 1941. Т. 4. С. 248, 251, 259; 18. С. 33; ХС. 1959. Вып. 5. С. 60; МИА. 1953. Т. 34. С. 222; и др.

⁶⁰ МИА. 1941. Т. 4. С. 211, 261—262; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 23; 43. С. 7.

⁶¹ См. прим. 57.

⁶² МИА. 1941. Т. 4. С. 212; 1953. Т. 34. С. 93; АО 1968 г. С. 287.

⁶³ АДСВ. 1981. С. 86 (№ 18, 21); МИА. 1953. Т. 34. С. 127, 222, 1941. Т. 4. С. 206; СА. 1955. Т. 24. С. 276; АО 1980 г. С. 307.

⁶⁴ МИА. 1941. Т. 4. С. 255—259, 260—261.

⁶⁵ СГЭ. 1959. Вып. 16. С. 67.

⁶⁶ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 25—26, 38—43, 1973. Вып. 9. С. 17—27; АО 1980 г. С. 307.

⁶⁷ МИА. 1941. Т. 4. С. 255—263, 211—212, 1953. Т. 34. С. 140—158; ХС. 1959. Вып. 5. С. 30—62; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 52—54; АО 1975 г. С. 303; и др.

⁶⁸ МИА. 1941. Т. 4. С. 260; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 20—25; ХС. 1959. Вып. 5. С. 56—62; 43. С. 6—9.

⁶⁹ АО 1968 г. С. 286—287 (размеры 2,95/3,15×2,65/2,5×4,1 м); АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 50, 1977. Вып. 14. С. 24 (№ 91) (размеры 6,4×2,5×4,7 м и 9,2×4,15×1,9 м); АО 1982 г. С. 323—324.

⁷⁰ 10. С. 159; 193. С. 12, сл.; и др.

⁷¹ АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 46.

⁷² МИА. 1959. Вып. 63. С. 33.

⁷³ См. выше прим. 60 (крючки); грузила: МИА. 1941. Т. 4. С. 210 (61 экз.), 260 (44 экз.); АО 1981 г. С. 312 (более 90 экз.); МИА. 1953. Т. 34. С. 153 (более 159 экз.).

⁷⁴ 10. С. 52; 105. XIII. 85; см.: Ч. I. Гл. 3.

⁷⁵ 140. С. 119—120.

⁷⁶ МИА. 1953. Т. 34. С. 91, 145, 154—155, 226, 1941. Т. 4. С. 250, 258, 261; СА. 1955. Т. 24. С. 279; ХС. 1959. Вып. 5. С. 60, 64; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 20.

- ⁷⁷ 80. С. 37. См. также: ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 50—51; ПСРЛ. 1856. Т. 7. С. 281; ПСРЛ. 1851. Т. 5. С. 39.
- ⁷⁸ 93. Гл. 42. С. 186 (70).
- ⁷⁹ 19. С. 274, 301; МИА. 1941. Т. 4. С. 230, 243, 262; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 32.
- ⁸⁰ МИА. 1941. Т. 4. С. 256; 18. С. 33.
- ⁸¹ СХМ. 1963. Вып. 3. С. 60.
- ⁸² См., например: 186. С. 20—25; и др.
- ⁸³ См.: Ч. I. Гл. 1.
- ⁸⁴ О находках смолы см., например: ХС. 1959. Вып. 5. С. 57; МИА. 1953. Т. 34. С. 219.
- ⁸⁵ См.: Ч. I. Гл. 1.
- ⁸⁶ ХС. 1948. Вып. 4. С. 11; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 14; 19. С. 122, 115.
- ⁸⁷ 148. С. 82.
- ⁸⁸ 10. С. 163; 30. С. 28—30. Этому же вопросу был посвящен доклад А. В. Лямина «Комплекс изделий из металлов как источник для изучения социальной истории и профессиональных занятий жителей Херсона», прочитанный в октябре 1983 г. на II студенческо-аспирантской конференции «Проблемы социальной истории и культуры средних веков» в Ленинграде (не опубликован).
- ⁸⁹ 147. С. 68—70. См.: Ч. I. Гл. 1.
- ⁹⁰ Яма, заполненная килом, найдена: АО 1978 г. С. 394.
- ⁹¹ 147. С. 48—54; МИА. 1941. Т. 4. С. 243, 247, 249, 251, 253; 19. С. 294, 301, 305; МИА. 1953. Т. 34. С. 152; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 21; АО 1983 г. С. 349; и др.
- ⁹² 147. С. 58—59; МИА. 1941. Т. 4. С. 211, 213, 229, 243, 263—264; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 54; 19. С. 290; 18. С. 32.
- ⁹³ 147. С. 66; МИА. 1941. Т. 4. С. 207, 249.
- ⁹⁴ 147. С. 61; ХС. 1948. Вып. 4. С. 16; МИА. 1953. Т. 34. С. 154, 1941. Т. 4. С. 237; 57. С. 84.
- ⁹⁵ МИА. 1953. Т. 34. С. 149, 230, 1941. Т. 4. С. 245, 254; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 23, 39, 51—52; и др.
- ⁹⁶ См., например, свидетельства использования гальки, гравия и щебенки для: покрытия полов (МИА. 1953. Т. 34. С. 151 — толщина слоя гальки 20 см, 155; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 15, 39); вымостки могильных ям (МИА. 1941. Т. 4. С. 233); прослойки под подом печи (МИА. 1953. Т. 34. С. 143 — толщина слоя гальки 4—10 см; 19. С. 302 — толщина слоя 5—7 см); забутовки (АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 38). Важными строительными материалами являлись известь и песок. Соединяя их, получали штукатурку, которой покрывали: стены (МИА. 1953. Т. 34. С. 91, 101, 140—150, 230, 1941. Т. 4. С. 260; ХС. 1959. Вып. 5. С. 66—67; СГЭ. 1956. Вып. 10. С. 57; и др.); архитектурные детали (СГЭ. 1956. Вып. 10. С. 57; МИА. 1953. Т. 34. С. 230; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 23—25, 51); могильные плиты (19. С. 117—118; ХС. 1948. Вып. 4. С. 13—14; МИА. 1941. Т. 4. С. 233—239, 260). Известь с песком входила в состав цементирующих растворов (19. С. 117, 129—130, 294; МИА. 1941. Т. 4. С. 244—245). Часто использовали и чистую известь: ею обмазывали печи (19. С. 312; и др.), полы (МИА. 1953. Т. 34. С. 157, 1941. Т. 4. С. 214 — толщина слоя 5 см), стены гробниц (МИА. 1953. Т. 34. С. 102—103, 149—150; ХС. 1948. Вып. 4. С. 13). Чистым песком иногда засыпали дно могил (МИА. 1941. Т. 4. С. 233—235); ямы при строительстве различных сооружений (АО 1978 г. С. 394). См. также: 147. С. 70—71.
- ⁹⁷ См.: Ч. I. Гл. 3.
- ⁹⁸ 186. С. 22.
- ⁹⁹ 93. Гл. 42. С. 186 (69—71). Способ получения соли путем выварки морской или озерной воды, использовавшийся и в Древней Руси, включая процесс выпаривания на огне. Для этого воду наливали в специальные огромные железные сковороды (црены) или в котлы (салги), под которыми располагалась печь (45. С. 571). Таким образом, технология требовала заготовки большого количества топлива, что должно было стимулировать развитие лесного промысла (добычи лесоматериалов) и кузнечного дела.
- ¹⁰⁰ 93. Гл. 6. С. 52 (1—10), Гл. 53. С. 286 (515), 286 (530), 286 (535); и др.

¹⁰¹ 93. Гл. 1. С. 48, Гл. 10. С. 64, Гл. 6. С. 52, Гл. 42. С. 186, Гл. 11. С. 64, Гл. 37. С. 168, Гл. 53. С. 286; и др.

¹⁰² 242. Т. 1. Р. 100; и др.

¹⁰³ МИА. 1953. Т. 34. С. 228, 92, 155, 1941. Т. 4. С. 207, 248; СА. 1955. Т. 24. С. 279; 19. С. 290, 307; СГЭ. 1972. Вып. 35. С. 53; ХС. 1959. Вып. 5. С. 45, 49; АО 1970 г. С. 302; АО 1975 г. С. 303.

¹⁰⁴ См., например: СГ. 1987. Вып. 8. С. 33; 167. С. 106, 177, 189; 168. С. 61; ВВ. 1976. Т. 37. С. 21, 27—28; 143. С. 31—33, 43; JOB. 1981. Т. 31/1. С. 157—158. См. также: ВО. 1971. С. 195—199; 171. С. 54; 170. С. 114—124; ВВ. 1958. Т. 13. С. 177; ВВ. 1979. Т. 40. С. 8; ВВ. 1976. Т. 37. С. 11; 203. С. 82; 201. С. 70; 243. Р. 128—129; и др.

¹⁰⁵ 28. С. 231.

¹⁰⁶ Ср., например, наблюдение М. М. Фрейденберга о том, что рыболовство (и добыча соли) являлось промысловым занятием жителей сельской округи, а не горожан (183. С. 29—30).

¹⁰⁷ Интересны также замечания исследователей о сезонном характере промысла некоторых видов рыб: «В античное время, как и теперь, у юго-западных берегов Крыма было два основных сезона промысла рыбы: наиболее важный — осенний, менее значительный — весенний. Можно считать, что эти сезоны, как и теперь, определялись временем миграций указанных рыб (кефалей. — Н. Б.), во время которых они образуют значительные скопления» (140. С. 120).

Глава 3

¹ 6. С. 359.

² 2. Ч. I. С. 357, 360.

³ См., например: 185; 30.

⁴ 157. С. 201—202.

⁵ 93. Гл. 53. С. 286 (512), С. 286 (517—525), С. 286 (533—535).

⁶ 93. Гл. 42. С. 182 (6).

⁷ 79. С. 117. См. также: 134. С. 45—47.

⁸ PG. 1865. Т. 140. Col 397. См. также о нем: 134. С. 42—43, сл.

⁹ Там же. Col. 396 (С).

¹⁰ 79. С. 116—118. См.: 143. С. 47.

¹¹ 87. Р. 318.

¹² См.: Табл. 1, 3, а также: 8; 23.

¹³ На одной из них были изображены трое святых: святой врачеватель родом из Александрии Кир и два малоазийских святых — Лукиллиан (из Вифинии) и Иоанникий — сподвижник Феодора Студита, особенно почитавшийся в монастырях Черноморского побережья Малой Азии, в Каппадокии и Ликии (СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 58; ВВ. 1978. Т. 39. С. 169—170). На другой иконе изображен архангел Михаил (с эпитетом Хоннат) с донатором, культ которого до XIV в. был распространен в пределах Малой Азии, преимущественно в Каппадокии (СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 58. Ср.: 14. С. 65). А. В. Банк относил эту икону к работе столичных мастеров. В связи с этим В. Н. Залесская замечает, что «иконографическая и стилистическая близость этой иконы к произведениям столичных мастеров не противоречит предложенной локализации, т. к. памятники, созданные в Константинополе и северо-западной части Малой Азии, в большинстве случаев практически неразличимы» (СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 58).

¹⁴ 26. С. 55 (№ 106. Табл. 42.7; № 107. Табл. 47.3—4; № 108. Табл. 47.1—2), 132.

¹⁵ Там же. С. 132.

¹⁶ Там же. С. 55—56 (№ 109. Табл. 47.6—8). Надписи гласят: «Вечная слава, и успех, и господство, и счастье»; «Вечная слава, и успех, и господство, и счастье, и здоровье».

¹⁷ Там же. С. 162.

¹⁸ КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 122.

¹⁹ 42. С. 49.

²⁰ 60. С. 140. См. также: 60. С. 119, 126, 138, 142—144; МИА. 1950. Т. 17. С. 112—118; 42. С. 47—48; и др.

²¹ 59. С. 110.

²² См.: Ч. I. Гл. 1.

²³ См.: Ч. I. Гл. 1; 157. С. 100—101.

²⁴ См. выше прим. 5, а также: 240. Р. 49—50.

²⁵ 157. С. 91 (см. выше прим. 5).

²⁶ 93. Гл. 6. С. 52 (7—11).

²⁷ См. ниже.

²⁸ 157. С. 108—109.

²⁹ Там же. С. 100. См. также: Ч. I. Гл. 1.

³⁰ Там же. С. 109, прим. 294 — 31/VIII 1410 г.

³¹ 92. Р. 137. Примечателен также следующий рассказ Эвлии Челеби. «Этот замок Сарукерман стоит на полуострове, окруженном с обеих сторон заливами, а на другой стороне этих заливов, на расстоянии одной мили, лежит большой город и замок Салония... Эти места Салония и Сарукерман находятся одно против другого, но поскольку их разделяют описанные выше заливы, то из одного города в другой людей перевозят на 40 тысячах лодках. Этот город уничтожил шляхтич, подвластный польскому королю» (257. С. 254—255). В описаниях Челеби, посвященных древним городам Крыма, много вымышленного, поэтому нельзя определить, существовал или нет в действительности этот город Салония «с великолепными порфирными колоннами, 180 тысячами дворов, 40 тысячами магазинов, церквями и пр.» (257. С. 255), что пока не выявлено и археологически.

³² 157. С. 102.

³³ ВВ. 1951. Т. 4. С. 202—203; 252. Ср.: 240. Р. 47 (Табл. 1). (По представлениям М. Хенди, зерно, вывозившееся из Каффы, производилось в Крыму.)

³⁴ 157. С. 102.

³⁵ 93. Гл. I. С. 48 (25—26).

³⁶ 93. Гл. 42. С. 186 (83—86). Ср.: 73. IV. 3. С. 187; 75. С. 11; 76. С. 107.

³⁷ 93. Гл. 9. С. 60 (65—67). Возможно, это были те из четырех родов печенегов, которые жили с западной стороны Днепра — 93. Гл. 37. С. 168 (39—45). Как сказано в трактате, еще четыре рода печенегов «фема Куарци-цур, фема Сирукалпен, фема Вороталмат и фема Вулацопон» были расположены по другую сторону Днепра «напротив Узни, Хазарии, Алании, Херсона и прочих климатов» — 93. Гл. 37. С. 168 (34—39). Эти последние, очевидно, были именно те из печенегов, которые находились рядом с областью Херсона — 93. Гл. 6. С. 52 (2—3) и чья страна «Пачинакия... очень близка к Херсону» — 93. Гл. 37. С. 168 (49).

³⁸ 93. Гл. 53. С. 286 (530—532).

³⁹ Там же.

⁴⁰ 93. Гл. 2. С. 49 (печенеги продавали коров, овец и коней).

⁴¹ 82. С. 45, 49.

⁴² 93. Гл. 6. С. 52 (3—11).

⁴³ 93. Гл. 9. С. 60 (66—67); см. также ниже.

⁴⁴ 93. Гл. 6. С. 52 (8—9). Гл. 53. С. 286 (525, 530—532).

⁴⁵ 90. Кн. X. 2. С. 191 (16—19). По мнению исследователей, речь идет о событиях 1091—1092 гг. (141. Т. 1. С. 109—111; ЗОИИД. 1848. Т. 2. С. 252, 1877. Т. 10. С. 111—125; 162. Т. 1. С. 55; 164. С. 88—89; 187. Т. 1. С. 347—348; МИА. 1950. Т. 17. С. 23; и др.).

⁴⁶ АП. 1979. Т. 35. Р. 221.

⁴⁷ 67. С. 106—107. В используемой редакции сказано: «бо си Еустратіє плънень безбожными Агаряны» (67. С. 106). То, что под последними подразумевались половцы, следует не только из того, что эти кочевые племена господствовали в конце XI в. в южнорусских степях и совершали набеги на русские города. Так в тексте рукописи XVI в. Общества истории и древностей Российских (№ 157), в так называемой Основной редакции, вместо «Агаряны» сказано «отъ Половецъ» (67. С. 106. Прим. 39). Кроме того, в следующем за «Словом» об Евстратии рассказе патерика («Слово 17») «О смиреннѣмъ и многотерпѣливѣмъ Никонѣ черноризцѣ» повествуется о пленении Никона половцами, который обращается к кочевникам, напоминая им об Евстратии: «Онъ же глаголаше к ним, яко Христос избавить мя туне от рукъ ваших, уже бо извъщеніе пріахъ, яви бо ми ся братъ мой, его же (в тексте Арсеньевской редакции 1406 г. ска-

зано: «вы». — 67. С. 109, прим. 2). продасте жидом на распятіе. И тін бо осу-
дяться съ рекшими: «взьми, взьми, распни его, кровь его на насъ и на ча-
дѣх наших», — вы же окаанни, с Іудео мучими будьте в вѣки, яко предате-
ли нечестиви и незаконници. Тако бо ми рече святыи Герасим...» (по замеча-
нию издателя, Герасим, «очевидно, монашеское имя Евстратія». — 67. с. 221,
прим. 125). — 67. С. 108—109.

⁴⁸ 67. С. 107—108.

⁴⁹ 93. Гл. 11. С. 64 (6—8), 64 (10—13).

⁵⁰ 77. С. 63—64.

⁵¹ 100. Р. 117 (21—23); 70; 77. С. 117—119; 93. Гл. 11. С. 64 (10—13).

⁵² 114. № 68. Р. 314. № 106. Р. 388.

⁵³ 93. Гл. 42. С. 182, 184 (29—35).

⁵⁴ 82. С. 49.

⁵⁵ 182. С. 56.

⁵⁶ 157. С. 109.

⁵⁷ 60. С. 83—84; 41. С. 59; СА. 1987. № 2. С. 192—211.

⁵⁸ 32. С. 46, 40—45.

⁵⁹ МИА. 1959. Т. 63. С. 278—279, 310; 60. С. 80; ЭГИМ. 1969. С. 153.

⁶⁰ 60. С. 83.

⁶¹ Там же. С. 80 (прим. 12).

⁶² МИА. 1959. Т. 63. С. 310, 1953. Т. 34. С. 222.

⁶³ МИА. 1959. Т. 63. С. 308—309.

⁶⁴ См.: Табл. 2.

⁶⁵ 66. XLIV. F. 80r — 7/I 1399; XLV. F. 133v — 28/II 1402.

⁶⁶ 116. Р. 16; ASLSP. 1867. Т. 5. Fasc. 1. Р. 125; 85.

⁶⁷ 116. Р. 16—17. См. также: ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 424—460.

⁶⁸ Не указывают ли на это и находки на территории городища монет крым-
ских ханов и молдавских господарей XVI в.?

⁶⁹ 107. Т. 2. Р. 395—396.

⁷⁰ 92. § 286. Р. 137.

⁷¹ 87. Р. 318.

⁷² В письменных источниках сообщается о политических контактах Херсо-
на с аланами в X — первой трети XIII в. (93. Гл. 11. С. 64; PG. 1865. Т. 140.
Col. 393); с Тмутараканским княжеством в середине XI в. (80. С. 111; ПСРЛ.
1962. Т. 1. С. 166, Т. 2. С. 155, 1851. Т. 5. С. 141, 1859. Т. 8. С. 335, 1959.
Т. 26. С. 43, 1965. Т. 30. С. 47); с Сугдеей, входившей в XI в. в состав Херсон-
ской фемы (39. С. 15—16), а позднее с Кафпой и пр. (см. Ч. II. Гл. 1). Цер-
ковные документы свидетельствуют о тесных контактах херсонского архиепис-
копа, а с конца XIII в. митрополита с готскими и сугдеевскими иерархами, о
взимании податей с целого ряда областей Таврики (см. 134; 136; 136а).

⁷³ См., например: КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 38.

⁷⁴ См.: Табл. 2; 32. С. 175.

⁷⁵ МИА. 1959. Т. 63. С. 305; 60. С. 155, 99, 106—107; АИУ в 1968 г. Вып. 2.
С. 66—67.

⁷⁶ АИУ в 1968 г. Вып. 1. С. 185—187.

⁷⁷ ЭГИМ. 1969. С. 151.

⁷⁸ АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 28.

⁷⁹ 42. С. 60.

⁸⁰ АО 1975 г. С. 378; 42. С. 52.

⁸¹ 32. С. 71.

⁸² АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 24, 25.

⁸³ АО 1977 г. С. 296.

⁸⁴ 32. С. 118—119.

⁸⁵ 23.

⁸⁶ 32. С. 117.

⁸⁷ АДСВ. 1982. С. 140—143.

⁸⁸ 60. С. 83—84.

⁸⁹ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 13.

⁹⁰ ОАК за 1895 г. С. 92 (рис. 236). Хранится в Гос. Эрмитаже.

⁹¹ Выступление М. Г. Крамаровского на II Всесоюзной конференции медне-
вистов в МГУ «Торговля и купечество в Западной Европе и Византии»

3—4/II 1987. Количественный спектральный анализ интересующего нас фрагмента и образцов итальянского стекла XV в., обнаруженных на Северном Кавказе, показал, что по своему химическому типу это стекло характеризуется повышенным содержанием натрия по отношению к калию и адекватно сироегипетскому мамлюкскому типу.

⁹² СА. 1975. № 3. С. 208.

⁹³ См.: Табл. 3.

⁹⁴ См., например: МИА. 1953. Т. 34. С. 150, 154—155.

⁹⁵ ОАК за 1896 г. С. 166; ИАК. 1902. Вып. 4. С. 116.

⁹⁶ См., например: ЭГИМ. 1969. С. 157; 44. С. 153.

⁹⁷ А. А. Кравченко, публикуя материалы о раскопках Белгорода-Днестровского (Монкастро), отметил близость орнаментации некоторых типов керамики тарной изделия Херсона XII—XIV вв. (35. С. 90, 92, 104, 108, 110). Однако автор не указывает на то, что те или иные найденные изделия могли быть везены из Херсона. Конечно, близость орнаментальных мотивов позволяет говорить лишь о культурном влиянии, заимствованиях, но ведь для этого, вероятно, должны были быть и образцы.

⁹⁸ Интересно наблюдение И. В. Соколовой о том, что в культурных слоях Херсона IX в. постоянно встречались находки сицилийских монет. Это, по мнению исследовательницы, «побуждает к пересмотру сложившегося мнения о полном запустении Херсонеса и об отсутствии связей его с центральными областями Византии в первой половине IX в.» (50. С. 24).

⁹⁹ 93. Гл. 53. С. 286 (513—516), 286 (530—532).

¹⁰⁰ 93. Гл. 9. С. 62 (112), Гл. 22. С. 94 (22). Гл. 53. С. 286 (530); и др.

¹⁰¹ 93. Гл. 42. С. 182, 184 (29—35). См.: 93. Гл. 7. С. 54. Ср.: 93. Гл. 8. С. 54 (7—8).

¹⁰² См.: Табл. 1.

¹⁰³ Об иконе см.: ВВ. 1968. Т. 29. С. 265—267; 11. С. 305 (№ 157); 13. С. 13; 14. С. 100; Сборник ГЭ. 1923. Вып. II. С. 31—42; 63. С. 18. О створке триптиха с изображением Св. Дмитрия см.: СГЭ. 1984. Вып. 49. С. 60—62.

¹⁰⁴ К числу этих памятников относятся иконы с изображениями: Св. воина Дмитрия (или Георгия) XI в. (11. С. 304. № 155; 63. С. 15—16); сцены «Благовещения» XII в. (11. С. 304. № 154; 14. С. 106; 63. С. 17); трех святых воинов — Феодора, Георгия, Дмитрия XII в. (11. С. 304—305. № 156; 14. С. 111; СА. 1960. № 2. С. 257—263; 63. С. 16—18); сцен «Рождества» и «Вознесения» XII в. (14. С. 107—108). О рельефе льва из слоновой кости см.: 14. С. 86.

¹⁰⁵ См. об этом: 13. С. 11; СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 57.

¹⁰⁶ 14. С. 67, 83, 87, 96 (рис. 7); ВВЛ. 1981. Т. 7. С. 110; 62. С. 184; ВВ. 1956. Т. 9. С. 186—189; СГЭ. 1986. Т. 51. С. 51.

¹⁰⁷ АДСВ. 1981. С. 91, 98.

¹⁰⁸ Там же. С. 98. См. также: 14. С. 88.

¹⁰⁹ ВВ. 1968. Т. 29. С. 260.

¹¹⁰ Описание привозимых в Херсон групп столовой, тарной и «культурной» керамики и определение районов ее производства см.: IX—XI вв. — 60. С. 74; ВВЛ. 1981. Т. 6. С. 324; СА. 1951. Т. 15. С. 336—337, 1984. № 4. С. 217—223; Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 138—139; МИА. 1959. Т. 63. С. 358; АО 1983 г. С. 349.

XI—XII вв. — 60. С. 120, 126 (гр. 1);

XII—XIII вв. — 60. С. 126—127 (гр. 2, 4); ВВЛ. 1981. Т. 7. С. 324;

XI—XIII вв. — 60. С. 144, 146 (гр. 9);

XIII—XIV вв. — 60. С. 128 (гр. 3).

¹¹¹ ВВ. 1973. Т. 34. С. 249—256. См. также: АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 52; см.: Ч. I. Гл. 1.

¹¹² 14. С. 67.

¹¹³ ВВ. 1964. Т. 25. С. 167—175.

¹¹⁴ ВВ. 1978. Т. 39. С. 170, 172; МИА. 1959. Т. 63. С. 353—357; 34. С. 21.

¹¹⁵ 18. С. 34.

¹¹⁶ Ср., например: МИА. 1959. Т. 63. С. 294, 1950. Т. 17. С. 16—17; 16. С. 245; 19. С. 285—286; МИА. 1953. Т. 34. С. 29; и др. Подъем Херсона в XI—XII вв. проявился и в строительной деятельности. Очевидно, где-то в XI в. (но не в связи с походом князя Владимира — см. с. 93—94) некоторые районы

города подверглись разрушению, сопровождавшемуся пожаром, причины которых неизвестны. Однако сразу же в XI—XII вв. на всей территории Херсона наблюдается активизация строительной деятельности самого разного характера. Факт возникновения крупной гончарной мастерской в северном районе города с большой черепицеобжигательной печью (*МИА. 1953. Т. 34. С. 128—132, 1950. Т. 17. С. 153—159; КСИИМК. 1941. Вып. 10. С. 53—62*), который привлекался для доказательства запустения этой части Херсона (см., например: *17. С. 2—3*), сам по себе уже свидетельствует о расширении ремесленного производства в этом квартале, а также и о возросшей потребности в таком строительном материале, как черепица. В северных кварталах далеко не все было разрушено: продолжали существовать многие жилые комплексы, ксати, расположенные недалеко от этих печей (*МИА. 1953. Т. 34. С. 225—226; и др.*); строились новые усадьбы (*МИА. 1953. Т. 34. С. 206—207; АО 1980 г. С. 307; АО 1982 г. С. 327*: так, в квартале 9 после гибели бани на ее месте возникают усадьбы; датировка их XI в. следует из слов С. Г. Рыжова о том, что найдена здесь стегативная икона XI в. датируется по иконографии и *сопутствующему материалу*). Возведение жилищ разветвляется и в районе «храма с ковчегом» (*СХМ. 1960. Вып. I. С. 39*), в портовом квартале, причем не только на пострадавших от пожара территориях, но и на новых, прежде не занятых под усадьбы площадях (*АО 1982 г. С. 324*). Кстати, по замечанию самих же А. Л. Яковсона и Г. Д. Белова, сравнительная малочисленность усадеб XI—XII вв. объясняется не отсутствием построек, а тем, что они были полностью разобраны в поздний строительный период (*МИА. 1959. Т. 63. С. 294, 1953. Т. 34. С. 224*). В XI—начале XII в. ведется культовое строительство (*СХМ. 1960. Вып. I. С. 37, 39; 20. С. 60; и др.*), в том числе возводится монастырь в южной части города (*Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 312—325*). Проводятся значительные работы по переоборудованию огромных общественных терм в архитектурном комплексе у южных крепостных стен (*ЭГИМ. 1969. С. 146—147*). В рассматриваемый период крупное по масштабам строительство охватывает систему оборонительных сооружений Херсона. Полностью перестраивается круглая башня XIV, на ее месте возводится прямоугольная башня с 4 амбразурами нишами; одновременно изменяется направление внутригородской стороны 16 куртины (57. С. 69—82; и др.). Но, пожалуй, самые значительные работы осуществлялись на территории портового квартала: «В X—XI вв. вся линия обороны к западу от XXII башни сносится, меняется направление приморской оборонительной линии. Новая стена, резко повернув к юго-востоку (при этом территория портового района, защищенная крепостными стенами, увеличилась. — Н. Б.), пристраивается к юго-восточному, обращенному к морю углу башни XXII, которая в этот период как боевая башня фактически использоваться не могла. Строится стена обороны вдоль новых очертаний береговой линии бухты с башнями XX, XV—XXVII. Башни XXVI и XXVII фланкируют морские ворота в город. Некоторое время спустя, не позднее конца XI—начала XII в., вся вновь выстроенная приморская линия перестраивается от нижних рядов лицевой кладки предшествующего строительства. Одновременно с этими работами исправляется допущенная инженерная ошибка и северный фланг приморской линии пристраивается не к юго-восточному, а к юго-западному наружному углу XXII башни, возвращая ей возможность активного участия в обороне» (*АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 5, 1971. Вып. 7. С. 81—102; и др.*). Кроме того, подводные археологические исследования на дне и берегу Карантинной бухты выявили оборонительные башни, примыкавшие вплотную к крепостным стенам, защищавшим портовую часть Херсона; возведение этих башен прямоугольных форм из крупных каменных блоков относится также к XI—XII вв. (31. С. 344—347; 51. С. 118; и др.). Таким образом, размах строительства оборонительных сооружений в XI—XII вв. особенно в районе порта достиг небывалых в средневековом Херсоне размеров. Как уже отмечалось выше (см. прим. 89 к Ч. I. Гл. I), раскопками 1984 г. было доказано, что после разрушений конца X—XI вв. не оказалась заброшенной и западная часть города: здесь были открыты характерные для Херсона усадьбы XII—XIII вв. (*АО 1984 г. С. 213*).

Активизация строительства жилищ, храмов, оборонительных сооружений, гончарных печей, общественных зданий, расширение границ и особое укрепле-

ние порта свидетельствуют о подъеме хозяйственной деятельности в Херсоне XI—XII вв. Это согласуется с наблюдениями исследователей о том, что на указанный хронологический период приходится расцвет провинциальных византийских городов, освободившихся от мелочной опеки Константинополя (см. *ВО*. 1977. С. 24—32; 170. С. 111—114, сл. — там же подробный обзор литературы; 152. С. 204, 217—218, 223, 232, 243, 247—248, 316; 143. С. 32; и др.).

¹¹⁷ См.: 48. С. 174.

¹¹⁸ См.: Табл. 4.

¹¹⁹ См.: Ч. II. Гл. 1.

¹²⁰ *СА*. 1958. № 2. С. 203—206.

¹²¹ 66. XLIV. F. 80 г — 7/1 1399; XLV. F. 133 v — 28/II 1402.

¹²² 157. С. 196; 158. С. 82. По наблюдениям исследователей, венецианские

кокки были тем же самым типом судов, что и карабии, а в греческой хронике Морен слова кокка и карабия — взаимозаменяемы. «Барки, карабии и кокки, — замечает далее А. Брайер, — существенно отличались в размерах, но все они имели одну мачту, высокую корму и не были снабжены веслами» (222. Р. 8).

¹²³ См., например: 93. С. 186; 242. Т. 1. С. 100; 164. С. 81; 151. Т. 2. С. 149.

О вывозе соли из Крыма на Русь см.: 123. С. 147; *ЗООИД*. 1904. Т. 25. С. 467—468; о вывозе соли в Трапезунд см.: 157. С. 108—109; 158. С. 118. Интересно также замечание Дортелли д'Асколи: «Соль обильно нагружается в Татари (здесь: в Крыму. — Н. Б.) для Константинополя и всего Черного моря» (*ЗООИД*. 1902. Т. 24. С. 100).

¹²⁴ 113. Т. 2. С. 880 (7—15).

¹²⁵ Там же. С. 877 (5—19).

¹²⁶ 44. С. 187. См. также: *МИА*. 1950. Т. 17. С. 38; 44. С. 186—187, 190

(прим. 24).

¹²⁷ Лишь в сочинении Лаоника Халкокондила Херсону-городу дано название Херсонес — 108. Т. 2. С. 60 (8). Однако, очевидно, это один из примеров лексических заимствований Лаоника Халкокондила у античных авторов, что, по мнению исследователей, характерно для всего сочинения этого византийского историка (в древности, в отличие от средневековья, город назывался Херсонес) (см., например: *ВВ*. 1957. Т. 12. С. 207—208; и др.).

¹²⁸ *ВВ*. 1977. Т. 38. С. 170 (79—84); *НРМ*. 1857. Т. IX. Р. II. Col. 617—627. См. также: 151. Т. 3. С. 157; *ВВ*. 1949. Т. 2. С. 265—266.

¹²⁹ 157. Гл. 5; 156. С. 28, 30.

¹³⁰ 93. Гл. 6. С. 52 (8—9).

¹³¹ *ВВ*. 1958. Т. 14. С. 116—128.

¹³² Один из обзоров литературы, посвященной этому вопросу, см.: 46. С. 20—22.

¹³³ 93. Гл. 9. С. 60 (66—67).

¹³⁴ См.: Ч. II. Гл. 4. Прим. 13.

¹³⁵ 80. С. 37 (см. выше: С. 52).

¹³⁶ 83. С. 165—166.

¹³⁷ *МИА*. 1950. Т. 17. С. 27; *ЗООИД*. 1886. Т. 14. С. 10; и др.

¹³⁸ *ВОИДР*. 1852. Кн. 15. Ч. III. С. 12; *УЗ Имп. Акад. наук*. 1854. Вып. 5.

Т. 2. С. 748; и др.

¹³⁹ *ОАК за 1889 г.* С. 14; *НСБ*. 1971. Вып. 1. Ч. IV. С. 3—10; *ТМНО*. 1900.

Т. II. Вып. 2. С. 216.

¹⁴⁰ 72. С. 240. Мы используем перевод, выполненный А. Я. Гаркави, несмотря на то что сравнительно недавно вышел более полный перевод Анри Массе. Вот какой текст предлагает новейший переводчик: «Что касается славянских купцов, они вывозят из глубин своих земель к Средиземному морю (vers la Méditerranée), где правитель Византии (le roi de Byzance) взимает с них десятину, шкурки лисиц и le hazz; затем они отправляются морем в Samkiûš Евреев; затем они возвращаются в земли Славян или направляются морем Славян (par la mer des Slaves), рекой, называемой рекой Славян (Volga) (Fleuve des Slaves — la Volga), до тех пор, пока они не дойдут до канала Хазар (Canal des Hazar), владыка которого взимает с них десятину; затем они идут в море Хорасана...» (102. С. 324). Перевод этот не устраивает нас не только потому, что А. Массе не приводит (как это обычно принято) географические названия в том их звучании и написании, в котором они были употреблены сред-

невековым автором. Не может быть использован перевод А. Массе и потому, что предложенная им (кстати, без объяснений) атрибуция географических названий не всегда соответствует действительности. Так, река Славян понимается переводчиком как Волга, в то время как арабские географы IX—X вв., например Ибн-Хордадбех, называют таким образом Танаис (т. е. Дон) (74. С. 124). Поэтому и оставленное без комментария и арабского эквивалента название Румийского моря Средиземным не может рассматриваться как корректирующее выводы А. Я. Гаркави.

¹⁴¹ 72. С. 240.

¹⁴² 74. С. 124.

¹⁴³ СА. 1955. Т. 24. С. 276—277, 1975. № 4. С. 265—267.

¹⁴⁴ ВВ. 1958. Т. 14. С. 126—127, 121—123; 45. С. 470—471; УЗ МГУ. История. 1946. Вып. 93. Кн. 1. С. 102—103, 106, 112; МИА. 1953. Т. 34. С. 223—224 (рис. 75); 57. С. 64—68; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22, 1981. С. 89 (№ 52), 91 (№ 63). См. также: Гл. I. Ч. I.

¹⁴⁵ КСИМК. 1947. Вып. 14. С. 131; 57. С. 68. Ср.: Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 14, 18—19; 47. С. 205. Табл. XXXI. № 39; 24. С. 38, 80—81. Табл. XXX № 1—3, 13. Табл. XXXI № 1.

¹⁴⁶ ВВ. 1958. Т. 14. С. 120, 135—136; МИА. 1953. Т. 34. С. 137—138, 147, 153; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 28; УЗ МГУ. История. 1946. Вып. 93. Кн. 1. С. 93, 106; 45. С. 263, 474; МИА. 1941. Т. 4. С. 245 (рис. 77).

¹⁴⁷ КСИМК. 1957. Вып. 68. С. 40—41; ВВ. 1958. Т. 14. С. 117—118.

¹⁴⁸ ВВ. 1958. Т. 14. С. 125.

¹⁴⁹ См., например: 46. С. 29.

¹⁵⁰ СА. 1986. № 4. С. 180; АДСВ. 1983. С. 72.

¹⁵¹ ВВ. 1958. Т. 14. С. 123—124; 60. С. 113.

¹⁵² ВДИ. 1939. № 1. С. 129.

¹⁵³ Н. В. Пятышева предположила, что славянская керамика, найденная в Херсоне, изготавливалась на месте. Но, на наш взгляд, этот вывод недостаточно обоснован: «Черепки горшков с волнисто-линейным орнаментом из раскопок 1946 г. представляют собой образцы типично славянской русской керамики. Незначительные отклонения наших черепков от классических форм русской курганной посуды вызваны местными условиями, т. е. эти горшки изготовлялись здесь же». — 57. С. 68.

¹⁵⁴ ВВ. 1958. Т. 14. С. 123.

¹⁵⁵ Некоторые особенности форм этих гривен в сравнении с новгородскими (большая распльчатость, большая длина, меньший вес) позволили Н. В. Пятышевой выделить их в самостоятельный тип, условно названный «новгородско-литовским» (НСб. 1971. Вып. 1. Ч. 4. С. 10). Но, несмотря и на эти особенности, гривны, найденные в Херсоне, повторяют северорусский, а не южный тип, существенно отличаясь от последнего.

¹⁵⁶ 273. С. 138.

¹⁵⁷ См.: 136а.

¹⁵⁸ 127. С. 204—208, 563.

¹⁵⁹ 46. С. 23.

¹⁶⁰ См.: 48; 9; МАР. 1892. № 7. С. 33—46; НС. 1911. Т. I. С. 107—112; 33; НС. 1968. Вып. 3. С. 99—113; и др.

¹⁶¹ Это неоднократно упоминают исследователи: 49. С. 94; Тр. ГИМ. 1957. Вып. 26. Ч. II. С. 68; и др.

¹⁶² 49. С. 95; ВВ. 1968. Т. 29. С. 254—255.

¹⁶³ ВВЛ. 1981. Т. 7. С. 326.

¹⁶⁴ Характеризуя денежное обращение византийского Херсона, И. В. Соколова писала, что ему «были присущи черты, свойственные денежному обращению всей империи: господство медной монеты, полное отсутствие серебра, длительность обращения монет, не знавших, по-видимому, частых изъятий, широкий временной диапазон монет вкладах, совпадение времени сокрытия большинства кладов с критическими периодами в жизни города». К специфическим чертам денежного обращения исследовательница относит преобладание местной монеты в обращении в течение всего периода времени и регулярное, хотя и в небольших количествах, поступление монет центральных монетных дворов (преимущественно константинопольского) (49. С. 95).

¹⁶⁵ МИА. 1953. Т. 34. С. 92, 150; 19. С. 134—135; МИА. 1941. Т. 4. С. 211, 237, 259; АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22; АО 1981 г. С. 312; АО 1971 г. С. 392.

¹⁶⁶ 48. С. 174 (№ 39—X—XI вв., 40—XI в., 25, 25а—XI в., 21—XI в., 22—X—XI вв., 35—IX—X вв., 36—X в., 37, 38—IX—X вв., 28—X—XI вв., и др.).

¹⁶⁷ АДСВ. 1983. С. 69.

¹⁶⁸ АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 40.

¹⁶⁹ Часто исследователи определяют помещения как торговые на основе изучения стратиграфии находок (например: МИА. 1941. Т. 4. С. 249) или планировки усадьбы (например: АО 1981 г. С. 311—312; и др.). Археологические материалы из раскопок Херсона подтверждают тезис Х. Бураса о том, что «сочетание мастерской на нижнем этаже с жилыми помещениями наверху нередко встречается здесь (т. е. в провинциальных византийских городах. — Н. Б.), как и сочетание мастерской и лавки» (JÖB. 1981. Т. 31/2. С. 649).

¹⁷⁰ 90. Кн. X. 2. С. 191 (14—21).

¹⁷¹ См., например: JÖB. 1981. Т. 31/2. С. 648.

¹⁷² 80. С. 77; ПСРЛ. 1962. Т. 2. С. 97, 1851. Т. 5. С. 118, 1859. Т. 8. С. 308; и др.

¹⁷³ ИОРЯС. 1910. Т. 14. Кн. 1. С. 268.

¹⁷⁴ АДСВ. 1981. С. 76; JÖB. 1981. Т. 31/2. С. 648; 246. С. 31.

¹⁷⁵ АО 1980 г. С. 290; АО 1981 г. С. 295—296; АО 1985 г. С. 318; АО 1986 г. С. 381.

¹⁷⁶ 31. С. 350—351.

¹⁷⁷ СА. 1972. № 4. С. 281.

¹⁷⁸ 93. Гл. 53. С. 286 (510—529).

¹⁷⁹ См., например: 143. С. 24; 152. С. 291—299; 239. С. 48—50; ВВЛ. 1962. Т. 1. С. 171; и др.

¹⁸⁰ См., например: 152. С. 247—248; ВИ. 1958. № 10. С. 92/3; и др.

¹⁸¹ 71. С. 163, 166—167, 293, 189, 234—235, 28.

Часть II. Глава I

¹ 245. Т. 1. С. 360—367; 248. С. 253, сл.

² 94. С. 98.

³ 93. Гл. 42. С. 184 (41—54). См. также: 124. С. 123—124; 121. С. 73.

⁴ ПС. 1971. Вып. 23. С. 73. О том, что страгиги направлялись в Херсон из Константинополя, сообщает и Скилица: «ἐκ τούτου οὖν ἐκράττησε οὖς εἰς ἑρσώνια λέμπεσσι» (121. С. 73), т. е. «и вот с той поры стало правилом направлять (посылать) страгигов в Херсон».

⁵ 93. Гл. 53. С. 286 (526—529). См. также: 212. С. 58; 94. С. 183.

⁶ 80. С. 37; ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 50—51, 1851. Т. 5. С. 39, 1859. Т. 8. С. 281; и др.

⁷ 80. С. 52; ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 73, 1851. Т. 5. С. 61, 1859. Т. 8. С. 291, 1962. Т. 2. С. 248.

⁸ См.: 80. С. 59—83; 86. С. 46—49; КСИС. 1963. Вып. 37. С. 72; 109. Кн. X. 10. С. 175 (6—11). См. также: ВВ. 1986. Т. 47. С. 39—46 (там же обзор литературы вопроса); ВВ. 1988. Т. 49. С. 195—201.

⁹ 93. Гл. 1. С. 48 (26—28).

¹⁰ 93. Гл. 11. С. 64 (10—13).

¹¹ 100. С. 117 (21—23); 77. С. 119 (и прим. 9); 70.

¹² 93. Гл. 11. С. 64 (3—10).

¹³ 93. Гл. 53. С. 286 (526—528). Литра составляла чуть менее 327,5 г (235. С. 344). Следовательно, Херсону выдавалось около 4 кг (3,930 г) золота.

¹⁴ 114. № 9. С. 58. См. также: 118. Т. 1. Ч. 2. С. 164—165; и др.

¹⁵ Как указывалось выше, император писал о военных нападениях кочевников на Херсон, об их торговых связях с горожанами. Упоминается в трактате

«Об управлении империей» и об отправке из столицы специальных посланцев в «Пачинакию» через Херсон, где до их возвращения находились заложники, — 93. Гл. 7. С. 54 (3—8).

¹⁶ ЖМНП. 1889. № 1. С. 85.

¹⁷ 80. С. 33.

¹⁸ 80. С. 33—34; ПСРЛ. 1965. Т. 30. С. 19, 1962. Т. 1. С. 45, 1962. Т. 2. С. 34, 1851. Т. 5. С. 98, 1859. Т. 8. С. 279, 1959. Т. 26. С. 18.

¹⁹ См.: 136а.

²⁰ 39. С. 16—18.

²¹ 48. С. 152—159 (№ 21—23, 25, 25а, 26, 28, 29, 35—40), 170—171, 174.

²² 48. С. 170—171, 174—175. (№ 19, 20, 27, 30—34, 44—51а, 53, 53а, 56—57), 151—152, 154—157, 160—163, 165—166.

²³ 48. С. 162 (№ 50), 166 (№ 57).

²⁴ 80. С. 111; ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 166, 1962. Т. 2. С. 155, 1851. Т. 5. С. 141, 1859. Т. 8. С. 335, 1959. Т. 26. С. 43, 1965. Т. 30. С. 47.

²⁵ АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 209.

²⁶ См., например: 212. С. 67—78.

²⁷ АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 209.

²⁸ 48. С. 159—160 (№ 43).

²⁹ 121. С. 277; 106. С. 513.

³⁰ 86. С. 46. В другой редакции сказано, что Ижберн был поставлен «властодержемъ Херсуню граду» (86. С. 48).

³¹ 48. С. 159 (№ 42), 163 (№ 52), 133 (прим. 234).

³² 48. С. 103, см. ниже: Ч. II. Гл. 2.

³³ 48. С. 117.

³⁴ По данным древнерусских летописей, князь Владимир крестился в церкви, расположенной «посреди града, иде же торгъ деють курсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоять и до сего дне, а царицна полата за олтаремъ» (80. С. 77). Очевидно, «полаты» представляли собой здания, составлявшие резиденцию городских властей. Однако не только эти «полаты», но и какая-либо другая резиденция местных правителей (укрепленный акрополь и пр.) пока определено для Херсона неизвестна. Исключение составляет, по-видимому, архитектурный комплекс с термами и водохранилищем, который иногда называют «дворцом Петроны». Этот комплекс площадью около 1600 м² имел исключительную, по мнению исследователей, для средневекового Херсона отделку, а также занимал сравнительно безопасное положение благодаря топографическим особенностям местности, где он был расположен, и мощным укреплениям. Эти особенности позволяют предположить, что архитектурный комплекс мог быть своеобразным акрополем Херсона с IX до начала XIII в. (подробное описание см.: ЭГИМ. 1966. С. 4—5, 1969. С. 142—144).

³⁵ 93. Гл. 42. С. 184 (41). Гл. 53. С. 286 (512), 286 (527).

³⁶ 48. С. 116—117.

³⁷ 80. С. 76—80; 86. С. 46—49; КСИС. 1963. Вып. 37. С. 150.

³⁸ 48. С. 61.

³⁹ Выступление А. И. Романчук на XII Всесоюзной сессии византинистов в Киеве 14 мая 1987 г. «Слои разрушений конца X в. в Херсонесе (к вопросу о последствиях и времени Корсунского похода русского князя Владимира)» (не опубликовано).

⁴⁰ МИА. 1950. Т. 17. С. 42.

⁴¹ МИА. 1953. Вып. 34. С. 296—298.

⁴² 153. С. 106—113, 137.

⁴³ 67. С. 107.

⁴⁴ 134.

⁴⁵ По образному замечанию Г. Братнуну, после захвата крестоносцами Константинополя создались благоприятные условия для восстановления в юго-западном Крыму древнего господства царей Понта, которыми, как некогда Митридат, стали теперь Великие Комнины, установившие свою власть вдоль побережья Черного моря (220. С. 170. См. также: 141. Т. 3. С. 168—169).

⁴⁶ 103. С. 311, 315—316, 333, и др.; 97. С. 132, 134, 139; ВВ. 1927. Т. 25. С. 55—56, 58; 79. С. 116—118; РГ. 1865. Т. 140. Col. 392 (BC) — 393 (AB).

⁴⁷ 138. С. 374; 139. Т. 2. С. 134; 164. С. 92—93; УЗ Имп. Акад. наук. 1854. Вып. 5. Т. II. С. 733; 223. С. 182; АП. 1979. Т. 35. С. 329—330; 273. С. 161—162.

⁴⁸ ОАК за 1895 г. С. 94; ОАК за 1891 г. С. 11. Их местонахождение пока неизвестно.

⁴⁹ 79. С. 117. Ф. И. Успенский называет этого чиновника «заведующим казенными сборами» (198. С. 51). См. также: 134. С. 61. Прим. 72.

⁵⁰ PG. 1865. Т. 140. Col. 392(BC)—393(AC); 103. С. 323, 326—327. Сведения источников об управлении городом подробно рассмотрены в нашей статье: 134. С. 48—51. Мы используем одно из значений слова «то политеция», приведенное, например, в словаре Лиддл-Скотта: «the corporate body of citizens», которое, на наш взгляд, верно отражает смысл слов автора источника.

⁵¹ См., например: JOB. 1981. Т. 31/1. С. 182—187; BB. 1956. Т. 8. С. 85—94; 152. С. 370, сл.; BB. 1976. Т. 37. С. 10; 167. С. 110; BB. 1969. Т. 30. С. 10—13, 39—40; 243. С. 129; 244. С. 10, 40, и др.; 246. С. 39, 41; 253. С. 54; BBL. 1962. Т. 1. С. 173; и др.

⁵² 113. XVIII. 2. С. 877 (5—19). См. об этом: Ч. I. Гл. 3.

⁵³ См.: 133, а также: 136а.

⁵⁴ См., например: 156. С. 13. До 1204 г. византийцы не открывали Черное море для ведения итальянцами активной торговой деятельности, основания факторий и т. д., хотя отдельные проникновения латинян в Крым, очевидно, имели место и до Четвертого Крестового похода. Полученные итальянцами хрисовулы 1082, 1126, 1148, 1198 гг. «не касались прав торговли в его бассейне» (158. С. 49. См. также: 128. С. 175; 138. С. 367; BB. 1947. Т. 1. С. 224, сл.; 218. С. 174—180; 224. Т. 1. С. 155, сл.; 231. Т. 1. С. 436; 241. Т. 1. С. 297; 258. С. 545; 261. С. 79—80; 270. С. 62; АП. 1979. Т. 35. С. 38; и др.).

⁵⁵ См. об этом: 136а.

⁵⁶ См.: Ч. I. Гл. 3.

⁵⁷ 157. С. 77; 156. С. 13.

⁵⁸ ROL. 1896. Т. 4. С. 31—32. Массарии Каффы полностью не опубликованы. Лишь отдельные фрагменты, часто в сокращенном виде и пересказе, изданы в начале XX в. Н. Йоргой. Автор ошибочно, на наш взгляд, видел в названии Gorzoni — Гурзуф. На портуланах XIV—XVI вв. Херсон часто называют Giriconda, Gerezonda, Girisonda, Gorozonda, Surzona (116. С. 16—17; 85). В уставе Каффы 1449 г. имя Херсона читается в названии Gorzonii (ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 675; см. также объяснение В. Н. Юргевича, тоже видевшего в названии Gorzonii имя Херсона — С. 823, прим. 23). На портуланах XIV—XV вв. Гурзуф упоминается намного реже, чем Херсон, под именем Gorcoui, gorcouy (116. С. 18—19). Иосафат Барбаро называет Гурзуф — Grusui (125. С. 93). Если четко следовать топографии юго-западного Крыма, то порядок упоминания консулов в рассматриваемом документе как будто указывает, что под Gorzoni может пониматься Гурзуф, так как именно он, а не Херсон находится в промежулке между Партенитом и Ялтой. Однако составители массарий не придерживались топографической последовательности в упоминании городов Крыма: об этом свидетельствует также один из документов с упоминанием топонима Gorzoni: Gorzoni, Jallite, Partinite, Feri, Sichite, Lusche, т. е. соответственно Херсон, Ялта, Партенит, Форос, Сикита, Алушта (ROL. 1896. Т. 4. С. 41). Здесь совершенно не соблюдена топографическая последовательность, а потому этот признак не может быть принят во внимание при определении города, названного Gorzoni. Многочисленные же совпадения и созвучные Gorzoni имена для обозначения Херсона, встречаемые в источниках XIV—XV вв. (особенно на портуланах, где местонахождение Gorzoni указано вполне определенно), убеждают нас в правильности отождествления Gorzoni с Херсоном. М. Балар на основе изучения архивных текстов массарий также видит в названии Gorzoni имя Херсона (214. Т. 1. С. 372, 457).

⁵⁹ ROL. 1896. Т. 4. С. 41.

⁶⁰ ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 675.

⁶¹ АДСВ. 1982. С. 91—92.

⁶² 108. Т. 1. С. 121 (18—19). Т. 2. С. 37 (19), 37 (21).

⁶³ 108. Т. 2. С. 59 (18—20), 60 (1—5).

⁶⁴ 139. Т. 1. С. 222—223; 175. С. 59—61; 224. Т. 2. С. 53, сл.; BBL. 1981.

⁶⁵ 108. Т. 2. С. 60 (7—8).

⁶⁶ С. П. Карпов выделяет несколько типов генуэзских факторий в Причерноморье: «1) Обособленный город, укрепленное поселение с правами полной экстерриториальности (классический пример — Каффа, а в Южном Причерноморье — Симиссо...); 2) торговое поселение с лоджией, фундако, причалом и замком на территории города, принадлежащего местному правителю (фактории в Трапезунде и Севастополе) с правом экстерриториальности внутри факторий и признанием суверенитета государя, на чьей земле стояла фактория; 3) поселение внутри иноземного города, не имевшее укреплений, права которого ограничались договором с местным государем (Синоп, Тавриз, Сивас); 4) торговые станции, посещаемые генуэзцами, где возникали небольшие, иногда временные, поселения, не имевшие экстерриториальности и статуса фактории и тяготеющие к крупным факториям, под опекой которых они находились (Ватича, Вати, Фассо...)» (157. С. 77—78).

⁶⁷ Упоминания о генуэзской «колонии» в Херсоне см.: 132. С. 159—161; 189. С. 64.

⁶⁸ *ASLSP*. 1871. Т. 7. Ч. 1. С. 735, 872.

⁶⁹ 125. С. 93; 69. § 46. С. 129, 154.

⁷⁰ См.: Гл. 3. Ч. I.

⁷¹ 79. С. 116—118. См. об этом: 134. С. 47.

⁷² *MHA*. 1950. Т. 17. С. 42; и др.

⁷³ *PG*. 1865. Т. 140. Col. 396 (BC).

⁷⁴ 93. Гл. 2. С. 48 (50).

⁷⁵ 123. С. 147.

⁷⁶ 188. С. 15, сл.

⁷⁷ 164. С. 86—87; 159. С. 80—81.

⁷⁸ 77. С. 98—102.

⁷⁹ Там же. С. 109. Прим. 30.

⁸⁰ 155. Т. 4. С. 105; 178. С. 64; и др.

⁸¹ *ПСРЛ*. 1908. Т. 21. Пол. 1. С. 309.

⁸² 177. С. 95.

⁸³ Данные источников о мероприятиях по благоустройству Херсона подробно рассмотрены в нашей работе: 135. С. 287—298 (прим. 99—105). Там же приведена литература вопроса.

⁸⁴ 55. С. 126; 21. С. 81—82.

Глава 2

¹ См.: 154. С. 7—8.

² 44; *JOB*. 1981. Т. 31/2. С. 650; 247. С. 142, 147.

³ См., например: *MHA*. 1953. Т. 34. С. 155, 1941. Т. 4. С. 263, 1959. Т. 63. С. 285.

⁴ См., например: *ЭГИМ*. 1969. С. 142—156; *АО* 1980 г. С. 307; и др.

⁵ 153. С. 11.

⁶ См.: 48. С. 174—175. По данным молдавцулов неизвестны стратиги, имевшие титул патрикия. Однако стратиг Лев Алиат, упомянутый в надписи 1059 г. (39. С. 16—18), был патрикием так же, как и стратиг Иоанн Вога. Титул Воги восстанавливается при сравнении данных письма патриарха Николая Мистика конца августа — начала сентября 917 г. с известиями хроник о битве при Ахелое в августе 917 г. (Симеона Логофета, Продолжателя Феофана, Льва Грамматика, Скилицы и Зонары). Сопоставление их сообщений, проведенное нами, свидетельствует о том, что патрикий Иоанн Вога, упомянутый хронистами (124. С. 386—387, 389—390, 722, 724, 879, 882; 121. С. 201—202, 204—205; 106. С. 464—465), и стратиг Херсона Вога, названный в письме патриарха (114. № 9. С. 58), есть одно и то же лицо (см.: 135. С. 300—305).

⁷ 48. С. 160—161, 163—166 (№ 45, 45а, 48, 51, 51а, 53, 53а, 56, 56а); *ВДИ* 1939. № 1. С. 129; 39. С. 16; 124. С. 387, 389—390, 722, 879, 882; 121. С. 201—202, 204—205; 106. С. 464—465; 114. № 9. С. 59.

⁶ Воги и Катасах... в анкету господствующего класса империи XI—XII вв. не включены (хотя там же учитываются византийские семьи и более раннего времени) (153. С. 88—101).

⁹ 48. С. 161—164 (№ 48, 50, 53, 53а). Стратиги часто были и придворными, что отмечено и для других районов империи: так известна печать Григория, стратига Оптиматов и начальника Христотриклина (153. С. 135, прим. 69). Титул протоспафария Христотриклина указан на одной из печатей Аргиров в XI—XII вв. (153. С. 112).

¹⁰ 48. С. 103—106, 159 (№ 42), 159—160 (№ 43), 164—165 (№ 54, 54а); *Отчет ООИД за 1883/84 г.* С. 20—21; *ЗООИД. 1886.* Т. 14. С. 5—10, 1889. Т. 15. С. 41—43; *ПС. 1871.* Вып. 23. С. 69; *Записки ИРАО. 1887.* Т. II. С. 28—43; 121. С. 354; 99. С. 464.

¹¹ 48. С. 104, 103; и др.

¹² 126. С. 436—437; 48. С. 104; и др.

¹³ 154. С. 17; 153. С. 8 (обзор литературы вопроса см. прим. 17); *ВО. 1977.* С. 43.

¹⁴ 153. С. 249.

¹⁵ *PG. 1865.* Т. 140. Col. 392. (C); 79. С. 117 (ср.: 153. С. 248—250); 67. С. 107.

¹⁶ *PG. 1865.* Т. 140. Col. 392 (C).

¹⁷ 121. С. 277; 106. С. 513; 109. С. 63, 77.

¹⁸ 112. С. 211. Именем Скерсона в латинских источниках называют город Херсон, расположенный в юго-западной Таврике (см., например: С. 65—66); также понимают местоположение Херсона, упомянутого Лиутпрандом, издателя его сочинений (112. С. 217).

¹⁹ Об особенностях захоронений в Херсоне см.: *ХС. 1948.* Вып. 4. С. 15; *МИА. 1953.* Т. 34. С. 103; 19. С. 124, 136; *АО 1968 г.* С. 284—285, а также: 135. С. 317—323.

²⁰ *ИАК. 1908.* Вып. 27. С. 29—30 (№ 23); *ИАК. 1907.* Вып. 23. С. 38—39 (№ 21).

²¹ 60. С. 138 (рис. 3. С. 139).

²² См. также выше: С. 102.

²³ 93. Гл. 7. С. 54 (7—17); *СА 1975.* № 4. С. 265—267. А. И. Романчук отмечает, что в кладке стен усадьбы XIV в. портового квартала были обнаружены надгробные плиты с греческой и славянской надписями (44. С. 152).

²⁴ Здесь и далее: подробные сведения источников со ссылками на них о торговле и торгующих в Херсоне в X—XV вв. см. выше: Ч. I. Гл. 3.

²⁵ 67. С. 106—108.

²⁶ *ЭГИМ. 1969.* С. 157; 44. С. 153.

²⁷ 93. Гл. 53. С. 286 (515).

²⁸ 26. С. 55.

²⁹ См. об этом: 136а.

³⁰ Свидетельствуют об этом, в частности, данные раскопок захоронений, в которых иногда встречаются находки костяков с врожденными или приобретенными отклонениями (ненормальное развитие черепа, сросшиеся позвонки, вывихи, болезненные наросты на костях и пр.). См.: 19. С. 115, 122—124; *МИА. 1941.* Т. 4. С. 236; *ХС. 1948.* Вып. 4. С. 14; *АО 1986 г.* С. 332. Одно из подобных захоронений, как предполагают исследователи, являлось усыпальницей богадельни при монастыре (*АНУ. 1972.* Вып. 4. С. 264).

³¹ См.: 133; 136а.

³² 101. Т. 2. С. 63—65, 267; *Сообщения ГАИМК. 1926.* Т. 1. С. 324—325; 44. С. 57, 189 (прим. 2); *МАР. 1893.* № 12. С. 58—63; и др.

³³ 88. Т. 1. № 240. С. 501. Т. 2. № 355. С. 44, № 368. С. 69; *ВОИДР. 1852.* Кн. 15. Ч. III. С. 12.

³⁴ *PG. 1865.* Т. 140. Col. 396 (AB).

³⁵ 39. С. 32—33 (№ 26). Ср.: по синодальному акту 1082 г. известен архиепископ Херсона Феодор (*PG. 1864.* Т. 127. Col. 973; 96. Ч. 2. № 1085. С. 29—30); 39. С. 33—34 (№ 27).

³⁶ 14. С. 165. Примечательно также сравнение изображений на серебряных византийских чашах XII в. и поливных сосудах IX—XIII вв. из Херсона, проведенное В. П. Даркевичем. Оказывается, что аналогичны некоторые из них, а

именно: воин на коне с копьем и щитом, всадник с саблей (блюда XI—XII вв.); Св. Георгий на коне поражает копьем дракона (2 блюда IX—X и XI—XII вв.); воины с мечами (блюдо IX—X вв.); герой разрывает челюсти льва или поражает его мечом (2 блюда XI—XII вв.); всадник с собакой (блюдо IX—X вв.); скоморох в звериной маске с мечом (чаша XII в.); грифоны (керамика IX—XIII вв.); сирены (миска и кувшин XIII в.); барсы (керамика IX—XIII вв.); зайцы (сосуды XII—XIII вв.); павлины (чаши XIII в.) (25. С. 253—254). На основе этого сопоставления В. П. Даркевич делает вывод о том, что «социальная природа коминиговской монархии в какой-то степени объясняет общность сюжетов в народном искусстве и в замкнутом ранее аристократическом. Популярность эпических сказаний в торгово-ремесленной среде горожан подтверждает декор поливной посуды IX—XIII вв. из раскопок в Константинополе и крупных провинциальных центрах империи» (25. С. 253). Исследователь основывает свое заключение на том, что названные выше сюжеты являлись «изображениями на массовой продукции городских гончаров» (25. С. 253). Однако вряд ли можно согласиться с таким определением, хотя бы на основании того, что указанная выше численность этих сосудов (пусть и пополнившаяся за годы последующих раскопок) в сравнении с количеством обнаруженной в Херсоне поливной керамики фактически ничтожна. Как следует из общих работ по керамике Херсона, подобный декор сосудов — явление скорее редкое, чем массовое: такая посуда определено изготавливалась небольшими партиями или даже единичными экземплярами, скорее всего, на заказ. В связи с этим нам представляется более правомерным подход к изучению поливной керамики А. Л. Якобсона, который рассматривал декор поливной посуды как источник для изучения ее бытования в различной социальной среде, а не видел в этом искусстве массовую продукцию ремесленников, недифференцированно сопоставляемую с предметами из серебра (как будто бы знать и другие имущие слои города не использовали особо декорированную керамическую посуду?) (60. С. 83, 92; и др.). Один из самых ярких доказательств изготовления керамической посуды для знатных слоев горожан как раз и является приведенный уже выше пример чаши XIII в. с изображением двуглавого орла, имевшим геральдический характер (60. С. 138).

³⁷ 167. С. 110.

Глава 3

¹ 170. С. 156—175 (там же обзор литературы).

² См., например: *МИА. 1950*. Т. 17. С. 35—37; 27.

³ 9; *НС. 1968*. Вып. 3. С. 99—113; *МАР. 1892*. № 7. С. 33—46; 88; и др.

⁴ *СА. 1968*. № 2. С. 288—290; *АДСВ. 1983*. С. 64—87; *СА. 1986*. № 4. С. 171—182; *СГЭ. 1969*. Вып. 30. С. 57; 39. С. 23—27. 32—34 (№ 12, 13, 26, 27); *МИА. 1953*. Т. 34. С. 125, 138, 1941. Т. 4. С. 243, 249; *АО 1968* г. С. 287; *АДСВ. 1971*. Вып. 7. С. 51—52, 1973. Вып. 9. С. 20—22; *ХС. 1959*. Вып. 5. С. 53—56, 67; *АО. 1982* г. С. 327; 11; 14; *СГЭ. 1982*. Вып. 47. С. 56—59; и др.

⁵ *МИА. 1953*. Т. 34. С. 147, 1950. Т. 17. С. 35; 44. С. 37—38; см. С. 79—81, а также: *АДСВ. 1971*. Вып. 7. С. 40; *МИА. 1953*. Т. 34. С. 137; *СА. 1968*. № 2. С. 289; *Архіви України. 1968*. № 1. С. 43.

⁶ 67. С. 106—108; см.: Ч. I. Гл. 3.

⁷ См. выше: Ч. I. Гл. 3. Ч. II. Гл. 2. О некоторых херсонитах, владевших русским языком, см. там же.

⁸ См., например: *ВВ. 1956*. Т. 8. С. 166—167; *МИА. 1950*. Т. 17. С. 36; и др.

⁹ *ЭГИМ. 1969*. С. 157—158.

¹⁰ Надписи найдены в крестообразном храме, открытом в 1902 г. (*ИАК. 1904*. Вып. 9. С. 38). Одна из них обнаружена на штукатурке под фреской (*ИАК. 1904*. Вып. 10. С. 106), другая — на осколке мраморной базы (*ИАК. 1904*. Вып. 10. С. 107).

¹¹ *ИАК. 1904*. Вып. 10. С. 107—108.

¹² *ВВ. 1988*. Т. 49. С. 207.

¹³ См. прим. 73—74 к Ч. II. Гл. 1; а также: *PG. 1865. Т. 140. Col. 393 (C), 396 (C); 134. С. 52—55, сл.*

¹⁴ *СА. 1968. № 2. С. 289; Архіви України. 1968. № 1. С. 42—44; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 40.*

¹⁵ *АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22.*

¹⁶ 60. С. 83; и др.

¹⁷ 93. Гл. 6. С. 52. Гл. 9. С. 60. Гл. 11. С. 64. Гл. 53. С. 286; 67. С. 106—108; 80. С. 37; 90. Кн. X. 2. С. 191. См.: Ч. I. Гл. 3, сл. Возможно, среди жителей Херсона были и варяги. Об одном из них — Ижберне — сообщается в сказании о походе князя Владимира на Корсунь (86. С. 46—47).

¹⁸ 43. (Ср.: *СА. 1966. № 4. С. 217*); 54. С. 40—41; *АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 22, 1981. С. 88—89.*

¹⁹ *ОАК за 1896 г. С. 166—167; ИАК. 1902. Вып. 4. С. 116.* Как заметила Н. В. Пятышева, для обозначения изображения в виде пятиконечной звезды (пентаграммы), встречающегося на средневековых предметах из Херсона, исследователи иногда ошибочно использовали название «печать Соломона» (*АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 215*).

²⁰ *АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 216—217.* О находках этих меток на черепице см.: *ИАК. 1902. Вып. 2. С. 17; ОАК за 1895 г. С. 91* (вместе с 35 золотоордынскими монетами); *МИА. 1950. Т. 17. С. 144, 147; ХС. 1930. Вып. 3. С. 69, 74, 98, 128—129, 133; АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 40, 51, 54*; и др.

²¹ *АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 216—218.* О том, что эта символика была понятна представителям различных этнических групп, свидетельствует, в частности, находка ее изображения на бронзовой пластинке местного производства с греческой надписью: «Поязка на глаз Анастаса Справедливца» (40. С. 262—265).

²² См.: Ч. I. Гл. 3. Ч. II. Гл. 4.

²³ 15. С. 27—28.

²⁴ 27. С. 339—343.

²⁵ *ХС. 1959. Вып. 5. С. 73—74.*

²⁶ 29. С. 57—65.

²⁷ *ХС. 1959. Вып. 5. С. 73; 29. С. 57; 27. С. 342—343.*

²⁸ *ХС. 1959. Вып. 5. С. 74.*

²⁹ Ср. выше: С. 111—112.

³⁰ Об обряде погребения в Херсоне X/XI—XIV/XV вв. и его особенностях см.: 135. С. 317—323, 411—427 (табл. 17).

³¹ 27. С. 343.

³² *МИА. 1941. Т. 4. С. 232, 234* (могила № 7). Согласно последним исследованиям, это разрушение могло произойти и позднее (см. С. 93—94).

³³ 19. С. 113 (могила № 1).

³⁴ 27. С. 340.

³⁵ Как и в других провинциальных византийских городах, по археологическим материалам невыделимы и в Херсоне отдельные кварталы нехристианского населения (например, евреев и др.), хотя, отмечает Х. Бурас, это являлось разрушением существовавших установлений (*JOB. 1981. Т. 31/2. С. 651*).

³⁶ *СА. 1968. № 2. С. 289—290.*

³⁷ Неизвестно, привозились ли все изделия с арабскими надписями, найденные в Херсоне, или какие-то из них изготавливались на месте пришлими в город ремесленниками (как, например, по мнению Н. В. Пятышевой, изготовитель бронзового замка в виде лошадки с арабской надписью конца XIV — начала XV в. — «Сделал Омар, сын...» — *ЭГИМ. 1969. С. 157; АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 218*). Однако в том и другом случае, вероятно, находились и те, кто, пользуясь этими изделиями, знал, что на них написано, и, быть может, говорил и даже писал по-арабски. Это, скорее всего, относится к владельцу калемдана, т. е. пенала для письменных принадлежностей, с арабской надписью, находящегося аналогично среди изделий Малой Азии (26. С. 55. № 109); к орнаментированному сосуду для хранения текста молитвы (*ИАК. 1902. Вып. 4. С. 116*); и др.

³⁸ *Архіви України. 1968. № 1. С. 42—44; СА. 1968. № 2. С. 288—290; АДСВ. 1981. С. 93—95; СА. 1955. Т. 24. С. 276; 19. С. 275; ХС. 1948. Вып. 4. С. 13; МИА. 1941. Т. 4. С. 214; 18. С. 33, 36; ХС. 1959. Вып. 5. С. 69; АО. 1969 г. С. 288; АДСВ. 1983. С. 72, сл.; СА. 1986. № 4. С. 180, сл.*; и др.

³⁹ См. об этом: 34. С. 21; *МИА. 1950. Т. 17. С. 167—229*; и др.

¹ См., например: 183. С. 44—61; ВВ. 1972. Т. 33. С. 33—46; и др.

² 93. Гл. 53. С. 286 (512—529).

³ 124. С. 360 (15), 702 (7): в хронике Симеона Магистра об этом же событии сказано, что херсониты убили своего стратига; С. 855 (17).

⁴ 80. С. 111; ПСРЛ. 1962. Т. 1. С. 166. Т. 2. С. 155, 1851. Т. 5. С. 141, 1859. Т. 8. С. 335, 1959. Т. 26. С. 43, 1965. Т. 30. С. 47.

⁵ Примечательно, что флот был отправлен в Черное море во время, когда навигация там очень опасна, и должны были быть чрезвычайные обстоятельства, которые могли заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы.

⁶ 121. С. 354; 99. С. 464.

⁷ Отчет ООИД за 1883/84 г. С. 20—21; ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 5—10, 1889. Т. 15. С. 41—43; Записки ИРАО. 1887. Т. II. С. 28—43; 48. С. 103—106; ПС. 1971. Вып. 23. С. 69.

⁸ 169. С. 383—384; МИА. 1950. Т. 17. С. 15—16.

⁹ 126. С. 436; ВВ. 1953. Т. 6. С. 266—267; ПС. 1971. Вып. 23. С. 73—74; 48. С. 103—106.

¹⁰ ПС. 1971. Вып. 23. С. 60—70: «Господи, помоги твоему рабу Суле, императорскому спафарию Херсона» (Г. Шлюмберже датировал ее по типологическим признакам XI в.); «...филаксу Суле...» найдена в Херсоне и датируется концом X — началом XI в.; «Георгия Сулы, протоспафария Боспора». См. также: 64. С. 238. № 8; 126. С. 436; 48. С. 103.

¹¹ ПС. 1971. Вып. 23. С. 72—73. Ср.: 48. С. 116.

¹² ПС. 1971. Вып. 23. С. 70, 74.

¹³ Это следует подчеркнуть особо в связи с распространенным мнением о том, что «Никифор Фока послал к Святославу правителя Корсунской области Калокира..., который несколько выступил из своих полномочий... Говорят, что сам Калокир задумал отложиться от царя Никифора и основать независимое владение» (199. С. 25. См. также: 150. С. 241; ЖМНП. 1907. Вып. 4. С. 229—272; ИТУАК. 1912. Вып. 46. С. 121; ВВ. 1953. № 6. С. 55; 164. С. 107; 169. С. 255—262; ЗООИД. 1904. Т. 25. С. 487; 180. С. 69; и др.). Однако все известные сведения источников о Калокире (в «Истории» Льва Дякона — 109. С. 63, 77—79, 134; в хрониках Скилицы и Зонары — 121. С. 176—177, 288, 295; 106. С. 513, 522—523, 527) указывают на него только как на сына херсонского протевона, а не на самого протевона — главу местных представителей городского управления. Кроме того, оказывается необоснованным вывод о том, что Калокир стремился к установлению самостоятельности Херсона: авторы источников отмечают его стремление стать императором всей Ромейской державы, а не независимым правителем далекой области. Подробно этот вопрос рассмотрен нами в: 135. С. 328—332.

¹⁴ 90. Кн. X. 2. С. 191 (16—19). См. также: 164. С. 56—73.

¹⁵ PG. 1865. Т. 140. Col. 392 (B).

¹⁶ См.: 134. С. 42—48, сл.

¹⁷ PG. 1865. Т. 140. Col. 392 (BC).

Заключение

¹ 134. С. 48—51.

Византийские и латинские монеты из раскопок Херсона

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
1. X век Роман I Лакапин	920—944	2	<i>МИА. 1941. Т. 4. С. 273 № 130</i> <i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 64 № 1</i>
Никифор II Фока	963—969	5	<i>МИА. 1953. Т. 34. С. 263 № 206</i> <i>Там же. С. 275 № 205</i> <i>ХС. 1930. Вып. 3. С. 159 № 444</i> <i>Тр. ГИМ. 1957. Т. 26. Ч. 2. С. 64 № 31</i> <i>Там же. С. 66 № 47</i>
(золото)		1	<i>ИАК. 1906. Вып. 20. С. 79</i>
Иоанн Цимисхий	969—976	6	<i>МИА. 1941. Т. 4. С. 271 № 88—89</i> <i>Там же. С. 273 № 140</i> <i>18. С. 50 № 64</i> <i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 66 № 75</i> <i>МАР. 1892. № 7. С. 37</i>
(серебро)	(972—976)	1	<i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 64</i>
(золото)		1	<i>19. С. 153 № 73</i>
		3	<i>ОАК за 1895 г. С. 100</i> <i>ХС. 1927. Вып. 2. С. 183</i> <i>ВВ. 1968. Т. 29. С. 256</i>
Анонимные (без указания даты чекана)		8	<i>Тр. ГИМ. 1981. Т. 21. С. 40</i> <i>№ 374—377</i> <i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 68, 72, 73</i> <i>№ 150, 159, 273, 288</i> <i>ИАК. 1906. Вып. 20. С. 25</i>
Плохой сохранности, не поддающиеся определению	IX—X вв.	3	<i>неск.</i> <i>МИА. 1941. Т. 4. С. 273 № 131</i> <i>МИА. 1953. Т. 34. С. 263 № 207</i> <i>19. С. 343 № 227</i>
2. X—XI века		2	<i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 32 № 90</i> <i>19. С. 154 № 75</i>
Василий II и Константин VIII (золото)	976—1025	1	<i>МИА. 1941. Т. 4. С. 271 № 93</i>
		2	<i>ОАК за 1891 г. С. 4</i>
3. XI век Михаил IV	1034—1041	1	<i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33 № 118</i>
Константин IX Мономах	1042—1055	1	<i>МИА. 1953. Вып. 34. С. 263 № 208</i>
Феодора (повторно)	1055—1056	1	<i>19. С. 343 № 228</i>
Константин X Дука	1059—1067	2	<i>МИА. 1941. Т. 4. С. 271 № 94</i> <i>Там же. С. 273 № 144</i>
Никифор III Вотаниат	1078—1081	1	<i>МАР. 1892. № 7. С. 37</i>
4. XI—XII века		4	<i>19. С. 154. № 76</i> <i>Там же. С. 343 № 229—231</i>
«После X века»		3	<i>МИА. 1953. Т. 34. С. 275</i> <i>№ 206—207</i> <i>Тр. ГИМ. 1981. Т. 21. С. 22 № 151</i>

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
Алексей I Комнин (золото) (золото) (серебро)	1081—1118	1	<i>ИАК. 1902. Вып. 4. С. 116</i>
		2	<i>ВВ. 1968. Т. 29. С. 256</i>
		1	<i>Там же. С. 256</i>
5. XII век Иоанн II Комнин (золото) (серебро)	1118—1143	2	<i>Там же. С. 256</i> <i>АДСВ. 1979. С. 120</i> <i>132. С. 149</i>
		неск.	
Мануил I Комнин	1143—1180	4	<i>МИА. 1941. Т. 4. С. 273 № 145</i> <i>МИА. 1953. Т. 34. С. 255</i> <i>Там же. С. 263 № 209—210</i> <i>ВВ. 1968. Т. 29. С. 256</i>
(золото)		2	
Андроник I Комнин	1183—1185	1	<i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33 № 138</i>
Комнины	к. XII в.	1	<i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 70 № 211</i>
Исаак II Ангел	1185—1195	1	<i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 34 № 147</i>
Алексей III Ангел	1195—1203	2	<i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 72 № 280</i> <i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 36 № 250</i>
Имя не указано	XII в. XII в. (?) к. XII в. (?)	3	<i>МИА. 1953. Вып. 34. С. 263 № 211</i> <i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 34 № 143</i> <i>Там же. С. 35 № 212</i>
6. XII—XIII века		2	<i>АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33 № 121</i> <i>19. С. 154 № 77</i>
7. XIII век Монеты Латинской империи	1204—1261	1	<i>МИА. 1953. Т. 34. С. 269</i>
Латинские имитативные монеты	вторая треть XIII в.	7	<i>8. С. 77</i> <i>23</i>
Правители Фессалоник, Никейской и Латинской империй		40	<i>23. Прим. 77</i>
Трапезундская империя			
Иоанн II Комнин	1280—1297	1	<i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 71 № 282</i>
Никейская империя			
Иоанн III Дука Ватац	1222—1254	2	<i>8. С. 77; 23</i>
Михаил VIII Палеолог	1261—1282	1	<i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 64 № 23</i>
8. Поздневизантийские	без даты	9	<i>ИАК. 1902. Вып. 4. С. 55</i> <i>ХС. 1930. Вып. 3. С. 157—158, 176—180, 182, 187</i>

Продолжение табл. 1

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
Трапезундские	к. XIII— н. XIV в.	1	<i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 71 № 233.</i>
Всего монет:	более 131		
Из них: IX—X века к. X — н. XIII в. XIII—XV вв.	более 30 (в том числе 4 золотых, 1 серебряная) более 39 (в том числе 9 золотых, более 2 серебряных) 62		

Дополнение:

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
Стефан Душан (чекан Котора) (серебро)	1331—1355	1	<i>132. С. 160</i>
«Западноевропейские монеты» (без указания места и даты чекана)		3	<i>ОАК за 1903 г. С. 23</i>

Находки херсоно-византийских монет на территории СССР

Место находки	Василий (867—886)	Лев и Александр (886—913)	Роман I (*920—944)	Константин VII (944—959)	Роман II (959—963)	Никифор II (963—968)	Иоанн Цимисхий (969—976)	Василий II (976—1025)	Монеты типа «ро» (XI—XIII)	Монеты IX—X вв. (неопред.)
КРЫМ, СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ										
1. Саркел ¹	7		5		7	2	1	4		6
2. Тмутаракань ²	4		2	1	6			4		
3. Боспор (Керчь) ³			1	1				1		
4. Партенит ⁴	5		3		1		1			
5. Эски-Кермен ⁵			2							
6. Сугдея ⁶				2						
ДНЕПРОВСКИЙ ПУТЬ										
7. Район античной Ольвии ⁷			1							более 2
8. Левый берег Днепра ⁸ (близ совр. Кременчуга)	1									
9. Правый берег Днепра ⁹ (совр. Черкасская обл. Каневский район)			1							
10. Киев ¹⁰	31		5		1	1				
11. Трипсье ¹¹			1							
12. Черниговская обл. (совр. Бахмацкий район) ¹²	2									
ДРУГИЕ ГОРОДА ДРЕВНЕЙ РУСИ										
13. Изяславль ¹³									2	
14. Владимир ¹⁴		1								

Примечания:

* Как установила И. В. Соколова, монеты с монограммой «ро», приписываемые Роману I, относятся к XI—XIII вв. (НС. 1968. Вып. 3. С. 92—98; 48. С. 58—63). Так как перечисленные в данном столбце монеты Романа I не изданы, то возможно среди них есть и монеты с монограммой «ро» (их атрибуция исследователями производилась до выхода в свет работ И. В. Соколовой).

¹ 37. С. 27 (№ 87, 89), 48 (№ 89a). См. также: НС. 1968. Вып. 3. С. 92.

² Там же. С. 23 (№ 29, 29a, 30, 32).

³ Там же. С. 33 № 200; ВВ. 1965. Т. 26. С. 175 № 54 (527), № 57 (530).

⁴ 37. С. 34 (№ 210).

⁵ Там же. С. 35 (№ 228—229).

⁶ АО 1985 г. С. 303.

⁷ 37. С. 35 (№ 240), 48—49 (№ 241a); ВВ. 1965. Т. 26. С. 177—178 № 69 (541).

⁸ ВВ. 1965. Т. 26. С. 178 № 72 (543).

⁹ Там же. С. 179 № 81 (551).

¹⁰ 37. С. 32 (№ 171—172).

¹¹ Там же. С. 33 (№ 191).

¹² ВВ. 1965. Т. 26. С. 179 № 85 (555), № 86 (556).

¹³ Там же. С. 178 № 76 (546); НС. 1968. Вып. 3. С. 93.

¹⁴ ВВ. 1965. Т. 26. С. 169 № 12 (495).

Восточные монеты из раскопок Херсона

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
1. Аббасиды калиф ал-Муктадир (серебро)	922	1	132. С. 119
анонимные (без года и места чекана)		2	МАР. 1892. № 7. С. 37 (№ 34)
2. Буиды эмир Хасан Рукн-ад- Даул	947—977	1	132. С. 125
3. Сельджукиды Рума султан Санджар и ха- лиф... (532—535 гг. хиджры)	1137/38— 1140/41	1	МАР. 1892. № 7. С. 37. № 34
халиф ан-Насир	1180—1225	1	АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33 № 225
Сулейман II	1200—1203	1	23
Кай Хосров I	1204—1210	1	23
султан Кей-Каус I	1210—1219	3	АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33 № 133, 134 МИА. 1953. Т. 34. С. 276 № 208
султан Кей-Кубад I его же (Сивас 617)	1220—1237 1220/21	1 1	ОАК за 1897 г. С. 95 МИА. 1953. Т. 34. С. 263 № 212
султан Кей-Хюсрев II (634—643 гг. хиджры)	1236/37— 1245/46	1	МАР. 1892. № 7. С. 37 № 34
без указания	XIII в.	3	АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33—34 (№ 122, 141, 149)
то же	без указания	1	ХС. 1930. Вып. 3. С. 158 № 396
4. Татары Джучиды. Чекан Кры- ма Менгу Тимур	1266/67	1	АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 35 № 221
Туда Менгу	1282—1287	1	АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 64 № 12
Узбек	1312—1340	2	АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 32—33 № 67, 113
Джанибек (757 г. хид- жры)	1356	1	МАР. 1892. № 7. С. 37 № 34
Анонимные:			
а) серебро	XIII в.	3	АО 1977 г. С. 378
б) (серебро)	XIV в.	2	АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 72 № 263 Там же. С. 72 № 261
в)	конец XIV— XV вв.	2	АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 65 № 24, 29
г)	XIV—XV вв.	3	Там же. С. 70—71 (№ 201, 254), 73 (№ 283)
д)	без даты	4	Там же. С. 72 (№ 269, 271) АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 35—36 (№ 238, 241)

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
<p>Ханов Золотой Орды без указания места чекана джучидская, хана Абдуллаха, с изображением зверя с длинными ушами (серебро)</p> <p>анонимные</p> <p>а)</p> <p>б) (серебро)</p> <p>в)</p> <p>г) (серебро)</p>	<p>60-е гг. XIV в.</p> <p>вторая пол. XIII в. XIV в.</p> <p>первая пол. XV в. без даты</p>	<p>1</p> <p>1</p> <p>4</p> <p>1</p> <p>1</p> <p>18</p> <p>25</p>	<p><i>ХС. 1930. Вып. 3. С. 164 (№ 588)</i> <i>НЭ. 1963. Т. 4. С. 210 (№ 568)</i></p> <p><i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 72 (№ 276)</i> <i>Там же. С. 72 (№ 279)</i> <i>ОАК за 1897 г. С. 95</i> <i>Там же</i></p> <p><i>АО 1977 г. С. 378</i> <i>Ир. С. 154 (№ 78)</i> <i>АДСВ. 1971. Вып. 7. С. 65 (№ 28, 53)</i> <i>ОАК за 1897 г. С. 95</i> <i>ОАК за 1898 г. С. 106</i> <i>ХС. 1930. Вып. 3. С. 201 (№ 320)</i> <i>ОАК за 1895 г. С. 91, 96</i> <i>Там же. С. 91</i></p>
<p>Ханов Крыма и Золотой Орды без указания места и даты чекана, анонимные</p>		<p>более 99 (в том числе серебряных) 9</p>	<p><i>ОАК за 1903 г. С. 23</i> <i>ИАК. 1902. Вып. 2. С. 25</i> <i>ИАК. 1902. Вып. 4. С. 117</i> <i>ИАК. 1904. Вып. 9. С. 51</i> <i>ИАК. 1905. Вып. 16. С. 40</i> <i>ИАК. 1906. Вып. 20. С. 41</i> <i>ИАК. 1907. Вып. 25. С. 149</i> <i>ОАК за 1896 г. С. 171</i></p>
<p>Крымских ханов без указания места и даты чекана, анонимные (серебро)</p>		<p>5</p> <p>1</p>	<p><i>ОАК за 1898 г. С. 106</i> <i>ИАК. 1901. Вып. 1. С. 40</i> <i>ИАК. 1902. Вып. 4. С. 89</i> <i>ИАК. 1904. Вып. 9. С. 17</i> <i>Там же</i></p>
<p>5. Генуэзско-татарские</p>	<p>1433—?</p>	<p>3</p>	<p><i>ИАК. 1905. Вып. 16. С. 40</i> <i>(аналогии: ИАК. 1906. Вып. 18. Табл. VI № 261</i> <i>ASLSP. 1980. Т. XX. Ч. 1. С. 112—114)</i></p>
<p>6. Персидские (без указания места и даты чекана)</p>		<p>неск.</p>	<p><i>ОАК за 1896 г. С. 171</i></p>

Атрибуция монеты	Время	Количество	Источник
7. «Восточные» (без указания места чекана)	XIII в.	1	АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 33 (№ 111)

ИТОГО:

	X	XII	XIII	XIV	XIV—XV	Без даты	Всего	Из них серебро
Аббасиды	1					2	3	1
Бунды	1						1	
Сельджукиды Рума		2	11			1	14	
Татарские:						более	более	
— Орда			6	11	5 1	146	169	40
— Крымские ханы						6	6	1
Персидские						неск.	неск.	
Генуэзско-татарские					3		3	
Без указания			1				1	

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К. Морская торговля Австрии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 86—90.
2. Маркс К. Капитал//Там же. Т. 25. Ч. I, II.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Там же. Т. 3. С. 7—544.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг//Там же. Т. 20. С. 5—338.
5. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств//Там же. Т. 21. С. 406—416.
6. Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3.
7. Ленин В. И. Статистика и социология//Там же. Т. 30. С. 349—356.

ИСТОЧНИКИ

Публикации археологических памятников

8. Алексеенко Н. А. К вопросу о торгово-экономических связях византийского Херсона в XIII в. (по нумизматическим данным)//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М., 1988. С. 76—77.
9. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
10. Античные государства Северного Причерноморья//Археология СССР. М., 1984.
11. Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966.
12. Она же. Две перегородчатые эмали из Херсонеса//Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978. С. 237—244.
13. Она же. Опыт группировки памятников некоторых отраслей византийского прикладного искусства XI—XII вв.//Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1965 г. М.; Л., 1966. С. 11—13.
14. Она же. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. (Очерки). М., 1978.
15. Она же. Рельеф с изображением Св. Георгия из собрания Эрмитажа//Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960. С. 20—28.
16. Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950//История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. Вып. 1. С. 238—248.
17. Она же. Раскопки в Херсонесе в 1965 г.//Тезисы докладов пленума Института археологии 1966 г. М., 1966. С. 1—3.
18. Она же. Раскопки Херсонеса в 1934 году. Отчет. Симферополь, 1936.
19. Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.
20. Борисова В. В. Северо-восточная часть Херсонеса//Херсонес Таврический (путеводитель по раскопкам). Симферополь, 1958. С. 53—60.
21. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья юго-западного Крыма//Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 45—82.
22. Гилевич А. М. Клад херсоно-византийских монет IX—X вв. из округа Херсонеса//Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 159—160.
23. Она же. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона//ВВ. Т. 51.
24. Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.

25. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975.
26. Он же. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976.
27. Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма//Об. Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 12. С. 333—386.
28. Древняя Русь. Город. Замок. Село//Археология СССР. 1985.
29. Зіневич Г. П. Краніологічні матеріали з середньовічного Херсонеса//Матеріали з антропології України. Київ, 1969. Вип. 4. С. 57—72.
30. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э. Харьков, 1970.
31. Он же. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг.//Морские подводные исследования. М., 1969. С. 342—353.
32. Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
33. Кеңе Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. Спб., 1848.
34. Колесникова Л. Г. Искусство средневекового Херсонеса//Краткие тезисы докладов научной конференции «Культура и искусство Византии». Л., 1975. С. 20—21.
35. Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV вв.). Киев, 1986.
36. Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
37. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР//Археология СССР (САИ Е 4—4). М., 1962.
38. Кубишев А. I. Хронологія одного типу амфор часу Київської Русі//Археологія. 1972. № 6. С. 55—61.
39. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. Спб., 1896.
40. Литаврин Г. Г., Пятышева Н. В. Бронзовая пластинка из Херсонеса с именем Анастаса//Studia in honorem Veselini Beševliev. Sofia, 1978. S. 262—265.
41. Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси//САИ Е—1—38. М., 1967.
42. Материалы I симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья — истоки и пути распространения». Тбилиси, 1985.
43. Пятышева Н. В. Железная маска из Херсонеса. М., 1964.
44. Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв. Историческая топография. Красноярск, 1986.
45. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
46. Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.
47. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.//Археология СССР. М., 1982.
48. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
49. Она же. Находки византийских монет в Крыму//Тезисы докладов 7-й Всесоюзной конференции византинистов. Тбилиси, 1965. С. 94—96.
50. Она же. Сицилийские монеты в раскопках Херсона//Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 г. Л., 1962. С. 24.
51. Стржелецкий С. Ф. Раскопки объединенной экспедиции в 1963—1964 гг.//Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 117—119.
52. Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
53. Толстой И. И. Византийские монеты. Спб., 1912—1914. Вып. 1—9.
54. Федоровский А. С. Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе//Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 40—41.
55. Херсонес Таврический (путеводитель по музею). Симферополь, 1956.
56. Херсонес Таврический (путеводитель). Симферополь, 1969.
57. Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
58. Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделая. М., 1983.
59. Якобсон А. Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму (цер-

- ковь близ сел. Лака)//Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11—12. С. 97—110.
60. Он же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
61. Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.
62. Bank A. Les modèles Constantinople et les copies locales (d'après les objets d'arts mineurs du XI—XII ss.)//Actes du XXII-e Congrès Intern. de l'histoire de l'art (Budapest, 1969). 1972. P. 177—184.
63. Eadem. Quelques monuments de l'art appliqué byzantin du IX—XII ss. provenant des fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années//Actes de XII-e Congrès Intern. des Études Byzantines. Beograd, 1964. T. III. P. 13—21.
64. Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884.
65. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.

Архивные материалы

66. Archivio di Stati di Venezia. Senato (Consiglio dei Rogati). VIII. Misti (Mixtorum). Libri XLIV—XLV.

Публикации письменных источников

67. Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. Київ, 1930.
68. Анна Комнина. Алексиада/Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965.
69. Барбаро и Контарини о России (к истории итало-русских связей в XV в.)/Пер. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.
70. Бруцкус Ю. Д. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924.
71. Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
72. Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе//Труды IV Археологического съезда в России. Казань, 1891. Т. 2. С. 233—248.
73. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
74. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/Пер. Н. Велихановой. Баку, 1986.
75. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе/Собрал и пер. В. Латышев. Спб., 1893. Т. I. Вып. 1.
76. Карпини Джовани да Плано. История монгалов. — Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны. М., 1957.
77. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
78. Константин Багрянородный. Об управлении империей/Пер. Г. Г. Литаврина//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 267—333.
79. Пападопуло-Керамевс А. И. Сборник источников по истории Трапезундской империи. Спб., 1897. Т. 1.
80. Повесть временных лет (текст и перевод). М.; Л., 1950. Ч. I.
81. Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. Спб., 1883.
82. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане/Текст, пер. Н. А. Караулова. Тифлис, 1901.
83. Сказание о житии Преподобного и Богоносного отца нашего Антония Римлянина//Православный собеседник. Казань, 1858. Ч. II. С. 159—171, 310—324.
84. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Спб., 1884; Т. 2. М.; Л., 1941.
85. Фелицын Е. Д. Некоторые сведения о средневековых Генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области//Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. V. № 15. Карты.

86. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. Спб., 1905.
87. Aboulféda. Géographie/Trad. par M. Reinaud. Paris, 1848. T. 2. P. 1.
88. Acta et Diplomata graeca medii aevi sacra et profana//Coll., ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I, II.
89. Acta Joannis XXII (1317—1334) e registris vaticanis aliisque fontibus/Coll. A. Täutu. Roma, 1952.
90. Anne Comnène. Alexiade//Trad. par B. Leib. Paris, 1943. T. II.
91. Baronius C. Raynaldus O. Annales Ecclesiastici. Coloniae Agrippinae, 1691. T. 15.
92. Il Compasso da navigare/A cura di B. R. Moltzo. Cagliari, 1947.
93. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/Ed. Gy Moravcsik, trans. by J. Jenkins. Washington, 1967.
94. Constantino Porfirogenito. De Thematibus/A cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952.
95. Długosz J. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1985. Lib. X.
96. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. München—Berlin, 1924—1965. T. 1—5.
97. Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi. Munksgaard—Kopenhagen, 1959.
98. Eubel G. C., Van Gulik L., etc. Hierarchia Catholica medii et recentioris aevi. Monasterii, Pifavii, 1913—1958. T. 1—6.
99. Georgius Cedrenus. Ioannis Scylitzae opera Bonnae, 1839. Vol. 2.
100. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca—London, 1982.
101. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliographica della Terra Santa. Firenze, 1906—1927. Vol. 1—5.
102. Ibn al-Faqih al-Hamadani. Abrégé du livre des pays/Trad. par H. Massé. Damas, 1973.
103. Ibn-i Bibi. El-Evamirü'l-Ala'iyye Fi'l-Umuri'l-Ala'iyye/Önsöz ve fihristi hazirliyan A. S. Erzi. Ankara, 1956.
104. Ioannis Tzaetzae Epistolae/Ed. P. Leone. Leipzig, 1972.
105. Ioannis Tzaetzae Historiae/Ed. P. Leone. Napoli, 1968.
106. Ioannis Zonarae Epitome historiarum libri XVIII. Bonnae, 1897. T. III (50).
107. Jaubert P.-A. La Géographie d'Edrisi. Amsterdam, 1975. T. 1—II.
108. Laonici Chalcocandylae Historiarum Demonstrationes/Ad rec. E. Darkó. Budapestini, 1922—1927. T. 1—2.
109. Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem. Bonnae, 1828.
110. Leonis Grammatici Chronographia. Bonnae, 1842.
111. Le Quien M. Oriens Christianus. Parisiis, 1740. T. 1—3.
112. Liudprands von Cremona. Die Werke/Herausgegeben von J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915.
113. Nicephori Gregorae Byzantina historia/A cura L. Schopeni. Bonnae, 1829—1830. Vol. 1—2.
114. Nicholas I, patriarch of Constantinople. Letters/Ed., trans. by R. Jenkins, L. Westerink. Washington, 1973.
115. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae/Text critique, notes par J. Darrouzès. Paris, 1981.
116. Peplo Ottuplo. Del Mar Nero/Ed. M. Canale. Genova, 1855.
117. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit/Erstellt von E. Trapp. Wien, 1976—1985. Fasc. 1—7.
118. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople/Par V. Grumel, V. Laurent et J. Darrouzès. Paris, 1932—1979. Vol. I. Fasc. 1—6.
119. Schiltberger J. Reisen aus München in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427/Von K. Neumann. München, 1859.
120. Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1866. Bd 3.
121. Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum/Ed. I. Thurn//CFHB. 1973. Vol. 5.
122. Sylvestre Syropoulos. Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople sur le concile de Florence (1438—1439)/Par V. Laurent. Paris, 1971.

123. The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis/Ed. by C. Raymond, C. Beazley. London, 1903.
124. Theophanus Continuatus. Chronographie. — Georgius Monachus. Vitae recentiorum imperatorum. — Symeon Magister. Annales a Leone Armenio ad Nicephorum Phocem.../Ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838.
125. I viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini/A cura di Lockhart, Morozzo della R. Rocca, M. F. Tiepolo. Roma, 1973.

ЛИТЕРАТУРА

126. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
127. Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. I.
128. Бадян В. В., Чиперис А. М. Торговля Каффы в XIII—XV вв.//Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 174—179.
129. Байер Г. География Российская из Константина Порфирородного. Спб., 1767.
130. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Симферополь, 1919.
131. Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.)//Древнейшие государства на территории СССР, 1980 год. М., 1981. С. 5—151.
132. Бобринский А. А. Херсонес Таврический. Спб., 1905.
133. Богданова Н. М. Акты Константинопольского патриархата XIV в. как источник по истории Херсона//Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1986. С. 87—97.
134. Она же. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII века//Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч. I. С. 42—63.
135. Она же. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
136. Она же. Херсон X—XV вв. по данным Notitiae episcopatum//Количественные методы в изучении истории стран Востока. М., 1986. С. 154—166.
- 136a. Она же. Херсонская церковь в X—XV вв.//Византия, Средиземноморский мир, Древняя Русь. М., 1991. С. 19—49.
137. Борисов А. А. О колебаниях климата Крыма за историческое время//Известия Всесоюз. географ. о-ва. 1956. Т. 88. Вып. 6. С. 532—541.
138. Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии//Труды первого археологического съезда в Москве 1869 г. М., 1871. Т. II. С. 365—403.
139. Он же. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879—1880. Ч. 1, 2.
140. Бурдак В. Д., Щеглов А. Н. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых черноморских рыб в античную эпоху//Эколого-морфологические исследования некоторых животных. Киев, 1966. С. 117—120.
141. Васильевский В. Г. Труды. Спб., 1908—1915. Т. 1—3.
142. Гермоген (Добронравин). Таврическая епархия. Псков, 1887.
143. Город и деревня в Византии в IV—XII вв. Коллективный доклад делегации советских ученых//XII Congrès International des études byzantines. Rapports I. Belgrade—Ochride, 1961. С. 1—44.
144. Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
145. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
146. Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь, 1927.
147. Губанов И. Г., Подгородецкий П. Д. Богатства недр. Геологический очерк и полезные ископаемые Крыма. Симферополь, 1966.
148. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
149. Еманов А. Г. Система торговых связей Кафы в XIII—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
150. Иречек К. И. История Болгар. Одесса, 1878.
151. История Византии. М., 1967. Т. 1—3.

152. Каждый А. П. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960.
153. Он же. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974.
154. Он же. Центроостремительные и центробежные силы в византийском мире (1081—1261). Социальная структура византийского общества//XV Congrès International des études byzantines. Rapports et corapports. I. Histoire. Athènes, 1976. С. 3—28.
155. Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1817. Т. 1—5.
156. Карпов С. П. Торговля итальянских морских республик в Южном Причерноморье в XIII—XV вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1985.
157. Он же. Торговля итальянских морских республик в Южном Причерноморье в XIII—XV вв.; Дис. ... докт. ист. наук. М., 1986. Т. 1, 2.
158. Он же. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.
159. Кеппен П. И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. Спб., 1837.
160. Он же. О происхождении, языке и литературе литовских народов. Спб., 1827.
161. Ключевский В. О. Курс русской истории//Соч. 1956. Т. 1.
162. Кондаки В. Х. В память столетия Крыма. М., 1883. Т. 1—5.
163. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей//Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1899. Кн. XIII. Отд. 2. С. 94—168.
164. Он же. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
165. Куник А. А. О записке готского топарха. Спб., 1874.
166. Курбатов Г. Л. История Византии. Историография. Л., 1975.
167. Он же. История Византии. От античности к феодализму. М., 1984.
168. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
169. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
170. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081. М., 1977.
171. Он же. Особенности византийского и болгарского феодализма в конце XII—XIV вв. К проблеме типологии феодализма//Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 52—60.
172. Лишев С. Българският средновековен град. Обществено-икономически облик. София, 1970.
173. Манкиев А. И. Ядро российской истории. М., 1770.
174. Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
175. Мурзакевич Н. Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
176. Нарушевич А. Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших дней. Киев, 1788.
177. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
178. Нил А. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. Ярославль, 1862.
179. Панов В. Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина//Actes du XV Congrès International des études byzantines. Athenes, 1980. Т. 4. С. 268—274.
180. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
181. Пашуто В. Т., Рыбаков Б. А. О корпусе древнейших источников по истории народов СССР. М., 1974.
182. Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.
183. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1.
184. Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования/Под ред. Е. М. Жукова. М., 1975.
185. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. М., 1986.
186. Сванидзе А. А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985.

- 186а. Секиринский С. Очерки истории Сурожа XI—XV вв. Симферополь, 1955.
187. Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии. Спб., 1806. Т. 1, 2.
188. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Спб., 1887.
189. Соболевский А. И. Два слова о «корсунских» предметах//Труды Новгородского церковно-археологического общества. 1914. Т. 1. С. 59—66.
190. Соловьев С. М. История России с древнейших времен в 15-ти книгах. М., 1959. Кн. I. Т. 1—2.
191. Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
192. Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963—1964. Т. 2.
193. Тихий М. Анчоус Херсонеса Таврического//Вестн. рыбной промышленности. 1917. № 1—3. С. 1—41.
194. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
195. Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
196. Она же. Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1081—1261). Социально-экономические аспекты проблемы//XV-e Congrès International d'études byzantines. Rapports et co-rapports. I. Histoire. Athenes, 1976. С. 1—36.
197. Успенский Ф. И. Византийские владения на северном берегу Черного моря//Киевская старина. 1889. № 5—7. С. 253—294.
198. Он же. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929.
199. Он же. Русь и Византия в X в. Одесса, 1888.
200. Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978.
201. Фрейденберг М. М. О специфике городского ремесла в Далматинской Хорватии XIII—XIV вв.//УЗ Псковского гос. пед. ин-та. 1966. Вып. 32. С. 58—74.
202. Он же. Ремесло в Трогире в XIII в.//УЗ Великолукского гос. пед. ин-та. 1964. Вып. 24. С. 126—151.
203. Он же. Экономико-социальная структура средневековой Далмации в XIV—XV вв.//Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 78—83.
204. Хартахай Ф. Христианство в Крыму. Симферополь, 1864.
205. Чудотворный образ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайского. М., 1860.
206. Там же. Комментарий.
207. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв.//Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3.
208. Штриггер И. Известия византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен и переселения народов. Спб., 1770—1775. Ч. 1—4.
209. Он же. История Российского государства. Спб., 1800. Ч. 1.
210. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Спб., 1901. Т. 1, 2.
211. Ahrweiler H. Byzance et la Mer. Paris, 1966.
212. Eadem. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX—XI-e ss. Paris, 1960.
213. Annales Polonorum. Krakow, 1585.
214. Balard M. La Romanie Génoise. Roma; Genova, 1978. Vol. 1, 2.
215. Beauplan G. L. Description d'Ukraine. Rouen, 1660.
216. Beccatini F. Storia della Crimea piccola Tartaria. Venezia, 1785.
217. Beck H. G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959.
218. Brătianu G. I. La Mer Noire. München, 1969.
219. Idem. Privilèges et franchises municipales dans l'Empire Byzantin. Paris; Bucarest, 1936.
220. Eodem. Recherches sur le Commerce Genoïse dans la mer Noire au XIII s. Paris, 1929.
221. Bronowski M. Tartariae descriptio. Leyden, 1630.
222. Bryer A. Shipping in the Empire of Trebizond//The Mariner's Mirror. London, 1966. T. 52. N 1. P. 3—12.

223. Cahen C. *Orient et Occident au temps des Croisades*. Paris, 1983.
224. Canale M. G. *Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri*. Genova, 1855—1856. T. 1—3.
225. Charanis P. *Studies on the demography of the Byzantine Empire*. London, 1972.
226. Cromerus M. *De origine et rebus gestis polonorum*. Basiliae, 1555.
227. Dieter L. *Struktur und Gesellschaft des Chazaren—Reiches im Licht der schriftlichen Quellen*. Münster, 1982.
228. Ditten H. *Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles*. Berlin, 1968.
229. Dunlop D. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton, 1954.
230. Fallmerayer J. *Geschichte des Kaisertums von Trapezunt*. München, 1827.
231. Fedalto G. *La chiesa Latina in Oriente*. Verona, 1973—1978. Vol. 1—3.
232. Foss C. *Archaeology and the twenty Cities of Byzantine Asia//American Journal of Archaeology*. 1977. Vol. 81. P. 469—486.
233. Idem. *Byzantine Cities of Western Asia Minor*. Massachusetts, 1972.
234. Giustiniani A. *Annali della repubblica di Genova*. Genova, 1854. Vol. II.
235. Grierson Ph. *Byzantine coins*. London, 1982.
236. Guillou A. *La civilisation byzantine*. Paris, 1974.
237. Guillard R. *Recherches sur les institutions byzantines*. Berlin, 1967. Vol. 1, 2.
238. Gvagnino A. *Rerum Polonicarum*. Francofurti, 1584.
239. Hendy M. *Byzantium, 1081—1204. An economic reappraisal//Transactions of the royal historical society*. London, 1970. Vol. 20. Ser. 5. P. 31—52.
240. Idem. *Studies in the Byzantine monetary economy (C. 300—1453)*. Cambridge, 1985.
241. Heyd W. *Histoire de commerce du Levant en Moyen-Age*. Leipzig, 1885—1886. T. 1, 2.
242. Hocquet J. *Le Sel et la Fortune de Venise*. Lille, 1982. T. 1, 2.
243. Hrochová V. *Aspects sociaux et économiques de la décadence des villes byzantines à l'époque des Paléologues//Actes du XIV-e Congrès Intern. des études byzantines*. Bucarest, 1975. T. II. P. 127—131.
244. Eadem. *Byzantská města ve 13—15. století*. Praha, 1967.
245. Hunger H. *Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. 1, 2.
246. Kirsten E. *Die byzantinische Stadt//Berichte zum XI. Intern. Byzantinistenkongress*. München, 1958. Bd 5. S. 1—48.
247. Kriesis A. *Greek town building*. Athens, 1965.
248. Krumbacher K. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. München, 1897.
249. Laurent V. *Le corpus des sceaux de l'empire Byzantin*. 1981. Vol. 2.
250. Litvanus M. *De moribus tartarorum*. Basiliae, 1615.
251. Loenertz R. *Les Missions Dominicaines en Orient au XIV-e s. et la Société des Frères Pèlerins pour le Christ//Archivum Fratrum Praedicatorum*. 1932. T. 2. P. 1—83; 1933. T. 3. P. 5—55.
252. Malowist M. *Kaffa-kolonia genuńska w Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475*. Warszawa, 1947.
253. Matschke K.-P. *Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert*. Berlin, 1971.
254. Matteucci G. *La missione. Francescana di Costantinopoli*. Firenze, 1971.
255. Miller J. *Sammlung russischer Geschichte*. Spb., 1732. Bd 1.
256. Munstero S. *Cosmographia universale*. Basel, 1559.
257. Mustafa ibn abd Allah. *Ksiega podróży Ewlji Czelebiego*. Warszawa, 1969.
258. Nystazopoulou M. *Venise et la Mer Noire du XI-e au XV-e ss.//Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Firenze, 1973. Vol. 1. Parte II. P. 541—582.
259. Olearius A. *Ausführliche Beschreibung der Kundbaren Reise nach Moskau und Persien*. Holweihj, 1663.
260. Patterson R. *Spinning and weaving//A History of Technology*. Oxford, 1957. P. 191—220.
261. Primaudaie E. de la. *Études sur le commerce du moyen âge*. Histoire

- du commerce de la Mer Noire et des colonies génoises de la Crimée. Paris, 1848.
262. Richard J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIII—XV ss.). Paris, 1977.
263. Sabatier J. Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862.
264. Saulcy F. de. Essai de classification des suites monétaires byzantines. Metz, 1836.
265. Schreiner P. Zur Geschichte Philadelphieas im 14. Jahrhundert (1293—1390)//*Orientalia Christiana Periodica*. 1969. T. 35. S. 375—431.
266. Sevcenko I. The Christianization of Kievan Rus//*The Polish Review*. 1960. N 5. P. 4—35.
267. Smedley J. Trade in Cherson, 6—10-th centuries//*Actes du XV-e Congrès Intern. d'études Byzantines*. 1980. T. 4 (Histoire). P. 291—297.
268. Soranzo G. *Il Papato, l'Europa cristiana e gli Tartari*. Milano, 1930.
269. Strykowskiego Macieja *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkija Rusi*. Warszawa, 1846.
270. Thiriet F. *La Romanie Vénitienne au moyen âge*. Paris, 1959.
271. Thounmann M. *Description de la Crimée*. Strasbourg, 1786.
272. Tomaschek W. *Die Goten in Taurien*. Vienna, 1881.
273. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, 1936.
274. Vigénère B. de. *La discription du Royaume de Pologne et pays adjacens*. Paris, 1573.

РИМСКИЙ ПАПА МАРТИН I И ЕГО ПИСЬМА ИЗ КРЫМА (статья, перевод, комментарий)

Два небольших письма, отправленных в 655 г. римским папой Мартином I (649—654, ум. 655) из Херсона в Крым, где он находился в изгнании, своим друзьям в Константинополь, принадлежат к числу важнейших источников по истории византийского Крыма¹. Сообщаемые в них сведения об экономике региона, о торговле и ценах, о вероисповедном состоянии Херсона в середине VII в. уникальны. Письма имеют также немалое значение для исследования истории религиозной и политической борьбы в империи в годы правления Константа II (641—668). Наконец, они необходимы для воссоздания жизненного пути и характеристики личности самого папы Мартина I — одного из наиболее значительных церковно-политических деятелей VII в.

Историки и археологи, изучающие раннесредневековый Крым, систематически используют письма папы Мартина I. Когда по тем или иным причинам подлинный текст оказывается недоступным исследователям, письма обычно цитируют по выборочному переводу С. П. Шестакова². С. П. Шестаков в своей статье о папе Мартине дал полный перевод одного письма, второе же привел фрагментарно. При этом перевод Шестакова, сам по себе очень хороший, иногда несколько литературен и поэтому не вполне адекватен источнику. Этими обстоятельствами, а также необходимостью подготовить подробный комментарий к целому ряду мало-понятных или спорных положений, встречающихся в письмах папы Мартина, и продиктована предлагаемая читателю работа.

Для правильной интерпретации текста писем необходимо иметь представление о личности их автора, а также о тех причинах, вследствие которых папа Мартин I в конце своей жизни оказался в Херсоне³.

Мартин I, уроженец г. Тудер в Умбрии, занял папский престол 5 июля 649 г. Он встал во главе римской церкви в эпоху, когда господствующей религиозной доктриной в Восточной империи являлось монофелитство, а папский Рим играл роль оплота православной ортодоксии. Первой же крупной политической акцией нового римского понтифика стал созыв церковного собора с целью осуждения монофелитства. Латеранский собор, состоявшийся в сентябре 649 г., проклял основателей монофелитства и его действующих лидеров (в том числе тогдашнего константинопольского патриарха Павла) и осудил принятый в 648 г. императорский

эдикт «τόλος τῆς πίστεως», воспрещавший полемику о наличии единой воли у Христа⁴.

Равеннский экзарх Олимпий, направленный в Италию императором Константином II с тем, чтобы воспрепятствовать проведению собора и арестовать папу Мартина I, не смог выполнить этих предначертаний и, убедившись в тщетности своих надежд на успех, вступил с папой в союз, а затем отложился от империи. В течение почти четырех лет (649—653) Олимпий и Мартин самостоятельно правили в Италии, не подчиняясь Константинополю ни в политическом, ни в церковном отношении.

Этот беспрецедентный период независимости Византийской Италии от Византии завершился в 653 г. гибелью Олимпия во время эпидемии, охватившей его армию в ходе войны с сарацинами. В создавшейся ситуации Мартин I не смог воспротивиться вступлению в Рим с войском нового равеннского экзарха Феодора Каллиопы (15 июня 653 г.), получившего от императора задание привести Италию к покорности. Вскоре папа Мартин I был арестован Каллиопой и выслан в Грецию, где в голоде и лишениях, мучимый недугами, провел в заключении около года (большую часть времени — на о. Наксос).

17 сентября 654 г. он был привезен в Константинополь, где 19 декабря в императорском синклите под председательством сакеллария Вуколсона состоялся суд над мятежным римским понтификом. Мартин I в богословском и психологическом плане был готов к дискуссии о монофелитстве, однако его судили не как еретика, а как политического преступника, изменившего императору. Он был приговорен к смертной казни, подвергнут соответствующей унижительной процедуре на константинопольском ипподроме и брошен в тюрьму в ожидании смерти, но спустя несколько дней помилован по ходатайству патриарха Павла. Проведя в темнице еще несколько месяцев, он в конце марта 655 г. был отправлен в ссылку в Таврику, в г. Херсон, где и скончался 16 сентября 655 г.

На протяжении всего своего понтификата Мартин I проявлял непоколебимую последовательность в отстаивании ортодоксальных христианских взглядов, был тесно связан с наиболее видными вождями византийского православия (Максимом Исповедником, Стефаном из Доры и др.), демонстрировал незаурядное мужество в борьбе с официальным Константинополем. Будучи арестован, он ни на йоту не отступил от своих принципов ни в ходе допросов, ни на суде, ни на ипподроме, ни в заключении, ни в ссылке. Все это создало ему огромный авторитет в ортодоксальной среде как на Западе, так и на Востоке. Для иллюстрации этого положения достаточно упомянуть такой неординарный факт: мученический подвиги Мартина I, посвященный подвижничеству Мартина, был написан одним из его сторонников еще при жизни папы⁵. Всяду, где находился арестованный папа, местные непримиримые антимонофелиты изыскивали возможность установить с ним контакты. Сведения о его поведении в плену, его письма, протоколы допросов сразу же становились известны широкому кругу христиан, распространялись и пе-

реписывались. Так, по-видимому, было и с письмами из Крыма: первое из них цитирует составитель упомянутого мартирия. Можно предполагать, что кроме двух сохранившихся писем папа отправил из Херсона по крайней мере еще одно послание: в мартирии указывается, что Мартин писал из Крыма о своих невзгодах, причем «...не только о страданиях телесных, но и о притеснениях со стороны местных жителей и правителей... видимо, по указанию правящих в Византии»⁶. Однако в дошедших до нас письмах папа не высказывает подобных предположений и не жалуется на притеснения властей.

В последние месяцы жизни, находясь в Крыму, Мартин постоянно болел (его мучила подагра, а возможно, и дизентерия, которой он заразился еще на корабле по пути из Италии в Грецию). Он был истощен и измучен полуторагодовым заключением. Однако до самой своей смерти оставался врагом монофелитства и сохранял полную уверенность в правильности своей политической линии, о чем свидетельствует последнее письмо, написанное им за несколько дней до кончины.

Согласно данным письменных источников, папа был похоронен в «некрополе святых» (*inter tumulos sanctorum*) «в прекрасном доме Девы Марии, именуемой Влахернской, за стенами, на расстоянии стадия от благословенного города Херсона»⁷. В дальнейшем эти сведения о месте захоронения Мартина I переходят в греческие синаксари.

В 1902 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил и исследовал храм, расположенный среди христианского некрополя к югу от городских стен Херсонеса. Храм, принадлежавший небольшому загородному монастырю, несомненно, служил усыпальницей местных христианских деятелей. Он отличался великолепным декором, и его мозаичный пол, являющийся блистательным произведением искусства, в настоящее время перемещен во дворик перед главным зданием Херсонесского государственного музея-заповедника и выставлен там для обозрения. Многочисленные совпадения характеристик этого археологически выявленного храма с указаниями письменных памятников позволили Д. В. Айналову заключить, что Косцюшко-Валюжинич нашел загородный храм Богородицы Влахернской, в котором был некогда похоронен папа Мартин⁸. В советское время к той же точке зрения присоединился А. Л. Якобсон⁹. Он исходил из того, что загородный храм был построен в конце V — начале VI в. и с самого начала служил усыпальницей. Айналов считал возможным датировать храм временем до 659 г. (год смерти Св. Элигия, видевшего усыпальницу папы Мартина). По его мнению, собственно погребальный склеп («мемория») папы Мартина находился вблизи восточной стены храма и соединялся с ним переходом, для чего в восточной ветви креста, образованного архитектурным планом здания, была сделана дверь.

С Айналовым и Якобсоном не согласился О. И. Домбровский, проводивший в 1953 г. археологическое обследование субструкций загородного храма. На основании находки в кладке здания моне-

ты имп. Романа I (920—944) и обнаружения осколков керамики поздневизантийского времени он датирует загородный храм временем не ранее X в.¹⁰ Однако под полом загородного храма и земляной насыпью, на которой он базировался, Домбровский выявил остатки миниатюрного базиликального храма конца V—начала VI в. Он был расположен в центре небольшого некрополя, первоначально языческого, затем превращенного в христианский. В личной беседе с автором данной статьи (6 июля 1985 г.) О. И. Домбровский высказал предположение, что именно этот ранний храмик стал в VII в. усыпальницей папы Мартина I. Таким образом, показательно, что, несмотря на различия в датировке комплекса, исследователи, изучавшие загородный храм Херсонеса, единодушно связывают его с памятью папы Мартина I.

Вообще же, несомненно, что уже вскоре после смерти папы его память в Херсоне была окружена большим почитанием. В «Житии св. Элигия», написанном в VII в. неким Авденом, говорится об «усыпальнице великого мужа, которая как на Востоке усиленно посещается, так и Западом не предается забвению»¹¹. Папа Григорий II в письме к императору Льву III Исавру отмечал, что к мавзолею блаженного Мартина «стекается Боспор и весь Север и обитатели Севера»¹² с тем, чтобы исцелиться от болезней. Еще в 1598 г. кардинал Бароний сообщал о разговоре с одним католиком, который постоянно проживал на Востоке и рассказал, что «...и до сего дня почитается память Св. папы Мартина греками, и большие толпы народа собираются к его могиле, чтобы получить благодать излечения»¹³. Существует, однако, версия, согласно которой прах папы Мартина I был вывезен из Херсона в Рим, и его мощи якобы по сей день хранятся в специально освященной в его честь церкви Св. Мартина на Холмах (S. Martino ai Monti)¹⁴. Наконец, следует отметить, что в Крыму культ Мартина как одного из «таврических чудотворцев» вновь активизировался после падения Крымского ханства. В 1868 г. в Инкерманской киновии (пещерном монастыре) был освящен престол в честь св. Мартина в древнем выдолбленном в стене храме, сохранившемся до настоящего времени. День «Св. Мартина, епископа римского, мученика Инкерманского» отмечается 14 апреля по ст. ст.¹⁵.

* * *

Перевод двух писем папы Мартина I, написанных им в Кр., выполнен по изданию: PL. 87. Col. 201—204. Имея в виду возможность использования источника профессионалами — археологами и историками, переводчик стремился оставаться как можно ближе к подлинному тексту, практически не подвергая перевод литературной обработке. Помимо всего прочего, это позволяло передавать по-русски и некоторые стилистические погрешности подлинника. В тех редких случаях, когда для связности русского текста возни-

кала необходимость ввести в него то или иное слово, отсутствующее в оригинале, оно заключалось в квадратные скобки.

Хотелось бы выразить глубокую признательность за помощь, оказанную при подготовке данной публикации, сотрудникам Херсонесского государственного историко-археологического музея-заповедника, а также А. И. Романчук, О. И. Домбровскому, Д. А. Дрбоглаву.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письма опубликованы в собраниях: Mansi J. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio... T. X. Florentia, 1764. Col. 861—864 (далее — Mansi. X. Col. ...); Migne J. Patrologiae cursus completus... Ser. latina. T. 87. P., 1851. Col. 201—204 (далее — Pl. 87. Col. ...). Оба издания использованы при подготовке данной публикации.

² Шестаков С. П. Папа Мартин I в Херсоне//Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках по Р. Хр. (Памятники христианского Херсонеса. Вып. III). М., 1908. С. 115—117.

³ О жизни и деятельности папы Мартина I см.: Grizag H. Una vittima del despotismo bizantino. Papa S. Martino I (649—654/655)//Civiltà cattolica. LVIII. Roma, 1907. P. 272—275, 656—666; Peitz W. M. Martin I und Maximus Confessor. Beiträge zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645—668//Historisches Jahrbuch. Bd 38. Hft. 2—3. München, 1917. S. 213—336, 429—458; Michael E. Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen?//Zeitschrift für katholische Theologie. 1892. 16. S. 375—380.

⁴ Материалы собора опубликованы: Mansi. X. Col. 863—1188; Concilium Lateranense a. 649 celebratum/Ed. R. Riedinger. Acta Conciliorum Oecumenicorum. Series secunda. Vol. I. B., 1984.

⁵ Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae...//Mansi. X. Col. 853—861; PL. 87. Col. 111—120. Об этом свидетельствует композиция заключительной части памятника: текст завершается рассказом о ссылке папы и традиционным для концовки жития обращением к читателям, затем следует приписка о смерти папы в Херсоне.

⁶ Commemoratio... Col. 860.

⁷ Scholion sive Hupomnesticum//PL. 129. Col. 686. Памятник представляет собой свод нескольких кратких мартириев ортодоксальных борцов против монофелитства: Максима Исповедника; папского апокрисиария Анастасия, умершего в изгнании в Лазике; братьев Феодора и Евпрения, находившихся в ссылке в Херсоне одновременно с Мартином I. Идентичные данные о погребении папы Мартина I содержатся в Commemoratio... Col. 861.

⁸ Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе//Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXV. 1915. С. 67—88.

⁹ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес//МИА. 1959. № 63. С. 202. Домбровский О. И. О полевых археологических исследованиях заго-о крестового храма Херсонеса (Архив Херсонесского государственного му-708, I—III. л. 57—60, 92). См. возражения А. Л. Якобсона: Указ. соч. —207.

PL. 87. Col. 506; см. также: Айналов Д. В. Указ. соч. С. 18.

PL. 89. Col. 520.

³ Varonius C. Annales ecclesiastici. Moguntiae, 1604. T. VIII. App. 654.

¹⁴ Grizag H. Op. cit. P. 656. Отсюда — предположение издателя Ж. Ми-что херсонитам удалось оставить себе для поклонения часть мощей папы Мартина (PL. 87. Col. 110).

¹⁵ Струков Д. М. Жития святых таврических (крымских) чудотворцев. М., 1882. С. 6, 24—29.

Извещаем родственную милость Вашу², брат и господин, что после того, как мы отправились от [места], именуемого Иерон³, из Константинополя, плывя в святую пятую ферию Трапезы Господней⁴, мы миновали Фарос⁵ и, проходя мимо различных мест, в майские иды⁶ прибыли в Херсон⁷. Итак, [письмо] носец⁸, который вручает Вам настоящее письмо, через 30 дней после нас прибыл в Херсон из области Византия⁹. И возрадовались мы его приходу, полагая, что средства, присланные нам из Италии, которые с его приездом должны были облегчить нашу участь, находятся уже на этой земле. Но когда спросили, то узнали у него, что ничего он не привез сюда из Италии, и удивился я и даже за то восславил Бога, что он как ему ведомо распределяет несчастья наши; особенно поскольку голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят¹⁰. Поэтому, если нам не пришлют содержания из этой страны или из области Понта¹¹, жить здесь мы вовсе не сможем. Ибо дух бодр, плоть же немощна, как ты и сам знаешь. Ведь в этой стране невозможно ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание. Поэтому, если, как сказано, сюда будут присланы оттуда хлеб и вино или оливковое масло и всякое иное прочее, поторопись, как можно скорее, переслать все это нам¹². Ибо я полагаю, что не сделал ничего столь дурного тамошним священнослужителям, а также тем [людям], кои пребывают в той церкви¹³, чтобы они до такой степени презрели веление Господа: ведь главное, что когда апостол писал филиппийцам, благодаря их за то, что и раз, и два они присылали на нужду ему в Фессалонику¹⁴, то добавил: «Я получил все и избыточествую» (Филипп. IV. 13)¹⁵. Если уж чужеземцев там, то есть в Риме, так подкрепляет Святой Петр¹⁶, то что же говорить о нас, являющихся его собственными рабами¹⁷, служившими ему, по крайней мере, до сего времени и пребывающими в подобном изгнании и [толикой] скорби? Я все же поставил в известность Вашу милость о кое-каких вещах, которые должны быть там куплены; и прошу, чтобы обычным образом, как сам разумеешь, ты бы позаботился об их приобретении и отправке нам¹⁸ ради многих наших нужд и многочисленных недугов.

Имеем единственное желание: всегда утешать своими посланиями Вашу милость и избавлять Вас¹ от волнения, которое Вы [испытываете] из-за нас: вместе с Вами же и всех священнослужителей² и братьев наших, кои, ради Господа, имеют о нас попечение. Вот и сейчас пишу Вам о том, что стесняет нас. Говорю правду, во имя Христа, Бога нашего. Ибо, будучи удалены от всякой земной суеты и освобождены от наших грехов, ныне мы лишены и самой жизни³. Ведь те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь⁴; они не имеют совершенно никакой человечности, кою природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в нередко [проявляемом] ими сострадании. Ведь знает Бог, что если бы не с суденышек, которые приходят из пределов Романии, как ее называют те, что здесь живут, именуя, стало быт, страну греков Понтийской землей...⁵ Так вот, ни разу не смог бы я купить хлеба, происходящего из этой страны, хоть на тремиссиях⁶, так же, как и других продуктов какого-либо рода, если бы, повторяю, не с суденышек, кои изредка заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли⁷. Так мы могли приобретать три или четыре модия⁸ за номисму вплоть до нынешнего месяца сентября. Но до сих пор мы не смогли купить [зерна] из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия⁹. Право, удивлен я был и дивлюсь поныне черствости и безжалостности всех, кои некогда находились в моем подчинении, и друзей моих, и близких, ибо они начисто забыли о моем несчастье, и, как я понимаю, не желают знать, есмь я на земле или нет меня. Много же более удивляюсь тем, кои пребывают в церкви Святого апостола Петра, ибо они забываются о теле и о плоти своей настолько больше, чем о нашей к ним любви, что бросили нас без попечения. По крайней мере — в отношении телесной потребности и ежедневного обеспечения... Ну даже если церковь Святого Петра не имеет золота, то ведь хлеба и вина и других необходимых припасов она, по милости Божьей, не лишена, чтобы не позаботиться хотя бы об умеренном пропитании¹⁰. Какое, ты думаешь, мы представим свидетельство перед судом Христа обо всех обвинявших нас и утративших разум людях, кои созданы из одного и того же комка праха?¹¹ Что за ужас обрушился на людей, принудив их не выполнять веления Бога, или страх, там где и нету страха? Или распространяют на нас гонения духи зла? Или я проявил себя врагом всяческого благополучия церкви и ее противником? Истинно, пусть Бог, кой желает всем спастись и прийти к уразумению истины при посредничестве Святого Петра, утвердит сердца их в православной вере и укрепит против любой еретической и враждебной нашей церкви лич-

ности¹² и сохранит непоколебимыми, особенно же пастыря¹³, который ныне оказывается во главе ее, чтобы нигде не оступившись, не отклонившись и не покинув того, что они письменно засвидетельствовали перед лицом Бога и его святых ангелов¹⁴, [все] они, вплоть до какого-либо [самого из них] ничтожного, вместе с моей униженностью получили бы корону справедливой веры православной из рук Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа! О бременном же сем теле моем позаботится и сам Господь, как угодно будет ему распорядиться, и в непрестанных мучениях, и в незначительном утешении. Ибо Господь близко, и чего же я беспокоюсь? Конечно, я уповаю на его милосердие в том, что не замедлит завершить мой путь, кой он предназначал. Да здравствуют во Господе [все] Ваши и все, кто из любви к Богу сочувствует моим узам¹⁵. Да предохранит Вас Всевышний Бог мощной рукою от всякого наказания и спасет во царствии своем!¹⁶

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМО XVI

¹ При переводе и комментировании сохраняется общепринятая нумерация писем папы Мартина I.

² Адресат письма — один из константинопольских единомышленников папы Мартина I. Издатели текста (И. Манси, а за ним Ж. Минь) не претендовали на решение вопроса об авторстве письма, озаглавив его: «Ad quemdam sibi charissimum. De exciliis sui calamitate» (Кому-то для него дражайшему. О его страдании в ссылке). Данное заглавие обязано своим происхождением тексту «Compendioratio», автор которого отмечал, что папа, по прибытии в Херсон, «через несколько дней написал письмо в Византий кому-то для него дражайшему» (col. 860). Возможно, что сторонники папы Мартина I в столице скрывали имя его корреспондента из конспиративных соображений. Приказной тон, прорывающийся время от времени в письмах Мартина I из Херсона (оба они, конечно, адресованы одному и тому же человеку), наводит на мысль, что папа имел право давать поручения адресату: последний, вероятнее всего, принадлежал к его пастве. Он свободно владел латинским языком, так как не только читал письма папы, не знающего по-гречески, но и сам писал по-латыни. В Константинополе он играл роль посредника между Мартином I и римской курией: предполагалось, что именно он, находясь в столице империи, будет получать все, присылаемое для Мартина I из Италии, и переправлять далее, в Крым; он же должен был пересылать из Крыма просьбы и пожелания папы Мартина. Исходя из всего этого, можно видеть в получателе писем одного из сотрудников папского представительства («апокрисариата») в Константинополе. Видимо, он принадлежал к числу тех священнослужителей-латинян, которые не проявили открытой нелояльности к религиозной политике правительства, а потому не подверглись репрессиям и сохранили возможность пользоваться традиционными дипломатическими каналами для пересылки корреспонденции, вещей и денег между Константинополем и Римом. Известно, что Мартин I до избрания на папский престол сам был римским апокрисарием в столице Византии, и в аппарате папского представительства могли сохраниться не только бывшие его подчиненные, но и лично преданные ему люди (Le Liber Pontificalis. Texte, intr. et comm. par L. Duchesne. P., 1886. T. I—II. P. 336 — далее LP).

³ Иерон — местечко на берегу пролива Босфор. В византийской метонимии, известной по ряду поздних списков (XIV—XVIII вв.), говорится: «Пропοντιδες δυο, η μεν κατὰ τὴν Ἀβυδον, ἑτέρα δε η κατὰ τὸ Ἱερὸν καὶ Ψαμμαθιον» (Существуют две Пропонитиды. Одна находится напротив Авидоса;

другая же — напротив Иерона и Псамматия) (Hieroclis Synecdemus/Rec. A. Burckhardt. Lpz., 1893. P. 62). Иерон, видимо, располагался в самом узком месте Босфора, и этот проход также иногда назывался Иерон. В «Географике» пизанца Гвидо (компиляция XII в.) сказано: «Qui Pontus ad exteriorem partem per magnum angustum quod Hieron dicitur ad Propontidem influit» (Ктои Понт струится наружу через большую теснину, именуемую Иерон) (Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica/Ed. M. Pinder et G. Parthei. B., 1860. P. 548). Наряду с Авидосом Иерон был одним из двух пунктов в проливе Босфор, где взымались пошлины с проплывающих кораблей (Theophanis Chronographia. Rec. C. de Boor. Vol. I. Lpz., 1883. P. 475). Здесь находилась резиденция «комита черноморского устья» (κρίτης στενῶν τῆς Ποντικῆς θαλάσσης) (Ioannis Malalae Chronographia/Ed. L. Dindorfii. Bonnae, 1831. P. 432). В новое время Иерон стал называться Анатоли-Кавак (Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Спб., 1893. Вып. II. Жития Св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. С. CXLI).

⁴ Фериин (Feriae) — в древнеримском календаре официальные праздничные дни, посвященные различным богам. Трапеза Господняя (Coenum Domini) — Тайная Вечеря. Она приходилась на страстной четверг, т. е. на пятый день «Великой седмицы» — недели Великого Поста перед Пасхой. О понятии «quinta feria» см., напр., анонимный труд IX в. по пасхалистике «Liber de Computo» (PL. 129. Col. 1352): «5 Fer. quam Coena Domini vocamus» (Пятая ферия, кою именуем Трапеза Господняя). В 655 г. Пасха приходилась на 29 марта по старому (юлианскому) стилю, соответственно Страстной четверг — на 26 марта.

⁵ Фарос — так именовался маяк недалеко от Константинополя, о котором сообщает Продолжатель Феофана (Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus/Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 19). С. П. Шестаков был уверен, что Мартин I говорит здесь о другом, херсонесском, Фаросе, известном из «Хронографии» Феофана (Шестаков С. П. Папа Мартин I в Херсоне... С. 116). В рассказе о бегстве ссыльного императора Юстиниана II из Крыма Феофан сообщает: «Юстиниан прошел маяк (φάρος) Херсона» (Theophanis Chronographia... P. 373). Этот маяк, вероятно всего, находился на нынешнем Маячном мысу — крайней выдающейся в море точке суши вблизи херсонесского порта. Из перевода, предлагаемого С. П. Шестаковым, действительно, следует, что речь идет об этом маяке: «...проходя различные местности, миновали мы Фар 15 мая и прибыли в Херсон» (Шестаков С. П. Указ. соч. С. 116). В этом случае, в самом деле, получается, что корабль, везший в изгнание папу, миновал Фарос в конце, а не в начале пути. Но текст письма допускает и иное истолкование. В подлиннике Мартин I так пишет о своем путешествии: «...postquam egressi sumus ex eo quod Jeron dicitur a Constantinopoli, navigantes sancta quinta feria Coenae Domini, pertransivimus Phagum, per diversa loca transmeantes Idibus Majis, et Chersonem pervenimus».

Сочетание «pertransivimus Phagum» (мы миновали Фарос), очевидно, может быть здесь связано как с началом, так и с окончанием фразы, и тогда получится либо, «плывя в святую пятую ферию Трапезы Господней, мы миновали Фарос», либо «мы миновали Фарос, проходя мимо различных мест в майские иды, и прибыли в Херсон». Первый вариант представляется более предпочтительным. Во-первых, он более обоснован филологически, потому что позволяет трактовать первую часть периода как правильное сложноподчиненное предложение: «...после того как мы вышли... плывя... мы миновали...» Во-вторых, вблизи столицы Мартин, несомненно, проезжал мимо известного всем константинопольского маяка под названием Фарос. Поэтому, отправляя письмо корреспонденту, находящемуся в Константинополе, папа не мог упомянуть о каком-то другом Фаросе без всяких объяснений, так как рисковал быть непонятым адресатом. Поэтому можно считать наверняка, что папа говорит в своем письме именно о константинопольском маяке.

⁶ Иды — в древнеримском календаре один из срединных дней месяца, приблизительно соответствующих полнолунию. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на 15-е число, в остальные месяцы — на 13-е. Таким образом, в тексте упоминается 15-е мая. Издатель Минь приводит текст в следующей пунктуации: «...per diversa loca transmeantes Idibus Majis, et Chersonem pervenimus». В таком случае следовало бы переводить: «...проходя мимо различ-

ных мест в майские иды, мы и прибыли в Херсон». Но тогда точная датировка теряет всякий смысл: ясно, что и в любой другой день путешественники проплывали «мимо различных мест». Поэтому несомненно, что папа называет здесь день своего приезда в Херсон, и в тексте следует ставить запятую перед сочетанием «Idibus Majis». Получается «и 15-го мая прибыли в Херсон». Из первой фразы нам известно, что 26 марта корабль, на борту которого находился папа Мартин, миновал Фарос вблизи Константинополя. Скорее всего, это случилось в день отъезда из столицы. Вообще, резонно думать, что папа называет дни отплытия из Константинополя и прибытия на место, а не случайный день, когда корабль миновал Фарос. Следовательно, Мартин I находился в пути с 26 марта по 15 мая 655 г., т. е. в течение 50 дней.

⁷ Текст письма не позволяет однозначно решить вопрос о том, каким путем прибыл в Херсон корабль с папой Мартином на борту. Возможны два варианта: путь вдоль берегов Фракии к устью Дуная и далее, вдоль северного берега Черного моря, в Херсон, а также путь вдоль Малоазийского побережья до мыса Карамбий (Керемпе) западнее Синопа, здесь — переправа через Понт к мысу Криву Метопон (совр. Сарыч или Бараний Лоб) и краткое путешествие вдоль крымского берега на запад к Херсону.

Оба маршрута были хорошо освоены мореходами. Северопонтийский вариант фигурирует в ряде периплов и общих географических трудов как в эпоху античности, так и в раннее средневековье (у Псевдо-Скиллака, Псевдо-Арриана, у Равеннского Анонима и т. д.). Что касается пути в Крым напрямик — через море от мыса Карамбий, то еще Страбон указывал, что это наиболее краткое расстояние между черноморскими берегами (Strabo II.5, 5, 22; VII.4, 3. Здесь и далее цитируется изд. «The Geography of Strabo»/With engl. transl. by H. L. Jones. T. 1—8. L., 1949). Именно здесь пересекали Понт мореплаватели древности (Максимова М. И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами//МИА. 1954. № 33. С. 45—57). Данный маршрут зафиксирован в итинерарии III в. н. э., начертанном на солдатском щите из Дура-Европос, упоминают у Менандра Протиктора (Cumont M. F. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes//Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 1925. VI. P. 9; Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt. Bonnae, 1829. P. 398). Он систематически использовался в эпоху классического средневековья византийскими и итальянскими мореходами (см. подробнее: Тодорова Е. One of the Black Sea Routes. 13th—15th Centuries//Le Povoire central et les villes en Europe de l'Est et du Sud-Est du XVe siècle aux débuts de la révolution industrielle. Les villes portuaires. Sofia, 1985. P. 156—162. Отметим, что Е. Тодорова ссылается, в частности, на переписку Мартина I (P. 157), т. е. определенно полагает, что его везли в Херсон именно этим путем).

Плавание и в том и в другом случае было сопряжено с известными опасностями, особенно в зимнее время года. Сильные морские течения и холодные штормовые ветры очень затрудняли переправу через Понт (Беренбейм Д. Я. О пути греков через Черное море//Советская археология. 1958. № 3. С. 203). Обилие отмелей и речных наносов, «а также суровые зимние холода делали почти невозможным для некоторых видов кораблей в античные и средние века плавание между дельтой Дуная и Херсонесом» (Тодорова Е. Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья. Историко-географическое исследование//История СССР. 1989. № 1. С. 172). Путешествие Мартина I приходилось на весенние месяцы (март—май), когда характерные для зимы трудности ощущались в меньшей степени. И все же именно неблагоприятными погодными условиями, скорее всего, можно объяснить чрезвычайную длительность переезда папы Мартина I из Константинополя в Херсон. По данным Ф. Мелиса (для конца XIV в.), средняя продолжительность морского пути от Константинополя до Кафы (Феодосия) составляла 13 дней (с колебаниями от 10 до 68 дней); до Таны (в устье Дона) — 16 дней (с колебаниями от 14 до 79 дней) (Melis F. Intensità e regolarità nella diffusione dell'informazione economica generale nell Mediterraneo e in Occidente alla fine dell' Medio Evo// Histoire économique du Monde Méditerranéen. 1450—1650. Mélanges en l'honneur de F. Braudel. Toulouse, 1973. T. I. P. 418).

Соответственно путь до Херсона должен был бы занимать 10—11 дней

Имея в виду конспиративный характер высылки Мартина I из столицы, следует предположить, что его транспортировали на одном из обычных торговых судов, принадлежащих к классу тихоходных, так называемых «круглых», кораблей (*στρογγύλος*) (Ahrweiler H. Byzance et la Mer. La Marine de Guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe—XVe siècles. P., 1966. P. 412). Но и в этом случае корабль пришел бы в Херсон значительно скорее, если бы не имел длительных стоянок (в торговых портах Малой Азии или в гаванях северного берега Понта). С другой стороны, задержки в пути можно объяснить и тем, что Мартина I нарочно везли в Херсон неестественно долго, чтобы его сторонники окончательно утратили представление о его местонахождении. В этом случае судно, вероятнее всего, двигалось вдоль почти безлюдного северного побережья Черного моря.

⁸ В тексте сказано «*gerulus harum, qui praesentem vobis tradit epistolam*», т. е. буквально «носитель тех», а не «носитель писем». Но понятно, что имеется в виду «тех писем» (*harum epistolarum*), почему и переводится «письмоносец». Мы имеем здесь дело с одной из многочисленных стилистических погрешностей, встречающихся в последних письмах папы Мартина, что можно объяснить как его недомоганием, так и невысокой профессиональной культурой писца, которому диктовал папа свои послания.

⁹ Византий, т. е. Константинополь. В тексте говорится «*ex partibus Byzantii*», но в переводе значится не «из стран» или «из областей», а «из области» Византия. Здесь, как и в ряде других случаев, — стилистическая фигура «*plurale tantum*».

Отметим, что посланец из столицы прибыл в Херсон через 30 дней после приезда сюда папы Мартина I. Если допустить, что властям удалось скрыть от соратников Мартина место его ссылки, то лишь в день прибытия папы в Крым кто-то из местных (или специально сюда присланных) ортодоксов мог направить в Константинополь известие о его появлении. Это известие было получено в столице примерно через 15 дней, и спустя еще 15 дней папа получил в Херсоне письмо от «кого-то для него дражайшего».

¹⁰ К сообщениям папы Мартина I о продовольственном кризисе в Херсоне большинство специалистов относится с доверием (Шестаков С. П. Указ. соч. С. 117; Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики//Советская археология. 1954. XXI. С. 153; и др.). В самом деле, хотя в его заявлении, будто хлеб в Херсоне «совсем не видят», присутствует риторическое преувеличение, следующие конкретные известия о ценах на хлебном рынке, несомненно, не выдуманы и указывают на крайний дефицит хлеба в городе. А. Л. Якобсон связывал это явление с нашествием хазар, нарушившим традиционные торговые связи Херсона с земельными районами юго-западной Таврики и кочевниками причерноморских степей (Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 28). Однако пребывание в Херсоне папы Мартина I относится к 655 г., а гегемония хазар в Крыму устанавливается только к 70-м годам VII в. (Артамонов М. А. История хазар. Л., 1962. С. 174). В 50-е годы только что (видимо, в 651 г.) образовавшийся Хазарский каганат вступает в борьбу с протоболгарским каганатом Великая Булгария в Северном Причерноморье, наносит ему поражение и вынуждает протоболгар частично подчиниться хазарам, частично переселиться в Нижнее Подунавье. Эти события, радикально изменившие политическую ситуацию в ближайших к Крыму степях, в самом деле должны были затруднить, если не ликвидировать, торговые контакты херсонитов с кочевниками причерноморских степей, но едва ли повлияли на взаимоотношения с населением юго-западного Крыма. Поэтому они могли усугубить продовольственный кризис в городе, но не были его причиной.

Сельскохозяйственной базой Херсона со времен античности являлись плодородные долины юго-западного нагорья Таврики. Но экономический потенциал этого небольшого региона был недостаточен для удовлетворения потребностей крупного города, и Херсон нуждался в привозном хлебе. Известно, что в 364 г. будущий узурпатор Прокопий скрывался от властей в Херсоне, где, по свидетельству Аммиана Марцеллина, «терпел от голода в диких местах и был лишен человеческого общества» (Ammianus Marcellinus. With engl. transl. by J. C. Rolfe. Cambridge-Harward, 1950. Vol. II. P. 598). Хлеб в Херсоне был очень дорогим, и не случайно византийское правительство было вынуж-

дено освобождать херсонитов от всех государственных налогов, понимая, что наличие в руках жителей города звонкой монеты является непременным условием их существования (Const. Porph. De administrando imperio. 53. 144//Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/Ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949. P. 264).

В VI в. вследствие политической стабилизации в Северном и Южном Причерноморье экономическое положение Херсона выглядит относительно прочным. Об этом свидетельствует интенсивное крепостное и храмовое строительство, особенно характерное для эпохи Юстиниана I (527—565). Со времени Зинова (474—491) Херсон чеканит собственную монету (Соколов А. И. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 17). Но когда с 30-х годов VII в. внутренние области Малой Азии становятся ареной военных действий Византии и арабов, что существенно влияет и на социально-экономическую ситуацию в городах понтийского побережья, торговые контакты Херсона с южным берегом Понта, по-видимому, ослабевают. В то же время в VI—VIII вв. наблюдаются подъем экономической жизни сельских поселений юго-западной Таврики, быстрое развитие сельских ремесел (Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики//МИА. 1970. № 168. С. 79), вследствие чего население деревень стало в основном удовлетворять свои потребности в ремесленных изделиях за счет собственного производства и не предъявляло особого спроса на продукцию херсонских мастерских. Хотя, как показывают новейшие исследования, херсонское гончарное ремесло в так называемые «темные века» сохраняло товарный характер (Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск, 1976. С. 30), в основном его продукция распродавалась в городе. Это, конечно, не исключает отдельных спорадических случаев продажи херсонской керамики в близлежащих селах (см. данные о ее находке в Скалистинском могильнике: Пяташева П. В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе//Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969. С. 151). Естественно, что чем меньше изделий херсонесского ремесла находило сбыт в сельской округе, тем меньше продуктов сельского хозяйства она поставляла в Херсонес.

При характеристике этих явлений нельзя сбрасывать со счетов и факт упадка экономики города в годы социально-экономических коллизий, соответствующих переходу от античного этапа развития к феодальному. Тезис А. И. Романчук о том, что для Херсона этот упадок нехарактерен (Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века»//АДСВ. 1972. № 8. С. 42—55), вряд ли может быть принят без оговорок. Во-первых, бесспорно, что Херсон был включен в единую торгово-ремесленную систему Восточного Средиземноморья и, являясь центром транзитной торговли, зависел от состояния всей системы совершенно непосредственно. Поэтому ее упадок и трансформация должны были неизбежно сказаться на его экономическом положении. Во-вторых, неопровержимы два факта истории Херсона в VII—VIII вв.: прекращение монетной чеканки и отказ от строительства крупных зданий, в том числе церквей. И то и другое — признаки упадка городского хозяйства. Следует принять во внимание и то, что в позднеантичный и раннесредневековый периоды происходит некоторая переориентация экономики города. В VI—VII вв. забрасываются земельные участки горожан в западной части Гераклеийского полуострова, которые использовались для производства зерна и огородных культур. Одновременно увеличивается количество земли, используемое для выпаса скота (Савеля О. Я., Романчук А. И., Климан Л. Я. Археологические разведки в окрестностях г. Севастополя//Археологические открытия 1969 г. М., 1970. С. 268; Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического//Херсонесский сборник. Симферополь, 1961. № 6. С. 189). В результате такой перестройки хозяйства хлебный дефицит мог обостриться еще сильнее, даже в условиях более или менее нормального обеспечения города другими продуктами.

Между тем в эти годы продовольственное положение Херсона в целом остается желать лучшего. В культурных отложениях периода VII—VIII вв. возрастает количество костей и чешуи мелкой рыбы (в основном хамсы), раковин съедобных улиток, устриц, мидий, что свидетельствует об ухудшении пищевого рациона жителей и о продовольственных затруднениях (Дорогой тысячелетий. Очерки о древнем Крыме. Симферополь, 1969. С. 25).

Со всем этим комплексом обстоятельств и связаны lamentации папы Мартина, в которых отразились действительные экономические трудности, имевшие место в Херсоне в середине VII в. А. И. Романчук отмечает, что впечатлительные папы Мартина I о недостатке хлеба было усилено тем, что он прибыл в город в мае, а писал свое первое письмо в июне, т. е. тогда, когда еще не созрел хлеб нового урожая (Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. С. 5). Однако и в следующем письме, написанном в сентябре 655 г. (см. ниже), Мартин сообщает о крайней дороговизне хлеба, в том числе из только что собранного урожая. Несомненно, многие сведения Мартина I можно объяснить и субъективными обстоятельствами. Сетования на дороговизну могут объясняться, например, тем, что больной и не знающий греческого языка смышленый папа наверняка не сам покупал хлеб, слуги же и охранники могли его обманывать; местные жители, возможно, отказывались продавать хлеб политическому изгнаннику, опасаясь неприятностей, а если и продавали, то по спекулятивным ценам и т. д. Но следовать подобным версиям, полностью обесценивающим источник, можно лишь при наличии непосредственных документальных свидетельств в их пользу. Поскольку таких свидетельств нет, здесь и далее предпринимаются попытки объяснить высказывания папы Мартина, исходя из объективного положения дел в Херсоне в VII в.

¹¹ Сочетание «*a partibus Pontis*» находит объяснение в следующем письме во фразе «*partes, videlicet, Graecorum Ponticas partes vocantes*» (комментарий 5 к письму XVII). Не исключено, что в ходе месячного пребывания в Херсоне Мартин I был свидетелем присылки сюда продуктов питания из Малой Азии. Поскольку в городах понтийского побережья у папы было немало единомышленников, он считал возможным через своего контрагента в Константинополе просить их о помощи.

¹² Эта фраза является ключом к истолкованию термина «*expensae*», встречающегося несколькими строками выше («*expensae missae nobis ab Italia*»). Его можно было бы перевести как «деньги» (так переводит С. П. Шестаков), но, как видно, папа Мартин ожидает присылки из Италии в первую очередь не денег, а продуктов питания. Поэтому выше, при переводе, отдано предпочтение более общему понятию «средства» («средства, присланные нам из Италии»). В следующем письме папа подчеркивает, что денег, в отличие от продуктов, он, вообще говоря, не требует: «Ну даже если церковь Святого Петра не имеет золота, то ведь хлеба, и вина, и других необходимых припасов она, по милости божией, не лишена, чтоб не позабиться хотя бы об умеренном пропитании».

¹³ Речь идет о римской церкви. Словом «священнослужителям» переводится термин «*sanctis*», буквально означающий «святым». Но контекст позволяет считать, что здесь говорится о священнослужителях, так как, конечно, не святые «презрели веление Господа». Подобное словоупотребление свойственно Мартину I (ср. в следующем письме, где приветствие адресуется «*omnes sanctos et fratres nostros, qui curam nostri propter Dominum gerunt*»).

¹⁴ Здесь аллюзия на соответствующее место из послания апостола Павла к филиппийцам: «Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду» (Филипп. IV.16).

¹⁵ Перевод дается по русскому православному тексту Библии: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1979. С. 1289. В латинском тексте Библии и соответственно в письме Мартина I сказано несколько иначе: «*Nabeo autem omnia et abundo*» (Имю, однако, все и избыточеству). Ссылка, даваемая Ж. Минен, неточна. Правильно было бы: Филипп. IV. 18. (Сверено по тексту: *Biblia Sacra. Vulgatae editionis Sixti V et Clementis VIII jussu recognita atque edita. S. I., 1849.*)

¹⁶ Идея о том, что римская епископия не оставляет своими милостями ни одного страждущего, была близка папе Мартину I и составляла предмет его гордости. В ходе своего второго допроса в тюрьме *Custodia Diomedis* в Константинополе, рассказывая, как приняли в Риме изложенного патриарха Пирра, он с вызовом заявил: «Вы, господин мой, наверно, не знаете римскую церковь? Тогда скажу вам, что если какой-нибудь несчастный человек приходит к ней за пропитанием, то все потребное предоставляется ему; и никого не оттолкнет Святой Петр, не наделив своими дарами...» (*Commemoratio... Col. 859*). Поэтому в Крыму папе пришлось пережить тяжелое разочарование.

¹⁷ «Proprii servi ejus sumus» — здесь обыгрывается папский титул «servus servorum Dei», принятый в римской курии со времен Григория Великого.

¹⁸ Из контекста, по-видимому, следует, что «comparati debent illic» («должны быть куплены там») означает «должны быть куплены в Риме» (ср. предшествующую фразу). В таком случае перед нами дополнительное свидетельство в пользу того, что адресат принадлежал к числу папских апокрисиариев; и хотя он сам находился в Константинополе, приобретать все, что нужно, в Риме для него было обычным делом.

ПИСЬМО XVII

¹ «Ваша милость» здесь, как и в начале предшествующего письма, «charitas vestra» (дословно — «уважение, ценность»). В конце письма XVI так же было переведено сочетание «dilectio vestra» (дословно — «привязанность, любовь»). Ни то, ни другое обращение не носит официального характера и не является предикатом какого-либо титула. Содержание письма XVII не оставляет сомнения в том, что оно адресовано тому же лицу, что и предыдущее письмо XVI. В изданиях И. Манси и Ж. Миня письмо XVII озаглавлено «Ejusdem argumenti cum superiore» («По тому же поводу, что и приведенное выше»).

² В тексте «sanctos» (см. комментарий № 13 к письму XVI). Говоря «omnes sanctos et fratres nostros», Мартин, возможно, приветствует в составе своих единомышленников как клириков, так и мирян.

³ В тексте письма «...et ipsa vita carimus». Возможно, папа хочет сказать, что его нынешнее существование нельзя назвать жизнью. Но допустимо и буквальное истолкование: письмо написано папой за несколько дней до кончины; может быть, чувствуя ее приближение, он говорит о себе, как об уже умершем.

⁴ Христианство проникает в Херсон не позднее рубежа III—IV вв. С. IV в. в погребальных склепах обнаруживаются каменные и металлические кресты (Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках Херсонеса в 1902 г.//ИАК. 1904. Вып. 9. С. 29). Анализируя надписи на керамике III — начала IV в., Э. И. Соломоник убедительно определила как христианские сосуды, имеющие граффити «ΕΙΣΘΕΟΣ ΜΟΙ Ο ΘΕΟΣ» («Мялостив ко мне бог»). Среди них — несколько херсонесских (Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени. По эпиграфическим памятникам//ВДИ. 1973. I. С. 66—67, 72—74).

Как господствующее исповедание христианство утверждается в Херсоне при имп. Константине I, направившем сюда епископа Капитона с отрядом в 500 воинов в 325 г. (Латышев В. Жития св. епископов Херсонских. Исследования и тексты//Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. Спб., 1906. Вып. 3. С. 58—76; Страдание святых священномучеников и епископов херсонесских Василия, Капитона и иных с ними/В русск. пер. Ю. А. Кулаковского//ИАК. 1907. Вып. 23. С. 108—112). Однако здесь, на дальней окраине империи, новая религия еще очень долго оказывается не в состоянии вытеснить язычество. В IV в. христианская община была сравнительно небольшой. Христианские надгробия в Херсоне датируются временем не ранее конца IV — начала V в. (Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом//Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 132). А. Л. Бертье-Делагард полагал, что языческие храмы в Херсоне были окончательно закрыты «едва ли раньше V, даже VI века» (Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса//МАР. 1893. № 12. С. 53).

И тем не менее, хотя «херсаки», по словам Епифания, еще в IX в. были «туги на веру» (Οἱ χερσαῖοι . . . τοῦτοί μὲν τῆς σήμερον πρὸς λῆθιν) (Eriphanii monachi et presbyteri De vita S. Andree//PG. 1864. 120), греческое население города к моменту ссылки папы Мартина, конечно, было христианским. Очевидно, что в устах Мартина I «живущие здесь» — это горожане Херсонеса, ромеи. Они — христиане, хотя и восприняли от варваров жестокость их нравов. Язычники — это «те, кто обитает в этой области», т. е. за пределами города. Кто же именно?

В частности, речь может идти о крымских готах. Их присутствие в окрестностях Херсона в VII в. не вызывает сомнений, — здесь можно сослаться хотя бы на свидетельство «Жития Иоанна Готского» о восстании крымских готов против власти хазар еще в 787 г. (Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского//Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 151—162). Часть готов была христианизирована со времен Ульфила. Однако христианизация эта была, безусловно, весьма поверхностной, и многие готы оставались язычниками, как, видимо, и представители других этносов.

С. П. Шестаков обоснованно включал в число варваров-язычников, которых можно было встретить в окрестностях Херсонеса, хазар (Шестаков С. П. Папа Мартин I в Херсоне... С. 119). Тюркюто-хазары еще в 580 г. появились в Крыму и провели военную демонстрацию вблизи Херсона (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 137). Какая-то их часть, в виде полуседлых родовых групп, могла оставаться в Крыму до середины VII в.

В последние годы И. А. Баранов исследовал в Крыму ряд археологических памятников VII—VIII вв., относящихся к салтово-маяцкой культуре. Он связывает их с приходом в Крым тюрко-болгар, племенной союз которых был разгромлен в середине VII в. Хазарским каганатом (Баранов И. А. Некоторые закономерности процесса седантаризации кочевых тюрко-болгар в Крыму в середине VII—X вв.//Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Аннотации. Тбилиси, 1984. С. 61—64). В год пребывания в Херсоне папы Мартина I эти тюрко-болгары уже могли появиться вблизи Херсона.

Возможно, в письме Мартина I имеются в виду и аланы, также жившие в Крыму. Они были известны на Боспоре с III в. н. э., а впоследствии присоединились (частично) к гунискому племенному союзу. Аланы были язычниками еще в XIII в. — см. так называемое Аланское послание епископа Феодора (PG. 140. 1865); в русск. пер.: Епископа Феодора «Аланское послание»/Изд. Ю. А. Кулаковский//ЗООИД. 1898. Т. XXI. С. 11—27).

В прилегающих к Херсону районах горного Крыма сохранялось древнее скифо-сарматское население, о чем свидетельствуют данные антропологических исследований (Соколов К. Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма//История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 70).

Названные, а может быть, и другие местные племена строили вблизи Херсона небольшие крепости, служившие опорными пунктами для их грабительских вылазок. Такие укрепления упоминаются в «*Homnesticum*» и названы там «*castra gentium*» — «крепости инородцев» (PL. 129. Col. 862 seqq.).

Все перечисленные этносы, а также остатки древнейшего населения Крыма (тавров) образовывали ту варварскую, в основном языческую, периферию византийского Херсона, о которой пишет папа Мартин I. Свообразная экспансия христианства во внутреннем Крыму начинается лишь в 30-х годах VIII в. (согласно А. Л. Якобсону, в связи с бегством в Крым монахов-иконопочитателей, спасавшихся от преследований иконоборцев (Якобсон А. Л. Средневековый Крым... С. 32, сл.). Эту точку зрения оспаривали в ряде научных выступлений А. Г. Герцен и Ю. М. Магарычев). К VIII—IX вв. относится возникновение ряда местных монастырей, в том числе так называемых пещерных — Инкермана, Чилтера. Шулдана, начало активного храмового строительства в городских центрах, например на Мангуле (Веймарн Е. Е., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро//Феодальная Таврика... С. 134). В VIII—IX вв. в поселениях Крыма, в том числе на Юго-Западе, становятся преобладающими плитовые погребения, что связано с распространением здесь христианства (Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма//Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 167). В VIII в., по сообщению папы Григория II, среди варваров Крыма распространяется культ Св. Мартина (PL. 89. Col. 520). Но, говоря о язычниках в области Херсона за 70 лет до этого, папа Мартин не грешил против истины. Иное дело, что его утверждение, будто бы херсониты восприняли жестокость нравов язычников, носит чисто эмоциональный характер. Вспомним, что Прокопий Кесарийский писал о крымских готах: «...гостеприимны они более всех людей» (Proc. Caes. De aedif. III.7//Procopii Caesa-

riensis Opera Omnia. Lipsiae, 1916. T. III. P. 2). Сам папа Мартин отмечает, впрочем, что даже варварам свойственна человечность, которой полностью лишены жители Херсона.

⁵ Понимание этой, очень важной, фразы из письма Мартина I зависит от истолкования понятий «Романия» и «Понтийская земля». По-латыни фраза построена неправильно, так как представляет собой сложноподчиненное предложение без сказуемого в придаточном: «Novit itaque Deus, nisi ex naviculis, quae veniant ex partibus Romaniae, ut hi qui sunt pincupant, partes, videlicet, Graecorum Ponticas partes vocantes». В обоих случаях («partibus Romaniae» и «Ponticas partes») мы имеем дело с оборотом «plurale tantum». Комментируемое сообщение папы Мартина принято использовать как иллюстрацию тезиса о наличии торговых связей Херсона с Малой Азией (Якобсон А. Л. Ранне-средневековый Херсонес... С. 37). Обычно его сопоставляют с известным свидетельством Константина Порфирородного о ввозе в Херсон хлеба и прочих продуктов из малоазийских фем — Аминсы, Вукеллариев, Пафлагонии, Армениака (Const. Porph. De adm. imp. 53. Ср.: Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса. С. 30). Отметим, однако, что папа Мартин I противопоставляет друг другу Романию и «землю греков, именуемую Понтийской». В предшествующем письме он просил прислать ему пропитание «из этой страны или из области Понта». Поскольку «эта страна» — Константинополь, то область Понта, несомненно, понтийское побережье Малой Азии. Итак, «земля греков, именуемая Понтийской», — это южный берег Черного моря, населенный понтийскими греками. Поэтому «Романия» здесь — «земля ромеев», Константинополь и прилегающие к нему территории, но не Малая Азия. Традиция неточного истолкования этого отрывка идет от замечания В. Г. Васильевского о том, что противлежащие Крыму азиатские провинции Византийской империи обычно называются Романией (Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского//Труды. Спб., 1912. Т. II. Вып. 2. С. 423), со ссылкой на папу Мартина I и Константина Порфирородного. Но у Мартина, как мы видели, северное побережье Малой Азии как раз названо иначе: «Понтийскими землями». У Константина же, по всей видимости, слово «Романия» употреблено в общем значении, как название основных, коренных областей империи, населенных ромеями (в конкретном случае — малоазийских), в отличие от отдаленного и полуварварского Херсона. Ср.: «Именуя себя «ромеями», византийцы называли свое государство «Романией» (Ῥωμανία). Так называли Византию и ее современники на Западе (Romania) и на Востоке (Рум) (Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века/Подготовка текста, введение, пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 369). Следует напомнить, что в более позднее время термин «Romania alta» обозначал территорию Македонии и Фракии с Константинополем (Thiriet F. La Romanie vénétienne au Moyen Age. P., 1959. P. 4; см. также: Zeiller J. L'apparition du mot Romania chez les écrivains latins//Revue des Etudes latines. 1929. VII. P. 194—198). Иногда Романией просто называли Фракию (ср.: Romania: pars Graeciae alias Thraciae dicta//Ferrarius Alexandrinus. Lexicon Geographicum. Patavii, 1674).

Следовательно, папа Мартин I сообщает о приходе кораблей за солью не из Малой Азии, а из других областей империи, что, может быть, косвенно свидетельствует об ослаблении торговых связей между Малой Азией и Херсоном.

⁶ Тремиссий — византийская золотая монета, равная 1/3 номисмы.

⁷ Соляной промысел был традиционным для Херсона. На существование озера, откуда добывалась соль, в 15 стадиях от оборонительных стен Херсонеса указывал еще Страбон (VII.4.7). В. И. Кадеев выяснил, что в окрестностях города в античную эпоху было по меньшей мере 12 соляных озер. Из некоторых местные жители добывали соль вплоть до XIX в. включительно (Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—II веках н. э. Харьков, 1970. С. 21). Впрочем, в X в. н. э. херсониты имели соляные разработки и на северном Черноморском побережье, за пределами Крыма. Константин Порфирородный сообщал: «От реки Днепра до Херсона 300 миль, а в промежутке — болота и бухты, в которых херсониты добывают соль» (Const. Porph. De adm. imp. 42). В такой ситуации население горных и степных районов Крыма, как оседлое, так и кочевое, обеспечивало свои потребности в соли за счет вывоза ее из Херсона

(Романчук А. И. Херсонес VI — первой половины IX в. С. 18). Из сообщения папы Мартина мы узнаем, что Херсон вывозил соль с морем, в сторону Босфора.

Данное свидетельство показательно и еще в одном отношении. В первом своем письме, написанном в июле, папа в отчаянии пишет о полной невозможности купить продукты в Херсоне. Во втором, сентябрьском, говорится о покупке хлеба с проходящих судов. Дело здесь не только в том, что папа Мартин освоился в Херсоне за несколько месяцев пребывания в Крыму. Известно, что на крымских соляных озерах максимальное количество соли выпадало летом, а добыча начиналась в июле—августе (Кадеев В. И. Указ. соч. С. 21—23). Соответственно и суда за солью начинали приходить сюда не раньше августа. Только тут Мартин получил возможность приобретать хлеб у моряков. Видимо, и его замечание, будто суденышки приходят за солью редко, объясняется тем, что письмо написано лишь в самом начале «сезона обмена». В разгар сезона и продовольственное положение в Херсоне могло заметно улучшиться.

В эпоху папы Мартина I Херсон, возможно, вывозил не только соль, но и соленую рыбу. На территории Херсонеса археологами открыто в настоящее время около 100 рыбозасолочных ванн античного и византийского времени общим объемом 2000 м³ (Кадеев В. И. Указ. соч. С. 12; Суров Е. Г. Херсонесские цистерны//УЗ СвГПИ. 1948. № 4. С. 3—47). Хотя не все они функционировали одновременно, все же нет сомнений, что их мощность значительно превышала местные потребности, и часть рыбы вывозилась. Впрочем, к VI—VII вв. масштабы развития этого промысла заметно сократились. До недавнего времени не были известны цистерны для засолки, заложенные позднее V в. н. э., а значительная часть старых в это время была засыпана и не функционировала. Обнаружение свердловскими археологами нескольких цистерн средневизантийского времени в портовом районе Херсона (одна из них прямо относится к VII в.: Романчук А. И. К вопросу о положении Херсона в «темные века». С. 46) свидетельствует, что херсониты продолжали засаливать морскую рыбу, но, конечно, не в таком количестве, как прежде. Должен был сократиться и ее экспорт.

⁸ Модий — римско-византийская мера объема. Римский модий равнялся 8,7 литра. Малый римско-византийский модий зерна составлял 6 кг 528 г (Мандян А. Я. Римско-византийские хлебные меры//ВВ. 1949. № 2. С. 67—71). Мартин I, вероятнее всего, имеет в виду так называемый *αυνονικός μδιος*, применявшийся на территории всей империи при сборе налогов. Его объем — 11,389 литра (Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 99). В этом случае 3—4 модия равнялись 34—35 литрам.

⁹ Сооблаемая Мартином I цена хлеба в 3—4 модия за номисму исключительно высока. В 604 г. в Риме за 1 солид (номисму) давали 30 модиев пшеницы (LP. T. I. P. 315). В поздней Римской империи Валентином III была установлена единая государственная цена на хлеб: 40 модиев за солид. При остготах в Италии давали за солид 60 модиев зерна (Segrè A. Circolazione monetaria e prezzi nel mondo antico ed in particolare in Egitto. Roma, 1922. P. 82). В V—VIII вв. в Византии цены на пшеницу колебались в пределах от 1/20 до 1/8 номисмы за артабу (1 артаба=29,11 л) (Ibidem. P. 105—107). Итак, в Херсоне цена «дешевого» хлеба нового урожая в 5—17 раз превышала обычные цены на хлеб в империи.

¹⁰ О богатстве римской церкви Мартин I говорит с полным основанием. Папские патримонии уже к началу VII в. имелись в большинстве областей Италии (Лациум, Тусция, Кампания, Пицен, Лигурия, Самниум, Эмилия, Коттийские Альпы, Апулия, Калабрия, Лукания, Бруттий, Сицилия, Сардиния), в Истрии, в Иллирии, в Галлии, на Корсике. Только в Сицилии римской кафедре принадлежало около 400 имений (Spearing E. Patrimony of the Roman Church in the Time of Gregory the Great. Cambridge, 1918. P. 6—18). В VII в. церковное землевладение, имевшее прочные позиции в Византийской Италии, распространяется в Италии Лангобардской (Дворецкая И. А. Образование церковного землевладения в Лангобардском королевстве. VII—VIII вв.//Проблемы экономического и политического развития стран Европы в средние века и античную эпоху//УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. 1969. № 294. С. 165—168). Римская церковь широко практиковала благотворительность, и ее руководите-

ли не раз официально заявляли, что патримоний существует «для бедных». «Res pauperum» называл его папа Геласий (492—496) (PL. 59. Col. 155). Считалось, что 1/4 всех доходов церкви должна ежегодно уходить на благотворительные цели. Лица, получавшие от церкви ежегодное пропитание, именовались «matricularii», так как их имена вносились в специальные матрикулы. Римская курия располагала также широкой сетью специализированных благотворительных учреждений — диаконий и приютов. Совершенно очевидно, что римская кафедра не оказывала помощи осыльному папе Мартину не из-за недостатка денег и продуктов, а из опасения вызвать недовольство Константинополя.

¹¹ Ср.: Библия... Бытие. 2.7.

¹² Фраза, свидетельствующая о незаурядной смелости папы Мартина, содержит намек на патриарха Пирра, а возможно, и на императора Константа.

¹³ Данная фраза — единственная в переписке Мартина I, где он упоминает о своем преемнике. Находясь в Константинополе, Мартин не знал об избрании в Риме нового папы Евгения (654—657). Вероятно, об этом ему сообщил кто-то из его корреспондентов в письме в Херсон. Будучи реальным политиком, Мартин I понимал, что не сможет управлять церковью из Херсона, и спокойно воспринял избрание нового понтифика. Пожелание оставаться «непоколебимым», обращенное к папе Евгению, было высказано весьма своевременно. Уже в следующем, 656 г. константинопольский патриарх Петр направил в Рим синодальное послание (synodicum) с исповеданием веры, в котором, в согласии с *τὸ λόγος τοῦ πλάτους*, был полностью обойден вопрос о единой воле у Иисуса Христа. Робкий папа Евгений готов был принять послание, но римские священнослужители и жители города встретили его при входе в базилику Девы Марии ad Praesepem и не давали служить мессе, пока он не пообещал публично, что отвергнет synodicum. Таким образом, менее чем через год, после того как Мартин продиктовал в Крыму свое последнее письмо, его пожелание оправдалось (LP. T. I. P. 341).

¹⁴ Имеются в виду решения Латеранского собора 649 г., осуждающие монофелитство.

¹⁵ Это место В. Пайтц понял как обращение к монастырской братии и сделал вывод, что адресат является монахом (Peitz W. M. Op. cit. S. 457).

¹⁶ Спустя несколько дней после отправки данного письма папы Мартина I не стало. Он прожил в Херсоне с 15 мая по 16 сентября 655 г., т. е. 124 дня. Хронология пребывания папы в изгнании и ссылке разработана В. Пайтцем. Э. Михаэль предлагал передвинуть пребывание папы Мартина в Константинополе на год назад, так чтобы его прибытие в столицу приходилось на сентябрь 653 г., а отъезд в Херсон — на апрель 654 г. (Michael E. Op. cit. S. 375 flgg.). Однако В. Пайтц убедительно опроверг выводы Э. Михаэля (Peitz W. M. Op. cit. S. 436—440). Тем не менее некоторые историки приняли хронологию Э. Михаэля, поэтому в современной историографии сосуществуют две хронологические версии последних лет жизни Мартина I. Неверных датировок придерживаются П. Ллевеллин (Llewellyn P. Rome in the Dark Ages. L., 1970. P. 152), О. Бертолини (Bertolini O. Roma di fronte di Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941. P. 344—350), Р. Хаакке (Haacke R. M. Rom und die Cäsaren. Geschichte des Cäsaropapismus. Düsseldorf, 1947. S. 95) и др. В частности, можно встретить утверждение, что Мартин I прожил в Крыму около полутора лет. Однако эта точка зрения не соответствует действительности.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ФАКТОРИИ ТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

На территории современного города Азова в средние века существовали две итальянские фактории: генуэзская, основанная в 80-е годы XIII в., и венецианская, созданная в 1332 г. по договору, заключенному венецианским послом А. Дзено с ханом Узбеком¹. Специальным решением венецианского Сената 9 февраля 1333 г. в Танае было учреждено консульство², а 18 февраля того же года Сенат, рассмотрев письма своего посла в Танае, принял решение о создании там поселения, укрепленного изгородью и рвами, и об условиях аренды венецианцами земельных участков³.

Условия жизни в Танае⁴ не были легкими. Помимо постоянно-го соперничества венецианцев с генуэзцами обитатели поселений испытывали угрозу со стороны кочевников степи, нередко и врагов, и торговых партнеров одновременно. Не раз фактории подвергались полному уничтожению. Так, в 1343 г. хан Джанибек изгнал итальянцев из Таны сроком на 5 лет после вспыхнувшей в городе и закончившейся убийством татарина ссоры, в 1395 г. Тана была сожжена Тимуром, а в 1410 г. разгромлена ханом Пуладом. Однако вплоть до османского завоевания (после 1475 г.) Тана неоднократно отстраивалась. Существовая рядом с золотоордынским городом Азаком, фактории были тесно связаны с ним экономическими взаимоотношениями.

Саму жизнь факторий обеспечивала их роль в системе торговых связей средневековья. Тана возникла и развивалась сначала как центр транзитной коммерции Западной Европы со Средней Азией, Китаем, Индией, Персией, Русью, куда по караванным дорогам поступал шелк-сырец, специи, пушнина. Эти пути вели из Таны к двум крупнейшим городам Золотой Орды — Сараю и Астрахани. Со смутой в Орде (1357—1380 гг.), походами Тимура в конце XIV в. и затем распадом Улуса Джучи с 20-х годов XV в. значение этих торговых путей ослабевает. Но вместе с тем усиливается роль Таны в местной торговле как центра экспорта ценных сортов лососевых рыб, икры, хлеба и особенно рабов. Во все времена своей истории, при всех поворотах ее торговой судьбы Тана оставалась крупнейшим рынком рабов⁵.

Роль Таны для Венеции и Генуи не была одинаковой. Если Генуя располагала в Черноморском бассейне целой сетью факторий, опиравшихся на такие мощные города, как Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Пера на Босфоре, то Венеция имела лишь 2 зна-

чительные фактории — в Тане и Трапезунде. Они поддерживались как звенья одной цепи, протянутой от Адриатики через острова Эгейды к Константинополю и Причерноморью, как пункты, где выходили к морю крупнейшие караванные пути восточной торговли. Потеря одного из этих пунктов грозила крахом всей системе торгового обмена и торговой навигации, которые с большим напряжением сил венецианцы организовали в регионе. Поэтому Венеция стойко, несмотря на явные убытки от ведения торговли в Тане в отдельные периоды, ухудшение торговой конъюнктуры и сокращение притока туда товаров, все же стремилась удержаться там, а Генуя, напротив, всеми силами добивалась того, чтобы лишить венецианцев доступа в Азовское море, связать Адриатическую республику запретами осуществлять навигацию своих судов в Тану, хотя бы на небольшие (пятилетние) сроки⁶. И все же в XV в. ситуация менялась: после захвата и разграбления города татарами в 1410, а затем и 1418 г. генуэзцы и венецианцы были вынуждены проявлять солидарность и взаимную помощь перед внешней угрозой. Это не исключало рецидивов враждебности, но они все более локализовались не как конфликты между Венецией и Генуей, которые раньше приводили к войнам между этими республиками⁷, а как локальные столкновения Каффы с венецианской Таной или довольно ограниченные по масштабам стычки между жителями двух факторий в самой Тане⁸.

* * *

Публикуемые ниже документы содержат новые данные по истории Таны. Два из них относятся к работорговле. Это нотариальные акты, оформлявшие продажу рабынь.

Первый из документов хранится в Венецианском государственном архиве в составе фонда так называемой Нижней канцелярии (*Cancelleria Inferior*), куда после смерти и прекращения деятельности публичных нотариусов в обязательном порядке поступали книги имбревиатур (протоколов) составленных ими документов. Указанный акт был составлен в Тане в 1363 г. работавшим там с 1359 по 1363 г. венецианским нотариусом, пресвитером церкви св. Эуфимии на Джудекке, Бенедетто Бьянко. Это отдельный, нумерованный лист и единственный в собрании актов Б. Бьянко подлинник, тогда как остальные записи — краткие протоколы в форме минут. Акты Бенедетто Бьянко хорошо известны исследователям, изучавшим работорговлю в Тане⁹. Ш. Верлинден опубликовал краткие регесты документов¹⁰. Ниже следуют полное издание и перевод этого ценного источника.

Второй документ хранится в западноевропейской секции Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. В основе этого богатейшего собрания средневековых документов лежит коллекция академика Н. П. Лихачева¹¹. Среди подлинников венецианских нотариальных актов имеется *instrumentum*, на-

писанный на пергамене размером 112×266 мм итальянским нотариальным курсивом XIV в. (карт. 194, № 18). Акт, фиксирующий продажу рабыни-татарки в возрасте 24 лет одним жителем Венеции другому, был составлен не в Тане, а в самой Венеции. Однако он явно касается рабыни, прибывшей из черноморских областей и принявшей в крещении имя Ульяны (т. е. православной). Большинство татарских рабынь, тем более принимавших в крещении славянские православные имена, доставлялись в Венецию именно из Таны и прилегавших к ней районов¹². Такой же случай мы встречаем и в первом из публикуемых актов, где рабыня-татарка по имени Караза была крещена и приняла имя Настасья.

По наблюдениям Ш. Верлиндена, в Тане продавалось значительно больше рабынь, чем рабов, причем возраст подавляющего большинства из них не превышал 20 лет¹³, в то время как в самой Венеции в актах работорговли абсолютное преобладание остается за рабынями в возрасте от 11 до 30 лет¹⁴. Таким образом, оба наших акта отражают довольно типичную ситуацию.

Стоимость рабыни в акте 1363 г. — 200 аспров Таны. Так как в то время 1 аспр приравнивался к 1 венецианскому гроссу¹⁵, эта сумма составляла 8,3 дуката. В 1359—1360 гг., по актам Б. Бьянко, рабыни-татарки в Тане стоили дороже: в среднем 600—700 аспров, но в 1363 г., вероятно, с притоком большего их числа, цена упала до 200—350 аспров в среднем. В самой Венеции в 1363—1365 гг. за рабынь в возрасте от 16 до 19 лет платили наивысшие цены, а рабыни-татарки 16—17 лет стоили от 20 до 35 дукатов¹⁶. Разница цен, как видим, довольно значительна. Большой разрыв цен на рабов существовал между Таной и Константинополем¹⁷, а тем более между Таной и Италией. И все же Настасья была куплена в Тане по довольно умеренной цене.

С 80-х годов XIV в. приток рабов в Италию из Причерноморья начал сокращаться¹⁸. Сказывались последствия торгового кризиса середины XIV в., так называемой «Черной смерти», Кюджской войны между Генуей и Венецией (1378—1381) с последующим запретом для обеих сторон на 5 лет плавать в Тану, смуты в Золотой Орде. Сокращается и число документов, фиксирующих сделки работорговли. В сводной таблице Ш. Верлиндена вовсе нет сведений о продаже рабынь-татарок в Венеции в 1385 г. Документ 1385 г. из Архива ЛОИИ частично восполняет лакуну. Примечательно, что оба документа сообщают о продаже крещеных рабынь, принявших православные, русские имена и, видимо, крестившихся в русской церковной общине в Причерноморье.

За 20 лет (1360—1380) цена на рабов в Венеции несколько повысилась. В 1386—1389 гг. рабыни в возрасте от 18 до 36 лет (значительное увеличение возраста!) стоили от 40 до 46 дукатов¹⁹. Сорок пять дукатов, уплаченные в 1385 г. за Ульяну, — в том же интервале цен.

Оба нотариальных акта, составленных в Тане и в Венеции, предусматривают отказ владельцев от всех прав и сервитутов на рабыню и свидетельствуют об их здравии и благонаравии, что не-

сколько повышало цену и вместе с тем давало возможность опротестовать сделку, если покупатель обнаруживал явные или скрытые пороки.

Третий из публикуемых нотариальных актов также является подлинником (*instrumentum*) из собрания ЛОИИ АН СССР. Он написан на большом листе пергамена размером 404×685 мм нотариальным курсивом начала XV в. с большим числом традиционных и нетрадиционных сокращений (карт. 195, № 6). В тексте есть потертости, особенно на сгибах и в конце, где местами текст нечитаем. На обороте пергаменного листа имеются едва читаемые дорсальные надписи: одна из них сделана почерком XVII в., датирована 1612 г. и кратко информирует о содержании документа. Другая, датированная 9 августа 1421 г., практически нечитаема. Угадываются лишь отдельные буквы и части слов. Видимо, это пометы судебного исполнителя.

Акт, составленный в Венеции 17 июня 1421 г., является протокольной записью судебного разбирательства с решением суда по иску прокураторов св. Марка, которым было вверено попечительство над имуществом покойного венецианского нобиля сера Пьетро Сторнелло, против душеприказчика и доверенного лица также покойного венецианца Марко Делланаве, Николо Липпамано. В конце документа 30 марта 1422 г. была сделана дополнительная запись о передаче, по решению суда, части имущества ответчика истцам. Инициатором иска был, видимо, сын Пьетро Сторнелло, Марко. Документ обнаруживает торговые операции венецианцев в Тане в 1380 и 1391—1392 гг. В первом случае, видимо, речь шла о семейной комменде²⁰, предоставленной Пьетро Сторнелло своему более бедному родственнику Марко Деллаване. Нам известна сумма комменды — 21 лира, 7 сольди, 1 денарий гроссов (213,5 дуката) или 939 безантов 9 танго (аспров) в монете Таны. Указанную сумму получатель комменды вложил в покупку тканей и других товаров. Расчет по комменде, как утверждали истцы, не был произведен. Возможно, долг мог быть погашен по завещанию Катаруции Делланаве, жены Марко и наследники части имущества Пьетро Сторнелло; однако истцы не признали правомочность этого погашения, так как не были выплачены предусмотренные в завещании П. Сторнелло легаты иным лицам.

Во втором случае спор шел относительно целой серии торговых операций в Тане в 1391—1392 гг. Пьетро Сторнелло, прибыв в Тану, желал отправиться далее в Хаджитархан (Астрахань) для ведения там коммерции, что он с успехом и сделал (мы имеем таким образом свидетельство открытости путей через степь от Таны к Каспию накануне похода Тимура и упомянутого в акте сожжения им Таны в 1395 г.). В пожаре погибли и купеческие документы, хранившиеся в курии консульства.

Сторнелло закупил товары как для себя, так и для своих торговых партнеров, на чей счет он вел операции (ими были венецианцы Бернардо Джорджо, Марино Мауро и сам Марко Делла-

наве). Марко Делланаве, родственнику и компаньону, Пьетро оставил перед отъездом для реализации или для отправки 24 карателла меда, 1770 штук осетров и 12 тюков бумаги. Бумага восточного происхождения широко использовалась тогда в Византии, да и на всем Леванте. В нашем документе зафиксирована ее продажа в Тане. Это, безусловно, транзитный товар, тогда как мед и осетры — традиционные предметы местного экспорта. Осетры были проданы за 482 безанта, стоимость бумаги не указана (1 тюк Делланаве оставил для себя), а недостача по операциям Делланаве с медом составила крупную сумму: 772 безанта. По всем видам операций иск к наследникам Делланаве, представленный через много лет после смерти Пьетро Сторнелло (ум. в 1393 г.) и через 1,5 года после кончины Марко Делланаве (ум. в 1420 г.), составил около 90 соммов (около 1980 безантов, или 450 дукатов). После того как были заслушаны показания ответчика, рассмотрены все обстоятельства дела, изучены счетные книги Пьетро Сторнелло, материалы завещаний и свидетельских показаний, в том числе бывшего в 1393 г. вице-консулом в Тане Франческо Фоскарини, знавшего об условиях соглашения Сторнелло и Делланаве о выплате долга, суд приговорил ответчика к уплате 45 соммов, сочтя доказанным сам факт долга и определив его бесспорную часть. В 1422 г. судьи конфисковали и передали наследнику Пьетро Сторнелло дом, некогда принадлежавший Марко Делланаве, в счет уплаты этого долга.

Публикуемый документ показывает, сколь значительными были инвестиции венецианских купцов в торговлю в Тане в конце XIV в. Он проливает свет на систему денежного обращения Таны в 80—90-е годы XIV в. Основной счетной единицей Таны был сомм (соммо, саум), делившийся на безанты и аспры (называемые также дангами, даниками, отсюда итальянский вариант — танго). Сомм равнялся примерно 22 безантам. Установить количество аспров в сомме по данному документу невозможно. Обычно серебряные аспры, весившие около 1 г, приравнивались к 1/200—1/202 части сомма²¹, но встречались значительные колебания курса²². По курсу Таны сомм приравнивался к 5 золотым венецианским дукатам (10 сольди)²³. Акт 1421 г. — свидетельство высокого уровня коммерческого делопроизводства венецианцев, а также широты торговых связей Таны в конце XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикация текста жалованной грамоты Узбека в переводе на латинский язык: *Diplomatarium Veneto-Levantinum*/Ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880. Т. 1. P. 243—244. Оригинал документа (пайдза) был составлен в год обезьяны 8-й луны, т. е. в 1332 г., переведен с «куманского» на латинский язык 7 августа 1333 г. и представлен в курию дожа в ноябре 1333 г.

² *Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XV, f. 57v—58r*. Публикация: *Diplomatarium...* Т. 1. P. 249—253; Blanc, baron. *Le flotte mercantili dei Veneti. Venezia, 1896*. P. 11; *Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato). Serie «Mistorum»/Ed. R. Cessi, M. Brunetti. Venezia, 1961*. Т. 2. P. 117—118.

³ *Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XV, f. 58v—59r*. Публикация: Blanc. *Le flotte...* P. 12—13; *Le Deliberazioni...* Т. 2. N 425.

⁴ См. основные работы по истории Таны (Азова): Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. Т. 2. P. 178—190; Ковалевский М. М. К ранней истории Азова//Труды XII Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 2. С. 109—174; Федоров-Давыдов Г. А. Дежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти)//СА. 1958. № 3. С. 65—72; Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; Она же. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро 1362 г.)//ВВ. 1973. Т. 35. С. 103—118; Idem. Storia della Tana//Studi Veneziani. 1968. Т. 10. P. 3—45; Nystazopoulou-Pélékidis M. Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle//Thesaurismata. 1970. Т. 7. P. 15—51; Balard M. La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. Т. 1. P. 151—156; Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe-milieu XVIe siècle)//Turcica. 1976. Т. 8/2. P. 110—201; Thiriet F. Les Vénitiens en Mer Noire. Organisation et trafics (XIIIe—XVe siècles)//Archeion Pontou. 1979. Т. 35. P. 38—53; Martin M. Venetian Tana in the Later Fourteenth and Early Fifteenth Centuries//Byzantinische Forschungen. 1987. Bd 11. S. 375—379; Idem. Some Aspects of Trade in Fourteenth-Century Tana//Bulgaria Pontica, II. Sofia, 1988. P. 128—139; Matschke K.-P. Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh.//Mitteilungen des bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. 1984. 2/VI. S. 75—95; Doumerc B. Les Vénitiens à La Tana (Azov) au XVe siècle//Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Т. 28. N 1. P. 5—19; Idem. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie?//Etat et colonisation au Moyen Age et à la Renaissance. Lyon, 1989. P. 251—266; Berindei M., Migliardi O'Riordan G. Venise et la Horde d'Or, fin XIIIe—début XVe siècle. A propos d'un document inédit de 1324//Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. Т. 29. N 2. P. 243—256.

⁵ Verlinden Ch. La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle//Studi in onore di G. Luzzatto. Milano, 1950. Т. 2. P. 1—25; Idem. L'esclavage dans l'Europe médiévale. Gent, 1977. Т. 2: Italie, colonies italiennes du Levant, Levant Latin, Empire Byzantin; Idem. Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XVe siècle)//Miscellanea historica in honorem L. van Essen. Bruxelles. Paris, 1947. P. 287—298; Idem. Le Recrutement des esclaves à Venise aux XIVe et XVe siècles//Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. 1968. Т. 39. P. 83—202; Laiou A. Un notaire Vénitien à Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350//Les Italiens à Byzance. Paris, 1987. P. 91—102. Более подробные указания на литературу см.: Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV — начало XV в.)//ВО. 1982. С. 191—192.

⁶ Paracostea Ş. «Quod non iretur ad Tanam». Un aspect fondamental de la politique génoise dans la Mer Noire au XVe siècle//RESEE. 1979. Т. XVII. N 2. P. 201—217; Balard M. Gènes et la Mer Noire (XIIIe—XVe siècles)//Revue Historique. 1984. Т. 270. N 1. P. 32—54.

⁷ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини... С. 34—38.

⁸ Dupuigrenet Desroussilles F. Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431//Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. Т. 20. N 1. P. 115—117.

⁹ Verlinden Ch. La colonie... P. 4—24; Idem. Le recrutement... Balard M. La Romanie... Т. 1. P. 154—155; Verlinden Ch. Le commerce en Mer Noire dès débuts de l'époque byzantine au lendemain de la conquête de l'Égypte par les Ottomans (1517)//XIII Congr. Int. des sciences historiques. Moscou, 1970. P. 6 etc.

¹⁰ Verlinden Ch. Le recrutement... P. 185—202.

¹¹ Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.; Л., 1958; Карпов С. П. Документы по истории Венецианской Романьи из Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР//България Понтика, IV. София (в печати).

¹² Verlinden Ch. Le recrutement... Idem. La colonie... Idem. Esclaves et ethnographie...

¹³ Verlinden Ch. Le recrutement... P. 97; Idem. La colonie... P. 12—13.

¹⁴ Verlinden Ch. Le recrutement... P. 127.

¹⁵ Fenster E. Zur Fahrt der venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer//BS. 1978. Bd 39. S. 187. Дукат равнялся, таким образом, 24 аспрам. По иным данным, в Танае в 60-е годы XIV в. дукат приравнялся к 25,92 или 30 аспрам (ibid.), следовательно, стоимость рабыни по курсу Танае была от 6,7 до 7,7 дуката.

¹⁶ Verlinden Ch. Le recrutement... P. 118—125, 127; Idem. La colonie. P. 7, 13.

¹⁷ Laiou A. Un notaire... P. 94.

¹⁸ Verlinden Ch. Le recrutement... P. 126.

¹⁹ Ibid. P. 118—125. По данным Б. Крекича, полученным на основании изучения актов венецианского нотариуса Марко ди Раффанелли (1388—1398 гг.), в 1388—1389 гг. рабыни в возрасте от 11 до 44 лет стоили от 25 до 60 дукатов. Средняя цена рабыни-татарки — 44,3 дуката. В 1388—1389 гг. она колебалась от 39,3 до 42,2 дуката, т. е. в том же интервале, что и цена за рабыню Ульяну. Средняя цена рабынь от 21 до 30 лет была максимальной по всем этническим категориям — 45,6 дуката (Krekić B. Contributo allo studio degli schiavi levantini e balcanici a Venezia (1388—1398)//Studi in memoria di F. Melis. Napoli, 1978. T. 2. P. 379—394).

²⁰ См. о комменде (с указанием литературы вопроса): Карпов С. П. Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII—XV вв.)//ВВ. 1987. Т. 48. С. 23—32.

²¹ Федоров-Давыдов Г. А. Денежно-весовые единицы Танае...; Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. N 590. 1227. Caffè Massaria ad annum 1410, f. LVIIr: 1 сомм=200 аспрам; N 590. 1229. Caffè Massaria 1420—21, f. LIIIr: 1 сомм=202 аспрам; f. CLr: 1 сомм=200 аспрам и т. д.

²² Так, например, в 1386 г. в Каффе курс сомма был 145 аспров (мы не знаем, правда, идентичны ли более полновесные аспры Каффы тех лет, видимо, новой чеканки после реформы хана Тохтамыша в 1380 г., тем аспрам, которые обращались тогда в Танае). В 1381 г. в Каффе 1 сомм=133 аспрам: Archivio di Stato di Genova, San Giorgio. N 590. 1226. Caffè Massaria 1381, f. CCCCXXVIII v. N 590. 1226bis. Caffè Massaria 1386, f. 400v. Cp. N 590. 1230. Caffè Massaria 1422, f. CXIXr: 1 сомм=225 аспрам; N 590. 1231. Caffè Massaria. 1423, f. CXXXIIr: 1 сомм=202 аспрам; f. CXLVIIr: 1 сомм=225 аспрам. В начале XV в. одновременно существовали разные обменные курсы аспра по отношению к сомму.

²³ Такой же курс устанавливался венецианским государством для уплаты фрахта на галеех «линии» Венеция—Танае (см., например: Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XXXI, f. 5r—v, 59v—60v, 95v—97v (1363—1365 гг.)).

In nomine dei eterni, amen. Anno ab incarnatione domini nostri Yhesu Christi millesimo trecentesimo sexagesimo tertio, mensis madii, die tercio decimo intrante, prima indicione, Tane.

Manifestum facio ego, Victor Baxeio de confinio Sanctorum Apostolorum de Venetiis, nunc habitator in Tana, quia in dei nomine do, vendo atque transact(o) cum meis heredibus tibi, Tixio Ziriolo filio ser Bartholomei Ziriolo de confinio Sancte Agnetis de Venetiis et tuis heredibus et pro heredibus quandam meam sclavam ortam progenie tart(arorum), annorum circa sexdecim, quam emi in Tan(am), nomine Charaza, et deinceps in baptismo vocatam Nastaxiam, sanam omnibus suis corpore et membris ab omnibus malis magagnis, tam oculitis quam manifestis, et cum omni jure, servitutis, polizis et scripturis, que et quas in dicta habeo, a modo in antea cum plenissima virtute et potestate predictam sclavam intromitendi, habendi, tenendi, dandi, donandi, dominandi, comutandi, vendendi, franchandi, pro anima judicandi, et in perpetuum possidendi, ac quicquid deinceps tibi magis placuerit faciendi, tamquam de tua propria, nemine tibi contradicente, quia me per omnia for(is) fatio et ipsam in tua plenissima virtute et potestate relinquo, promictens in meis heredibus tibi, Tixio suprascripto, et tuis heredibus dictam sclavam tuam ab omni homine et persona, que inde te impedire et molestare voluerit, coram quocunque iudice, legis magistratu vel dominio fuerit oportunum, fidei(ter) defensare et garantire. Quod si noluero vel facere non potero, tunc pretium infra scriptum a te, Tixio suprascripto, quo infra, receptum, tibi integre satisfacere promicto. Pretium autem suprascripte slave secundum pactum et conventionem inter Tixium suprascriptum et me ortum tuit in totum asprorum ducentorum bonorum de Tana, quos quidem a(uri) duc(atos) a te Tixio suprascripto integre habui et recepi, unde tam de suprascripta sclava, quam de eius pretio suprascripto inde securus et quietus permaneas in perpetuum, quia nihil inde remansit unde te amplius requirere aut compellere valeam per ullum ingenium {ingenium} * sive modum. Si igitur contra hanc manifestationis, promissionis et securitatis cartam ire temptavero, tunc emendare debeam cum meis heredibus tibi Tixio suprascripto et tuis heredibus auri libras quinque qua, solutione vel non, hec manifestationis, promissionis et securitatis carta in sua permaneat perpetuum firmitate.

Signum suprascripti Vict(or)is Baxeio qui hec fieri rogavit.

Ego Franciscus Bachino testis subscripsi.

Ego Boncipius de Martino testis subscripsi.

Ego Benedictus Blancho confinie Sancte Heuphimie de Judecha de Veneciis, presbiter, incliti ducatus Veneciarum publicus notarius, et nunc curie Venetorum in Tana canzelarius scripsi, complevi et roboravi.

* Написано дважды.

Перевод:

Во имя бога вечного, аминь. Год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1363, месяца мая, 13 дня, первого индикта, в Тане.

Я, Виктор Баксейо из прихода Святых Апостолов в Венеции, ныне житель в Тане, объявляю, что именем бога даю, продаю и передаю, вместе с моими наследниками, тебе, Тиксиусу Цириоло, сыну сера Бартоломея Цириоло из прихода св. Агнессы в Венеции, и твоим наследникам мою рабыню, по происхождению татарку, около 16 лет, которую я купил в Тане, по имени Караза, а затем в крещении названную Настасией, здоровую всем своим телом и всеми своими членами, лишенную всяких болезней, пороков, как тайных, так и явных, и со всеми правами, сервитутами, расписками и документами, которые я на нее имею, отныне и впредь, с полнейшей возможностью и властью вышеуказанную рабыню принять, иметь, держать, отдать, подарить, повелевать (ею), обменять, продать, освободить, за душу судить и навечно ею владеть и делать впредь все, что тебе заблагорассудится, как с твоей собственностью, безо всякого противодействия с чьей-либо стороны, так как я всецело ее отчуждаю и предоставляю в твое полнейшее распоряжение и в твою власть, обязуясь за моих наследников тебе, вышеуказанному Тиксиусу и твоим наследникам, указанную твою рабыню преданно защищать и охранять от любого лица, которое бы пожелало затем тебе препятствовать и вредить, перед лицом любого судьи, судебного магистрата или правителя, как это будет необходимо.

Если же я этого не пожелаю или не смогу сделать, то обязуюсь тебе полностью возместить нижеуказанную цену, которую я получил от тебя, вышеуказанного Тиксиуса. А цена же вышеуказанной рабыни, по договору и соглашению между вышеуказанным Тиксиусом и мною, была определена в целом в 200 доброкачественных аспров Таны, каковые со своей стороны, от тебя, вышеуказанного Тиксиуса, я полностью получил, как за вышеуказанную рабыню, так и за ее вышеуказанную стоимость. Вследствие этого ты можешь навсегда оставаться уверенным и спокойным, ибо впредь ничего не существует такого, на основании чего я бы мог что-либо дополнительно требовать или обвинять (тебя) каким-либо способом или образом. Если же я посмею пойти против этого документа объявления, обязательства и гарантии, то тогда я, вместе с моими наследниками, должен буду уплатить тебе, вышеуказанному Тиксиусу, и твоим наследникам 5 либр золота, и вне зависимости от их уплаты этот документ объявления, обязательства и гарантии останется навечно в своей силе.

Знак вышеуказанного Виктора Баксейо, который просил составить этот документ.

Я, Франциск Бакино, свидетель, подписал.

Я, Бонципий де Мартино, свидетель, подписал.

Я, Бенедикт Бланко, священник прихода св. Эуфимии на Джу-

декке в Венеции, публичный нотариус прославленного Венецианского дуката, а ныне канцлер курии венецианцев в Тане, составил и скрепил (документ) (по просьбе) вышеуказанного.

*Архив ЛОИИ, западноевропейская секция, Венеция,
карт. 194, № 18*

14 марта 1385 г.

In nomine dei eterni, amen. Anno ab incarnatione domini nostri Yhesu Christi millessimo trecentesimo octuagesimo quinto, mensis martii, die quarto decimo, int(rante), indicione octava, Rivoalti.

Manifestum facio ego, Stephanus de Monte de confinio Sancti Iuliani, quia in dei nomine cum meis heredibus do, vendo atque transacto vobis, ser Domenico de Iohanne Bartole de confinio Sancti Leonis et eius heredibus * unam meam sclavam de genere Tartarorum ortam, etatis annorum viginti quatuor vel circa, vocatam ad sanctum baptisma Ulianam, sanam de persona omnibus magagnis et a morbo caduco sinceram. Amodo in antea cum plenissime virtute et potestate ipsam sclavam habendi, tenendi, dandi, donandi, dominandi, vendendi, alienandi, comutandi, imperpetuum possidendi et pro anima iudicandi, et quicquid vobis melius placuerit et videbitur faciendi, tamquam de re vostra propria, nemine vobis contradicente, quia exinde me per omnia foris facio et in vestra plenissima virtute et potestate relinquo. Precium autem, quod fuit iusta nostre conventionis pactum, ducatis quadraginta quinque boni aur(i) et iusti ponderis a vobis integraliter habui et recepi, un(de) tam de dicta sclava, quam de eius pretio securus et quietus per(m)aneatis im perpetuum, quia nichil inde remansit unde vos requirere valeam per ullum ingenium sive modum. Insuper promitto vobis ipsam sclavam deffendere, guarentare, auctorare, disbrigare, ab omni homine et persona cum ratione omnibus meis propriis, omnibus sumptibus interesse et expensis. Si igitur contra hanc manifestationis, vendicionis, securitatis et promissionis cartam ire temptavero, tunc emendare debeam cum meis heredibus vobis vestrisque heredibus auri libras quinque. Et hec mea manifestationis, vendicionis, securitatis et promissionis carta in sua permaneat firmitate.

Signum suprascripti ser Stephani de Monte, qui hec rogavit fieri.

- + Ego Thomasius de Thomasio notarius testis subscripsi.
- + Ego Nicholetus Seraçarolus testis subscripsi.
- + Ego Petrus Sancto, notarius Veneciarum complevi et roboravi.

Перевод:

Во имя бога вечного, аминь. Год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1385, месяца марта, дня 14, индикта 8, на Ривальто.

* et eius heredibus — пропущено и затем вставлено в конце текста.

Я, Стефан де Монте из прихода св. Юлиана, объявляю, что именем бога, вместе с моими наследниками, даю, продаю и передаю вам, серу Доменику, сыну Иоанна Бартоле из прихода св. Льва, и его наследникам мою рабыню, по происхождению татарку, 24 лет или около того, во святом крещении названную Ульяной, здоровую, без каких-либо изъянов и (не страдающую) падучей болезнью, непорочную, отныне и впредь, с полнейшей возможностью и властью эту рабыню иметь, держать, отдать, подарить, повелевать (ею), продать, отчуждать, обменять, навечно (ею) владеть, быть судьей за ее душу и делать все, что вам будет угодно и заблагорассудится, как с вашей собственной вещи, безо всякого противодействия с чьей-либо стороны, так как затем я всецело ее отчуждаю и в ваше полнейшее распоряжение и власть предоставляю. Плату же, которая была по справедливости установлена нашим соглашением, 45 дукатов из хорошего золота и узаконенного веса, я от вас полностью получил, как за указанную рабыню, так и за ее цену. Вы можете навсегда оставаться уверенными и спокойными, ибо впредь ничего не остается такого, на основании чего я бы мог что-либо от вас требовать каким-либо способом или образом. Кроме того, я обещаю вам эту рабыню решительно защищать, охранять, освобождать от любого человека или лица всеми моими собственными средствами, со всеми расходами и издержками. Если же я посмею идти против этого документа объявления, продажи, гарантии и обязательства, то тогда я должен буду вместе с моими наследниками вам и вашим наследникам уплатить 5 либр золота. И этот мой документ объявления, продажи, гарантии и обязательства останется в своей силе.

Знак вышеуказанного сера Стефана де Монте, который просил составить этот документ.

+ Я, Томмазо де Томазио, нотариус, свидетель, подписал.

+ Я, Николето Серацаролус, свидетель, подписал.

+ Я, Петр Санкто, нотариус венецианцев, составил и скрепил.

Архив ЛОИИ, западноевропейская секция, Венеция,

карт. 195, № 6

17 июня 1421 г.

In nomine dei eterni, amen. Anno ab incarnatione Domini nostri Ihesu millessimo quadringentesimo vigesimo primo, mensis junii die decimo septimo, indicione quarta decima, Rivoalti.

Presentibus ibidem Iohanne Totario et Petro Valentino curie preconibus testibus ad infrascripta vocat(is), h(ab)it(is) et rogat(is) et aliis. Super questione vertente inter spectabiles viros dominos procur(atores) Sancti Marci constitutos super commissariis de citra Canale, tamquam commissariis ser Petri Stornelo, ex una parte, petentes, et nobilem virum ser Nicholaum Lipamano solum commissarium ser Marci Anave, ut patet per cartam sui ultimi

test(amen)ti scriptam, completam et roboratam manu ser Andree Rizo notarii Venec(iarum) in millesimo quadringsesimo ... mensis ... die ... indicione ... * Rivo(al)ti, parte ex altera se defendentem. Ibiq(ue) nobilis vir ser Iohannes Aymo, advocatus d(ict)or(um?) dominorum procur(atorum) commissar(iorum) et pro eis legitime script(us) in curia, sic allegando dicebat, quod cum prefatus condam ser Petrus Stornello de millesimo trecentesimo octogesimo ex(iste)ns Veneciis et videns dictum ser Marcum pauperem et amisisse conditionem sue facultatis et habere filios, pro conviando ipsum dedit dicto ser Marco certos denarios et sibi emit pannos et alias multas res et eum Tanam destinavit cum rebus predictis, que omnia in totum ceperunt libr(as) viginti unam, sold(os) septem, denar(ium) unum grossorum auri, sicut apparet in libro dicti ser Petri Stornello ad cartas viginti quinque, que quantitas reducta est ad sumos et bisantia, et capit bisantia novem centum et triginta novem, tang(os) 9 monete Tane, de qua quantitate dictus ser Marcus nunquam dedit aliquid predicto condam ser Petro nec aliquam sibi consignavit rationem, sicut clare apparet per libros ipsius ser Petri. Et si de ratione predicta dictus ser Petrus aliquid recepisset, illud ad computum multum bene posuisset dicti ser Marci, sicut posuit alias eorum amborum rationes. Et sic evidenter apparet ipsum ser Marcum debitorem remansisse et esse quantitatis predictae. Et pro maiori declaratione iudicii dicebat qualiter dona Catarutia Anave, olim uxor ipsius condam ser Marci clarius informata de denariis et rebus, quos et quas dictus ser Petrus dederat suprascripto condam ser Marco eius attinenti per suum test(amentu)m scriptum de millesimo quadringsesimo sexto decimo ad cautellam eiusdem ser Marci viri. sui, de dicta quantitate ordinando, declaravit quod dictus ser Marcus non posset mollestari de libris viginti quinque grossorum auri de quibus apparet debitor per librum condam ** ser Petri prefati, et ipsi ser Marco eam quantitatem remisit per ipsum suum testamentum tamquam persona succedens bona dicte condam sue matris, que fuit succetrix bonorum dicti condam ser Petri Stornello; et sic verificatur per testamentum dicte condam done Catarutie, eum condam ser Petrum fuisse creditorem ipsius condam ser Marci de quantitate superius declarata et scripta in libro dicti condam ser Petri. Et si quis vellet allegare, quod ipse condam ser Marcus fuisset a dicto debito absolutus per eam donam Catarutiam succetricem ex tenore sui testamenti, respondetur, quod mater dicte condam done Catarutie non potuit succedere aliqua bona dicti condam ser Petri nisi ea, que forent ultra legata contenta in suo testamento, nec fieri pot(uit) residuum per consuetudines et decreta patrie, nisi primo solut(is) legatis in tali testamento declarat(is). Et cum deficient solvi legata trium summarum capientium ultra ducatos mille auri et ultra eas summas solvi deficiat unum legatum annuall ducatis *** viginti quinque, ergo clare sequitur, quod absolutio facta

* Пропуск в тексте.

** Вставлено сверху.

*** Зачеркнуто: quinqua.

ipsi condam ser Marco per eam suam uxorem de dicto debito tenere non potest, nec aliquo modo nocere dictis actoribus et sic dictus condam* ser Marcus remanet tantum obligatus dictis actoribus. Ulterius eo, quod ser Petro reperiendi** se esse Tane de millesimo trecentesimo nonagesimo primo et se habere multas mercantias de sua et aliorum ratione, et volente ire in Zitercanum infra terram, et non valente secum portare tute dimisit in manibus dicti condam ser Marci Anave rationabilem rationem partim de ratione propria ipsius condam ser Petri et partim de ratione suorum sotiorum, inter quas sibi dimisit caratello viginti quatuor melis de ratione condam ser Bernardi Georgio et ipsius condam ser Petri. Et cum dictus condam ser Marcus vendiderit ipsum quantitatem melis et male distribuerit denarios ipsius melis in superfluis expensis. Insuper occurrerit quod reverso prefato condam ser Petro Stornelo de millesimo trecentesimo nonagesimo secundo, et eo suam volente videre rationem cum ipso condam ser Marco de ipsa quantitate mellis repperit de ea ratione deficere bisantia septem centum septuaginta duo, de quibus ad eum ser Bernardum tangebant per sua dimidia parte bisantia trescentum nonaginta sex. Et sic idem ser Petrus per suas litteras avisavit eum ser Bernardum et sibi de ipso melle computum designavit consignando eidem ser Bernardo dictum ser Marcum pro debitoris ipsius dimidie partis, qui ser Bernardus dicto computo contradixit, nolens ipsum ser Marcum pro debitore aliquo modo acceptare. Et de facto ipsius ser Petri commissaria fuit similiter coniuncta ad scontandum prefato ser Bernardo dicta bisantia trescentum octuaginta sex pro ipso debitore, que summa est incisa penes eos actores et quantitas ipsius summe fuit per eos actores persoluta de bonis eorum commissi ipsi ser Bernardo. Ex qua causa ipse ser Marcus venit restare debitor suprascripti condam ser Petri et eius commissarie in tota illa sorte eorum bisantium secentorum septuaginta duorum monete Tane.

Item dicebat, quod in millesimo trecentesimo nonagesimo primo remanserant in manibus dicti condam ser Marci schinalia inter sortam de sansserio et de ratione suprascripti condam ser Petri propria et ser Marini Mauro et ipsius ser Petri Stornelo in totum mille setingenta setuaginta, de quibus scinalibus dictus condam ser Marcus vendidit et traxit de ratione eorum ser Marini Mauro et ser Petri Stornelo bisantia quadringenta octuaginta duo, de quibus*** tangebant dicto ser Petro Stornelo pro sua dimidia parte bisantia ducenta quadraginta unum, sicut videri poterit per unum quaternum dicti condam ser Petri.

Item balle duodecim cartarum de propria ratione suprascripti condam ser Petri, de quibus ballis suprascriptus condam ser Marcus per se tenuit unam et reliquas misit dicto condam ser Petro et ramansit creditor de expensis**** per eum ser Marcum factis in dic-

* Вставлено над строкой.

** Написано на полях.

*** de quibus — повторено дважды.

**** et remansit creditor de expensis — вставлено над строкой.

tis ballis undecim, quas destinavit suprascripto condam ser Petro, sicut per librum condam ser Petri prefati ad computum dicte rationis cartarum liquide apparet.

Item dicebant ipsi actores, quod reverso prefato condam ser Petro Tanam de dictis partibus Zitricani de millesimo nonagesimo secundo et eo volente suas videre rationes cum ipso condam ser Marco ac vidente qualiter ipse ser Marcus secutus fuerat de premisses per modum predictum et qualiter ea malisissime dispensaverat ac calculat(iones) ipsis rationibus, dictus ser Marcus remansit debitor prefati ser Petri Stornelo de summis nonaginta monete Tane, sicut offerebant ipsi actores se iudicio probaturos per nobilem virum ser Franciscum Justiniano condam domini Federici, qui tunc temporis erat Tane et vidit fieri rationes predictas inter eum condam ser Marcum et prefatum condam ser Petrum Stornello, et est informatus de eo, quod idem ser Marcus dare restavit suprascripto condam ser Petro Stornello, qui ser Petrus post predicta recessit de partibus Tane et ivit in San Marcadante, ubi vitam suam finivit. Et sic idem ser Petrus non valuit uti aliquo suo jure contra eum ser Marcum, et ea propter petebant ipsi domini procuratores commissarii sive ipse eorum advocatus eum ser Nicholaum Lipamano commissarium in bonis dicte commissarie prefati condam ser Marci summari eis actoribus pro resto predictorum omnium in bisantiis mille novem centum septuaginta quatuor et tangis duobus ad rationem soldorum decem pro summo, sicut tunc valebat quilibet summus, aut pro eorum damno petebant libras quadraginta quatuor, solidos sexdecim denarios 11 grossorum auri salvis et reservatis omnibus aliis iuribus eorum actorum contra eam commissariam dicti ser Marci quo(s)cumque et qualitercumque. Et petebant expensis cause presentis.

Ex adverso autem dicte petitioni predictorum dominorum procuratorum annotate manu Marci Stornelo respondebat prefatus ser Nicolaus Lippamano solus commissarius suprascripti condam ser Marci Anave ex tenore sui ultimi testamenti, facti, completi et roborati manu condam ser Ang(e)li condam ser Andreierii notarii Veneciarum in millesimo quadringentesimo ... * mensis ... die ... indicione, respondentis, quod, sicut est manifestum iudicati presenti et sicut cavetur in petitione predicta, sunt anni viginti octo vel circa, quibus prefatus ser Petrus Stornello suum diem ultimum clausit, a quo tempore citra quaterni suprascripti ser Petri quibus sit predicta petitio continuo steterunt in manibus dominorum procuratorum de citra predecessorum predictorum dominorum procuratorum, qui fuerunt commissarii ipsius ser Petri et fuerunt plene informati de omni eo, quod in eis quaternis annotatum est, sicut domini iudices poterunt clare cognoscere et etiam ** possunt videre iam pluribus annis preteritis, prefatus Marcus Stornelo, qui est bone discretionis continuo ivit per palatium, sicut est manifestum

* Пропуски в тексте здесь и далее отмечены многоточием.

** etiam — вставлено над строкой.

prefatis dominis commissariis ipsius ser Petri Stornello, vidit et examinavit dictos quaternos et de premissis fuit et est bene avisa-
tus et continuo informatus, ut a dictis dominis procuratoribus et a
ser Iohanne Aymo eorum advocato domini iudices poterunt persen-
tire. Et dum dictus condam ser Marcus Anave vixit, qui obiit die ...
mensis ianuarii elapsi, quod tempus est anni viginti sex a die mor-
tis dicti condam ser Petri Stornello, usque in die mortis dicti con-
dam ser Marci Anave, et dum ipse ser Marcus Anave stetisset per
totum ipsum terminum Veneciis et in Trivisana ad casallem, dic-
tus ser Nicolaus, commissarius ignorat causam quare predicti do-
mini procuratori commissarii predicti sive dictus Marcus Stornello,
qui cum tanta anxietate et festinantia petunt de presenti, non petie-
rint et non sollicitaverint in preteritum in vita suprascripti ser Mar-
ci, cum et (iam) habuerint ipsi domini procuratores et prefatus Mar-
cus Stornello ad demonstrandum et probandum illud, quod in petiti-
one predicta continetur. Et dicit ipse commissarius* nulla alia cum
fuit, nisi quia ipse Marcus Stornello sciebat, dicens, quod ser Mar-
cus Anave fuisse de suis iurbus et probationibus per optime infor-
matum et bene clarificavit mentem predictorum dominorum procu-
ratorum preteritorum cum quibus, ut clarissime comprehendendum
est, debuit ser Marcus Anave remansisse concors. Et maxime res-
pectu testificationis ser Francisci Fuscarenno annotatae in hac curia,
que testificatio erat eisdem dominis procuratoribus manifesta et
cuius contentia inferius annotabitur, propter que dictus ser Mar-
cus Stornello permisit preterire annos viginti octo.

Videlicet quousque dictus ser Marcus Anave mortuus est, qui ut
predicitur de omnibus suis iurbus et probationibus erat clare infor-
matum, de quibus iurbus, ut** est superius dictum, prefatus ser
Nicholaus Lippamano est totaliter nudus, et maxime quia aliqua
eius scriptura, ideo quaternus, sicut scit*** prefatus Marcus Stor-
nelo, non pervenerunt ad manus prefati ser Nicolai, per quas scrip-
turas credit idem ser Nicolaus sine dubio si habeatur quod contra-
rium, demonstraretur eius quod continetur in petitione predicta, sed
ex causa eius condam ser Marcus est optime informatum, quod pe-
nes dictum ser Nicolaum non est aliqua scriptura dicti sui commisi
seu aliqua informatione, idem ser Marcus Stornelo sero movit in
faciendo fieri predictam petitionem, et cum in predicta petitione
fiat mentio, quod pars adversa probare velit per nobilem virum ser
Franciscum Iustiniano illud, quod in ipsa petitione continetur, res-
pondebat suprascriptus ser Nicolaus**** commissarius, quod iura
dicti sui commissarii certe perire potuissent, nisi esset illud, quod me-
diante gratia dei, qui deus non permittit perire***** iura alicuius,
quod secutum fuit, videlicet quod loquente dicto ser Nicolao casua-
liter cum dicto ser Marco Stornelo super presenti causa, et ser Ni-

* Зачеркнуто: quod.

** ut — вставлено над строкой.

*** scit — вставлено над строкой.

**** Зачеркнуто: Iustiniano.

***** perire — вставлено над строкой.

colao se gravante de dicto Marco et de modis ab eo observatis, idem Marcus retulit suprascripto ser Nicolao non considerans sua verba, quod per {per} * alia tempora preterita ducta fuerit in presenti iudicio quedam testificatio faciens claram mentionem super hac causa. Et volente dicto ser Nicolao scire tempus ipsius testificationis pro habendo aliquam informationem et querendo multos libros presentis iudicationis tandem pervenit ad manus prefati ser Nicolai unus quaternus testificationum de millesimo trecentesimo nonagesimo sexto super quem ad postam dominorum procuratorum de citra est annotata testificatio nobilis viri ser Francisci Fuscarenno vice consulis Tane de millesimo trecentesimo nonagesimo tertio ad cuius manus pervenerunt omnes quaterni et scripture suprascripti ser Petri Stornelo immediate post ipsius ser Petri obitum, per quam testificationem clare cognoscitur esse oppositum eius, quod continetur in predictam petitionem, et quam testificationem dictus ser Nicolaus dominis iudicibus demonstravit. Et sic de novo requirebat iudicium, quatenus dignaretur eam testificationem videre, quam dictus ser Nicholaus producit in favorem commissarie dicti ser Marci, cum in ipsa testificatione contineatur, quod in millesimo trecentesimo nonagesimo secundo factum fuit saldum concorditer inter eum condam ser Marcum Anave cum eo condam ser Petro Stornelo in Tana et qualiter de ipso resto scriptum fuit quidam instrumentum visum per ipsum ser Franciscum Fuscarenno, quod restum remanserat in minima quantitate, de qua ipse condam ser Marcus apparet debitor per quaternos dicti condam ser Petri Stornelo, sicut in testificatione dicti ser Francisci Fuscarenno clarius continetur quod restum scriptum concorditer cum ipso instrumento scriptum fuit tempore recessus prefati ser Petri Stornello a Tana pro eundo infra terram, qui ser Petrus paulo post obiit.

Et sic celebrato dicto instrumento prefati condam ser Petrus et ser Marcus nunquam fuerunt amplius insimul nec insimul amplius agere habuerunt in aliquo, quod multum bene clarificatur per predictam petitionem cum in ea contineatur, quod omnes partite factorum dicti condam ser Marci Anave annotate super libros prefati ser Petri Stornelo scripte fuerunt in millesimo trecentesimo nonagesimo primo in (T)anam, et dictum instrumentum scriptum fuit de millesimo trecentesimo nonagesimo secundo, sicut predictum est. Ex quibus concludendo prefatus ser Nicholaus dicebat sapientiis dominorum iudicum, quod attento, quod tam clarum probatum fuerit presenti iudicio per eam testificationem dictam commissariam ipsius ser Marci non teneri in eo, quod in dicta petitione continetur, non debeat acceptari, nec autenticari alia ** probatio cum probatio contra probationem, quod patria nostra non patitur ullo modo posse in aliquo iudicio taliter praticari. Et per multas alias rationes a respectu v (idelicet) ***, quod dictus ser Nicolaus non curavit

* per — задержнуто.

** aliqua исправлено на: alia.

*** v (idelicet) — вставлено над строкой.

anotare, cum satis clarum appareat dicto ser Nicolao commissario per illud, quod superius allegavit reverentias dominorum iudicum* remanere claras. Et dato ad huc quod dicta testificatio ipsius ser Francisci Iustiniano potuisset acceptari, quod negat idem ser Nicolaus Lippamano multis causis et respectibus, ut est superius dictum, nichilominus dicebat illud non obstare, nec obstare posse intentioni eiusdem ser Nicolai, quia idem ser Marcus Anave fuit concursus predictorum debitorum cum ipso ser Petro Stornelo, de quo concordio processit unum instrumentum, sicut apparet per depositionem ipsius ser Francisci Fuscarenno superius allegatam. Et sic requirebat iudicium quatenus absolvere dignaretur eam commissariam ser Marci Anave a petitione predicta et predictos actores in expensis huius absolutionis condemnare, salvis omnibus iuribus ipsius commissarie ser Marci Anave contra ipsos dominos procuratores commissarios ipsius ser Petri Stornello et contra quamlibet aliam personam quocumque et qualitercumque.

De unde prefati domini iudices procuratores, videlicet domini Fantinus Magno et** Nicholaus Pizamanus, domino Ieronimo Girardo tertio eorum socio non ente cum eis, in consciam, visis et auditis petitionibus, responsionibus partium predictarum, et quicquid partes ipse dicere et allegare voluerunt, et carta testamenti dicti condam ser Marci Dela Nave condam ser Stefani scripta, completa et roborata manu ser Andree Rizo notarii Venec(iarum) millessimo quadringentesimo decimo nono, mensis octobris die decimo octavo indicione tertia decima Rivoalti, visis libr(is) condam ser Petri Stornelo, ubi sunt antedictae rationes dicti ser Petri cum eo ser Marco Dela Nave, et visa testificatione nobilis viri ser Francisci Fuscarenno alias in iudicio producta, publicata et annotata, continente in effectu, quod fuit scripta ta(me)n una carta inter eum ser Petrum et dictum condam ser Marcum de omnibus que simul agere habuerant, et quod per eam cartam apparebat eum ser Marcum Anave teneri in multo minori quantitate denariorum ipsi condam ser Petro Stornelo, quam annotatum esset super libros ipsius condam ser Petri; et viso*** quodam precepto scripto ipsis dominis procuratoribus super productione carte predictae in iudicio annotato et attento, quod liquide apparet per depositionem ipsius testis, eum ser Marcum fuisse debitorem ipsius ser Petri de quantitate ipsius carte, que carta cum protocollo eius propter combustionem Tane postea secutam, nullo modo apparere pot(uit), et consideratis omnibus que circa premissa merito consideranda fuerunt, primo dato sacramento ipsi domino Bertutio Quirino, procuratori et commissario, et eo secundum suam et dicti domini Francisci Foscari, socii sui conscientiam, iurante verum esse, et commissaria ipsius ser Petri habere debere, ut infra conclusum est per summam laudandum et arbitrium per iustitiam, et eorum offitium exuerundo, posuerunt in debitum commissariam ipsius ser Marci Anave sive dominum

* iudicum — вставлено над строкой.

** et — вставлено над строкой. Зачеркнуто: et d(omi)n(u)s.

*** Зачеркнуто: computo.

Nicolaum* Lipamanum, solum nunc suum commissarium, ad dandum et ad solvendum de bonis dicte commissarie ipsis dominis procuratoris Sancti Marci de citra, commissariis dicti ser Petri Stornello summos quadraginta quinque monete Tane occasione premissorum, condemnantes eum ser Nicolaum Lippamanum, commissarium sive commissariam ipsius ser Marci Dalanave in expensis huius cause que sunt adiecta taxatione presente summe ducatos tres auri, dantes eisdem dominis procuratoribus actoribus commissariis prelibatis ad intromittendum omnia bona et habere ipsius commissarie condam ser Marci Anave, mobilia et immobilia, usque ad integram satisfactionem, salvis iuribus dictorum dominorum procuratorum commissariorum, si pro tempore appareret quante quantitatis esset restum conclusum per eam cartam inter eum ser Petrum et dictum ser Marcum in quantum ipsi domini procuratores plures dicta quantitate summorum habere restarent a commissaria dicti ser Marci. Et similiter omnibus iuribus utriusque partium predictarum, et presertim iuribus commissarie dicti ser Marci contra quamlibet personam. Et hec sententie carta in sua permaneat firmitate.

Ego Fantinus Magno, iudex, prochur(ator) m(anu) m(ea) subscripsi.

Ego, Nicolaus Pizamano, iudex, procurator, m(an)u m(e)a subscripsi.

MCCCCXXII, die XXX marcii indicione XV, nos Nicolaus de Musto et Ieronimus de Mualli iudices pro al. abs(ente) d(omino) Petro Dandulo, tertio eorum socio, dederunt ad proprium pro quantitate huius summe unum domum predicti condam ser Marci Anave prout ipsa per totum contras ... dit positam in ... naba cum uno hospitio posito ad pedem planum versus super pan ... um atrabatura unius ... re dicte domus inferior debere murari una porta per quam intrat ... de dicto hospitio in unum aliud quid est de reliquo**.

Ego presbiter Gasparinus Canonicus Castellanus et Venet(iis) notarius complevi et roboravi.

Nos ser Nicolaus Pizomano et socii procuratorium iudices, exstimamus ducatos duos cum dimidio.

* Зачеркнуто: per.

** Текст стерт. Восстанавливается лишь фрагментарно.

Перевод:

Во имя бога вечного, аминь. Года от воплощения Господа нашего Иисуса 1421, 17 июня, 14 индиктиона, Риальто¹.

(Разбирательство) в присутствии Иоанна Тотарио и Петра Валентинно, должностных лиц курии, свидетелей, ради нижеследующего призванных, явившихся и испрошенных, и иных, по делу между почтенными мужами господами прокураторами Св. Марка, утвержденными для (надзора) за доверенностями по ту сторону Канала², действующими в качестве комиссариев³ сера Петра

Сторнелло, истцов, с одной стороны, и благородным мужем сером Николаем Липамано, единственным комиссарием сера Марка Анаве, как явствует из акта его завещания, написанного, составленного и скрепленного рукой сера Андреа Рицо, венецианского нотариуса, в году 14... месяца... дня... индиктиона... на Риальто, от- ветчика, — с другой стороны.

И об этом благородный муж сер Иоанн Аймо, адвокат указанных господ прокураторов, комиссариев, и от их имени законно зарегистрировавшийся в курии, так утверждая, говорил. Когда вышеуказанный покойный сер Петр Сторнелло в 1380 г. был в Венеции и увидел указанного сера Марка в бедности и что он потерял свое состояние и обременен детьми, то для вспомоществования он дал указанному серу Марку определенную сумму денег и купил ему ткани и много других товаров и отправил в Тану с означенными товарами, и все это в целом стоило 21 лиру, 7 сольди, 1 денарий гроссов золотом, как записано в книге указанного сера Петра Сторнелло на странице 25, каковая сумма переведена в соммы и безанты и составила 939 безантов 9 танго⁴ в монете Таны, из каковой суммы указанный сер Марк ничего не выплатил вышеуказанному покойному серу Петру и не представил ему какого-либо расчета, как с очевидностью явствует из книг этого сера Петра. И если бы по вышеуказанному расчету указанный сер Петр что-либо получил, то он бы обязательно записал это на счет указанного сера Марка, как записывал прежде их расчеты друг с другом. И таким образом, с очевидностью явствует, что этот сер Марк остался должником на вышеуказанную сумму. И для большего прояснения тяжбы он сказал, что донна Катаруция Анаве, бывшая супругой покойного сера Марка, более точно осведомленная о деньгах и товарах, которые указанный сер Петр дал вышеуказанному покойному серу Марку, своему свойственнику, в своем завещании, написанном в 1416 г., для большей гарантии (прав) ее мужа сера Марка, давая предписание относительно этой суммы, заявила, что указанному серу Марку нельзя вчинять иск на 25 либр гроссов золотом, которые он был должен, как явствует из книги вышеуказанного покойного сера Петра, и последний сам по своему завещанию уступил эту сумму серу Марку как лицу, наследующему имущество ее покойной матери, которая была наследницей имущества указанного покойного сера Петра Сторнелло. И таким образом, по завещанию указанной покойной донны Катаруции выясняется, что покойный сер Петр был кредитором покойного сера Марка на вышеобъявленную и записанную в книге указанного покойного сера Петра сумму. И если кто-либо пожелал бы представить в качестве доказательства то, что сам покойный сер Марк был освобожден от указанного долга, по содержанию ее завещания, этой покойной доной Катаруцией, его (сера Петра. — С. К.) наследницей, то будет дан ответ, что мать указанной покойной донны Катаруции не могла наследовать какого-либо имущества указанного покойного сера Петра, кроме того, что было сверх легатов⁵, содержащихся в его

завещании, а значит, по обычаям и законам отечества, не могла использовать остаток, не уплатив ранее легатов, объявленных в таком завещании. И так как (денег) не хватило, чтобы уплатить легаты трем получателям на суммы свыше 1000 золотых дукатов, и сверх этих сумм не хватило уплатить один легат — 25 дукатов в год, то из этого ясно следует, что освобождение от уплаты, сделанное покойному серу Марку его женой по указанному долгу, не может быть признанным и никоим образом не может препятствовать указанным истцам. И таким образом указанный покойный сер Марк остается должником указанных истцов на такое же количество (денег).

Далее он сказал, что в 1391 г. сер Петр был в Тане и имел много товаров, принадлежащих ему и иным лицам, и, желая идти в Зитеркан⁶, в глубь территории, и не имея возможности вести с собой (их) в безопасности, оставил указанному покойному серу Марку Анаве с точным расчетом, как те (из них), что были (записаны) на собственный счет покойного сера Петра, так и те, что были на счет его компаньонов. И среди товаров он ему оставил 24 карателла меда на счет покойного сера Бернардо Георгия и на счет самого покойного сера Петра. И указанный покойный сер Марк продал это количество меда и плохо распорядился деньгами за этот мед, (произведя) лишние траты. Вдобавок случилось, что когда вышеуказанный покойный сер Петр Сторнело в 1392 г. вернулся и пожелал увидеть свои расчеты с этим покойным сером Марком относительно этого количества меда, то оказалось, что в этих расчетах не хватает 772 безантов, из которых серу Бернарду причиталось за его половину 396⁷ безантов. И таким образом, сер Петр своим письмом уведомил сера Бернарда и составил ему счет на этот мед, указав, что упомянутый сер Марк является должником сера Бернарда на 1/2 часть. Каковой сер Бернард опротестовал этот счет, никак не желая принять сера Марка в качестве должника. И в действительности было сделано соответствующее поручение сера Петра выплатить вышеуказанному серу Бернарду указанные 386 безантов за этого должника, какова сумма была выделена истцами, и это количество денег было этими истцами выплачено серу Бернарду из вверенного им имущества. По этой причине этот сер Марк остался должником вышеуказанного покойного сера Петра и его комиссариев на всю эту долю в 772 безанта в монете Таны.

Он также сказал, что в 1391 г. в руках указанного покойного сера Марка остались сортовые осетры, (записанные) на сансеррию⁸ и на собственный счет вышеуказанного покойного сера Петра и на (совместный) счет сера Марина Мауро и сера Петра Сторнело, в целом 1770 (штук). Каковые осетры указанный покойный сер Марк продал и перевел на счет сера Марина Мауро и сера Петра Сторнело 482 безанта, из которых указанному серу Петру Сторнело причитался за его половину 241 безант, как можно удостовериться по книге счетов указанного покойного сера Петра. Также 12 тюков бумаги (записанные) на собственный счет выше-

указанного покойного сера Петра, один из которых вышеуказанный покойный сер Марк оставил себе, а остальные отправил указанному покойному серу Петру, как явственно следует из книги вышеуказанного покойного сера Петра в (записи) счетов на бумагу.

Также эти истцы сказали, что когда вышеуказанный покойный сер Петр вернулся в Тану из этих земель Зитрикана в 1392 г. и пожелал увидеть свои счета с покойным сером Марком, и, увидев, как сер Марк вел дела с порученным ему (товаром) вышеуказанным способом и как он им распоряжался наихудшим образом, указанный сер Марк остался должником указанного сера Петра Сторнелло на 90 соммов в монете Таны. Так утверждали истцы, опираясь на показание благородного мужа сера Франциска Юстиниано, сына покойного господина Федерика, который в то время был в Тане и видел вышеуказанные расчеты между покойным сером Марком и вышеуказанным покойным сером Петром Сторнелло и осведомлен о том, что сер Марк остался должен вышеуказанному покойному серу Петру Сторнелло. И сер Петр после вышеуказанного отбыл из района Таны и уехал в Сан Маркаданте, где и окончил свою жизнь. И таким образом, этот сер Петр не смог использовать какое-либо свое право в отношении сера Марка. И по этой причине эти господа прокураторы, комиссарии и их адвокат просили сера Николая Липамано, комиссария по имуществу указанной доверенности вышеупомянутого покойного сера Марка, выплатить этим истцам в качестве остатка всего вышеуказанного (долга) 1974 безанта и 2 танго, из расчета 10 сольди за сомм, по курсу сомма тех лет, или в качестве возмещения за ущерб просили 44 либры, 17 сольди, 9 денариев гроссов золотом, сохраняя все иные права этих истцов против комиссариев указанного сера Марка каким бы то ни было образом. И они требовали возмещения расходов на указанном основании.

От противной стороны на иск вышеуказанных господ прокураторов, заверенный рукой Марка Сторнелло, ответствовал вышеупомянутый сер Николай Липамано, единственный комиссарий вышеуказанного покойного сера Марка Анаве, в соответствии с содержанием завещания последнего, которое было составлено и скреплено рукой покойного сера Ангела, сына покойного сера Андрейерия, венецианского нотария, в 14... месяца... дня... индикта... Он ответил, что, как известно настоящему суду и как определено в вышеуказанном иске, прошло уже около 28 лет с тех пор, как вышеупомянутый сер Петр Сторнелло скончал свои дни; и с тех пор счетные книги вышеупомянутого сера Петра, о которых идет речь в вышеуказанном иске, постоянно находились в руках господ прокураторов по ту сторону (Канала), предшественников вышеуказанных господ прокураторов, которые были комиссариями этого сера Петра и были в полной мере осведомлены обо всем том, что записано в этих счетных книгах, как это господа судьи могут в точности выяснить, а также они могут убедиться, что еще в течение многих предшествующих лет вышеука-

занный сер Марк Сторнелло, который хорошо осведомлен (об этом), постоянно приходил в палатцо, как известно вышеуказанным господам комиссариям сера Петра Сторнелло, видел и изучал указанные счетные книги и относительно вышеупомянутого был и есть хорошо осведомлен и постоянно информирован, как господа судьи могут удостовериться у указанных господ прокураторов и у сера Иоанна Аймо, их адвоката. И так как указанный покойный сер Марк Анаве еще был в живых, а умер он в день... прошлого января, то есть прошло 26 лет со дня смерти указанного покойного сера Петра Сторнелло до дня смерти указанного покойного Марка Анаве, и так как сам сер Марк Анаве пребывал в течение всего этого срока в Венеции и в Тривизане, в казалии⁹, то указанный сер Николай, комиссарий, не знает причины, почему вышеуказанные господа прокураторы, комиссарии вышеуказанного, или указанный Марк Сторнелло, которые с такими настойчивостью и поспешностью вчиняют иск в настоящее время, не вчиняли его и не возбуждали в прошлом, при жизни вышеуказанного сера Марка, когда эти господа прокураторы и вышеуказанный Марк Сторнелло имели для представления и освидетельствования то, что содержится в вышеуказанном иске. И этот комиссарий сказал, что не было ничего иного, кроме того, что, как знал сам Марк Сторнелло, сер Марк Анаве был относительно своих прав и доказательств информирован наилучшим образом и хорошо разъяснил это вышеуказанным господам предшествующим прокураторам, с которыми, как совершенно очевидно, сер Марк Анаве должен был пребывать в согласии. И особенно приняв во внимание свидетельские показания сера Франциска Фускарено, записанные в этой курни, которые были представлены этим господам прокураторам и содержание которых записано ниже, почему указанный сер Марк Сторнелло позволил пройти 28 годам?

Таким образом, до тех пор, пока сер Марк Анаве не умер, он, как сказано выше, был точно информирован обо всех своих правах и доказательствах, и относительно этих прав, как сказано выше, вышеуказанный сер Николай Липпамано не имеет никаких сведений, прежде всего потому, что какие-либо его бумаги, а также и счетные книги, как известно вышеуказанному Марку Сторнелло, не дошли до указанного сера Николая. Этот сер Николай полагает, что, без сомнения, если бы в этих бумагах имелось бы какое-либо противоречие, то оно было бы использовано для доказательства того, что содержится в вышеуказанном иске. Но по той причине, что сер Марк прекрасно осведомлен, что у указанного сера Николая нет каких-либо бумаг его указанного поручителя или какой-либо информации, указанный сер Марк Сторнелло медлил с распоряжением о составлении вышеуказанного иска. И так как в вышеуказанном иске было упоминание, что противоположная сторона желает представить в качестве доказательства того, что содержится в этом иске, (показания) благородного мужа сера Франциска Юстиниано, вышеуказанный комиссарий сер Николай ответил, что права указанного его пору-

чителя могли бы безусловно исчезнуть, если бы не было того, что, благодаря милости божьей, бог не позволяет исчезать чьим-либо правам, что и воспоследовало. А именно, когда указанный сер Николай случайно беседовал с указанным сером Марком Сторнело об этом деле и сер Николай жаловался на указанного Марка и на способы, которые тот применял, этот Марк обратился к вышеуказанному серу Николаю, не обдумывая своих слов, (сказав), что как-то ранее в настоящий суд было представлено некое свидетельство, дающее четкое разъяснение этого дела. И когда указанный сер Николай пожелал узнать время этого свидетельства ради получения какой-либо информации и запросил многие книги настоящего суда, то вышеуказанному серу Николаю попался в руки один реестр свидетельских показаний 1396 г., в котором для господ прокураторов по ту сторону (Канала) записано свидетельское показание благородного мужа сера Франциска Фускарено, вице-консула Таны 1393 г., в руках которого оказались все счетные книги и бумаги вышеуказанного сера Петра Сторнело сразу после кончины этого сера Петра. И этими свидетельскими показаниями ясно устанавливается противоположность тому, что содержится в вышеуказанном иске и каковы свидетельские показания указанный сер Николай предъявил господам судьям. И таким образом, суд вновь потребовал рассмотреть эти свидетельские показания, которые указанный сер Николай привел в пользу доверенности указанного сера Марка, ибо в свидетельском показании содержалось, что в 1392 г. в Тане при взаимном согласии сторон был произведен расчет между покойным сером Марком Анаве и покойным сером Петром Сторнело, и что относительно этого остатка (долга) был составлен нотариальный акт, который видел этот сер Франциск Фускарено, и что остаток, который покойный сер Марк был должен по счетным книгам покойного сера Петра Сторнело, остался в минимальном количестве. Как ясно содержится в свидетельском показании указанного сера Франциско Фускарено, остаток, записанный при взаимном согласии в этом нотариальном акте, был записан во время отъезда вышеупомянутого сера Петра Сторнелло из Таны в глубь территории, вскоре после чего сер Петр умер. И таким образом, заключив указанный акт, вышеупомянутые покойный сер Петр и сер Марк никогда более одновременно не были вместе и никогда более одновременно не вели дел, что очень хорошо разъясняется в вышеуказанном иске, так как в нем указывается, что все виды дел покойного сера Марка Анаве, записанные в книгах вышеупомянутого сера Петра Сторнело, были записаны в 1391 г. в Тане, а указанный нотариальный акт был написан в 1392 г., как сказано выше. Из чего заключая, вышеупомянутый сер Николай сказал, (обращаясь) к мудрости господ судей, что, принимая во внимание, что было ясно доказано настоящему суду этим свидетельским показанием, то, что содержится в указанном иске, не относится к указанной доверенности этого сера Марка, и что не следует принимать или признавать подлинным какое-либо другое доказательство, как

доказательство против доказательства, ибо для нашего отечества недопустимо в каком-либо следствии вести дело подобным образом. Что касается многих иных доказательств, то упомянутый сер Николай не пожелал (о них) говорить, так как указанному серу Николаю, комиссарю, кажется достаточно ясным из того, что выше он привел в доказательство, чтобы милости господ судей это осталось ясным. И даже учитывая, что указанное свидетельское показание этого сера Франциска Юстиниано могло бы подтвердить, что отрицает сер Николай Липпамано, во многих случаях и отношениях (иск), как сказано выше, тем не менее он говорил, что оно не противоречит и не может противоречить доказательствам этого сера Николая, так как сер Марк Анаве договорился о вышеуказанных долгах с сером Петром Сторнело, о каковом соглашении был составлен нотариальный акт, как явствует из показания сера Франциска Фускарено, приведенного выше. И таким образом, он просил суд, чтобы суд соизволил освободить этого комиссаря сера Марка Анаве от вышеуказанного иска и вышеуказанных истцов приговорить к уплате расходов по этому освобождению, с сохранением всех прав этой доверенности сера Марка Анаве против этих господ прокураторов, комиссариев этого сера Петра Сторнелло, и против любого другого лица.

Отсюда вышеуказанные господа судьи прокураторы, а именно господа Фантин Магно и Николай Пицчано, без участия третьего их сотоварища господина Иеронима Гирардо, совместно рассмотрели и выслушав иски, ответы вышеуказанных сторон, и все, что эти стороны пожелали сказать и привести в качестве доказательства, и документ завещания указанного покойного сера Марка Дела Наве, сына покойного сера Стефана, написанный, составленный и заверенный рукой сера Андреа Рицо, венецианского нотариуса, в 1419 г., 18 октября, 13 индиктиона, на Риальто, рассмотрел книги покойного сера Петра Сторнело, где находятся вышеуказанные счета указанного сера Петра с сером Марком Дела Наве, и рассмотрел свидетельское показание благородного мужа сера Франциска Фускарено, ранее представленное в суд, преданное гласности и содержащее в самом деле (сведение) о том, что между сером Петром и указанным покойным сером Марком был составлен документ относительно всех дел, которые им приходилось совместно вести, и что по этому документу оказалось, что сер Марк Анаве удерживал деньги покойного сера Петра Сторнело во много меньшем количестве, чем было обозначено в книгах покойного сера Петра; и рассмотрел некое разъяснение, написанное этими господами прокураторами относительно составления вышеуказанного документа, отмеченного в суде, и удостоверившись, что ясно следует из показаний этого свидетеля, что сер Марк был должником сера Петра на сумму (указанную) в этом документе, который, вместе с его протоколом, из-за последовавшего затем сожжения Таны, никак не мог быть представлен, и рассмотрел все, что заслуживало рассмотрения относительно предосланного, приведя сначала к присяге господина Бертуцио

Квирино, прокуратора и комиссария, относительно его и указанного господина Франциска Фоскари, его компаньона, осведомленности, а он поклялся, что (это) действительно правда и что комиссарии сера Петра должны получить, как определено ниже, на достойном похвалы основании и справедливым решением, и исполняя свою должность, обязали комиссария сера Марка Анаве, то есть господина Николая Липамано, ныне его единственного комиссария, уплатить из имущества указанной доверенности этим господам прокураторам Св. Марка по ту сторону (Канала), комиссариям указанного сера Петра Сторнелло, 45 соммов в монете Таны, по случаю вышеизложенного, приговорив сера Николая Липамано, комиссария, или доверенность этого сера Марка Дала Анаве к уплате издержек на это дело в сумме трех золотых дукатов, которые присоединены к исчислению указанной суммы, предоставив этим господам прокураторам, истцам упомянутой доверенности, для передачи все имущество этой доверенности покойного сера Марка Анаве, движимое и недвижимое, вплоть до полного удовлетворения, с сохранением прав указанных господ прокураторов, комиссариев. Если бы по истечении времени обнаружилось, какое количество (денег) являлось остатком (долга), подтвержденным этим документом, совместно (составленным) сером Петром и указанным сером Марком, тогда то, насколько больше. указанное количество соммов эти господа прокураторы пусть будут должны получить из доверенности указанного сера Марка. И равным образом, относительно всех прав обеих вышеуказанных сторон, и особенно прав доверенности указанного сера Марка против какого-либо лица. И документ этого приговора пусть останется в силе.

+ Я, Фантин Магно, судья, прокуратор, собственноручно подписал.

+ Я, Николай Пицамано, судья, прокуратор, собственноручно подписал.

+ + +

1422, 30 марта, 15 индиктиона, мы, Николай де Мусто и Иероним де Муалли, судьи... в отсутствие господина Петра Дандуло, третьего их сотоварища, передали в качестве собственности, в счет вышеуказанной суммы, один дом вышеуказанного покойного сера Марка Анаве. Так как он в целом... расположенный в... с одним госплицем¹⁰, стоящем на ровном месте к... указанного дома необходимо прорубить одну дверь, через которую (проходят) из указанного госплиция в другой, который остался.

+ Я, пресвитер Гаспарин, каноник, кастеллан и венецианский нотариус, составил и скрепил.

+ Мы, сер Николай Пицамано и сотоварищи, судьи прокуратурии, взыскиваем два с половиной дуката.

Перевод текста по возможности максимально приближен к языку оригинала, сохраняя его стилистические особенности. Документ написан типичным для подобного рода актов канцелярским языком с использованием итальянизмов. Так как издание преследует прежде всего конкретно исторические, а не филологические цели, языковые особенности текста не комментируются. Имена встречающиеся переданы в их латинской, а не итальянской форме, так как они встречаются в тексте (Петр, а не Пьетро, Фускарено, и не Фоскарини, Юстиниано, а не Джустиниан и т. д.). Часто в написании одного и того же имени в оригинале встречаются различия, они сохранены и в переводе (Сторнело и Сторнелло, Липамано и Липпамено, Анаве и Дела Наве, Дала Наве и др.). Технические термины оставлены без перевода и разъясняются во вступительной части и в комментарии. Издатель благодарит Б. А. Макеева за проверку транскрипции и перевода текста.

¹ Ридальто — здесь древнее название Венеции. Современное название этого города появляется в XIII в. наряду с более старым.

² Прокураторы Сан Марко — комиссия нобилей, которой было поручено собирать и расходовать средства на содержание базилики Св. Марка, а также хранить деньги, собранные для коммуны различными венецианскими официальными. Постепенно этой комиссии стали доверять хранение ценных бумаг и денег и частные лица. Она защищала интересы этих лиц, в том числе, и перед судом, по опеке, исполнению особых финансовых поручений, вела дела по особым доверенностям, распоряжалась ценностями, вверенными ей по завещаниям, выступая в качестве попечителя наследников и принимая на себя долговые обязательства, а также заботу по взиманию долгов. Весьма почетной должности прокураторов добивались знатнейшие нобили. Число членов комиссии увеличилось с двух (ок. 1259 г.) до 6 (1319 г.) и 9 (1443 г.). В Венеции было 6 городских районов — сестьеры. В соответствии с этим делением избирались прокураторы «по эту сторону Канала» (*de citra*), т. е. для районов Канареджо и Кастелло, «по ту сторону Канала» (*de ultra*) — для районов Санта Кроче, Сан Поло, Дорсодуро и с 1319 г. «над Каналом» (*surpa*) — для района Сан Марко, центральной части города. Материалы архива прокураторов Сан Марко содержат богатейшее собрание документов коммерческого делопроизводства. Kretschmar u. H. Geschichte von Venedig. Gotha, 1920. Bd 2. S. 86—87.

³ Комиссарии — лица, имевшие особого рода поручение (*доверенность*) на ведение дел, часто — душеприказчики и опекуны имущества своих покойных партнеров, действующие от их лица и от лица их наследников. Предоставление такого поручения с широкими финансовыми и судебными правами оговаривалось в завещании или в специально составляемом документе.

⁴ Танго (даник, аспр) — мелкая серебряная монета, обращавшаяся в Тане, ордынского чекана. Безант — счетная денежная единица, название которой восходит к византийскому золотому перперу (безанту). Основной счетной денежной единицей Таны был сомм, в конце XIV в. равный 22 безантам.

⁵ Легат — по римскому праву завещательное распоряжение, обычно безвозмездное, о выдаче наследником известных сумм или вещей какому-либо лицу. Невыдача легатов, как в нашем случае, могла вести к утрате части прав наследника на наследство (Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 200—203).

⁶ Зитеркан — Хаджитархан, совр. Астрахань.

⁷ Ошибка подсчета. Должно быть — 386 безантов, как в этом же тексте ниже.

⁸ Сансерия — налог, обычно взимавшийся со сделок, совершаемых при посредничестве специального маклера. В ряде случаев такое посредничество считалось обязательным, а сансером (маклером) был государственный чиновник. Сансерией могло именоваться также ведомство, взимавшее налог и производившее освидетельствование товара (см.: Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. М., 1990. С. 224—234).

⁹ Казаля — деревня, сельское поселение.

¹⁰ Слово «госпичий» означает приют, гостиница, убежище, харчевня, а также принадлежность данному дому или роду. Здесь, видимо, пристройка к дому

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И ТЮРКСКИЕ ЭМИРАТЫ ПОНТА В XIV в.

В обширном труде мамлюкского писца Абу-л-Аббаса Ахмада Калкашанди (ум. в 1418 г.) «Субх ал-аша фи катабат ал-инша», посвященном искусству составления официальных посланий каирского двора, содержатся формуляры султанских писем к христианским государям, и в частности к некоему «владельцу (сахибу) Синуба, что на побережье страны Рум»¹. В историческом комментарии к формуляру Абу-л-Аббас сообщает, что царь (малик) Синуба — «ромей из древнего царского дома, родственник владельца Кустантини... отец его знатнейший от отцов своих в султанском [достоинстве]». Нет никаких сомнений, что речь идет об императорах рода Великих Комнинов, трапезундских императорах². Абу-л-Аббас заимствовал эти сведения из книги «ат-Тариф-би-л-мусталах аш-шариф», составленной в 1340 г. Ибн Фадл-аллахом ал-Умари (1301—1348)³, однако представляется, что происхождение формуляра и исторического комментария к нему относится к еще более раннему времени — примерно к периоду между 1254—1265 гг. Об этом говорит сам подзаголовок отрывка: «Письма к владельцу Синуба ... до того как он был покорен туркменами». Это указание именно на туркменов, а не на сельджуков, отторгавших Синоп у трапезундцев в 1214 г., может быть, в 1228 г., позволяет думать, что подразумевается завоевание Синопа Муин ад-Дином Парване в 1265 г., когда туркменский элемент на северо-западе Анатолии был уже заметен⁴. Так что под «владельцем Синуба», вероятно, подразумевался трапезундский император Андроник II (1263—1266), именно в его царствование трапезундцы владели Синопом, а затем его потеряли.

Абу-л-Аббас со ссылкой на тот же «ат-Тариф» утверждает, что к трапезундскому императору следовало обращаться в письмах так же, как к «владельцу Сиса» (Киликийской Армении), т. е. христианскому государю, который уступал по значимости не только высшему рангу константинопольского императора, но и более низкому рангу — государям Грузии⁵.

Таким образом, Трапезундская империя во второй половине XIII в. была в глазах каирцев третьестепенной державой. Эта оценка, по-видимому, не была далека от истины. Мощная держава Ильханов, верховную власть которой трапезундцы признавали еще в 50-х годах XIII в., активно вмешивалась во внутреннюю жизнь империи, о чем свидетельствует и судьба императора Ге-

оргия Великого Комнина (1266—1280), и прекращение в конце XIII в. чеканки серебряных денег с именами правящих императоров, и многие другие факты, могущие стать предметом специального рассмотрения⁶.

На протяжении XIV в. международное положение Трапезундской империи претерпевает значительные изменения — оно улучшается по мере децентрализации империи Хулагуидов и упадка власти ее наследников в Сивасе и Кайсари. Туркмены на границах империи, лишаясь поддержки своих могущественных сюзеренов в центральных областях Анатолии, ослабляют давление на границы империи и в конце концов оказываются в числе союзников трапезундцев.

Взаимоотношения Трапезундской империи с тюрками в XIV в. стали темой двух основательных исследований, вышедших в свет не так давно — статей Э. Брайера и Э. Захариаду⁷. Оба этих исследования создали прекрасную базу для любых дальнейших разработок проблемы, собрав почти весь доступный материал европейских источников и ряда восточных в переводах и пересказах. Однако, как мы попытаемся показать, источники, как греческие, так и восточные, содержат еще немалые резервы для углубления нашего знания о трапезундско-тюркских отношениях в XIV в.

В данной работе нас будут в первую очередь интересовать материковые соседи Трапезундской империи в их отношениях между собою и греческим государством: эмираты Джаник (Таджидин-огуллары), Хаджимир-огуллары, туркменов ак-коюнлу, эмираты Арзинджана и Байбурта, Кара Хисара и, наконец, судьбы Сиваса, правители которого на протяжении всего XIV в. определяли политический климат в сопредельных землях⁸.

Сивас. Падение централизованной державы Ильханов было скорым и неожиданным. Уже в правление последнего великого государя этой династии — хана Абу Саида (1317—1335) в государстве проявляются центробежные тенденции, особенно они были сильны в провинции Рум с центром в Сивасе, где в качестве наместника монголов утверждается в 1321—1328 гг. Тимурташ, сын всевластного ханского наиба эмира Чобана.

После смерти хана Абу Саида в 1335 г. за табризский престол борются два знатных рода — Чобаниды (потомки эмира Чобана) и Джалаириды (эмир Шейх Хасан Бузург и его род). Власть Ильханов в Табризе становится номинальной⁹.

В последние годы царствования Абу Саида наместником в Руме с 1333 или 1334 г. был Шейх Хасан Бузург (ум. 1356 г.)¹⁰. После смерти Абу Саида Хасан Бузург уходит из Сиваса в Табриз и оставляет вместо себя наместником эмира Ала ад-Дина ибн Джафара Аратну, одного из приближенных Тимурташа. Аратна наместничествовал в Руме еще в 1328—1333 гг.¹¹

В 1338 г. Аратна присягает чобаниду Шейх Хасану Кучуку ибн Тимурташу — новому владельцу Табриза¹². Но в том же 1338 г. Аратна отложился от Хасана Кучука и признал сюзеренитет египетского султана ан-Насира¹³, а около 1341 г. он провоз-

глашает себя независимым. Во второй половине 1343 г., разгромив войска Хасана Кучука под Сивасом, Аратна окончательно утверждает свою независимость от Табриза¹⁴.

Как следует из сочинения Ибн Баттуты, в начале 30-х годов XIV в. Сивас, Амасья, Сонуса и Арзинджан подчинялись Аратне¹⁵. Однако после ухода из Рума Хасана Кучука ибн Тимурташа Аратна вновь начинает завоевание северо-восточных областей Анатолии. В начале 1339 г. он овладевает Сивасом¹⁶, после 1341 г. к нему переходит Амасья¹⁷, Кемах подчиняется Аратне после 1347 г.¹⁸. Вероятно, между 1341 и 1346 гг. он покоряет Байбурт¹⁹. Аратне подчинялись также Токат, понтийский Кара Хисар²⁰ и Никсар²¹. Монеты 50—60-х годов показывают, что в это время власть потомков Аратны признавалась в Арзинджане и в Байбурте²². Царствование Аратны, скончавшегося в начале 1352 г., было довольно устойчивым, но сразу после его смерти в султанате начинается междоусобная борьба, не прекращавшаяся вплоть до падения династии. Аратну сменяет на престоле его сын Мир Мухаммад (1353—1365)²³. После его смерти власть переходит к сыну Мир Мухаммада — султану Ала ад-Дунья ва ад-Дин Али (1365—1380). В раджабе 782 г. (3 авг. — 2 сент. 1380 г.) он умирает от чумы, оставив после себя наследником семилетнего сына Мухаммада²⁴. Опекуном малолетнего султана становится эмир Кара Хисара Кылыч Арслан, потомок сельджукидов Рума²⁵. Зимой 1380/81 г. Кылыч Арслан был зарублен Бурхан ад-Дином, одним из влиятельных вельмож Ала ад-Дина Али. 9 февраля 1381 г. Бурхан ад-Дин объявляет себя султаном Сивасского государства²⁶.

Ахмад ибн Мухаммад Бурхан ад-Дин (1345—1398), бывший кесарийский казий, с июля 1378 г. был вазиром султана Али. В период кратковременного регентства Кылыч Арслана был вторым после опекуна лицом в государстве и основным его соперником²⁷.

После утверждения у власти Бурхан ад-Дин пытается объединить бывшие земли державы Аратны, но наталкивается на упорное сопротивление эмиров Амасьи, Никсара, Кара Хисара, Кайсары, Арзинджана, сепаратистские устремления которых обнаруживались еще со времени правления Мухаммада ибн Аратны.

В 1382—1383 гг. и в начале 90-х годов против Сиваса выступают в союзе эмир Кастамона и Синопа, владетель Амасьи и эмиры Бафры²⁸. В 1383/84 г. османский султан Мурад I вмешивается во внутренние дела эмирата Кастамона и Синопа. Это порождает напряженность между сивасцами и османами, которая разрешается в открытом столкновении Бурхан ад-Дина и Баязида Йылдырыма за восточные владения эмирата Кастамона и Синопа в 1391 г. Отношения с Баязидом I были урегулированы при посредничестве Каира в 1393 г.²⁹.

14 июля 1398 г. Бурхан ад-Дин был убит эмиром ак-коюнлу Усман-беком, заручившимся прежде поддержкой у османов в Амасье и у Мутаххартана в Арзинджане. В Сивасе на короткое

время воцаряется Ала ад-Дин, сын Бурхан ад-Дина. По просьбе самих сивасцев, осажденных эмиром Усманом, османские войска в 1398 г. занимают город³⁰.

С гибелью султана Бурхан ад-Дина основными соперниками в северо-восточной Анатолии становятся османский султан Баязид и среднеазиатский завоеватель Тимур (1370—1405)³¹. 7 сентября 1400 г. эмир Тимур временно захватывает Сивас и разрушает его, весной 1402 г. он вторично занимает город³². Сивас, однако, остается во владении османов и после походов Тимура, хотя и теряет свою роль ведущего политического центра в северо-восточной Анатолии.

Карахисарский эмират. Карахисарский эмират был одним из понтийских государств, довольно рано вошедшим в соприкосновение с Трапезундской империей. По нашим сведениям, история его как государственного образования в литературе до сих пор не освещалась.

Кара Хисар (виз. Колония), по мнению Э. Брайера, не представлял значительного интереса в стратегическом отношении, но он являлся центром добычи квасцов на Понте³³. Возникнув в 30-х годах XIV в., вплоть до первой четверти XV в. эмират сохранял значительную долю самостоятельности. Сепаратизм эмирата по отношению к Сивасу определился еще в период властвования в нем Чобанида Хасана Кучука (1338—1343).

Согласно «Тарихи таквим», Хасан Кучук прибыл в Рум в царствование Абу Саида в 731 г. х. (1330/31)³⁴. Тогда же или чуть позже он обосновывается в Кара Хисаре. Как сообщает Абу Бакр Кутби, в начале 1338 г. Хасан Кучук с братьями пребывал в Кара Хисаре, а упомянутый Панаретом поход Хасана Кучука на Трапезунд позволяет предполагать, что он обосновался там уже к 1336 г.³⁵ Именно из Кара Хисара в 1338 г. он выступает против Хасана Бузурга, утвердившегося в Табризе. В июле 1338 г. он разбивает Хасана Бузурга, овладевает Табризом и основывает государство Чобанидов под эгидой номинальных хулагуидских ханов³⁶.

Знаменательно, что Хасан Кучук не утрачивает связи с Кара Хисаром вплоть до своей смерти 16 декабря 1343 г. — именно там хранилась его казна и там же он держал под арестом своего дядю эмира Сургана ибн Чобана. Наместником в Кара Хисаре был тогда некий Сарват Хусейн³⁷.

5 июля 1336 г. Хасан Кучук совершает поход против Трапезундской империи. Он был остановлен около самого Трапезунда у горы Митры³⁸. В сражении пал некий Абд ар-Рахим, сын Рустама. Возможно, это был один из курдских сподвижников Хасана Кучука³⁹. О причинах этого нападения на империю, да и вообще об отношениях Хасана Кучука с империей, не известно ничего.

Сменивший на табризском престоле Хасана Кучука его брат, Малик Ашраф (1343—1357), по всей видимости, также не порывает с областью Понта. В его державе немаловажную роль иг-

рают выходцы из Рума и румийские (ромейские?) рабы⁴⁰. Из румийцев состояла и гвардия Хасана Кучука⁴¹. Утверждаясь у власти, Малик Ашраф казнил нескольких важных эмиров, а «их места он передавал гулямам Джаника и возвышал их»⁴².

Итак, Кара Хисар принадлежал Чобанидам, по крайней мере, до декабря 1343 г. Принадлежали ли Чобанидам в области Понта еще какие-либо земли — ответить трудно. В припонтийском регионе Чобаниды контролировали Арзан ар-Рум. Возможно, как знак пребывания Чобанидов на Понте сохранился топоним Чобанлы в 30 км южнее Кара Хисара и топоним Чобан-кале, отмеченный западнее р. Харшит (Филавонит) на английской военной карте 1901 г.⁴³ О присутствии Чобанидов в области Трапезунда сообщает Эвлия Челеби. Он упоминает крепость на реке Хошоглан в двух переходах к югу от Трапезунда, возведенную неким «Хошогланом из рода Чобана». Судя по всему, Эвлия имеет в виду истоки реки Пританис или Лараханис в Палеомацуке. Кроме того, Эвлия сообщает о погребении некоего Чобана Кордуманшаха, Чобанида, в местечке Бару, расположенном в 4 часах пути от Караякуба в сторону Арзинджана⁴⁴. Сохранение в памяти населения воспоминаний о пребывании на Понте Чобанидов вплоть до XVII в. представляется весьма знаменательным.

По всей видимости, в период между 1343 и 1357 г. (т. е. годом падения власти Чобанидов) Кара Хисар вновь переходит под власть Сиваса. В 1362 г. крепостью владел эмир Пир Хусейн, отправившийся оттуда в Арзинджан летом этого года⁴⁵.

Позже область Кара Хисара мы находим под властью Кылыч Арслана, владевшего также Коюль Хисаром. Как говорилось, он был вассалом Ала ад-Дина Али⁴⁶. В 1368 г. Кылыч Арслан атакует трапезундскую Халдию. По предположению Э. Захариаду, тюркские вторжения в Халдию и Хериану в 1369, 1373, 1374 гг. следует также отнести к деятельности этого эмира⁴⁷. Возможно, и в 1370 г. василевс Алексей III воевал в области Мармара с тюрками Кара Хисара — ведь Хасан Кучук в 1336 г. доходил даже до горы Митры, следовательно, и район Мармары мог быть досягаем для карахисарцев⁴⁸. В 1379 г. Кылыч Арслан, желая помешать заключению союза между Тадж ад-Дином и трапезундцами, готовится напасть на Трапезунд. Император, предвосхищая его атаку, подготовил Трапезунд и окрестности к отпору врагу⁴⁹.

Владения Кылыч Арслана, возможно, включали в себя крепости Куманот (рядом с Токатом) и Харсанус (юго-восточнее Никсара) — в 1380 г. их просит для себя у Кылыч Арслана Бурхан ад-Дин Ахмад⁵⁰.

После смерти Кылыч Арслана (зимой 1380/81 г.) в Кара Хисаре правит эмир Малик Ахмад. Этот эмир с самого начала своего правления и до конца 90-х годов XIV в. сохранял дружественные отношения с эмиром Арзинджана Мутаххартаном и был его вассалом⁵¹. Так, зимой 1387 г. Мутаххартан в страхе перед приближением эмира Тимура даже отправляет в Кара Хисар свою семью⁵². В начале 1395 г. Бурхан ад-Дин совершил рейд к Бай-

бурту, а на обратном пути в Сивас подошел к Кара Хисару, тогда Малик Ахмад был вынужден признать власть Бурхан ад-Дина. Но уже в конце 1395 г., когда Бурхан ад-Дин был разбит Мухтахартаном под Пулуrom, Малик Ахмад избивает и грабит беглецов из сивасского войска, проходивших через его владения. Вплоть до своей смерти Бурхан ад-Дин не смог, несмотря на все свои усилия, подчинить себе Кара Хисар⁵³. Об отношениях Малика Ахмада с Трапезундской империей не известно ничего, но, очевидно, они были дружественными, ибо сюзерен Малика Ахмада — Мухтахартан был союзником империи.

О дальнейшей судьбе Карахисарского эмирата сохранились следующие отрывочные данные. Вскоре после 1410 г. один из эмиров кара-коюнлу Пир Умар-бек осаждает Кара Хисар. Его правитель Хасан-бек ибн Малик Ахмад обращается за помощью к османам. Несмотря на это, Пир Умар-беку, возможно, удалось покорить крепость⁵⁴. Около 1422 г. Кара Хисар упоминается уже в составе эмирата Ак-Куюнлу как удел эмира Якуба ибн Усмана⁵⁵. Крепость находилась в руках туркмен-коюнлу вплоть до 1457 г., когда наместник Кара Хисара при поддержке османов восстал против Узун Хасана (1452—1478). Однако уже весной 1458 г. мятеж был подавлен⁵⁶.

Эмираты Арзинджана и Байбурта. В 1331 г. Арзинджан и Байбурт подчинились Аратне как наместнику монголов. В период кризиса монгольской державы в 30-х годах XIV в. Аратна, по-видимому, теряет власть над городами. К 1348 г., как следует из хроники Панарета, Арзинджан находится во владении Ахи Айнабека, купившего город у своего предшественника⁵⁷. Как уже отмечалось, в 60-х годах Ахи Айнабек чеканит монеты с именами сивасских государей (монеты 1359—1360 и 1365—1366 гг.). Байбуртом к 1348 г. владеет некий *Моҳидт еѣжелтѣрис* (может быть, Мухаммад-рикабдар)⁵⁸, также признававший власть Сиваса. Об отношениях между этими владельцами ничего не известно, кроме того, что в 1348 г. они в союзе выступили против Трапезундской империи.

В 1360—1361 гг. в Байбурте правит некий Ходжа Латиф. Один из армянских колофонов сообщает под 1355 г., что владелец Арзинджана Ахи Айна-бек (*Yaxiauan Bek*) был атакован неким *Хоѣау Yali*⁵⁹. Если армянский писец под *Хоѣау Yali* подразумевал Ходжа Латифа (а армянские транскрипции иноязычных имен часто неаккуратны), то можно предположить, что этот эмир закрепился в Байбурте уже к 1355 г. и к тому же был во враждебных отношениях с арзинджанским эмиром. Косвенно подтверждает последнее тот факт, что два известных похода Ходжа Латифа и поход Ахи Айна-бека против Трапезундской империи не были связаны между собой.

Первый поход Ахи Айна-бека против Трапезунда имел место в июне 1348 г.⁶⁰ В связи с этим событием обращает на себя внимание сообщение Абу Бакра Кутби о том, что именно летом 1348 г. Чобанид Малик Ашраф, имевший какие-то связи с Пон-

том, учинил великое побоище в Азербайджане и сопредельных областях⁶¹. Была ли между двумя этими событиями какая-либо связь?

В 1361 г. Ахи Айна-бек осаждает Голаху и крепость Кукос, но не добивается успеха. По «Тарихи таквим», он отправляется против «трапезундского Кукоса» (куг-и трабзун) 15 октября 1361 г. Панарет же сообщает, что осада Голахи длилась 16 дней в октябре этого года с применением осадных орудий⁶².

Тот же отрывок из «Тарихи таквим» фиксирует и другой факт: поход Ахи Айна-бека к Арзан ар-Руму и в Лакзи, начавшийся 6 августа 1361 г.⁶³. Лакзи — это, по-видимому, эквивалент греческой Λαζική. В XIII—XV вв. «Лазикой», как правило, именовали восточные территории Трапезундской империи, в частности фему Великая Лазия (Μεγάλης Λαζίας)⁶⁴. Восточным писателям этноним и топоним «Лаз» в форме «Лакзи» был хорошо известен, а Абу-л-Фида (начало XIV в.), например, прямо ассоциирует его с Трапезундской империей⁶⁵. Учитывая это, а также враждебность Ахи Айна-бека к империи, можно предположить, что поход этот он совершил в пределы трапезундской фемы Великая Лазия. Другое возможное истолкование — поход мог быть направлен на полунезависимых или независимых лазов, располагавшихся севернее Испира, вдоль трапезундской границы. Однако следует иметь в виду, что первое упоминание этих независимых лазов относится к более позднему времени — началу XV в.⁶⁶. Так что первое истолкование нам представляется более вероятным. Необходимо отметить также, что из трех, упомянутых Панаретом посещений Лазики императором Алексеем III лишь в первом из них в 1367 г. императора сопровождали сухопутное войско и флот⁶⁷. Хотя в 1367 г. уже пять лет как Ахи Айна-бека не было в живых, в Лазике, вероятно, сохранялась тюркская опасность.

Ходжа Латиф атакует империю дважды. В апреле 1360 г. он мешает императору Алексею III возвести крепость Кукос⁶⁸. По идентификации Э. Брайера, крепость возводилась на подходах из Байбурта во внутреннюю Халдию⁶⁹, поэтому неудивительно, что Ходжа Латиф пытался препятствовать ее строительству. Последний поход Ходжа Латифа в Мацуку в июле 1361 г. закончился для него трагически — он был разгромлен, взят в плен, обезглавлен, а голова его отвезена с триумфом в Трапезунд для всеобщего обозрения⁷⁰. Как утверждает Ливадин, тюрки были разгромлены «мужами безоружными и легковооруженными из Мацуки»⁷¹.

Как видно южная Халдия и Хериана в 1360—1361 гг. оказываются объектом агрессии эмиратов Арзинджана и Байбурта. Для 1355 г. Панарет фиксирует два столкновения в Хериане с тюрками. В августе Иоанн Кавасит захватывает Хериану (ἐλασε τὴν χερῖαναν καὶ ἵχμαλόττωσεν αὐτὴν) и свободает (ἐλευθέρωθη) Согорогану, крепость западнее Голахи⁷². 27 ноября император терпит жестокое поражение от тюрков под Херианой, а дука Иоанн Кавасит оказывается в плену⁷³. Э. Брайер считает, что оба этих столкновения произошли с туркменами чепни. Он объединяет в

одну группу греко-тюркские столкновения в ноябре 1355, январе 1373 и феврале 1380 г. Исследователь подтверждает свою точку зрения следующими аргументами: 1) зимние походы трапезундцев скорее всего были направлены против кочевников, спустившихся в долины на зимовки; 2) северо-западнее Голахи располагались в середине XIV в. чепни, перекочевавшие к 1404 г. в Хериану; 3) Клавихо свидетельствует, что чепни отбирали крепости и пастбища у греков. Кроме того, Э. Брайер хоть и допускает, что в 1355 г. Хериану мог атаковать Ахи Айна-бек, однако отмечает, что Панарет не называет имени эмира, взявшего Хериану, и, следовательно, это был не арзинджанский эмир⁷⁴. Можно привести следующие возражения на аргументацию Э. Брайера: 1) из двух с половиной десятков упоминаний Панаретом тюркско-греческих столкновений в девяти из них Панарет не уточняет, какие именно турки имеются в виду; 2) логично предположить, что чепни начали свое движение в Хериану после поражения, понесенного ими в 1380 г. Эту мысль высказывал сам Э. Брайер⁷⁵. Следует отметить, что чепни как соседи державы Сиваса, которая имела общую границу с Херианой, упомянуты в восточных источниках лишь для времени около 1395 г.⁷⁶; 3) как показывают хроники Астарабата и Тихрани, некочевые турки не прекращали военные действия и поздней осенью, пока не выпадал обильный снег. Мы склонны все-таки связывать события 1355 г. с эмиром Айна-беком. Несмотря на сообщения Клавихо, покорение крепостей кочевыми тюрками очень мало вероятно, если учесть особенности их кочевой жизни и отсутствие необходимой техники и навыков для взятия твердынь. Айна-бек, даже применив осадные орудия, не смог покорить Голаху. Его интерес к северным областям от Арзинджана очевиден, да и путь на Хериану от Арзинджана открытый. По тем же причинам мы склонны поддержать точку зрения Э. Захариаду, что в 1373 г. Голаха претерпела нападение Кылыч Арслана, но не чепни, как полагает Э. Брайер⁷⁷.

Ахи Айна-бек скончался 2 или 3 июня 1362 г. Вероятно, он погиб насильственной смертью, ибо в сообщении о его кончине он назван шахидом, т. е. «мучеником», «погибшим за веру» или «погибшим безвинно»⁷⁸.

После него в Арзинджане утверждается некий Пир Хусейн, владетель Кара Хисара, явившийся в Арзинджан 8 июня 1362 г. 10 июля он «обретает независимость», разгромив каких-то эмиров, бежавших после этого в Байбурт и Терджан. После 32 дней осады, 11 сентября 1362 г., он вступает в Байбурт⁷⁹. Кто был этот Пир Хусейн — неизвестно. В «Тарихи таквим» он назван «амирзада», т. е. «сын эмира». Поскольку непосредственно перед этим в тексте источника идет речь о смерти эмира Айна-бека, то не означает ли это, что Пир Хусейн был сыном Айна-бека?

В связи с переходом Пир Хусейна из Кара Хисара в Арзинджан мы хотим отметить один любопытный факт — именно в июне того же года император Алексей III был в Халдии: «В марте того же 6870 г. отправился василевс и его мать в Месохалдию ...

Тогда же василевсы пошли из Халдии, не войдя в Трапезунд, в крепость, из-за сильнейшего свирепствования моря, а стоял тогда месяц июнь»⁸⁰. Пир Хусейн мог проходить мимо трапезундской Халдии в конце мая или в первых числах июня. Хотя Панарет называет другие причины ухода василевса в Месохалдию — пограничную с Байбуртом область, однако это совпадение представляется знаменательным, если помнить, какое значение для Трапезунда имели внутренние дела Арзинджанского и Байбуртского эмиратов.

После смерти Пир Хусейна, во второй половине 1379 г., к власти в Арзинджане приходит эмир Мутаххартан. Мутаххартан приходился племянником султану Аратна⁸¹. С самого начала отношения Мутаххартана с сивасским султаном были враждебны — уже в 1379 г. султан Ала ад-Дин Али вместе с Кылыч Арсланом пытаются взять Арзинджан. К Мутаххартану без борьбы перешли владения Пир Хусейна — под 1379 г. владетель Арзан ар-Рума назван подданным Мутаххартана, а Байбурт упомянут как его владение под 1381 г.⁸².

Борьба между Мутаххартаном и Бурхан ад-Дином продолжалась на протяжении всего царствования сивасского султана. Их противоборство сводилось в итоге к борьбе за твердыни, располагавшиеся на линии Арзинджан—Коюль Хисар. Здесь Мутаххартану принадлежали крепости Акшахр, Сис, Азбидар, Буртулуш⁸³. К этой линии с севера примыкали владения Малика Ахмада, вассала Мутаххартана. Весной 1382 г. Мутаххартан пытается взять Коюль Хисар. Потерпев неудачу, он отправляет в Акшахр одного из своих приближенных, чтобы тот беспрестанно беспокоил защитников Коюль Хисара, однако это не принесло никаких результатов. Азиз Астарбади так комментирует эту неудачу: «Эмир Мутаххартан весьма жаждал эту крепость, но в конце концов та надежда в груди его погасла и цель его не осуществилась»⁸⁴. В 1383 г. Мутаххартан совершает набеги на окрестности самого Сиваса, но терпит поражение. В 1384 г. Акшахр мы находим уже во владении Бурхан ад-Дина — крепость была атакована Тадж ад-Дином, что было воспринято сивассцами как недружественный акт. В 1389 г. по условиям перемирия между Арзинджаном и Сивасом крепость Буртулуш была скрыта. Однако Мутаххартан берет реванш — весной 1394 г. эмир Сирадж ад-Дин, владетель Коюль Хисара от Сиваса, переходит к Мутаххартану и вместе с ним отправляется на поклон к эмиру Тимуру. Критический момент для Мутаххартана наступает зимой и весной 1395 г. — сивассцам удается взять Азбидар, Сис и вновь отстроенный Буртулуш, а окрестности Коюль Хисара и Кара Хисара разорить. Эти победы позволили Бурхан ад-Дину прорваться к Байбурту. Хотя Мутаххартан и наносит ему поражение 27 октября 1395 г. под Пулуrom, положение Мутаххартана вплоть до смерти Бурхан ад-Дина остается тяжелым. В 1396 г. вновь сивассцы заставляют Мутаххартана уйти от Акшахра, а в 1397 г. Бурхан ад-

Дин опять разоряет окрестности Байбурта и пленит его владельца, брата Мутаххартана, эмира Пир Мухаммада⁸⁵.

В своей борьбе с Сивасом Мутаххартан опирался на союз с владельцами Амасьи и Никсара. В 1381 г. между Мутаххартаном и амасийским эмиром Хаджи Шадкельды заключается союз против Сиваса. На рубеже 1381 и 1382 гг. в Амасье по взаимному согласию Тадж ад-Дина никсарского, эмира Арзинджана, эмира Кайсари и др. в Амасье утверждается сын Шадкельды — эмир Ахмад. В ответ на взятие сивасцами Никсара в 1386 г. Мутаххартан выступает к Сивасу, но посредством переговоров Бурхан ад-Дину удается избежать столкновения. В 1387 г. Мутаххартан вместе с эмиром Ахмадом подстрекает правителя Халеба к войне с Сивасом⁸⁶. В 1391 г. Амасийский эмират прекращает свое существование — эмир Ахмад передает город Йылдырму Баязиду⁸⁷. Хотя эмират Таджиддин-огуллары был ослаблен после поражения в 1386 г., его союз с Мутаххартаном, возможно, не нарушился⁸⁸. В 90-х годах, после капитуляции эмира Ахмада и поражений никсарцев, основная тяжесть борьбы с Сивасом ложится на Мутаххартана.

На стыке между владениями эмирата Тадж ад-Дина и эмирата Арзинджана находилась крепость Коюль Хисар. В течение 1382 г. и весны 1385 г. Коюль Хисар был во владении Тадж ад-Дина. А чуть раньше Тадж ад-Дин в союзе с эмиром Ахмадом осаждал потерянный Мутаххартаном Акшахр⁸⁹. Тадж ад-Дин стремился восполнить неудачи своего союзника Мутаххартана.

Таким образом, по крайней мере с 1379 г. вплоть до конца столетия Арзинджанский эмират был чуть ли не единственной державой, с которой Трапезундская империя имела общие сухопутные границы. Лишь на северо-западе границы, в долине Филавонита, империя соприкасалась с эмиратом Хаджи Амира и кочевыми чепни. На юго-западе Халдии и на западе Херианы находился вассальный Мутаххартану Карахисарский эмират, остальная же часть границы вплоть до Лазики примыкала к Арзинджанскому эмирату — Мутаххартан владел Байбуртом и Испиром⁹⁰. Трапезундская империя в этот двадцатилетний период была отделена территориями эмирата от остальной Анатолии, где тогда существовало достаточное число крупных владельцев, стремившихся к новым завоеваниям. Поэтому союз, существовавший между империей и Арзинджанским эмиратом и закрепленный женитьбой Мутаххартана на трапезундской принцессе⁹¹, был жизненно важен для Великих Комнинов.

В связи со сказанным есть основания по-новому взглянуть и на сообщение Абу Бакра Тихрани о том, что Мутаххартан брал «харадж» с Трапезундской империи⁹². Империя должна была во многом зависеть от Мутаххартана — как в отношении безопасности территории, так и в вопросах торговых и иных связей с внутренними районами Анатолии и Азербайджаном. Отметим, что для 80—90-х годов хроника Панарета не фиксирует ни одного столкновения с тюрками, кроме экспедиции Алексея III против чепни

в 1380 г. Вероятно, в пределах материковых границ империи таких столкновений просто не было. Транзитная же торговля через Трапезунд не прекращалась и в этот период⁹³. Поэтому, как нам представляется, в сложившейся ситуации выплаты в том или ином виде со стороны трапезундцев Мутаххартану были неизбежны. Выдача замуж за эмира деспины вряд ли могла покрыть все услуги, оказываемые Мутаххартаном. Совершенно не обязательно, вместе с тем, что эти выплаты были свидетельством юридической зависимости империи от Арзинджана. Абу Бакр Тихрани называет их «хараджем», но не «джизьей» (податью немусульман их мусульманскому государю)⁹⁴. Термин «харадж» означал поземельную, подушную подать или же просто «дань», в этом последнем смысле и следует понимать текст Абу Бакра Тихрани. Возможно, именно эту дань и имел в виду Клавихо, сообщавший, что император Трапезунда платил дань соседним тюркам⁹⁵.

После перехода Сиваса под власть османов в 1398 г. Баязид приближается и к Арзинджану и требует от Мутаххартана признать его сюзеренитет. Мутаххартан бежит за помощью к эмиру Тимуру, чью верховную власть он признал еще в 1394 г.

Усилия Тимура дипломатическим путем уладить конфликт вокруг Арзинджана окончились неудачей, и он, разгневанный дерзким письмом Баязида, в конце августа 1400 г. выступает к Сивасу и покоряет его. Ответ Баязида был незамедлительным — в конце сентября османы подходят к Сивасу, а затем захватывают Арзинджан и пленяют Мутаххартана. Город получает во владение Кара Юсуф Кара-Коюнлу, но, однако, вскоре по требованию жителей отказывается от власти, и Баязид вновь возвращает Арзинджан Мутаххартану⁹⁶.

В результате давления османов Мутаххартан идет на компромисс с Баязидом. Арзинджанский эмир в конце 1401 г. даже выступает в качестве посредника между Тимуром и Баязидом⁹⁷.

В 1402 г. Мутаххартан участвует в анатолийском походе Тимура. Около 1403 г. он умирает. Со смертью Мутаххартана значение Арзинджана как самостоятельного центра резко падает. Хотя в 1403—1410 и 1420—1425 гг. в Арзинджане правит внук Мутаххартана — Иар Али, город становится объектом соперничества более мощных сил — эмирата Ак-Коюнлу и султаната Кара-Коюнлу. В 1410—1420 гг. город принадлежал эмиру кара-коюнлу Пир Умару, с 1425 и до 1450 г. — эмирам ак-коюнлу, в конце 50-х годов султан Ак-Коюнлу Узун Хасан отнимает его у Джанханшаха Кара-Коюнлу⁹⁸.

Джаникский эмират и эмират Хаджимир-огуллары. Эмираты Таджиддин-огуллары и Хаджимир-огуллары весьма подробно описаны в работах М. Огуза, Э. Брайера и Э. Захариаду⁹⁹. Вкратце суммируя результаты этих исследований, добавим те немногие факты, что оказались вне поля зрения упомянутых исследователей.

Эмират Таджиддин-огуллары, или эмират Джаник, как он именуется в хронике Азиза Астарабади и османских источниках,

выделился из Сивасской державы в конце 60—70-х годов XIV в., когда во главе его стоял эмир Тадж ад-Дин. Этот эмир упоминается у Панарета с 1362 г. Он владел Никсаром, долиной Фанария, Сонусой, Искефсером. К побережью его владения выходили в области Лимнии и Инея¹⁰⁰. Захват Инея тюрками в 1347 г. следует, по-видимому, отнести к деятельности Тадж ад-Дина¹⁰¹. Как показал Э. Брайер, частые посещения Лимнии императором Алексеем III в период с 1351 по 1369 г. были связаны с попытками трапезундцев оттеснить от города тюрок Тадж ад-Дина, спускавшихся с гор в дельту Ириса на зимовки¹⁰². В 1379 г. Лимния переходит к трапезундцам благодаря браку Тадж ад-Дина с трапезундской принцессой. Но между 1380 и 1387 гг. Лимния окончательно оказывается под властью тюрок Джаника¹⁰³. В 1362 г. Тадж ад-Дин сватался к принцессе из рода Великих Комнинов, что было связано, как отметила Э. Захариаду, с ухудшением его отношений с Сивасом. Однако тогда ему было отказано, ибо, во-первых, трапезундцы не хотели портить отношений с другим своим союзником — Хаджи Амиром и, во-вторых, тогда Тадж ад-Дин не представлял сколько-нибудь серьезной угрозы для Трапезунда¹⁰⁴. Но в 1379 г. из-за возросшей угрозы со стороны Кылыч Арслана Алексей III идет на матримониальный союз с Тадж ад-Дином, выдав за него свою дочь Евдокию¹⁰⁵.

В октябре 1386 г., в результате войны с Сулейман-беком ибн Хаджи Амиром, Тадж ад-Дин погибает, а Бурхан ад-Дин, принявший сторону Сулеймана, отторгает у эмирата Джаник города Никсар и Искефсер¹⁰⁶. Э. Захариаду справедливо отмечает тесную связь Тадж ад-Дина с эмиром Амасьи¹⁰⁷, однако исследовательница упускает другой важный момент — Тадж ад-Дин был союзником эмира Мутаххартана.

В 1390—1392 гг. потомки Тадж ад-Дина входят в различные антисивасские коалиции, в которые в разное время входили эмир Кастамона Сулейман-паша, турки ташан, владетель Бафры, османы. Бурхан ад-Дин в ответ на это аннексирует у Таджиддин-огуллары долину Фанарию и отбрасывает их в горы восточнее р. Ешиль, севернее Никсара (1392—1393 гг.). В 1394 г. он совершает поход в горные области Джаника северо-восточнее Никсара, однако закрепиться там не может. В ходе этой кампании им был казнен Алп Арслан ибн Тадж ад-Дин¹⁰⁸.

Однако следует сказать, что, хотя Бурхан ад-Дин и сократил вполчину владения Джаникского эмирата, он все же не смог окончательно подчинить его и выйти к Черному морю.

Дальнейшая судьба эмирата отражена в источниках весьма фрагментарно. Для 10-х годов XV в. сообщается, что эмир Хасан ибн Алп Арслан, внук Тадж ад-Дина, убил эмира Джунайда Кубад-огуллары и захватил Джаник¹⁰⁹. Эмират Джаник прекратил свое существование в 831 г. х. (X.1427/X.1428). В этом году Алп Арслан-оглу (по-видимому, имеется в виду эмир Хасан) сдался османскому военачальнику Йаргуч-паше и был заключен в тюрьму в Брусе. Хасан-бек бежал из заключения, но через два года

добровольно явился к османскому султану Мураду (1421—1451) и получил земли в Румелии¹¹⁰.

Восточнее эмирата Джаник располагались владения Хаджи Амира. В отличие от эмиратов Джаника, Амасьи, Кара Хисара и Арзинджана, ни в одном из источников не упоминалась зависимость этого эмирата от Сиваса вплоть до 1386 г. Отец Хаджи Амира, Байрам-бек, дважды вторгался в Трапезундскую империю. В 1313 г. Байрам захватывает церги, т. е. крытые шерстяной тканью палатки, по-видимому, в окрестностях Трапезунда или в Мацуке. В 1332 г. турки Байрама дошли до Асомата в Мацуке¹¹¹. В январе 1357 г. Алексей III убил 14 тюрок на мысе Ясон, вероятно, из подданных Хаджи Амира¹¹². В ноябре 1357 г. Хаджи Амир вторгается в пределы империи и доходит вплоть до Дикесима. В августе 1358 г. император выдает за Хаджи Амира свою сестру Феодору, а в декабре 1361 г. лично посещает ставку Хаджи Амира¹¹³.

В результате столкновения с эмиром Тадж ад-Дином в 1386 г. эмират теряет свою независимость от Сиваса, но приобретает взамен новые территории: Бурхан ад-Дин передает Сулейман-беку, сыну Хаджи Амира, крепость Искефсер на условиях союргала.

Как справедливо отмечает Э. Захариаду, отношения между Тадж ад-Дином и Хаджи Амиром были враждебны задолго до 1386 г.¹¹⁴ Война началась по вине Тадж ад-Дина, воспользовавшегося для нападения ссорой между Хаджи Амиром и его сыном Сулейманом. Интересно было бы установить, какое влияние на отношения между Трапезундской империей и Хаджи Амиром имел брак Тадж ад-Дина с деспиной из дома Великих Комнинов? Ведь дидактик XIII в., шейх Саади Ширазский, широко известный и в Анатолии, учил: «Кто заключает мир с врагами, тот обижает друзей» и подкреплял эту сентенцию стихами:

Отступись, о благоразумный человек, от того друга,
Который водится с твоими врагами¹¹⁵.

Действовал ли по этой норме Хаджи Амир? Как видно, реакция на этот брак с его стороны должна была быть отрицательной. Поэтому мы полностью поддерживаем мнение Э. Захариаду, что одной из причин неудачного сватовства Тадж ад-Дина 1362 г. было опасение Алексея III разрушить союзные связи с Хаджи Амиром. Проявилось ли какое-либо недовольство по отношению к империи со стороны Хаджи Амира — не известно. Можно было бы предположить, что война Алексея III с чепни в 1380 г. была вызвана именно этим, но об отношениях Хаджи Амира с чепни не известно также ничего.

После 1386 г. отношения Сулейман-бека с империей были, скорее всего, враждебными — в течение 1396 и до мая 1397 г. он отвоевывает Керасунт и с торжеством уведомляет об этом Бурхан ад-Дина¹¹⁶.

Сулейман-бек признавал сюзеренитет Бурхан ад-Дина в это время. На это указывает одно сообщение Абу Бакра Тихрани. Этот автор, описывая границы державы Бурхан ад-Дина, упоминает некий пункт на побережье Черного моря — ГЕКХЕСАК (كوكخسك), принадлежавший Бурхан ад-Дину¹¹⁷. Поскольку в списке пограничных городов упомянуты также Никсар, Акшахр и Кара Хисар, то можно думать, что Абу Бакром дано описание Сивасской державы в самые последние годы ее существования. Может быть, ГЕКХЕСАК — крайне искаженная форма топонима Керасунт (كراسون), ибо других выходов у Бурхан ад-Дина к морю быть не могло.

В период с 1398 по 1402 г., вероятно в 1400 г., Керасунт вновь становится трапезундским, может быть, не без помощи султана Баязида, вторгавшегося в это время в Понт¹¹⁸.

В эпоху завоеваний Тимура в Анатолии потомки Хаджи Амира признавали верховную власть эмира Тимура. Об этом говорит и Клавихо, сообщивший также, что в 1404 г. потомки Хаджи Амира владели прибрежными крепостями Леона [Вона] и Стома [Пазар], западнее Керасунта¹¹⁹.

В вопросе о расположении владений Хаджи Амира мы поддерживаем точку зрения Э. Захариаду, считающую, что эмират находился восточнее, чем это отмечено у Э. Брайера¹²⁰. Ведь походы Бурхан ад-Дина против сыновей Тадж ад-Дина в 1393—1394 гг. были направлены в горные области северо-восточнее Никсара, севернее реки Келькит (Ликос), восточнее р. Йешиль (Ирис)¹²¹, т. е. как раз в область Джаник, где Брайер располагал эмират Хаджи Амира.

Что касается альтернативной идентификации Э. Брайером *بولتوخастров* Хаджи Амира с Гелькеем, поддержанной Э. Захариаду¹²², то она нам представляется не совсем логичной. Гелькей слишком далек, чтобы тюрки Хаджи Амира могли эффективно угрожать сухопутным границам империи и Керасунту: до первой — более 100 км по прямой, до второго — около ста км по прямой, причем западные рубежи Халдии могли быть достигнуты из Гелькея лишь по обходным путям через Кара Хисар или по побережью через трапезундские Керасунт и Триполи. *بولتوخастров* Хаджи Амира император отправился в 1361 г. в середине декабря¹²³. Как бы он мог из Керасунта среди зимы добраться до Гелькея через горные перевалы — сказать трудно.

География походов владетелей эмирата Хаджимир-огуллары против империи показывает, что основную угрозу они составляли именно северо-западной границе Трапезундской империи — Керасунту, Мысу Ясон, Мацуке и Палеомацуке. Поэтому логичнее было бы искать *بولتوخастров* ближе к материковым границам империи, где-нибудь между Керасунтом и Кара Хисаром. Примерно в этом районе помещает территории эмирата и турецкий исследователь И. Данишменд — между Орду и Гиресуном¹²⁴. Возможно, этому есть и другое подтверждение. В 1457/58 г. Трапезундская империя заключает союз с Узун Хасаном, султаном Ак-Коюнлу.

В рамках этого союза султанат Ак-Коюнлу включается в борьбу с Мехмедом II, и осенью 1459 г., желая оттеснить турок от границ Трапезундской империи, Узун Хасан захватывает османский Коюль Хисар и осаждает Мелет¹²⁵. Действия войск Ак-Коюнлу, направленные против пограничных крепостей турок, указывают, где тогда проходила османская граница в Джанике: Коюль Хисар — Мелет (совр. Месудие, в 20 км севернее Коюль Хисара) и, очевидно, далее на север по р. Мелет. Видимо, это и была бывшая восточная граница эмирата Джаник, перешедшего к османам в 1427/28 г. В османском кадастре 1486 г. перечисляются местности, из которых были переселены мусульмане в Трапезунд после покорения империи турками. Это — Никсар, Сонуса, Ладик, Амасья, Бафра, Османджик, Искилип, Чорумлу, Гюйюш, Мерзифон, Токат, Самсун и нахие Самсуна, Турхал, Зиле, Гелькей, Сатылмыш-Джаник, Кагала (?) и Кеде-Кара (?)¹²⁶. Все перечисленные города, кроме четырех последних, — это те, которые были покорены османами еще задолго до 1427 г. Баязидом I и Мехмедом I — и в этом, по-видимому, была своя логика — заселять вновь завоеванный город людьми из уже освоенных турками местностей. Два последних топонима не идентифицированы. Две же другие местности, Гелькей и Сатылмыш-Джаник, находятся западнее линии Коюль Хисар — р. Мелет. Эти два города, скорее всего, и перешли к туркам в 1427/28 г. Поэтому можно думать, что Гелькей был во владении Тадж ад-Дина, но не Хаджи Амира.

Туркмены ак-коюнлу. Некоторый новый материал для ранней истории туркмен ак-коюнлу дает содержащаяся в «Китаби Дийарбакрийа» Абу Бакра Тихрани генеалогия вождей и правителей ак-коюнлу¹²⁷.

Эта генеалогия состоит из 68 имен — от Усман-бека ибн Кутлу до Прародителя Адама. Счет ведется с конца — от Усман-бека, который упомянут под номером первым, назад, к его предкам. По меньшей мере семнадцать имен старейших предков (потомков и предков Огуза) упомянуты и в генеалогиях огузов Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази хана, причем список Абу Бакра более близок к генеалогии, представленной у Рашид ад-Дина¹²⁸. Каждое упоминание того или иного вождя сопровождается, за редким исключением, указанием времени и места его жизни, иногда сообщаются какие-либо другие подробности.

Генеалогия во многом имеет фантастический характер, особенно в том, что касается датировок. Перед Абу Бакром Тихрани стояла поистине сложная задача — расставить имена настоящих и мнимых предков ак-коюнлу с достаточной достоверностью на протяжении всей истории от Адама до начала XV в. Поэтому неудивительно, что на правление Сасанидов падает время жизни, например, неких Идрис-бека (№ 25) и Мавдуд-Тогана (№ 26), носивших арабские исламские имена ((أدرس), библ. Енох, مودود — причастие от арабского глагола (وَدَّ), а сорок девятым в списке значится Илькан-хан, как отмечают издатели текста, предок Джалаиридов, явившихся в Иран с ханом Хулагу (1256—1265)¹²⁹.

Несмотря на то что генеалогия во многом фантастична, не следует преувеличивать степень ее произвольности. Без сомнения, Абу Бакр в первую очередь использовал те имена, которые сохранила коллективная память туркменов ак-коюнлу и, возможно, не дошедшие до нас ранние их хроники. Знаменательно то, что генеалогия Абу Бакра упоминает четырех лиц, имена которых содержат в качестве составного элемента имя Тоган: Тоган-джук (№ 18), Ак-Тоган (№ 27), Мавдуд-Тоган (№ 26) и Тоган-хан (№ 44). Генеалогии Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази ни разу не упоминают этого имени. Отметим также, что этот антропоним достаточно редко встречается в источниках XIII—XIV вв. Из родословной Абу-л-Гази известно, что онгоном (тотемом) рода баяндыр был сокол (лачин или тоган)¹³⁰. Поэтому распространенность этого имени среди туркменов ак-коюнлу представляется закономерной. Этот факт можно рассматривать как косвенное свидетельство хотя бы относительной достоверности генеалогии Абу Бакра. В нее в первую очередь попали те имена, которые туркмены помнили.

Наибольшее доверие вызывают сведения относительно четырех первых имен: Усман-бек, эмир Кутлу, эмир Тур Али и Пахлаван-бек. Отметим, что посвященный этим четверем правителям отрывок не несет никаких признаков эпического жанра и не имеет сколько-нибудь близких параллелей в «Китаби Деде Коркут» или других огузских эпических текстах. Однако и здесь безусловно верно датированы только жизнь эмира Усмана (эпохой эмира Тимура) и факты его жизни, проверяемые другими источниками. В отношении эмира Кутлу-бека верно упомянута его борьба с трапезундским императором, но никак не локализованы время и место его деятельности. О Тур Али сказано, что он жил во времена Газан-хана (1295—1304), обрел высокое положение, «так что в Мисрийской земле и Шаме ак-коюнлу называют тур-али». Если датировка его жизни допустима — как известно, он умер вскоре после 1348 г., то определение генеалогией места его жизни вызывает сомнения: утверждается, что он «долго был вождем и сипах-саларом в Дийарбакре от границ Рума до земли Шам и границ Мисра и Джазиры и Ирака Арабского»¹³¹, хотя известно, что ак-коюнлу лишь на рубеже XIV и XV вв. овладели Дийарбаком¹³². При этом опускается ныне достоверный факт, что Тур Али между 1340 и 1348 гг. находился в прионтийских областях.

Однако посмотрим, что сообщается в генеалогии об отце Тур Али — Пахлаван-беке. «Четвертый — Пахлаван-бек, отец Тур Али, и он был эмиром в эпоху Мустасима (1242—1258), великим и храбрым, и по крайней храбрости его называли Пахлаван-бек¹³³, из-за преобладающего употребления этого (имени) настоящее имя его забылось. Крепость Аланджик была в его владении. Воевал с Чармагун-нойоном, который был посланцем Хулагу-хана, и обратил его в бегство. Оттуда направился в Рум и вместе с потомком (валад) Аджам Шера¹³⁴ на границах Брусы вел великую битву с ромеями и разгромил войско неверных и, многих

предав смерти, вернулся назад и задал великий пир, и власть его стала великой; через некоторое время в городе Амид (д.Г) ответил на призыв Истинного Господа. В его время у сельджуков царями были султан Рукн ад-Дин и султан Гийас ад-Дин»¹³⁵.

Что обращает на себя внимание в этом отрывке — так это его конкретность, почти полное отсутствие риторики, правдоподобие изложенных в нем событий. Так, например, хорошо известно, что именно монгольское завоевание вызвало новую мощную волну переселений туркменских племен в западные области Анатолии. Эти переселения достигли своего апогея к середине XIII в., когда воины Чармагуна и Хулагу окончательно подчиняли Азербайджан и пограничные анатолийские области. Известно также, что в середине XIII в. в области Кютахьи некий Карим ад-Дин Алишер основал Гермианский эмират, после 1261 г. владели эмиратом потомки Алишера, обозначавшиеся в источниках, в частности, как валади Алишер. После 1289 г. они действительно включились в борьбу против византийцев, в частности, в областях, прилегающих к Брусе¹³⁶.

Наличие этой достоверной информации позволяет предположить, что источником сведений о Пахлаван-беке было не эпическое, но историческое предание, основанное на реальных фактах. Может быть, верно это предание, и туркмены ак-коюнлу, как и некоторые другие туркменские племена, были вынуждены под давлением монголов откочевать на запад Анатолии?

Косвенными подтверждениями достоверности предания могут быть следующие факты. 1. Самые ранние сведения о пребывании ак-коюнлу на востоке Анатолии содержатся у Панарета под 1340 г. По нашим сведениям, в восточных источниках ак-коюнлу впервые упоминаются под 1379 г.¹³⁷ Утверждение А. Эрзи, что в 30-х годах XIV в. Ибн-Баттута подразумевал под воюющими у Арзан ар-Рума туркменами племена ак-коюнлу и кара-коюнлу, — не более чем догадка¹³⁸. 2. Этноним «баяндыр» употреблялся наряду с «ак-коюнлу» как синоним¹³⁹. На карте Западной Анатолии можно найти целый ряд топонимов Баяндыр¹⁴⁰ — не знак ли это пребывания там и племени ак-коюнлу? Топоним Баяндыр сохранился и между Болу и Тосьей в бывшей Пафлагонии¹⁴¹. Не знак ли это того, что ак-коюнлу пришли в Понт к 40-м годам XIV в. по пути с Запада на Восток через Пафлагонию, так же как и туркмены чепни?

Сообщение генеалогии, что Пахлаван-бек умер в Амиде, согласуется с известным греческим названием ак-коюнлу — ἀμιτιώται, произошедшим, по-видимому, от названия местности, где ак-коюнлу пребывали около 1340 г. или незадолго до этого. Что это был за Амид? В свете сказанного выше мы склонны вновь возвратиться к предположению Э. Брайера, от которого он позже отказался под воздействием критики Э. Захариаду, что ἀμιτιώται произошло от понтийского топонима Омидия (зап. Керасунта)¹⁴², где ак-коюнлу могли обосноваться по пути с запада Анатолии, где, может быть, и скончался Пахлаван-бек.

Почему же генеалогия так упорно стремится привязать ак-коюнлу к области Дийарбакра? Во-первых, сам Абу Бакр Тихрани мог быть введен в заблуждение сходством топонимов Амид (Омид) и Омидия, а во-вторых, из чисто политических соображений — указать читателю, что ак-коюнлу издревле владели Дийарбаком и имеют на него больше прав, чем кто-либо еще.

Генеалогия дает также еще один вариант решения и другой проблемы — кем был упомянутый у арабского географа Умари понтийский владетель Тоганджук. Умари дает имя в форме طوغان جوق. Антропоним распадается на собственное имя Тоган и тюркский аффикс джук/джик, имеющий уменьшительно-ласкательное значение. Умари сообщает, что государство Тоганджука располагалось западнее Трапезунда (طرابزون) ¹⁴³. Умари можно понять двояко: его держава располагалась на западе от границ империи или же непосредственно западнее города Трапезунда, что далеко не однозначно, когда известно, что в непосредственной близости от Трапезунда, на западе, в середине века располагались племена чепни и ак-коюнлу. Э. Захариаду идентифицировала Тоганджука с Доган-шахом, чье имя запечатлено на могильной плите из Никсара, датированной 1346/47 г. ¹⁴⁴. Однако ряд фактов, не говоря уже об очевидном отличии имен в их второй части, заставляют отнестись к предположению Э. Захариаду с известной долей осторожности. Имя Тоганджук встречается, кроме Умари, только в генеалогии, записанной Абу Бакром Тихрани, в форме Тоганчук ¹⁴⁵.

Тоганчук стоит в списке восемнадцатым: «Восемнадцатый — Тоганчук, в его время [халифами] были Саффах (749—754) и Мансур (754—775). Абу Муслим в эти времена восстал, и халиф Мансур убил его» ¹⁴⁶. Дата его жизни абсолютно нереальна, и, как видно из цитаты, Тоганчук не ассоциируется ни с предыдущими, ни с последующими именами, не указано и место его жизни. Так что положение, избранное для него Абу Бакром Тихрани, выглядит довольно случайным. Выше мы уже говорили о полной произвольности датировок в генеалогии. Но в то же время это не означает, что имя Тоганджук/Тоганчук попало в список случайно. Мы полагаем, что Тоганчук и Тоганджук Умари может быть одно и то же лицо. Датировка его жизни в генеалогии заведомо ошибочна, а сохранение воспоминаний о нем в исторической памяти ак-коюнлу весьма вероятно, ибо Тоганджук Умари пребывал на Понте примерно в то же время, что и ак-коюнлу. Отметим также и другую деталь: Умари не сообщает о наличии городов во владениях Тоганджука, своей монеты и т. д.: «Затем идет страна Тоганджука, она западнее Трабзуна и южнее страны Сулейман-паши, это великая держава, обладающая землями и войском» ¹⁴⁷. По этой причине у нас возникают сомнения в правомерности идентификации Тоганджука с Доган-шахом, владельцем цветущего и известного города Никсара, вокруг которого было немало других городов. Может быть, слова Умари отражают ко-

чевой характер державы Тоганджука? Она могла бы располагаться ближе к трапезундской границе, где и в самом деле не было значительных городских центров. Упоминание Тоганджука/Тоганчука в генеалогии, утверждая нас в этой мысли, позволяет думать, что существовала некая связь между ним и ак-коюнлу, пребывавшими по меньшей мере десятилетие на западных границах империи. В хронике Панарета Тоганджук не упомянут, возможно, потому, что он мог скончаться еще до 1340 г., до первого упоминания амитиотов в хронике. Судя по фонетической форме имени, Тоганджук/Тоганчук был, вероятно, огузом. Он мог быть членом ак-коюнлу, чепни или боз-доганлы.

Что касается упоминавшегося у Панарета *λοδογάνης*, то под этим именем подразумевалось именно племя, а не только личность. Первое упоминание Боз-Догана в восточноанатолийских источниках относится к 1348 г. (хроника Панарета), в восточных источниках впервые он упоминается в родовом имени эмира Зия ал-Мулька — Ибн Боз-Доган. Зия ал-Мульк был убит в Шейзаре в 1392 г.¹⁴⁸ Его сын, эмир Саад ал-Мульк Ибн Боз-Доган, в середине 1395 г. переходит из Сирии на службу к Бурхан ад-Дину. Его брат Зия ал-Мульк служил у Мутаххартана, а в 1396 г. переходит на сторону Бурхан ад-Дина¹⁴⁹. Как следует из египетских источников и хроники «Базм-у разм», потомки Боз-Догана были главами племени туркмен (туркман, таракима)¹⁵⁰. Еще в 30-х годах XX в. в Восточной Анатолии жили юрюки, именовавшиеся этнонимом «боз-доганлы»¹⁵¹. Следовательно, нужно думать, что и сам Боз-Доган, упомянутый у Панарета, в 1348 г. был на Понте во главе туркменского племени. Он не мог поэтому быть главою чепни, как это предположил Э. Брайер, и не был эмиром ак-коюнлу, как это утверждает Э. Захариаду¹⁵². Боз-Доган стоял, по всей видимости, во главе особого племени тюрков. На огузско-туркменское происхождение Боз-Догана указывает и чисто огузская западноанатолийская особенность произношения имени, как она зафиксирована у Панарета и в восточных источниках (بوزدوغان، بوزطوغان). Однако к какой именно ветви огузов следует отнести боз-доганлы, сказать трудно. Существует еще одна вероятность: иль Боз-Догана мог состоять из представителей разных тюркских племен, но получить название по имени своего предводителя, огуза Боз-Догана¹⁵³. Последнее толкование объяснило бы, почему Панарет упоминал Боз-Догана без ссылки на его родовую принадлежность.

В отношении туркмен Боз-Догана также можно найти слабые намеки на то, что они могли прийти в Понт с запада Анатолии: в эмирате Айдын существовал топоним Боз-Доган, топоним Боз-Доган сохранился и в Трикомии (Вотанос)¹⁵⁴. Не следы ли это длительных остановок иль Боз-Догана на пути с Запада на Восток?

Может быть, действительно, из Северо-Западной Анатолии к Понту в первые десятилетия XIV в. пришли не только чепни, но целая конфедерация племен. Конечно, эта гипотеза требует но-

вых подтверждений. Во всяком случае, как отметил Э. Брайер, в июне 1367 г. ставка эмира Кутлу-бека из племени ак-коюнлу располагалась у западных границ банды Трикомия, примерно там же, где земли чепни¹⁵⁵, и нет никаких сведений о том, что ак-коюнлу являлись туда время от времени из области Байбурта. Может быть, как раз после 1367 г. ак-коюнлу перекочевали к Байбурту — Панарет после этой даты их не упоминает.

Деятельность ак-коюнлу на Понте хорошо освещена в упоминавшихся работах Э. Брайера, Брайера — Винфильда, Э. Захариаду и А. Эрзи. Мы хотели бы специально остановиться на взаимоотношениях ак-коюнлу и трапезундцев. Ряд фактов позволяет предполагать, что амитиоты использовались трапезундцами в междоусобной войне в империи в 1340—1355 гг.

С 1340 по 1355 г. Трапезундская империя была охвачена гражданской войной. Среди ее участников были все основные знатные роды: Схоларии, Каваситы, Мицоматы, Дораниты, Камахины и другие. Междоусобная борьба выражалась в мятеже одного из союзов знати против царской власти, которая опиралась на другую из соперничавших групп архонтов. За время войны на престоле сменилось пять императоров. В проимператорских и в мятежных группировках знати в разное время объединялись разные из перечисленных родов, так что нельзя однозначно утверждать, что смыслом этой распри было соперничество между различными группировками знати. Скорее всего, ее надо рассматривать как проявление центробежных устремлений архонтов по отношению к власти василевсов¹⁵⁶.

О событиях гражданской войны известно преимущественно по хронике Михаила Панарета. Поскольку Панарет родился около 1320 г., то, скорее всего, он был очевидцем этих событий. Панарет был протонотарием Трапезундской империи, и трактовка им событий, по всей видимости, отражала официальную точку зрения¹⁵⁷.

За пятнадцатилетний период войны Панарет фиксирует пять вооруженных столкновений между трапезундцами и амитиотами. Исследователи гражданской войны рассматривают эти войны с туркменами как вторжение третьей силы, воспользовавшейся неурядицами в империи и усугублявшей дестабилизацию державы¹⁵⁸.

Однако представляется, что амитиоты, кочевавшие на расстоянии 2—3 дней пути от самого Трапезунда, вполне могли вовлекаться самими враждующими сторонами в борьбу. Это было бы вполне логичным — воспользоваться третьей военной силой, в бездействии простаивающей рядом. Хотя Панарет прямо не говорит об участии амитиотов в междоусобице, однако намеки на это в хронике содержатся.

Панарет сообщает о следующих греко-тюркских столкновениях: в августе 1340 г., июле 1341, августе 1341, июне 1343, июне 1348 г., а также о женитьбе летом 1352 г. эмира амитиотов Кутлу-бека на дочери василевса Алексея III — Марии Великой Комниной¹⁵⁹. Все эти упоминания амитиотов в хронике сосед-

ствуют с сообщениями о новых обострениях в междоусобице. Случайны ли эти совпадения? Взглянем на хронику Панарета с внешней, формальной точки зрения.

Хроника представляет собой запись в хронологической последовательности событий, сгруппированных по царствованиям. Внутри этих групп текст распадается на более или менее краткие сообщения-события, почти всегда датированные, но, как правило, логически между собой никак не связанные. В рассматриваемом отрывке Панарет повествует о пяти царствованиях, для каждого царствования он избрал от трех до семи сообщений-событий. Очевидно, что событий было много больше, и далеко не все они получили отражение в хронике. По существу, нам приходится иметь дело не с реальным «космосом» событий, но с «космосом» сообщений Панарета. Тогда возникает вопрос: не была ли подборка Панаретом сообщений для включения в хронику концептуальна?

Как представляется, основная тема, концепция отрывка о гражданской войне,— это повествование о борьбе за власть одного рода — рода Схолариев. Схоларии стояли у истоков этих войн — так они и другие знатные роды выступили против императрицы Ирины Палеолог в 1340 г., Схоларии же были и участниками финала междоусобицы — с их поражением в 1355 г. в общем и завершилась смута в империи¹⁶⁰. Именно с именем Схолариев Панарет прямо связывает наиболее острые кризисы в междоусобице (например, в 1341—1342 гг., 1344 г., 1349—1355 гг.)¹⁶¹. Схоларии упоминаются Панаретом в рассматриваемом отрывке по меньшей мере 20 раз, наиболее последовательные союзники Схолариев, род Доранитов, упоминаются 13 раз, в то время как другие роды — лишь от 1 до 10 раз.

Если согласиться с этим нашим наблюдением, то упоминания Панаретом набегов туркменов также представляются концептуальными. Сообщения о греко-туркменских столкновениях появляются тогда, когда Схоларии терпят поражение в борьбе с императорской властью. Вот как это отражено в хронике. Первое столкновение — это нападение трапезундцев на амитиотов в августе 1340 г.; о нем сообщается вслед за известием об аресте в июле того же года мятежных архонтов войсками императрицы Ирины; среди мятежников были и Схоларии. Второе столкновение в июле 1341 г.— о нем говорится вслед за сообщением о казни в Лимнии арестованных архонтов; не известно, были ли среди казненных представители рода Схолариев, однако нет сомнений, что они продолжали находиться в оппозиции императрице. Третье столкновение 3 августа 1341 г.— говорится о нем сразу после сообщения об аресте в ночь на 31 июля Михаила Великого Комнина, во время неудачной попытки возвести его на престол Схолариями и Доранитами. Четвертое столкновение в 1343 г.— Схоларии в это время, вероятнее всего, были в оппозиции к императору Иоанну, которого они через год свергли; сообщение следует вслед за известием о терроре, учиненном императором Иоанном против знати, и перед известием о свержении Иоанна. Пя-

тое столкновение в июле 1348 г.— Никита Схоларий с ноября 1345 г. был лишен должностей и оказался под арестом; поскольку Никита Схоларий принимал активное участие в дворцовом перевороте 1349 г., то, скорее всего, в момент набега тюрок он был в оппозиции или, быть может, даже находился в заключении. Летом 1352 г. был заключен брак между дочерью Алексея III Марией и эмиром амитиотов Кутлу-беком¹⁶². Сделаем небольшое отступление и остановимся на последнем событии подробнее.

Сообщение Панарета о браке Марии и эмира значительно отличается от его же известий о двух других браках деспин с мусульманами¹⁶³ своей недосказанностью и отрывочностью. Это наводит на мысль, что Панарет опустил какие-то подробности, связанные с этой женитьбой. Мы предполагаем, что между 1348 и 1352 гг. имело место еще одно столкновение трапезундцев с племенем ак-коюнду. Свидетельство о нем сохранилось лишь в генеалогии правителей ак-коюнду, к которой мы уже обращались выше¹⁶⁴. Там говорится, что Кутлу-бек, эмир добродетельный и набожный, весьма преуспел в борьбе с «недрузьями веры, которые суть на краю той земли». Далее следует рассказ о выступлении Кутлу против Трапезунда в отместку за убийство трапезундцами некоего Юсуфа из племени духар¹⁶⁵ и пленении «тасбины», дочери такфура Трапезунда. Нет оснований не доверять этому сообщению. Мы полагаем, что в генеалогии говорится об очередном кризисе в отношениях между империей и туркменами, не упомянутом у Панарета, который и явился причиной выдачи Марии Великой Комниной за Кутлу-бека¹⁶⁶. Если следовать логике сообщений Панарета, то можно предположить, что это шестое столкновение имело место в 1351 г., когда императорской власти вновь противостоят мятежные роды Схолариев и Доранитов. После заключения союза с амитиотами Алексей III в октябре 1355 г. умирят Никиту Схолария.

Итак, не были ли амитиоты союзниками Схолариев и случайно ли помещает Панарет упоминания об амитиотах рядом с известиями об угрозе для Схолариев? Не намекает ли Панарет, что походы амитиотов были спровоцированы мятежными Схолариями? Необходимо отметить в этой связи, что другой трапезундский автор, Лазаропул, не упомянул ни об одном туркменском набеге в ходе гражданской войны, а Андрей Ливадин, сторонник Схолариев, также писавший о междоусобице, упомянул лишь об одном набеге — в июле 1341 г., когда городу Трапезунду был нанесен серьезный ущерб¹⁶⁷. Сам факт включения Панаретом в текст этих сообщений логично объясняется основной концепцией всего отрывка, сводящейся к изложению обстоятельств перманентного мятежа Схолариев.

Наше предположение о союзе между Схолариями и туркменами подкрепляется и тем фактом, что, судя по хронике Панарета, столкновения амитиотов, по всей видимости, происходили именно с императорскими войсками. Так, в первом столкновении в 1340 г. на амитиотов совершили нападение именно император-

ские отряды царицы Ирины, и по крайней мере еще в двух случаях (июль 1341 г. и июнь 1348 г.) туркменские набеги были направлены против города Трапезунда, находившегося под контролем императорской власти.

Кроме того, что наше предположение находит подтверждение в структуре хроники Панарета, в характере его сообщений, мы можем представить еще один косвенный, но достаточно веский аргумент, а именно два сообщения Андрея Ливадина в его «Периписисе», которые никто из исследователей, кроме издателя текста О. Лампсидиса, так и не прокомментировал. Первый отрывок касается обстоятельств покорения Алексеем III в 1355 г. крепости Керасунт, находившейся в руках Схолария. Андрей Ливадин сам был в числе мятежников и находился тогда в Керасунте¹⁶⁸. Ливадин сообщает: «Уже союзные (императору.— Р. Ш.) наемники-варвары с мощными всадниками и пешими направились из сопредельной материковой области (а это было сделано тайно, по глубокому злоумышлению), что привнесло в город [Керасунт] еще бóльшую робость...»¹⁶⁹ Издатель текста О. Лампсидис полагает, что варварами-наемниками были какие-то грузинские отряды¹⁷⁰. С этим мнением нельзя согласиться по следующим причинам. Во-первых, Ливадин однозначно указывает, что варвары явились из «сопредельной области», т. е. «сопредельной», очевидно, Керасунту и вряд ли Лазике, где империя соприкасалась с Грузией. Во-вторых, о каких-либо особенно дружественных отношениях империи с Грузией в этот период ничего не известно. Кроме того, Ливадин в своих творениях, имеющих отношение к Трапезундской империи, из 12 упоминаний «варваров» в 11 случаях однозначно подразумевал под ними понтийских тюрок¹⁷¹. Так что, по всей видимости, и в двенадцатом случае Ливадин имел в виду тюрок. Но кого именно? Наиболее вероятный ответ — это были амитиоты, турки ак-коюнлу. Ведь именно с ними тремя годами раньше был заключен союз. Известно также, что союз с амитиотами был первым союзом Алексея III с тюрками, другие окрестные мусульманские владетели пока были ему враждебны.

В тексте Ливадина, таким образом, содержится пока единственное прямое указание на то, что императорская власть в гражданской войне пользовалась услугами тюркских воинов. И вновь мы видим, на примере уже другого источника, что амитиоты опять ассоциируются со Схолариями, но теперь они определенно действуют против Схолариев. Скорее всего, целью брака, заключенного в 1352 г., было не отделить амитиотов от других тюркских владетелей, как считает Э. Захариаду, а заставить их разорвать союз со Схолариями и обратить их оружие против мятежников¹⁷².

Ливадин приводит другой пример, свидетельствующий, что союз греческих мятежников с тюрками вполне возможен. Описывая Кенхрину, в тот же период борьбы между Схолариями и центральной властью, он сообщает: «Городок [Кенхрина]... временами вступает в союз с варварами, живущими по соседству, [но]

редко, и всегда из-за того, что [сам] непокоряем. Если даже и [вступает с ними в союз], то менее всего ожидается, что [город] потерпит от [варваров] ущерб, но поскольку, наоборот, варвары весьма претерпели, то весьма охотно вступают в союз и заключают крепкий мир с ними (т. е. с греками.— *Р. Ш.*) и друг с другом живут в большой безопасности»¹⁷³. Из этого отрывка следует, что мирные отношения с тюрками могли сложиться у греческого населения империи и помимо государственной власти. Но с кем именно из тюркских племен — сказать трудно, и не это важно. Ливадин свидетельствует о прецеденте, так сказать, «сепаратного» мира имперского города с тюрками — это важный аргумент в пользу высказанного нами предположения.

Итак, если василевс мог использовать амитиотов в междоусобной борьбе, а жители Кенхрины могли быть в союзе с местными тюрками, то и Схоларии, вероятно, вполне могли призвать тюрков на помощь в критические для себя моменты.

Поэтому мы полагаем, что Панарет своей намеренно тенденциозной подборкой свидетельств в хронике стремился тем самым указать читателю на то, что Схоларии пользовались в междоусобице услугами туркменов-амитиотов. Эти намеки были бы слишком прозрачными для читателя хроники в конце XIV в., знавшего много больше того, что донес до нас текст Панарета.

Исходя из нашего толкования текста Панарета, мы предлагаем следующую картину развития гражданской войны. Уже к 1340 г. мятежные Схоларии в союзе с другими родами использовали отряды туркменов для борьбы с императорской властью. В августе 1340 г. императрица Ирина, разгромив мятежников, мстит и их туркменским союзникам, императорские войска громят кочевья амитиотов. В 1341—1351 гг. амитиоты продолжают поддерживать Схолариев и совершают пять набегов на территорию империи. В 1352 г. императорской власти удается заключить союз с эмиром ак-коюнлу и обратить оружие тюрков против их прежних союзников.

Вполне правомерен вопрос: почему Панарет открыто не сообщил в хронике о существовании союза между Схолариями и туркменами? Прежде всего, чтобы понять это, следует вспомнить, что умолчание было одним из наиболее действенных орудий средневековой историографии, много более действенным, чем искажение факта. Панарет, повествуя о покорении василевсом Керасунта, ни словом не обмолвился о союзниках-тюрках в числе императорского воинства¹⁷⁴. Лояльный императорской власти, он умолчал факт военной помощи императору со стороны тюрков, но в то же время косвенно указал на связь мятежников с варварами. В свою очередь Ливадин ничем не выдал добрые отношения своих покровителей Схолариев с тюрками, но не упустил случая указать на связь с ними императора Алексея III. Отметим, что из этих примеров следует, в частности, что вовлечение варваров в междоусобицу не считалось достойным поступком.

Панарет не говорит прямо о союзе Схолариев с тюрками, по-видимому, потому, что он не мог открыто порочить Схолариев. Ведь они сохранили за собой высокие посты в государстве и после поражения в войне. Так, в 1363 г. Георгий Схоларий упомянут в чине великого логофета, а в 1395 г. некий Схоларий был в чине адмирала и великого дуки¹⁷⁵. Почему же тогда Панарет оставил эти намеки на неблагоприятную связь первейшего рода в империи с варварами? Вероятно, потому, что у Схолариев и в момент написания хроники могли быть противоречия с императорской властью. Ведь в 1363 г. Георгий Схоларий вновь восстал против императора, но был прощен¹⁷⁶, около 1400—1401 гг., как предположил Э. Брайер, Схоларии вновь входили в мятежную группировку знати, а в 1429 г. они участвовали в очередном мятеже и убийстве императора Алексея IV¹⁷⁷. Как видно, противоречия между императорской властью и Схолариями имели глубокие корни, не зависящие от отдельных представителей этого рода и императорской династии. Вероятно, эти противоречия и заставили Панарета, выражавшего в хронике точку зрения императорского двора, намекнуть на компрометирующие Схолариев обстоятельства гражданской войны.

Понтийские греки и тюрки (вместо заключения)

Границу Трапезундской империи, исходя из специфики той борьбы, что велась на ней с тюрками, можно условно разделить на три зоны: первая зона — приморские границы, т. е. береговые крепости от Лимнии вплоть до Керасунта включительно; вторая зона — материковые территории, включавшие в себя западные границы банды Трикомия и области Халдия, южную границу, проходившую через Хериану, и юго-восточные пределы между владениями Великих Комнинов и землями Байбурта; третья зона — прибрежные восточные банды Гемора, Сурменон, Изе и фема Великая Лазика, земли которых очень неглубоко ростирались в глубь материка.

Первая зона характеризовалась почти полным отсутствием у береговых твердынь хинтерланда. Это объяснялось географическими причинами — сразу за узкой береговой линией вставали труднодоступные горы, контролировать которые трапезундцы в X в. уже не могли. Банда Трикомия была наиболее западной частью, где греческие поселения сохранялись вглубь материка¹⁷⁸. Связанные с Трапезундом лишь морским путем, Лимния, Иней, мыс Ясон были неизбежно обречены на захват тюрками. Борьба тут не была столь упорной, но к 1404 г. западные земли, кроме Инея, были потеряны империей.

Третья зона, как нам представляется, была наиболее спокойной в отношении внешней опасности — по крайней мере источники о ней прямо не упоминают.

Во второй же зоне борьба с внешней угрозой была наиболее напряженной и одновременно более успешной. Здесь борьба империи с тюрками в XIV в. претерпела три основных этапа. Первый этап характеризуется часто повторяющейся угрозой самому Трапезунду и соседней банде Мацуке. Длился он от начала XIV в. и до конца 50-х годов. В этот период хроника Панарета фиксирует следующие столкновения трапезундцев с тюрками в этой области и, вероятно, профилактические обходы ее трапезундским императором:

1313. Эмир Байрам — пригороды Трапезунда (?).

1332. Эмир Байрам — Мацука.

1336. Шейх Хасан — гора Митры.

1340. Амителиоты — пархарин.

1341. Амителиоты — Трапезунд.

1341. Амителиоты — ок. Трапезунда (?).

1343. Амителиоты — ок. Трапезунда (?).

1348. Ахи Айна-бек и др. — Трапезунд.

1351/52 (?) Амителиоты — ?

1357. Обход императора во главе с войском пархарина.

1357. Хаджи Амир — Дикесим в Мацуке.

Второй период знаменуется переносом борьбы из банд Трапезунд и Мацука в Халдию и Хериану. Длился он примерно с 50-х годов по середину 70-х. В этот период зафиксированы следующие столкновения с тюрками и посещения этих областей василевсом:

1355. Тюрки — Хериана и Сорогена.

1355. Тюрки — Хериана.

1360. Ходжа Латиф — Халдия.

1361. Ахи Айна-бек — Голаха.

1362. Посещение василевсом Халдии.

1367. Посещение василевсом Халдии.

1368. Кылыч Арслан — Халдия.

1369. Тюрки — Голаха.

1373. Тюрки — Хериана.

1374. Тюрки — Голаха.

Переходными событиями между первым и вторым периодами можно считать прорыв Хаджи Амира к Дикесиму в 1357 г. и вторжение Ходжа Латифа в 1361 г. в Мацуку. По поводу первого Панарет отмечает, что Хаджи Амир дошел до Дикесима «по беспечности нашей в защите» (ἀμεληράντων ἡμῶν τὴν φύλαξιν) — следовательно, у трапезундцев были силы и возможности защитить себя, что они и продемонстрировали, наголову разгромив Ходжа Латифа в 1361 г. За второй период зафиксировано у Панарета лишь два столкновения в непосредственной близости от Трапезунда — оба в соседствующих областях Мармары (1370 г.) и долины Филавонита (1380 г.). Первое завершилось успешно для трапезундцев, а второе, в целом удачное для них, в конце было отчасти омрачено неудачей¹⁸⁰. Эти два столкновения не могут изменить явной тенденции к общей стабилизации обороны в прилегающих к Трапезунду бандах.

Третий период — 80-е годы и до конца XIV г.— характеризуется спадом военной активности на материковых границах империи, значительным увеличением их безопасности.

Стабилизация южной материковой границы Трапезундской империи во второй половине XIV в. нашла выражение и в другом источнике — в творениях Андрея Ливадина. Для второй половины 30-х годов он отмечает, что град Трапезундский «вызывает сильный страх у материковых жителей крепкими как медь стенами, и месторасположением, и полноводным рвом, и, конечно, другими укреплениями...»¹⁸¹, т. е. имплицитно указывает на то, что у городских стен были возможности доказать свою крепость во время нападений врага. В «Исповедании веры» Ливадин писал в августе 1361 г.: «...за грехи наши и по неизбежному Божьему суду уничиженными прежде ромеями ныне повержены [персы], сраженные могучей дланью Бога Вседержителя...»¹⁸² Ливадин и в других текстах, относящихся к 1361 г., противопоставляет прежние неудачи ромеев нынешним их успехам в противоборстве с тюрками¹⁸³. Как нам представляется, это было не только и не столько риторикой славословий василевсу Алексею III, сколько отражением довольно явного прогресса в борьбе с тюрками, проявившемуся как раз к началу 60-х годов и ознаменованному блестящим разгромом байбуртского эмира Ходжа Латифа.

Если мы обратимся к данным «Вазелонских актов», то и в них увидим сходную картину. Всего семь актов из 190 упоминают попавших в плен к тюркам жителей банды Мацуки и Палеомацуки (№ 16, 38, 65, 66, 100, 106, 107)¹⁸⁴. Не во всех актах отмечено число пленников, но, вероятно, упомянутыми оказались двадцать пять — тридцать человек. Знаменательна для нас датировка актов¹⁸⁵:

№ 16 — ок. 1245 г.

№ 38 — 1261 г.

№ 107 — вторая половина XIII в.

№ 106 — ок. 1300 г.

№ 65 — 1302—1310 гг. (?)

№ 66 — 1310—1344 гг. (?)

№ 100 — 1344 г.

Как видно, пленники встречаются в актах с середины XIII в. по 1344 г.; в актах второй половины XIV и XV вв. упоминаний о пленниках нет¹⁸⁶. Отсюда можно сделать вывод, что временем наиболее упорной борьбы в Мацуке была вторая половина XIII в. и особенно первая половина XIV в., что совпадает с периодом наиболее активного проникновения в Понтийские области кочевых тюрков из Западной и Центральной Анатолии. Хотя число актов по векам распределилось очень неравномерно (для XIII в. их около 90, для XIV — 27, для первой половины XV в. — около 53), однако тенденция, усматриваемая в сохранившихся актах, вряд ли существенно могла бы измениться, не исчезни некоторые из них.

К концу XIV в., как это показал Э. Брайер, трапезундская граница на юге проходила по северной Хериане, южнее шла «ничейная земля», далее на юг у крепости Аланса начинались владения Арзинджанского эмирата¹⁸⁷.

Мусульманское окружение Трапезундской империи в XIV в. не было однородным. Вдоль южных материковых границ империи располагались независимые или полунезависимые кочевники-туркмены. Следующий пояс определялся мелкими, средними и крупными городскими центрами, достаточно давно освоенными мусульманами, — Самсун, Амасья, Никсар, Кара Хисар, Сивас, Арзинджан, Байбурт и др. Здесь значительная часть населения была оседлой, хотя вне города и в этих областях было немало кочевников, служивших неистощимым резервуаром для пополнения армии мусульманских городских правителей. Трапезундцам приходилось сдерживать на своих южных границах агрессию и кочевников, и городских мусульман, в 1348 г. и те и другие выступили в союзе против самого Трапезунда. Враждебные действия мусульманских городских владетелей Арзинджана (1348, 1361), Байбурта (1348, 1360, 1361), Кара Хисара (1368, 1379), Никсара (1347 (?), 1351—1369 (?)), являвшихся вассалами Сивасского султана Аратны и его потомков, вероятнее всего, следует рассматривать как составную часть политики Сиваса по отношению к Трапезундской империи.

Что касается кочевников на границах империи, то их зависимость от Сиваса, по-видимому, была достаточно мала. Вспомним в этой связи, что именно кочевые ак-коюнлу первыми из южных соседей трапезундцев установили с греками дружественные отношения.

Историю отношений Трапезундской империи с тюрками в XIV в. как отношение кочевников с оседлыми рассматривает Э. Брайер. Избранный им аспект позволил уяснить ход борьбы империи за Лимнии, особенности тюркской кочевой агрессии на территории империи (стремление кочевников закрепиться на зимних и летних пастбищах). Однако, как нам представляется, исследователь отчасти преувеличивает значение кочевников чепни в жизни трапезундских областей Мацуки, Халдии и Херианы. Он стремится большинство не идентифицированных у Панарета нападений тюрков на эти области привязать к чепни, подчеркнуть их непримиримую враждебность к грекам. Цитированное выше сообщение Ливадина о тюрках, союзниках Кенхрины, показывает, что греко-тюркские взаимоотношения были сложнее, они не сводились к союзу или войне с центральной трапезундской властью, но могли протекать на более низком локальном уровне мира и вражды отдельных групп тюрков с местным греческим населением в областях их совместного обитания. В этом смысле симбиоза кочевников и оседлых — перманентная вражда не может быть выгодна ни тем ни другим.

Великие Комнины смогли стабилизировать границы несколькими кардинальными мерами. В первую очередь это строитель-

ство и восстановление оборонительных сооружений. Пик строительной деятельности приходится на конец XIII — начало XIV в. Так, крепости Ардаса и Тцаниха в Халдии построены в XIII—XIV вв., крепости Триполи, Кордилла, некоторые укрепления в Трапезунде — в конце XIII в. К XIV в. относится строительство Голахи, Сорогены, Палеокастроны, Зиганы, некоторые работы в цитадели Трапезунда¹⁸⁸.

Наибольшие успехи трапезундцев в их борьбе с тюрками связаны с именем василевса Алексея III¹⁸⁹. В его царствование отстроены стены Керасунта, возведена важная крепость Кукос в Халдии, велись работы на трапезундских городских укреплениях¹⁹⁰. Одновременно Алексею III удалось политикой брачных союзов не только обезопасить материковые границы империи, но даже отодвинуть их на юг, в северную Хериану¹⁹¹. Брак его сестры, Марии Великой Комнины, с амитиотом Кутлу-беком не только положил конец набегам на территорию империи, но и, как мы показали выше, способствовал прекращению гражданской войны. Брак дочери Алексея III Феодоры с Хаджи Амиром прекратил набеги на часть побережья восточнее Инея и на западные материковые границы. Брак другой дочери василевса, Евдокии, с эмиром Тадж ад-Дином обезопасил западную часть побережья с портами Лимния и Иней. Однако, как нам представляется, перечисленные союзы были все же полумерами — и это доказала угроза со стороны Кылыч Арслана, не сумевшего пробиться к Трапезунду, но активно действовавшего в Халдии и Хериане, а может быть, и у границ Трикомии. Все-таки ни Кутлу-бек, ни Хаджи Амир, ни Тадж ад-Дин, будучи незначительными владельцами, не могли гарантировать безопасность империи в случае непредвиденных изменений политического status quo в областях, непосредственно прилегающих к Понту.

Значение этих эмиров не было велико и в глазах современников: так, о Тадж ад-Дине Сфрандзи писал, что это был «владелец незначительной и малой местности», а об эмире ак-коюнлу Усмани ибн Кутлу историк Макризи говорит, что был он «одним из ничтожнейших эмиров» (لأنه من أقل أمراءه) Бурхан ад-Дина¹⁹².

В связи со сказанным мы не склонны поддерживать предположение Э. Брайера (высказанное, впрочем, достаточно осторожно), что в 1363 г. император Алексей III принужден был ко встрече с Кутлу-беком некоторыми вассальными обязательствами по отношению к туркменскому эмиру. Возможную параллель отношениям между императором и Кутлу-беком Э. Брайер видит в «служении» Палеологов османам¹⁹³. Не думаем, что это сравнение удачно. Византии уже в 50—60-х годах XIV в. противостояла набирающая силы турецкая держава, со значительными территориями и населением, активно складывающимися культурными и идеологическими ориентациями. Трапезундской же империи с ее эффективной системой защиты, земельными и денежными богатствами и мощной культурной традицией противостояло лишь

племя кочевников, едва ли еще познавших государственность. Трапезундский император в XIV в. вряд ли мог оказаться в числе вассалов какого бы то ни было мелкого тюркского эмира. Основную опасность для империи, по нашему глубокому убеждению, составляли не отряды кочевников, но многочисленные и профессиональные армии значительных мусульманских владетелей.

В конце XIV в. потенциальной угрозой таких масштабов явился Сивасский султанат Бурхан ад-Дина Ахмада. Василевсу Алексею III удалось почти на два десятилетия оградить империю от этой угрозы посредством союза (опять же скрепленного междинастийным браком) с эмиратом Мутаххартана с центром в Арзинджане. Этот эмират не был столь значителен, как Сивасская держава, однако, в отличие от понтийских союзников империи, сравним с ней по могуществу. Трапезундская империя и Арзинджанский эмират оказались интегрирующими силами, связующими звеньями в антисивасской направленности понтийских эмиратов Хаджи Амира, Кара Хисара, Никсара, Амасья, Кастамона-Синопа, Бафры и Самсуна. Эти государства, как видно, не составляли коалиции в полном смысле этого слова, ибо их противостояние Сивасу часто не было единым, а эмират Никсара открыто враждовал с Хаджи Амиром. Однако существующие между ними связи, по-видимому, давали этим небольшим государствам моральные силы и уверенность продолжать свою конфронтацию с могущественным соседом и не сдаться по его первому требованию: каждое из них по отдельности, даже Арзинджан и эмират Кастамона-Синопа, не были соперниками Сивасу.

Мы полагаем, что в политике династических браков, проводимой Великими Комнинами на протяжении XIV в., наиболее значительным успехом была выдача замуж греческой деспины за эмира Арзинджана Мутаххартана. Этот брак не столько, как полагает Э. Брайер, прекратил набеги тюрков на Хериану¹⁹⁴, сколько прямо и косвенно обеспечивал безопасность империи на протяжении всей ее материковой границы.

Бурхан ад-Дину удалось значительно потеснить союзные понтийские государства. Первой значительной их неудачей оказались события 1386 г., когда сивасцы взяли Никсар, а сын Хаджи Амира Сулейман-бек стал врагом империи. Но только через десятилетие, в середине 90-х годов, Бурхан ад-Дин смог прорваться к Байбурту и, хотя не сумел там закрепиться, потеснил Мутаххартана в областях южнее Кара Хисара и заставил Малика Ахмада формально признать свою верховную власть. Наконец, в 1397 г. его вассалу Сулейман-беку удалось временно захватить Керасунт. В середине и конце 90-х годов в Понтийской области сложилась нестабильная ситуация — оборона понтийских эмиратов была подорвана, но и сивасцы не одержали еще окончательной победы. Дело решилось неожиданной и дерзкой акцией Усман-бека Ак-Коюнлу и туркмен боздоганлы, союзников Мутаххартана, приведшей к убийству Бурхан ад-Дина в 1398 г. Однако к этому

времени две новые сверхсилы зреют в Анатолии — османы и эмир Тимур Гурган.

Трапезунд и Сивас по отношению к понтийским эмиратам были, по-видимому, чем-то вроде двух противоположных полюсов притяжения. Пока Сивас был силен, он удерживал в подчинении себе мелких понтийских правителей, однако в 50—70-х годах, с ослаблением Сивасской державы и усилением Трапезунда, ряд эмиратов отходит от сивасцев и объединяется в союзы с Трапезундской империей. В эпоху Бурхан ад-Дина сивасский султанат вновь начинает восстанавливать свои позиции на Понте.

Каковы же были основы союза мусульманских понтийских государств и Трапезундской империи во второй половине XIV в.? Как показала Э. Захариаду, одна из причин этих союзов — стремление греков и мусульман к совместному контролю над торговыми путями в Понтийской области¹⁹⁵. Мы полагаем, что в основе союза понтийских государств лежали не только торговые интересы, но более общие причины, скорее географического характера, со всеми вытекающими из них экономическими и политическими последствиями. Отделенность Понта от внутренних областей Малой Азии сказывалась на протяжении всей его истории.

Внутренний Понт был в свое время сердцевиной державы Митридата. Весьма медленно тут проходила эллинизация, не завершившаяся в ряде мест даже к XIII—XV вв. В X—XII вв. на Понте властвуют почти независимые от Константинополя Гавры. Их правление явилось прелюдией власти Великих Комнинов в XIII—XV вв.¹⁹⁶ В XIV в. территории союзных понтийских эмиратов и Трапезундской империи вместе почти повторили границы владений Гавров в XI в. и самой Трапезундской империи в начале XIII в. Те же тенденции, что и сотни лет назад, имплицитно привели империю в XIV в. к союзу с мелкими эмиратами Понта, а внешняя опасность из внутренней Анатолии ускорила этот процесс. Географический принцип одержал победу над конфессиональным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шейх Абу-л-Аббас Ахмед ал-Калкашанди. *Китаб субх алаша фи катабат ал-ниша*. Каир, 1915. Т. VIII. С. 48—49. Неполный французский перевод в кн.: Lammen H. *Correspondances diplomatiques entre les Sultans Mamlouks d'Egypte et les puissances chrétiennes*//ROC. 1904. Vol. 9/2. P. 179—180. Перевод Г. Ламменса не всегда точен.

² См. также: Oikonomides N. *The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality*//АП. 1979. 35. P. 322. Note 2; P. 326. Note 2.

³ Ал-Умари — автор известного географического труда «Масалик ал-абсар». Сочинение «ат-Тариф» в 1312 (1894—1895) г. издавалось в Каире, эта публикация осталась для нас недоступной (Brockelmann K. *Geschichte der arabischen Literatur*. Weimar, 1898. Bd 2. S. 141; Suppl. Bd 2 (Leiden, 1938). S. 175—176; Lammen H. *Op. cit.* P. 154).

⁴ Cahen C. Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Rûm au moment de l'invasion mongole//Byzantion. 1939. 14. P. 136—138; Nystazopoulos M. La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde//REB. 1964. 22. P. 241—249; Kurşanskis M. L'Empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle//REB. 1988. 46. P. 111—113, 118—119, 122.

⁵ Шейх Абул-Аббас. Субх ал-аша. С. 44, 48; Lammen H. Op. cit. P. 172—174.

⁶ Bryer A. A. M. The Fate of George Komnenos, Ruler of Trebizond (1266—1280)//BZ. 1973. 66. P. 332—350; Kurşanskis M. The Coinage of the Grand Komnenos Manuel I//АП. 1979. 35. P. 22—35.

⁷ Bryer A. Greeks and Türkmens: the Pontic Exception//DOP. 1975. 29. P. 113—149; Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352—1402)//АП. 1979. 35. P. 333—358. Дальнейшую разработку идей Э. Брайера см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985 (DOS. XX). Vol. 1—2 (далее — ВМТР).

⁸ Мы не будем специально касаться туркменов чепни, блестяще описанных в упомянутых работах Э. Брайера и Д. Винфильда.

⁹ Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit (1220—1350). Berlin, 1968. S. 127—137; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkley; Los Angeles; London, 1971. P. 139; The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1968. Vol. 5. P. 406—417.

¹⁰ Turan O. Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Ankara, 1954 (далее — Тарихи таквим).

¹¹ Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарихи Шейх Увейс/Введ. и пер. М. Кязимова, В. Пириева. Баку, 1984. С. 114—115; Spuler B. Op. cit. S. 355; ERETNA//EI²; Uzuncarsili I. H. Sivas-Kayseri ve dolaylarında Eretna devleti//Belleten. 1968. 32. P. 163—165.

¹² Ибн Халдун. Китаб ал-ибар ва диван ал-мубтада ва-л-хибар. Каир, 1856. Т. V. С. 560.

¹³ Taeschner F. Al-Umari's Bericht über die Anatolien in seinem Werke «Masalik al-amsar fi mamalik al-amsar». Teil I. Text. Leipzig, 1929. S. 28 (далее — Умари); Ibn Taghri Birdi's. Chronicle of Egypt. Arabic Text/Ed. by W. Popper. Berkley; Los Angeles, 1957. Vol. 5. P. 137 (далее — Ибн Тагри-бидри).

¹⁴ Абу Бакр Кутби. С. 120; Ибн Халдун. С. 560—561; Хамдаллах Казвини. Зайли тарихи гузида/Пер., примеч. В. Пириева. Баку, 1986. С. 129; Sanjian A. K. Colophons of Armenian Manuscripts (1301—1480). A Source for Middle Eastern History/Selected, translated & annotated by A. K. Sanjian. Cambridge, 1969. 1343:1.

¹⁵ Ibn Battuta. The Travels of Ibn Battuta AD 1325—1354. London, 1962. Vol. II. P. 435—437 (далее — Ибн Баттута).

¹⁶ Тарихи таквим. С. 70.

¹⁷ AMASYA//EI².

¹⁸ Хачатрян А. Корпус арабских надписей Армении. Вып. I. Ереван, 1987. № 161, 160. Комментарий. С. 189—190.

¹⁹ Один из армянских колофонов сообщает, что в 1341 г. из Байбурга уходят все жители из-за междоусобицы. В колофоне за 1346 г. говорится, что рукопись завершена в Байбурте во время правления Аратны в Руме. Поскольку надпись носит панегирический характер, можно думать, что Аратна владел в это время городом (Sanjian A. K. Op. cit. 1341:1, 1346:1).

²⁰ ERETNA//EI²; Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 176, 188.

²¹ Oğuz M. Taceddin oğulları//Ankara dil ve tarih coğrafya fakültesi dergesi. 1948. 6. P. 473.

²² Tevhid Ahmed. Müzei Humayunun meskûkâti kadimei islamtye katalogu. Kostantiniya, 1321. С. 4. P. 430, 432, 437—439. N 869, 876, 896—899, 901; Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 181, 184, 187—188.

²³ О царствовании Мир Мухаммада см.: Тарихи таквим. С. 72; Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 177—181; Inalcik H. The Conquest of Edirne (1361)//Aott. 1971. III. P. 206, 207. Note 75.

²⁴ Азиз Астарабадн. Базм-у разм. Стамбул, 1928. С. 180, 182; Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 185—186; Oral M. Durugan ve Bafrada iki türbe//Belleten. 1956. XX. N 79. P. 410.

²⁵ Шейх Абу-л-Аббас. Т. V. С. 363; Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 185, has. 81.

²⁶ Базм-у разм. С. 214—216, 217—218, 222. Враги Бурхан ад-Дина неоднократно требовали восстановления на престоле наследника Али-бека (там же. С. 222—223, 235, 243, 326, 353—354). Однако Бурхан ад-Дин отвечал на подобные требования, что его держава не имеет отношения к государству Аратны и его потомков (с. 247) (см. также: Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 186).

²⁷ Uzuncarsili I. Sivas ve Kayseri Hükümdari kadi Burhaneddin Ahmed//Belleten. 1968. XXXII. N 126. P. 191—232; Bala M. Kadi Burhaneddin//IIA; Yücel Y. Kadi Burhaneddin. Ankara, 1987. P. 2—9. Э. Захариаду совершенно упускает из вида статус Бурхан ад-Дина до 1378 г., а также факт регентства Кылыч Арслана (Zachariadou E. Op. cit.).

²⁸ Базм-у разм. С. 266—267, 296—302, 398, 399; Oral M. Durugan. P. 408—409.

²⁹ Базм-у разм. С. 302—303, 317—319, 387, 394, 402—408, 420—429; Ибн ал-Фурат. Тарихи Ибн ал-Фурат. Бейрут, 1936. Т. IX. С. 339; Zachariadou E. Manuel II Palaeologos on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad//BSOAS. 1980. XVIII. P. 471—481; Charanis P. Strife among Palaeologi and Ottoman Turks (1370—1402)//Byzantion. 1944. XVI. P. 309—312; Uzuncarsili I. Sivas... Hükümdari. P. 209—216; Yücel Y. Kadi Burhaneddin. P. 27—28, 19.

³⁰ Путешествие Ивана Шильбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г./Пер. с нем. Ф. Бруна//ЗНУ. Год I. Одесса, 1867. Т. I. Вып. 1—2. С. 14—16; Таки ад-Дин Ахмад Макризн. Китаб ас-сулук ли-маарифат дувал ал-мулук/Изд. М. Мустафа Зияда. Каир, 1956. Т. III. С. 906, 979; Maulana Sharafuddin Ali Yazdi. Zafarnamah: 2 vols. Calcutta, 1885—1888 (далее — Али Язди). Т. 2. P. 256; Kreutel R. F. Vom Hirtenzelt zur Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Asik-Pasa-Sohn. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 107 (далее — Ашик-паша-заде). Ала ад-Дин Али Челеби дважды упоминает в Базм-у разм как наследник (с. 482, 536); Uzuncarsili I. Sivas... Hükümdari. S. 221, ve has. 65 (И. Узунчарышылы ошибочно перевел эту дату с календаря хиджры на современный 28 шаввала 800 г., т. е. 14 июля, но не 9 июля 1398 г.).

³¹ Yücel Y. XIV—XV Yüzyillar Türkiye Tarihi hakkında arastirmalar, II//Belleten. 1973. XXXVII. P. 170—174.

³² Fischel W. Ibn Haldun and Tamerlan. Berkley & Los-Angeles, 1952. P. 51.

³³ ВМТР. Vol. 1. P. 145—146; Bryer A. The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and the Mummy of Cheriana//AS. 1982. XXXII. P. 146—149.

³⁴ Тарихи таквим. С. 70.

³⁵ Абу Бакр Кутби. С. 116; Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περί τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν. 'Εκδ. Ο. Λαμπρόδης//ΑΠ. 1958. 22. Σ. 64³⁰ (далее — Панарет).

³⁶ Spuler B. Op. cit. S. 130—132; Хамдаллах Казвини. С. 104; Али-заде А. Социальная, экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XV вв. Баку, 1956. С. 289, 330—336.

³⁷ Казвини. С. 126, 130, 132; Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме//Пер., пред., прим. и приложения Е. И. Васильевой. М., 1967 (т. 1). 1976. Т. 2. С. 72; Хафиз Аbru. Зайли джами ат-таварихи рашиди. Техран, 1938. Т. I. С. 174—175.

³⁸ Панарет. С. 64—65; см. также: Bryer A. Epithalamies and Eclipses in Fourteen-century Trebizond//Byzantium Tribute to Andreas N. Stratos. Athens. 1986. Vol. 2. P. 348.

³⁹ Один из армянских колофонов, сообщая об осаде Арзинджана, упоминает

среди воинства Шейх Хасана курдов (k'urt) (Sanjian A. Op. cit. 1338:1). Имя Рустам было совершенно неупотребительным в среде тюрок Северо-Восточной Анатолии в это время, курды же считали известным эпического героя Рустама курдом по происхождению и охотно пользовались этим именем (Шараф-хан Бидлиси. Т. I. С. 84. Индекс). Возможно, упомянутый Абд-Рахим происходил из курдов и явился к Понту вместе с Шейх Хасаном Кучуком.

⁴⁰ У Абу Бакра Кутби — Мухаммад Руми, гулям (с. 123); приближенный молодой румиец, эмир Ахмад Даджи (с. 124); Бекджук аз ибн Хаджи «происходил из туркменов Рума» (с. 125).

⁴¹ Абу Бакр Кутби. С. 120—121; Хамдаллах Казвини. С. 130.

⁴² Loon J. B. van Ta'rikhi Shaikh Uwais. An Important Source for the History of Adharbayjan in the XIVth Century. Hague, 1954. P. 172:

روحای ایشان بگرامان جائیک می داد

С. 123. Перевод отрывка в бакинском издании не считаем удачным. Приводим свой перевод по факсимильному изданию текста Ван Лоона.

⁴³ Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 166, 169; ВМТР. Vol. 1. P. 141. Мар I.

⁴⁴ ВМТР. Vol. 1. P. 141. Мар I; Эвлия Челеби. Книга путешествий/Пер. и комм. М., 1983. Вып. 3. С. 43, 81, 103, 246. Достоверность последнего сообщения Эвлии отчасти подтверждается тем, что построенный Кордуманшахом мост Чобан Кёпрю упоминается уже в XIV в. в хронике Азиза Астарабади (с. 462). О Хошоглане см.: ВМТР. Vol. 1. P. 207.

⁴⁵ Тарихи таквим. С. 80.

⁴⁶ Tevhid Ahmed. Op. cit. P. 439. N 901: это монета, происходящая из Кагуния, т. е. понтийского Кара Хисара, с именем султана Али 768 (1366/67) г.

⁴⁷ Zachariadou E. Trebizond. P. 347; ВМТР. Vol. 1. P. 173; Панарет. С. 76—77, 77^{а-б}, 77^{в-г}, 78^{а-б}.

⁴⁸ Панарет. С. 77^{а-б}; Пападопуло-Керамевс А. Трапезунтияка//ВВ. 1898. V. С. 680; ВМТР. Vol. 1. P. 258; Bruer A. Some Trapezuntine Monastic Obits (1368—1563)//REV. 1976. 34. P. 136—137. Note 25.

⁴⁹ Панарет. С. 78—79.

⁵⁰ Базм-у разм. С. 189, 198—200.

⁵¹ Там же. С. 233, 265, 332; Абу Бакр Тихрани. Китаби Дийарбакрийа в 2 т. Анкара, 1962—1964. Т. I. С. 35; Шукуров Р. М. Китаби Дийарбакрийа Абу Бакра Тихрани о взаимоотношениях Трапезундской империи с тюркскими государствами Малой Азии в XIV—XV вв.//Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 2. С. 346.

⁵² Базм-у разм. С. 332.

⁵³ Там же. С. 477, 483, 494, 534.

⁵⁴ Nesri Mehmed. Kitâb-i cihân-nümâ/Hazirlayanlar F. R. Unat ve M. A. Kõyünep. Ankara, 1949—1957. С. 1—2, (далее — Нешри). Т. 2. С. 538; Seif Th. Der Abschnitt über die Osmanen in Sükrüllah's persischer Universalgeschichte//Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte. Wien—Hannover, 1926. Bd. 2 (далее — Шукруллах). S. 110—111; Идрис Бидлиси. Хашт бихишт. Отдел рукописей ЛО ИВ АН СССР. С. 387. Л. 209 б; Китаби Дийарбакрийа. Т. I. С. 31.

⁵⁵ Китаби Дийарбакрийа. Т. I. С. 90.

⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 378—380.

⁵⁷ Базм-у разм. С. 160.

⁵⁸ Панарет. С. 68. См. толкование V. L. Ménage в рец. на английский и немецкий переводы «Воспоминаний» Константина Михайловича (BSOAS. 1977. XL. 2. P. 159—160), а также: Zachariadou E. Trebizond. P. 399. Note 6.

⁵⁹ Sanjian A. Op. cit. 1355:1.

⁶⁰ Панарет. С. 68^{а-б}.

⁶¹ Абу Бакр Кутби. С. 124.

⁶² Панарет. С. 74^{а-б}; Тарихи таквим. С. 80; ср.: ВМТР. Vol. 1. P. 172, 302, 308. «Тарихи таквим» сообщает исключительно об осаде Кукоса, а Панарет — только об осаде Голах (Bruer A. The Question. P. 144—145 and note 40).

⁶² Тарихи таквим. С. 80; ср.: Brosset M. Matériaux pour servir à l'his-

toire de Géorgie depuis l'an 1201 jusqu'en 1755. St-Petersbourg, 1841. P. 16.

⁶⁴ О топониме и этнониме Λαζία/Λάζοι см.: Laurent V. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II//ΑΠ. 1953. 18. P. 265, 268; Вруер А. Some Notes on the Laz and the Tzan, I//ВК. 1966. P. 21—22; Kuršanskis M. L'Empire de Trébizonde et la Géorgie//REB. 1977. 35. P. 250—252.

⁶⁵ Géographie d'Aboulféda/Текст арабский... par M. Reinaud. Paris, 1840. P. 393: «Трабзун — известный порт. Ибн Саид говорил: больше всего жителей ал-лакзи. Южнее Трабзуна, на востоке, горы ал-Лакзи...»

⁶⁶ ВМТР. Vol. 1. P. 335—337.

⁶⁷ Панарет. С. 76¹², 77, 78.

⁶⁸ Там же. С. 73²⁻⁶.

⁶⁹ ВМТР. Vol. 1. P. 303, 309.

⁷⁰ Панарет. С. 73²⁴⁻³⁰; Λαζιφίδης 'Ὀβ. 'Ανδρέου Λεβαθηνῶν βίος καὶ ἔργα. 'Αθήναι, 1975. С. 106⁷³⁻⁸⁹, 111—112 (далее — Ливадин); см. также: Zachariadou E. Trebizond. P. 349. Note 1.

⁷¹ Ливадин. С. 112¹⁰⁷.

⁷² Панарет. С. 71¹⁶⁻¹⁹. О Хериане (крепости и области) и Сорогене см.: ВМТР. Vol. 1. P. 165, 171, 308.

⁷³ Панарет. С. 71—72.

⁷⁴ ВМТР. Vol. 1. P. 172—173.

⁷⁵ Ibid. P. 140—141; Вруер А. Greeks. P. 147 and note 138.

⁷⁶ Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 42.

⁷⁷ Zachariadou E. Trebizond. P. 347, note 5; ВМТР. Vol. 1. P. 173.

⁷⁸ Тарихи таквим. С. 80.

⁷⁹ Там же. С. 80; Zachariadou E. Trebizond. P. 349.

⁸⁰ Панарет. С. 74¹²⁻¹⁸.

⁸¹ Базм-у разм. С. 151—159, 167; Ашик-паша-заде. С. 113; Нешри. Т. 1. С. 351; Uzuncarsili I. Sivas... Eretna devleti. P. 189.

⁸² Базм-у разм. С. 167, 246.

⁸³ Там же. С. 265, 326, 383, 474. Акшахр — крепость, обозначенная на карте в изд. ВМТР (Map 1) как Акшар. Акшахр, Сис, Азбидар лежат на прямой между Коюль Хисаром и Арзинджаном. Буртулуш — крепость в одном переходе от Сиса к югу (ср.: Uzuncarsili I. Sivas... Hükümdari. P. 198; Yücel Y. XIV—XV Yüzyıllar. P. 173, 176; Idem. Kadi Burhaneddin. P. 32—33).

⁸⁴ Базм-у разм. С. 265, 266.

⁸⁵ Там же. С. 292, 301—303, 308, 383, 448, 474—475, 481—482, 491—492, 535—536; Тарихи таквим. С. 80.

⁸⁶ Базм-у разм. С. 225, 240—244, 261, 264—266, 338, 350.

⁸⁷ Там же. С. 418; Шильтбергер. С. 12; Ашик-паша-заде. С. 107.

⁸⁸ Базм-у разм. С. 535, 537.

⁸⁹ Там же. С. 308, 314. Весной 1385 г. крепость была отнята у него Бурхан ад-Дином.

⁹⁰ Китаби Дийарбакрийа. С. 35.

⁹¹ Клавихо, Рюи Гонзалес, де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг./Подлинный текст, перевод и примеч. под ред. И. И. Срезневского//Сб. ОРЯС. Спб., 1881. Т. 28. С. 134—135. Брак, вероятно, состоялся до смерти Кутлу-бека (Woods J. E. The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/9th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis and Chicago, 1976. P. 46, 49—50; Шукуров Р. М. Указ. соч. С. 346; ср.: ВМТР. Vol. 1. P. 173: женитьба датирована временем до 1390 г.).

⁹² Китаби Дийарбакрийа. С. 35. Перевод дан в нашей работе (Указ. соч. С. 346).

⁹³ В это время международная торговля в регионе испытывала некоторый спад, но не по вине каких-либо политических осложнений на Понте (Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 85, 104—105).

⁹⁴ Тот же Абу Бакр Тихрани сообщает, что Узун Хасан, желая предотвратить нападение османов на Трапезунд, в 1460 г. уведомляет Мехмеда II, что

Трапезунд принял на себя джизью, т. е. вошел в состав государства Ак-Коюнлу (Шукуров Р. М. Указ. соч. С. 348).

⁹⁵ Клавихо. С. 117.

⁹⁶ Тарихи таквим. С. 82; Али Язди. Т. I. С. 691, 704. Т. 2. С. 373 и сл.; Клавихо. С. 140—145; Шильтбергер. С. 20. Большинство османских источников не различают первый и второй походы Баязида на Арзинджан: Нешри. Т. I. С. 332—334; Ашик-паша-заде. С. 107; Шукруллах. С. 96—100; Die Frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch/Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmal herausgegeben und eingeleitet von Fr. Babinger. Hannover, 1925. S. 32, 101 (далее — Урудж). Дата захвата Арзинджана, приведенная у Б. Даркота, — конец июля 1400 г. (Darkot B. Erzincan//IA. Cüz 33. S. 339) — ошибочна.

⁹⁷ Шукуров Р. М. К вопросу о взаимоотношениях Трапезундской империи с государством Тимура и его преемника в Иране Мирзы Шахруха//Bulgaria Pontica Medii Aevi. IV (в печати).

⁹⁸ Woods J. Op. cit. P. 57—58; Rabino H. L. Coins of Jalair, Kara Koyunlu, Musha'sha and Ak Koyunlu Dynasties//Numismatic Chronicle, 6-th series. 1950. Vol. X. P. 111. Table E; Китаби Дийарбакрийа. Т. I. С. 67—68, 76, 90, 92, 94; Клавихо. С. 135—138.

⁹⁹ Bryer A. Greeks. P. 129—132; Zachariadou E. Trebizond. P. 345—348, 351.

¹⁰⁰ Zachariadou E. Trebizond. P. 347. Note 1; P. 344. Note 2.

¹⁰¹ Панарет. С. 68⁶⁻⁷.

¹⁰² Bryer A. Greeks. P. 129—130.

¹⁰³ ВМТР. Vol. I. P. 102.

¹⁰⁴ Zachariadou E. Trebizond. P. 346—347.

¹⁰⁵ Об этом браке и трапезундской принцессе Евдокии см.: Панарет. С. 78—79; Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477/Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1966. P. 80; Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes/Rec. E. Darkó. Vol. 1—2. Budapestini, 1922—1927. Т. I. С. 76 (далее — Халкокондил); Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь//ВВ. 1974. 36. С. 92—93.

¹⁰⁶ Базм-у разм. С. 148; Zachariadou E. Trebizond. P. 348.

¹⁰⁷ Zachariadou E. Trebizond. P. 332—336; Панарет. С. 80; Zachariadou E. Trebizond. P. 346.

¹⁰⁸ Базм-у разм. С. 397, 400, 415, 417—421, 432—440, 445.

¹⁰⁹ Нешри. Т. 2. С. 538.

¹¹⁰ Ашик-паша-заде. С. 159—160; Урудж. С. 114.

¹¹¹ Панарет. С. 63²⁴⁻²⁵, 64¹²⁻¹⁵; Bryer A. Greeks. P. 143—144; ВМТР. Vol. I. P. 163. Note 38; P. 263; Α,αμφίθεος 'Об. Τζζργα //Πο ζτιακά Φόλλα. Δεκ. 1936. Α', τεύχ. 10. Σ.5; Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Bd I. N 161. S. 291.

¹¹² Панарет. С. 72⁵⁻⁸; Bryer A. Greeks. P. 130. Э. Захариаду, со ссылкой на Ливадина, утверждает, что до 1341 г. турки временно захватывали Керасунт (Указ. соч. С. 343. Сн. 5). Однако в тексте Ливадина таких сведений не содержится. Ливадин в одном месте говорит лишь о «саже и запустении» в городе, а не об атаке турков, причем для времени до 1354 г., но не 1341. Ошибочна и ссылка Э. Захариаду на текст Ливадина — не с. 79, но 73³²⁻³³. «Сажа и запустение» скорее всего были результатом захвата и поджога города генуэзцами в 1348 г., о чем сообщает Панарет (с. 68¹¹⁻¹²).

¹¹³ Панарет. С. 72¹⁹⁻²³, /29—33, 73—74.

¹¹⁴ Zachariadou E. Trebizond. P. 343, 347.

¹¹⁵ Саади. Гулистан/Критич. текст, перев., предисл., примеч. Р. М. Алиева. М., 1959. С. 193. С. 429 персидского текста.

¹¹⁶ Базм-у разм. С. 529. Ниже на с. 531 под 3 мая 1397 г. упоминается о завершении Бурхан ад-Дином некоего теологического трактата. Азиз Астарабади, за немногим исключением, соблюдает хронологическую последовательность событий в своем изложении, поэтому с некоторой долей вероятности можно считать 3 мая 1397 г. terminus ante quem для этого события.

¹¹⁷ Китаби Дийарбакрийа. Т. I. С. 41.

- ¹¹⁸ Шильтбергер. С. 42—43; Халкокондил. Т. 1. С. 59, 60—61.
- ¹¹⁹ Наваи Абдолхосейн. Аснад ва мукабатаи тарихии Иран аз Теймур та шах Исмаил. Тегеран, 1962. С. 117; Клавихо. С. 114; Zachariadou E. Trebizond. P. 344; Шукуров Р. М. К вобору...
Zachariadou E. Trebizond. P. 344; ср.: Bryer A. Greeks. P. 132 and Map; ВМТР. Vol. 1. P. 101, 102.
- ¹²⁰ См. выше, сн. 108.
- ¹²¹ Вруер А. Greeks; ВМТР. Vol. 1. P. 101; Zachariadou E. Trebizond. P. 344.
- ¹²² Панарет. С. 73—74.
- ¹²³ Danismend I. Izahli Osmanli Tarihi Kronolojisi. Istanbul, 1947. С. 1. S. 115.
- ¹²⁴ Китаби Дийарбакрийа. Т. 2. С. 382.
- ¹²⁵ Lowry H. W. The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trebizond (ca 1486—1583)/A diss. ... University of California. Los Angeles, 1977. P. 34—35; Beldiciанu N. Trebizonde: islamization et turquisation//Byzantion. 1983. 49. P. 387.
- ¹²⁶ Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 11—30; Казии Ахмад. Тарихи джаханара. Тегеран, 1963. С. 251. Генеалогия в сочинении Казии Ахмада повторяет список Абу Бакра с многочисленными пропусками. А. С. Эззи указал на влияние эпоса Деде Коркут на генеалогию, приведенную Абу Бакром Тихрани (Erzi A. Akkoynlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında arařtirmalar//Belleten. 1954. T. 18. S. 180, 184—185).
- ¹²⁷ Рашид ад-Дин. Огуз-наме/Пер., пред., комм., примеч. и указатели Р. М. Шукуровой. Баку, 1987. С. 10—13; Абу-л-Гази-хан. Родословная туркмен/Пер. и комм. А. Н. Кононова. М.; Л., 1958. С. 35—78.
- ¹²⁸ Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 19, 24. Сн. 3.
- ¹²⁹ Абу-л-Гази-хан. С. 53.
- ¹³⁰ Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 14—15.
- ¹³¹ Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968. P. 363—364; Вруер А. Greeks. P. 133.
- ¹³² Пахлав — храбрец, бесстрашный, смелый, богатый, знатный (Гиес-уллугот. Душанбе, 1987. Дж. I. С. 170).
- ¹³³ Как отмечают издатели текста, речь идет о гермянских эмирах — потомках Али Шера (Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 15, сн. 1).
- ¹³⁴ Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 15. Возможно, имеются в виду Рукн ад-Дин Кылыч Арслан IV (1248—1249) и Гийас ад-Дин Кай Хусрав III (1265—1282). Сокращенный пересказ этого отрывка о четырех первых правителях ах-коялу см.: Муслих ад-Дин Мухаммад. Мират ал-Адвар. Отд. рукописей ЛО ИВ АН СССР. С. 427. Л. 237 об.
- ¹³⁵ Histoire des seldjoucides d'Asie Mineure d'après abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi/Texte persan publié... par M. Th. Houtsma. Leide, 1902. P. 332—333; The Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol. 1. P. 251—253, 265.
- ¹³⁶ Базм-у разм. С. 163. Азиз Астарабади сообщает, что во время осады султаном Али и Кылыч Арсланом Арзинджана некий Сын Кутлу-бека сразился с отрядами сивасцев.
- ¹³⁷ Erzi A. Op. cit. S. 188, has. 36; Woods J. Op. cit. P. 46.
- ¹³⁸ The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1986. Vol. 6. P. 152—153.
- ¹³⁹ Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 85—86 и сл.
- ¹⁴⁰ Mostras C. Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. St.-Petersbourg, 1873. P. 45; Эвлия Челеби. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁴¹ Bryer A. Greeks. P. 133—134; Zachariadou E. Op. cit. P. 339—341.
- ¹⁴² Умарн. С. 31.
- ¹⁴³ Zachariadou E. Trebizond. P. 346.
- ¹⁴⁴ Китаби Дийарбакрийа. Т. 1. С. 17. Различие в формах «джук» и «чук» не принципиально. У арабов нет звука «ч». При передаче тюркских слов арабами и иранцами закономерность фиксации гласных очень слаба, ибо тюркские языки не знают краткости и долготы гласных звуков. Особенно это касается того времени, когда общие правила передачи тюркской речи арабской графикой еще не были выработаны.

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НС — Нумизматика и сфрагистика. Москва
 НСб — Нумизматический сборник. Ленинград
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
 ООИД — Одесское общество истории и древностей
 ОАК — Отчет императорской Археологической комиссии. Спб.
 ПС — Палестинский сборник. Ленинград
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 СА — Советская археология. Москва
 САИ — Свод археологических источников
 Сб. ГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа
 Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. Спб.
 Св. ГПИ — Свердловский государственный педагогический институт
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея
 СГ — Средневековый город. Саратов
 Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
 УЗ — Ученые записки
 ХС — Херсонесский сборник
 ЧОИДР — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
 ЭГИМ — Экспедиции Государственного Исторического музея
 АВАВ — Abhandlungen der historischen Classe der bayerischen Akademie der Wissenschaften
 АП — 'Αρχαῖον Πόντου. 'Αθήναι
 АОtt — Archivum Ottomanicum
 AS — Anatolian Studies
 ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria
 BBL — Byzantinobulgarica
 Belleten — Belleten, Türk Tarih Kurumu
 BK — Bedi Kartlisa
 BS — Byzantinoslavica
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 CFHB — Corpus fontium historiae Byzantinae
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 DOS — Dumbarton Oaks Studies
 EB — Etudes Balkaniques
 EI² — The Encyclopaedia of Islam. New Edition
 НРМ — Historiae Patriae Monumenta
 IA — Islam Ansiklopedisi
 JÖB — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik
 PG — Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
 PL — Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series Latina
 REB — Revue des études byzantines
 RESEE — Revue des études Sud—Est européennes
 ROC — Revue de l'Orient Chrétien
 ROL — Revue de l'Orient Latin
 SK — Seminarium Kondakovianum

**КОШЕЛЕК И ЖИЗНЬ ГЕНУЭЗЦЕВ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И АДРИАНОПОЛЕ
В СЕРЕДИНЕ XV в.**

(по материалам Генуэзского государственного архива)

Обратиться к изучению генуэзско-византийско-турецких отношений на Балканах в середине XV в. нас побудили найденные в Генуэзском государственном архиве документы. Если история генуэзско-турецких отношений (равно как и венецианско-турецких) в Эгеиде и Малой Азии достаточно известна и представлена в работах многих ученых: П. Лемерля, К. Каэна, Э. Захариаду, М. Балара, Дж. Пистарино, Д. Якоби, А. Лайу, и др.,¹ — то северо-восток Балканского полуострова, в частности территория Фракии, фактически остался за пределами внимания исследователей. Это объясняется недостатком или просто отсутствием источников. В связи с этим хотелось бы особенно отметить последние работы Э. Бассо, в которых данная проблема исследуется не только для Эгеиды, но и для Северного и Западного Причерноморья.² Найденные нами документы позволяют пролить некоторый свет на развитие политических и экономических отношений между турками и генуэзцами во Фракии и конкретно в Адрианополе. В то же время мы ни в коей мере не можем поставить перед собой задачу всестороннего изучения данной темы, ибо и наши источники скорее фиксируют факт этих связей, нежели дают их подробную характеристику. Итак, мы имеем три документа (один из которых является частью другого и фактически его повторяет), относящиеся к 1441 и 1442 гг.³ Таким образом, можно представить два сюжета из жизни генуэзцев в Адрианополе и Константинополе в эти годы. Эти документы являются жалобами (петициями) на императора Византии и его подданных. Петиции поданы генуэзскими купцами Джованни Андреа де Кампис, *civis Janue*, и Джакомо

¹ *Zachariadou E.* The Conquest of Adrianople by the Turks // *Studi Veneziani*. 1970. Vol. XII. P. 211—217; *Idem.* The Turks and the Venetian Territories in Romania (1318—1407) // *Πεπραγμενα Δ' Δεθνοϋς Κρητολ. Συνεδριου*, 1981. Τ. Β'. P. 103—122; *Idem.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Mentеше and Aydin (1300—1415). Venezia, 1983; *Idem.* Romania and the Turks. London: Variorum Reprint, 1985; *Balard M.* La Romanie génoise (XIIe début du XV e siècle). Genova-Paris, 1978. Vol. I. P. 83—105; *Pistarino G.* The Genoese in Pera-Turkish Galata // *Mediterranean Historical Review*, 1986. Vol. I. N. 1. P. 63—85; *Cahen C.* Tre-Ottoman Turkey. London, 1968; *Jacoby D.* Catalans, Turcs et Vénitiens en Romanie (1305—1332): un nouveau témoignage de Marino Sanudo Torsello // *Studi Medievali*, 1971. Vol. XV. N. 1. ser. 3. P. 217—261; *Lemerle P.* L'Emirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Paris, 1957; *Laiou A. E.* Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the anti-Turkish League of 1332—1334 // *Speculum*, 1970. Vol. XLV. P. 374—392; *Paviot J.* Gênes et les Turcs (1444, 1453): sa défense contre les accusations d'une entente // *La Storia dei Genovesi*, 1989. Vol. IX. P. 129—137.

² *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994; *Idem.* Genovesi e Turchi nell'Egeo medievale: Murad II e la «Societas Folie Nove» // *Quaderni Medievali*, 1993. Vol. 36. P. 31—52; *Idem.* Le relazioni fra Genova e gli Stati latini di Grecia nei secoli XIII—XIV. // *Studi Balcanici*, 1989. P. 19—31.

³ ASG. AS. 3033. *Diversorum Communis Ianue*. F. 13. N. 2, 19, 184.

Дориа. Эти люди занимались торговлей в Адрианополе и были заинтересованы в развитии своего бизнеса в данном регионе.

Известно, что Адрианополь находился в руках турок по крайней мере с 1380-х годов. Дата завоевания города турками по сей день остается спорной в историографии. Называется 1361, 1362, 1367, 1369, 1371 и даже 1383 гг.⁴ Э. Захариаду, специально изучавшая этот вопрос, считает, что город был завоеван в 1369 г., если не вдаваться в подробности, кто был первым завоевателем — османская династия или нет. В исторической литературе существует точка зрения, что первыми завоевателями были около 1369 г. не османы, которые взяли город лишь в 1376—1377 гг.⁵ Во всяком случае известно, что православный митрополит в конце 1366 г. еще находился в городе и радовался победе над турками, которые разграбили лишь предместья Адрианополя, но не смогли завоевать сам город.⁶ Как бы там ни было, Адрианополь был одним из самых важных городов Фракии и в политическом, и в экономическом, и в административном отношении как для Византии, так впоследствии и для Османской империи. Расположенный в месте слияния трех рек: Навруса (Марицы), Арды и Тонзуса, связанный хорошими дорогами с Болгарией, город всегда играл огромную роль в регионе и являлся третьим по значению центром после Константинополя и Фессалоники.⁷ Не удивительно поэтому, что город представлял интерес для вездесущих генуэзских купцов.

Итак, в 1441 г. Джакомо Адорно, являвшийся прокуратором Джованни Андреа де Кампис, подал жалобу генуэзскому дожу Томмазо Кампофрегозо и Совету старейшин Генуи.⁸ В данной петиции он сообщал, что Джованни Андреа де Кампис ехал из Адрианополя в Перу. (Можно себе представить, в каком прекрасном настроении был купец. Его душу согревали мысль об удачной торговле в Адрианополе и кошелек весьма внушительных размеров с немалой суммой денег, которые он имел при себе и которые он выручил на рынках Адрианополя.) Однако когда он проходил через город Константинополь, то «греки и граждане этого города схватили названного Джованни Андреа внутри этого города и силой отняли у него 7425 турецких аспров», — то есть те самые деньги, ради которых он отправился в далекий и, как видно, небезопасный путь. Далее подчеркивается, что генуэзский купец был задержан без всякой причины и самым неподобающим образом. Сначала Джованни Андреа де Кампис подал жалобу подеста Перы, в которой рассказал о совершенном на него нападении и ограблении. Подеста отправил в Константинополь с миссией Габриэля Персио с целью потребовать от византийского императора наказания виновных и возмещения убытков генуэзскому купцу.

⁴ Zachariadou E. The Conquest of Adrianople... P. 211, 216—217; *Idem*. Trade and Crusade... P. 70; *Idem*. Prix et marchés des céréales en Roumanie (1343—1405) Nuova Rivista Storica. 1977. Vol. 61. N. 304. P. 297; *Nasturel P., Beldiceanou N.* Les Églises byzantines et la situation Économique de Drama, Serrés et Zichna aux XIVe et XVe siècles // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, 1978. Bd. 27. P. 270; *Pennas P.Th.* 'Ιστορία των Σερρών, 1966. 2 ed. P. 49—59; *Vacalopoulos A. E.* The Flight of the Inhabitant of Greece to the Aegean Islands, Crete and Mané during the Turkish Invasions (XIV-XV) // Charanis Studies / ed. A. E. Laiou-Thomadakis. New Brunswick, 1980. P. 272—281.

⁵ Zachariadou E. The Conquest of Adrianople... P. 211.

⁶ *Ibid.* P. 215.

⁷ *Laiou A. E.* Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II (1282—1328). Cambridge, 1972. P. 168—169; *Nasturel P., Beldiceanou N.* Les Églises byzantines... P. 270—272.

⁸ ASG. AS. 3033. Diversorum Communis Janue. F. 13. N. 2, 19.

Оказалось, что для византийского императора эта новость не была неожиданной. Он прекрасно знал о случившемся и, более того, открыто признавал факт нападения на генуэзца со стороны его подданных. Однако с точки зрения императора, это было справедливое нападение, ибо его подданные всего лишь совершили акт возмездия, направленный не лично против Джованни Андреа де Кампис, а против генуэзцев как таковых. По словам Джакомо Адорно, ответ императора был следующим: «... действительно у Джованни Андреа были отобраны деньги его подданными, но, с другой стороны, еще раньше эти граждане были ограблены генуэзцами на эту сумму, и по этой причине он хотел, чтобы, в конце концов, эти деньги были удержаны [у генуэзца. — С. Б.]» Прокуратор же Джованни Андреа с горечью восклицает: «... но если даже это было и правдой, не должен же безобидный и невинный Джованни Андреа лишиться своих денег из-за чужого дела или преступления». Далее в тексте нашего документа приводится любопытный факт. Генуэзский дож и Совет старейшин напомнили об этом деле византийскому императору во время его пребывания во Флоренции и потребовали возмещения ущерба. Но и на сей раз император отказался выполнить названные требования. Поскольку Джованни Андреа де Кампис не удалось добиться от византийского императора какого бы то ни было правосудия, он через своего прокуратора Джакомо Адорно был вынужден обратиться к генуэзским властям с просьбой предоставить ему репрессалии против подданных императора Византии. Подобная практика предоставления пострадавшему права марки (или репрессалий) в Генуе для возмещения силой понесенных убытков в той или иной области Романии хорошо известна. В фонде «*Diversorum Communis Janue*» можно найти немало таких примеров. Однако интонации жалоб и требований каждой из петиций будут разными (о чем мы еще скажем чуть ниже). Джакомо Адорно буквально умоляет дожа и Совет старейшин Генуи поручить это дело самым достойным и компетентным юристам и предоставить Джованни Андреа де Кампис репрессалии против императора Константинополя и его подданных. Как правило, разбирательство подобных дел длилось долго, иногда несколько лет. После подачи петиции избирались судьи, заслушивались и фиксировались свидетельские показания многих людей, начиналась длительная переписка с просьбами, угрозами и требованиями с властями той страны, где генуэзский купец был обижен и понес ущерб. Таковым, например, было дело о репрессалиях, требуемых в 1440—1441 гг. Франческо Гримальди де Кастро против короля Кипра Жана II (1432—1458).⁹

В данном случае дело Джованни Андреа де Кампис явно не закончено. Мы не знаем получил он в конце концов репрессалии против императора Византии, или нет. Известно только, что его петиция была принята к рассмотрению, назначены судьи и началось разбирательство этого происшествия.¹⁰ Однако, как правило, в таких случаях репрессалии предоставлялись.

Второе дело, которое мы представляем, сохранилось полнее. Как и первый документ, это петиция и ее разбирательство властями Генуи. 22 сентября 1441 г. Бенедетто Дориа от имени своего брата Джакомо Дориа подал просьбу

⁹ ASG. AS. 3032. *Diversorum Communis Janue*. F. 12. N. 202; 3033. F. 13. N. 116, 122; *Близнюк С. В.* «Сладкая жизнь» генуэзцев на Кипре в XV в. // *Причерноморье в средние века*. Вып. 3, М., 1995. С. 37—57; *Близнюк С. В.* «La dolce vita» dei Genovesi a Cipro. (in print).

¹⁰ ASG. AS. 3033. *Div. Com. Janue*. F. 13. N. 184.

о предоставлении ему репрессалий против императора Константинополя и его подданных на имя генуэзского дожа Томмазо Кампофрегозо и Совета старейшин города Генуи, а также Оффиции Попечения Романии. На основании этой просьбы, составленной канцелярием Томмазо Креденца в начале 1442 г., известными в Генуе юристами Бенедетто Парадизо из Терни, викарием дожа, Джованни Одоно, рыцарем, и Деметрио Вивальди было написано донесение о деле Бенедетто и Джакомо Дориа. Суть же данного дела состояла в следующем: в 1440 г. Антонио Спинола от имени Джакомо Дориа послал с нунцием (имя которого не называется) в Адрианополь весьма значительную сумму денег — 800 золотых венецианских дукатов. Однако с посланником произошло подобное же несчастье, что и с Джованни Андреа де Кампис. В Константинополе он был ограблен подданными византийского императора. Габриэлю Дориа, явно родственнику наших героев, было поручено отправиться в Константинополь, во всем разобраться и потребовать от императора возмещения ущерба. Оказалось, что и на этот раз император был прекрасно осведомлен о случившемся, отнюдь не пытался отрицать факт ограбления и, более того, открыто признавал, что эти деньги находятся у него. Однако снова он отказался вернуть похищенное на том же основании, что и в первый раз. С его точки зрения, это был акт возмездия генуэзцам, посмевшим напасть на его подданных. Дело было тщательно рассмотрено и проанализировано вышеназванными докторами права, которые пришли к выводу, что братья Дориа действительно понесли серьезный ущерб от императора Константинополя и его подданных и что их просьба о получении репрессалий против византийцев на сумму, указанную в жалобе, а также на сумму всех расходов, предварительно определенных и установленных официией по делам торговли города Генуи, вполне законна и оправданна, о чем и было подробно доложено дожу и Совету старейшин города Генуи. Последние ратифицировали донесение докторов права и признали законность требований Дориа о получении репрессалий против императора Византии. Наконец, 16 января 1442 г. состоялось судебное заседание официии по делам торговли, на котором Бенедетто Дориа и его брат получили искомое право репрессалий на сумму 800 золотых венецианских дукатов, плюс 100 дукатов определялись как судебные и прочие издержки и затраты братьев Дориа, которые также разрешалось взыскать с императора Константинополя (правда чуть ниже, в том же документе, эта сумма сокращалась до 80 дукатов). Итак, братья Дориа получили право репрессалий. Тем не менее, из текста документа совершенно ясно, что генуэзское правительство было очень озадачено этим делом и очень хотело бы сохранить дружественные отношения с Константинополем. Дож и Совет старейшин неоднократно подчеркивают, что Дориа не могут сразу воспользоваться своим правом репрессалий, что они обязаны сначала уведомить о своем намерении подеста Перы и императора Византии. Последнему же давалось три месяца на размышления, предоставлялась возможность исправить ошибку и возместить ущерб пострадавшему. Все это делалось «во имя дружбы и доброжелательства, — как сказано в постановлении, — между названным светлейшим господином императором и Советом города Генуи...» Следовательно, мы видим, что тон постановлений и обращений к императору Константинополя отнюдь не угрожающий. Более того, Генуэзская республика, похоже, всячески старалась избежать конфликта с Византией, хотя случай ограбления ее граждан в Константинополе в эти годы был далеко не единственный. Тон данных постановлений

сильно отличается от того, что мы наблюдаем в эти же годы, например, по отношению к королю Кипра. Если на Кипр отправлялись письма с угрозами и требованиями, то в Константинополь скорее с просьбами.¹¹ Но и в том, и в другом случае прослеживается явное стремление республики не обострять конфликт и не доводить дело до вооруженного столкновения. Понятно, что республика заинтересована в развитии торговли как в Константинополе, открывавшем путь в Черное море и, как видно из наших документов, к городам Фракии, так и на Кипре, являвшемся воротами на Ближний Восток. Тем не менее, на Кипре Лигурийская республика чувствовала себя значительно увереннее в эти годы, ибо часть острова, в том числе его основной порт Фамагуста, находилась в ее руках. Итак, первое, что необходимо подчеркнуть: генуэзцы не могли пройти в Адрианополь, минуя византийскую столицу, как бы им этого ни хотелось. Их путь в Адрианополь лежал через Перу и Константинополь. Византийские власти были явно не в восторге от генуэзско-турецкого сотрудничества и, видимо, часто искали повод, а может быть и без всякого повода, помешать развитию генуэзской торговли в турецких землях Фракии, сделать эту торговлю невыгодной, а путь в Адрианополь весьма опасным. Думается, прежде всего этим объясняются нападения на генуэзских купцов, занятых торговлей в Адрианополе. Причем это не были простые ограбления. Это делалось явно с ведома и по приказанию императора. Если из нашего первого документа очевидно, что император только знал о происшествии, то во втором случае он еще и получил от этого весьма солидную прибыль в виде 800 золотых венецианских дукатов. Любопытно, что и в первый, и во второй раз император говорит всего лишь о справедливости и возмещении убытков, понесенных его подданными от генуэзцев. Здесь можно отметить два фактора:

1) византийские власти предоставляют своим гражданам приблизительно такие же права для возмещения ущерба, как Лигурийская республика своим, то есть император ссылается на практику предоставления репрессалий против иностранцев, подобную генуэзской.

2) Мы видим явное столкновение интересов лигурийского и византийского купечества, и стремление последнего устранить, а реальнее ослабить, конкуренцию с генуэзцами. В то же время вполне понятно желание генуэзцев двигаться из Константинополя в Адрианополь, несмотря ни на какие препятствия. Названные в документах суммы денег говорят об очень крупной генуэзской торговле в этом турецком городе. Причем, если в первом случае генуэзский купец получил прибыль в Адрианополе и везет назад деньги, которые он может вложить в товар в том же Константинополе или любом другом городе Романии, то во втором, — наоборот, в Адрианополь посылаются именно деньги, то есть делаются инвестиции в торговлю в этом городе. Это также весьма примечательно. К сожалению неизвестно, что именно собирались приобрести братья Дориа в Адрианополе. Однако известно, что город являлся крупным торгово-ремесленным центром.¹² Поэтому можно предполагать, что Дориа вкладывают деньги в товары местного производства.

Мы вплотную подошли к проблеме генуэзско-турецких отношений на Балканах в середине XV в. Как справедливо отмечает Э. Бассо, власть турок пере-

¹¹ ANQ. AS. 3032. *Diversorum Communis Janue*. F. 12. N. 202; 3033. F. 13. N. 116, 122; *Blisnyuk* С. В. «Сладкая жизнь» генуэзцев на Кипре...; *Blisnyuk* S. V. «La dolce vita» dei Genovesi a Cipro.

¹² *Nasturel P., Beldiceanu N. Les Églises byzantines...* P. 272.

вернула старое и устоявшееся политико-экономическое равновесие в эгейско-понтийском регионе, что представляло значительную опасность жизненным интересам Генуи и генуэзцев. В связи с этим, генуэзские *societas* или просто частные лица были вынуждены приспособляться к новым условиям и искать новые пути для своих коммерческих предприятий.¹³ Хорошо налаженные политико-экономические связи с турками и создание коммерческой базы в турецких городах позволяли генуэзским купцам чувствовать себя более уверенно на рынках Романии как в настоящем, так и в будущем. Наиболее дальновидные из генуэзских купцов пытались сами установить связи с турками и таким образом обезопасить будущее своей торговли в регионе. Делалось это, скорее всего, при молчаливом согласии или даже одобрении Лигурийской республики, но без ее непосредственного контроля. Это были частные инициативы отдельных граждан республики, несомненно выгодные последней. Для генуэзского правительства поддержание традиционно хороших отношений с турками, особенно в трудных и деликатных ситуациях, имели жизненно важное значение ввиду возможности попадания генуэзских факторий под власть османов.¹⁴ Таковыми, например, являются связи с султанами Мехмедом I и Мурадом II семьи Адорно, Франческо Драперо, Джакомо Гаттилузи, сеньора Лесбоса, Маоны Хиоса. Хорошие отношения с турками не только не мешали гражданам республики сохранять связь с последней, но и позволяли занимать важные позиции в политической жизни Генуи. Так, Джакомо Адорно был назначен послом к султану, его брат являлся подеста Фокеи,¹⁵ Бабилано Адорно, с 1465 г. находившийся в Каффе, в 1468 г. являлся членом официи Монеты этого города¹⁶. Известно, что дипломатической службы в полном смысле этого слова в Генуе не существовало. Теоретически каждый генуэзец мог представлять интересы республики при дворах других государей. Тем не менее, как отмечает и доказывает Дж. Ольджати, имелись группы и категории лиц более всего предназначенные для выполнения дипломатических миссий. Это: *legum doctores*, эксперты по юридическим вопросам (кстати, именно этот статус имели судьи, разбиравшие дело братьев Дориа), наиболее квалифицированные для исполнения дипломатических обязанностей на соответствующем уровне, канцлеры республики (*cancellieri*), приближенные дожа Генуи.¹⁷ Следовательно, и Джакомо Адорно, один из главных персонажей нашего документа,¹⁸ принадлежал к категории избранных и наиболее достойных для выполнения дипломатической миссии к турецкому султану. Не удивительно поэтому, что именно он, имевший личные связи с султаном Мурадом II, появляется в нашем документе как прокуратор несчастного Джованни Андреа де Кампис, ибо был прекрасно знаком с ситуацией и на Востоке в целом, и при дворе турецкого султана в частности, а также сам был кровно заинтересован в развитии генуэзского предпринимательства в турецких владениях. Однако люди типа Джакомо Адорно или Франческо Драперо, с точки

¹³ *Basso E. Genovesi e Turchi...* P. 44—45.

¹⁴ *Basso E. Genovesi e Turchi...* P. 46—47.

¹⁵ *Basso E. Genovesi e Turchi...* P. 45—46.

¹⁶ *Balletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa del Banco di San Giorgio // Atti dell'Accademia Ligure di Scienze e Lettere, 1988. Vol. XLV. P. 201, n. 19.*

¹⁷ *Olgiate G. Diplomatici ed ambasciatori della Repubblica nel Quattrocento // Storia dei Genovesi, 1991. Vol. XI. P. 353.*

¹⁸ ASG. AS. 3033. Div. Com. Janue. F. 13. N. 184.

зрения Дж. Ольджати, были в то же время, пусть даже и потенциально, опасны для республики именно из-за своего влияния при дворах Европы и Востока, так как иногда личные и сиюминутные интересы мешали им думать и помнить о выгодах своей республики и действовать, учитывая историческую перспективу. Это купцы, которые без колебаний становились мусульманами среди турок или людьми другой национальности, провозглашая себя то венецианцами, то каталанцами, то кем-нибудь другим, если они видели опасность их собственным интересам.¹⁹

Поиск прибыли и перспективы для собственной коммерции заставлял прокладывать путь в турецкие земли и турецкие города (в том числе и на Балканы) не только генуэзское купечество. В тот же самый период личных связей с турками искали, например, анконские купцы. Благодаря исследованию А. Пертузи, известна история семьи анконского купца Лилло Фердуччи, который в 1420-е годы разбогател на торговле в Галлиполи (скорее всего это была работоторговля). Известно, что он обосновался в Галлиполи, имел там крупные владения, недвижимость, вел успешную торговлю и находился в прекрасных отношениях с султаном Мурадом II (1421—1451). В то же время дружеские отношения с султаном не помешали Фердуччи в конце концов беспрепятственно вернуться в Анкону.²⁰ Думается, подобных примеров можно найти еще немало.

Наши источники подтверждают предположение Э. Бассо, что Генуя уже на рубеже XIV—XV вв., понимая неизбежность политического распада балканско-анатолийского региона и ожидая значительные геополитические изменения в нем, пытается консолидировать собственные позиции либо путем утверждения прямого господства (впрочем, попытки подобного рода чаще всего были неудачными), либо подбирая новых союзников.²¹ Именно такими союзниками должны были стать турки. В то же время республика налаживала связи с турецкими султанами очень осторожно, скорее негласно, чаще действуя через отдельных своих граждан, чем используя непосредственно дипломатические каналы. Не слишком хотелось испортить отношения и с Константинополем, с которым тоже нужно было считаться. Именно такой политической позицией объясняется поведение генуэзского правительства в делах наших купцов Джованни Андреа де Кампис и братьев Дориа: с одной стороны, наблюдается явное желание помочь своим гражданам и, таким образом, создать для них условия для продолжения их торговли в Адрианополе, с другой — осторожность в отношениях с византийским императором и стремление не навредить генуэзско-византийским отношениям в целом.

ASG, AS. 3033. Diversorum communis Ianue Filze, 13. N. 19.

1442, 16 ianuarii.

In nomine domini, amen. Anno Dominice Nativitatis MCCCCXXXII, indicti-one quarta secundum Ianue cursum, die Martis, XVI Ianuarii, in terciis, comparens

¹⁹ *Olgiati G.* Diplomatici ed ambasciatori... P. 364.

²⁰ *Pertusi A.* The Anconitan Colony in Constantinople and the report of its Consul Benvenuto on the Fall of the City // *Charanis Studies. Essays in honor of P. Charanis / ed. A. Laiou-Thomadakis.* New Brunswick, N. J. Rutgers University Press., 1980. P. 203—206.

²¹ *Basso E.* Le relazioni fra Genova e gli Stati latini... P. 28—31.

coram nobis et officio nostro octo tractatorum mercantie civitatis Ianue Benedictus de Auria nomine et vice Iacobi de Auria fratris ipsius Benedicti asserens se dicto nomine deposuisse et presentasse quandam relacionem egregiorum legumdoctorum dominorum Bilioti de Paradisis de Terni, vicarii ducalis, Iohannis de Odoni, militis, et Dimitri de Vivaldis, sapientum comunis Ianue, comisariorum et delegatorum ab illustre et excelso domino Thoma de Campofregoso, ianuensium duci et libertatis defensore, et magnifico Consilio dominorum antianorum civitatis Ianue, super infrascriptis vigore rescripti, scripti manu Thome de Credencia, cancelarii, MCCCCXXX primo, die XXII septembris, facti suplicacioni porrecte per dictum Benedictum dicto nomine quarum quidem suplicacionis, relacionis et rescripti tenor talis est et sequitur, ut infra.

Relacio facta illustri et excelso domino duci Ianuensium et suoque venerando Consilio dominorum antianorum per spectabilem legumdoctorem dominum Biliotum de Paradisis de Terni, ducalem vicarium, et egregios dominos Iohannem de Odoni, militem, et Dimitrium de Vivaldis, legumdoctores et sapientes comunis, comisaries, delegatos inter partes introclusas.

In nomine domini, amen. Nos Biliotus de Paradisis de Terni, legumdoctor, vicarius ducalis, Iohannes de Odoni, miles et Dimitrius de Vivaldis, legumdoctores et sapientes comunis Ianue, commissarii delegati vigore rescripti infrascripti tenoris, illustri dominacioni vstre vostroque magnifico Consilio dominorum antianorum civitatis Ianue reverenter exponit Benedictus de Auria fidelis servitor dominacionis vstre, quod cum alias anno de MCCCCXXX Antonius Spinula nomine Iacobi de Auria, fratris dicti Benedicti, miteret in Andrinopolem ducatus octingentos in grosso uno per quendam nuncium, fuit ipse nuncius a subditis imperatoris Constantinopolis predatus in Constantinopoli,²² et ab eo ablati fuerunt dicti ducatus octingenti, quos postea imperator ipse habuit et in eum pervenerunt, qui imperator licet multociens promiserit eorum ducatorum restitutionem, hactenus minime facere voluit; item exponit, quod anno preterito dum ipse Benedictus de ea re lamentacionem faceret dominacione et magnificenciis vestris ac spectabili officio provisionis Romanie, commissum fuit nobili Gabrieli de Auria, qui tunc orator accedebat ad dictum imperatorem, ut lamentacionem faceret de predictis et ablatorum restitutionem peteret, qui Gabriel quemadmodum per eius litteras scriptas eidem Benedicto videri peterit, quas exhibet et producit, fecit quid sibi commissum fuit et obtinuit infrascriptam responsionem ab ipso domino imperatore, que salva eius pace a debito iusticie demat videlicet, quod quando restitutionem illarum rerum, que eidem domino imperatori subditis suis per Ianuenses ablate fuerunt,²³ obtinuerit, dicto Benedicto restituet ipsos ducatus octingentos, quos confitetur plane habuisse, qua cum predicta omnia vera sint, suplicat dominacionibus vestris, quatinus actentis predictis dignentur et velint eidem Benedicto represalias et contra cambii licentiam concedere contra dictum dominum imperatorem et eius subditos et eorum bona pro dictis ducatus octingentis et interesse, quod sibi secutum est ab illo tempore, citra quo dicti ducatus ablati fuerunt ei ac expensis factis et fiendis quemadmodum de iure fieri debet et in ipsis dominacionibus plene confidit.

MCCCCXXXI, die XXII septembris, responsio illustris et excelsi domini ducis Ianuensium, item et magnifici Consilii dominorum antianorum est, quod elegantes

²² В документе № 19 «predatus in Constantinopoli» — написано сверху.

²³ В документе № 19 первоначально «ablates». «s» — зачеркнуто.

legumdoctores domini vicarius ducalis et sapientes comunis visis videndis et auditis audiendis, visso maxime capitulo posito sub rubrica qualiter «laudes et represalie concedantur», referant prefatis illustri domino duci et Consilio, an dicte represalie requisite per dictum supplicansem concedende veniant vel ne. Thomas de Credencia, cancelarius.

MCCCCXXXI, die VI octobris. Deposita in iure et in presentia prefati domini vicarii per dictum Benedictum et cet., qui dominus vicarius predictam admisit et cet., visis dicta suplicacione et rescripto et contentis in ipsis, viso preconio inde secuto con relacione de eo facta, item visis testibus et atestacionibus testium predictorum per dictum Benedictum et contentis in ipsis; viso tractatu coram nobis exhibito per dictum Benedictum et contentis in ipso, visis aliis testibus et actestacionibus testium subsequenter productorum per dictum Benedictum, visa alia crida nostri parte, missa continens, quod si est aliqua persona, que velit opponere aut contradicere, quare testes producti per Benedictum de Auria contra serenissimum dominum imperatorem Constantinopolitanum non debeant aperire et cet., visa relacione inde secuta, visis aliis testibus per dictum Benedictum (productis)²⁴ et actestacionibus ipsorum, viso capitulo posito sub rubrica qualiter «laudes concedantur» et contentis in ipso, visisque et auditis omnibus, que dictus Benedictus coram nobis dicere, monstrare et alegare voluit, tam per se, quam per sapientem suum et super ipsis habita matura pensataque deliberacione, Christi nomine invocato ipsumque semper habentes pre oculis et in mente, hiis scriptis dicimus, declaramus et refferimus, ut infra; videlicet, quia dicimus, declaramus et in hiis scriptis vestris magnificis dominacionibus refferimus, quod dicto Benedicto de Auria dicto nomine damnus passo a dicto serenissimo domino imperatore Constantinopolis sunt per vestras dominaciones represalie concedende et concedi debent contra prefatum serenissimum dominum imperatorem Constantinopolis, eius subditos et eorum bona in quantitate pecuniarum in suplicacione contenta et interesse et expensis omnibus tamen predictis prius taxandis et limitandis per venerandum officium mercantie civitatis Ianue secundum formam capituli de represaliis concedendis; item dicimus et suademus vestris magnificis dominacionibus, quod pro manu tenenda amicitia et benevolencia inter prefatum serenissimum dominum imperatorem et hanc inclitam civitatem Ianue dictus Benedictus teneatur et debeant ante execucionem fiendam de dictis represaliis denunciari facere per denunciatum potestatem Pere vel alium dicto serenissimo domino imperatori, quod velit satisfacere dicto Benedicto de omnibus pecuniis in represaliis contentis in terminum trium mensium, que serenissimo domino imperatore satisfaciente et solvente dicto Benedicto dicto nomine dicto represalie evanescant, sed si dictus serenissimus dominus imperator monitus non responderit vel non satisfecerit et realiter solverit dicto Benedicto dicto nomine, quod in dictis represaliis continetur, tunc in eo casu elapso dicto termino possit dictus Benedictus exequi et execucioni mandare dictas suas represalias contra dictum serenissimum dominum imperatorem, eiusque subditos et eorum bona reiectis quibuscumque exceptionibus et cavilacionibus prefati serenissimi domini imperatoris, et hec dicimus et referimus omni meliori modo, iure, via et forma, quibus melius possimus et debemus. Illarius de Benedicto, notarius.

MCCCCXXXII, die VIII Ianuarii.

Illustris et excelsus dominus dux Ianuensium, ut supra, et magnificum Consilium

²⁴ (productis) — написано сверху в документе № 19.

dominorum antianorum in pleno et integro numero congregatorum, inteleta²⁵ relatione suprascripta et contenti in ea, secuti eius formam ratificaverunt et aprobaverunt illam in omnibus suis partibus, mandantes venerando officio mercantie civitatis Ianue, quatenus taxet summam pecuniarum tam pro sorte, quam pro expensis dicta occasione factis et referat Thomas de Credencia, cancellarius.

MCCCCXXXII, die Martis, XVI ianuarii, in terciis, ad banchum, deposita in iure et in presentia dicti officii per dictum Benedictum, quod officium predicta admisit cum debita reverencia in quantum de iure teneatur et debeat et non aliter nec alio modo. Qui quidem Benedictus dicto nomine item et pro observacione suprascripti rescripti facti ad confirmacionem relacionis prefactorum doctorum et comisariorum, ut supra, presentavit etiam suprascriptam relacionem et omnes suas probaciones, de quibus in dicta eorum relacione sit mencio, et coram nobis et officio nostro mercantie cum instancia petiit et requisivit per nos et officium nostrum formam suprascripti rescripti sequi debere iuxta formam capituli Ianue positi sub rubrica qualiter «laudes et represalie concedantur».

Igitur nos officium et officiales mercantie civitatis Ianue in suficiente et legitimo numero congregati in camera superiori magna palacii dugani comunis Ianue, solita residencia dicti officii, pro tribunali sedentes ad nostrum solitum iuris banchum, quorum quidem nostrum officialium nomina, que interfuerunt sunt hec: Percival Cataneus prior, Baptista de Puteo, Gaspar Marufus, Paulus de Marinis, Sistus de Monelia et Leonardus de Auria, — volentes procedere ad expedicionem et debitam execucionem de sapientia, nobis comis super declaracione et taxacione fienda, super represaliis, ut supra, per dictum Benedictum dicte nomine, requisitis, visis et diligenter inspectis et examinatis, suplicacione porreta per dictum Benedictum dicto nomine coram prefato illustre domino duce et prefatis magnificis dominis antianis, responsione ad eam facta, relacione prefatorum doctorum comisariorum et delegatorum, ut supra, facta prefato illustri domino duci et prefatis magnificis dominis antianis, confirmacione facta seu rescripto prefati illustris domini ducis et prefatorum dominorum antianorum, per quam, seu quod dicta relacio ratificatur et aprobatur, indeque declaracio et taxacio officio nostro remitetur, tam pro sorte, quam pro expensis, prout in eodem rescripto plenius continetur; et sequentes et sequi volentes formam dicte relacionis et dicti rescripti, audita et intelecta verbali requisicione dicti Benedicti dicto nomine requirentis per nos suprascriptos officiales et officium nostrum declarari et taxari, prout melius de iure fieri et esse potest, represaliis et cambiandi licenciam sibi concedi contra et adversus prefatum serenissimum dominum imperatorem Constantinopolis, eiusque subditos, et vasalos, et cuiuslibet eorum bona in solidum, ubicumque repertos et reperta fuerint, tam in mari, quam in terra unica tamen solucione quantum pro ducatis octingentis in auro venetis, de quibus in dicta suplicacione, relacione et rescripto sit mencio, quibus fuit spoliatus et de facto privatus, prout in dicta suplicacione latius continetur; item pro ducatis centum pro expensis renovatis per dictum Benedictum dicto nomine, sive alium vel alios pro eo dicto nomine tam in Ianua, quam extra Ianuam, computatis litteris, nunciis, scribis, c[on]tracis, salariis advocati ipsius Benedicti dicto nomine, et dictorum comisariorum et delegantium ut supra, ac etiam expensis cancelarie et curie nostre ac quibuscumque aliis expensis, quas dictus Benedictus dicto nomine etiam petiit et requisivit taxari et declarari iuxta dictam relacionem et rescriptum, visis super inde processibus et scripturis, de quibus in dicta relacione fit mencio coram nobis per

²⁵ Так в тексте.

dictum Benedictum dicto nomine, presentatis ac visis dictis expensis i psisque examinatis, prestitoque etiam corporaliter iuramento dicto Benedicto super dictis expensis, visaque forma capituli civitatis Ianue qualiter «laudes et represalie concedantur», et demum visis, auditis et intellectis ac diligentissime perquisitis omnibus hiis, que dictus Benedictus dicto nomine coram nobis et officio nostro dicere, ostendere, exhibere et alegare voluit, et que in predictis videnda et considerata fuerunt, et super his omnibus diligenter examinatis²⁶ examinandis, habita matura et pensata deliberatione; Christi eiusque matris Virginis Marie nominibus invocatis eaque semper habendo pre oculis et in mente, vobis prefatis illustri domino domino duci et magnificis dominis antianis referimus et dicimus represalias et contra cambiandi licenciam concedendas esse et concedi debere dicto Benedicto de Auria dicto nomine contra prefatum serenissimum dominum imperatorem Constantinopolis, eiusque subditos et contra quemlibet eorum et cuiuslibet eorum bona insolidum unica tamen solucione ubicumque repertos et reperta tam in mari, quam in terra pro ducatis octingentis in auro venetis pro sorte, de quibus in dicta suplicacione ac relacione sit mencio; item pro ducatis octuaginta in auro venetis pro omnibus et singulis expensis quomodocumque et qualitercumque debetis factis per dictum Benedictum dicto nomine vel alium seu alios pro eo, pro quibus ducatis octingentis et ducatis LXXX pro expensis referimus et dicimus per vos prefatum illustrem dominum dominum duce[m] et prefatos dominos antianos concedendas esse et concedi debere dicto Benedicto dicto nomine represalias et cambiandi licenciam prout in dicta relacione continetur contra prefatum serenissimum dominum imperatorem Constantinopolis eiusque subditos et quemlibet eorum et cuiuslibet eorum bona insolidum unica tamen solucione ubicumque repertos et reperta tam in mari, quam in terra, et ultra pro expensis fiendis in cancelaria ducali occasione confirmationis et concesionis presentium represaliarum, ita tamen, quod teneatur denunciari facere, prout in dicta relacio continetur.²⁷ Et sic, ut supra, dicimus et referimus omni modo, via, iure et forma, quibus melius fieri et esse potest. Et de predictis mandamus tibi notario infrascripto et scribe curie nostre per te confici debere hanc publicam sentenciam relacionis mitendam clausam et in asueta forma prefato illustri domino duci et antianis in fidem, robur premisorum. Lucas de Mezano, notarius.

MCCCCXXXII, die VIII februarii.

Illustris et excelsus dominus dux Ianuensium et magnificum consilium dominorum antianorum in pleno et integro numero congregatorum secuti formam relacionis suprascripte ratificaverunt et aprobaverunt illam ac lege, quod ante execucionem dictarum represaliarum dictus Benedictus teneatur requiri facere per potestatem Peyre aut aliam personam serenissimum dominum imperatorem Constantinopolis pro solucione contenta in ultimis represaliis tam pro sorte, quam pro expensis inde secuti, a cui requisicioni dictus dominus imperator respondere teneatur infra menses tres secuturos a die dicte requisicionis, aliter²⁸ dictus Benedictus alio non expectato possit uti dictis suis represaliis tam in mari, quam in terra, iubentes quibuscumque magistratibus et officialibus comunis Ianue tam in civitate et districtu Ianue, quam in partibus orientalibus constitutis nec non quibuscumque capitaneis, patronis aut ductoribus quarumcumque navium, galearum vel vasorum navigabilium, quatenus ad penam

²⁶ «examinatis» — написано сверху.

²⁷ «Ita tamen... continetur» — написано сверху.

²⁸ «requisicioni ... aliter...» — написано с правой стороны вместо зачеркнутых слов.

nostre indignatis exequantur et exequi debeant dictas represalias tam pro sorte, quam expensis in dicta relacione, descripcionе et aliis quibuscumque expensis de cetero legitime faciendis per dictum Benedictum aut alias personas pro eo contra prefatum serenissimum dominum imperatorem, bona et homines ipsius ac contra bona quicumque subditorum eiusdem domini imperatoris, reiectis excusacionibus et cavilacionibus quibuscumque dicto Benedicto seu legitima persona pro eo requirente dictam execucionem.

ПЕРЕВОД

1442 г., 16 января.

Во имя Господа, аминь. Год от Рождества 1442, четвертого индикта по исчислению Генуи, во вторник, 16 января, в три часа, явившись перед нами и нашей официией восьми трактаторов по делам торговли города Генуи Бенедетто Дориа от имени и вместо Джакомо Дориа, брата Бенедетто, заявив, что раньше он положил и представил от названного имени донесение славных докторов права господ Билиото Парадизо из Терни, викария дожа, Джованни Одоно, рыцаря, и Деметрио Вивальди, мудрых коммуны Генуи, комиссариев и доверенных лиц светлейшего и преславного господина Томмазо Кампофрегозо, генуэзского дожа и защитника свободы, и именитого Совета господ старейшин города Генуи. Это донесение изложено ниже и на основании документа, написанного Томмазо Креденца, канцелярием, в 1441 г., 22 сентября, составленного в связи с просьбой о рассмотрении дела, поданной названным Бенедетто от имени названного лица; что же касается той просьбы о пересмотре дела, донесения и рескрипта, содержание их таково, как следует ниже.

Донесение сделано светлейшему и преславному господину генуэзскому дожу и его почтеннейшему Совету господ старейшин высокородным господином Билиото Парадизо из Терни, доктором права и викарием дожа, и славными Джованни Одоно, рыцарем, и Деметрио Вивальди, докторами права и мудрыми коммуны, комиссариями и доверенными лицами по нижеизложенным делам.

Во имя Господа, аминь. Мы Билиото Парадизо из Терни, доктор права и викарий дожа, Джованни Одоно, рыцарь, и Деметрио Вивальди, доктора права и мудрые коммуны Генуи, комиссарии и лица, назначенные на основании рескрипта, касающегося нижеследующего; вашему светлейшему величеству и вашему именитому Совету господ старейшин города Генуи почтеннейше излагает Бенедетто Дориа, преданнейший слуга вашего величества, о том, что в 1440 г. Антонио Спинола от имени Джакомо Дориа, брата названного Бенедетто, послал в Адрианополе 800 дукатов в одном гроссе с каким-то нунцием; когда тот посол был отправлен, он был ограблен в Константинополе подданными императора Константинополя, и у него были отняты эти 800 дукатов, которые впоследствии получил сам император и которые он взял себе; хотя император неоднократно обещал вернуть, до сих пор он менее всего хотел возместить эти дукаты; также он излагает, что в прошлом году сам Бенедетто обращался с жалобой по поводу своего дела к вашей светлости и вашему превосходительству, а также к известной официии Попечения Романии; было поручено знатному мужу Габриэлю Дориа, который тогда обратил-

ся как делегат к названному императору, подать жалобу императору о выше-названном деле и потребовать возмещения похищенного; этот Габриэль, как можно увидеть из писем, написанных Бенедетто, которые он передает и доводит до сведения, увидел, что ему было поручено, сделал и получил нижезаписанный ответ от самого господина императора, в котором, да будет ему мир, отказывался от долга в качестве возмещения убытков, которые были нанесены этому императору и его подданным генуэзцами, и он (император) удержал их (убытки) с Бенедетто и присвоил себе эти 800 дукатов, которые, как он открыто признавал, он имел. Поскольку все вышесказанное является правдой, Бенедетто обратился к вашим светлостям, так как в связи с выше-названными действиями полагается предоставить этому Бенедетто репрессалии и разрешение, запрещающее обмен, направленные против названного господина императора, всех его подданных и их имущества на сумму в 800 дукатов; среди прочего, за ним следует с этого времени признать, что эти дукаты были отняты у него, а также, так как имели место и имеют расходы, как он должен, согласно закону, поступить, и он полностью полагается на ваши светлости.

1441 г., 22 сентября.

Ответ светлейшего и преславного господина генуэзского дожа, а также именитого Совета господ старейшин состоит в том, что благородные доктора права, господа викарий дожа и мудрые коммуны, рассмотрев и выслушав (дело. — С. Б.), рассмотрев в целом главу закона, помещенную под рубрикой «О предоставлении взысканий и репрессалий» пусть доложат названному светлейшему господину дожу и Совету действительно ли названные репрессалии, требуемые согласно этой просьбе, предоставляются или нет. Томмазо Креденца, канцелярий.

1441 г., 6 октября.

Представлено на рассмотрение в суде и в присутствии вышеназванного господина викария названным Бенедетто, а именно: этот господин викарий согласился со всем вышесказанным, рассмотрев названную жалобу и постановление (рескрипт) и содержащееся в них, затем рассмотрев последовавшее заявление с предложением, сделанным об этом деле, приняв во внимание свидетелей и их свидетельские показания в пользу Бенедетто и содержащееся в них, рассмотрев толкование, представленное нам Бенедетто, и рассмотрев его содержание, приняв во внимание других свидетелей и их свидетельские показания, которые воспроизводятся Бенедетто, рассмотрев другое постановление (criida) с нашей стороны, сообщив содержание, что если есть какой-либо человек, который захочет выступить против или за, то свидетели, названные Бенедетто Дория против светлейшего господина императора Константинополя, не должны называться открыто; затем рассмотрев следующее предложение (реляцию), приняв во внимание других свидетелей, представленных Бенедетто, и их свидетельские показания, рассмотрев главу закона, помещенную под рубрикой «О предоставлении наказаний» и содержащееся в ней, рассмотрев и выслушав все, что Бенедетто пожелал нам сказать, показать и привести в доказательство; тогда же по разумению своему проведя тщательное и взвешенное обсуждение всего вышесказанного, призвав имя Христово, и всегда имея это перед глазами и держа в памяти, мы повторяем,

утверждаем и говорим вашему величеству, что названный Бенедетто Дориа, действующий от указанного имени, понес ущерб от светлейшего господина императора Константинополя, и вашим величеством должны быть предоставлены репрессалии против светлейшего господина императора Константинополя, его подданных и их имущества на сумму, которая содержится в жалобе, а также на сумму всех расходов, предварительно определенных и установленных почтеннейшей официией по делам торговли города Генуи, согласно форме главы о предоставлении репрессалий. Также мы говорим и советуем вашему величеству, что во имя дружбы и доброжелательства между названным светлейшим господином императором и Советом города Генуи названный Бенедетто должен и обязан, прежде чем приступить к исполнению репрессалий, уведомить подеста Перы или кого-нибудь другого из окружения императора, что он желает получить сатисфакцию всех денег, содержащихся в репрессалиях, в течение трех месяцев, чтобы у светлейшего господина императора была возможность возместить и заплатить их названному Бенедетто, действующему от названного имени; но если названный светлейший господин император не ответит на предостережение, или не возместит и действительно не заплатит названному Бенедетто то, что содержится в названных репрессалиях, тогда, так как в этом случае нарушается условие договора, названный Бенедетто может добиваться и осуществить названные репрессалии против светлейшего господина императора, его подданных и их имущества, отбросив какие бы то ни было исключения и крючкотворство названного светлейшего господина императора; и это мы говорим и повторяем самым лучшим образом, согласно праву, способу и форме, как можно лучше и как должно. Илларион Бенедетто, нотариус.

1442 г., 8 января.

Светлейший и преславный генуэзский дож, как значится выше, и именитый Совет господ старейшин, собравшись в достаточном и полном числе, обдумав вышеназванное донесение и содержащееся в нем, следуя ему по форме, ратифицировали и одобрили его во всех его частях, поручив почтенной официии по делам торговли города Генуи, чтобы она определила сумму денег, согласно доле расходов и затрат, сделанных по названному делу. Сообщает Томмазо Креденца, канцелярий.

1442 г., вторник, 16 января, в три часа, у банка, по закону и в присутствии названной официии представлено названным Бенедетто, чтобы официия разрешила вышеназванное с должным почтением, как нужно и должно по закону и не иначе. Этот же Бенедетто, действующий от названного имени, для наблюдения за сделанным предписанием, для утверждения донесения названных докторов и комиссариев, о которых шла речь выше, также представил помимо указанного донесения все свои доказательства, о которых упоминается в их донесении, и в нашем присутствии и в присутствии нашей официии по делам торговли настойчиво просит и требует, чтобы мы и наша официия должным образом соблюдали форму вышеназванного постановления, согласно форме закона Генуи, помещенного под рубрикой «О предоставлении взысканий и репрессалий».

Итак, наша официия и официалы по делам торговли города Генуи, собравшись в достаточном и законном числе в большой верхней зале дворца

dugani (т. е. таможни. — С. Б.), обычной резиденции названной оффиции, для проведения суда, сидя по обыкновению на судейской скамье, имея следующий кворум: Перчивале Каттанео старший, Баттиста Путео, Гаспар Маруфо, Паоло Марно, Систо ди Монелиа и Леонардо Дориа, — желая приступить к отправлению и должному исполнению по благоусмотрению, так как было поручено нам сделать заявление и оценку выплат по поводу вышеназванных репрессалий, испрошенных названным Бенедетто от указанного имени, рассмотрев, тщательно обдумав и изучив прошение, поданное названным Бенедетто от названного имени вышеуказанному светлейшему господину дожу и почтеннейшим господам старейшинам, рассмотрев ответ, данный на него, донесение докторов, комиссариев и уполномоченных лиц, представленное светлейшему господину дожу и почтеннейшим господам старейшинам, подтверждение и рескрипт господина дожа и господ старейшин, согласно которым названное донесение одобряется и утверждается, а затем заявление и оценка выплат посылаются нашей оффиции, согласно доле расходов и затрат, как полностью сказано в этом указе; следуя и желая следовать форме названного донесения и указа, выслушав и обдумав словесное прошение Бенедетто, действующего от указанного лица, требующего через нас названных официалов и нашу оффицию заявить и оценить, как можно лучше по закону, размер репрессалий и предоставить ему лицензию против светлейшего господина императора Константинополя, его подданных и вассалов, против имущества кого-либо из них, где бы они ни были найдены на суше, или на море; однако только для уплаты этих 800 золотых венецианских дукатов, о которых упоминается в прошении, донесении и постановлении, на сумму, на которую он был ограблен и действительно поставлен в трудное положение, о чем в этом прошении подробно изложено; также начислив сто (дукатов) на затраты, понесенные названным Бенедетто, прокуратором, либо кем-то другим или другими, выступающими от этого же имени, как в Генуе, так и за ее пределами с учетом расходов на письма, нунциев, писцов, контракты, жалование адвоката этого Бенедеттоа, названных комиссариев и уполномоченных ваших лиц, а также на расходы канцелярии и нашей курии, на какие-либо другие расходы, которые названный Бенедетто от указанного имени настоятельно просит и требует определить и заявить, согласно донесению и постановлению; рассмотрев дела и записи, о которых упоминается в донесении, представленных нам Бенедетто от указанного имени, рассмотрев названные затраты, которые были выявлены благодаря изучению дела, в чем действительно Бенедетто поклялся относительно этих затрат, рассмотрев форму закона города Генуи «О предоставлении взысканий и репрессалий» и, наконец, рассмотрев, выслушав и обдумав, с особой тщательностью разыскав всех тех, кого Бенедетто нам и нашей оффиции пожелал назвать, привести, вывести и прислать, и кто был указан выше; кроме того, тщательно изучив все, что должно быть изучено, обдумав и устроив тщательное обсуждение, призвав имя Христа, его матери Девы Марии, всегда имея это перед глазами и держа в памяти, мы утверждаем и говорим вам славный господин дож, милостью Божей, и почтеннейшим господам старейшинам, что необходимо дать репрессалии и разрешение на возмещение ущерба названному Бенедетто Дориа, действующему от указанного имени, против славнейшего господина императора Константинополя, его подданных, против кого-либо из них и против их имущества, где бы они ни находились на суше, или на море, в качестве уплаты 800 золотых венецианских

дукатов, о которых упоминается в названном прошении и донесении; также в уплату за 80 золотых венецианских дукатов за расходы, который понес Бенедетто от названного имени, или кто-то другой, или другие, кто действует от его имени; относительно этих 800 дукатов и 80 дукатов мы сообщаем и говорим вам светлейший господин дож и господ старейшины, что нужно предоставить названному Бенедетто, действующему от названного имени, репрессалии и лицензию, о чем сказано в донесении, против светлейшего господина императора Константинополя, его подданных и кого-либо из них, против их имущества, где бы они ни были найдены на суше, или на море, в уплату (ущерба) и за расходы, понесенные в канцелярии дожа по причине утверждения и предоставления репрессалий. Однако же, нужно уведомить о том, что содержится в названном донесении. Обо всем, о чем сказано выше, мы говорим и сообщаем самым лучшим образом, согласно праву, способу и форме, насколько это возможно. Обо всем, о чем говорилось выше, мы поручаем тебе нижеподписавшемуся нотарию и писцу нашей курии составить решение по донесению, которое должно быть послано в обычной форме светлейшему господину дожу и старейшинам для подписи. Лука Мезано, нотариус.

1442 г., 9 февраля.

Светлейший и преславный господин дож генуэзцев и именитый Совет господ старейшин, собравшись в достаточном и нужном числе, следуя форме вышезаписанного донесения, утвердили и одобрили его, также согласно закону названный Бенедетто должен потребовать исполнения названных репрессалий через подеста Перы или какого-либо другого лица против светлейшего господина императора Константинополя для уплаты (ущерба), о котором идет речь в последующих репрессалиях, согласно доле расходов и затрат; затем следуя этому требованию, названный господин император должен ответить через три месяца со времени указанных требований, в противном случае Бенедетто может, не ожидая другого времени, применить свои репрессалии как на суше, так и на море. Повелевается всем магистратам и официалам коммуны Генуи как в городе и округе Генуи, так и в восточных районах, а также всем капитанам, патронам или проводникам нав, галей или судоходных кораблей под страхом штрафа, негодую по поводу того, что нужно добиваться названных репрессалий в уплату ущерба и расходов, согласно донесению и постановлению, а также других затрат, которые понес Бенедетто или кто-то другой, кто действует от его имени, против светлейшего господина императора, его имущества, также против имущества кого-либо из подданных этого императора, отклоняя какие-либо оправдания и крючкотворство; требуя исполнения репрессалий для названного Бенедетто или другого законного лица.

ASG. AS. 3033. Diversorum Communis. F. 13. N. 184.

(1441)

Illustri et excelso domino domino duci Ianuensis et magnifico consilio domini-
um antianorum civitatis Ianue humiliter et reverenter exponitur pro parte Iacobi
Adurni tamquam procuratoris Iohannis Andree de Campis civis Ianue, quondam
dictus Iohannes Andreas ex Andrinopoli Peiram accederet ac transitum faceret per urbem
Constantinopolitanam, greci et cives dicte civitatis Constantinopolis ipsum Iohan-
nem Andream intra menia dicte urbis ceperunt et ab eo violenter abstulerunt aspros

septem milia quadringentos vigintiquinque turcos, quos dictus Iohannes Andreas in certis bugiis habebat, et hoc incivilter et nula iusta causa subsistente, qui Iohannes Andreas de hac preda et rapina comissa per dictos Constantinopolitanos quereimoniam fecit spectabili domino potestati Peire et dictus²⁹ potestas hac de causa missit Constantinopolim ad prefatum serenissimum imperatorem Constantinopolitanum Gabrielem de Persio; qui Gabriel seriem negotii exposuit prefato domino imperatori et requisivit, ut pro[cede]re vellet dicto Iohanni Andree³⁰ de remedio opportuno, cui³¹ dictus dominus imperator respondit, quod verum erat, quod dicto Iohanni Andree per suos cives fuerant ablatae dicte pecunie sed, quod aliax dicti cives de tanta pecunia fuerant expoliati a Ianuensibus et quod ista de causa volebat, ut retinende, quod tamen non fuit nec erat verum, si licet, quod Ianuenses cives suos depredassent, sed si hoc fuisset verum, non tamen debebat dictus Iohannes Andreas innocens et inculpabilis suis pecuniis ex alieno facto seu crimine³² spoliari; fuit etiam requisitus prefatus dominus imperator dum esset in civitate Florentie pro parte prelibati domini ducis et consilii, quod vellet restitui facere dictas pecunias ablatas per cives suos a dicto Iohanne Andree contra ius et iusticia, quod semper efficere recusavit prefatus dominus imperator.

Item exponit, quod cum dicta preda et rapina comissa fuit in personam dicti Iohannis Andree per cives Constantinopolitanos, de qua preda non potuit iusticiam abtinere a dicto domino imperatore eidem dicto nomine vigore capituli qualiter «laudes et represalie concedantur» debere represalie concedi attento maxime, quod dictus dominus imperator sepius interpelatus dicto Iohanni Andree iusticiam facere denegavit, que etiam represalie vigore dicti capituli possent concedi nulla facta interpelatione.

Idcirco dictus Iacobus dicto nomine humiliter supplicat celsitudini et dominationibus prelibatis, quatenus dignentur comittere et mandare aliquibus providis et allegantibus iuristis, quatenus visis videndis et receptis probacionibus, quas dictus Iacobus dicto nomine facere voluerit in premissis et curia premissa, cognoscant et referant prelibato³³ domino duci et consilio, an represalie eidem Iacobo dicto nomine [...]uant concedende contra prefatum serenissimum dominum imperatorem et eius subditos et bona vel non,³⁴ et si retulerint dictas represalias concedendas esse³⁵, requirit eas sibi dicto nomine concedi debere in forma solita et consueta, aliter dictus Iohannes Andreas inveniet, se sua pecunia indebite spoliatum et sine spe alicuius recuperationis, quod non credit esse intenciones celsitudinis et dominacionum prelibatorum.

MCCCCXXXI, die III Iulii.

Responsio illustris et excelsi domini ducis Ianuensium etc. et magnifici consilii dominorum antianorum communis Ianue in legitimo numero congregati est, quod spectatus magistratus Romanie ipsum supplitem audiat ac de serie rei geste, et quid hactenus factum provisum, umque sit verum, instructionem sumat, et consideratis considerandis referat ipsis illustri domini duci et consilio, que acta esse compererit et quid sibi agendum videatur pro indemnitate ipsius Iohannis Andree.

²⁹ «et dictus» — написано сверху вместо зачеркнутого «qui».

³⁰ «dicto Iohanni Andree» — написано сверху.

³¹ «cui» — написано сверху вместо зачеркнутого «qui».

³² «seu terminis» — написано сверху.

³³ «prolibato ... Consilio» — написано сверху.

³⁴ «vel non» — написано сверху.

³⁵ после «esse» зачеркнуто «et con».

1441 г.

Светлейшему и преславному господину генуэзскому дожу и именитому Совету господ старейшин города Генуи смиренно и почтеннейше излагается со стороны Джакомо Адорно, который является прокуратором Джованни Андреа из Кампи, *civis* Генуи, что когда этот Джованни Андреа из Адрианополя прибыл в Перу, и когда он проходил через город Константинополь, греки и граждане этого города схватили и привели названного Джованни Андреа внутрь стен этого города и силой отняли у него 7425 турецких аспров, которые названный Джованни Андреа хранил в нескольких кошельках, и сделали это самым неподобающим образом и безо всякой законной причины. Джованни Андреа пожаловался на это ограбление и захват, совершенный жителями Константинополя, высокородному господину подеста Перы; а господин подеста по этой причине послал в Константинополь к вышеуказанному светлейшему императору Константинополя Габриэля де Персио, который изложил названному господину императору суть дела и потребовал, чтобы он пожелал предоставить Джованни Андреа подобающее возмещение; господин император ответил ему, что действительно у Джованни Андреа были отобраны деньги его подданными, но что еще раньше эти граждане были ограблены генуэзцами на эту сумму, и что по этой причине он хотел, чтобы, в конце концов, это было удержано, но однако было и остается неправдой, то есть, что генуэзские граждане ограбили его (людей); но если бы даже это и было правдой, не должен же был безобидный и невинный Джованни Андреа лишиться своих денег из-за чужого дела или преступления. От господина императора было также потребовано, когда он был в городе Флоренции, от имени наблюдавших (за этим делом) дожа и Совета, чтобы он благоволил возвратить деньги, похищенные его гражданами у Джованни Андреа вопреки закону и правосудию, что названный император всегда отказывался исполнить.

Также Джакомо Адорно излагает, что, когда было совершено это ограбление и захват по отношению к личности названного Джованни Андреа гражданами Константинополя, он не мог добиться от императора правосудия по поводу этого ограбления, и ему нужно предоставить в полной мере репрессалии на основании статьи закона «О предоставлении взысканий и репрессалий»; поскольку господин император, всячески чинивший препятствия, отказался свершить правосудие для Джованни Андреа; также эти репрессалии можно предоставить на основании названной статьи закона без всякого препятствия.

В связи с этим, названный Джакомо от указанного имени смиренно умоляет ваше высочество и ваши превосходительства, чтобы они изволили поручить знающим и избранным юристам, чтобы те, рассмотрев и приняв доказательства, которые Джакомо от указанного имени пожелал предоставить в ту курию, они бы изучили и доложили названному господину дожу и Совету, предоставить ли репрессалии этому Джакомо против светлейшего господина императора, его подданных и их имущества или нет; если они доложат, что названные репрессалии нужно предоставить, он требует, чтобы они были предоставлены ему в обычной и положенной форме; в противном случае названный Джованни Андреа сочтет, что он лишен своих денег незаконно и безо всякой надежды на возмещение, но он не верит, что у ваших высочества и превосходительств есть таковое намерение.

1441 г., 3 июля.

Ответ славного и сиятельного господина дожа генуэзского и именитого Совета господ старейшин коммуны Генуи, собранных в законном и достаточном числе, состоит в том, что почтенный магистрат Романии выслушает просителя, а также суть представленных дел, а затем это, таким образом сделанное и рассмотренное, окажется правдой, примет решение и доложит славному господину дожу и совету, какие действия следует предпринять и что они сочтут необходимым сделать для возмещения убытков Джованни Андреа.

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ НАВИГАЦИИ «ГАЛЕЙ ЛИНИИ» В ВЕНЕЦИИ

Сюжеты, связанные с историей венецианской навигации и, прежде всего с функционированием системы «галей линии», безусловно, привлекают внимание современных историков. Достаточно сказать, что за последние два года историография обогатилась в этой области двумя фундаментальными монографическими исследованиями.¹ Подобный всплеск интереса к этой проблематике можно отметить, пожалуй, лишь в середине 50-х—начале 60-х гг., когда Дж. Луццатто впервые обращается к изучению навигации «галей линии», посвящая этой теме один из разделов «Исследования по венецианской экономической истории».² Тогда же появляются статьи Ф. Тирье, А. Тененти, К. Виванти,³ в которых рассматриваются главным образом конкретно-исторические аспекты государственной торговой навигации Республики св. Марка.

Но обобщающих работ по данной проблематике на протяжении 40 лет так и не было издано. И вот одна за другой появляются книги С. П. Карпова и Д. Штэкли. Если первая — синтезный «труд по истории венецианской навигации в Черном море в период наивысшего расцвета этой морской республики»,⁴ то вторая — исследование практически всего комплекса проблем, связанных с системой «инканти», не только на материалах Причерноморья (бывшего, наряду с Кипром и Тунисом, предметом специального интереса Д. Штэкли в предыдущие годы⁵), но и всего Средиземноморского региона.

Не без оснований возникает вопрос: насколько плодотворным может быть продолжение штудий в данном направлении, и целесообразно ли появление сейчас еще одной статьи, основанной на том же круге источников, что и названные монографии?

Написание общих работ уже в силу своих жанровых особенностей, как нам кажется, требует от исследователя «большой склонности к конструктивному синтезу, нежели к операциям аналитического характера».⁶ Рецензируемая в данном издании монография Д. Штэкли в очередной раз убедила нас как в актуальности этой мысли выдающегося русского ученого Н. И. Кареева, так и в

¹ Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. М. 1994; Stöckly D. Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe—milieu XVe siècle). Leiden, New York, Köln, 1995.

² Luzzatto G. Navigazione di linea e navigazione libera nelle grandi città marinare del Medio Evo // Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954.

³ Tenenti A., Vivanti C. Le film d'un grand système de navigation des galères marchandes vénitienes XIVe — XVe siècle // Annales ESC, 1961. T. 16. № 1. P. 83—86; Thiriet F. Quelques observations sur le trafic des galées vénitienes d'après les chiffres des incanti (XIVe—XVe siècle) // Studi in onore di A. Fanfani. Vol. 3. Milano, 1962. P. 495—522.

⁴ Карпов С. П. Путиями... С. 9.

⁵ Библиографию трудов Д. Штэкли см.: Stöckly D. Le système...

⁶ Кареев Н. И. М. М. Ковалевский в своих исторических работах // Право, 1916. № 13.

необходимости более тщательного источниковедческого анализа документов, в которых наиболее полно отражена история навигации «галей линии». Особое значение в этой связи может иметь исследование формуляра документа. В Венеции XIV—XV вв. высокая степень упорядоченности делопроизводства проявлялась на всех уровнях: от частноправового акта до материалов государственных ассамблей. При этом малейшие модификации формуляра документов могли отражать, на наш взгляд, не только процедурные нововведения, но и более серьезные изменения ситуации в целом, т. е. служить своеобразным индикатором конъюнктуры рынка (если речь идет, как в данном случае, о торговой навигации).

В настоящей статье нами будут проанализированы два вида документов: *Commissiones* капитанам «галей линии» и постановления Сената об инканти.⁷ Будучи массовыми по своей природе, эти источники, охватывающие значительный хронологический период (примерно 150 лет), позволяют изучить типологию документов и эволюцию их формуляра.

В центре исследования окажется «*Commissio* капитану галей Романии» (1412 г.) Кроме нас, с этим источником работали С. П. Карпов и Д. Штэкли.⁸ Однако уникальность документа, а также отсутствие публикации его текста, делается наше обращение вполне оправданным.

Под *commissio* вообще могли пониматься различные документы. С одной стороны, — это «препоручительство», документ, посредством которого одно лицо отчуждало в пользу другого часть своих материальных, юридических или каких-нибудь других прав, либо просто поручало доверенному лицу вести свои дела.⁹ Несколько подобных *carte commissionis* на получение средств, взыскание долгов и компенсаций за ущерб и проведение расчетов по кредитам были опубликованы, например, Э. Фенстером.¹⁰

С другой стороны, *commissio* — это инструкция, выдаваемая государством официальному лицу. Общее латинское происхождение от глагола «*commettere*» (поручать, вверять, предоставлять) указывает на определенную смысловую близость совершенно различных, с юридической точки зрения, типов документов: как в первом, так и во втором случае речь идет о предоставлении одному лицу права представлять интересы другого; только в первом случае мы имеем дело с интересами частного лица, а во втором — с интересами государства. Здесь же заметим, что впредь мы будем употреблять слово «*commissio*» только во втором его значении.

Commissio при вступлении в должность получали все высшие официалы Венецианской республики (байло, консулы, послы, провведиторы, капитаны Гольфа и т. д.), и в этом смысле оно не было оригинальным изобретением в сугубо навигационной области. Капитан на галях играл ту же роль, что и «ректор» в фактории.¹¹ Отсюда, вероятно, подобные параллели. Некоторые такого рода *commissiones* сохранились в составе фонда *Senato, Misti*. Это

⁷ Мы благодарим академика РАЕН С. П. Карпова, проведшего огромную работу по выявлению данных материалов в составе архивных фондов и предоставившего в наше распоряжение их копии.

⁸ Краткие регесты *commissio* см.: *Stöckly D. Le système...* P. 66—69.

⁹ Подробнее об этом см.: *Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли.* М., 1990. С. 191—196.

¹⁰ *Fenster E. Zur Fahrt der Venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer 1362 // BS. T. XXXIX. Fasc. 2, 1978. S. 170—182.*

¹¹ См.: *Карпов С. П. Путиами...* С. 88.

commissio послу Венецианской республики к татарскому хану, Пьетро Лоредану, впоследствии консулу Таны,¹² Пьетро Дзено, послу к турецкому султану,¹³ Никколо Фосколо, капитану Гольфа¹⁴ и даже капитану кокк Романии и Таны Джироламо Контарини.¹⁵

Само использование различных *commissions* не является делом принципиально новым. Ф. Тирье в своей уже ставшей классической работе «*La Romanie Vénitienne*» останавливается достаточно подробно на *commissions* венецианским «ректорам».¹⁶ С аналогичными материалами работала тверская ученая И. Г. Воробьева. Ее статья «Венецианские источники по истории Далмации XV—XVII вв.» содержит источниковедческий анализ «коммиссий» и «реляций» венецианских князей и синдиков в Далмации. Несмотря на то, что явное предпочтение автор отдает второму типу источников (в статье были использованы 7 *commissions* и более 120 реляций) как «более разнообразному» (на специфику подбора материалов оказал влияние и тот факт, что «количество опубликованных отчетов преобладает над инструкциями»¹⁷), нам представляются весьма ценными замечания И. Г. Воробьевой по типологии *commissio*, тем более, что на основе документов другого региона и периода (преимущественно середина XVI в.) автор приходит к выводам, близким к нашим, в частности, о двойственной природе *commissio*: и инструкция, и мандат.¹⁸

Вышеупомянутый Ф. Тирье составил регесты двух *commissions* капитанам галей Романии Андреа Лоредану (1431 г.)¹⁹ и Стефано Контарини (1432 г.).²⁰ Имеется и полная публикация последнего *commissio*.²¹ Инструкцию капитану галей «линии», аналогичную представляемой в данной статье, но относящуюся к более позднему периоду и другому направлению, «*Commissio* дожа Агостино Барбариго Бернардо Чиконья, капитану 3 галей Берберии» использовали А. Сачердоти²² и позднее Б. Думер.²³ Последний воспроизводит в своей работе титульный лист с миниатюрой великолепного иллюминированного кодекса, хранящегося в венецианском Музее Коррер.²⁴

¹² ASV, Senato, Misti (далее SM), XLVII, f. [102r—103r] 104r—105r (*Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*. Т. 1—3. Paris, 1958—1961 (далее — RS). N 1254): 22.3.1407. Ссылки на материалы Венецианского архива даны под двойной нумерацией. Это связано с тем, что в результате проведения инвентаризации архивных фондов многие документы получили новые номера страниц. Поскольку на самих документах сохранилась, как правило, и старая, и новая нумерация, а единого принятого по этому поводу стандарта в историографии пока нет, мы предпочли давать двойную нумерацию (старая заключена в квадратные скобки). В случае параллельного использования регест Ф. Тирье соответствующие номера указаны в круглых скобках; отсутствие подобных ссылок, как правило, свидетельствует о наличии лакуны в регестах.

¹³ SM, XLVIII, f. 23r: 20.7.1408.

¹⁴ SM, XLVIII, f. 63r—64r (RS, N 1348): 28.3.1408.

¹⁵ SM, LXV, f. 6v: 26.3.1400.

¹⁶ *Thiriet F. La Romanie Vénitienne au moyen âge*. Paris, 1975. P. 193—197.

¹⁷ Воробьева И. Г. Венецианские источники по истории Далмации XV—XVII вв. // Советское славяноведение, № 4, 1986. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ RS, № 2255: 7.8.1431.

²⁰ RS, № 2294: 5.8.1432.

²¹ *Sathas C. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge*. Т. 1—3. Paris, 1880—1882. P. 193—197.

²² *Sacerdoti A. Note sulle galere da mercato veneziane nel XV secolo* // Bolletino dell'Istituto di Storia della Società e dello Stato. Т. IV. 1962. P. 80—105.

²³ *Doumerc B. Le galere da mercato* // Storia di Venezia. Vol. 12 «Il mare», 1991. P. 357—395.

²⁴ *Ibid.* P. 391 (Venezia, Museo Correr, cl. III, cod. 297).

М. Нани Мочениго опубликовал полный текст «Венецианского капитулярия по управлению галерами» (1428 г.)²⁵ Источник этот действительно и тематически, и по содержанию довольно близок к *commissio*, однако мы бы не стали определять его тип как «поручение капитану военных галер 1428 г.»²⁶ и таким образом ставить его почти в один ряд с перечисленными выше документами. Дело в том, что, на наш взгляд, *commissio* присущи некоторые специфические признаки, определяющие место этого типа источников в ряду других и характерные исключительно для него. В дальнейшем мы более подробно на них остановимся, здесь же назовем только несколько таких признаков, чтобы аргументировать свою точку зрения: 1) *commissio* издается от имени дожа и адресуется конкретному лицу; 2) все пункты *commissio* подлежат утверждению Сенатом; 3) время действия *commissio* определяется рамками пребывания лица, которому адресовано *commissio*, в должности, назначение на которую явилось поводом для составления документа. Упомянутый капитулярный не отвечает ни одному из этих критериев. Его составитель — Генеральный капитан Моря Андреа Мочениго так определяет характер капитулярия: «Questi sono i ordeni dati, e comandamenti per il spettabile et egregio honorado Messer Andrea Mocenigo Capetaneo generale dell' anno 1428, e di tutti i Capitani di Venexia».²⁷ Таким образом, это, скорее, свод предписаний, касающихся самых различных сторон командования боевым судном — галерой.

Самых *commissiones* в составе Венецианского архива, к сожалению, сохранилось немного.²⁸ Представляемый нами документ «*Commissio capitaneo galearum Romanie*» (1412) наиболее пространен. Иногда сведения несохранившихся *commissiones* могут быть отчасти реконструированы на основе постановлений Сената, но это ни в коей мере не восполняет лакун в чисто источниковедческом плане. Я не склонна рассматривать ежегодные постановления Сената по организации навигации галей «линии» как «сокращенные варианты» «комиссий капитанам».²⁹ Вероятно, были некоторые тенденции к сближению *commissiones* и постановлений Сената после 1414 г. (когда произошло реформирование формуляра *commissiones*³⁰) только в том смысле, что содержание инструкций становится более конкретным и приближенным к реальным условиям осуществления навигации, что, впрочем, на наш взгляд, отнюдь не лишает источник его своеобразия. Постановления же Сената — также самостоятельный вид документации, примат которого по отношению к *commissio*, на наш взгляд, очевиден. Постановления Сената в чем-то дополняли, корректировали, иногда отменяли отдельные пункты *commissio*, но никогда не заменяли его в целом.

Внутреннему развитию этих двух видов документации присущи две, возможно, взаимосвязанные тенденции: в то время как объемы *commissio* со временем сокращаются, а содержание становится более конкретным, постановления

²⁵ *Nani Mocenigo M.* Un capitolare veneziano per il buon governo delle galere del 1428 // AV, n. s., N 6, 1929. P. 93—116.

²⁶ *Карпов С. П.* Путиами... С. 102.

²⁷ *Nani Mocenigo M.* Un capitolare... P. 93.

²⁸ Интересно, что в Генуэзском архиве находится документ, который в определенном смысле можно рассматривать как аналог венецианского *commissio* капитану «галей линии». Это «Инструкция Николо де Ауриа (Дориа), комиссару судов, отправляющихся на Запад» (1457 г.): ASG, fondo Archivio Governativo, sezione Archivio Segreto (далее — AS), 3042, Diversorum, Filze (далее — DF), Filza 22, N 58.

²⁹ Такая точка зрения высказывалась С. П. Карповым: *Карпов С. П.* Путиами... С. 105, прим. 29.

³⁰ Там же. С. 83.

Сената, напротив, увеличиваются и включают в себя некоторые общие положения. Процесс этот, впрочем, не был прямолинеен, что мы и попытаемся доказать.³¹

Объем наиболее ранних постановлений Сената о «галеех линии» (1330-е—1340-е гг.) довольно значителен (в среднем по 2 листа), очевидно, с одной стороны, из-за того, что в эти годы — годы подъема, предшествовавшие Черной Смерти и кризису Таны³² — число галей, входивших в состав *mudae* достигало 8 (в 1344 г., когда в состав *mudae* входило всего 2 галеи коммуны, объем постановления существенно сократился)³³, с другой, значительный объем ранних постановлений — следствие того, что норма еще не была окончательно выработана и закреплена, ввиду чего практически каждый год в постановления вносились изменения и дополнения. Это касалось, например, сроков выплаты инканти патронами галей. Первоначально устанавливался порядок, согласно которому патроны должны были полностью выплатить коммуне арендную плату за галею в течение 5 месяцев после ее прибытия в Венецию.³⁴ В 1342 г. порядок изменился: теперь патроны должны были выплатить инканти в течение 1 года со дня аукциона.³⁵ В 1343 г. возвращаются к прежнему 5-месячному сроку.³⁶ Можно привести и другие примеры. Кроме того, еще не получила, очевидно, своего распространения практика, когда постановления Сената лишь отражали в сжатой форме, дополняли и корректировали *commissio* капитану, хотя упоминания об инструкции капитану уже встречаются в постановлениях («*et habeant... cum salario, commissione*»³⁷). Таковы, на наш взгляд, причины значительных объемов ранних постановлений Сената.

Постепенно устанавливается практика, когда постановления Сената включают в себя только самое основное и являются, по сути дела, лишь констатацией самого факта отправки галей. Например, постановление Сената от 1 июня 1383 г. состоит из следующих пунктов: 1) в вояж Романии, Таны и Трапезунда посылаются 2 галеи, подтверждается практика *ad unum denarium* в выплате фрахта, на галеех без уплаты фрахта должен быть доставлен в Тану консул и посол со слугами (речь идет о вполне конкретном консуле, а не об установлении такого порядка вообще); 2) избрание капитана в Большом Совете «*secundum usum cum commissione solita*». Жалование — 60 дукатов в месяц. Должен иметь в своей свите 3 слуг, священника, адмирала и 2 трубачей; 3) устанавливаются сроки завершения погрузки (13 июля) и отплытия галей (16 июля), а также время стоянок в Тане (10 дней), в Трапезунде (6 дней), в Константинополе 2 дня по пути «туда» и 2 по пути «обратно»; 4) все остальные правила остаются прежними.³⁸

В начале XV в. навигация галей «линии» на 3 года (1400—1402) была прервана: вместо галей в Тану и Трапезунд плавали кокки. Постановления Сената о отправке кокк весьма значительны по объему (3—5 листов),³⁹ вероятно, по

³¹ Из фонда Senato, Misti нами были полностью использованы имеющиеся копии документов из книг XLV—LIX (1400—1437 гг.), а также более фрагментарно из книг XV—XLIV (1332—1400).

³² Карпов С. П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. № 54 (80), 1994. С. 121—126.

³³ Baron Blanc. Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896. P. 113.

³⁴ SM, XIX, f. 19r: 16.5.1430.

³⁵ Blanc. Le flotte... P. 88: 29.4.1342.

³⁶ Ibid. P. 93: 19.4.1343.

³⁷ См., например: Ibid. P. 87. Д. Штэгли сообщает, что первое упоминание о *commissio* капитану в документах Сената относится к августу 1324 г. (*Stöckly D. Le système...* P. 69).

³⁸ SM, XXXVIII, f. [33r] 34 r: 1.6.1383.

³⁹ См., например: SM, XLV, f. 53r—54v: 11.2.1401; f. [130r—133r] 131r—134r: 28, 29.1.1402.

тем же причинам, что и ранние постановления о галейх. Затем происходит возвращение к прежней практике посылки галей, и устанавливается постоянный объем постановления — примерно в 2—3 листа. В 1409 г. происходит важное изменение в порядке принятия Сенатом решений по организации навигации галей Романии: если раньше все пункты постановления относились к каравану галей в целом, и не было разделения между галейми Таны и Трапезунда (даже когда проводилось инканти, не указывалось, какая именно галей пойдет в Трапезунд), то с 1409 г. постановления Сената состоят из отдельных параграфов по галейм Таны и Трапезунда, а также из нескольких общих предписаний по всей *mudae*.⁴⁰ Также, начиная с 1409 г. в постановлениях Сената появляется следующая ссылка на *commissio*: «*Et omnes alii ordines consueti poni in commissione capitaneo presentis viagii, qui non sunt revocati, ponantur etiam in commissione capitaneo presentis*».⁴¹ В то время как первая перемена внесла значительные изменения в систему проведения аукционов — инканти, в результате чего плавание в Трапезунд зачастую перестало совершаться, так как не находилось желающих брать эту галей,⁴² на объем самих постановлений Сената это практически не оказало влияния. Если такие постановления и расширялись незначительно, то только за счет растущей необходимости в корректировке *commissiones*.

Довольно показательно постановление об инканти галей Романии от 13 июня 1412 г. Именно в этот день состоялось заседание Сената, на котором после доклада «мудрых», традиционно подготовивших необходимые предложения, было принято решение об отправке галей Романии и Таны, а также предписания по осуществлению навигации. Уже сам характер выдвинутых «мудрыми» предложений и их обсуждения Сенатом свидетельствуют о нестабильности обстановки и неординарном характере навигации. Даже мнения самих «мудрых» разделились: в то время как трое из них (Джованни Карезини, Бьянко Бембо и Паоло Орио) представили на рассмотрение Сената в общем вполне законченный и цельный проект постановления,⁴³ двое других высказали прямо противоположные точки зрения.⁴⁴ Мнения разошлись прежде всего в отношении к посылке галей в Трапезунд. В то время, как трое «мудрых» предлагали снарядить три галей: 2 — в Тану и 1 — в Трапезунд, а Андреа Габриэль высказывался за посылку последней на особых льготных условиях, Дзаккариа Барбаро в принципе считал нецелесообразным снаряжение галей в Трапезунд, так как расходы, и тем более расходы экстраординарные, не были, по его мнению, оправданы.

Известно, что общая стабилизация восточно-средиземноморской торговли после 1404 г. не затронула Трапезунд, да и весь Черноморский регион в целом.⁴⁵ Однако, отправка «галей линии» была в значительной степени вопросом престижа Венецианской республики, что заставляло ее идти на самые

⁴⁰ В 1409 г. первый аукцион не был признан состоявшимся, так как одна из галей не была взята (SM, XLVIII, f. 86v: 9.6.1409); разделение со второго постановления (SM, XLVIII, f. 87r—88r: 10.6.1409).

⁴¹ SM, XLVIII, f. 86v.

⁴² См., например: SM, XLIX, f. [118r] 120r (RS, № 1456): 13.6.1412; f. [190r] 193r (RS, № 1484): 10.6.1413.

⁴³ SM, XLIX, f. [116v—117v] 118v—119v.

⁴⁴ SM, XLIX, f. [117v—118r] 119v—120r.

⁴⁵ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 77.

крайние меры и при явно неблагоприятной конъюнктуре все же продолжать осуществлять навигацию. Кроме того, сами венецианцы, жившие в Трапезунде, равно как и купцы, торговавшие в регионе, вынуждали Сенат поддерживать жизнедеятельность фактории.⁴⁶ Таким образом, сторонники предложения Дзаккариа Барбаро не посылать галею в Трапезунд остались в меньшинстве даже при повторном голосовании: за предложения трех «мудрых» — 21 голос, за Андреа Габриэля — 26 (43), за Дзаккариа Барбаро — 22 (25).⁴⁷ Однако патроны, настроенные значительно менее патриотично, чем сенаторы, предпочли не рисковать. Галея Трапезунда, несмотря на значительность льгот патрону, так и не «нашла» арматора. В результате Сенату пришлось исключить из своего постановления те два пункта, в которых речь шла о галее Трапезунда.⁴⁸ Аналогичная ситуация повторилась в 1413 г.⁴⁹ В 1414 г. галея Трапезунда не выставлялась на аукцион вообще; обязанности патрона этой галей были возложены на супракомита Гольфа Марко Бембо.⁵⁰ В итоге с 1415 г. устанавливается новый порядок: как и до 1409 г., постановление принимается по каравану галей в целом, но в нем появляется следующий пункт: «прежде чем патроны названных галей по жребию, либо по добровольному согласию решат: на какой галее отправится капитан, должно бросить жребий или договориться о том, кто из трех патронов отправится на своей галее в Трапезунд».⁵¹ Это компромиссное решение несколько стабилизировало ситуацию с организацией вожей в Трапезунд, хотя к «добровольному согласию», очевидно, прийти было нелегко: в 1416 г., например, аукцион проводили 4 раза, прежде чем удалось «найти» всех трех патронов.⁵² В целом в эти годы (как уже было показано на примере инканто 1412 г.) входит в практику значительное расширение постановлений за счет корректировки первоначального текста инканти. Иногда даже принимается отдельное постановление — так называемое «*Correctio Incantus galearum Romanie*».⁵³

А что же происходит с самим *commissio*? К сожалению, как уже отмечалось, мы не имеем здесь столь богатого материала для сопоставлений. Поэтому ограничимся сравнением лишь двух *commissiones*, что, впрочем, на наш взгляд, тоже достаточно показательно.

«*Commissio capitaneo galearum Romanie*» находится в составе фонда *Senato, Secreta, Commissioni, Formulari* Государственного Архива Венеции.⁵⁴ Документ состоит из 30 листов текста *in folio*. Очевидно, как основной текст, так и пометы на полях были написаны одним человеком. Вместе с тем, почерк текста в правом нижнем углу (последние 5 строк) f. 21r значительно отличается от основного беглого нотариального курсива и близок к письму более поздних (20-е—30-е гг. XV в.) постановлений Сената. Видимо, это связано с плохой сохранностью документа в этом месте (текст сильно размыт, ввиду чего, вероятно,

⁴⁶ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 62.

⁴⁷ SM, XLIX, f. [118r] 120r.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ SM, XLIX, f. [190r] 193r.

⁵⁰ SM, L, f. [119v—121r] 120v—122r (RS, № 1531): 18.6.1414.

⁵¹ SM, LI, f. [27v] 29v: 3.6.1415; f. [137v] 140v: 11.6.1416 etc.

⁵² SM, LI, f. [138v] 141v: 13.6.1416; f. [139r] 142r: 16.6. и 17.6; f. [139v] 142v: 20.6.

⁵³ См., например: основное постановление SM, LVIII, f. [116r—118r] 120r—122r: 16.5.1432. и *correctio* f. [118v—119v] 122v—123v: 20.5.1432.

⁵⁴ ASV, Senato, Secreta, Commissioni, Formulari (далее — SSCF), IV, f. 15r—29r.

было предпринято его позднейшее поновление). Имеющиеся сокращения в целом ординарны и не заслуживают, на наш взгляд, специального внимания, за исключением, пожалуй, непринятого выпадения «t» при сокращении слов на «tur» и «ter»: например, videbr — videbiter, talr — taliter и т.д. Иногда прочтение затрудняется помарками, размытостью текста, а также многочисленными зачеркиваниями, исправлениями и вставками, как на полях, так и в самом тексте. Имеются специальные служебные знаки, очевидно, преследующие цель облегчить работу писца и избежать многочисленных повторов; причем, как свидетельствуют примечания на полях, эти знаки должны были использоваться и в других *commissio* капитанам торговых галей. Вся нумерация пунктов *commissio* дана арабскими цифрами, денежные суммы, как правило, римскими цифрами, даты же обозначаются и римскими, и арабскими цифрами, и прописью. Такова краткая палеографическая характеристика представляемого документа.

В данной статье мы не преследуем цели дать исчерпывающий анализ содержания *commissio* 1412 г.⁵⁵ Однако представляется необходимым осветить содержание документа в целом, прежде всего, чтобы стали ясны его отличия от *commissio* 1432 г. Информация в *commissio* 1412 г. не упорядочена, т. е. пункты следуют друг за другом совершенно произвольно, некоторые параграфы дублируют друг друга, иногда противоречат один другому, к одному и тому же вопросу *commissio* может возвращаться неоднократно. Так, например, о порядке погрузки продовольствия речь идет в параграфах 19, 21, 42 и 75; вопросы вооружения купцов и членов экипажей галей затронуты в параграфах 23, 25, 112; правила погрузки товаров рассматриваются в параграфах 33, 55, 56, 59, 60, 63 и т. д. В центре *commissio* — проблемы взаимоотношений патронов с купцами и экипажем, а также роль капитана как регулятора этих отношений. Вопросы выплат фрахта, очевидно, можно считать одним из основных источников конфликтов, поэтому этой теме уделяется также особое внимание (параграфы 58, 78—80, 83, 94, 111).

По нашему мнению, *commissio* играло двойную роль: это и мандат, наделяющий официальное лицо какими-либо полномочиями, и инструкция по их исполнению.⁵⁶ Подобная двойственность обусловила структуру *commissio*: первый его параграф, в отличие от всех остальных, не подлежал утверждению Сенатом и представлял собой непосредственно обращение дожа к адресату *commissio* в характерном для всего документа 2 лице (имеющийся у нас в распоряжении документ — формуляр и имя капитана в нем не проставлено): «Мы, Микеле Стено, Божьей милостью дож Венеции предписываем тебе, нобилу, уважаемому гражданину и нашему вернопопданному, чтобы по нашему распоряжению во имя Христа и блага стал капитаном наших галей, отправляющихся в вояж Романи и Таны».⁵⁷ Там же будущая задача капитана определялась как «управление галейми с купцами и товарами, находящимися на них, и людьми по пути “туда”, “обратно” и во время стоянок ради нашего достоинства и сохранения людей и товаров».⁵⁸

⁵⁵ Эта работа была нами проделана в дипломном сочинении о «Commissio». М., МГУ, 1994 (машинопись).

⁵⁶ Но ни в коей мере не «своего рода контракт, заключаемый между Республикой и капитаном конвоя», как это утверждается в работе Д. Штэкли (*Stockly D. Le système... P. 64*).

⁵⁷ SSCF, IV, f. 15r. § 1.

⁵⁸ Ibid.

Далее следуют 112 пунктов непосредственно инструкции капитану (мы умышленно избегали ранее синонимического употребления слов «*commissio*» и «инструкция», подразумевая, что эти понятия не совсем тождественны), из которых 59 пунктов были приняты, 51 отклонен, 1 никак не определен и 1 подлежал исправлению («*corrigatur*»).⁵⁹ Многочисленные ссылки на упомянутое выше постановление от 13 июня 1412 г. указывают на то, что окончательное утверждение всех пунктов *commissio* состоялось уже после этого дня. Однако сенаторы, вне сомнения, прекрасно знали, что представляет собой этот документ. Это подтверждается апелляциями «мудрых» к нему: «Все прочие правила, по обычаю содержащиеся в инструкции капитану настоящего вояжа, которые не были пересмотрены, утверждаются». ⁶⁰ Более того, можно предположить, что сам документ был составлен на основе *commissiones* прошлых лет ранее заседания 13 июня, и лишь пометы на полях были сделаны позднее. Очевидно, документ обсуждался несколько раз, поскольку 2 первоначально принятых пункта были отклонены («+» — зачеркнуто, «*non ponatur*»), и наоборот, 4 сначала не принятых пункта прошли при повторном голосовании («*non ponatur*» — «*pon*» зачеркнуто, вставлено «+»). На наш взгляд, именно эти 6 пунктов представляют наибольший интерес для исследования механизма принятия решений Сенатом, а также для изучения борьбы внутри Сената интересов купцов и патронов, «двух основных фракций господствующего класса Венецианской республики, занятых предпринимательской деятельностью». ⁶¹ Дело в том, что 55 пунктов, утвержденных при первом голосовании, очевидно, отражают норму, уже достаточно устоявшуюся, целью которой, в общем, всегда было достижение баланса сил. Большинство отклоненных пунктов содержало уже явно устаревшие либо просто неприменимые в конкретной обстановке нормы, противоречившие позднейшим нововведениям и, прежде всего, постановлению Сената от 13 июня 1412 г. Таким образом совершенно ясны причины, по которым они были отклонены: как правило, это «*non ponatur, quia aliter est provisum*» и «*non ponatur, quia aliter est provisum, ut petet libro rogatorum 49, carta 115* (т. е. именно упомянутое только что постановление). Для пунктов, отклоненных по этой причине, а их целых 7 (§ 103—110), даже введен специальный знак на полях. И только несколько пунктов, отклоненных без видимых на то причин, а также прежде всего упомянутые 6 пунктов, решение по которым менялось, свидетельствуют о наличии альтернативы и позволяют поставить вопрос: в чью же пользу был сделан выбор?

В параграфах, принятых лишь при повторном голосовании, речь идет о довольно болезненно воспринимаемых кем-либо из участников навигации (будь то патроны, купцы или члены экипажа) вопросах: это порядок проведения «*gata*» — распределения товаров в случае, если все они не могут быть взяты на борт, ⁶² порядок погрузки продовольствия в Константинополе перед выходом в Черное море, ⁶³ правила осуществления дополнительных выплат экипажу

⁵⁹ Регесты Д. Штэкли состоят из 49 принятых пунктов. Отклоненные пункты не включены, поскольку, по мнению исследовательницы, «нельзя объяснить, идет ли речь о позднейших дополнениях при использовании формуляра или же о параграфах, которые не должны были составлять даже часть формуляра» (*Stöckly D. Le système... P. 69*).

⁶⁰ SM, XLIX, f. [117v] 119v.

⁶¹ Карпов С. П. Путиами... С. 123.

⁶² SSCF, IV, f. 22r, § 67.

⁶³ Ibid. f. 23v, § 75.

(refusurae), в случае, если плавание продлится дольше, чем 3 месяца,⁶⁴ и нормы проведения повторной погрузки товаров в Константинополе для доставки в Тану.⁶⁵

Если же говорить о положениях, отклоненных без соответствующих объяснений, то для этого может быть несколько причин. Иногда, по нашему мнению, сенаторы проявляли некоторую поспешность, отклоняя из-за одного-двух резко бросающихся в глаза несоответствий весь параграф. Так, например, § 103 чрезвычайно для нас интересный тем, что в нем раскрывается понятие шиурмы: «Каждая торговая галера должна иметь, кроме нобилия-патрона, одного комита, одного присяжного патрона, двух писцов, одного советника, одного плотника и одного конопатчика, восемь навклеров, пятнадцать баллистариев, в число которых входит один брадобрей, сто семьдесят одного гребца, одного кока, одного стольника и одного слугу патрона — все это составляет шиурму»⁶⁶ — был отклонен явно из-за того, что число баллистариев в нем 15, а не 25, как предусмотрено постановлением Сената.⁶⁷ Между тем, остальные сведения (за исключением самого конца параграфа, где речь идет о свите капитана) верны. Вообще в *commissio*, к сожалению, не практикуется принятие либо отклонение не всего пункта, а какой-то его части, что существенно усложняет задачу исследователя, принимая во внимание значительный объем некоторых пунктов (2—3 листа). Между тем, число 15 не является абсолютно неверным, а лишь отражает более раннюю практику, думаю, конца 70-х—начала 80-х гг. XIV в.⁶⁸

В этом, на наш взгляд, еще одна специфическая черта *commissio* как источника: он постоянно загадывает исследователю загадки, задает вопросы, ответы на которые, при условии, что найдены они правильно, дают богатейший материал для сопоставлений и реконструкций. Если в постановлении Сената «не принято» значит лишь «не принято», то в *commissio* под «*non rogatur*» может заключаться самая разнообразная информация. Раскрыть эти временные пласты, понять внутреннюю логику этого чрезвычайно противоречивого документа — сложная исследовательская задача.

Наш *commissio* 1412 г. тем более уникален, что с 1414 г. в формуляр перестали включаться устаревшие нормы. Подобное изменение, на наш взгляд, оказало очень сильное влияние на *commissio*, приблизив его, с одной стороны, к постановлениям Сената, с другой, к такому источнику как синдикат. Ф. Тирье определяет *sindicatus* следующим образом: «Значение этого слова... связано с *commissio*: синдикат — это мандат, и синдик — это специальный магистрат, направленный Сенатом для проведения расследования деятельности “ректоров” Леванта или Терафермы».⁶⁹ Однако даже опубликованные тем же Ф. Тирье регесты синдикатов показывают, что они могли выдаваться и по другим поводам, причем не только синдикам, но и самим «ректорам».⁷⁰ В основном это документы, поручающие байло Негропонта, дуке Крита и т. д. посредством займа раздобыть деньги на снаряжение галер,⁷¹ т. е. вполне конкретные задания.

⁶⁴ SSCF, IV, f. 22r, § 77.

⁶⁵ Ibid. f. 24r, § 84.

⁶⁶ SSCF, IV, f. 27r, § 103.

⁶⁷ SM, XLIX, f. [117r] 119r.

⁶⁸ Об этом см.: *Капное С. П.* Путиями... С.94.

⁶⁹ *Thiriet F.* La Romanie... P. 198—199.

⁷⁰ RS, N 4, 8, 48 etc.

⁷¹ Ibid.

Именно к такому синдикату приближается реформированный *commissio*. В нашем распоряжении полный текст *commissio* капитану галей Романии 1432 г. Стефано Контарини.⁷² Но прежде чем обратиться к анализу этого документа, целесообразно, на наш взгляд, сделать небольшой исторический экскурс во времена, непосредственно предшествовавшие плаванию 1432 г.

1431 г. ознаменовался новым кризисом генуэзско-венецианских отношений.⁷³ Несмотря на то, что зачастую такая политика не отвечала интересам самого генуэзского купечества на Востоке, состояние войны было объявлено (не без влияния герцога Миланского, которому была подчинена в те годы Генуя), что не замедлило сказаться на торговых контактах двух республик: новый подеста Перы осматривает генуэзское судно, прибывшее из Трапезунда, с целью выяснить, нет ли на нем венецианских товаров.⁷⁴ Положение венецианцев усугублялось осадой Таны, предпринятой татарами, в то время как эпидемия чумы лишила факторию ее консула Витторио Дольфина.⁷⁵ В этой обстановке венецианцы и генуэзцы Таны заключают между собой соглашение (противоречившее внешней политике, проводимой метрополиями) о совместной обороне города от татар. Вице-консул Таны обращается к властям Каффы с просьбой направить судно, чтобы нанести удар по татарам с тыла. Но те вероломно сами пытаются напасть на Тану; венецианцев спасает лишь сильный северный ветер, помешавший генуэзцам выйти из порта Каффы. Известие об этом предательстве (причем, вероятно, в несколько преувеличенном виде) приходит в Венецию, благодаря письму венецианского байло в Константинополе Мартино да Место байло и канцлерам Негропонта.⁷⁶ В Венеции генуэзской угрозе Тане придают большее значение, чем татарской, так что в *commissio* капитану галей Романии 1431 г. Андреа Лоредану ему предписывается проверить слухи о генуэзском нападении на Тану и в случае их подтверждения атаковать Каффу.⁷⁷ Однако фортуна оборачивается против Андреа Лоредана: из 5 его галей 2 терпят крушение 8 октября 1431 г. у мыса Меганом. Консул Каффы 1431—1432 гг. Франко Ломеллини, получив известие о крушении от подчиненного ему консула Солдайи, приказал собрать все имущество и товары соперников и передать их в распоряжение массарии Каффы.⁷⁸ Захваченные же венецианцы были брошены в тюрьму.⁷⁹

Такова краткая предыстория вояжа галей Романии 1432 г., капитану которых Стефано Контарини было поручено попытаться освободить пленников, а в случае отказа напасть на генуэзские суда.⁸⁰

Commissio начинается с обычного обращения дожа Франческо Фоскари к капитану, которое, впрочем, не содержит привычных нам рассуждений на

⁷² Реконструкцию биографии Стефано Контарини см.: *Тальзина А. А.* «*Commissio...*» С. 97—113.

⁷³ См., например: *Dupuignet Desroussilles F.* *Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noir en 1431 // Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1979. Т. XX(1). P. 111—122.

⁷⁴ *Ibid.* P. 115.

⁷⁵ *Ibid.*

⁷⁶ *Ibid.* P. 116—117. Публикацию письма см.: *Ibid.* P. 120—122.

⁷⁷ RS, N 2255: 7.8.1431. Д. Штэкли также упоминает этот документ (*Stöckly D.* *Le système ...* P. 69).

⁷⁸ ASG, AS, 3037, Div. Filze, 17, N 24: 12.2.1448. Об этом документе см.: *Карпов С. П.* Причерноморье в XV в. по материалам собрания *Diversorum*, Filze Секретного архива Генуи // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 14.

⁷⁹ *Dupuignet Desroussilles F.* *Vénitiens et Génois...* P. 117.

⁸⁰ Полный текст *commissio* см.: *Sathas C.* *Documents...* P. 193—197.

общие темы, а сразу переходит к конкретным аспектам осуществления навигации именно в 1432 г. Под командованием С. Контарини, кроме 4 галей,⁸¹ находились также 3 галеры Гольфа, супракомиты которых также подчинялись капитану. Общий смотр судов С. Контарини следовало провести в Поле, а затем отправиться на Корфу, Модон, Корон,⁸² сгружая там на берег и принимая на борт товары купцов. Все это надлежит делать, как можно быстрее, не задерживаясь в портах дольше 1 дня. Вообще весь текст *commissio* 1432 г., в отличие от 1412 г., характеризуется чрезвычайной динамичностью; фразы типа: «*subito sine aliqua temporis perditione*», «*quanto prestius facere poteris*», «*accelerando viam tuam, quantum poteris*» — сопровождают едва ли не каждое предписание.

В Модоне в то время находились проввекторы коммуны: Сильвестро Морозини, Лоренцо Донато и Пьетро Микеле, с которыми, по возможности, должен был встретиться Стефано Контарини, чтобы обсудить, безопасно ли дальнейшее плавание 7 судов в Константинополь. В случае принятия положительного решения, караван должен был, не заходя в Негропонт, через пролив Серифос отправиться прямо в Константинополь. Стоянка там должна составлять один день, не считая дня прибытия и отбытия; причем сходить на берег строго запрещено. Капитан, по своему усмотрению, мог сделать исключение только для тех, кто непосредственно занимался разгрузкой товаров, а также пополнением запасов продовольствия.

В случае принятия проввекторами в Модоне отрицательного решения они вместе с имеющимися в их распоряжении галейми должны были сопровождать караван Контарини до Тенедоса, а при необходимости и до Константинополя. Если бы Контарини не застал проввекторов в Модоне, ему надлежало держать совет с проввектором или кастелланом Модона, и если путь до Константинополя будет признан небезопасным, следовать на Негропонт, доставив туда байло с вещами и слугами, а также товары. Там капитану следовало ожидать прибытия названных проввекторов, известив их о своем пути письмом, отправленным с гриппарией, чтобы те могли сопроводить его до Тенедоса или Константинополя. Если же даже путь до Негропонта будет представлять опасность для галей, Контарини должен оставаться в ожидании проввекторов в Модоне. Очевидно, как бы то ни было, в сопровождении патрульных судов или без них, с риском или безопасно Стефано Контарини был обязан достичь со своим караваном Константинополя.

Оттуда *tuda* должна была последовать в Черное море и прибыть в Каффу, выясняя по пути, какой ущерб нанесли генуэзцы венецианцам (очевидно, имеется в виду вышеприведенная история), не упуская возможности отомстить противнику, но при этом заботясь о сохранности находящихся под командованием Контарини галей и людей. Кроме прочего, капитану вменялась в обязанность довольно деликатная миссия: разузнать о судьбе венецианских пленников и приложить все усилия, чтобы освободить путем ли выкупа, обмена или как-либо иначе всех соотечественников, будь то нобили или пополены. Очевидно, в Венеции весьма слабо представляли себе обстановку, сложившуюся в далеких черноморских факториях, поскольку точные указания сменяются выражениями надежды на опыт, изобретательность и мудрость самого

⁸¹ См.: RS, N 2282: 16.5.1432.

⁸² Ср.: SSCF, IV, fs. 26r—v, § 100: пункт, предписывающий для блага купцов, принимая во внимание незначительное расстояние между Модоном и Короном, делать остановку и в Короне, не был принят.

Контарини: «...de studio, ingenio et sapientia tua spem gerimus», «ponendo in hoc omnes tuos spiritus et sensus» и так далее. Остановка в Каффе не должна превышать 6 дней.

Затем караван разделяется на 2 части: 1 из галей и 2 галеры Гольфа следуют в Трапезунд (стоянка 6 дней), а затем в Синоп или Армини, по усмотрению капитана, где ожидают возвращения второй части каравана. Командование этими тремя судами капитан поручает кому-либо из патронов или супракомитов.

Сам Контарини с 4 галейями идет в Тану, по пути причиняя ущерб «враждебным генуэзцам», стоит там 8 дней и на обратном пути соединяется, как было сказано, в Синопе или Армини с остальной частью *mudae*. Все вместе они плывут до Константинополя, и оттуда совершают каботажное плавание, принимая и сгружая товары и купцов вплоть до Венеции.

Таковы основные предписания, данные Стефано Контарини в *commissio*. В остальном же выражается надежда, что «in hoc et in omnibus allis rebus tibi commissis propter experientiam et practicam quam habes, facies et procurabis ea que erunt cum salute ipsarum galearum et victoria de inimicis nostris, et cum maximo honore, et gloria nostri domini».

Среди предписаний общего характера можно назвать, пожалуй, два: супракомиты галер Гольфа находятся в подчинении у капитана, и он может облагать их штрафом, вести расследование против них и назначать наказания по своему усмотрению. Также запрещено перевозить купцов и пассажиров на галерах Гольфа. Оба эти предписания достаточно ординарны.

Очевидно, миссия Стефано Контарини по освобождению пленников не увенчалась успехом, довольно любопытное подтверждение чему находим в постановлении Сената от 6 марта 1433 г.: поскольку «новости, полученные из Каффы, показывают, что с заточенными венецианцами там обращаются хорошо: они могут на несколько часов в день покидать тюрьму и посещать мессу», было решено, что «делом чести Венеции является проявить подобную гуманность в отношении генуэзских узников, находящихся в Венеции: им также будет позволено посещать мессу в сопровождении венецианских нобилей».⁸³ Ф. Дюпюигрене Дерусий полагал, что освобождение последовало только спустя год после заключения мира.⁸⁴ Постановление об инканти галей Романии 1433 г. окончательно убедило нас в справедливости этого предположения: на обратном пути из Таны патронам предписано перевозить «наших пленных, которые были в Каффе», без уплаты фрахта.⁸⁵

Мы умышленно столь подробно остановились на тексте самого *commissio* (тем более, что его объем позволяет это сделать), воспроизведя фактически в регестах основное содержание документа, чтобы показать, насколько он отличается от *commissio* 1412 г. Это сжатое, динамичное описание не навигации вообще (зачастую вне времени и пространства), как это было ранее, а конкретного плавания. Документ фактически лишен общих мест: в нем ничего не говорится о выплатах фрахта, количестве членов экипажей и различных тонкостях взаимоотношений между ними и т. д. Все эти вопросы освещаются в постановлении об инканти, которое теперь ни в коей мере не дублирует

⁸³ RS, № 2311.

⁸⁴ Dupuigrenet Desroussilles F. Vénitiens et Génois... P. 117.

⁸⁵ SM, LVIII, f. [203r] 207r (RS, № 2319): 16.5.1433.

commissio.⁸⁶ Между двумя видами документации происходит четкое разграничение компетенции. Commissio не разделено на пункты, и голосование в Сенате проходило по тексту в целом: 94 — «за», 12 — «против», 5 — «воздержались».⁸⁷ Таким образом, commissio становится, скорее, документом по реальному осуществлению навигации, чем неким отвлеченным повествованием (почти теоретическим трактатом), гораздо более, впрочем, приспособленным для штудий по истории морского права.

Экстраординарный характер навигации 1432 г., безусловно, оказал свое влияние на существо изложенных в commissio предписаний,⁸⁸ что, впрочем, не могло, на наш взгляд, существенно сказаться на формуляре документа, эволюция которого интересовала нас прежде всего. Вместе с тем, мы не стали бы резко противопоставлять вояж 1412 г. как сугубо торговый плаванию 1432 г. как сугубо военному. На наш взгляд, как первый, так и второй аспекты всегда, безусловно, присутствовали в организации плавания «галей линии», неслучайно определяемых как «*navigia armata*». В данном случае речь может идти, по нашему мнению, лишь о приоритетности тех или иных целей, но никак ни о полном поглощении одних другими.

Проделанный анализ позволяет заключить, что и commissio, и инканти претерпели в рассматриваемый определенную эволюцию. Изменения коснулись, прежде всего, инструкций. В начале XV в. документы такого рода фиксировали норму, причем норму, зачастую устаревшую и не отвечавшую потребностям навигации. Несмотря на то, что каждый год перед отправкой галей Сенат детально обсуждал все содержавшиеся в инструкции предписания и отменял часть из них либо уточнял отдельные положения, даже неутвержденные пункты механически переписывались из года в год, что нашло яркое отражение в тексте commissio 1412 г., где содержатся отмененные пункты, начиная с 1387 г. Естественно, объем инструкций должен был возрастать из года в год, а сами они — содержать все больше неактуальных либо просто значительно ранее аннулированных предписаний. Commissio 1412 г. представляет для нас тем больший интерес в плане развития норм, регламентирующих государственную навигацию, что является фактически его итогом, если учесть, что мы не имеем подобного документа за 1413 г., а с 1414 г. устаревшие нормы уже не включаются в формуляр. С другой стороны, это обстоятельство значительно снижает интерес документа для реконструкции реальных обстоятельств плавания «галей линии». И в этом смысле реформированный commissio может быть предпочтительнее.

С постановлениями об инканти, скорее, происходит обратный процесс. Документы, первоначально корректировавшие commissio, со временем сами все более нуждаются в корректировке. Наряду с напряженностью атмосферы, в которой происходило обсуждение подобных постановлений, это свидетельствует, как нам представляется, о растущем дисбалансе системы навигации «галей линии» на протяжении первой половины XV в.

⁸⁶ SM, LVIII, f. [116r—119v] 120r—123v.

⁸⁷ Sathas C. Documents... P. 197.

⁸⁸ Интересно, что на постановление об инканти осуществление навигации в условиях войны никак не повлияло. Несколько скорректирован был лишь порядок избрания капитана: применялась более упрощенная процедура «*per duos manus*» с тем, однако, условием, чтобы капитан избирался из числа лиц, уже исполнявших ранее эти функции, «*quia sumus in guegta*». При этом жалование капитана увеличилось, по сравнению с мирным временем, на 6 лир grosce: с 24 до 30 лир (SM, LVIII, f. [116r] 120r).

Р. М. Шукуров
Д. А. Коробейников

ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ, СИНОП И РУМ В 1223—1230 гг. (ЗАГАДКА ТЕКСТА ИОАННА ЛАЗАРОПУЛА)

Великие Комнины не смирились с захватом сельджуками Синопа в 1214 г., а также со своей унижительной зависимостью от Икония, и вступили в долгий период соперничества с Румским султанатом. В 1222 г. императором стал Андроник I Гид (1222—1235), зять Алексея I Великого Комнина. По вполне правдоподобному предположению ряда исследователей, этот Андроник Гид был тем самым Андроником, который в качестве никейского полководца разгромил в начале столетия Давида Великого Комнина у Никомидии.¹ Не надеясь справиться с Сельджукидами в одиночку, Андроник I обращается к участию в достаточно сложных по своей структуре, но не всегда эффективных политических альянсах Кавказского и Восточно-Анатолийского регионов.

1. МУСУЛЬМАНСКИЙ ПОНТ И СИРО-КАВКАЗСКИЕ АЛЬЯНСЫ

Ситуация в Восточной Анатолии и на прилегающих территориях определялась соперничеством в ней трех наиболее мощных держав — Сельджукского Рума, Грузии и Аййубидского султаната. Аййубиды, происходившие из тюркизированных курдов, пришли к власти в Египте в 1169 г. Самый знаменитый из Аййубидов, султан Салах ал-Дин (1169—1193), пожаловал восточные провинции султаната членам своего рода. С тех пор на северо-востоке султаната отдельные Аййубидские династии правили в Дамаске, Алеппо, Майафарикине и Амиде. Несмотря на интриги и частые ссоры между сирийскими Аййубидами, оспаривавшими друг у друга первенство в Сирии, они в целом сохраняли административную связь с Каиром, а также и политическую ориентацию на метрополию.

Аййубидские *малики* противостояли как грузинской экспансии на юг, так и попыткам Сельджукидов расширить свои владения на восток, активно покровительствуя местным мелким князьям, стремившимся избежать поглощения грузинами или иконийцами. Причем, если в первом десятилетии XIII в. соперничество между Аййубидами и Грузией приводило к частым и кровопролитным войнам, то нарастающее военно-политическое давление со стороны иконийца Изз ал-Дина Кай Кавуса I (1211—1219) заставляет аййубидских эмиров и грузин, утеревших былой завоевательный пыл, пойти на сближение.

В орбиту сельджуко-аййубидо-грузинского соперничества были втянуты, в первую очередь, мелкие припонтийские эмираты тюрков Эрзерума, Эрзинджана и Кугунии-Никсара, граничившие с владениями Великих Комнинов.

¹ Finlay G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. Vol. IV. Oxford, 1877. P. 332; Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 70—71.

В Эрзеруме, восточных воротах Анатолии, правил малик Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах (1201/1203—1225), сын сельджукского султана Кылыч Арслана II (1156—1192), получивший от своего отца Албистан в результате известного раздела султаната, предположительно, в 1186 г. Эрзерум, ставший его столицей, он получил от своего брата, султана Рукн ал-Дина Сулаймана (1196—1204), после того как около 1201 г. (597 г. Х.) этот город был отнят у Сальтукидов объединенным воинством сельджукского султана, эрзинджанцев Бахрам-шаха, албистанцев во главе с Мугис ал-Дином и, возможно, Артукидов Харпурта.²

Во владения Мугис ал-Дина входил и Байбурт, в котором он около 1213 г., в период несчастливой для него войны с иконийцами (см. ниже), значительно обновил фортификационные сооружения.³ После смерти Тугрул-шаха в 1225 г. власть перешла к одному из его сыновей — Рукн ал-Дину Джаханшаху.

У эрзерумцев сложились наиболее тесные связи с соседними христианами (грузинами, армянами и, вероятно, понтийскими греками). Судя по данным Киракоса Гандзакеци, какое-то время в первом десятилетии XIII в. султан Карина (т. е. Эрзерума) был данником ишханов Закарэ и Иванэ, могущественных армян на грузинской службе.⁴ В 1211—1214 гг. Тугрул-шах заодно с киликийскими армянами поддержал мятеж царевича Ала ал-Дина, будущего сельджукского султана, против его брата Изз ал-Дина Кай-Кавуса I. Весьма вероятно, что этот союз был поддержан также трапезундскими греками и кастамонскими туркменами. По просьбе Ала ал-Дина, Тугрул-шах выступил в 1211 г. против сельджукской Кесарии совместно с Киликийским царем Левоном; в 1213 или 1214 гг. он понес поражение от сельджуков, а Ала ал-Дин был пленен своим царственным братом в Анкире.⁵

Однако, когда в 1219 г. Ала ал-Дин (1219—1237) взшел на престол, отношения между Эрзерумом и Иконием лишь ухудшились. Как видно, выраженные претензии Ала ал-Дина на гегемонию в регионе подтолкнули Эрзерум укрепить свою связь с аййубидско-грузинским блоком, который, как упоминалось выше, начал складываться уже в 10-х гг. XIII в. Еще в 1209/1210 гг. при осаде Хилата грузинами Аййубиды взяли в плен ишхана Иванэ Закарян/Мхаргрдзели, знаменитого атабека царицы Тамары (1181—1207), а его брат амирспаласар Закарэ был вынужден подписать мирное соглашение с Наджм

² *Ibn al-Athir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. T. Tornberg. T. XII. Leiden, 1853. P. 111; *Abu-l-Feda. Annales musulmici. Arabice et latine* / ed. I. G. C. Adler. T. 4. Hafniae, 1792. T. 4. P. 192. *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte persan publié ... par M. H. Houtsma, Leide, 1902. P. 22; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey, London, 1968. P. 115, 118.*

³ *Хачатрян А. А. Корпус арабских надписей Армении. VIII—XVI вв. Вып. I. Ереван, 1987 (далее — КАНА). С. 91—95, №№ 117—124.*

⁴ Имеются в виду представители армянского рода Мхаргрдзели-Закарян, находившегося на службе у царей Грузии (*Киракос Гандзакеци. История Армении* / пер. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 118).

⁵ *Ibn Bibi* (Leide). P. 40—44, 50; *Abu-l-Feda*. P. 248—250; *Смбат Снапанет. Летопись* / пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. 122; *Gregorius Abu al-Faraj. The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron. Vol. 1: Translation from Syriac by E. A. W. Budge. London, 1932 (repr. Amsterdam, 1976). P. 364; Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // REV. 1988. T. 46. P. 112; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 120—122; см. также нашу работу, содержащую ряд уточнений в хронологии событий: *Шукурлов Р. М. «Новый Манцикерт» императора Феодора I Ласкариса // Византия между Западом и Востоком* / под ред. Г. Г. Литаврина (в печати).*

ал-Дином — аййубидским эмиром Хилата. В итоге дочь Иванэ Тамта вышла замуж за Наджм ал-Дина, а после смерти последнего за его брата — Малика ал-Ашрафа, аййубидского правителя Дийарбакра и позже Дамаска (1210—1237), к которому отошел и Хилат.⁶ Киракос отмечал в связи с браками Тамты, что Аййубиды «особенно почитали грузин, и [последние] были свободны от податей во всех их городах, а также в Иерусалиме».⁷

Сразу после воцарения Ала ал-Дина эрзерумцы заключили союз с Аййубидом Маликом ал-Ашрафом,⁸ а в 620 г. Х. (4 февраля 1223—23 января 1224 г.) Тугрул-шах женил своего сына Давуда на грузинской царице Русудан (1222—1245). Причем отметим, что Тугрул-шах предварительно окрестил своего сына по требованию невесты — факт беспрецедентный в истории, по меньшей мере, ближневосточного Ислама.⁹ После смерти Тугрул-шаха в 1225 г. его сын Рукн ал-Дин Джахан-шах однозначно подтвердил свой союз с Аййубидским правителем ал-Маликом ал-Ашрафом, пойдя на окончательный разрыв с Ала ал-Дином Кай Кубадом I.¹⁰

Эрзинджан, а также Дивриги и Кемах, в эту эпоху принадлежали Фахр ал-Дину Бахрам-шаху ибн Давуду (1162—1225), правнуку эмира Мангуджака,¹¹ получившего этот удел еще в 1071/1072 гг. от Великого Сельджукида Алп Арслана (1063—1072). Имя Бахрам-шаха увековечил прославленный иранский поэт Низами Ганджави (1141 — после 1203), посвятив ему около 1166 г. «Махзан ал-Асрар» — первую поэму своей знаменитой «Пятерицы».¹² Бахрам-шах хотя и признавал верховную власть сельджуков и состоял с ними в родстве,¹³ однако после смерти Кылыч Арслана стремился уберечь от его преемников свою независимость. Поэтому не удивительно, что, по замечанию грузинского хрониста,

⁶ *Киракос Гандзакеци. История Армении.* С. 119, 182. Это соглашение оказалось выгодным обеим сторонам: когда в ша'бана 620 г. Х. (сентябрь—октябрь 1223 г.) произошло столкновение между правителем Сурб Мари и правителем Двина Шалвой Ахалшихели (он принадлежал к боковой ветви династии Мхаргрдзели), именно Малик ал-Ашраф по просьбе царя Грузии уладил дело (Ibn al-Athir. Т. XII. P. 269-270; о роде Мхаргрдзели см.: *Limper B. Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasiens* im 13. und beginnenden 14. Jahrhundert. Diss. ... Köln, 1980. Tafel 2. Die Mhargrdzelis).

⁷ *Киракос Гандзакеци. История Армении.* С. 119—120.

⁸ *Ibn al-Athir.* Т. XII. P. 231. База для сближения между правителем Эрзерума и Аййубидами существовала уже давно: довольно скоро после образования Эрзерумского эмирата, в 601 г. Х. (29 авг. 1204—17 авг. 1205) между Тугрул-шахом и Аййубидом Маликом ал-Аухад Наджм ал-Дином, который правил Арменией и Джазирой, сложился союз, обеспечивший им победу над грузинскими войсками. *Ibn al-Athir.* Т. XII. P. 134.

⁹ *Ibn al-Athir.* Т. XII. P. 270—271; *Abu-l-Feda.* Т. 4. P. 318—320; *Ibn Bibi.* El-Evami'rū'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Onsdöz ve fihristi hazırlanmış. A. S. Erzi. Ankara, 1956. P. 167; *Salia K. Histoire de la nation géorgienne.* Paris, 1980. P. 218; *Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque.* Istanbul, 1994. P. 71. От этого брака родились Тамара, выданная в 1237 г. замуж за сельджукского султана Кай Хусрава II, и Давид — будущий царь Давид IV Нарин. Вскоре Русудан развелась с Давудом и заточила его в темницу, из которой его освободил Джалал ад-Дин Хорезмшах. Однако Давуд вновь сбежал к грузинам, несмотря на то, что царица вышла замуж за другого (Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират'ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны // Изд. критического текста, перевод с арабского, предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Бунятова. М., 1996. (далее — Насави). С. 165, 341—342).

¹⁰ *Мухаммад ал-Халави, ат-Тарих ал-Мансури* (Мансурова хроника) // Изд. текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича. М., 1960. л.150б.

¹¹ *Хачатрян А. А. КАНА.* С. 108, № 154; *Ünal R. H. Monuments salgukides de Kemah (Anatolie Orientale)* // RÊI. Т. 35. 1967. P. 159.

¹² *Ibn Bibi* (Leide). P. 21—22; *Крынский А. Е.* Низами и его современники. Баку, 1981. С. 142—143.

¹³ Бахрам Шах женился на дочери Кылыч Арслана II, а его дочь Сальджуки-хатун была замужем за Изз ал-Дином Кай Кавусом I (См.: *Ibn Bibi* (Leide). P. 67—70; *Гордлевский В.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941. С. 32.)

уже в 1200-х гг., в период сельджукско-грузинских войн, Бахрам-шах присоединился к сельджукским походам против Грузии «помимо своей воли, только из страха». ¹⁴ В одном из этих походов (601 г.) он попал в плен к грузинам, вследствие чего Эрзинджан на какое-то время оказался данником Грузии. ¹⁵ После его смерти ему наследовал его сын Ала ал-Дин Давуд-шах.

Эрзерум и Эрзинджан связывала давняя дружба. Дочь Фахр ал-Дина Мангуджака — Халисат ал-Дунья ва ал-Дин, еще до 1213 г. была выдана замуж за Тугрул-шаха. ¹⁶ К эрзерумско-аййубидскому союзу Эрзинджан присоединился до 1227 г. Вероятно, этим объяснялось восстание против Давуд-шаха эрзинджанских эмиров около 1227 г., защитил и приютил которых в Конье Кай Кубад I. Давуд-шах в ответ предлагает Рукн ал-Дину Джахан-шаху и Малику Ашрафу за зиму 1227/1228 гг. собрать войска и защитить Эрзинджан от сельджуков. Кай Кубад I, не медля, весной или летом 1228 г. отнял у Давуд-шаха Эрзинджан и Кемах. Тогда же Ала ал-Дин Кай Кубад I двинулся к Эрзеруму, но повернул назад, узнав, что в Эрзерум успели войти аййубидские полки из Хилата. ¹⁷

Здесь следует отметить, что в непосредственной близости от владений Великих Комнинов лежал еще один эмират, которому современные исследователи не уделяют должного внимания, — а именно, владения Данишмендидского отпрыска малика Музаффар ал-Дина Мухаммада, который в 1205 г. помог сельджукскому султану Гийас ал-Дину Кай Хусраву I овладеть тронem и получил в награду земли из старого удела Данишмендов — Никсар и Коюль Хисар, а также, вероятно, Кугунию/Кагунию (позже Кара Хисар, виз. Колония). В конце 1220-х гг. Музаффар ал-Дин состоял в союзе с Мангуджаками и Рукн ал-Дином Джахан-шахом. Кугуния, в которой укрылся Музаффар ал-Дин, была осаждена и отобрана у него Кай Кубадом I в 1228 г. сразу после захвата Эрзинджана. ¹⁸

Итак, как мы видели, в первые десятилетия XIII в. постепенно обретает определенность анти-сельджукская направленность этих, как бы мы их назвали, «малых» государств Северо-Восточной Анатолии. На восточных границах Сельджукского Рума сложилось некое подобие политического союза, скрепившего взаимоотношения его участников целой цепью брачных союзов. Во главе этого союза стоял Эрзерум — яблоко раздора между Аййубидами и Сельджуками. ¹⁹ По всей видимости, Великие Комнины, в силу откровенной вражды, разделявшей их с Сельджукидами еще со времен первых трапезундско-сельджукских столкновений в 1204–1214 гг., ²⁰ должны были бы присоединиться к этому союзу. Трудно сказать, был ли формально институализирован этот

¹⁴ *Басили*. Жизнь царицы царик Тамар / пер. В. Дондуа // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 62.

¹⁵ *Ibn Bibi* (Leide). P. 22; *Басили*. Жизнь. С. 66–67; *Brosset M.* Histoire. P. 463. В «Картелис шхвореба» сохранилось сообщение, что весной (год неизвестен; речь, вероятно, идет о периоде 1204–1207 гг.) Тамара взяла харадж с Эрзинджана (*Brosset M.* Histoire. P. 466).

¹⁶ *Beuygü P.* Erzurum tarihi, anıtları, kitabeleri. Istanbul, 1936. С. 1. S. 242; *Хачатрян А. А.* КАНА. № 124, с. 183–184.

¹⁷ *Ibn Bibi* (Leide). P. 142–152; *Ibn al-Athir*. Т. XII. P. 312; *Мухаммад ал-Хамави*, л. 170, 171.

¹⁸ *Ibn Bibi* (Leide). P. 152; *Гордлевский В.* Государство. С. 29. Э. Брайер считает, что Музаффар ал-Дин получил свой удел уже в 1201–1202 гг.: *Bryer A. A. M. & Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. 1. P. 146. О судьбе Карахисарского эмирата в XIII–XIV вв. см. *Bryer A. A. M. & Winfield D.* Op. cit. Vol. 1. P. 146–148; *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR, 9/1, 1994, p. 28–32.

¹⁹ *Ibn al-Athir*. Т. XII. P. 312–313.

²⁰ См.: *Шукуров Р. М.* «Новый Манцикерт» императора Феодора I Ласкариса.

союз, имел ли он какое-либо конкретное дипломатическое оформление. Однако, тем не менее, несомненно, что единонаправленность политической воли правителей Сирии, Грузии и Восточной Анатолии, явно опасавшихся растущей мощи иконийцев, так или иначе объединяла эти территории в единое геополитическое поле.

2. ЦАРЬ БЕЗ ЦАРСТВА

Этот Сиро-Кавказско-Анатолийский альянс столкнулся в 1224 г. с внезапным появлением в Ираке хорезмийцев — новой силы, грозившей целиком изменить политическую карту Ближнего Востока.

После разгрома Хорезмийского государства в 1219—1220 гг. вторгнувшись в Мавераннахр кочевниками-монголами и трагической смерти на островке в Каспийском море хорезмшаха Ала ал-Дина Мухаммада (1200—1220), права на хорезмийский престол перешли к его старшему сыну — блестящему полководцу Джалал ал-Дину Манкбурны (1220—1231). В 1220 г. он бежал из Мавераннахра и был затем вытеснен Чингиз-ханом в Индию. Однако вскоре, так и не сумев закрепиться в Северной Индии, он отправляется в Иран.

Хорезмшах, не имея ни крепостей, ни тыловых баз, двигаясь из Индии к Средиземному морю лишь с небольшим обозом, мог рассчитывать только на удачливость своего меча. Вступив в 1224 г. в Ирак и Азербайджан, хорезмшах легко отобрал бывшие западные провинции хорезмийского государства у своего младшего брата. Именно тут хорезмшах начал строительство нового государства, которое, по его мысли, стало бы «щитом» против продвижения монголов в западные части исламского мира. Однако попытки Джалал ал-Дина расширить сферу своего контроля привели к конфликтам с аййубидско-грузинским альянсом, в которых естественным союзником хорезмшаха стали сельджуки.

Уже в 1225 году между Джалал ал-Дином и султаном Рума Ала ал-Дином Кай Кубадам I состоялся обмен посольствами, политический союз был скреплен брачным альянсом между Гийас ал-Дином (сыном Кай Кубада I) и одной из родственниц Джалал ал-Дина (сестрой правителя Шираза, атабека Абу Бакра ибн Са'да).²¹

Первым делом он вознамерился прибрать к рукам богатую и густонаселенную Грузию. Грузинская царица Русудан (1222—1245) отказалась стать женой хорезмшаха, который всерьез предлагал ей выйти за него замуж и объединить их владения в мощную державу. Тогда Джалал ал-Дин атаковал Грузию. В марте 1226 г. хорезмийцы заняли Тифлис, а через 2 года (1228 г.) Джалал ал-Дин нанес решительное поражение грузинскому войску при Болниси и овладел всей Восточной Грузией.²²

Параллельно с операциями в Грузии, Джалал ал-Дин атаковал и потенциальных союзников царицы Русудан. Возможно, уже в 1226 г. хорезмийцы совершили набег на Кемах и Эрзинджан.²³ Шараф ал-Мулк, могущественный вазир хорезмшаха, направился в Хилат, северные «ворота» владений Аййубидов, но наместник ал-Ашрафа хаджиб Хусам ал-Дин Али, организовав сопротив-

²¹ *Насави*. С. 332, сноска 3.

²² Тифлис был взят 8 раби'-ал-аввал 623 г. Х. (9 марта 1226 г.). См.: *Насави*. С. 161—162, 164—166, 338—339; *Salia K. Histoire de la nation géorgienne*. P. 220—221.

²³ *Галстян А.* Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 24; *Буниятов З. М.* Государство. С. 170; *Kurša nskis M.* Les turcs. P. 118.

ление, разбил хорезмийцев.²⁴ Тогда Джалал ал-Дин вскоре сам осадил город, но так же потерпел неудачу.²⁵ Осенью 1228 г. хорезмийцы вновь разграбили окрестности Эрзерума в отместку Рукн ал-Дину за помощь Аййубидам и другие, откровенно враждебные акции.²⁶

Хорезмийцы, которых умело подстрекал сельджукский султан Ала ал-Дин Кай Кубад I, скоро втянулись в частые стычки с Аййубидами Сирии, перемежавшиеся походами хорезмшаха в Ширван и на восток против монголов.

Однако, по мере усиления хорезмийцев, позиция Кай Кубада I начала меняться. Переговоры о совместных антихорезмийских действиях между Грузией, Сельджуками, Аййубидами Сирии и Киликийской Арменией начались уже в 1227 г.²⁷ Это сближение давних соперников не могло протекать гладко: в частности, яблоком раздора между сельджуками и Аййубидами оставался Эрзерумский эмират. Аййубиды хотели сохранить независимость Эрзерума, Кай Кубад I, напротив, настаивал на его воссоединении с Румским султанатом. Однако эти и другие противоречия между участниками альянса перевешивались более существенными соображениями: необходимо было остановить экспансию могущественного хорезмшаха на Запад, которая, как начинал понимать Ала ал-Дин, рано или поздно приведет хорезмийцев в Анатолию.

Первым значительным результатом этих изменений в политике сельджуков явился конфликт вокруг Хилата. Когда в августе 1229 г. войска Джалал ал-Дина осадили Хилат, султан Ала ал-Дин Кай Кубад I отправил посольство к хорезмшаху, в котором он заступился за Аййубидов и просил его снять осаду, однако не добился никакого успеха. Заинтересованность Кай Кубада I в том, чтобы Хилат остался в неприкосновенности, — понятна. Эта цитадель на северо-западе оз. Ван, являвшаяся некогда камнем преткновения между Аййубидами и Грузией, теперь превратилась для хорезмийцев в «ключ» к расширению собственного жизненного пространства: от Хилата открывались магистральные пути как на юго-запад — в Сирию, в сердцевину владений Аййубидов, так и на Запад — в Восточную Анатолию (Малатья, Эрзерум и Понтийская область). Когда в апреле 1230 г. Джалал ал-Дин все-же покорил Хилат, несговорчивость хорезмшаха, как видно, только усилила подозрительность Ала ал-Дина в отношении дальнейших планов его вчерашнего союзника.²⁸

Можно догадываться, что в большом политическом торге «малые» государства Северо-Восточной Анатолии обратились в разменную монету, которую сирийцы, может быть вкуче с грузинами, ради укрепления антихорезмийского союза платили Ала ал-Дину. На это указывает неожиданный шаг

²⁴ Хаджибу Али удалось отбить и награбленную добычу (*Ibn al-Athir*. Т. XII. P. 297—298).

²⁵ Осада продолжалась с 5 ноября по 15 декабря 1226 г. См.: *Насави*. С. 341, сноска 4.

²⁶ *Насави*. С. 209, 225: до этого Рукн ал-Дин помогал хаджибу Али против Шараф ал-Мулка, а также преградил путь купцам к султанскому лагерю и убил некое ал-Садида — участника хорезмийского посольства, возвращавшегося из Рума.

²⁷ *Ал-Айни*. Икд ал-джуман. ПФ ИВ РАН, шифр: С. 350. Л. 19 об.; *Мухаммад ал-Хамави*, л. 158 об.; *The Tarih-i-Jahan-Gusha of Ala'u 'd-Din 'Ata Malik-i-Juwayni* / Ed. with an introduction, notes and indices ... by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini // E. J. W. Gibb Memorial Series. London, 1916. Vol. 16. Pt. 2. P. 170 (далее — Juwayni (Qazwini)); *Ала-ад-Дин Ата-Малик Ювайни*. The History of the World-Conqueror / translated by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 2. P. 438 (далее — Juvaini (J. Boyle)); *Рашид ал-Дин*. Джаме ат-Таварих. Т. 2, ч. 1. М., 1980. С. 83—84; *Он же*. Сборник летописей. Т. 2. М.—Л., 1960. С. 27. См. также *Насави*. С. 359—360, сноска 23, где даны дополнительные ссылки на источники и литературу.

²⁸ *Juvaini (J. Boyle)*. Vol. 2. P. 445—449; *Насави*. С. 223, 238—239, 240—243 и комментарии З. Бунятова на с. 359—360.

Рукн ал-Дина Джахан-шаха, правителя Эрзерума, который, вопреки собственной вражде к хорезмийцам, вдруг перешел на их сторону. По всей видимости, Рукн ал-Дин, будучи свидетелем сельджукско-аййубидского сближения и понимая, что ему как суверенному государю не найдется места в этом альянсе, в 1229 г. отправил послов к Джалал ал-Дину с изъявлением покорности, а в начале 1230 г., после падения Хилата, и сам явился в ставку победителя.²⁹ Вынужденная акция правителя Эрзерума, которая по понятным причинам была благожелательно воспринята хорезмшахом, окончательно разрушила хрупкий мир между Джалал ал-Дином и сельджуками Рума.

Послов Икония, потребовавших выдать Рукн ал-Дина, хорезмшах принял с непопозволенным высокомерием. В ответ султан Ала ал-Дин форсировал оформление военного союза, объединившего сельджуков, Аййубидов и киликийских армян, равно как и ряд мелких сирийских и анатолийских князьков и туркменских кочевых предводителей.³⁰

10 августа 1230 г. союзники встретились с хорезмийцами в долине Йассы Чаман. В сражении на стороне хорезмийцев участвовал со своим войском Рукн ал-Дин Джахан-шах, который сыграл важную роль в подготовке этого одного из последних походов хорезмшаха. Он не только снабжал его информацией о планах и передвижениях противника, но и определил маршрут движения хорезмийцев по Анатолии и сам выбирал для генерального сражения поле Йассы Чаман.³¹ Недавние союзники Рукн ал-Дина — эрзинджанцы — сражались в авангарде сельджуков и были рассеяны хорезмийцами в самом начале битвы. Однако, в конце концов Джалал ал-Дин проиграл и бежал из Анатолии. В ходе сражения сельджуки пленили отчаянно дравшегося Рукн ал-Дина и его брата. Эрзерумского правителя возили на муле закованным в цепи, а позже казнили.³² Через год Джалал ал-Дин, в одиночестве убежавший от охотившихся за ним монголов, бесследно исчез в Курдистане.³³

Так Ала ал-Дин Кай Кубад I овладел Эрзерумом, уничтожив тем самым последний очаг нелояльности на мусульманском Понте.

Каково было место Великих Комнинов в этих коллизиях между Сельджукским Румом, Аййубидами, Грузией и малыми тюркскими государствами Понта — известно не много. Недостаток сведений усугубляется и определенными трудностями текстологического характера в прочтении «Синописа чудес св. Евгения» — важнейшего понтийского источника, повествующего о событиях того времени.

3. ЗАГАДКА ТЕКСТА ЛАЗАРОПУЛА

В ряде греческих понтийских источников XIV–XV вв. (тексты Константина Лукита, Иоанна Лазаропула, Панарета, Виссарiona) содержится рассказ о некоем походе сельджуков на Трапезунд в правление василевса Андроника I Гида, окончившегося полным разгромом тюркского воинства.³⁴ Две самые ранние

²⁹ *Насави*. С. 225–226; *Juvaini* (J. Boyle). Vol. 2. P. 450; *Juwayni* (Qazwini). Vol. 2. P. 181

³⁰ *Ал-Хамави*, 1974–6; *Киракос Гандзакец*. История Армении. С. 151; *Галстян А.* Армянские источники о монголах. С. 24.

³¹ *Насави*. С. 246–247; *Ibn Bibi* (Leide). P. 167.

³² *Насави*. С. 248–249; *Ibn Bibi* (Leide). P. 175.

³³ *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинов (1097–1231). М., 1986. С. 179–185.

³⁴ Новое комментированное издание текстов Лукита и Лазаропула с параллельным английским переводом: *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with

версии этого рассказа представлены «Энкомием св. Евгению» Константина Лукита, писавшего, вероятно, в правление Алексея II Великого Комнина (1298—1330), и в «Синописе чудес св. Евгения», составленном Иоанном Лазаропулом, по-видимому, до того как он стал в 1364 г. трапезундским митрополитом под именем Иосиф (1364—1367)³⁵. Наиболее подробен этот рассказ у Иоанна Лазаропула.

Иоанн Лазаропул сообщает, что «во второй год правления» василевса Андроника I Гида (1222—1235) в году 6731 от Сотворения мира (1222/1223) «султан мелик», «сын великого султана Алатина (Ала ал-Дин I Кай Кубад) Сапатаина», подписал договор с понтийскими греками; оба государя обменялись клятвами, что не будут нападать друг на друга и заключают мир друг с другом. По всей видимости, речь идет о возобновлении известного трапезундско-сельджукского договора 1214 г., унижительного для Великих Комнинов, по которому Трапезунд обязывался поставлять сельджукам дань и войско³⁶.

Однако синопец Этам Раис (Ἐτοῦμης ὁ Ραΐσης³⁷) в нарушение договора захватил и разграбил шедшее из Херсонеса в Трапезунд судно, которое везло в метрополию государственный налог с заморских провинций Великих Комнинов. Находившиеся на борту греки во главе с неким Алексеем Пактиаром, высокопоставленным чиновником³⁸, также попали в плен.

Эта дерзкая акция синопцев привела к полномасштабной греко-сельджукской войне. Трапезундцы высадились в Карусе (современный Gerze) в 48,5 км от Синопа³⁹ и, вероятно, оттуда атаковали сам Синоп. Нападение греков было удачным, они вернули корабль, деньги и пленников.

Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996. (Lk) P. 164—165; (LzS) P. 308—335; в «Похвальном слове св. Евгению», принадлежащем перу Лазаропула, содержится краткое и малоинформативное упоминание сельджукской атаки: (LzL) P. 244. См. также: *Παναδοῦλος-Κεραμεὺς Α.* Сборник источников по истории Трапезундской империи, I // Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербургского Университета. Т. 44. СПб., 1897. Текст Константина Лукита: С. 30—31; тексты Иоанна Лазаропула: С. 76, С. 116—136. Дальнейшие ссылки на тексты Лукита и Лазаропула будут даваться по изданию Й. Розенквиста. Подробные библиографические отсылки к истории изучения текста Лазаропула см. в комментариях Й. Розенквиста (Ibid. P. 434—457).

См. также: *Bessarion*. Ἐγκώμιον εἰς Τραπεζούντα / ed. O. Lampsides // AP. T. 39. 1984. P. 67—69. Panaretos: Μιχαὴλ τὸν Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / εκδ. Ὁδ. Λαμπιδῆς, Αθήναι, 1958. P. 61^{8—10}.

Перечисленные отрывки были собраны, переведены на английский язык и отчасти прокомментированы А. Саввидисом: *Savvides A. G.* The Trapezuntine Sources of the Seljuq Attack on Trebizond in A. D. 1222—1223. English Translation and Commentary // AP. 1991. T. 43. P. 102—129. Вызывает сомнение идентификация А. Саввидисом одного отрывка из «Похвального слова» Лазаропула и двух отрывков из текста Виссариона, которые исследователь связывает с интересующими нас событиями, но которые вряд ли имеют к ним отношение. (*Savvides A. G.* Op. cit. P. 120, §1. P. 124—126, §§ 1—2).

³⁵ О времени составления упомянутых текстов см.: *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 25, 41.

³⁶ *Kürsä nskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 112.

³⁷ В исследовательской литературе обычно считается, что Этам — имя армянское (библиографические указания см.: *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 435). Однако не исключено и сугубо мусульманское (арабское в тюркской и персидской передаче) прочтение имени: Ἐτοῦμης ὁ < осм. had im; ср.: ὁ χατοῦμης < осм. had im, [*Papadopoulos A.* Ἱστορικὸν Λεξικὸν τῆς Ποντικῆς διαλέκτου, т. 1—2. Αθήναι, 1960—1961. Т. 2. P. 504] < а. خادم «слуга, прислужник»; ραΐσης < а. رئیس «глава, начальник». Причем, «раис» представляет собою титул, «хатум» — имя собственное.

³⁸ Алексей Пактиар, возможно, был по происхождению персом. По нашей интерпретации, это имя происходит от персидского «*بختیار*», «счастливым» (*Шукуроев Р.* Тюрки на православном Понте в XIII—XV вв.: начальный этап тюркизации? // в сб.: Причерноморье в средние века. Вып. 2 / под ред. С. П. Карпова. М., 1995. С. 79, 96). Иное толкование имени см.: *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 436.

³⁹ *Bryer A. A. M., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos, 2 vols. Washington, 1985. Vol. 1. P. 89; *Kürsä nskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 115 note 24.

Как утверждает Лазаропул, на этом греко-сельджукский кризис не закончился. В ответ на нападение греков на Синоп «султан мелик», мусульманский правитель, вторгся в пределы империи. Только благодаря заступничеству и чуду св. Евгения грекам удалось не только разбить мусульманское войско, но и пленить самого «султана мелика». Греки отпустили знатного мусульманина восвояси, в обмен на выгодный для них мир.⁴⁰

Вопрос о первоисточниках этого рассказа о походе сельджуков чрезвычайно непрост. Сложность проблемы в полной мере продемонстрирована Й. Розенквистом, не так давно вновь издавшим и прокомментировавшим корпус текстов, относящихся к св. Евгению, покровителю Трапезунда. Анализируя повествование Лазаропула о Мелике, Й. Розенквист предполагает, что в нем во-первых, использован некий агиографический текст, где сообщалось собственно о чуде св. Евгения, а во-вторых, какие-то другие, более пространные тексты не-агиографического жанра, содержащие историческую информацию.⁴¹ Таким образом, исследователь выделяет, по меньшей мере два источника повествования, один из которых — агиографический.

В том, что среди источников, использованных Лазаропулом, присутствовал некий агиографический текст — у нас нет сомнений. Этому есть достаточно простое подтверждение, на которое почему-то не обратил внимание Й. Розенквист. Победу греков над Меликом связывал с чудесами св. Евгения не только Лазаропул, но и Константин Лукит за несколько десятилетий до него. Связь между обоими повествованиями не подлежит сомнению. Константин Лукит передал суть рассказа в коротком пассаже, в котором он зафиксировал три ключевых сюжетных момента, развиваемых у Лазаропула: время событий (правление Андроника Гида), два главных героя конфликта («персарх», т. е. «предводитель сельджуков», — Мелик и Андроник Гид), и развязку (разгром и пленение Мелика благодаря вмешательству св. Евгения).⁴² При этом, Лукит не сообщил никаких других деталей, каких не было бы у Лазаропула. Можно думать, что их общий первоисточник также принадлежал к агиографическому жанру.⁴³

Что касается не-агиографического текста, послужившего источником для большей части повествования, то Й. Розенквист предполагает, что это был

⁴⁰ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. (LzS) P. 308—335

⁴¹ Ibid. P. 53—56.

⁴² Ibid. (Lk) P. 164⁸⁴⁸—349.⁸⁵⁴—857: Τὴν σπᾶθην ἐπέγνω τοῦτων καὶ τὰ τροπώματα καὶ ὁ Περσάρχης Μελικ ἐκεῖνος ὁ βάρβαρος <...> Οὗτος δὲ πρὸς τῇ συντριβῇ τῶν δυνάμεων καὶ ἀποβολῇ τῶν οἰκειῶν καὶ αὐτὸς ἐκεῖνος κατασχεθεὶς τῷ τληκαῖα βασιλεῖ — Γίδος δ' ἦν ὁ αἰοιδίμος. — ὡς δοῦλος ἤχη χειραγωγούμενος, ὁ πρὶν μεγάλα σφραρευόμενος. Причем, даже в этом кратком отрывке отметим возможную фразеологическую параллель к тексту Лазаропула, которая, быть может, перекочевала в оба повествования из гипотетического общего источника: у Лукита — ὡς δοῦλος ἤχη, у Лазаропула (Ibid. (LzS) P. 332¹⁵⁶⁶—1567) — καὶ εἰς δούλους ὑπήχθησαν.

⁴³ Й. Розенквист приводит даже доводы в пользу того, что Лазаропул, возможно, соединил в своем повествовании две различные версии одного текста: на это будто бы указывает несколько пар лексически и сюжетно сходных отрывков, которые можно было бы принять за разные варианты описания одного и того же события (Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 56—57, 442). Однако эта гипотеза пока вряд ли имеет какую-либо практическую, исследовательскую значимость, ибо, как заключает свои довольно пространные рассуждения Й. Розенквист: «невозможно доказать, что различные степени параллелизма, которые могут быть обнаружены в описаниях этих событий, следует признать результатом использования автором двух источников сходного, но не совпадающего содержания, и что в каждом из этих случаев он действительно описывает одно и то же событие дважды» (Ibid. P. 57).

некий *устный*, причем, поэтический эпический текст, вроде акритских песен, имевших хождение на Понте.⁴⁴

Если идея существования поэтического первоисточника, возможно, заслуживает внимания, то другое предположение исследователя, считающего, что повествование Лазаропула зафиксировало *устную* эпическую традицию, вряд ли правомерно. Как мы надеемся показать ниже, Й. Розенквист совершенно напрасно сомневается в существовании именно *письменного* первоисточника, причем *исторического* характера, созданного по горячим следам описываемых событий: в повествовании Иоанна Лазаропула присутствует слишком много достоверных и вполне идентифицируемых деталей (имен, географических и событийных подробностей), что совершенно не типично для эпоса и что не могло бы в неприкосновенности сохраниться в устной традиции.

Итак, приступим к анализу рассказа с точки зрения его *историко-событийного* содержания. События, описанные у Лазаропула, традиционно датируются 1223 г., т. е. датой, упомянутой в самом начале отрывка.⁴⁵ Однако само повествование содержит в себе ряд неразрешимых сюжетных и хронологических противоречий, которые заставляют сомневаться в безоговорочной достоверности этой датировки.

В первую очередь, обратимся к загадочному имени мусульманского военачальника. Полное имя сельджукского военачальника дается как $\mu\epsilon\lambda\iota\kappa\ \acute{o}\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$, $\acute{o}\ \upsilon\iota\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon\ \text{'}\lambda\alpha\tau\acute{\iota}\nu\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\alpha\lambda\alpha\tau\acute{\iota}\nu\eta$.⁴⁶ Имя давно превратилось в настоящий камень преткновения для исследователей, писавших на эту тему.⁴⁷ Я. Фальмерайер растолковывал имя $\mu\epsilon\lambda\iota\kappa\ \acute{o}\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ как прозвище «Великий государь» и считал, что под ним подразумевался султан Ала ал-Дин Кай Кубад I.⁴⁸ Однако сочетание «мелик-султан» никак не может означать «Великого государя» и представляется совершенно неприемлемым с языковой точки зрения соответствием русского «князь-царь». Кл. Каэн, как востоковед, несомненно, понимавший это несоответствие, предположил, что под $\mu\epsilon\lambda\iota\kappa\ \acute{o}\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ подразумевался Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах, правивший в Эрзеруме.⁴⁹ Кл. Каэн подробно не аргументировал своей идентификации, однако, по всей видимости, исходил, во-первых, из того, что все сельджукские царевики носили титул малик (ملك), и, во-вторых, сам Тугрул-шах стал с некоторых пор именовать себя султаном: в ранних надписях он титуловал себя ... الملك العالم العادل (*ал-малик ал-алим* и проч.), а позже, видимо, в связи с охлаждением его отношений с Иконием, — ... السلطان المعظم

⁴⁴ Исследователь приводит ряд фразеологизмов и отдельных лексических элементов, более употребительных в поэтических текстах, нежели в прозе, а также 7 кратких фрагментов, которые, может быть, содержат признаки метрического порядка. Между тем, сам Й. Розенквист признает, что приводимые им примеры отнюдь не достаточны для доказательства его гипотезы, ибо вполне вероятно, что любой другой, достаточный пространственный прозаический текст будет содержать не меньшее число подобных гипотетических фрагментов поэтической речи (Ibid. P. 59—63).

⁴⁵ Ibid. P. 310¹¹⁵³.

⁴⁶ Ibid. P. 310^{1154—1155}.

⁴⁷ Свод основных мнений об этом имени см.: *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 434—435.

⁴⁸ *Fallmerayer J.* Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt // ABAW, 1843. Bd. I. S. 107—109; *Savvides A.* Op. cit. P. 102. Cf.: *Janssens E.* Trébizonde. P. 72 et note 2.

⁴⁹ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 125; *Bryer A. A. M.* Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 29. 1975 (The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. London, 1980. No V). P. 123; *Bryer A. & Winfield D.* Op. cit. Vol. 1. P. 182.

(ал-султан ал-муаззам).⁵⁰ Поэтому и могло появиться странное сочетание двух титулов малик-султан. Оба исследователя исходят из допущения, что Лазаропул допустил ошибку, не разобравшись в тонкостях употребляемых им арабских титулов.

Однако это предположение Кл. Каэна, получившее широкое распространение среди исследователей, сталкивается с множеством противоречий в тексте Лазаропула. Хотя в тексте он именуется и «меликом», и султаном, однако очевидно, что сам Лазаропул видел в μελικ имя собственное, а в σουλτάνος — титул. Это прослеживается особенно явно при передаче автором диалога между Андроником I и уже плененным султаном, где собеседники обращаются друг к другу по титулу: например, — «Οἶδας, ὦ σουλτάν», и ответ — «Ναί, ἀληθῶς εἶρηκας, ὦ κράτιστε βασιλεῦ».⁵¹

Следует отметить, что в другой ранней версии — у Константина Лукита, — сельджукский предводитель именуется только Меликом, Лукит в своем коротком рассказе вообще не употреблял именованного «султан». Иоанн Лазаропул присовокупил титул «султан» к «мелику», вероятно, основываясь на своем гипотетическом письменном первоисточнике, которого Константин Лукит, вероятно, не использовал.

Другое дело — Михаил Панарет, который знал оба именованного, но в отличие от Лазаропула, вероятно, не усмотрел в σουλτάν титул, а в μελικ — собственное имя: ἦλθεν ὁ μελικ σουλτάν⁵² — писал хронист, синтаксически не выделяя имя и титул, предоставляя самому читателю гадать о функциях и соотношении этих именованных. Отмеченная особенность указывает, среди прочего, и на то, что краткое сообщение Панарета о нашествии ὁ μελικ σουλτάν на Трапезунд целиком основано на тексте Лазаропула, а отнюдь не на тексте Константина Лукита или на гипотетическом первоисточнике Лазаропула. Панарет повторил и способ датировки события (Ἐν δὲ τῷ ςψλ' ἔτει, τῷ δευτέρῳ χρόνῳ τῆς τοῦ Γίδωνος βασιλείας), значительно упрощая Лазаропула (ἐπὶ τῷ δευτέρῳ ἔτει τῆς ἀρχῆς τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει αἰοιδίμου βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῦ Γίδου, ἐν τῷ ςψλ' ἔτει τῷ ἀπὸ κτίσεως κόσμου⁵³). Панарет, при составлении своей хроники, основывался именно на тексте Лазаропула⁵⁴.

К обсуждению имени «мелик-султан» у нас еще будет повод вернуться позже, а сейчас подчеркнем, что сам Иоанн Лазаропул считал, что собственное имя сельджукского полководца было ὁ μελικ. Однако такого имени не носил ни один из современных представителей сельджукской династии.

Помимо того Лазаропул утверждает, что Мелик был сыном «τοῦ μεγάλου σουλτάνου Ἀλατίνη τοῦ Σααπατίνη». Несомненно, что под Ἀλατίνη подразумевается сельджукский султан Ала ал-Дин Кай Кубад I. Вместе с тем, все сообщенные в тексте косвенные данные относительно напавшего на Трапезунд владетеля указывают на то, что он был именно сельджукским Иконийским властителем, а не эзерумским, ибо, как отмечалось исследователями, к его владениям причислены Иконий/Конья, Мелитина/Малатья,

⁵⁰ Хачатрян А. А. КАН. №№ 117–123.

⁵¹ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 330^{1514–1516}, и далее: p. 330¹⁵³³.

⁵² Panaretos. P. 61⁹.

⁵³ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 310^{1152–1154}.

⁵⁴ Ср. с мнением Й. Розенквиста, который допускает, что Панарет использовал некий независимый источник из имперской канцелярии (Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 51). В силу обсужденных выше причин, это допущение вряд ли оправдано — текст Панарета, по всей видимости, находился в зависимости от текста Лазаропула.

Гермиан — исконные земли Иконийских сельджуков.⁵⁵ Каэн, допуская, что во главе войска стоял Тугрул-шах, никогда не владевший этими землями, разрешает одно из противоречий текста Лазаропула, порождая новые, не менее серьезные.

Иоанн Лазаропул датирует начало событий 6731/1223 г. Однако в противоречие с этой датой входит *относительная самодатировка* значительной части последующего текста, формируемая комплексом косвенных деталей, касающихся Иконийских сельджуков. Эта совокупность сведений достаточно подробна, целостна и лишена каких-либо внутренних противоречий. Необычайная убедительность и подробность этих деталей, касающихся состава сельджукского войска, их злоключений на территории империи, находит объяснение в самом тексте Лазаропула — может быть, они были сообщены самим плененным Меликом в монастыре св. Евгения. Характер текста не оставляет никаких сомнений в том, что обстоятельство поражения и пленения Мелика было по горячим следам записаны кем-то из греков.⁵⁶

Если на время забыть о дате, предложенной Иоанном Лазаропулом, то, исходя из этой *относительной самодатировки* текста, события можно было бы датировать последними годами правления сельджукского султана Ала ал-Дина Кай Кубада I. К этому выводу приводят следующие «проговорки» Лазаропулова текста. Предводитель сельджуков набирал свое войско, в частности, и в Феодосиуполе/Арзируме (Эрзеруме), во время столкновений с греками пали знатные люди из Кельтцины/Эрзинджана и Севастии/Сивас.⁵⁷ Следовательно, речь идет о Сельджукском султанате в тех границах, которые сложились лишь после завоеваний Ала ал-Дином I в 1228 г. Эрзинджана и в 1230 г. Эрзерума. Так, турецкий исследователь Осман Туран, исходя, верно, из этих соображений, датировал рассказ Лазаропула 1228 г.⁵⁸ Кроме того, означенное обстоятельство дало основание для другого предположения, формулировавшегося рядом исследователей, согласно которому под предводителем сельджуков подразумевался никто иной, как сам Ала ал-Дин Кай Кубад I или его сын Гийас ал-Дин Кай Хусрав, который в 1228 г. получил в удел Эрзинджан, отобранный у Мангуджаков.⁵⁹

Если под Меликом действительно подразумевался царевич Гийас ал-Дин, то именование μελικ σουλτάν могло бы возникнуть из двух его титулов (прежнего и настоящего), ибо в царствование отца он наместничал в Эрзинджане

⁵⁵ *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 312^{1183, 1185}, 332¹⁵⁷⁵; *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks (1352–1402) // АП. 35. 1979. P. 333 notes 2 and 3; *Savvides A.* Για τὴν ταυτότητα τοῦ «Μελικ» στὴν σελατζουκικὴ ἐκστρατεία τοῦ 1222–1223 κατὰ τῆς Τραπεζοῦντας // Σύμμεικτα, 1991. Τ. 9. P. 102.

⁵⁶ *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 332^{1561–1564}. Хотя Й. Розенквист считает, что пересказ Меликом собственных злоключений — не больше, чем расхожий жанровый элемент агиографии (*Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 54). Принимая во внимание это замечание, не будем забывать, что рассказ о Мелике выходит далеко за жанровые рамки агиографии, на что указывал выше сам шведский исследователь.

⁵⁷ *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 312¹¹⁸⁵, 318^{1077–1308}.

⁵⁸ *Turan A.* Anatolia in the Period of the Seljuks and the Beyliks // Cambridge History of Islam. Vol. 1. Cambridge, 1970. P. 247.

⁵⁹ *Ibn Bibi (Leide)*. P. 152. Ср. также: *Savvides A. G.* The Trapezuntine Sources. P. 103 note 3, 116 note 2, 119 note 1. Эти отрывки используются греческим исследователем для доказательства того, что во главе атаковавшего Трапезунд войска стоял сам Ала ал-Дин Кай Кубад (см. об этом также ниже). Э. Жансан полагает, что речь идет именно о Гийас ал-Дине, которого отец отправил на завоевание Трапезунда (*Janssens E.* Trébizonde. P. 72 et note 2); к последнему мнению примыкает и Й. Розенквист (*Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 435).

и, очевидно, был известен грекам сначала как *малик* Гийас ал-Дин сын Ала ал-Дина, а потом как *султан* Кай Хусрав II (1237—1245).⁶⁰

Итак, нам, как кажется, удалось нащупать базовое противоречие в повествовании — между датировкой событий, содержащейся в тексте, и его относительной самодатировкой, создаваемой вполне *историческими* и идентифицируемыми деталями. Отмеченное базовое противоречие, не всегда четко осознаваемые самими исследователями, и является главным препятствием для непротиворечивой интерпретации рассказа. Само собою разумеется, что в данном случае нельзя относиться к сведениям, сообщаемым житийным текстом, как к хронистической или исторической фактографии. Даже Панарет, отчетливо чувствовавший это различие, хотя и зафиксировал найденные Лазаропулом сведения, но воздержался от сколько-нибудь подробного их пересказа, ограничившись слишком общим обтекаемым, а потому, по его мнению, беспроегрешным и наверняка истинным: ἤλθεν ὁ μελίκ σουλτάν κατὰ τῆς Τραπεζοῦντος καὶ ἐχώθησαν ὅσοι ἦσαν ἄλλαντες («пришел *малик султан* против Трапезунда, но все они, сколько их было, погибли»⁶¹). Как видно, и Панарета, хрониста Великих Комнинов, в целом не отрицавшего историческую значимость рассказа, что-то все-таки заставило усомниться в «историчности» всей этой истории.

Загадочность текста Лазаропула, как представляется, состоит в том, что масса вполне добротной, исторически значимой и в большинстве случаев проверяемой информации таким образом переработана и преосуществлена в рамках иного, не-исторического жанра, что перестает поддаваться чтению. Именно эти «читаемые» детали и свидетельствуют в пользу того, что в руках Лазаропула был некий письменный текст исторического характера, на котором он и основывал свое повествование. Следовательно, можно предположить, что разгадку следует искать в *восстановлении* изначальной сюжетно-событийной логики излагаемой Лазаропулом исторической информации.

Предыдущие рассуждения наталкивают на мысль, что текст гипотетического *исторического* источника Лазаропула в действительности не являл собою сюжетного единства, но состоял из нескольких последовательно соединенных самостоятельных сюжетов, повествовавших о разных событиях. С точки зрения историко-событийной содержательности, рассказ Иоанна Лазаропула распадается по меньшей мере на три законченных, хронологически и сюжетно отличимых друг от друга сообщения:

— сюжет *A* сообщает о возобновлении мирного договора между Андроником I Гидом и сельджукским султаном (событие датировано 1223 г.);⁶²

— сюжет *B* повествует о вероломном нападении сельджукского наместника в Синопе на греческое судно и о последующем трапезундско-сельджукском конфликте вокруг Синопа (отрывок не датирован);⁶³ следует особо отметить,

⁶⁰ Имя царевича Гийас ал-Дина, возможно, присутствовало в первоисточнике Лазаропула, но было видоизменено при его переработке: можно было бы сделать небольшую поправку в отрывке, повествующем о гибели тюркской знати в битве у церкви св. Прокопия под Трапезундом во фразе «ἐκ δὲ τῶν ἐχθίστων ἐπισημότεροι πίπτουσιν ἄνδρες καὶ οὐχ ἥκιστα μάχιμοι. Ἰατατίνης ἐκεῖνος, ὁ τοῦ σουλτάνου πρωτεῖς ἀδελφός» (*Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 318*^{1303—1305}) и изменить Nominativus выделенных слов на Genetivus — Ἰατατίνης ἐκεῖνος, ὁ τοῦ σουλτάνου πρωτεῖς ἀδελφός, т. е. «[пал] самого султана Гийас ал-Дина двоюродный брат». На соответствие между Ἰατατίνης и Гийас ал-Дин указывал еще Д. Моравчик (*Moravcsik G. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 2. S. 146; cf.: S. 261*).

⁶¹ *Panaretos. P. 61*^{9—10}.

⁶² *Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 310*^{1152—1157}; от «ἐπὶ τῷ δευτέρῳ ἔτει» до «ὧσιν ἀτάραχοι».

⁶³ *Ibid. P. 310*^{1157—312}¹¹⁵²; начинается со слов: «ἀλλ' ἐλύθησαν αἱ σπονδαὶ αὐταί».

что сюжет *B* распадается на два смысловых отрывка: во-первых, захват трапезундского судна (*B'*), во-вторых, ответная военная акция трапезундцев против Синопа и последующее заключение договора с мусульманами по поводу освобождения захваченного корабля (*B²*);

— сюжет *C*, наконец, самый обширный и подробный раздел всего повествования, целиком посвящен походу «мелика» на Трапезунд (отрывок не датирован).⁶⁴

Причем очевидно, что перечисленные три события совсем не обязательно должны были произойти в один год. Скорее всего, они происходили с некоторыми временными интервалами, которые Лазаропул сознательно не учитывал в агиографическом, принципиально а-историчном и нелинейном времени.

Не исключено, что протографом текста об этих событиях было несколько исторических сообщений — либо два (первый из которых мог объединять сюжеты *A* и *B*), либо даже три, по числу сюжетно-хронологических отрывков.

Итак, сюжет *A* несомненно повествует о событиях 1223 г. Можно предположить, что сюжет *C* относится ко времени после известных событий 1230 г., когда Эрзерум был присоединен к Румскому султанату (см. выше). Серединный сюжет *B* о конфликте вокруг Синопа, следовательно, логично было бы привязать к периоду между 1223 и 1230 гг., однако датировать его будет сложнее всего.

Следующая реконструкция событий 1220-х гг., в которых главным действующим лицом была империя Великих Комнинов, основана на «презумпции истинности» текста Иоанна Лазаропула с учетом изложенных выше замечаний о временных скачках, разделяющих три части повествования. Отметим, что сам Лазаропул отнюдь не утверждает, что все описанные им события произошли в 1223 г. Он однозначно указывает лишь, что они *начались* в этот год.

4. ТРАПЕЗУНДСКО-СЕЛЬДЖУКСКАЯ БОРЬБА ЗА СИНОП (1225—1228 гг.)

Ключевым текстом, который поможет нам разгадать загадку Лазаропула (или хотя бы приблизиться к ее разрешению), является хорошо известный, но так и не заслуживший достойного комментария современных исследователей отрывок из «Истории» арабского хрониста Ибн ал-Асира. Рассказав о событиях 1228 г., связанных с захватом сельджуками Эрзинджана и их неудачной попыткой осадить Эрзерум, хронист далее сообщает:

«И пришло ему [то есть султану Ала ал-Дину Кай Кубаду I — *Авт.*] известие, что неверные румы (الروم الكفار), граничащие с его страной, захватили у него крепость, называемую Синуб, из неприступнейших крепостей, господствующую на море ал-Хазар. Когда прибыл в свою страну, отправил войско к ней и осадил с суши и моря, возвратил ее от румов и отправился в Антакию, чтобы зимовать в ней по своему обыкновению».⁶⁵

Известие Ибн ал-Асира, вызывавшее недоверие у многих исследователей, подтверждается данными Шихаб ал-Дина Насави (ум. 1249), личного секретаря и историографа хорезмшаха Джалал ал-Дина. Приведем полностью этот отрывок, важный для понимания смысла разворачивавшихся событий:

⁶⁴ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 312¹¹⁸³—334: со слов: «τὸ δὲ Ἰκόνιον ὁ σουλτάνος Μελικ ...».

⁶⁵ Ibn al-Athir. T. XII. P. 312—313. См. также: Kurša nskis M. L'empire de Trébizonde. P. 119.

«В дни пребывания султана [Джалал ал-Дина хорезмшаха — *Авт.*] в Туттабе [осенью или зимой в конце 1228 г., т. е. в конце 625—начале 626 г. Х. — *Авт.*] прибыло письмо от правителя ар-Рума — Ала ал-Дина [Кай Кубада], в котором он подстрекал [султана] к вражде с Аййубидами, обещая ему помощь против них. Он говорил, что был занят в том году [то есть в 1228 г. — *Авт.*] [борьбой] *против соседящих с ним безбожных, что завоевал несколько их крепостей* [курсив наш — *Авт.*], так же, как и султан, который был занят татарами, и отбросил их назад. А теперь осталось только направить свои силы против этой группы тиранов и клики деспотов. Он даже впал в преувеличение, заявляя, что «мы обратились от малого *джихада* к *джихаду великому*»». ⁶⁶

Чуть выше, примерно под 624 г. (1227 г.), ал-Насави упоминает еще об одном письме сельджукского султана к Джалал ал-Дину, в котором упоминались какие-то столкновения с неверными:

«Если султан [Джалал ал-Дин. — *Авт.*] оказал предпочтение набегу, то его друг [т. е. сельджукский султан. — *Авт.*] также направил [свой] набег на запад и захватил в этом году несколько крепостей, принадлежавших главарю безбожных». ⁶⁷

Это сообщение весьма похоже на предыдущее, и не исключено, что сельджукский султан и тут подразумевает какие-то столкновения с трапезундцами вокруг Синопа, начавшиеся уже в 1227 г.

Таким образом, тексты Ибн ал-Асира и Насави подтверждают сообщение Лазаропула о трапезундско-сельджукской борьбе за Синоп в правление Андроника I Гида, фиксируя для нее верхнюю хронологическую границу: борьба завершилась окончательной победой сельджуков в самом конце 1228 г.

Следовательно, датировка сюжетов *B*¹ и *B*² Лазаропула сужается к периоду между 1223 и 1228 г.

Именно к этому периоду времени относится интереснейшее, но несколько смутное сообщение другого арабского автора — Мухаммада ал-Хамави, сирийского чиновника, сочинение которого «ал-Тарих ал-Мансури» содержит ряд уникальных сведений по истории Сиро-Анатолийского региона в 20—30-х гг. XIII в.:

«В этот год (622 г. Х. или 13 января — 1 января 1225 г.) султан Ала ал-Дин разбил султана Рума ал-Ашкари и захватил несколько его крепостей, и [разбил] *малика* Кира (?) Аликса, тоже ромея, и пленил его». ⁶⁸

⁶⁶ Перевод З. М. Буниятова (*Насави*, с. 209).

⁶⁷ *Насави*, с. 196.

⁶⁸ *Мухаммад ал-Хамави*. Л. 150 об—151:

و فيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم الاشكرى واخذ من قلاعه و الملك كير <؟>
الكس ايضا الرومى و مسكه

Под ал-Ашкари (от имени Ласкарис), подразумеваются никейские василевсы, в данном случае Иоанн III Дука Ватац (1222—1254). Возможно, что определение «султан Рума» следует отнести не к ал-Ашкари, но к Ала ал-Дину («султан Ала ал-Дин, султан Рума, разбил...»).

Цитируемый отрывок в силу ряда палеографических сложностей имеет и другие варианты прочтения.

Во-первых:

و فيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم للاشكرى واخذ من قلاعه
و للملك كير <؟> الكس ايضا الرومى و مسكه

Следует разъяснить, почему мы назвали этот отрывок «смутным». Дело заключается в том, что ал-Хамави, упоминая византийца («ромея») Алексея и говоря о его пленении сельджуками, заставляет нас вспомнить события 1214 г. Действительно, во второй половине 1214 г. трапезундский император Алексей I Великий Комнин был пленен султаном Изз ал-Дином Кай Кавусом I. Это сообщение ал-Хамави, возможно, переключается (если не словесным выражением, то по сути) с известным пассажем из хроники Абу ал-Фиды о событиях 1214 г.⁶⁹ Не смешал ли арабский автор какие-то события 1225 г. с более давним и громко прозвучавшим на Востоке поражением трапезундцев?

Учитывая эти сомнения, все же можно предположить, что ал-Хамави, который зарекомендовал себя как весьма информированный и заслуживающий доверия хронист,⁷⁰ в действительности подразумевал как раз те события, о которых более ясно сказано у Иоанна Лазаропула, Ибн ал-Асира и Насави. Возможно, именно сообщение ал-Хамави о 1225 г. содержит истинную датировку Лазаропулова сюжета В', о начале коллизий вокруг Синопа, удачное для сельджуков завершение которых под 1228 зафиксировал Ибн ал-Асир.

Перевод и в этом варианте прочтения изменится мало: «В этот год султан Ала ал-Дин, султан Рума, разбил ал-Ашкари и захватил несколько его крепостей, и [разбил] *малика* Кира (?) Аликса, тоже ромея, и пленил его»

Во-вторых:

و فيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم الاشكرى واخذ من قلاعه
و الملك اسمه <؟> الكس ايضا الرومي و مسكه

«В этот год султан Ала ал-Дин разбил султана Рума ал-Ашкари и захватил несколько его крепостей, и [разбил] *малика*, имя его (?) Аликс, тоже ромея, и пленил его».

Нужно признать, что во всех трех предложенных вариантах фраза с точки зрения арабской грамматики представляется несколько корявой. Наибольшие трудности в прочтении представляет слово, которое мы предлагаем читать либо как искаженное *كير* (*kir* — от греч. κῆρ, часто встречающаяся в восточных источниках прибавка к имени трапезундского василевса Алексея I), либо как *اسمه* (*исмуху* — «имя его»).

Первым обратил внимание на этот отрывок Кл. Казэн (*Cahen Cl. Questions d'histoire de la province de Kastamonu au XIIIe siècle // Turcobyzantina et Oriens Christianus. London, 1974. No. X. P. 147*). Кл. Казэн так же не нашел бесспорного варианта чтения и, опустив предположительное «*كير*» и совершенно бесспорное «*ايضا الرومي*», перевел отрывок приблизительно:

«Année 622/1225. Le Sultan Ala'ad-din Kaiqubadh de Rum battit al-Ashkari/Lascaris et lui prit des fortresses; il fit de même d'Aliks/Alexis, et le fit prisonnier».

Судя по переводу французский исследователь видел текст следующим образом:

و فيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم الاشكرى واخذ من قلاعه و
كذلك <؟> الكس <؟> مسكه

То, что в рукописи почти однозначно читается как *الملك* или *الملك* («малик»), Кл. Казэн, с большой натяжкой понимает как *كذلك* («так же», отсюда и его *il fit de même*), хотя это допущение не исправляет стилистических недостатков фразы. Этим и объясняется различие в переводах, предложенных Кл. Казэном и нами, которое, впрочем, не так значимо в контексте этого лаконичного известия.

⁶⁹ «В этом [611 г., т. е. 1214/15 г.] туркмены пленили *малика* ал-Ашкари (убившего Гийас ал-Дина Кай Хусрава) и передали его сыну его Кай Кавусу ибн Кай Хусраву и пожелал тот убить его, но *малик* выкупил себя за многие богатства и сдал Кай Кавусу несколько крепостей и земель, которыми прежде мусульмане не владели» (Abu-l-Feda, Т. 4. P. 252–254).

⁷⁰ Подробный анализ сообщений ал-Хамави о никейско-сельджукских взаимоотношениях в этот период см.: *Langdon J. S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. New York, 1992. См. у Дж. Лэнгдона ссылки на Ибн Натифу (правильнее «Назиф»), под которым подразумевается Мухаммад ал-Хамави, далеким предком которого действительно был некий Назиф. Исследователь обратил внимание на цитируемый нами отрывок, однако традиционно датируя поход *Малика* 1223 г., он относит события, зафиксированные ал-Хамави, ко времени *после похода* *Малика* на Трапезунд. Наши предыдущие рассуждения, как представляется, показывают ошибочность такой трактовки.*

Может быть, не стоит обвинять ал-Хамави в слепом подражании Абу ал-Фиде. Может быть, под *маликом киром* (?) *Алексеем*, который был захвачен сельджуками, следует подразумевать отнюдь не василевса Алексея I, почившего в 1222 г., но другого Алексея — Алексея Пактиара, чиновника налогового ведомства (δραστήριος ἄρχων), который, по рассказу Лазаропула, вез подати из Херсона, был захвачен сельджуками вместе с кораблем и потом выменян трапезундцами ⁷¹? Возможно, зная о высоком положении Алексея, ал-Хамави (или же его информатор) не разобрался в титулатуре Пактиара и по ошибке назвал его *маликом* (князь, царь); может быть, этим объясняется его несколько недоуменное пояснение, касающееся Алексея: «тоже ромей».

Итак, мы предполагаем, что сообщение ал-Хамави может относиться к захвату трапезундского корабля сельджуками, т. е. датирует сюжет В в рассказе Лазаропула 1225 г. Затем, между 1225 и 1228 гг., вероятно, последовала атака трапезундцев на Синоп, прямо не отраженная ни в одном из известных нам источников, кроме сюжета В² у Лазаропула. Таким образом, сообщение Ибн ал-Асира об отвоевании Синопа сельджуками в 1228 г. (вероятнее всего — осенью этого года) следует за Лазаропуловским сюжетом В², и предшествует сюжету С, повествующему о событиях около 1230 г.

Итак, если поместить известия ал-Хамави, Ибн ал-Асира и ал-Насави между Лазаропуловыми сюжетами, то сложится некая хронологическая сетка, в которую мы попробуем поместить обсужденные выше события.

5. БОРЬБА КОАЛИЦИЙ

В 1223 г. был возобновлен неравноправный договор между трапезундцами и сельджуками. Особо отметим, что в том же 1223 г. малик Эрзерума Мугис ал-Дин Тугрул-шах заключил союз с грузинскими Багратидами, давними союзниками Великих Комнинов. Тугрул-шах, возможно, находился в дружественных отношениях с Великими Комнинами и между этими двумя событиями могла существовать некая связь. Андроник I Гид, недовольный только что подтвержденной зависимостью от сельджуков, обращает свой взор на оппонентов Икония — на севере Анатолии и в Закавказье. В складывающуюся антисельджукскую коалицию, если вспомнить о матримониальном союзе между Мангуджаками и Тугрул-шахом, вошел и Эрзинджанский эмират, а также Данишмендидское княжество Кугунии, Никсара и Коюль Хисара.

В 1225 г., как писал ал-Хамави, произошло разграбление трапезундского судна, везшего подати из Крыма. Причиной нападения сельджуков на греческий корабль могла быть месть иконийцев за сближение греков с их восточно-анатолийскими оппонентами. Не исключена и другая возможность: не случайно, что объектом атаки стало именно транспортное судно, везшее с собою херсонские подати — уж не возмещали ли таким образом иконийцы неотданную греками дань? Между 1225 и 1228 гг. греки выступили против синопского наместника сельджуков, заняли Карусу и атаковали Синоп. Вероятно, грекам удалось занять и сам Синоп, что нашло косвенное отражение только в тексте Ибн ал-Асира.

Именно в период греко-сельджукских столкновений (предположительно, между 1225—1228 гг.), понтийские мусульмане, а с ними, возможно, — и христиане, укрепляют взаимоотношения с Аийубидскими маликами Сирии.

⁷¹ *Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 310¹¹⁶¹—312¹¹⁸². См. также сн. 38.*

Появление хорезмийцев на Ближнем Востоке кардинально изменило складывавшуюся тут структуру политических ориентаций. Хорезмийцы дошли до прилегающих к владениям Великих Комнинов областей Тао и Самцхе со стороны Грузии, в сентябре 1226 г. они, возможно, атаковали Кемах и Эрзинджан, то есть владения союзных Аййубидам Мангуджаков, а осенью 1228 г. хорезмийцы вновь разграбили окрестности Эрзерума. Поэтому не удивительно, что в период хорезмийско-грузинской войны в составе грузинского войска, по всей видимости, находились отряды, присланные Великими Комнинами или, может быть, зависимыми от них припонтийскими картвельскими и армянскими князьями (о которых для этого периода из других источников ничего не известно): источники упоминают среди грузинского воинства в 1228 г. отряды лавов (اللكزى \ الكزيان) и чанов (в тексте «janit» — جانيت),⁷² которые, как известно, жили в восточной комниновской феме Великая Лазия.

Та политическая конструкция, элементом которой, возможно, был и Трапезунд, явно не выдерживала избыточного на нее давления двух мощнейших противников — сельджуков и хорезмийцев. Катастрофическое поражение Грузии, понесенное от войск хорезмшаха, упорная осада Хилата в конце концов расшатала согласие между Аййубидами и Грузией, с одной стороны, и мусульмано-христианским Понтом, с другой. Возможно, Аййубиды, уже в 1227 г. налаживавшие контакты с сельджуками, отступились от своих понтийских союзников. В этот момент (параллельно с завершающей кампанией хорезмийцев против Грузии и ключевой аййубидской твердыни Хилат) Ала ал-Дину Кай Кубаду удалось пробить в едином фронте своих понтийских противников первую значительную брешь — он аннексирует Эрзинджан, Кемах и Кугунию, выйдя на границу с Трапезундской империей в Халдии. Вслед за этим, в том же 1228 г., сельджукские войска, наращивая успех, отбили у греков занятые ими земли в Синопском регионе.

После развала антисельджукской коалиции, уничтожения Мангуджакского и Данишмендидского эмиратов ничто не могло спасти оставшихся участников понтийского антисельджукского альянса от мести Кай Кубада I или, что наверно представлялось равноценным, — хорезмийского вторжения. Именно поэтому переход Рукн ал-Дина Джахан-шаха под крыло хорезмийцев, примеру которого, как мы полагаем, последовали и Великие Комнины, был столь болезненно воспринят Кай Кубадом I. Ему угрожала перспектива столкнуться с обновленной коалицией эрзерумцев и греков, даже еще более усилившейся за счет хорезмийского воинства.

Итак, в 1229 или 1230 г. Великие Комнины, как мы полагаем, вслед за Рукн ал-Дином Джахан-шахом пошли на сближение с хорезмийцами, и подтверждение этому донесли до нас ал-Хамави и сириец Абу ал-Фарадж.

По сведениям ал-Хамави, после разгрома при Йассы Чаман «хорезмийцы рассеялись в горах, долинах, горных проходах, и достигли Дурабизун [т. е. Трапезунда — *Авт.*], а в этой долине пропасть, попадало в нее почти тысяча пятьсот мужей и мулы с их грузом и верблюды. Люди стали подбирать верблюдов и мулов с их грузом, в котором были жемчуга, одеяния, золото, атлас и другое...».⁷³

⁷² *Насави*, с. 224; *Рашид ал-Дин*. Джама ат-Таварих. С. 83–84; *Juwayni (Qazwini)*. P. 170–171; *Juvaini (Boyle)*. P. 438–439 and note 7 on p. 439.

⁷³ *Ал-Хамави*, л. 198⁷⁻⁹: «تفرق الخوارزميون في الجبال والوديه والشعاب وبلغوا الى دُرَابُوزِون وفي ذلك الوادى شقيق وقع فيه ما يناهز الف وخمسمائه رجل و ابدال باحملها و جمال و صار الناس يطلعوا منه الاجمال و الابدال باحملها و فيها الجواهر و الكسوى و الذهب و الاطلس و غيره...»

Кроме того, беглецы везли большую часть сокровищницы хорезмшаха и боевые машины.⁷⁴ Абу ал-Фарадж почти дословно повторяет это сообщение ал-Хамави в обоих (арабском и сирийском) вариантах своей хроники. В арабском тексте историк пишет: «В своем бегстве достигли они гор Трабизуна, и из них тысяча пятьсот мужей попадало в тамошнюю пропасть».⁷⁵ Более полный сирийский вариант хроники Абу ал-Фараджа добавляет, что множество хорезмийцев «бежало в Трапезунд и страну ивиров», а падали в пропасть они ночью. Очевидная текстуальная близость текстов ал-Хамави и Абу ал-Фараджа позволяет думать, что либо оба автора пользовались единым источником, либо, что вероятнее, Абу ал-Фарадж, писавший примерно через четыре десятилетия после ал-Хамави, был знаком с книгой последнего, и скорее всего с полной версией этого его сочинения, так называемой «Большой хроникой», не дошедшей до нас.⁷⁶ Таким образом, мы возвращаемся к точке зрения Я. Фальмерайера, который первым указывал на существование союзных отношений между Трапезундом и хорезмийцами.⁷⁷

Йассы Чаман — поле примерно в 10–20 км южнее Трапезундской Херианы и примерно в 30 км севернее Эрзинджана.⁷⁸ На нем, кроме решительного разгрома хорезмийцев, в будущем произойдет еще несколько исторических сражений, так или иначе повлиявших на судьбу Комнинов Трапезунда. Под упомянутыми у арабского и сирийского авторов горами и долинами около Трапезунда, в которых укрылись хорезмийцы, несомненно, подразумеваются гористые территории Халдии. Оба сообщения, восходящие к единому источнику, мы склонны признать вполне надежным свидетельством связи Великих Комнинов с хорезмийцами.⁷⁹

Отметим также, что упоминание Абу ал-Фараждем «страны ивиров» как одного из убежищ разбитых хорезмийцев указывает еще на одного союзника Джалал ал-Дина. Есть основания полагать, что кроме Эрзерума и Трапезундской империи еще одно княжество, граничащее с Понтийским регионом, поддержало хорезмшаха, а именно армяно-грузинские территории Олти и Панаскерта.

По сообщению Ибн Биби и ал-Хамави, правитель Олти участвовал в битве при Йассы Чаман на стороне Джалал ал-Дина. Олти и Панаскерт были центрами старинной армянской области Тайк. Ал-Хамави пишет, что Кай Кубад I, покорив Эрзерум, при расставании с Маликом ал-Ашрафом пожаловал ему несколько крепостей, которыми владели грузины из Хилата; ал-Ашраф сохранил за собою только крепость Олти, лучшую из них.⁸⁰

⁷⁴ *Ал-Хамави*. Л. 198 об.; *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi über die Schlacht von Jasyçimen (25–28. Ramadan 627/7—10. August 1230) // WZKM. 1960. LVI. S. 64–65.

⁷⁵ «و بلغت مزعتهم ال جبال طرابزون فوقع منهم في شقيف هناك الف وحسمائة رجل» (*Abul-Faradj*. Mukhteser tarikh ed-Dawal. Beyrut, 1890. P. 429–430). Сирийская версия: «And very many of them fled to Trapizun and to the country of the Iberians, and about fifteen hundred horsemen fell from a high rock during the night and died» (*Abu al-Faraj*. The Chronography. P. 395).

⁷⁶ Об исторических сочинениях Мухаммада ал-Хамави см. статью П. А. Грязневича: Мухаммад ал-Хамави, с. 10–20 (Предисловие).

⁷⁷ *Fallmerayer J.* Geschichte S. 107. Точка зрения Я. Фальмерайера поддержана и Э. Жансаном, и М. Куршанским (*Janssens E.* Trébizonde. P. 76–77; *Kurša nskis M.* L'empire de Trébizonde. P. 120).

⁷⁸ Относительно локализации Йассы Чаман см.: *Abu Bakr Tihrani-Isfahani*. Kitabi Diyarbakriyya / ed. N. Lugal, F. Sümer. C. I. Ankara, 1962. S. 94 note 1 (нынешнее Mecidiye). Ср.: *Bryer A. & Winfield D.* Op. cit. Vol. I. P. 61–63.

⁷⁹ *Fallmerayer J.* Original Fragmente. S. 107; *Успенский Ф.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 61.

⁸⁰ *Ibn Bibi* (Leide). P. 177–178; *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi. S. 64, 67.

Под “грузинами из Хилата” скорее всего подразумевалась Тамта, дочь Ивана Мхаргрдзели и бывшая жена Малика ал-Ашрафа, ибо именно в Хилате располагалась ее резиденция. Она была армянкой халкидонитского вероисповедания.⁸¹ После падения Хилата Тамта, попав в плен, стала женой Джалал ал-Дина.⁸² Таким образом, хорезмшах стал родственником Иванэ Мхаргрдзели и имел с ним дружественные отношения. Важно подчеркнуть, что Олти, скорее всего, входило в обширный домен Закарянов-Мхаргрдзели, подковой огибавший юго-западную границу Грузии. Еще в начале XIII в. им принадлежали Ани, Бджни, Двин, Карс — города Великой Армении на пути из Тайка в Азербайджан и Грузию.⁸³

Вероятно, именно во владения Мхаргрдзели бежали разгромленные хорезмийцы и их армяно-грузинские союзники. Преследуя их, войска сельджукского султана и Малика ал-Ашрафа, по-видимому, достигли и взяли Олти. Даже после катастрофы при Йассы Чамане хорезмшах продолжал рассчитывать на помощь Иванэ. Насави сообщает, что после сражения при Йассы Чамане, когда хорезмшах находился в Гяндже, к нему пришла грамота от Джалал ал-Дина, где было сказано: «Следуй к Иванэ ал-Курджи, так как мы написали ему и поручили переправить тебя к нам на службу».⁸⁴

Так, после катастрофы при Йассы Чамане хорезмийцы сочли наиболее безопасным для себя убежищем именно христианские территории: империю Великих Комнинов и княжество Олти.

6. СИРИЙСКИЕ СУЛТАНЫ-МАЛИКИ В 1230 г.

После разгрома сельджуками хорезмийцев и аннексии Эрзерума и Байбурта летом 1230 г. настала очередь Трапезунда, последнего участника антисельджукского альянса.

Ала ал-Дин Кай Кубад I, по-видимому, не стал откладывать свою месть и вторгся во владения Великих Комнинов именно тогда — в 1230 г.

Во-первых, в самом тексте Лазаропула содержится указание, которое в контексте обсуждаемых событий косвенно датирует поход «Мелика» именно 1230 г. Маршрут сельджукского султана, перед атакой на Трапезунд, как он описан Лазаропулом, чрезвычайно напоминает передвижения сельджукского войска перед битвой с хорезмийцами в описании ал-Хамави. В «Синописисе» говорится, что султан сначала пошел в Мелитину/Малатью, затем — в Эрзерум, после этого — в Келтцину/Эрзинджан, далее султан располагается в Катукии, между Пайпертом/Байбуртом и Заилусой.⁸⁵ Согласно ал-Хамави, султан собрал войска в Эрзинджане и в Малатье и двинулся далее через Кыр-шехир — Кайсарийя — Сивас — Эрзинджан — Йассы-Чаман.⁸⁶ Движение султана к Малатье, казалось бы совершенно нелогичное в контексте Лазаропулова повествования (зачем, имея целью атаковать Трапезунд, идти на далекий юг сельджукских владений?), находит теперь объяснение: в 1230 г. султан действительно

⁸¹ *Киракос Гандзакецц*. История Армении. С. 119—120.

⁸² Там же. С. 149, 182.

⁸³ Всеобщая история Вардана Великого / пер. с древнеарм. Н. Эмина. М., 1861. С. 169.

⁸⁴ *Насави*, с. 269. Однако тогда, уже после катастрофы, постигшей хорезмшаха, Насави не решился доверить свою судьбу грузинам.

⁸⁵ *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 312.

⁸⁶ *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi. S. 57—62.

набирал войско в Малатье, не зная заранее, где его будет атаковать хорезмшах — на севере Анатолии или на юге.

Во-вторых, на время событий, излагаемых в сюжете С, возможно, указывает и загадочное имя *Σααλατίνης*, «приставленное» к имени Ала ал-Дин в тексте Лазаропула. «Ала ал-Дин Сапатин» представляет собою явную несурязицу, появившуюся в результате какого-то недоразумения — либо ошибочного чтения Лазаропулом своего источника, либо простой описки. Нам известны два варианта толкования этого имени.

Прежде всего, необходимо отметить, что начальное *Σααλ* могло бы соответствовать старому армянскому *šahar* «правитель города, предводитель, правитель», зафиксированному уже в армянском переводе Библии и других раннеармянских текстах, и, вероятно, восходящему к древнеперсидскому *xšāθgāra* «правитель провинции». Как термин это слово имело хождение в армянском мире вплоть до XII в. Как собственное имя *šahar* фиксируется для IX—X и XIV—XVI вв. В греческой передаче *šahar* выглядело именно как *Σααλ*: у Агафангела оним Шахапиван передан как *Σααλιανών*.⁸⁷ Несмотря на притягательность такого толкования, от него, вероятно, следует отказаться, ибо вторая часть имени *Σααλατίνης* не находит убедительных параллелей в армянском.

Второй и более предпочтительный вариант сводится к толкованию *Σααλατίνης* как греческой передачи арабо-мусульманского антропонима Шихаб ал-Дин (شهاب الدين),⁸⁸ в арабо-персидской и тюркской среде произносится оно как *shihābuddīn*, начальная *Σ* в греческом варианте имени обозначила звук «ш» в полном согласии с обычными правилами транслитерации, распространенными в византийской письменности той эпохи. Имя Шихаб ал-Дин не имеет никакого отношения к имени сельджукского султана.

Вместе с тем, Ибн Биби, не вдаваясь в подробности, отметил, что после разгрома хорезмийцев султан «вместе с *маликом* Ашрафом и братьями последнего направился в Эрзерум»,⁸⁹ и некоторое время находился там. Пребывание в Эрзеруме Ала ал-Дина и Аййубидских царевичей удостоверено также и в тексте ал-Хамави.⁹⁰ Одним из этих братьев ал-Ашрафа, участвовавших в битве с хорезмийцами, был правитель Майафарикина Шихаб ал-Дин Гази.⁹¹

Это — единственный заметный персонаж политической сцены Сиро-Анатолийского региона того времени, который носил бы имя *Шихаб ал-Дин*, и который бы в «нужное время» оказался в непосредственной близости от трапезундской границы. Не он ли упоминался в гипотетическом первоисточнике Иоанна Лазаропула? На некую связь между походом сельджуков на Трапезунд, описанным у Иоанна Лазаропула, и Аййубидскими правителями Сирии скорее всего указывает и Лазаропуловское именование «малик султан», которое находит неожиданную и, пожалуй, единственную параллель в официальной титулатуре именно сирийских Аййубидов. Так, например, у Мухаммада ал-Хамави ал-Ашраф часто именуется как «султан малик ал-Ашраф». Но что самое знаменательное — либо ал-Ашраф, либо сам Шихаб ал-Дин Гази в «Кар-

⁸⁷ Костанян С.-А. Термин *shahan* в раннесредневековых армянских источниках // Кавказ и Византия. Т. 1. Ереван, 1979. С. 120—131 и особенно 127—128. Agathangelus / ed. Paul de Lagarde. Göttingen, 1887. P. 83.

⁸⁸ Прочтением греческого имени как «шихабуддин» авторы настоящей статьи обязаны петербургскому востоковеду К. А. Жукову.

⁸⁹ *Ibn Bibi* (Leide). P. 176.

⁹⁰ *Мухаммад ал-Хамави*. Л. 199—199 об.

⁹¹ *Насави*, с. 248 и сн. 6; *Мухаммад ал-Хамави*. Л. 197 об.

тлис Цховреба» названы le grand sultan Mélik!⁹² Это именование полностью идентично содержащемуся в повествовании Иоанна Лазаропула. Именно грузинский источник дает нам ключ — по всей видимости, аййубидские правители так и именовались «султанами-меликами» не только в христианской картвельской среде, но и в греческой понтийской.

Причем отметим немаловажную деталь: уже после разгрома хорезмийцев, аййубидские союзники сельджуков участвовали в карательных акциях Ала ал-Дина Кай Кубада I. Вместе с сельджукским султаном они вступили в непокорный Эрзерум, а отряды ал-Ашрафа преследовали хорезмийцев, по крайней мере, до Олти. Может быть, пока войска ал-Ашрафа двигались на северо-восток к Грузии, отряды Шихаб ал-Дина Гази совершили вылазку в северо-западном направлении — к Трапезунду?

Именно эта параллель может оказаться истинным объяснением именования «султан мелик» в сюжете С Иоанна Лазаропула.

Как мы показали выше, все реалии сюжета С, касающиеся сельджуков, указывают на *terminus post quem* описанных Лазаропулом событий, т. е. на то, что происходили они вскоре после захвата Ала ал-Дином Эрзерума летом 1230 г. Два других элемента Лазаропула текста — имя Σαλατίνης и именование «султан мелик», если верна наша интерпретация, устанавливают для них *terminus ante quem*. Только тогда, после Йассычаманского сражения 10 августа 1230 г., султаны-малики Аййубиды могли собственной персоной оказаться в Понтийских горах, чтобы попасть на страницы анонимного источника Лазаропула. Атака сельджуков на Трапезунд происходила *до того*, как Аййубидские султаны-малики покинули Понт.

Следовательно, именно ко второй половине августа 1230 г. и подводит нас относительная самодатировка Лазаропула сюжета С. Можно предположить, что сельджукская атака на Трапезунд имела место *во второй половине августа 1230 г.* Возможно, что сельджуки вторглись в пределы Великих Комнинов, преследуя бежавших туда многочисленных хорезмийских воинов. Вряд ли в ней участвовали все войска, собранные со всех концов сельджукского султаната, и за несколько дней или недель до того разгромившие хорезмийцев. Скорее всего, это был экспедиционный корпус во главе с сельджукским царевичем-маликом Гийас ал-Дином, который, вероятно, и попал в плен к трапезундцам. Не исключено, наконец, что аййубидский султан Малик Шихаб ал-Дин Гази участвовал в этой кампании сельджуков, хотя, конечно, пока трудно сказать, с какой целью и в каком контексте в действительности мог упоминать аййубидского *малика* гипотетический источник Иоанна Лазаропула.

7. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИЗА

Учитывая известную сложность предыдущих построений, мы считаем не лишним в тезисной форме еще раз изложить основные итоги нашего анализа Лазаропула текста.

⁹² *Brosset M. Histoire...* P. 495. В «Картлис Цховреба» говорится о том, что царь Грузии Георгий Лаша (1213—1222) планировал отдать свою сестру за великого султана Малика, владыки Персии, от Египта до Хилата. Это произошло незадолго до смерти Георгия Лаша в 1222 г. (*Salia K. Histoire de la nation géorgienne. Paris, 1980. P. 436*). Скорее всего грузинский хронист имел в виду Малика ал-Ашрафа, хотя не исключено, что и самого Шихаб ал-Дина Гази, владевшего Хилатом с 1221 по 1224 г. (*Ibn al-Athir. T. XII. P. 260, 273—274*).

1. Иоанн Лазаропул при составлении «Синописа», несомненно, пользовался некими *письменными* источниками *исторического* характера (историографические тексты, официальные записи дворцовой канцелярии?)

2. Эти гипотетические источники содержали сообщения о трех *разновременных* событиях, имевших место в период с 1223 по 1230 г. В тексте Лазаропула им соответствуют три сюжета, условно обозначенные нами как *A*, *B* (*B'* и *B''*), *C*. Причем,

сюжет *A* (возобновление мирного трапезундско-сельджукского договора 1214 г.) датирован самим Лазаропулом 1223 г.;

сюжет *B'* (сельджукская атака на трапезундский транспорт) датируется при помощи сообщения ал-Хамави 1225 г.;

сюжет *B''* (ответная атака трапезундцев на Синоп), благодаря сообщению Ибн ал Асира, имеет своим *terminus ante quem* конец 1228 г.;

сюжет *C* (атака сельджуков на Трапезунд, их разгром, пленение Мелика, установление нового трапезундско-сельджукского договора) привязывается *косвенной самодатировкой* текста Лазаропула и известными фактами Восточно-Анатолийской политики к концу лета—осени 1230 г.

Подчеркнем, что наша интерпретация не противоречит ни единому слову текста Лазаропула, заслуживающего, в целом, доверие: предыстория конфликтов действительно относится к 1223 г., но где у Лазаропула сказано, что их развитие и завершение пришлось на тот же самый год?

Теперь о том, что предложенная нами интерпретация так и не смогла объяснить. Казалось бы, нам удалось найти единственно подходящие для данного исторического момента параллели странным именованиям «султан мелик» и «Саапатин». Оба эти именования совершенно однозначно следует связывать с аййубидскими реалиями, и даже еще точнее — с султаном Маликом Шихаб ал-Дином Гази. Однако формально безупречное толкование имен порождает непреодолимые противоречия в тексте Лазаропула. Даже то, как мы установили, что Шихаб ал-Дин, скорее всего, участвовал в сельджукском походе на Трапезунд, не объясняет окончательно сюжета *C*. Ибо не может быть сомнений в том, что в сюжете *C* речь идет о сельджукском правителе, но не аййубидском, по крайней мере по трем причинам: а) Мелик прибыл из Иконийского султаната, где и собирал войска; б) после поражения Мелик отправился в Иконий; в) договор трапезундцы заключили именно с Сельджукидами, но не с Аййубидами. Собранного нами материала источников все еще не достаточно для того, чтобы однозначно и окончательно разрешить загадку некоего сельджука по имени «султан малик сын Ала ал-Дина Кай Кубада I Шихаба ал-Дина Гази».

По-видимому, именно в этом пункте Лазаропулова повествования произошел какой-то сбой. У нас нет сомнений в том, что Лазаропул имел в своем распоряжении подробный и доброкачественный письменный источник о событиях 1230 г., в котором упоминались и сельджуки, и малик Шихаб ал-Дин Гази. Однако при переработке этого исторического материала в агиографический текст, произошло смешение отдельных элементов источника, их неложение друг на друга. Именно разгадка механизма этого смешения окажется последним шагом в полном прояснении истории Мелика в «Синописе чудес св. Евгения».

А. Л. Пономарев

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК ТРАПЕЗУНДСКОЙ ИМПЕРИИ В XIII—XV вв.

В предыдущем выпуске сборника были рассмотрены монеты и клады монет Золотой Орды XIV в.¹ Благодаря им удалось установить, что динамика денежного обращения описывается строгими математическими законами. Золотоордынский материал показал, что вес монет убывает прямопропорционально времени, которое они находятся в обращении, что монеты исчезают из обращения по экспоненциальному закону и что колебания веса отдельных экземпляров вокруг законного веса монеты подчиняются нормальному закону распределения вероятностей.

Исследователи аспров империи Великих Комнинов вынуждены довольствоваться сравнительно незначительным количеством материала, численно в десятки, если не в сотню раз, уступающим джучидскому. Все мировое собрание трапезундских монет сравнимо по численности с коллекцией татарских монет провинциального Самарского музея, куда поступил даже не самый крупный из известных кладов — клад 1973 г. с Селитренного городища. Находки даже единичных монет удостоиваются научных публикаций. Это, конечно, не случайно и связано прежде всего с тем, что и фактически трапезундских аспров было выпущено меньше, чем дирхемов — население Трапезунда и Западной Грузии, связанной с ним экономически, географически и политически, конечно же, было меньше населения причерноморских степей и Поволжья. Но различия двух отраслей нумизматики определяются не только количеством доступного ученым материала.

Если мусульманская традиция чекана, как правило, дает нумизмату дату и место чекана золотоордынского дирхема, то для аспров Великих Комнинов, чеканенных в византийских традициях, даты устанавливаются лишь по типу изображений. Появление на монете портрета нового императора дает пороговую дату — *terminus post quem*, изменение же, к примеру, длины бороды на изображении позволяет несколько уточнить и, все равно, лишь приблизительно датировать монеты. Малочисленность монет, отсутствие на них дат определяют подходы к материалу и круг проблем, которые решала нумизматика Трапезунда, они же определяют и ее отличия от нумизматики Золотой Орды. Тем не менее к аспрам, как и к дирхемам, можно приложить законы, описывающие изменения монетного фонда во времени.

* * *

Появление и распространение высококачественной серебряной монеты с изображением святого Евгения — патрона империи — приходится на XIII век.

¹ Пономарев А. Л. Монетное обращение Золотой Орды (Методы анализа) // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., 1995. С. 131—155.

В середине этого же столетия появляются огрубленные, а затем и грубые подражания трапезундским аспрам, которые получили в литературе известное по грузинским письменным источникам грузинское же имя серебряной монеты XIII—XV вв. — кирманеули. Грубые и постепенно терявшие свою пробу подражания трапезундским аспрам стали в XIV в. собственной монетой Западной Грузии.²

Монеты, которые, вне сомнения, являются чеканом самой Трапезундской империи, были выделены среди прочих византийских монет лишь в прошлом веке.³ Начало чекана аспров определяют достаточно точно — правление Иоанна I Аксуха (1235—1238). Наиболее многочисленны в существующих музейных коллекциях монеты с именами Мануила I (1238—III.1263) и Иоанна II (1280—16.III.1297); в единичных экземплярах известны монеты, выпущенные в непродолжительные царствования — при Феодоре (1284), при соправителях — Иоанне II и Алексее II (1297), при Мануиле II (1332). Описывать их типологию здесь нет нужды — с точностью до штемпелей она приводится в соответствующих работах.⁴ Такая проработанность материала лишней раз говорит о невысокой массе денежного обращения: золотоордынская нумизматика, как правило, вынуждена ограничиваться указанием типа, в который включается множество сходных штемпелей. Немногочисленность же штемпелей трапезундской монеты позволяет производить утонченный искусствоведческий анализ стилистики изображений императоров и святого, на его основе делить штемпели на классы, группы, серии, пытаясь выявить таким образом последовательность употребления штемпелей. Отсутствие точных датировок трапезундской монеты, однако, не является препятствием для определения характеристик обращения, предложенных ранее для Золотой Орды. Более того, достижения нумизматики Трапезунда позволяют сделать еще не один шаг в количественном описании денежных рынков средневековья.

* * *

Как уже отмечалось,⁵ важнейшее качество монет — то, что они относятся к *классу единообразных изделий*. Поэтому ряд их характеристик, в частности, как было показано, вес, а также и содержание благородного металла подчиняются нормальному закону распределения вероятностей с характеризующей

² *Капанадзе Д. Г.* Так называемые «грузинские подражания трапезундским аспрам». // ВВ, 1950. Т. 3. С. 201—210; *Абрамишвили Т. Я.* Западногрузинские монеты. Тбилиси, 1959. На груз. яз.

³ *Marchant N. D.* Mélanges de numismatique et d'histoire. Metz, 1818—1829; *Idem.* Médailles des empereurs grecs de Trébizonde // Lettres du baron Marchant sur la numismatique et l'histoire. Paris, 1851. P. 320—334.

⁴ *Pfaffenhoffen F. de.* Essai sur les aspres Comnénats, ou blancs d'argent de Trébizonde. Paris, 1847; *Blau O.* Trapezunte Comnenaten. // BBMSWK, 1868. T. 4. S. 151—182; *Sabatier J.* Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862. T. 2. P. 306—337, tabl. LXVII—LXX; *Köhne B.* Monnaies byzantines: Supplément à l'ouvrage de Sabatier. // RBN, 1881. P. 346—349; *Idem.* Die Komnenischen Silbermünzen mit dem Heiligen Eugenius. // MSAN, 1849. T. 3. S. 103—153; *Retowski O. F.* Die Münzen der Komnenen von Trapezunt. M., 1910. 188 S. Оттиск из Нумизматического сборника, т. 1, 1911, с. 113—301; Репринт: Wiesbaden, 1980; *Wroth W.* Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and of the empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British Museum. London, 1911. P. LXXIV—XCIII, 230—310. *Голенко К. В.* Клад монет из села Тобаниери. // ВВ, 1959. Т. 16. С. 127—172; *Соколова И. В.* Трапезунтские аспры и кирманеули с именами Мануила I и Иоанна II Комнинов. // НЭ, 1974. Т. 11. С. 129—143; *Bendall S.* A hoard of early fourteenth century aspers of Trebizond. // NC, 1985. T. 145. P. 102—108, pl. 3—11.

⁵ *Пономарев А. Л.* Монетное обращение Золотой Орды...

его средней. Чекан монеты (до той поры, пока для изготовления матриц и пуансонов не стали применяться маточники) включал в себя производство и другого типа единообразных изделий — штемпелей для чекана средневековых или изложниц для литья ряда античных монет. *Единообразие* штемпелей заключалось в том, что изготовленные по традиционной технологии, они были способны выдержать некое число производственных циклов, которое, опять-таки, подпадало под действие нормального закона. Цикл реализовывался в конкретную монету, и число монет, битых штемпелем до его износа, было в среднем постоянным.

Указанные особенности технологии дают возможность определять одну из основных характеристик денежного обращения — размер производства монеты и зависящий от него размер денежной массы.⁶ Их величины, естественно, если не произведена имитация самого производственного процесса, можно определять только в относительных единицах, а именно — в количестве штемпелей, использованных для чекана монет. Как это следует делать?

В достаточно представительном кладе или любом другом собрании монет всегда находятся экземпляры, отличающиеся штемпелями, употребленными для их чекана. Повторяемость этих штемпелей среди монет собрания указывает на общее количество изготовленных для чекана штемпелей. Почему это так? Обыденное и статистическое сознание подсказывают, что, если в случайном собрании монет (каковым клад и является) любой штемпель представлен десятками экземпляров монет, найти неизвестный по этому кладу штемпель будет трудно. И наоборот, если в каком-то кладе штемпеля представлены одной-двумя монетами, то в другом обнаружится множество монет, битых неизвестными по первому кладу штемпелями. Но сколько будет этих «неизвестных» штемпелей? Если это число удастся узнать, станет известен и относительный объем производства монеты.

Однако на вопрос «сколько мне штемпелей неизвестно?» прямо ответить нельзя. Вопрос, который следует себе задать, формулируется иначе: *если известно, что в кладе n_1 штемпелей представлено одной монетой, n_2 штемпелей представлено двумя монетами, n_3 — тремя, и т. д., то сколько n_0 штемпелей представлено(!) в кладе ни одной монетой?*

Следует сразу сказать, что ответить на этот вопрос с математической точностью мне не удалось — аналитический вывод то ли невозможен, то ли оказался не по силам историку. Поэтому предлагаемый ниже ответ получен в результате моделирования по методу Монте-Карло процесса создания кладовыборки из теоретического обращения — совокупности с заранее известным числом признаков — теоретических штемпелей.⁷ В силу этого некоторые утверждения я вынужден принимать за постулаты, оправдывая себя результатом анализа почти двухсот случайных распределений.

⁶ Об изменениях величины денежной массы см.: Пономарев А. Л. Монетное обращение Золотой Орды...

⁷ Состав денежного фонда был смоделирован как таблица. Строка таблицы соответствовала одному теоретическому штемпелю, заполненная клетка в строке обозначала теоретическую монету, число заполненных клеток изменялось от строки к строке в убывающей геометрической прогрессии, т. е. по найденному в обращении Золотой Орды экспоненциальному закону. По методу Монте-Карло с помощью генератора случайных чисел я получал два номера — номер строки-штемпеля и номер колонки; если номер колонки был меньше-равен числу заполненных клеток в строке, теоретическая монета с соответствующим теоретическим штемпелем попадала в теоретический клад. Составление клада прекращалось, когда в него попадало шесть монет одного штемпеля.

В теоретическом, как и в любом реальном кладе общее число штемпелей будет суммой числа штемпелей n_1, n_2, n_3 и т. д., представленных, соответственно, 1, 2, 3 и т. д. монетами. Зависимость числа штемпелей от числа монет, как оказалось, носит ранговый характер (ранг — непрерывный порядковый номер, например, в ряду 1—3—8—9 у девятки — четвертый ранг), хотя и не подчиняется, как ожидалось, закону Ципфа. Прежде всего, в ранговых распределениях, которые принято описывать этим законом ($y = a/r^n$), нет неизвестных величин и поэтому первый ранг ($r = 1$) имеют объекты, представленные в выборке минимум одним экземпляром. В решаемой задаче количество экземпляров для объектов первого ранга (монет, чеканенных неизвестными штемпелями) по сути мнимое — оно равно нулю; более того, само понятие первого ранга, как мы увидим, оказывается мнимым. Реально минимальное число монет, которым может быть представлен штемпель в кладе — одна монета, и числу штемпелей, представленных монетами по минимуму, в нашем случае необходимо присваивать не первый, а уже следующий — второй ранг.

При рассмотрении распределений, приближающихся к закону Ципфа, используется прием, позволяющий дать их наглядное графическое отображение, несмотря на то, что количество объектов в разных рангах может отличаться в десятки, сотни и даже более раз.⁸ Суть его в том, что рассматривается не число объектов в каждом ранге (n_r), а число объектов, у которых ранг признака не ниже указанного ($\Sigma n_s; \infty > s \geq r$). В конкретном случае — с монетами — во втором ранге будет учтено число штемпелей, представленных не менее чем одной монетой (то есть, все штемпеля клада), в третьем — не менее, чем двумя и т. д. Дополнительную наглядность дает использование для графических данных логарифмической⁹ системы координат, в которой по оси абсцисс (X) откладывается не ранг, а логарифм ранга ($x = \ln r$) и на оси ординат (Y) не число штемпелей, а, опять-таки, его логарифм ($\ln \Sigma n_s; \infty > s \geq r$). В этой системе координат графики функции вида $\ln(y) = \ln(a(b-x)^{-c})$, которая наилучшим образом описывает¹⁰ результаты проведенного моделирования, на рис. 1 выглядят как монотонно убывающие кривые различной крутизны.

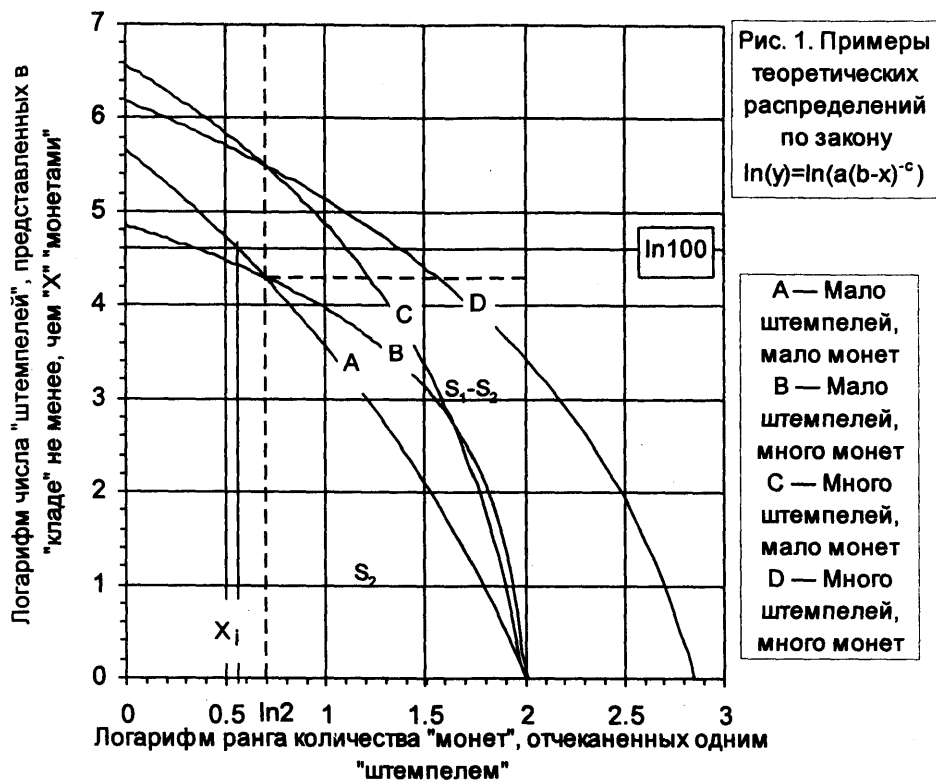
Логарифм первого ранга, который был выше приписан общему числу штемпелей, равняется нулю, поэтому может показаться, что экстраполяция — продолжение такой кривой до пересечения с осью ординат — и укажет на искомое число штемпелей. На самом деле это будет только первое приближение к нему. Объяснение этому таково.

Две выборки-клада из одного обращения могут содержать равное число штемпелей, но из-за того, что в одном штемпели на монетах повторяются чаще, чем в другом, первая будет описываться кривой с большей крутизной, нежели вторая (A и B на рис. 1). Соответственно, пересечение оси «Y» с первой кривой укажет на меньшее число штемпелей, чем пересечение со второй. Налицо, таким образом, явная зависимость результата от «крутизны» кривой, определяемой в указанной формуле параметрами a, b и c . От зависимости,

⁸ Множество примеров можно найти в книге: Хайтун С. Д. Наукометрия: состояние и перспективы. М., 1983.

⁹ Под логарифмом ниже всегда понимается натуральный логарифм.

¹⁰ Аппроксимация и определение параметров теоретической зависимости (a, b и c) производились по наименьшему среднеквадратичному отклонению. Необходимо отметить, что вычисление среднеквадратичного отклонения теоретических значений функции от значений выборки следует производить не с самими значениями, а с их логарифмами, поскольку иначе полученное приближение будет учитывать практически только первые ранги.

какой бы характер она не носила, необходимо устраниваться; для этого и было произведено моделирование.

Поскольку в отличие от реального денежного обращения точное число штемпелей в модели известно (100), возможно увидеть, каким образом «крутизна» теоретической функции соотносится уже не с вероятным общим числом штемпелей, а с некоей величиной логарифма мнимого ранга — $x_1 = \ln(b - (100/a)^{-1/c})$ — абсциссой точки пересечения на рис. 1 кривой $\ln y = \ln(a(b-x)^{-c})$ и прямой $\ln y = \ln 100$.

Измерять «крутизну» мне показалось оправданным интегрально — через площадь. Кривые А и В на рис. 1, отличающиеся по крутизне, описывают распределения, которые имеют одинаковую численность штемпелей; помимо этого, эти кривые имеют общую точку пересечения с осью абсцисс $x_{\max} = b - a^{-1/c}$. Поэтому общим для них является и произведение логарифма теоретического числа штемпелей в выборке $\ln y_1 = \ln(a(b - \ln 2)^c)$ и разницы $(b - a^{-1/c}) - \ln 2$, т. е. площадь прямоугольника S_1 . В то же время площадь S_2 под кривыми в интервале от $\ln 2$ до $x_{\max} = b - a^{-1/c}$ отличаются, так как отличаются параметры a , b и c . Интегрирование дает следующую формулу для вычисления этой площади:

$$S_2 = (b - \ln 2)(\ln a - c + c \ln(b - \ln 2)) + ca^{-1/c}$$

Изменения площади S_2 связаны с величиной x_1 — при увеличении площади значения x_1 снижается; я попытался связать изменения x_1 с изменением отношения площадей $(S_1 - S_2)/S_1$, поскольку последнее также снижается при увеличении S_2 . Благодаря этому обнаружилось второе приближение к искомому числу штемпелей: доля от максимального¹¹ значения x_1 — произведение $\ln 2(S_1 - S_2)/S_1$ устремляется к величине $x_1 = \ln(b - (100/a)^{-1/c})$.

Отношение площадей, однако, еще не полная характеристика крутизны кривых: оно, к примеру, одинаково для кривых С и D на рис. 1. Отличие этих кривых не только в том, что у них различные параметры a , b и c и не только в том, что они пересекают ось «X» в разных точках. При том, что они описывают распределения, в которых число штемпелей (d) одинаково, численность монет (m) и, соответственно, повторяемость штемпелей в этих распределениях различна. Чем больше монет приходится в среднем на один штемпель, тем меньше должно быть x_1 ; кроме того, влияние повторяемости на величину x_1 возрастает по мере увеличения крутизны теоретической кривой — уменьшения отношения $(S_1 - S_2)/S_1$. Поэтому я предположил, что приближение к x_1 возможно вычислять как:

$$x_1 = \ln 2(S_1 - S_2)/S_1 + (1 - d/m)(\ln 2 - \ln 2(S_1 - S_2)/S_1)$$

или, упрощая, как:

$$x_1 = \ln 2(1 - dS_2/mS_1).$$

Число штемпелей в модели, полученное по формуле $\ln y_0 = \ln(a(b - x_1)^c)$, даже после введения поправки, связанной с разницей логарифмов числа штемпелей в выборке — $\ln d_{\text{fact}}$ и в ее теоретическом приближении $\ln d = \ln y_1 = \ln(a(b - \ln 2)^c)$ будет только очередным приближением. Аппроксимация по формуле

$$\ln y_0 = \ln(a(b - \ln 2(1 - dS_2/mS_1))^c) + \ln d_{\text{fact}} - \ln(a(b - \ln 2)^c)$$

даст нам набор значений величины y_0 по выборкам, сделанным из модели, которые распределены по нормальному закону. Другая, линейная аппроксимация, произведенная исходя из фактических значений числа штемпелей, представленных в выборке не менее чем одной ($d_{\text{fact}} = Sn_1$) и не менее чем двумя монетами (Sn_2) по формуле

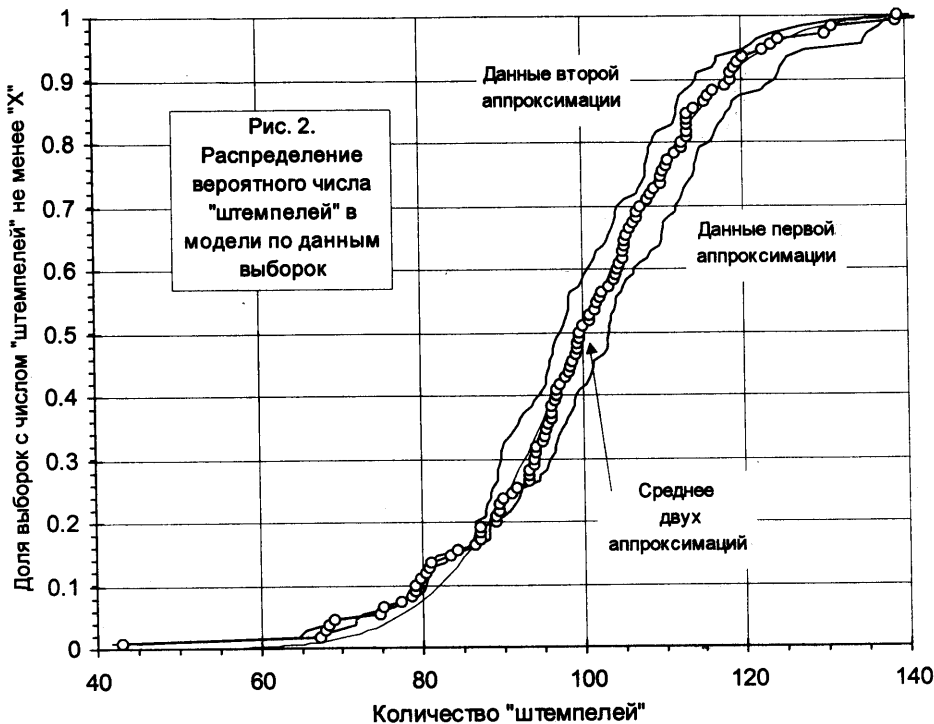
$$\ln y_0 = \ln d_{\text{fact}} + (\ln 2 - x_1)(\ln d_{\text{fact}} - \Sigma n_2)/(\ln 2 - \ln 3) \text{ или}$$

$$\ln y_0 = \ln d_{\text{fact}} + \ln 2(dS_2/mS_1)(\ln d_{\text{fact}} - \Sigma n_2)/(\ln 2 - \ln 3)$$

тоже даст значения, распределенные по нормальному закону. Не удивительно поэтому, что последнее приближение — среднее значение возможного числа штемпелей в модели по этим двум формулам тоже будет распределено нормально.¹² График распределения этой средней величины y_0 дан на рис. 2; это,

¹¹ x_1 не может быть больше $\ln(2)$, т. к. это означало бы, что в выборке больше штемпелей, чем в модели или в обращении.

¹² Когда анализируется группа, включающая только три ранга, применение этой поправки, в принципе, неправомерно. Поправка призвана устранить влияние, которое имеют на результат отклонения фактических данных первых двух рангов от теоретической кривой закона, однако при трех

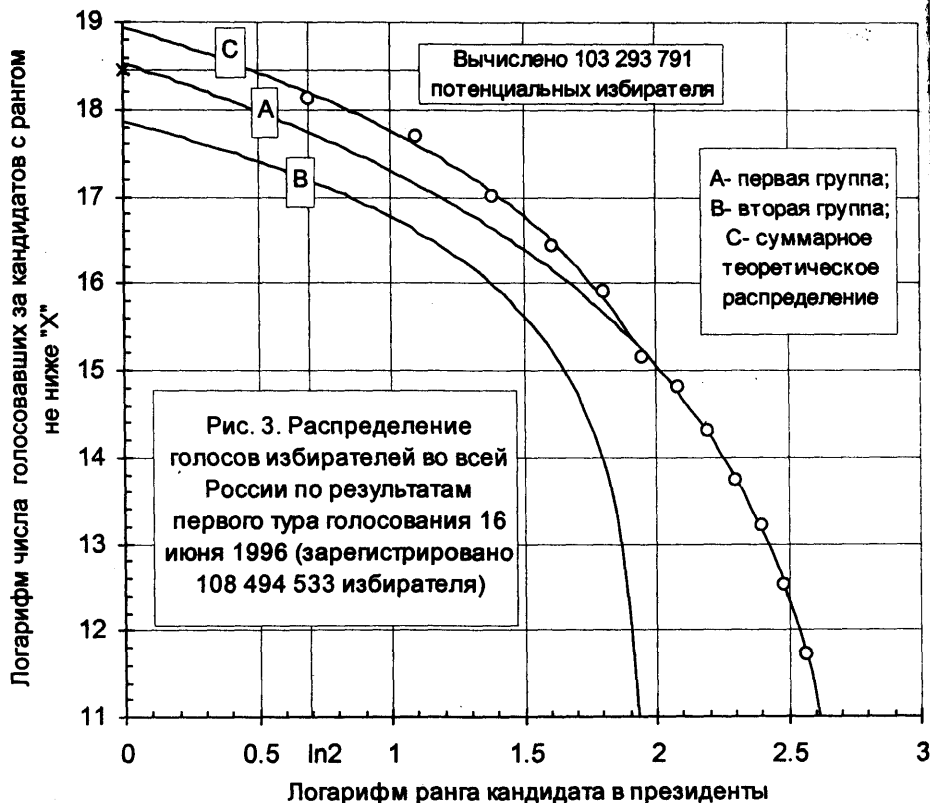

вне сомнения, кумулята — функция нормального распределения.¹³ Самое замечательное в этом распределении, однако, не то, что колебания значений вокруг средней величины случайны, хотя и это доказывает, что проделанный труд не был напрасен. Средняя этого нормального закона — 100.05 и дисперсия 14.07 говорят, что единственное препятствие, которое может помешать нам узнавать объемы производства монеты и размеры денежной массы — это отсутствие монет и кладов, и единственное препятствие, которое может мешать сделать это точно — их недостаток.

Негауссова статистика, с частью которой терпеливому читателю пришлось столкнуться, описывает самый широкий круг социальных и экономических явлений. Обнаруженный закон, дает статистику положительный ответ на вопрос о том, возможно ли по числу объектов в выборке, по числу классов объектов и через соотношение числа объектов и числа классов установить конечное количество последних в генеральной совокупности. Применительно к нумизматике это означает, что нумизмат может определить по повторяемости штемпелей, сколько их еще осталось неизвестно науке. Математическому закону безразлично, какое качество скрывается в абстракции «ранг», сегодня же мы можем найти немало выборок, сделанных из генеральной совокупности заранее

значениях таких отклонений нет — фактические данные описываются законом с нулевым отклонением, поэтому последняя поправка — излишня.

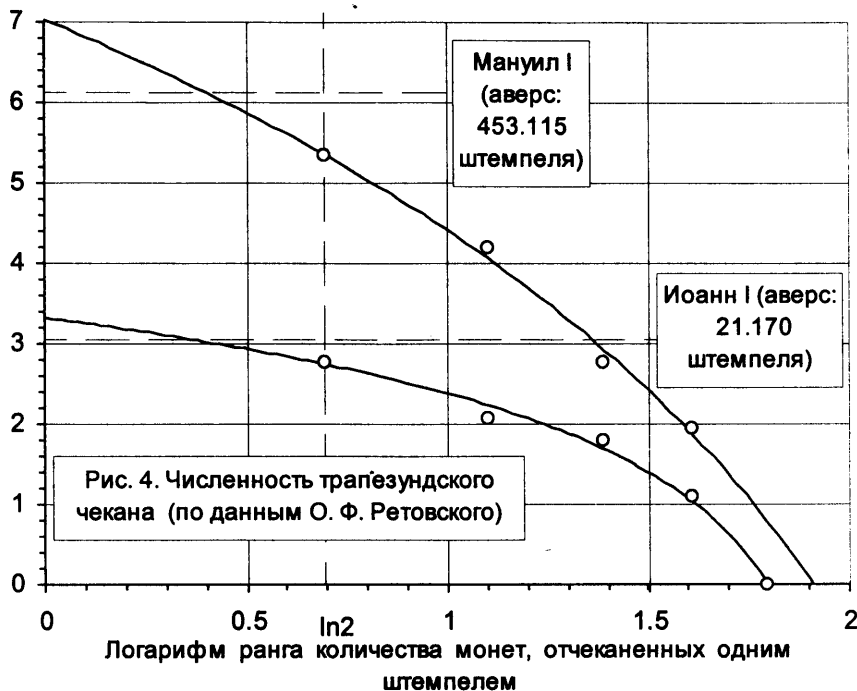
¹³ Согласно значению критерия Колмогорова 0.513 полученное распределение значений y_i соответствует нормальному закону с указанными параметрами с вероятностью 95.5%.

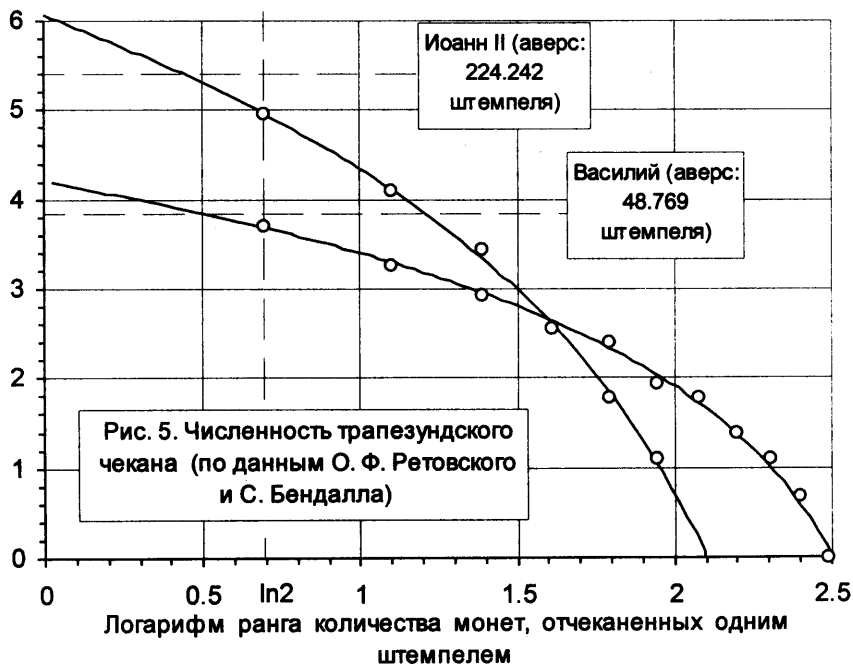
известных размеров. Поэтому можно не только наблюдать универсальность найденного закона распределения качественных признаков, но и проверить эффективность и точность метода, с помощью которого вычисляется то, чего нет. Такая проверка была сделана, она дает дополнительную уверенность в точности определяемого здесь объема монетного производства.¹⁴

¹⁴ Вряд ли кто ожидал, что политические симпатии избирателей могут быть описаны простым математическим законом. Однако, результаты первого тура выборов президента России 16 июня 1996 года как раз говорят о том, что таким законом является не только нумизматический закон $\ln(y) = \ln(a(b-x)^{-c})$. Девяносто распределений (89 регионов и Россия в целом — рис. 3), для которых качеством является фамилия кандидата в президенты, отмеченная в бюллетене, имеют разные его параметры, но любые результаты голосования описываются законом с небывалой точностью — индексом корреляции — не ниже 0.999993. Воспользовавшись предлагаемым методом вычислений, можно аппроксимировать число лиц, не участвовавших в выборах и, соответственно, узнать, сколько всего должно было быть избирателей. Последняя цифра — размер генеральной совокупности — в принципе, была известна — это число избирателей, внесенных в списки. Сравнивая по 89 регионам вычисляемое число избирателей с официальным, я получил распределение этого отношения, которое (с индексом корреляции 0.9994) подчиняется нормальному закону распределения вероятностей со средней 0.945 и дисперсией 0.092. Первая цифра указывает на то, что статистические расчеты точнее официальных — ведь в списках среди 108.5 миллионов избирателей посчитаны сотни тысяч умерших и повторно — миллионы проголосовавших в отпуске или в командировке. Вторая же говорит о том, что мы везде и всегда имеем возможность считать то, чего нет, считать со средней ошибкой ниже 10%.

Логарифм числа штемпелей, представленных
не менее, чем "X" монетами

Логарифм числа штемпелей, представленных
не менее, чем "X" монетами

Разработка специальной методики для определения числа штемпелей на монетах трапезундских императоров — производительности монетного двора — оправдывается возможностями, которые она предоставляет. И если даже методика недостаточно понятна неискушенному в математике историку, цифры, полученные в результате ее применения, как минимум, позволяют одной мерой мерить чуждые друг другу монетные системы. В сравнении с золотоордынским чеканом продукция Трапезунда оказывается ничтожной — монетки хана за один лишь 796 г.х. (1393/1394 гг.) вырезали лишь на одном из трех монетных дворов — в Крыму — 238 штемпелей¹⁵. Трапезундский чекан по объему сравним с чеканом Московской Руси в период становления там собственной монетной системы — за первые полвека ее существования в конце XIV—начале XV вв. великокняжеские мастера создали примерно 223 штемпеля.¹⁶

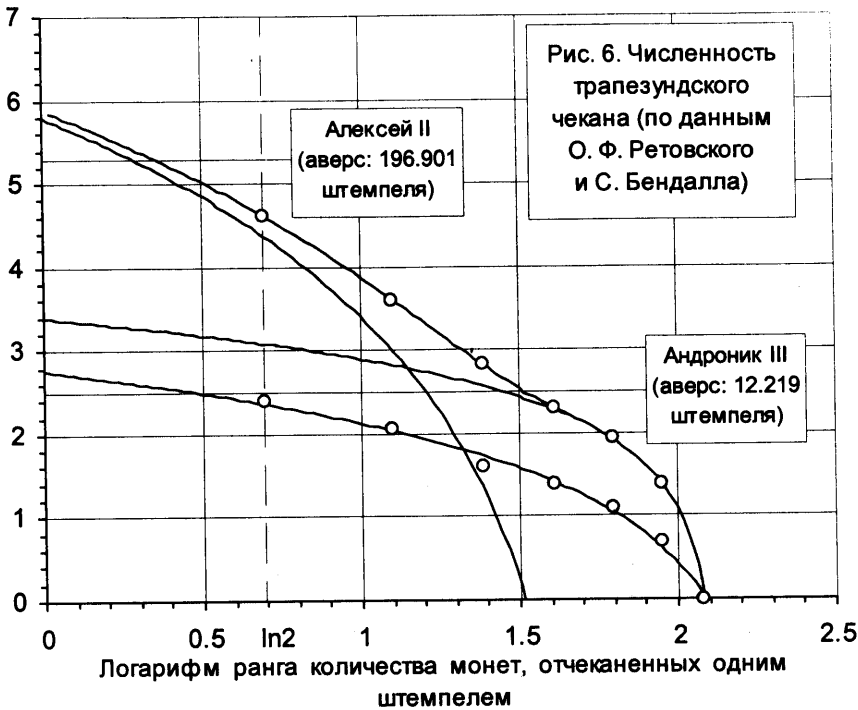
Для определения объемов чекана Трапезунда я воспользовался данными, которые предоставляет компендиум Ретовского и публикации двух кладов — хранящейся в Эрмитаже находки из грузинского села Тобаниери и ушедшего в частные руки с аукциона, но предварительно описанного С. Бендаллом клада монет 1297—1340 гг. Вычисления по данным Ретовского и Голенко дают разные результаты. Их трудно сопоставлять, поскольку нумизматы по-разному определяли типологию собственно трапезундской монеты и кирманеули. Но главное заключается в том, что Ретовский считал отдельным типом подправленный перегравировкой сработавшийся шлемпель, — поэтому штемпелей у него оказывается больше и производительность монетного двора по его данным выше. Наблюдательность Ретовского предпочтительнее — она позволяет точнее установить размеры производства — возобновление штемпеля для такого подсчета равнозначно созданию нового.

К таблицам 1—3, в которых сведены данные источников и результаты подсчетов, равно и к графическому их отображению на рис. 4—7 необходимо дать некоторые пояснения. Для императоров, чьи монеты представлены единичными экземплярами, как, например Мануила II, численность штемпелей можно определить лишь косвенно. Эти монеты объединялись с монетами Андроника III и находилось общее для двух императоров число штемпелей. Вычитая из него число штемпелей самого Андроника мы получим, что нам известны 5 из 7—8 штемпелей реверса и оба штемпеля аверса его малолетнего сына. Подобная процедура возможна, поскольку для математического закона безразлично, кто изображен на монете и в общем законе складываются несколько частных. На монетах Алексея II (рис. 6) видно, что суммирование не обязательно приводит к появлению одной пологой кривой, описывающей графики. При анализе результатов президентских выборов имел место аналогичный феномен — избиратели поделились (рис. 3) на прагматиков, голосовавших только за реальных политиков и идеалистов — то ли индифферентных, то ли вместо политического выбора выражавших свои человеческие симпатии. Появление в распределении штемпелей Алексея двух законов, существенно различающихся по своим параметрам, связано, конечно с процессом производства. На монетах этого Великого Комнина появляются многочисленные

¹⁵ Такие цифры дает расчет по данным, содержащимся в опубликованном тиражом 25 экземпляров описании клада из с. Белгородское в Крыму, составленном Н. Н. Ивановым.

¹⁶ Анализировались сведения о монетном чекане из книги: *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.

Логарифм числа штемпелей, представленных не менее, чем "X" монетами

Логарифм числа штемпелей, представленных не менее, чем "X" монетами

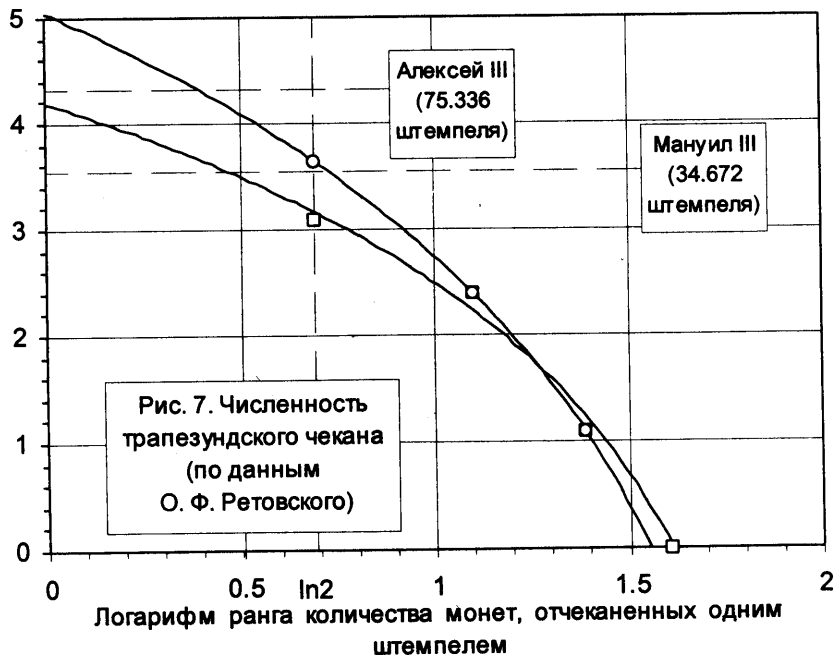

Таблица 1. Численность чекана по данным О. Ф. Ретовского	Теоретические параметры аппроксимации			Количество монет, представленных одинаковыми штемпелями														Всего	Доля Быть	Остаточ- ная дис- персия											
	av	a	b	c	1	2	3	4	5	6	7	8	9	14	19																
					Количество штемпелей																										
Иоанн I	av	11.53443	1.314906	1.951241	8	2	3	2	1															16	21.17	0.0397118					
Иоанн I	rev	0.299704	3.98015	3.400152	8	3	2	1	2															16	20.98	0.0023748					
Мануил I	av	5.129533	5.525742	2.653598	142	50	9	7															208	453.11	0.0481592						
Мануил I	rev	73.93211	3.782142	2.035038	150	52	10	2	1															215	516.40	0.0273426					
Мануил I (без правки штемпелей)	av	13.63289	3.140733	2.781149	81	25	19	9	2	6	4															146	205.89	0.1010349			
Мануил I (без правки штемпелей)	rev	12.82747	0.629923	2.355249	104	25	16	2	2	1	2	2	1	1															156	19.53	0.0404353
Иоанн II	av	120.4281	2.281165	1.738497	81	30	18	7	3	3															142	224.24	0.0150989				
Иоанн II	rev	53.47648	2.537125	2.188397	88	32	17	9	5															151	242.13	0.0061604					
Феодора									1	1															2	(2)					
Иоанн II и Алексей II	av				1	1	1															3	(47)	0							
Иоанн II и Алексей II	rev				3	1															4	(57)									
Алексей III		17.04931	3.253428	1.972537	27	8	3															38	75.34								
Мануил III		14.54726	2.319998	1.924877	11	8	2	1															24	34.67	0.0520232						
Алексей IV		44.5026	1.059984	1.414149	18	13															31	(47.19)	0.0002826								

Таблица 2. Численность чека на по данным К. В. Голенко	Теоретические параметры аппроксимации			Количество монет, представленных одинаковыми штемпелями										Всего	Должно быть	Остаточная дисперсия
	av	a	b	c	1	2	3	4	5	6	7	9	11			
		Количество штемпелей														
клад в целом	av	8.40586	0.752026	2.257663	98	18	11	1	1	2	1	1	133	12.68	0.0974995	
	gev	82.32705	3.131948	1.829371										335.84		
клад в целом	gev	1.566281	6.520635	2.725491	118	28	8	2	1				157	405.10	0.0083695	
Иоанн I	av				2	1							3			
Иоанн I	gev				2	1							3			
Мануил I	av	9.7E-24	29.60065	7.510217	40	5	2						47	163.94	0.0064965	
Мануил I	gev	0.003871	11.07025	3.039423	43	5	1						49	202.52	0.0001619	
Мануил I (с кирманеули)	av	2.62E-34	37.40001	9.519948	54	7	3						64	210.57	0.0062467	
Мануил I (с кирманеули)	gev	2.62E-34	39	8.779945	57	7	2						66	276.87	0.0001426	
Иоанн II	av	8.02657	0.395744	2.109425	37	10	8	1	1	2	1	1	61	10.29	0.020052	
Иоанн II	gev	41.80387	2.057077	1.772323									83	99.98	0.0110762	
Иоанн II (с кирманеули)	av	7.949662	0.387412	2.107918	41	10	8	1	1	2	1	1	65	10.39	0.0264893	
Иоанн II (с кирманеули)	gev	43.78043	2.107661	1.775882									87	111.16	0.0066661	
Иоанн II и Алексей II	av	6.642293	4.608816	2.45514	58	20	6	2	1				1	177.88		
Иоанн II и Алексей II	gev				1								1	1.00		
Сумма	av													333.12		
Сумма	gev													455.75		

Таблица 3. Численность чекана по данным С. Бендалла	Теоретические параметры апроксимации			Количество монет, представленных одинаковыми штемпелями														Всего	Должно быть	Остаточ- ная дис- персия		
	a	b	c	Количество штемпелей																		
				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	14	19				28	38
клад в целом	av	11.9754	0.80444	2.81842	83	31	14	7	8	3	1	3	1	1	1	1	1	1	1	155	23.78	0.0245995
		8.3275	3.72212	2.78114																	204.90	
клад в целом	gev	9.56315	0.52602	2.49869	155	41	8	8	7	5	1	1	1	2						230	13.31	0.0064703
		34.3724	0.89248	2.0387																	50.44	
		255.2	2.765	1.56																	475.41	
Алексей II	av	16.7932	0.76301	2.10433	65	20	7	3	3	3			1							175	24.12	0.0014467
		71.0212	2.77287	1.73472																	172.78	
Алексей II	gev	5.19401	0.60179	2.01098	115	21	3	1	1	1										142	6.53	0.0022859
		128.521	3.63175	1.70955																	408.85	
Андроник III	av	6.53733	1.08058	2.26042	3	3	1	1					1							11	12.22	0.0254361
Андроник III	gev	8.13641	1.69883	2.23749	7	4	2	2	2	1	1									17	21.15	0.0085277
Андроник III + Мануил II	av	7.8191	1.05125	2.34159	3	3	1	2	1	1	1		1							13	14.17	0.0128912
Андроник III + Мануил II	gev	9.17457	1.96497	2.27036	10	4	4	2	2	1	1									22	28.63	0.0192975
Мануил II	av												1							2	1.95	
Мануил II	gev				3		2													5	7.48	
Василий	av	10.9569	1.77643	2.76237	15	7	6	2	4	1	2		1	1	1					41	46.87	0.0552827
Василий	gev	13.7624	1.21999	2.51448	30	15	5	3	5	2	2	1								65	31.99	0.0523177
		8.77924	3.01999	2.28148																	59.00	
Сумма	av																				257.93	
Сумма	gev																				535.00	

дифференты — мелкие, независимые от изображения на лицевой или на оборотной стороне, значки. С. Бендалл насчитал их ровно двадцать; число же их комбинаций значительно больше. Они вошли в употребление не сразу после вступления Алексея на престол и их чередование прекратилось при его наследниках.¹⁷ Причина и цель их появления неясны, однако, смена дифферентов диктовала обновление ассортимента штемпелей еще до того, как они полностью изнашивались. Поэтому мы и видим на рис. 6 кривую «А», которая описывает группу штемпелей с производительностью, пониженной по сравнению с группой, описываемой кривой «В».

Как оказалось, производительность монетного двора Трапезунда была незначительной. Предположения и объяснения отличий в стилистике аспров производством их на различных монетных дворах в отсутствие массового производства штемпелей становятся бессмысленными — монетный двор был один. При Иоанне I (в зависимости от того, в начале или в конце 1235 и 1238 гг. он начал и, соответственно, кончил царствовать) для чекана монеты вырезали минимум 6 — максимум 12 штемпелей в год. Реально, очевидно, вырезалось примерно столько же, сколько и в 1238—1280 гг. — в среднем 10.79 штемпеля аверса и 12.3 — реверса каждый год (рис. 4). За восемнадцать—девятнадцать лет в правление Иоанна II, при Феодоре и при соправителях Иоанне и Алексее II было изготовлено около 230 пунсонов и 250 матриц — по 12.1—12.8 и 13.2—13.9 в год (рис. 5). Производство монеты упало при Алексее II — в его долгое царствие резчики ежегодно изготавливали в среднем лишь по 6 и 12.5 новых штемпелей. Темпы чекана не изменились при Андронике III, и, хотя в восьмимесячное правление его сына было сделано только два штемпеля аверса, тенденция не изменилась — последующие восемь лет при Василии по-прежнему резали 6 и 12 штемпелей в год (рис. 5—6).

Последующие правители чеканили все меньше и меньше. По редким монетам второй половины XIV в. трудно точно судить, угасало ли производство постепенно или резко. В чекане Алексея III (1349—1390) и Мануила III (1390—1416/1417) уже нельзя проследить разницу в числе произведенных штемпелей аверса и реверса. Для этого нужно, чтобы на монетах случайно комбинировались штемпели, одновременно употреблявшиеся на монетном дворе. Судя же по тому, что при первом было сделано 75, а при втором — 35 штемпелей (рис. 7), всей империи всего одной пары штемпелей хватало сначала на полгода, а потом — и на десять месяцев. Монетное производство, правда, резко оживилось при Алексее IV (1416/1417—1429). Хотя в европейских коллекциях не нашлось трех экземпляров его монет с одинаковыми штемпелями, применив вышеизложенную методику уже к типологии аспров, можно узнать, сколько типов штемпелей существовало при нем. Приняв во внимание, как Ретовский типологизировал эти аспры, можно предположить, что четыре штемпеля в год обеспечивали потребности населения и производства при Алексее IV.

* * *

На примере состава денежного обращения Золотой Орды было показано, что на продолжительных отрезках времени скорость, с которой монета исчезает из обращения, остается относительно стабильной, а вероятность ухода монеты из обращения — в среднем постоянной. Графики состава фиксируют

¹⁷ Bendall S. A hoard ... P. 102—103.

при этом и моменты возрастания денежной массы и периоды ее падения (рис. 8). Анализ состава кладов джучидских монет показал также, что даже неполное, по меркам золотоордынской нумизматики, описание — указание только имени хана и количества его монет в кладе — дает возможность определять эту вероятность. Датируя все монеты хана концом его правления, мы никакой ошибки не совершаем, а только (вынужденно) уменьшаем число точек, по которым определяется вероятность ухода.

Кладовый материал, который дал основу для анализа денежного обращения Золотой Орды, практически неизвестен нумизматам Трапезунда. Клад аспров и кирманеули из с. Тобаниери, датируемый минимум 1297 годом по наличию в нем монеты Иоанна II и Алексея II¹⁸ — одно из счастливых исключений.

Из-за отсутствия на аспрах даты чекана в хронологическом распределении монет этого клада (рис. 9) можно найти лишь четыре опорные точки — 1238, 1263, 1280 и 1297 гг. — даты смены правителей. С первого взгляда на этот график мы должны предположить, что вероятность ухода при Мануиле I была 0.109, а при Иоанне II — всего 0.055. Если бы монеты этих императоров не были практически идентичны по своей стопе, следовало бы заподозрить, что мы имеем дело с кладом, составленным в два приема, или с кладом, владелец которого предпочитал монеты Мануила монетам его сына. На самом же деле дело в другом — монеты, найденные в Тобаниери, отразили начало образования монетного фонда империи и зафиксировали два процесса — не только восполнение потерь денежной массы, но и возрастание ее размера. (Напомню, что прямая на графике состава может существовать не только при равномерной замене монет в обращении, но и при равномерном увеличении или уменьшении этого фонда¹⁹).

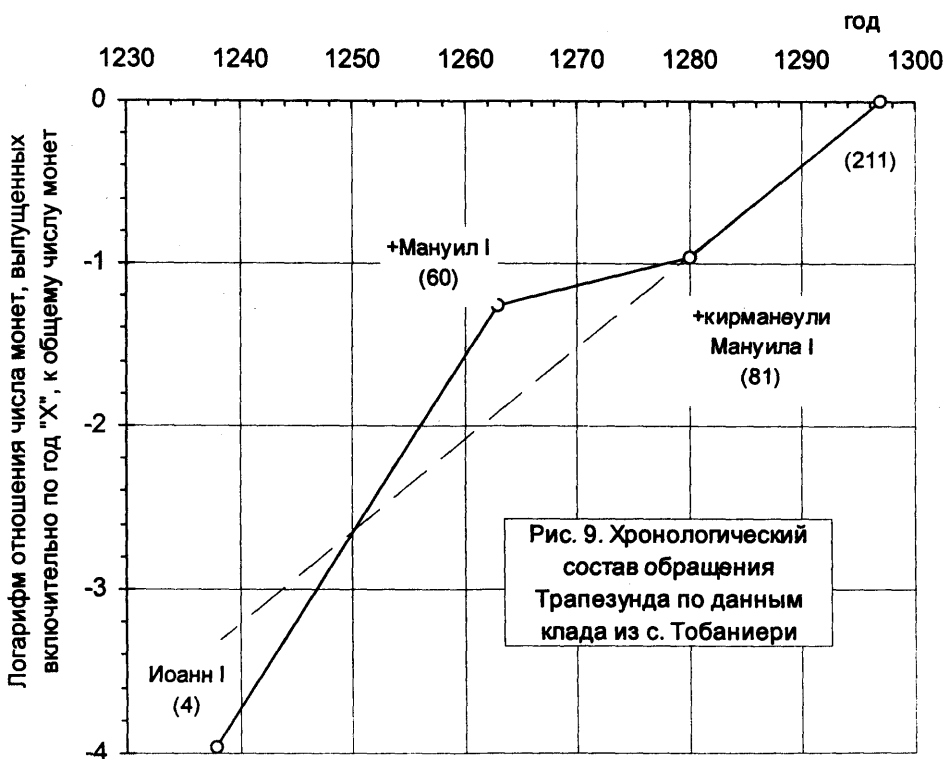
Чтобы увидеть как это происходило, наряду с данными означенного клада возможно привлечь описания монет, рассредоточенных по коллекциям. Специфика подобного материала, имеющего неопределенное хронологическое происхождение, заставляет прежде всего определить принципы подхода к его анализу.

В коллекции поступают монеты, вышедшие из обращения; их количество, конечно, объективно зависит от их распространенности и от того, как долго продолжалось обращение этих монет. Но количество имеющихся в коллекциях монет зависит не только от объективных причин. Выпадение монет в клад существенно образом влияет на доступность для нумизмата различных хронологических групп. К примеру, хотя в музейных коллекциях, описанных Ретовским, соотношение числа монет Алексея IV, Мануила I и Иоанна II составляет примерно 1 : 6 : 7, относительные количества выпущенной ими монеты соотносятся иначе — как 1 : 6 : 12 (см. табл. 1).

Источником, из которого монеты поступают в коллекции, служит некоторая совокупность, состоящая из сохранившихся в земле случайно утерянных монет и из не востребованных кладов. Эта совокупность образовывалась в течение веков и содержание в ней монет отдельных выпусков зависит от того, как поступали в землю монеты — равномерно или нет. Если бы в земле находились

¹⁸ Голенко К. В. Клад ... С. 164

¹⁹ Объяснение принципов построения графиков хронологического состава см.: Пономарев А. Л. Монетное обращение Золотой Орды...

только монеты, утерянные случайно — из поясов и кошельков, то Ретовский бы зафиксировал, что количество аспров, к примеру, Алексея II,²⁰ несколько меньше числа аспров Иоанна II, поскольку он начеканил монеты несколько меньше, чем отец (197 и 224 штемпеля, хотя у Ретовского на 39 монет Алексея приходится 263 — Иоанна). Есть и другие факторы. Поиск потерянных монет СССР, произведенный мною весной 1988 и весной 1989 года показал, что количество утерянных монет какого-либо типа зависит и от их доли в обращении и от их размера, хотя не зависит от их номинала. С равной вероятностью терялись одинаковые по размеру монеты — 2-х и 10-ти, 3-х и 20-ти, 5-ти и 50-ти копеечные. Вероятность утери для этих пар была различна; она была ниже для крупных, выше для мелких и прямо зависела от их размера, который следует понимать как площадь монеты. Поскольку площадь монеты примерно равна $\pi d^2/4$, вероятность утери очень сильно зависит от диаметра монеты. Аспры Иоанна II немного тяжелее и немного крупнее аспров его сына, они значительно тяжелее и больше по размеру аспров второй половины XIV в. и, тем не менее, они — вторые по численности из трапезундских монет, известных нумизматам вне кладов.

Объяснить это можно единственным образом — в конце XIII и в XIV веке в землю попала разная доля от всех имевшихся в обращении аспров. Связать этот феномен можно только с кладами. Отсюда — противопоставление двух указанных периодов, которое подразумевает, что Трапезунд в XIV в. не знал узкой даты тезаврации, к которой можно было бы привязать заметную часть имеющихся в коллекциях монет, подобно тому, как ко времени Великой Замятни привязано большинство золотоордынских монет 1310—1370 гг.

Согласившись с последним утверждением, мы можем представить, когда из обращения ушла какая доля монет, поступивших в конце концов в современные коллекции. Этот процесс происходил, приблизительно, по уже известному экспоненциальному закону, определяемому вероятностью ухода «и»:

$$N = \exp^{-\lambda t}$$

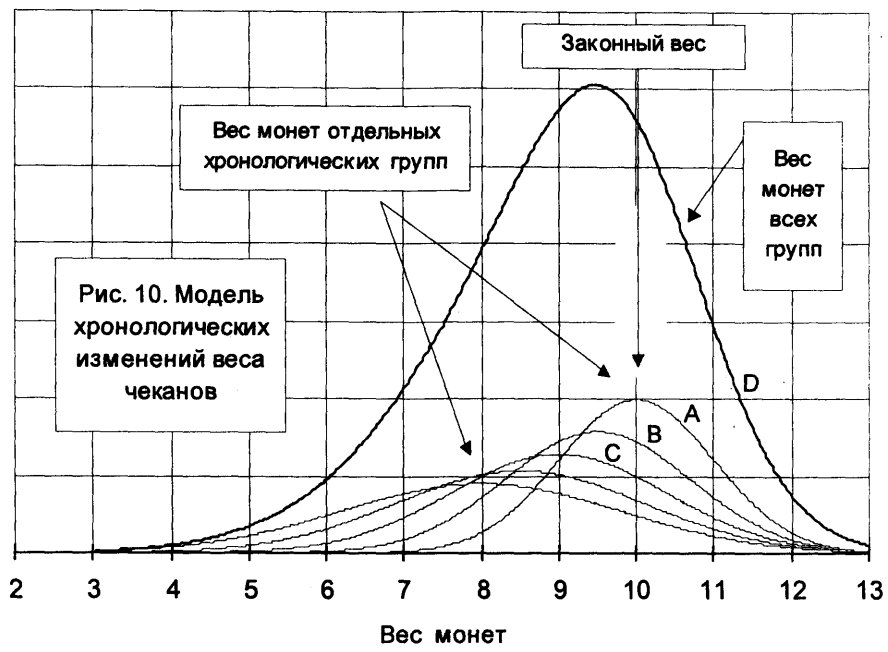
Согласившись и с этим, возможно определить (даже при отсутствии кладов) по малочисленному и гетерогенному коллекционному материалу искомые характеристики чеканов и обращения — вероятность ухода, среднюю стертость, законный вес и ремедиум монеты. Для этого необходимо представлять, какие процессы влияли на вес монет, дошедших до нас (рис. 10).

В первый год после выпуска монетного типа из обращения уходит (а затем поступает к нумизматам) самая многочисленная группа монет. В этой группе (B), как и в изначальном чекане (A), веса монет распределены по нормальному закону распределения вероятностей. В силу стертости законный вес (M) чекана будет выше модального (P) — наиболее вероятного веса этих монет (нумизматы, не имеющие представления о величине стертости, полагают последний за законный); разница законного и модального весов будет средней стертостью монет за год $\Delta m = M_{(t)} - P_{(t+1)}$.

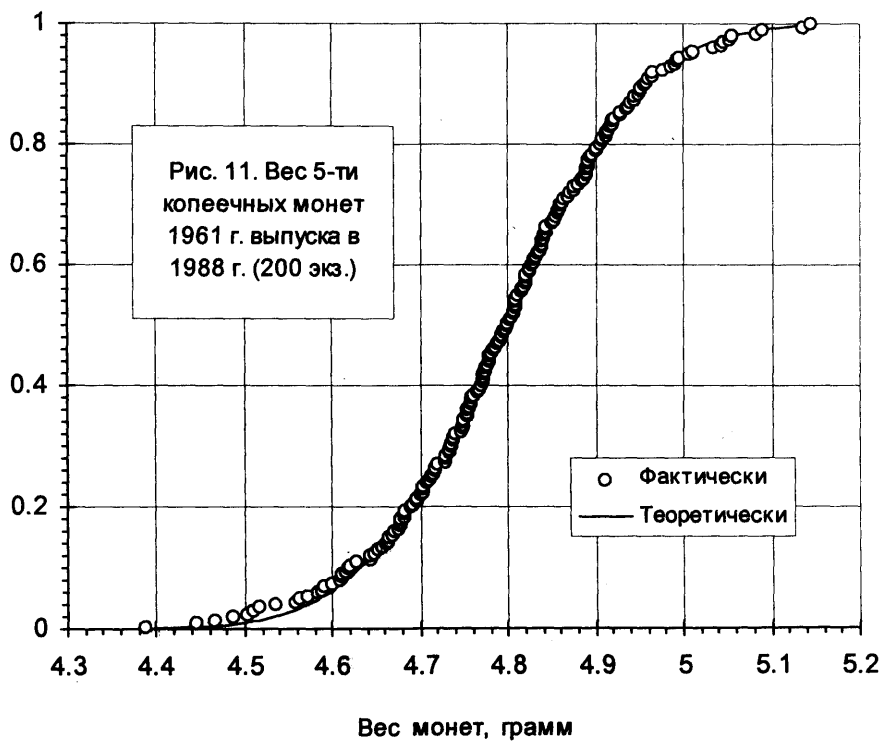
Монеты, утерянные на второй год после своего выпуска (C), стерлись в среднем уже на $2\Delta m = M_{(t)} - P_{(t+2)}$. Число таких монет будет меньше, чем число утерянных в первый год, так как общее число во второй год ниже, чем в первый,

²⁰ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 143—151.

Относительное число монет весом "X"

Доля монет весом не менее "X" грамм

хотя бы и только из-за утерь (если теряется постоянная доля от общего числа монет). Число монет в обращении уменьшится на величину, определяемую вероятностью ухода, составив $N_{(t+2)} = N_{(t)} \times e^{-2u} = N_{(t+1)} \times e^{-u}$. Монеты, утерянные во все последующие годы, продолжают обе зависимости.

Потеря веса монетами, как и сам вес, величина случайная — ведь монета одного и того же веса может почти и не стереться, а может и сильно стереться. Последнее явление в чистом виде было обнаружено на уже упомянутых монетах СССР. В январе 1988 года пятикопеечные монеты СССР 1961 года выпуска, чей первоначальный вес был пять грамм и технологический ремедиум — около 0.04 (как у пятаков 1987 г.), имели распределение весов, строго соответствующее нормальному закону со средней, равной уже 4.8 грамма и возросшей вдвое дисперсией 0.125 (рис. 11). То есть, можно констатировать, что с течением времени не только снижается средний вес прошедшей через обращение монеты, но и (по закону сложения вероятностей нормальных распределений) пропорционально этому времени будет увеличиваться и дисперсия веса (увеличивается и разница веса самой тяжелой и самой легкой монеты).

Совокупность монет, *выпущенных одновременно и потерянных за ряд лет*, можно представить в виде нескольких убывающих по весу и по количеству групп, как это сделано на рис. 10. Суммарное распределение веса монет этих групп (D) имеет привычный для нумизмата вид — преобладание числа легких монет над тяжелыми. Такое распределение определяется шестью параметрами — вероятностью ухода « u », законным весом « M », среднегодовой стертой « Δm », дисперсией весов « σ » (ремедиумом чекана $3\sigma/M$), временем « t », в течение которого данный тип монеты уходил из обращения, и ежегодным увеличением дисперсии $\Delta\sigma$. Оно описывается интегралом и двойным интегралом для кумулятивного распределения:

$$\int_0^x \int_0^t e^{-ut} \frac{1}{(\sigma + \Delta\sigma)\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{((a - \Delta mt) - x)^2}{2(\sigma - \Delta\sigma)^2}} dt dx,$$

который решается как

$$\frac{e^{-ut} t \operatorname{Erf} \left[\frac{(a - \Delta mt)\sqrt{\log[e]}}{\sqrt{2}(\Delta\sigma + \sigma)} \right]}{2\sqrt{\log[e]}} + \frac{e^{-ut} t \operatorname{Erf} \left[\frac{(-a + x + \Delta mt)\sqrt{\log[e]}}{\sqrt{2}(\Delta\sigma + \sigma)} \right]}{2\sqrt{\log[e]}}$$

В *кладе* распределение веса монет, выпущенных за некий интервал времени, будет определяться этими же параметрами и может быть отображено тем же рис. 8. Смысл кривых при этом, однако, будет иной: самыми многочисленными будут малостершиеся монеты последних выпусков, а не монеты, стершиеся незначительно из-за того, что они быстро ушли в землю. Время « t » — продолжительность обращения — для монет *клада* будет достаточно точно определено датировкой младшей монеты — временем прошедшим до тезаврации.

Распределение для монет одного законного веса, *выпущенных за ряд лет и потерявшихся в течение некоторого времени*, немногим более сложно — это простая

сумма — сумма распределений за отдельные года, у которых все параметры, кроме времени « t », идентичны.

После определения факторов, влияющих на вес монеты, можно объяснить вес трапезундских аспров в европейских коллекциях и кладах. Графики кумулятивного распределения веса аспров различных императоров проявляют воздействие на веса монет указанных трех факторов — ежегодного полегчания монеты, ежегодного снижения численности чекана и изменения его дисперсии. Замеченные на них нерегулярности дают возможность утверждать, что чекан производился по нескольким стопам, которые, однако, можно вычислять и увидеть, что по всем статистическим критериям теоретические формулы описывают фактические данные с точностью, приближающейся к единице.

При определении параметров этих распределений (законного веса, среднегодовой стертости, вероятности ухода, дисперсии чекана) важны следующие соображения и граничные условия, вытекающие, в частности, из особенностей нормального распределения:

1) разница законного веса « M » и веса самой легкой монеты « m_{\min} », деленная на время обращения первого хронологически типа « t_{\max} » приблизительно равна среднегодовой стертости « Δm »;

2) начальная дисперсия « σ » чекана примерно равна 1/3 разницы веса самой тяжелой монеты « m_{\max} » и законного веса « M »;

3) в конце обращения монетного типа дисперсия веса его монет « $\sigma + \Delta\sigma t$ » примерно равна 1/8 разницы веса самой тяжелой « m_{\max} » и самой легкой « m_{\min} » монеты чекана;

4) если в распределении присутствуют монеты более чем одного законного веса, среднегодовая стертость и конечная дисперсия определяются с учетом разницы этих весов:

$$\Delta m = [M_1 - m_{\min} - (M_1 - M_2)]/t_{\max} = (M_2 - m_{\min})/t_{\max} \text{ и}$$

$$\sigma + \Delta\sigma t = m_{\max} - m_{\min} - (M_1 - M_2).$$

5) Законные веса следуют простым кратным от веса либры-фунта в десятиричной или двенадцатиричной системе, поэтому следует выбирать вес, например, 1/140 фунта, даже если он несколько хуже соответствует фактическому распределению, чем 1/141.

Ключ к пониманию процессов, происходивших в обращении Трапезунда в XIII в., дают монеты Иоанна II. Анализ веса его аспров в кладе из с. Тобаниери, проведенный для выявления параметров обращения (рис. 12), подтвердил необоснуемое статистически предположение И. В. Соколовой об изменениях в законном весе этих аспров.²¹ Этот император, несмотря на то, что в обращении в 1280 г. пребывало множество облегченных подражаний-кирманеули, начал чекан собственной монеты практически по той же стопе, что и его отец. Стопа 1/114²² просуществовала до 1295 г.; с ней следует связать штемпеля,

²¹ Соколова И. В. Трапезунтские аспры ... С. 141.

²² 114 монет по 2.8724 г из фунта — византийской либры, равной 327.45 грамм. При переводе весов в метрическую систему безразлично, пользовались ли монетчики этой либрой или ее трапезундским вариантом, составлявшим, по расчетам согласно Пеголотти, 330.915 г (Pegolotti F. B. La pratica della mercatura. Cambridge, 1936. P. 29, 31–32).

которые И. В. Соколова определяла как первый и второй классы монет Иоанна,²³ по ней же была свои монеты и Феодора (1284).²⁴ Снижение законного веса аспров до 2.619 г. произошло на штемпелях с дифферентами в виде шестиконечной звезды. Эта норма (1/125) существовала недолго — кроме аспров Иоанна, которые выделены у О. Ф. Ретовского и у К. В. Голенко в первую группу,²⁵ с ней можно связать только совместный чекан Иоанна II и Алексея II (1297) — для своих монет последний принял пониженную в очередной раз стопу — 1/140 (см. также рис. 18).

Монеты из первой группы Ретовского (рис. 13), и как заметила И. В. Соколова,²⁶ в коллекции Эрмитажа, имеют пониженный, по сравнению с прочими, вес — от 2.03 до 2.73 г. Столь существенные колебания веса в узкой хронологической группе нельзя объяснять различной стертой монет, поскольку в кладе из с. Тобаниери, где эти аспры — младшие, их веса колеблются в тех же пределах. Моделирование веса монет для этого клада показало дополнительно, что позднейшие монеты Иоанна не могли быть чеканены по одному законному весу. Их было два — 2.62 г (1/125) и 2.339 г (1/140) (рис. 14). Последний же чекан Иоанна II — совместно с Алексеем II, известный по монетам весом 2.64, 2.6, 2.6 и 2.0 грамм,²⁷ следовал, как видно, норме 1/125. Если считать, что изображение императора и легенда строго определяют хронологию типов монет и, следовательно, присущих им законных весов, придется принять последовательность смены стопы от 1/125 к 1/140 в конце царствования Иоанна, ее повышение снова до 1/125 после появления соправителя-сына, и возврат к 1/140 после смерти Иоанна. Подобную непоследовательность и подобные колебания в пределах года-двух понять трудно.

Поэтому следует предположить, что снижение законного веса до 2.339 г произвел в самом начале единоличного правления сам Алексей II. Монетный двор при этом воспользовался несколькими штемпелями с изображением его отца, которые еще не были выработаны до конца, когда введение совместного правления потребовало монет с изображением обоих императоров. Выпуск монеты от имени предшественника не был чем-то необычным; в Трапезунде так поступали при Георгии (1266—1280);²⁸ из близких примеров в русской истории можно привести чекан копейки с именем Федора Иоанновича, которую бил Борис Годунов до своего утверждения на царстве.²⁹

Нумизматы, сталкиваясь с понижением законного веса или стопы, склонны подозревать власть в злоупотреблении монетной регалией, попытках за счет ухудшения качества монеты решить финансовые проблемы власти. Поэтому можно пытаться увязать снижение законного веса аспра за 3—4 года на 0,53 грамма с внутривластным положением империи, поскольку внутреннее состояние трапезундского денежного рынка не могло этого требовать — он был относительно стабилен. И при Иоанне II и в правление Алексея II обновление монетного фонда происходило практически одинаковыми темпами, а увеличение интенсивности денежного оборота при Алексее, повысившее стертость

²³ Соколова И. В. Трапезунтские аспры... С. 137.

²⁴ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 132—133.

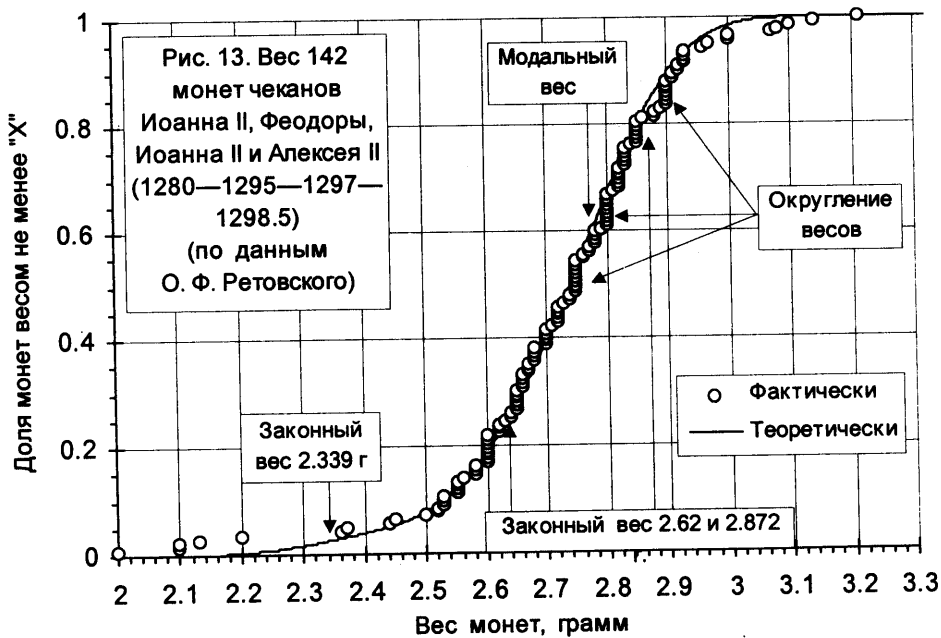
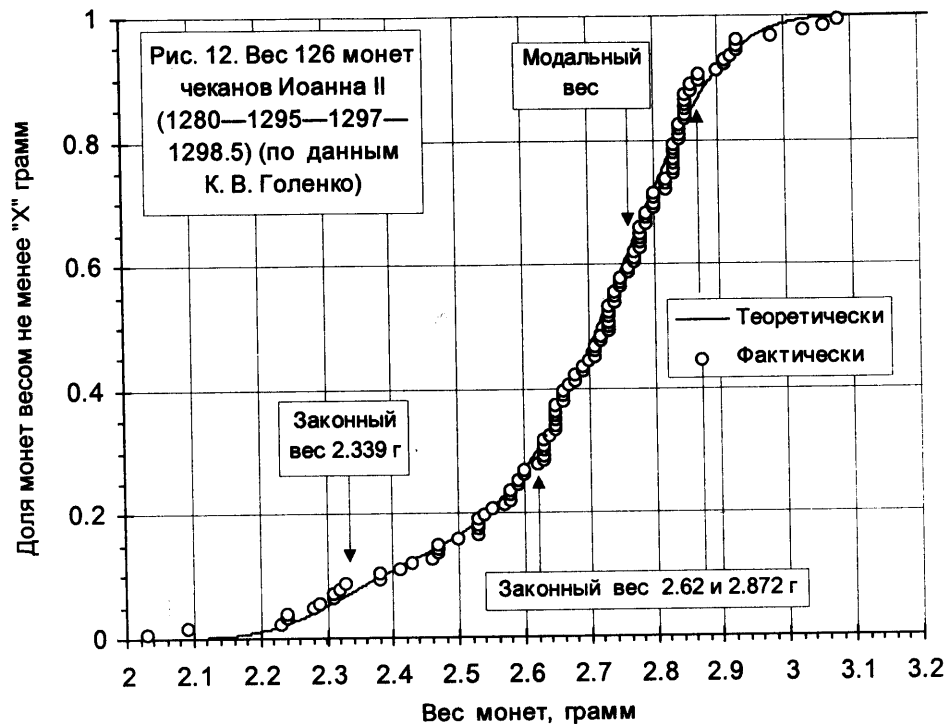
²⁵ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 76—104; Голенко К. В. Клад ... С. 157.

²⁶ Соколова И. В. Трапезунтские аспры... С. 137.

²⁷ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 130.

²⁸ Соколова И. В. Трапезунтские аспры... С. 140.

²⁹ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 65.

аспра с 10.8 до 15 мг, лишь через двадцать лет привело к понижению стопы и то лишь на 0.156 г (рис. 18).

Сопоставлении динамики законного веса монеты с географическим положением Трапезунда, с незначительными размерами его территории и монетного фонда в заставляют подозревать, что денежное обращение империи было зависимой составляющей обращения Передней Азии в целом. Аналогии веса аспров и веса хулагуидских дирхемов проводились неоднократно,³⁰ перечеканки последних в кирманеули³¹ подтверждают равнозначность для населения качества этих денег. Торговый путь из Трапезунда в столицу Ильханов — Тебриз исправно функционировал, империя Великих Комнинов была необходимым этапом на пути в Индию и Китай товаров и денег, на этом пути сами деньги становились товаром. В разноросортице монеты хулагуидского государства конца XIII в., на которую сетует Рашид ад-Дин, все же существовала весовая норма столичного чекана — «...прежде каждый дирхем чеканили в четыре данека...»³² (Это был, как мы увидим, вес монет, чеканенных от имени Мануила I — 3.032). Расстройство экономики Ирана, живописуемое летописцем в противопоставлении заслугам Газан-хана (1295—1304), затрагивало и производство монеты; поэтому одним из актов законотворчества последнего стало проведение монетной реформы, по которой устанавливалась новая стопа серебряной монеты — «три мискаля в одном, имеющем хождение, динаре»,³³ т. е. дирхем (1/6 динара) был равен уже трем данекам — 2.34 г, если это был мискаль 4.68 г, повсеместно распространенный в Иране до XX в., или 2.298 г, если верить Пеголотти.³⁴ «Когда во всех областях звонкая монета уравнилась, народ освободился от забот, и купцы, которые звонкую монету сделали товаром, теперь в каждую область возят разного рода товар, и он стал дешевле»³⁵. Летописец говорит, что дирхемы Газан-хана ценились столь высоко, что даже христиане-грузины стали чеканить мусульманскую по виду монету, воспроизводившую их. Изменения на денежном рынке Передней Азии не минули Трапезунда — новые аспры Алексея II, приспособились к полегчавшим дирхемам Газан-хана, и стали весить 1/140 византийской или 1/144 трапезундской либры (2.339/2.298 г) при ремедиуме 0.12.

Три законных веса у аспров с именем Иоанна II, обнаруженные благодаря кладовому материалу, подтверждают предположение о кладовом происхождении монет XIII в. в коллекциях. Ведь по своему виду распределение весов (и средний вес) монет Иоанна, описанных у О. Ф. Ретовского (рис. 15), практически идентичны весам монет из рассмотренного клада. Даже этого достаточно, чтобы говорить о том, что аспры XIII в., составившие коллекции Британского Музея, Эрмитажа, Кабинета медалей в Париже и т. д., вышли из обращения практически тогда же, когда был зарыт и клад из села Тобаниери.

³⁰ Соколова И. В. Трапезунтские аспры... С. 136 и др.

³¹ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 121; Голенко К. В. Клад ... С. 168.

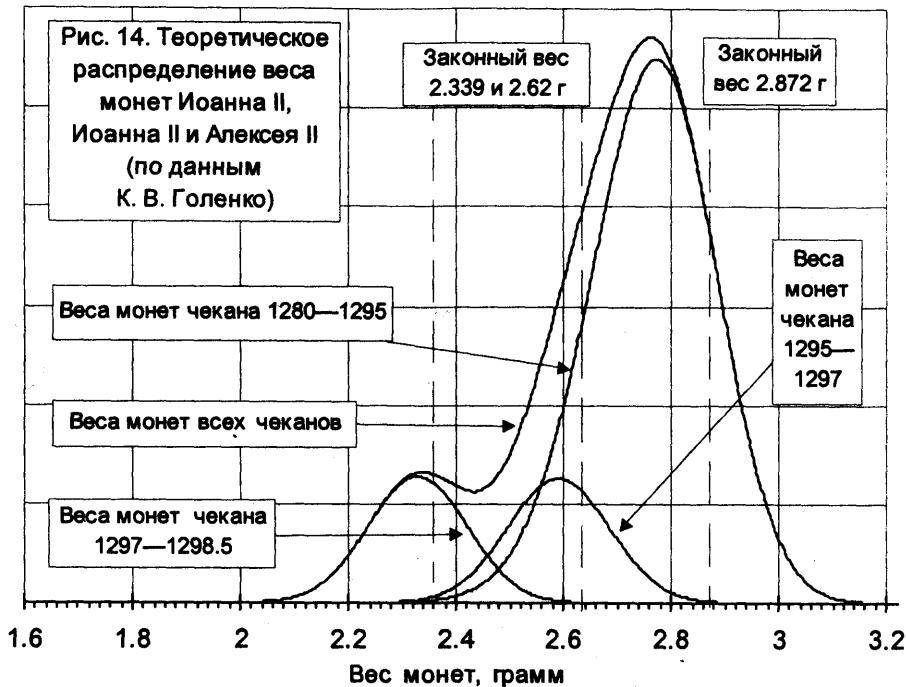
³² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 272. Весовые системы Ирана следовали обычному соотношению 7 мискалей = 10 весовых дирхемов, а 6 данеков = 1 мискалю. Динар — денежно-счетная единица был равен 6 дирхемам — уже не весовым, а монетам с этим именем.

³³ Там же, с. 271.

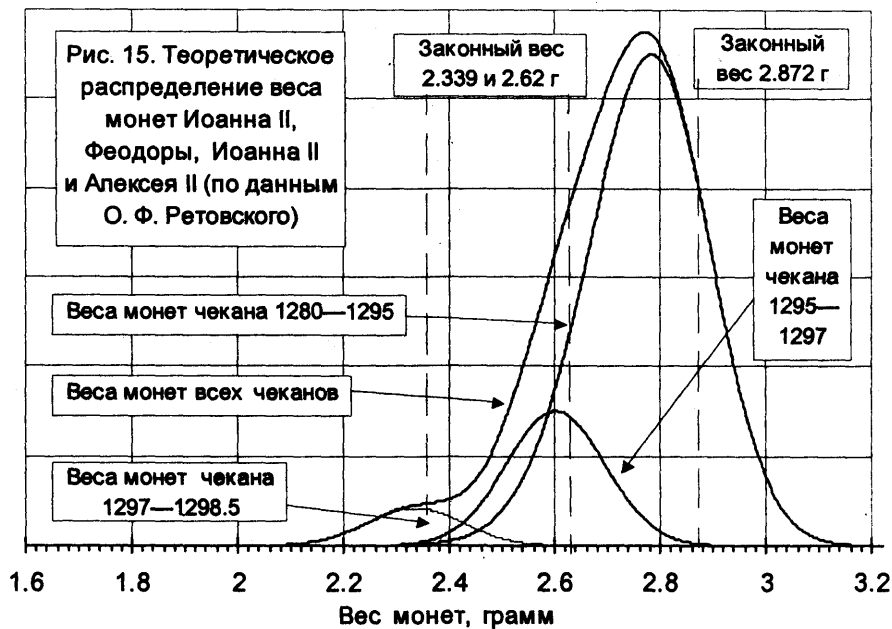
³⁴ Ср.: Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970. С. 15. Исследователь, однако, замечает, что выяснение средневековых мер представляет «для Ирана значительные трудности».

³⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. С. 272.

Относительное число монет весом "X"

Относительное число монет весом "X"

Учет процессов, происходивших в обращении и влиявших на количественные и весовые характеристики ходячей монеты, позволяет утверждать, что единственная причина, по которой различаются веса монет данного клада и указанных коллекций — продолжительность выхода монет из обращения. На рис. 14 представлена теоретическая модель веса части ходячей монеты (аспры 1280—1298 гг.) на конец 1298 г. при существовании трех законных весов; она полностью согласуется с данными клада. При тех же законных весах и той же величине стертости, единственный параметр, который определяет отличия веса аспров 1280—1298 гг. в коллекциях (рис. 15) от этого клада, — доля монет с законным весом 2.339 г. Она ниже, поскольку в целом эти монеты ушли из обращения раньше, чем клад из села Тобаниери — к середине 1297 г. Таким образом, как и численность, вес аспров подтверждает то, что относительно высокое число монет XIII в. связано с образованием кладов в середине 90-х годов XIII в.

Без признания этого нельзя приступать к анализу веса монет более ранних — с именем Мануила I. Вне кладов — в коллекциях — эти аспры — самые распространенные; у О. Ф. Ретовского на две с половиной сотни монет Иоанна II приходится почти триста — Мануила I. Между тем, если бы они поступили только из кладов середины 90-х годов, соотношение, как и в кладе из с. Тобаниери, было бы в пользу монет Иоанна: при вероятности ухода 0.055 доля монет Мануила едва ли достигала к 1297 г. 40% и, соответственно, на 263 аспра Иоанна мы бы имели 150—175 — Мануила. Следовательно, значительное число этих монет (35—45%), поступивших в коллекции, вышло из обращения до этого срока и даже до Иоанна II.

Относить монеты с именем императора ко времени его правления — естественно. Сомнения, которые вызывало у Куршанскиса, который отказывался принавать монеты, традиционно приписываемые Иоанну I, за первый трапезундский чекан,³⁶ то, что Трапезунд, первым на Востоке смог преодолеть последствия «серебряного голода», могут быть только сомнениями — вес этих аспров, внешний вид и худшая сохранность говорят о том, что они появились, все же, раньше монет Мануила и их не следует приписывать Иоанну II. С аспрами Мануила дело обстоит иначе; когда о них приходилось говорить, приходилось и подразумевать, что за именем Мануила скрыт чекан и его наследников — Андроника II (1263—1266) и Георгия (1266—1280), чье серебро неизвестно нумизматам. Его отсутствие вызывало у ученых умеренное недоумение; оно было удовлетворено, когда И. В. Соколова обнаружила стилистические совпадения изображений медного чекана Георгия и ряда аспров с именем Мануила. Тем не менее, значимость отсутствия аспров с именами Андроника и Георгия не может быть правильно оценена, если не принимать во внимание закон обновления состава монетного фонда и потерю веса монетами в обращении. Само отсутствие аспров с именами Георгия и Андроника II еще не может служить доказательством того, что среди аспров с именем Мануила есть и их монеты.

В 1280—1298 гг. для пополнения обращения было использовано 224 штемпеля с именем Иоанна II и 6—7 штемпелей Феодоры и Иоанна II — Алексея II, т. е. — 12.1—12.7 в год. При определенной для правления Иоанна вероятности

³⁶ *Kuršanskis M.* The coinage of the Grand Komnenos Manuel I. // *AP.* 1978. Т. 35. Р. 23—37. Хотя статья и начинается со слов «The Grand Komnenos Manuel I was the first emperor of Trebizond to issue silver coins», в ней отсутствует какое-либо обоснование этого заявления.

ухода — 0.055 (табл. 4), это указывает, что в совокупном монетном фонде с 1280 г. находилось количество монеты, которое можно было одновременно отчеканить 226—238 штемпелями. Если бы при Андронике и Георгии монетный двор Трапезунда бездействовал, при той же вероятности ухода из обращения должно было уйти

$$1 - e^{-0,055 \cdot (1280 - 1263)} = 60\%$$

имевшихся в нем монет, т. е. со смертью Мануила величина монетного фонда должна была составлять 565—594 условных штемпеля. Между тем она могла быть лишь значительно ниже 474 — такое количество штемпелей Иоанна I и Мануила I ушло не просто на создание монетного фонда, но и на компенсацию ухода монет из обращения. Можно, конечно, допустить, что, несмотря на прекращение производства монеты в 1263—1280 гг., масса монетного фонда оставалась постоянной, но это означало бы, что исчезли причины, по которым драгоценные металлы уходят из страны — региональная и транзитная торговля в частности. Кроме того, как мы увидим, ограничение времени чекана аспров с именем Мануила I 1263 годом предполагает, что эти монеты в 1263—1280 гг. не стирались. Следовательно — не обращались, следовательно, в обращении их не было, следовательно — не было и обращения.

Атрибуция И. В. Соколовой части монет с именем Мануила как монет Георгия является признаком того, что резких изменений в обращении 1263—1280 гг. не происходило. Таких монет, однако, все еще недостаточно, чтобы говорить о какой-либо стабильности обращения. Частично решение лежит в признании кирманеули Мануила I органичной частью трапезундского денежного рынка. Выделение этих подражаний из числа собственно трапезундских аспров всегда было одной из задач нумизматики Трапезунда. С ее развитием в эту группу попадало все большее число монет; к грубым подражаниям с произвольным рисунком и надписью, к перечеканкам добавлялись монеты со смесью типологических элементов из различных чеканов самого Мануила I, монеты с ошибками в надписях и со своеобразным начертанием букв α , μ и κ . По всем этим признакам И. В. Соколовой в коллекции Эрмитажа удалось насчитать 66 монет против 163, которые она относит к чекану самого Мануила I. За то, что кирманеули Мануила I чеканились после его правления говорили то, что в стилистике ряда из них употреблены элементы, присущие последним выпускам аспров этого императора. Кроме того, известны экземпляры, перечеканенные из дирхемов 1267—1276 гг. и дирхемов ильхана Аргуна (1284—1291).³⁷ Существование подражаний аспрам Иоанна II, в свою очередь, говорит о том, что в регионе, как это обычно бывает, репродуцировалось признанное средство платежа — после вступления на престол Иоанна им стали уже аспры с его именем. Этот довод носит умозрительный характер и, конечно, не может строго определить образец для подражания и время их чекана. Однако датировка основной массы кирманеули Мануила 1263—1280 годом снимает часть сомнений в стабильности трапезундского обращения в это время — его пополнение за счет подражаний вполне могло привести монетный фонд к составу, на который указывает соотношение числа аспров и кирманеули, определенное по коллекции Эрмитажа — ориентировочно на 1/4 он мог состоять

³⁷ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 209, 220; Голенко К. В. Клад ... С. 207.

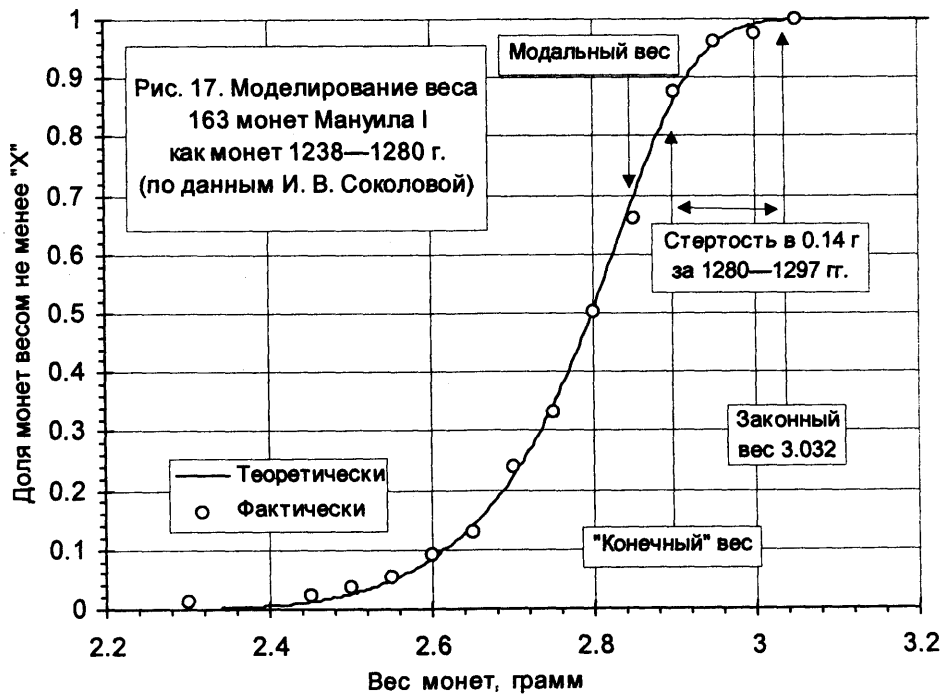
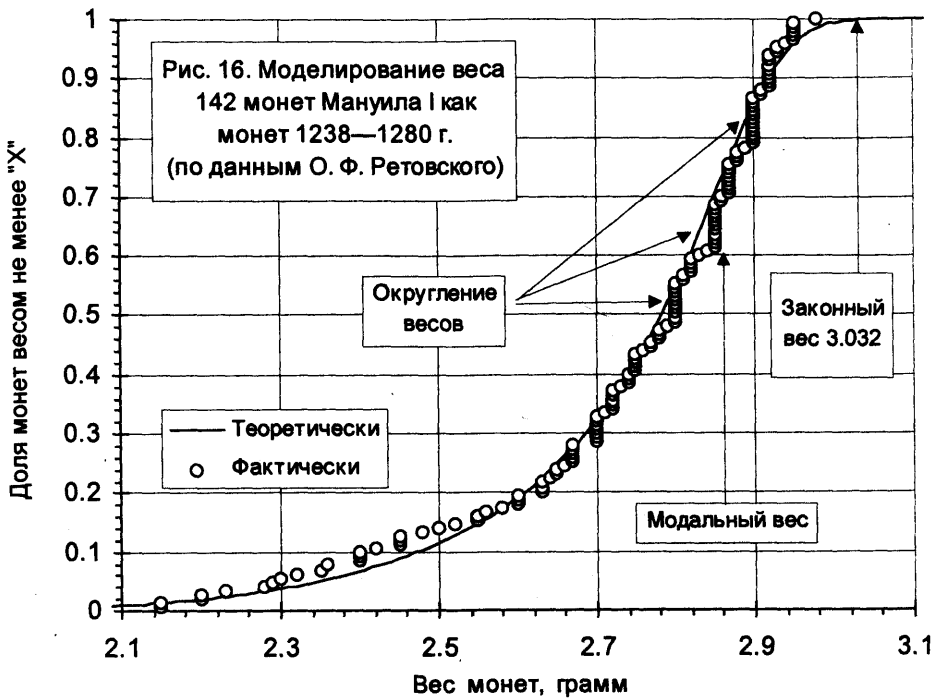
из подражаний аспрам Мануила I. Для денежного рынка место их производства было безразлично, лишь бы эти монеты были способны выполнять роль средства обращения и платежа. В этой роли они были для современников такими же *asprī comminātī* как и противопоставляемые им сегодняшними нумизматами собственно трапезундские аспры.

Следует признать, что работа, проделанная И. В. Соколовой по отделению аспров от подражаний, была крайне необходима. Без нее было бы трудно применить законы, управляющие весом вышедших из обращения монет, к чекану Мануила I. В своде О. Ф. Ретовского и в публикации К. В. Голенко среди монет, отнесенных к чекану Мануила I, находится избыточное количество легких (рис. 16). Распределение веса монет этого Комнина, построенное следуя типологии И. В. Соколовой, из-за того, что подражания выделены, этой особенности лишено; ее были лишены и в действительности аспры Мануила. Среди 163 монет Эрмитажа, которые автор определяла как чекан самого Мануила, должно быть не 55—65%, а порядка 80% аспров, происходящих из кладов 90-х годов, поскольку в эту коллекцию вошло 56 монет клада из с. Тобаниери. За время правления Иоанна II монеты Мануила стерлись на 0.18 грамм — по 0,0108 грамм в год, как и аспры самого Иоанна. Но если они были выпущены до 1263 г., сколько они еще могли потерять за семнадцать лет царствования Андроника II и Георгия? И сколько они потеряли при Мануиле?

Модель, построенная на основе весов монет, выделенных И. В. Соколовой в качестве собственного чекана Мануила I, имеет одним из параметров не сам законный вес «М», а некий «конечный» вес — законный вес, уменьшенный на стертость, которую монеты приобрели после прекращения чекана. При любой датировке, для любых моделей он находится в пределах 2.88—2.9 грамм. Поскольку только 80% монет Мануила, учтенных на рис. 17, прошли через обращение при Иоанне II, средняя потеря веса за его царствование для этих аспров из коллекции Эрмитажа составит не 0.18, а 0.14—0.15 грамм. Таким образом, законный вес монеты Мануила не может быть меньше 3.02—3.05 г.

Датируя аспры Мануила 1238—1263 гг. исследователь, как сказано выше, должен признать, что в 1263—1280 гг. произошла резкая деградация денежного обращения. И дело не только в том, что монетный фонд мог сохранить свой размер только при том условии, что резко снизилась вероятность ухода монеты из обращения. Минимум законного веса (3.02—3.05 г) может быть законным весом монет Мануила только в том случае, если конечной датой их чекана был 1280 г. Если же ею был 1263 г., то последний чекан этого императора стерся к 1297 г. не только на 0.18 г. за 1280—1297 гг., но еще и на неизвестную величину — за 1263—1280 гг. Минимально возможный законный вес в этом случае будет выше 3.02—3.05 г, выше как раз на столько, на сколько монета стерлась за 1263—1280 гг.

При датировке монет Мануила 1238—1263 гг. моделирование указывает чрезвычайно высокую годовую стертость в это царствование и, соответственно, интенсивность оборота — около 0.018 г. в год при вероятности ухода 0.055. Такая датировка предполагает не только упомянутые резкие перемены в массе денежного обращения, но и резкое снижение интенсивности оборота после 1263 г. — уменьшение среднегодовой стертости: иначе законный вес аспров Мануила приобретает невероятные значения, превосходящие 3.3 г, а аспры Иоанна I приходится рассматривать как чекан по норме, близкой к 3.8 г.

Физическое состояние совокупности этих монет не позволяет сказать, что они потеряли в среднем, соответственно, 10 и 25% своего веса, поэтому необходимо нетрадиционное толкование всего чекана от имени Мануила I как монет самого Мануила и монет его наследников. Стилистическое сходство медного чекана Георгия с рядом аспров Мануила будет при этом служить лишь лишним подтверждением стабильности денежного рынка Трапезунда. Чекан наследников от имени покойного императора будет объясним как компромисс между необходимостью пополнять денежный рынок серебром, нежеланием свидетельствовать на аспрах свое подчиненное положение перед Ильханами и невозможностью поместить имя христианского правителя на монете в качестве прокламации его верховной власти.³⁸ Ильханы, приняв ислам, блюди достоинство государей — помещали свое имя на монете — «Несомненно, одно из достоинств царей заключается в том, что читают хутбу и чеканят монету их именем». ³⁹ Отношение к монетной регалии у их кузенов из дома Бату было схожим: не признав Хубилая (1260—1294) в качестве верховного правителя, они выражали свою независимость через чекан монеты с именем Арибуги, еще в 1264 г. сдавшегося брату.⁴⁰

Модель, в которой аспры с именем Мануила I датируются 1238—1280 гг. идеально соответствует фактическим данным, взятым из публикации И. В. Соколовой. Она предполагает следующие характеристики монеты и обращения для указанного периода: законный вес в 3.032 г, среднюю стертость 0.098 г и обновление обращения (включая увеличение его объема) с «вероятностью ухода», равной 0.08 (рис.17). При таких параметрах несколько большая стертость монет Иоанна, кажется, допускает их законный вес в 3.41 г. — по стопе 1/96. Естественно, никакой речи о том, что Трапезунд стал чеканить монету, чтобы удовлетворить денежные претензии соседей, быть не может.⁴¹ Вероятность ухода — даже 0.08 — ставит предел тому значению, которое могла иметь выплата дани или контрибуций для монетного фонда и оно оказывается несущественным и поэтому неважным.

Понять процессы, происходившие в обращении 1235—1280 гг. до конца все же трудно. Остается неясным время стабилизации величины монетного фонда — оно зависит от степени участия в обращении зоны аспра монет, признаваемых за западно-грузинский чекан, от степени и времени интеграции денежных рынков империи и Грузии. Они же несколько десятилетий влияют на важнейшую характеристику денежного рынка — вес ходячей монеты, в конечном итоге и определявший курсы монет и покупательную способность аспра.

Излагаемая здесь история изменений на денежном рынке Трапезунда может показаться непоследовательной — сначала говорится о монетах 1280—1297 гг., затем — о самых ранних аспрах, следующий же экскурс почему-то посвящен материалу 1332—1340 гг. Такая подача материала обусловлена не

³⁸ *Kurşanskis M.* The coinage... P. 30. «Mongols prevented them from doing otherwise», по его мнению, до 1282—1283 гг.

³⁹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. С. 270.

⁴⁰ *Далай Ч.* Монголия в XIII—XIV вв. М., 1983. С. 37.

⁴¹ Куршанскис относит начало серебряного трапезундского чекана (скифатных монет) на середину 40-х годов и связывает его с указанной потребностью. Чекан же аспров, по его мнению, начался лишь в середине царствования Мануила — в 50-е годы. *Kurşanskis M.* The coinage... — P. 25, 28. Моделирование говорит о такой возможности то же, что и о датировке всех аспров Мануила 1238—1263 гг.

только стремлением сохранить в тексте логику исследования, она диктуется составом источников. Нельзя определить параметры чекана Алексея II по монетам клада начала 1340-х гг., пока не установлено, насколько эти монеты стерлись за 1330—1340 гг. и каков их «конечный» вес. Поэтому анализ веса аспров из клада, поступившего в 1983 г. на аукцион двумя частями, изученными С. Бендаллом с разной тщательностью,⁴² следует начинать не с монет этого императора, а с самых поздних — с монет Василия, ибо для них этот «конечный» вес является действительно конечным и он равен законному. После выпуска младшей монеты монеты клада уже не стирались, так как вскоре они и стали кладом — вышли из обращения.

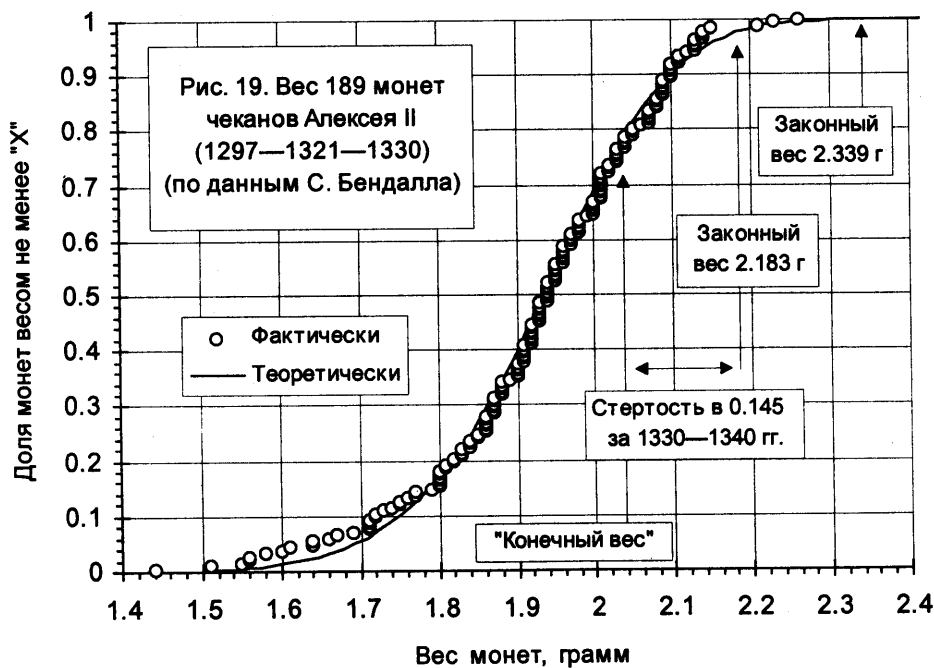
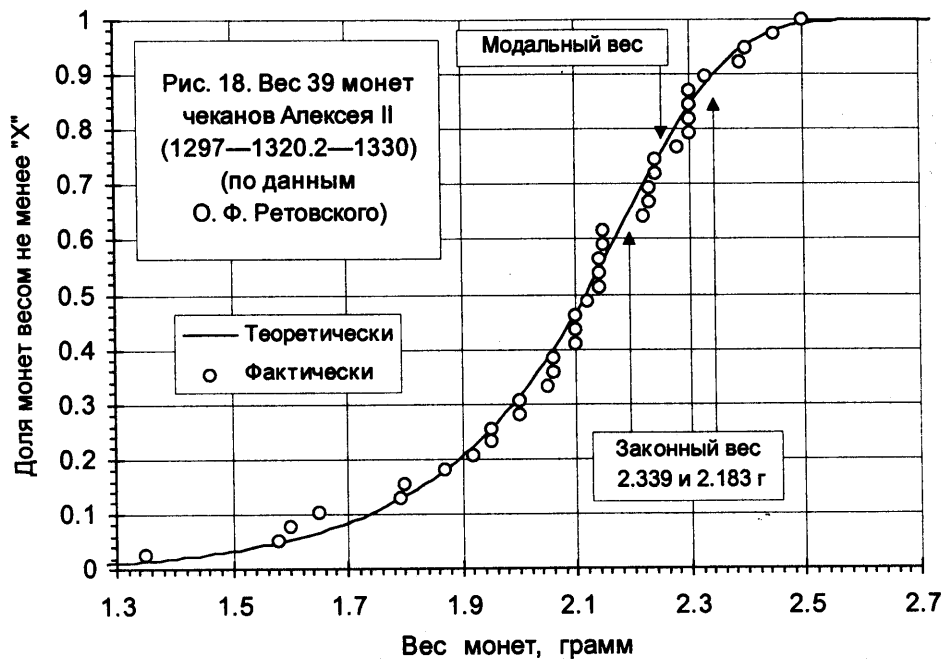
Среди 576 аспров этого клада — 303 монеты Алексея II (1297—1330), 55 монет Андроника III (1330—I.1332), 11 монет Мануила II (I.1332—IX.1332) и 207 — Василия (IX.1332—6.IV.1340). Последовательно применяя методику, продемонстрированную на монетах Иоанна II, в чекане Василия удастся выявить изменение стопы аспров, произведенное в начале 1338 г. Стопа, составлявшая до этого 1/160 либры, была понижена до 1/180 (1.819 г). Норма 1/160 (2.047 г), как оказалось, существовала в империи меньше семи лет — она была введена Андроником III практически сразу после воцарения (рис. 20). Ей следуют малочисленные, и ранее вовсе неизвестные монеты восьмилетнего Мануила II. Снижения стопы были не случайны — аспры, которые стали почти на треть легче монет Иоанна II, за год теряли не 11 мг своего веса, как это было в конце XIII в., а несколько больше — 12 мг. Однако, по сравнению с первой четвертью века — временем правления Алексея II, обращение 30-х годов все же заметно замедлилось — в долгое правление этого императора, средняя стертость составила 15 мг при том, что, без сомнения, начало его правления знало ту же скорость обращения, что и при его отце, а конец — при сыновьях.

Законный вес, пониженный, как сказано выше, Алексеем II по вступлении на престол до 2.339 г, был в употреблении почти четверть века — до 1320—1321 гг. (рис. 18—19) — наличие в обращении пускай стертых, но изначально более тяжелых аспров Мануила I и Иоанна II долгое время давало ходячей монете дополнительный запас прочности, что и избавляло от необходимости понижать законный вес. Но высокая интенсивность обращения монеты все же вынудила это сделать — и стопа была понижена в очередной раз до 1/150 (2.183 г).

Модель, построенная для монет Алексея II по данным клада, указывает на ту же скорость обновления монетного фонда, какую можно вычислить (рис. 21) для правления Василия по 207 его монетам — $(\ln((576-207)/576))/(1342.25-1332.75) = 0.0465$. Отличие от данных, которые предоставляет публикация О. Ф. Ретовского, — 0.06 достаточно существенно, чтобы остановиться на нем отдельно.

Распределение вероятности ухода покладам, состоящих из джучидских монет, следует нормальному закону распределения вероятностей; оно говорит о том, что данные отдельно взятого клада могут существенно отличаться от величины вероятности ухода, реально существовавшей в обращении. Определение ее величины для всей истории трапезундского аспра как 0,055 основывается на убеждении в ее стабильности, извлеченном из анализа золотоордынских монет, и обосновывается тем, что этой величине строго соответствует и начало

⁴² Bendall S. A hoard ...

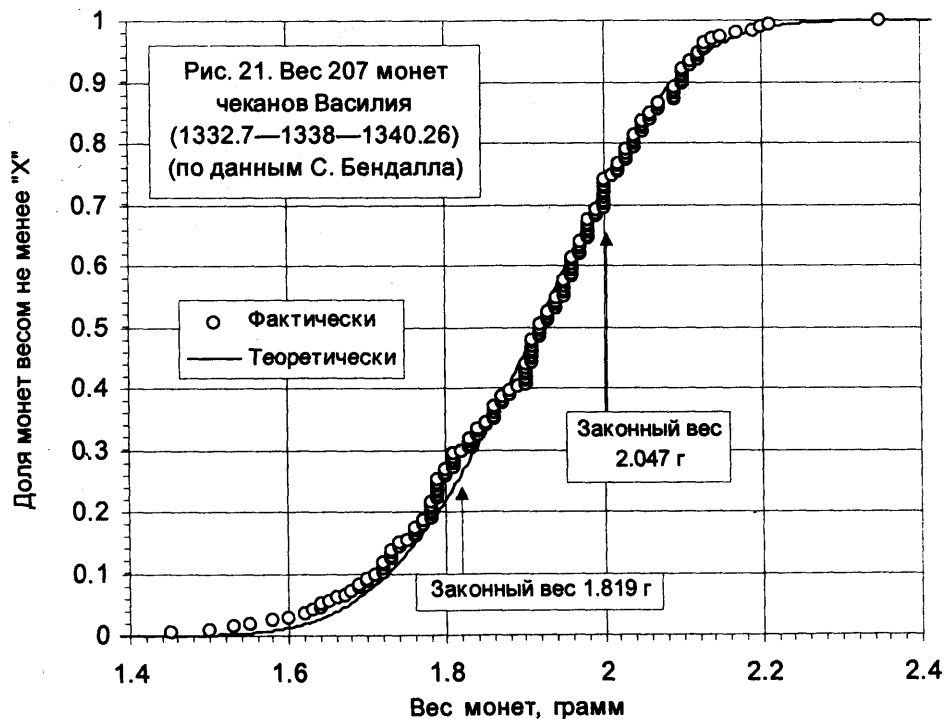
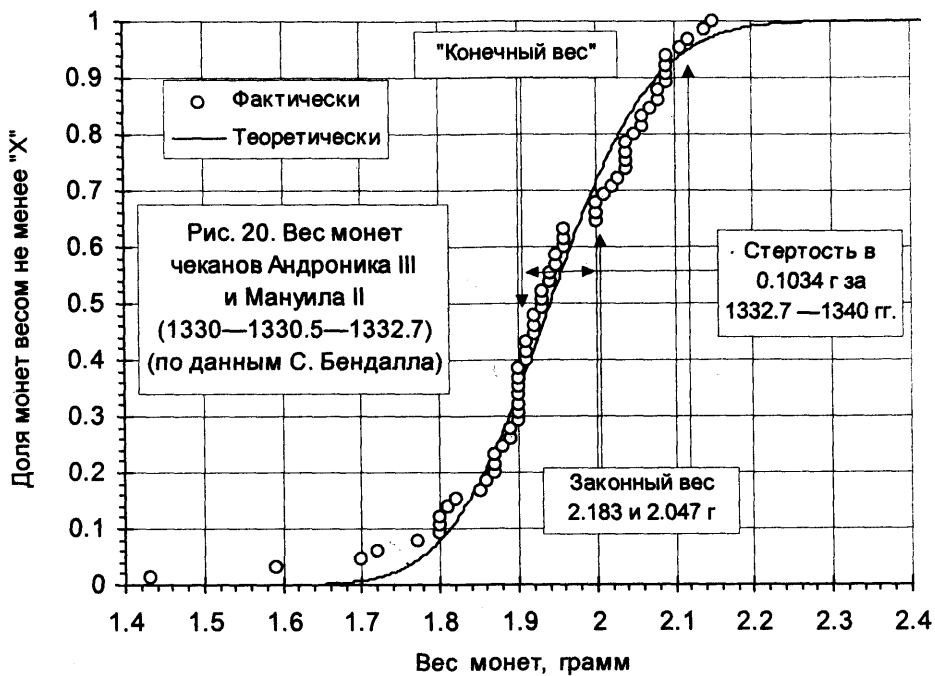

Таблица 4. Хронологические и весовые характеристики чекана Великих Комнинов (* — данные отдельного клада)

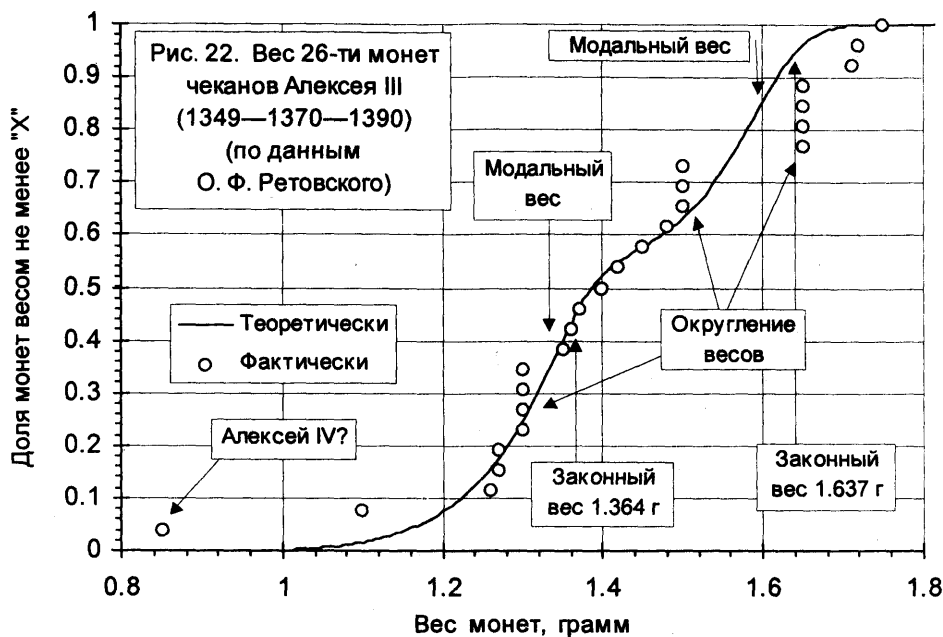
Император	Начало чекана	Конец чекана	Законный вес, грамм	Либра/монет	Дисперсия, мг	Стертость, мг/год	Вероятность ухода
Иоанн I	1236	1238	3.41	1/96	45	9.8	0.08
Мануил I	1238	1263	3.0319	1/108	45	9.8	0.08
Андроник I	1263	1266	(3.0319)	1/108	45	9.8	0.08
Георгий	1266	1280	(3.0319)	1/108	45	9.8	0.08
Иоанн II	1280	(1280)	(3.0319)	1/108	45	9.8	0.055
	1280	(1295)	2.872	1/114	90	10.8	0.055
	(1295)	1297	2.62	1/125	90	10.8	0.055
	(1297)	(1299)	2.339	1/140	90	10.8	
Феодора	1284		(2.872)				
Иоанн II и Алексей II	1297		(2.62)				
Алексей II	1297	(1321)	2.339	1/140	105	9.1*	0.047*
	(1321)	1330	2.183	1/150	105	19*	0.047*
Андроник III*	1330	(1330)	2.183	1/150	90	15	0.073
	(1330)	1332	2.047	1/160	90	15	0.073
Мануил II*	1332	1332	2.047	1/160	(90)	(15)	0.073
Василий*	1332	(1338)	2.047	1/160	110	15	0.059
	(1338)	1340	1.819	1/180	110	15	0.059
Алексей III	1349	(1370)	1.637	1/200	40	5	0.055
	(1370)	1390	1.364	1/240	40	5	0.055
Мануил III	1390	1417	1.129	1/290	40	3.38	0.055
Алексей IV	1417	1429	0.904	1/360	15	2.05	0.055
Иоанн IV	1446	1458	(0.819?)	(1/400?)	(30?)		

обращения аспра и его конец. Данные для этого дают даже не клады, а выборки уже следующего порядка — коллекции, в которых все случайные колебания численности типов усредняются.

Однако, несколько более высокая величина в один из периодов — в правление Алексея, не должна вызывать удивления, — естественно ожидать, что оживление внутреннего товарообмена примерно в полтора раза — об этом говорит увеличение стертости — вызвало хоть какие-нибудь изменения и в обмене серебром с соседями, отчего и возрос на 10% уход монеты из обращения.

История трапезундского аспра после 1340 г. бедна нумизматическим материалом. Краткие царствования Ирины Палеолог (IV.1340—17.VII.1341), Анны Анахутлу (17.VII.1341—4.IX.1342), Иоанна III (4.IX.1342—3.V.1344) и Михаила (3.V.1344—22.XII.1349) оставили нам всего шесть монет последнего.⁴³ Длительное правление Алексея III (22.XII.1349—20.III.1390), представленное лишь двадцатью шестью монетами, взвешенными, к тому же, с округлением весов (рис. 22), очевидно, началось с чекана монеты по уже пониженной в очередной раз до 1/200 (1.637 г) стопе. Лишь через двадцать лет монетчики довели законный вес аспра до 1.364 г. Оправданием для них служит то, что,

⁴³ Retowski O. F. Die Münzen ... S. 158—159.

хотя напряженная экономическая жизнь первой четверти века давно закончилась, вес ходячей монеты все равно ежегодно падал. Стертость, незначительная по сравнению с предшествующими правлениями (4 мг), все равно понуждала понижать законный вес. Вырождение трапезундской серебряной монеты шло более быстрыми темпами, чем аналогичный процесс в Золотой Орде. За XIV в. она полегчала практически вдвое и наследник Алексея III — Мануил III (1390—1416/1417), тяжелейшие монеты которого могут соответствовать стопе 1/240 (рис. 23), перешел к очередному законному весу аспра — 1.129 г (1/290). Завершением же деградации веса трапезундской монеты стал чекан Алексея IV (1416/1417—1429) (рис. 24) по стопе 1/360 (0.904 г).

Достаточно представительный чекан этого императора позволяет надеяться, что в его правление аспр еще играл самостоятельную роль. От предпоследнего Великого Комнина, и последнего, чей чекан известен нумизматам, — Иоанна IV, процарствовавшего почти тридцать лет (1429—1458), до нас дошло около десятка монет весом от 0.73 до 0.9 грамм. В это время в области Южного Причерноморья, до XV в. традиционно входившие в зону аспра и кирманеули, начинают активно проникать иностранные монеты. Для обращения Западной Грузии, Абхазии и Аджарии вкладах фиксируется поступление в регион не только значительных количеств мусульманской монеты, но и заметные — европейской — грошей и полугрошей.⁴⁴ Денежный рынок претерпевает существенные изменения, которые не сводятся к его интернационализации.

⁴⁴ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. Вып. 3. Он же. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Труды Института истории, языка и литературы АН Аз. ССР. Баку, 1938—1957. Т. II—VII.

Процесс утверждения в качестве мировых денег высокопробной и стабильной золотой монеты, какой был венецианский дукат, начался в Восточном Средиземноморье еще в XIII в., теперь он доходит и до Кавказа. Население принимает золотой биметаллизм, не прекращавший свое существование рядом — в империи Палеологов. После этого на денежном рынке, где основной товарооборот обеспечивается поступающим извне золотом, туземная монета может и не выполнять всех функций денег — достаточно будет, если аспр выполняет свою последнюю роль — разменной монеты.

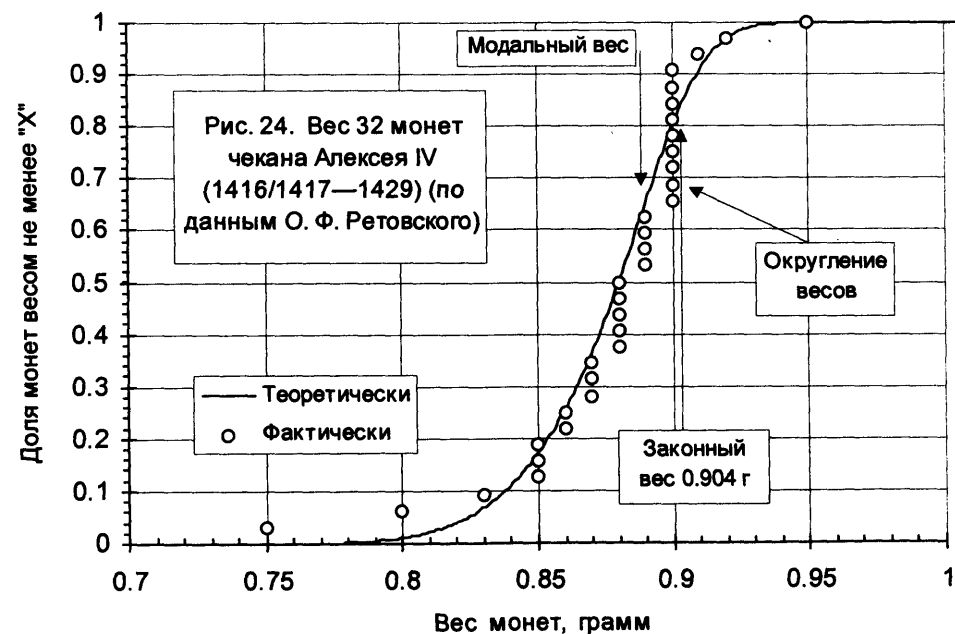
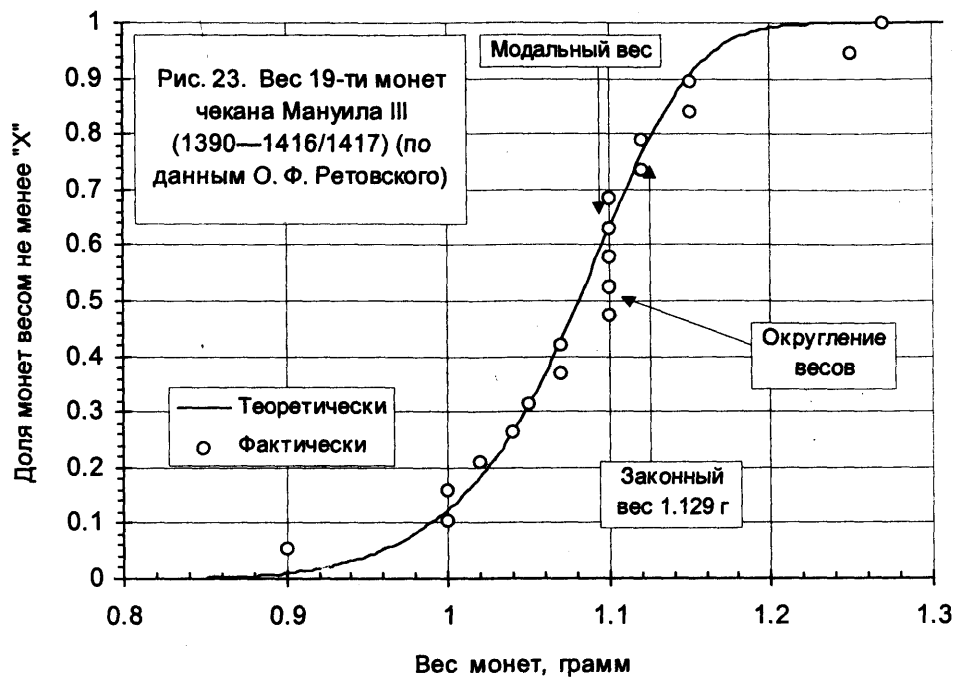
Размер монетного фонда — одна из основных характеристик денежного рынка. Его относительная величина может быть определена, если известно число штемпелей, употребленных для чекана монеты и вероятность ухода монет из обращения. Для Трапезунда эти величины определены выше для периода 1238—1340 гг. Однако, точное время стабилизации размера денежной массы не определено, поэтому приходится делать одно допущение.

Денежная масса росла, когда шел чекан аспров Мануила I, росла, поскольку до этого ее фактически не было. После этого, в 1280—1298 гг., за год в среднем вырезалось 12.1—12.7 штемпелей аверса. При Алексее II, когда в обращение пошли монеты с его собственным изображением, при Андронике III и Василии — около 6. При практически постоянной вероятности ухода — темпе обновления монетного фонда — это может означать только то, что после Иоанна II монетный фонд по разным причинам уменьшался. Поэтому позволительно принять, что между ростом монетной массы и ее уменьшением был период стабильности, приходящийся на время этого императора. Как я сказал выше, 12.1—12.7 штемпелями в год при вероятности ухода 0.055 можно было заменить 5.35% монетного фонда в 238 условных штемпелей. При Алексее II производство монеты снизилось: если в начале царствования монетчики могли пытаться восполнять потери фонда тем же числом штемпелей, что и при его отце, то среднее число 6.2 штемпелей в год, сопоставленное с практически теми же 6 штемпелями для правления Андроника III означает, что перелом в производстве был быстрым. Это, в свою очередь, означает, что объем монетного фонда, который требовал восполнения, снизился тоже быстро или, скорее, одновременно — с уходом Грузии из зоны аспра.

Число штемпелей аверса — 197, с помощью которых Алексей обновлял монетный фонд с середины 1298 по начало 1330 г. при вероятности ухода 0,06 указывает, что он снизился более чем вдвое — с 238 до 106 условных штемпелей. При его сыновьях он не изменился, но после Василия, судя по практическому отсутствию монеты 1340-х годов, произошло резкое уменьшение денежной массы. В среднем во второй половине XIV г. она составляла 36 штемпелей, а в самом конце XIV и начале XV снизилась до 25.

Нам стали известны законные веса, моменты их изменений, количество штемпелей ежегодно (вернее, в среднем ежегодно) выпускавшееся в разные царствования. Известна стала и скорость обновления монетного фонда и, наконец, величины ежегодной потери веса аспрами в обращении империи. Этих величин, в принципе, достаточно, чтобы представить динамику веса реально обращавшейся — ходячей монеты.

Зная вероятность ухода, для каждого из годов возможно вычислить число имевшихся в обращении монет любого года. Их вес в искомый год определяется исходя из их законного веса и вычисленных значений стертости (табл. 4). Средний вес аспров всех лет выпуска, имевшихся в обращении на конкретный

год, и будет весом ходячей монеты. Вместе с пробой он определяет покупательную способность монеты в целом и ее котировку к другим деньгам.

В силу того, что не удалось достоверно определить, какими темпами возрастал монетный фонд до 1280 г. и степень участия в нем кирманеули, вес ходячей монеты до правления Иоанна II на рис. 25, возможно, и завышен. Начиная же с этого императора, падение веса ходячей монеты происходит непрерывно. Переплетенное с понижением законного веса оно явно демонстрирует тенденцию, отмеченную у золотоордынских монет — приближение веса ходячей монеты к законному влечет за собой снижение последнего. Подобное поведение характеристик на рис. 25 еще раз свидетельствует в пользу того, что параметры обращения, приведенные в табл. 4 соответствуют действительности; оно еще раз подтверждает естественность и неизбежность снижения законного веса монет из драгоценных металлов.

Сравнение определенных для аспра законных весов с весом ходячей монеты говорит, что снижение является не злоупотреблением монетной регалией, а мерой государства по стабилизации денежного рынка. Сохранение законного веса, превосходящего вес ходячей монеты, и в Трапезунде привело бы в действие закон Грэшема и из обращения стали бы выходить в первую очередь только что отчеканенные аспры — как самые тяжелые. Результатом этого стало бы снижение качества ходячей монеты ускоренными темпами.

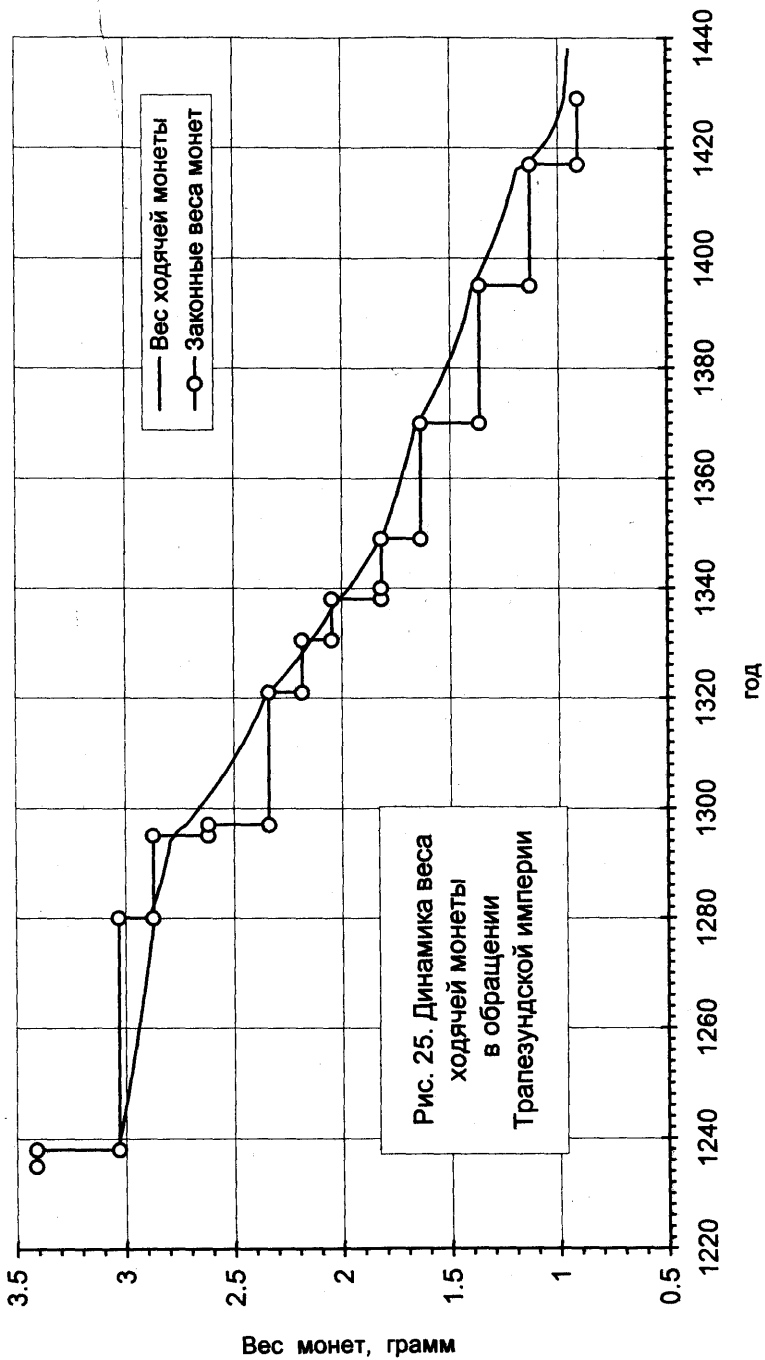

Рис. 25. Динамика веса ходячей монеты в обращении Трапезундской империи

РЕЦЕНЗИИ

**STÖCKLY D. LE SYSTÈME DE L'INCANTO DES GALÉES DU MARCHÉ
À VENISE (FIN XIIIe—MILIEU XVe SIÈCLE).
LEIDEN, NEW YORK, KÖLN, 1995. P. 435.**

«Quod vita et salus nostra est quod galee nostre navigent et quod non impediatur ullo modo et quod non perdamus tempus nostrum». Эта выдержка из постановления венецианского Сената от 11 августа 1377 г. показывает место навигации в жизни Республики св. Марка, а следовательно, и безусловную ее притягательность для исследователя истории Венеции. Дорис Штэкли, эпиграфом к книге которой послужила приведенная выше цитата, посвящает свою работу изучению государственной навигации Венеции конца XIII—первой половины XV вв., организационно оформившейся в рассматриваемый период в систему так называемых «галей линии». Книга состоит из 5 глав, введения, заключения и приложения, включающего фрагменты из использованных автором и ранее не публиковавшихся архивных источников. Часть приложения, содержащая таблицы уровня инканти галей Романии, Кипра, Александрии, Бейрута, Фландрии, Эг Морта и Берберии за весь рассматриваемый период, может служить отличным справочным пособием, равно как и удобный индекс имен, географических названий и терминов в конце книги.

Многие сюжеты, излагаемые Д. Штэкли, уже и ранее являлись предметом непосредственного исследования, о чем свидетельствует весьма обширная приведенная библиография. Однако комплексное изучение всех сторон организации навигации «галей линии» в рамках всего Средиземноморского региона предпринимается впервые. Автор совершенно справедливо обосновывает такую широту постановки темы тесной взаимосвязью между «вояжами» галей различных маршрутов: «система флота, основа экономического положения Венеции, может быть проанализирована только в комплексе, принимая во внимание все «линии», которые связывали все основные фондако Средиземноморья» (с. 42).

Монография имеет довольно сложную дробную структуру. Введение знакомит читателя с исследовательской методикой автора, в частности с использованием электронных таблиц и графиков, а также дает общую картину политического и экономического положения в Средиземноморье в XIII—XV вв. Первая глава посвящена изучению главным образом теоретических аспектов навигации «галей линии». Речь в ней идет об анализе формуляра основных источников, о выработке отдельных правовых норм. Вторая и третья главы рассматривают осуществление на практике основных принципов навигации Республики св. Марка. Описание всех маршрутов, по которым осуществлялись вояжи «галей линии», дается по следующей схеме: исторический экскурс, общая характеристика маршрута: путь и остановки, календарь вояжа (день отбытия и прибытия, продолжительность стоянок), проведение аукциона, число галей, сдававшихся с торгов. Все представленные разделы снабжены таблицами и картами. Особый интерес представляет, на наш взгляд, попытка

автора вписать историю навигации «галей линии» в общий контекст событий, происходивших в регионе в рассматриваемый период. Далее автор подробно останавливается на различных аспектах организации и осуществления вояжей, исследует структуру расходов и доходов, рассматривает институт «подрядчиков» (*participes*). В четвертой главе речь идет о составе экипажей. Наконец, пятая глава рассматривает факторы, вносившие дисбаланс в функционирование системы галей линии (плохое состояние судов, недокомплектованность экипажей, задержки с отплытием судов и т. д.), а также анализирует технические нововведения и общие изменения ситуации в Средиземноморье в XV в. В заключение исследуются причины, способствовавшие успеху государственной навигации в Венеции, и намечаются возможные перспективы исследования. В основе монографии — главным образом неопубликованные материалы не только активно изучаемых в применении к рассматриваемым сюжетам фондов Государственного архива Венеции, архива Датини в Прато, Библиотеки Марциана и Библиотеки Музея Коррер, но и собрания архивов Дубровника и Котора.

Задавшись целью проследить становление и развитие системы инканто торговых галей в Венеции, автор исходит из того, что государственное регулирование проявлялось на самых различных уровнях. Речь идет о постройке галей и о правах собственности на них, об их оснащении и управлении. Все эти сюжеты подробно рассматриваются в работе на основе источников и прежде всего текстов постановлений Сената, принимаемых в связи с организацией конкретного вояжа «галей линии», так называемых «*Ordines*» и «*Incanti*». Уже в этой части работы ощущаются изъяны, на наш взгляд, существенно влияющие на доказательность выводов автора. Так, формуляр инканти исследуется фактически на основе пяти текстов с большим хронологическим (1302, 1303, 1334, 1424 и 1447 гг.) и географическим (Романия, Фландрия, Берберия) разрывом. В результате вывод, к которому приходит автор: тенденция к увеличению числа параграфов в постановлениях Сената об инканти и их продолжительности (с. 62—64), — носит самый общий характер. Думается, вернее было бы говорить о нескольких этапах эволюции формуляра. Объем наиболее ранних постановлений Сената по «галейм линии» (1330-е—1340-е гг.) довольно значителен (в среднем 2 листа), очевидно, с одной стороны, из-за того, что в эти годы — годы подъема — число галей, входивших в состав *mudaе* достигало 8, а с другой, такой объем ранних постановлений — следствие того, что норма не была еще окончательно выработана и закреплена, ввиду чего практически каждый год в постановления вносились изменения и дополнения. Постепенно устанавливается практика, когда постановления Сената включают в себя только самое основное и являются, по сути дела, лишь констатацией самого факта посылки галей. Наконец, в начале XV в. устанавливается обычный объем постановления — примерно 2—3 листа.¹

Далее Д. Штэкли сопоставляет инканти с другим чрезвычайно важным для изучения навигации галей линии документом — инструкцией капитану. Предположив, что два этих текста (инканти и инструкция) развивались параллельно, она, как нам кажется, недостаточно обоснованно заявляет: «информационная насыщенность *commissiones* возрастала на протяжении XIV в., так же,

¹ Более подробно об этом см. выше: *Тальзина А. А.* Типология и эволюция формуляра документальных источников по истории навигации «галей линии» в Венеции.

как и инканти» (с. 69—70). Абсолютно неясно, однако, на основании чего делается такой вывод, учитывая, что полных текстов *commissiones* для XIV в. не известно. Нам представляется верным наблюдение автора, что существовала определенная взаимосвязь между эволюцией формуляров комиссион и инканти, однако мы не согласны с ней в оценке направления этой эволюции. Д. Штэкли ничего не сообщает о постановлении Сената 1414 г., в соответствии с которым в формуляр перестали включаться устаревшие нормы. Это, естественно, значительно повлияло на объем *commissiones*, но отнюдь не в сторону его увеличения, как это утверждается в рецензируемой работе. Сомнительно определена, на наш взгляд, и сама природа *commissio* как «своего рода контракта, заключаемого между Республикой и капитаном» (с. 64).²

Большой интерес представляет, на наш взгляд, предположение автора, что ряд положений постановлений об инканти восходит к навигационным статутам XIII в. (с. 62, 73). Однако, к сожалению, эта мысль, как и многие другие, не получила в работе ни своего подтверждения, ни развития.

Рассмотрение уровня инканти как индикатора конъюнктуры уже неоднократно предпринималось исследователями в применении к отдельным «линиям» и хронологическим периодам.³ Д. Штэкли представляет 6 графиков, в которых сведены воедино материалы по всем семи направлениям навигации галей за 1332—1453 гг. (с. 228—233). При этом она совершенно справедливо замечает, что, если для начала исследуемого периода «суммы инканти, безусловно, являлись индикатором конъюнктуры, то в XV в. необходимо все больше и больше принимать во внимание «дары» (дотации патроном) (с. 225). Замечает справедливо, но при составлении графиков суммы «даров» не учтены. Таким образом аналогичные графики по размерам инканти галей Романии, составленные С. П. Карповым, который принимал во внимание минусовые показатели инканти, являются, на наш взгляд, более точными.

В одной из глав своей работы Д. Штэкли пытается поднять довольно интересную и в целом малоизученную проблему идентификации судов, а также представить историю некоторых галей (с. 194—204). Однако крайняя скудость сведений, сообщаемых источниками (чем, видимо, и объясняется лакуна в историографии), привела к фрагментарности изложения.

Наиболее интересна, на наш взгляд, 4 глава книги «Действующие лица». Автор и ранее проявляла вкус к просопографическим исследованиям, свидетельством чему ее специальная статья на эту тему.⁴ Анкета Д. Штэкли включает в общей сложности около 7000 имен патронов, капитанов, арбалетчиков, комитов и прочих официалов и субалтернов, имевших отношение к навигации «галей линии». В центре исследования вопросы взаимоотношений между различными профессиональными группами, внутрисемейных связей, профессиональной карьеры на флоте. Автору удастся проследить жизненный путь некоторых своих героев на протяжении нескольких десятилетий. Подобное исследование предпринимается в историографии впервые и является несомненным достоинством монографии. Отчасти обедняет, на наш взгляд, работу

² О природе *commissio* см.: Тальзина А. А. Типология...

³ См., например: Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. М., 1994. С. 68—70; Thiriet F. Quelques observations sur le trafics des galees vénitiennes d'après les chiffres des Incanti, XIVe et XVe siècles // Studi in onore di A. Fanfani. Vol. III. Milano, 1962. P. 495—522.

⁴ Ströckly D. Les protagonistes de la navigation vénitienne d'État en mer Noire (XIIIe—XVe siècles) // Thesaurismata 23 (1993) P. 81—90.

использование сугубо архивных источников, главным образом материалов из фондов *Senato, Misti, Prove, Avogaria di Comun* и *Notatorio del Collegio*, а также *Registro dei Regimenti* из Библиотеки Марчиана при реконструкции биографий. Сама исследовательница отмечает значительные лакуны в документации, касающейся капитанов (с. 299), информация об арбалетчиках представлена лишь за период 1430—1436 и 1442—1452 гг., имена же супракомитов остаются, по ее признанию, практически всегда неизвестными (с. 181). Обращение к нарративным источникам в данной ситуации представляется нам вполне оправданным. Например, Франческо Кокко,⁵ фигурирующий в монографии лишь как патрон галей Бейрута 1421 г. (с. 216), являлся также супракомитом при Генеральном Капитане Моря Якопо Тревизане в 1417 г.,⁶ а в 1431 г. — провведитором флота, организованного для борьбы с герцогом Миланским.⁷ Таким образом материалы хроник не только существенно дополняют документальную информацию, но и служат подтверждением гипотезы Д. Штэкли, что «патроны и капитаны торгового флота также исполняли должности в флоте военном» (с. 274).

Очень интересны, на наш взгляд, выводы автора, касающиеся так называемой «классической» карьеры на флоте, когда молодой нобиль проходил все стадии «профессионального роста» от арбалетчика до капитана. Статистические данные, приводимые Д. Штэкли, убедительно доказывают, что такой путь был, вероятно, лишь одним из возможных и, притом, кажется, не слишком распространенным (с. 294—299).

Анализ биографий приводит исследовательницу к важному выводу о тесной взаимосвязи между государственной и частной навигацией. Речь идет не только о том, что зачастую в состав *midae* входили суда всех пяти типов, по классификации Ф. Лэйна (с. 83). Сами патроны и капитаны, занимая должности в государственном флоте, параллельно могли являться собственниками частных судов (с. 201). Этот вывод подводит нас к проблеме, как нам кажется, не достаточно акцентированной в работе Д. Штэкли: взаимоотношения между различными группировками венецианского нобилитета и их влияние на выработку государственной политики Республики св. Марка в области навигации. Автор совершенно справедливо замечает, что «поскольку купцы, патроны и капитаны составляли значительную часть венецианского правящего “класса”... их личные взгляды и интересы влияли на решения общегосударственного значения» (с. 79). Но при этом, с одной стороны, остаются за кадром механизмы этого влияния, с другой, создается несколько упрощенное, на наш взгляд, представление о единстве нобилитета Венеции. Впечатление это только усиливается на протяжении всей работы: «прямая связь между политической и экономической свидетельствует об одной общей цели: *gloria nostri dominationis*, включая торговлю» (с. 70); «участники навигации, равно как и государство, стремились прежде всего к коммерческой выгоде» (с. 40). Однако на практике такая благостная картина далеко не всегда находила свое подтверждение. Доказательством тому может служить

⁵ Полностью реконструкцию биографии Франческо Кокко см.: *Талызина А. А.* «*Commissio* капитану галей Романии» (1412 г.) как источник по истории венецианской навигации. М.: МГУ, 1994. (Машинопись дипломного сочинения). С. 88—92.

⁶ *Sanuto M. Vitae Ducum Venetorum* // *RIS*. Т. XXII. Milano, 1733. P. 913.

⁷ *Sanuto M. Vitae...* P. 1014—1017; *Navagero A. Historia Veneta* // *RIS*. Т. XXIII. Milano, 1733. P. 1095—1096.

пример инканто 1412 г., когда, несмотря на все усилия Сената организовать «вояж» в Трапезунд, из-за неблагоприятной конъюнктуры эта галей так и не нашла патрона.⁸ С другой стороны, не только и не столько соображения экономической выгоды, сколько государственного престижа и опять-таки интересы отдельных группировок заставляли государство авансировать значительные средства для поддержания навигации «галей линии» в кризисные периоды.

Д. Штэкли отмечает, что помимо чисто коммерческих функций, галей линии зачастую выполняли и политические и дипломатические поручения, т. е. участвовали в перевозке венецианских официалов, а также «высоких персон», не являвшихся гражданами или подданными Республики св. Марка. Предпочтение именно этим транспортным средствам отдавалось ввиду высокой степени их надежности и безопасности. Однако мы не можем согласиться с утверждением автора, что «торговые галей часто были обязаны бесплатно перевозить венецианских официалов, что вызывало недовольство патронов» (с. 79). Вопрос об условиях, на которых осуществлялись подобные перевозки, действительно являлся источником постоянных конфликтов между патронами, официалами и государством. Причина этого, на наш взгляд, в несогласованности позиций государства по этому вопросу, когда одновременно могли действовать несколько правил, утверждавших прямо противоположное. Так, например, «Commissio капитану галей Романии 1412 г.» предоставлял право на бесплатный проезд и провоз багажа только послам Венецианской республики, а «ректоры» (консулы, байло и прочие) должны были платить фрахт по соглашению с патроном (в противном случае сумма фрахта определялась дожем, канцлером и главами Кварантии).⁹ В то же время постановление Сената от 13 июня 1412 г. утверждает буквально следующее: «Должны на названных галей и равным образом на всех прочих наших судах в случае необходимости перевозиться послы, проведиторы и нунции наши как по пути “туда”, так и “обратно” без всякого фрахта со своими слугами и багажом, и равным образом должно перевозить наших ректоров».¹⁰ Несмотря на явное противоречие друг другу, оба пункта были утверждены Сенатом. Стоит ли удивляться непрекращающимся тяжбам между патронами и официалами по этому вопросу?¹¹ В любом случае, на наш взгляд, говорить о «бесплатном» проезде некорректно, поскольку зачастую само государство оплачивало провоз своих официалов, освобожденных от уплаты фрахта.¹²

Сомнительным, на наш взгляд, является также утверждение Д. Штэкли, что «патроны часто оспаривали между собой право перевозки путешественников, купцов и паломников, венецианцев или иностранцев, поскольку те оплачивали свой проезд» (с. 79). Прежде всего, как нам кажется, существовали различия в положении иностранных купцов и граждан республики. С послед-

⁸ ASV, Senato. Misti (далее — SM), XLIX, f. [116v—118r] 118v—120r.

⁹ ASV, Senato, Secreta. Commissioni, Formulari (далее — SSCF), IV, f.21r, # 62.

¹⁰ SM, XLIX, f. [117r] 119r.

¹¹ См., например: SM, XLVIII, f. 78r; f. 90r (конфликт между патронами галей Романии 1409 г. и канцлером Таны Даниелем Лореданом) или *Thiriet F. Délibérations des assemblées vénitiennes concernant la Romanie*. Т. 1—2. Paris—La Haye, 1966—1971, № 1249 (аналогичная ситуация в 1421 г. с консулом Таны Эрмолао Валарессо).

¹² Примеры см.: *Карпов С. П. Путиами...* С. 126.

них, как и с их слуг, платы за перевозку на «галейх линии» вовсе не взимали (за исключением расходов на питание). Аналогичное правило распространялось на иностранцев, если фрахт с их товаров превышал 40 дукатов. В противном случае плата за проезд взималась в соответствии с существующими расценками.¹³ Возможности «оспаривать» права перевозки также были невелики, поскольку государство всегда стремилось создать максимально равные условия для всех участников вояжа галей.

Как уже отмечалось, работа Д. Штэкли изобилует различного рода статистическими выкладками, графиками и таблицами. Вместе с тем, далеко не всегда ясны принципы отбора материала, прежде всего при составлении таблиц. Обратимся для примера к таблице 3. В.1. «Засвидетельствованная продолжительность вояжей галей Романии» (с. 116). Согласно подсчетам Д. Штэкли, за период с 1301 по 1453 г. было осуществлено 138 вояжей галей Романии, в состав которых входило 464 судна (с. 98). Предлагаемая таблица включает информацию по 18 вояжам. Уже этот факт вызывает сомнение в достаточной репрезентативности подобной выборки. В трети (6 из 18) анализируемых автором случаев дата возвращения из вояжа неизвестна даже приблизительно. В итоге вывод исследовательницы, что продолжительность вояжа галей Романии составляла в среднем 6 месяцев, носит самый общий характер и, по нашему мнению, не вытекает из самой таблицы. Приводимый автором пример вояжа 1432 г., длившегося 284 дня (с. 115), не может, на наш взгляд, быть показательным, поскольку тогда на «галейх линии» была возложена миссия экстраординарного характера: им было поручено освобождение венецианцев, заточенных генуэзцами в тюрьму Каффы.¹⁴ Присутствуют в таблице и некоторые фактические ошибки. Так, согласно таблице, отправление галей Романии 1412 г. состоялось 23 июля. Постановления же Сената свидетельствуют, что дата отплытия была перенесена с 18 июля¹⁵ на 25.¹⁶ А по сведениям Б. Думера, в действительности галей Романии и Таны покинули порт Венеции лишь 27 июля.¹⁷

Аналогично в таблице 4. Н. («Примеры распределения каратов») из 121 рейса без объяснений выбираются 7 (с. 250—254).

По нашему мнению, монографию Д. Штэкли можно условно разделить на две части. Введение, глава 5, а также отдельные параграфы глав 1, 2, 3 основаны на глубоком знании автором историографии. Здесь историк не предлагает новых концепций, синтез в этой части работы, по нашему мнению, превалирует над анализом. Прекрасный исследовательский потенциал автора в полной мере раскрывается в 4 главе, а также в тех разделах предыдущих глав, в которых Д. Штэкли вводит в научный оборот новые источники (например, впервые исследует институт *participes* и поднимает проблему коллективного руководства торговыми галейми на основании фонда *Prove, Avogaria di Comun* (с. 243—267) либо обращается к изучению иных «нетрадиционных» для предшествующей историографии сюжетов (с. 194—204).

¹³ SM, XLIX, f. [31r] 32r; f. [117v] 119v.

¹⁴ Подробней об этом см.: *Тальзина А. А. Типология...*

¹⁵ SM, XLIX, f. [116v] 118v.

¹⁶ SM, XLIX, f. [129r] 131r.

¹⁷ *Doumerc B. La crise structurelle de la marine vénitienne au XVe siècle; le problème du retard des mude // Annales ESC. Mai—Juin, 1985. № 5. P. 609.*

Хотелось бы отметить в качестве безусловного достоинства монографии знакомство Д. Штэкли и с некоторыми работами отечественных историков.¹⁸

В заключение следует сказать, что монография Д. Штэкли, вышедшая в серии «The Medieval Mediterranean: peoples, economies and cultures 400—1453», безупречна по полиграфическому исполнению и очень удобна в работе. Она представляет несомненный интерес для широкого круга специалистов по экономической, социальной и политической истории Средиземноморского региона и, несмотря на приведенные выше критические соображения, является серьезным и глубоким исследованием, заслуживающим весьма высокой оценки.

А. А. Талызина

¹⁸ Исправим небольшую неточность в библиографическом указателе: автором статьи «Торгово-экономические отношения Кипра с государствами Средиземноморья в 1192 — 1373 гг.» является не С. П. Карпов, а С. В. Близнюк (с. 411).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИК	Археологические исследования в Крыму
АН	Архитектурное Наследство
АП	Αρχαίον Πόντου
ВВ	Византийский Временник
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАН Украины	Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИФЖ	Историко-филологический журнал
КФ ИА НАН Украины	Крымский филиал Института археологии национальной Академии наук Украины
МАИЭТ	Материалы по истории археологии и этнографии Таврии
МИА	Материалы и исследования по археологии
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
СА	Советская Археология
ЦГВИА	Центральный Государственный военно-исторический архив
ФКМ	Феодосийский краеведческий музей
АВАВ	Abhandlungen der Bayerischen Akademie des Wissenschaften. Philos.-hist. klasse
ASG	Archivio di Stato di Genova
ASLSP	Atti della Società Ligure di Storia Patria
ASV	Archivio di Stato di Venezia
AV	Archivio Veneto
BS	Byzantinoslavica
BBMSW	Berliner Blätter für Münz- Siegel- und Wappenkunde
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CMRS	Cahiers du monde Russe et Soviétique
NC	Numismatic Cronicle
REB	Revue des Études byzantines
REI	Revue des Études islamiques
RESEE	Revue des Études sud-est Européennes
RIS	Rerum Italicarum Scriptores / ed. L. Muratori
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Preface	7
С. П. Карпов. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья	9
С. Г. Бочаров. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII—вторая половина XV вв.)	82
О. Н. Барабанов. Новые материалы о статусе burgenses Генуэзской Каффы ..	117
С. В. Близнюк. Кошелек и жизнь генуэзцев в Константинополе и Адрианополе в середине XV в.	126
Л. Г. Климанов. Обретение Венецией моря: право, политика, символы	145
А. А. Талызина. Типология и эволюция формуляра документов по истории навигации «галей линии» в Венеции	164
Р. М. Шужуров, Д. А. Коробейников. Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223—1230 гг. (загадка текста Иоанна Лазаропула)	178
А. Л. Пономарев. Денежный рынок Трапезундской империи XIII—XV вв. .	201
А. А. Талызина. Рецензия на книгу: <i>Stöckly D. Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe—milieu XVe siècle)</i> , Leiden, New York, Köln, 1995. P. 435.	240
Список сокращений	247
Оглавление	248

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественный редактор:

Пономарев А. Л.

Художник:

Пономарев А. Л.

Редактор:

Румянцева Л. Ю.

Оригинал-макет:

Пашковская Н. И.

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА. ВЫПУСК 3

Издательство «Алетейя»

Санкт-Петербург, ул. 2-ая Советская, д. 27

Телефон: (812) 277-2119

Факс: (812) 277-5319

Сдано в набор 10.07.1997 г. Подписано в печать 20.11.1997 г. Бумага офсетная.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Тираж 800 экз. Заказ №3591

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, д. 12.

Printed in Russia